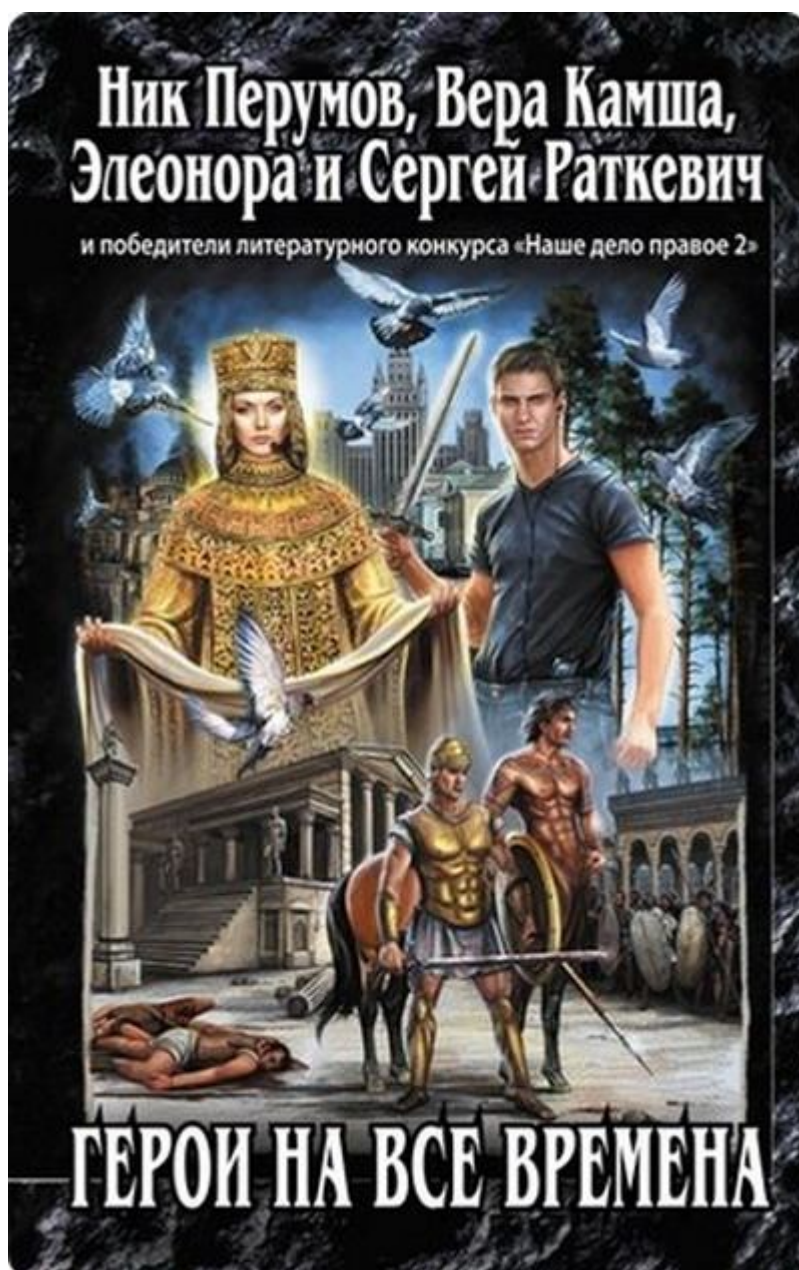

Вера Викторовна Камша Ник Перумов Элеонора
Генриховна Раткевич Сергей Раткевич Татьяна Апраксина
Эльберд Гаглов Антон Тудаков Валерия Малахова Алесь
Куламеса Вук Задунайский А. Н. Оуэн Татьяна Юрьевская
Юлиана Лебединская Александр Путятин Глеб Паршин
Ольга Власова Алена Дашук Алекс Козловцев Дмитрий
Дзыговбродский Юлия Игнатовская Мария Широкова
Анастасия Панина Евгений Белов Ирина Барковская
Константин Сыромятников Надя Яр Маргарита Кизвич
Герои на все времена

<http://www.flibusta.net/b/195912>

««Герои на все времена: сборник фантастических произведений »»»: «Эксмо»; Москва;

2010

Аннотация

Прошлое, далекое и совсем близкое. Настоящее. Будущее. Вымышленные миры и Константинополь, Лондон, Москва, Поволжье, Беларусь, Нью-Йорк... Магия и механика, мистика и наука, пастораль и антиутопия, притча и боевик — все смешалось в этой книге. На любой вкус и герои — генерал и домовой, дворник и князь, самолет и дракон, бог и кот, священники, оборотни, кентавры, артиллеристы, милиционеры, ученые — они такие разные, и все же есть, есть у них общее:

Это на них во веки веков прокладка дорог в жару и в мороз.

Это на них ход рычагов; это на них вращенье колес...

Это на них...

И нынешний сборник — дань чувству справедливости, попытка хоть как-то изменить баланс литературных весов в пользу тех, кто создает и хранит. Нелишних людей. Героев на все времена.

Татьяна Апраксина

А.Н. Оуэн

Ирина Барковская

Евгений Белов

Ольга Власова

Эльберд Гаглов

Алена Дашук

Дмитрий Дзыговбродский

Вук Задунайский

Юлия Игнатовская

Вера Камша

Маргарита Кизвич

Алекс Neuromantix Козловцев

Алесь Куламеса

Юлиана Лебединская

Валерия Малахова

Анастасия Панина

Глеб Паршин

**Ник Перумов
Александр Путьятин
Элеонора Раткевич
Сергей Раткевич
Константин Сыромятников
Антон Тудаков
Мария Широкова
Татьяна Юрьевская
Надя Яр
ГЕРОИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА**

СЕКУНДЫ

*О, как жизнь вынуждает секунды считать!
Омерзителен страх — не успеть, опоздать.
Я включаю огни — пусть горят, где темно,
Перископ — на поверхность, а мины — на дно,
Нам снарядов хватает, есть боекомплект,
Дыр в бортах и пожара на камбузе нет,
Вот я вышел на линию, принял удар.
Мало времени. Черт! Подал голос радар.
Цель в квадрате Б-2, выпускаю торпеду,
Миг на капитуляцию, два — на победу.
Всем наверх! Эй, была же команда — вперед!
Ускорение, правда, энергию жрет,
Но зато в технологии явный прогресс -
ICQ, телефон, Интернет, SMS,
На экватор мой крейсер свой курс наострил,
А за кругом Полярным недавно я был,
Если сушь, это значит — быть скоро потопу,
Две секунды на Азию, три — на Европу.
Пробки, визг тормозов и рекламный буклет,
Я ложился на дно, если выхода нет,
Заседания, брифинги, речи, законы,
Ледяные торосы, ледоколы, циклоны,
Принуждение к миру, соблазнение к войне,
Дело даже не в принципе, дело — в цене,
Мои пушки палили, разнося биосферу,
Пять секунд на надежду и десять — на веру.
Адреса, выступления, сайты и сводки,
Ночь должна быть без сна, день же требует водки,
Опадает листва, скоро грянут морозы.
Подарить тебе лилии? Может быть — розы?
Орхидеи, свеча и бокал на столе.
В революции дело? Или просто в вине?
Что ты хочешь? — спрошу я тебя вновь и вновь.
Три секунды на ненависть, сто — на любовь.
Нес потери мой флот, уходил, огрызаясь
И зубами противнику в шею вонзался,
Есть покамест патроны, клинки не тупятся,
А секунды ордою вослед нам толнятся,
Самолеты и консульства, близи и дали,
Тормоза что-то снова у нас отказали,*

*Мы привыкли бороться и сопротивляться,
Отдавать, забирать, добывать, добиваться.
О, как жизнь вынуждала секунды считать!
Как я знал липкий страх — не успеть, опоздать,
Эффективность не то же, что бесчеловечность.
Миг на смерть, а на жизнь нужно больше, чем вечность.*
Вук Задунайский

ЕЩЕ РАЗ ОБ АТЛАНТАХ...

«Герои на все времена». Странное название, не правда ли, тем более сейчас? Мы живем в эпоху великих перемен, а великие перемены подразумевают смену кумиров. Какое там «на все времена», когда рушатся памятники, переименовываются города и целые страны, черное провозглашается белым, белое — черным или просто вымарывается! «Вчера еще доламывали церкви, теперь ломают статуи вождей, — констатирует Александр Городницкий. — Истории людской досадный выброс...» Война памятников и памяти становится мировой, но и она, и прочие войны, споры, выяснения, осознания возможны лишь потому, что кто-то «держит небо на каменных руках», как держал сто, двести, тысячу лет назад. Не требуя поклонения, не размениваясь на склоки, не считая свою беду или обиду поводом бросить это самое небо к чертям собачьим и отправиться мстить или страдать. Эта книга о них. Атлантах Городницкого. «Детях Марфы» Киплинга.

...А Детям Марфы достался труд и сердце, которому чужд покой.

Сейчас такое не в моде (хотя когда это капитан Миронов затмевал в глазах читателей и тем паче читательниц великолепного Дубровского?). На книжных страницах засилье уголовников, коррумпированных политиков, непризнанных гениев, которым раньше мешала советская власть, а теперь непонятно что, да девиц легкого поведения, неоднозначных и местами страдающих. По фантастике и фэнтези тоже бродят толпы героев, ничего из себя не представляющих, но ждущих (и дожидающихся!) волшебника в голубом вертолете, который подарит эскимо и дюжину магических артефактов; тех же, кто имел несчастье героя даже не обидеть, но не возлюбить, накажет по всей строгости. Ну а покуда волшебник не явился, будем бурчать и ворчать.

Не спорим, сидеть и смотреть с тоской, как печально камин догорает, — элегантно, особенно если сопровождать смотрение думами о судьбах отечества и собственной исключительности. Но для этого как минимум нужны кресло, камин и дрова. Нужны сатрапы, дабы в комнату с камином не ворвались взбунтовавшиеся мужички или разбойнички, нужна армия, чтобы в нее же (комнату) не вломились чужеземные захватчики, нужны торговцы, дабы обеспечить мыслителя чаем и кофе, нужны учителя — выучить будущего мыслителя читать и писать, нужны те, кто выращивает хлеб, так как на голодный желудок много не намыслишь, нужны, нужны, нужны... Только их, делающих свое дело, не всегда разглядишь. Зато тема «выломившихся из жизни» прочно въелась в наш менталитет и систему ценностей, оказав огромное влияние на российские умы, сподвигая любить непонятых, непризнанных, тех, кто «вне» и «против». Вот «против» — и точка.

Упаси нас мироздание покушаться на великую русскую литературу, но как же поспешно порой зачисляем мы вслед за школьными учебниками «лишних людей» в положительные герои, снисходительно жалея максим максимычей и осуждая корыстных штольцев. То ли дело разгневанный Чацкий, не дрогнувший пред старухой Раскольников или осенние чеховские интеллигенты!

Но давайте немного задумаемся над тем, что же значит быть «лишним». Пожалуй, любая из бездумно затверженных формулировок способна причинить зло, но даже в общем их ряду понятие «лишние люди» на особом счету. Слишком легко перепутать надпись на литературном ярлыке с внутренним содержанием. В результате возникает странное и страшное убеждение, что быть лишним — это хорошо, быть ненужным — правильно, быть исторгнутым из своего времени, изъятым от всяческого дела — это и есть наидостойнейшая

цель, к которой следует стремиться.

Стремиться к тому, чтобы силы твои и разум так и остались невостребованными, ухнули в провал, в никуда, расточились бессмысленно и бесследно? Неужели пустота, дыра, провал, прорва, тотальное ничто — это и есть смысл жизни? А ведь восторженные девушки-курсистки из рассказа, написанного на рубеже прошлого столетия, на полном серьезе обсуждают: «Как и что нам следует делать, чтобы погибнуть?» Это не плод воспаленного писательского воображения, а закономерное развитие тезиса «Быть лишним, быть ненужным — хорошо и правильно».

«Лишние люди» стали феноменом культуры — и в этом качестве продолжают существовать, хотя ситуация несколько раз менялась в корне. Времена менялись — культурный стереотип оставался. То, что изначально было трагедией, причем навязанной извне, стало вариантом правильного поведения, а для многих — еще и этакой индульгенцией. Современникам Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Герцена было очевидно, что из жизни вытолкнули отнюдь не всех талантливых, изобретательных, решительных, ужасен был сам факт, что кого-то вообще выталкивают. Позже эта часть уравнения потерялась, и уравнение превратилось в неравенство. Бездействие оказалось достойней действия, неучастие — правильной участью, о чем бы ни шла речь, а уж если речь идет о работе на государство... Стереотип сей растет и крепнет, особенно на фоне контрстереотипа, согласно которому нужно отдавать на откуп властям все, включая совесть и талант. Эдакое «прикажут, буду акушером».

А как же нормальные люди со своими нормальными, человеческими проблемами и заботами? Они оказались как бы за кадром. Если в литературе других стран подобное понимание реализма уравнивалось наличием ярких и достойных книг иного рода, у нас — увы. Кто знает, может быть, в этом и есть одна из причин того, что случилось с Россией, «которую мы потеряли»?

Есть скучные азбучные истины, о которых стоит напоминать, даже когда кажется, что все их помнят, и особенно если видишь, что их забывают. Тем более истины эти не так уж и скучны, да и очевидны они не всем. Когда устроители литературного конкурса, итогом которого и стал сборник, что вы держите в руках, подняли тему нелишних людей, реакция была, мягко говоря, неоднозначной. Пришлось отвечать.

«Вот здесь высказан вопрос, чем объявленный конкурс отличается от статей о «передовиках производства» в 70-е годы, — откомментировал ситуацию Николай Перумов. — Что-то типа «ими гордится страна», «в жизни всегда есть место подвигу» или даже «пионер старушку через улицу перевел».

Ирония в вопросе нескрываема. Мол, помним-помним весь тот маразм, и генсека-бровеносца, на ордена которого пчелы слетаются, «потому что у Покрышкина или Маресьева они порохом пахнут, фу, а у него — ли-и-и-ипой». И про заготовку грубых и сочных кормов в хозяйствах Ленинградской области мы помним, и про многое другое.

Помним. Но вот беда — по соседству с романами о том, что «наша сила — в наших плавках», страданиями «богемы», коей «затыкали рот» и «не давали атмосферы», была и совсем иная жизнь. Где «липе» места не было. Где, порой чертыхаясь, порой молча, делали дело. Водили атомоходы по Севморпути, строили дома, лечили людей, учили — так, что до сих пор советское образование считается лучшим в мире; делали открытия, писали книги — «В списках не значился», «А зори здесь тихие...», «Территория», «Тяжелый песок», «В августе 44-го», «Странные взрослые», «Сестра печали» — да все не перечислить!..

Были, были «в этой стране» люди, что не давились за «дефицитом», не жили по принципу «ты — мне, я — тебе», не считали себя обделенными. Летают старые самолеты, их руками собранные, ходят поезда, стоят мосты. И нефть качают — ими, «передовиками», разведанную и освоенную. И в домах живем, построенных в основном тоже тогда — в шестидесятые, семидесятые, в первой половине восьмидесятых. Так что существовали эти самые «передовики» на самом деле. Наряду с липовыми, измышленными пропагандой (идиотизм которой никто не отрицает) — самые настоящие. Это их наследие проедаем мы

уже четверть века и все никак не проедем.

Нелишние люди.

Мой командир ЗРДН, молодым «советником» отражавший налеты «Б-52» на Ханой.

Учитель моего отца, С. Е. Бреслер, возрождавший разгромленную после лысенковщины молекулярную биологию, автор знаменитого учебника, первого, насколько я знаю, в стране.

Мой дед, А. Е. Алексеев, начинавший чертежником на проектировании орудийных башен для первых русских линкоров еще до Первой мировой и закончивший жизнь членом-корреспондентом АН СССР, выдающимся электротехником, не бывший ни единого дня в партии или около нее.

И множество, множество других. Честно служивших Родине, а не «режиму», «партии» или себе, не занимавших стратегической позиции в хате с краю (мол, после них хоть потоп). Сейчас их пытаются выплеснуть вместе с «мутной водой застоя». Но если бы не они, если бы не их труд, не созданные ими ракеты и подводные лодки — не было бы России. А были бы пресловутые «тридцать (или пятьдесят? — не помню уже) независимых государств», о необходимости разделения России на кои вещали в свое время апостолы «покаяния».

Если порыться в архивах, почитать мемуары и специальную литературу — хоть по медицине, хоть по химии, хоть по истории театра, архитектуры и балета, — да просто пройти по Москве, Киеву, Минску, Риге, читая надписи на мемориальных досках, окажется, что в той же Российской империи, а позднее в СССР жило множество интереснейших и талантливейших людей. Они были, их не могло не быть — там, где нет никаких иных людей, кроме лишних, жизнь останавливается.

И кто сказал, что «лишние люди» исключительно поэтичны и романтичны — каждый на свой лад, — а «нелишние» обыденны, лишены индивидуальности и похожи друг на друга, как оттиски одной казенной печати? О нет — они очень, очень разные. Нелишние люди могут быть чертовски обаятельны, как Ойра-Ойра, вежливы, как Эдик Амперян, грубы, как Корнеев, опасны, как Кристоаль Хунта. Их могут обожать, как мастера Робинтона, а могут ненавидеть, как новобранцы ненавидели хайнлайновских сержантов. Над ними можно посмеиваться, как над кузеном Бенедиктом, Паганелем, воистом Кортиковым, или восхищаться, как Джеком Обри, Сайрусом Смитом, Иваном Рябовым, Андреем Львовым, Федором Серпилиным. Они могут служить империи, как Порфирий Петрович или Хорнблауэр, добывать деньги для революции, как мексиканец Фелипе Ривера, лечить, как доктор Дымов и Володя Устименко, учить, как ВикНикСор, делать бизнес, как Штольц, ловить преступников, как Жеглов и Мегрэ. Они могут управлять государством, могут работать кухарками и сантехниками. Одних «нелишних» знает весь мир, другие ведомы лишь родичам и сослуживцам. Эти люди бывают добрыми и злыми, правыми и виноватыми, веселыми и грустными, они могут выиграть, могут проиграть, но:

...они не твердят, что Господь сулит
разбудить их пред тем, как гайки слетят,
они не бубнят, что Господь простит,
брось они службу, когда хотят.
И на давно обжитых путях и там,
где еще не ступал человек,
в труде и бденье — и только так —
Дети Марфы проводят век.

Каждый день мы сталкиваемся с ними — на улице, в метро, в магазине, — и от их добросовестности зависят наша жизнь и здоровье. Мы слишком мало, слишком редко вспоминаем об этом. Нет, не так. Мы слишком редко вспоминаем Детей Марфы с благодарностью, зато сплошь и рядом клянем, когда в «Час Х» рядом оказываются не они, а... «лишние люди», сложные и неординарные. Одно дело — читать о «переживающей

глубокую личную трагедию натуре», совсем другое — нарваться на врача, которому в свете оных переживаний плевать на больных. Как неоднозначен и достоин сочувствия разочарованный в жизни и любви герой, когда, картинно докурив сигарету и выпив коньяку, он берет пистолет и идет мстить городу и миру. Как страшно зайти в супермаркет за батоном и схлопотать пулю от подобного страдальца. Чацкие в белых халатах и раскольниковы в погонах — это жутко, но заметно. Они — герои новостных лент, избирательных кампаний и триллеров. Идущие под пули «неоднозначных» бандитов максим максимычи и горбятящиеся за гроши в поликлиниках устименки остаются за кадром. Когда они в нужное время оказываются в нужном месте, этого никто не замечает, потому что не случается беды. «А город подумал — ученья идут», и давай дальше пить коктейли пряные и ждать новостей. Когда Дети Марфы не успевают, не справляются, падают под непосильной ношей, их же частенько и обвиняют. Обвиняют их, и когда они справляются, вынуждая отвечать за козл... То есть за «лишних людей», которых занесло в медицину, науку, школу, армию, милицию, адвокатуру...

Жил в Петербурге замечательный и, без сомнения, «нелишний» человек Артемий Николаевич Котельников, памяти которого посвящен один из рассказов сборника. Потомственный дворянин (прадед — предводитель Черноярско-Енотаевского и Царевского дворянства, дед — редактор петербургской газеты «Наша жизнь», дважды привлекался к судебной ответственности вместе с Куприным за пренебрежение требованиями цензуры), Котельников в детстве пережил голод Поволжья, а его юность совпала с войной. Выпускник артиллерийско-минометного училища принял боевое крещение на Курской дуге. Затем в составе Двенадцатой Киевской ордена Суворова, Богдана Хмельницкого, Кутузова Краснознаменной минометной бригады Первого Украинского фронта прошел от Белгорода до Берлина и Праги. После войны гвардии лейтенанта более чем настойчиво оставляли в армии, но он предпочел военной карьере юридический факультет ЛГУ. Был и прокурором, и следователем, и юрисконсульт, пока наконец не понял, что его призвание — ЗАЩИЩАТЬ, и не ушел в адвокатуру. Котельников работал до последнего своего дня, уже в больнице беспокоясь о том, что в Думе готовят подрывающий российское правосудие закон. И еще ему очень не нравилось то, что людей упорно приучают к грязи: *«Именно утверждение «берут все», «все жулики, дураки и сволочи» толкает людей, особенно молодых, на нечестные поступки. Народ не верит в силу закона, а верит в силу взятки. Почему журналисты (писатели, к сожалению, тоже) всегда готовы написать про проворовавшегося чиновника или милиционера, а про то, как другой чиновник, не бывший три года в отпуске, упал с инфарктом на рабочем месте, а милиционер в одиночку пошел против четырех обкурившихся подонков с ножами, ни слова? Почему черное смакуется, а белое игнорируется? Когда-то в СССР «не было» проституции, наркомании, стихийных бедствий, а были только победы, победы и победы. Это неумно и недальновидно, но нынешняя тенденция к тотальной «чернухе» не менее порочна».*

Ну что ж... Эпоха постмодернизма достигла своего зенита, уже предыдущие поколения властителей умов ниспровергли все, что могли и до чего дотянулись, вплоть до того что создали свой канон. Нынешнее поколение имеет право на свое видение и, вероятно, в состоянии поспорить с очередным сложившимся стереотипом. «Народ, забывший свою историю, обречен пережить ее вновь» — так и есть, и, наверное, помнить надо дольше и глубже. И шире, вероятно. «Популярная» история помнит единиц, и порой эти единицы более чем деструктивны. Но — ярки. Ярок был огонь Герострата. Поджигатель добился своего — его имя уцелело в веках, а многие ли знают имена строителей Парфенона? О да, покопавшись в справочниках, мы найдем Калликрата, Иктида... Более-менее начитанный человек еще припомнит Фидия, занимавшегося, говоря нынешним языком, художественным оформлением. А вот Герострата назовет практически каждый — его «самопиар» оказался действеннее. Справедливо? — Не очень. То есть совсем несправедливо на самом деле.

Бывают мирные эпохи без полководцев. Бывают спокойные эпохи без великих открытий. Бывают неяркие эпохи без взрывных, переворачивающих мир талантов. Не может

быть эпохи без людей, делающих дело. Вернее, может, только эта эпоха надолго не затянется, ее сменит другая, в сравнении с которой любая постапокалиптика покажется идиллией.

И нынешний конкурс — дань чувству справедливости, попытка хоть как-то изменить баланс литературных весов в пользу тех, кто создает и хранит.

Двигая камни, врубаясь в лес,
чтоб сделать путь прямой и ровней,
ты видишь кровь — это значит: здесь
прошел один из ее Детей.
Он не принял мук ради веры святой,
не строил лестницу в небеса,
он просто исполнил свой долг простой,
в общее дело свой вклад внеся.

Открывает сборник городская фэнтези. Наше время, наша страна, наши люди и не только люди. Название раздела «Ангел-хранитель» говорит само за себя, только — ангел ангелу рознь, да и внешность у ангела может оказаться такой, что коллеги не упадут в обморок лишь по причине форс-мажора: некогда падать — хранить надо. И хранят в меру сил и способностей.

Разные они, эти хранители, — и профессии у них разные, и рабочий инструмент. Три добрых молодца из трех не самых добрых миров (**«Ангел-хранитель»**), столкнувшись под московскими елками, действуют по обстановке, превращая в оружие все, что под руку подвернется. Подозрительный тип Вовка и заподозривший его участковый (**«Заступник»**) лезут к черту в зубы с «АКСУ», мечом и святой водой. Таинственный Степан (**«Дворник на радуге»**) больше надеется на метлу, ведь он в самом деле работает дворником и убирает мусор. Не только тот, безобидный, что замечен каждому. Ну а что делать простому российскому оборотню (**«Песец для котенка»**)? У бедняги в волчьей ипостаси только и есть, что зубы, нюх и... совесть, которая и вынуждает его нарушить обязательные для всех оборотней РФ правила проживания. И угодить в ангелы-хранители... А что граждане приняли его за одичавшую овчарку, так это даже хорошо. Каков же он все-таки — наш ангел? Нелюдь, пришелец, специально обученный рыцарь или любой из нас? Обычный человек с обычными делами, заботами, страхами? Вышел в оказавшийся роковым вечер из метро, но до дома так и не добрался. И теперь бросает на кон негаданное бессмертие, спасая уже чужую жизнь (**«Сорок вторая»**). Зная, что напрасно, что сроки вышли, что судьбу не изменить, — и все равно пытаюсь отменить неотменимое. Человек может так мало, человек может так много... Эта тема красной нитью проходит через следующий раздел, объединивший то, что в старину называли бы притчами.

Эльдорадо... Мечта конквистадоров, сказочная страна золота и драгоценных камней, но не ради золота рвется к неведомым берегам молодой капитан (**«Твое Эльдорадо»**) и не ради монарших наград. Его ведет Муза дальних странствий, та самая, гумилевская. Капитан находит острова своей мечты и приносит в дар своей королеве. Вместо золота, и королева понимает и принимает дар. Мир должен быть открыт, только любое ли открытие — благо? Не об этом ли воркуют **«голуби Теслы»**, великого ученого и изобретателя, чья жизнь до сих пор остается загадкой? Почему легендарный серб поступил так, как поступил? Можно ли жить одной лишь наукой, не думая о том, что несут твои открытия? И можно ли доверить правителям земным то, что борзописцы окрестили сверхоружием?

Мы так и не узнаем, отчего в одночасье погиб мир из рассказа **«Сосны на морском берегу»** — не оттого ли, что люди получили в свои руки то, к чему не были готовы? Или причина была иной? Так ли это важно сейчас, когда ты остался один? Намного важнее другое — что ты сотворишь с упавшим на твои плечи небом и собственной душой? Останешься ли собой в сгоревшем мире? Останешься ли собой в мире, где можешь получить

все, отбросив ерунду вроде совести, любви, творчества, памяти?

Единое правительство, единый язык, единый закон, единое телевидение... Для всех, кроме горстки не пожелавших принять новый порядок упрямец. Ирландское семейство, украинец, русский, пожилая норвежка, пара американцев... Кто они на самом деле, эти так называемые националисты — балласт на ногах объединенного человечества или его последняя надежда (**«Я, русский»**)?

Шаг от страшного до смешного и обратно не всегда заметен сразу, но всегда внезапен. Чего, кроме смеха, можно ожидать от открывающей фэнтезийный раздел повести с оптимистическим названием **«Здравствуйте, я ваша теща»** — и ведь не какая попало теща, а самая настоящая аристократка. Расщедрившаяся Судьба отсыпает герою всяческих благ — и должность, и недвижимость, и тещу знатную... приятно, не так ли? В сказке, может, и приятно, в действительности — далеко не всегда. Потому что отнято у тебя все, чего ты раньше желал, вся твоя прежняя жизнь — а взамен дана совсем другая. И придется принять ее, нежеланную и чужую, и пройти до конца — чтобы спасти тысячи других жизней.

Не хочется? Трудно? Бывает и хуже, герой рассказа **«Хранитель рукописей»** тому свидетель. Темен, труден и страшен его долг. Лучшие люди королевства смотрят вслед монстру с ужасом и отвращением, и неудивительно, ведь его работа состоит в уничтожении древних знаний. Это известно всем, в отличие от имени убийцы (**«Сорок оттенков черного»**), чье преступление всколыхнуло целый город. Улик никаких, все черным-черно, страсти накаляются, а мистер Холмс в данном мире не предусмотрен. Нет его и в Лондоне, утонувшем в канун Нового, 1900 года в небывалом снегу, потому что это другой Лондон, и проблема, что обрушилась на министра Ее Величества, отнюдь не криминального толка. Попробуйте-ка в считанные часы подручными средствами исправить ошибку гения, тут впору кинуться за помощью к нечистой силе. С благословения священника, разумеется (**«Народ шестерни»**).

А вот в корыстных и тем более преступных целях апеллировать к нечисти не стоит, хотя некоторым сие и неочевидно (**«Не буди...»**). Результат подобной сделки, самое малое, испортит праздник тысячам людей, но разбитые витрины и унесенные шляпы — такая ерунда в сравнении со слезинкой ребенка и рвущимся к возжеленной должности карьеристом. Хорошо хоть, нечисть оказалась пусть заспанной и вредной, но честной, так что не торопитесь шарахаться от чужака только потому, что он чужак. **«Всякой твари земной»** есть место под солнцем. И всякому дару. И даны разумным тварям клинок и молитва, доблесть и сострадание, все мы люди, и все мы звери, но как узнать, когда час для меча, а когда для милосердия?

Узнают. Если не разумом, то сердцем, и становятся милосердны в бою и беспощадны в храме, потому что так надо. Следующий раздел — псевдоисторическое фэнтези. Иные миры, но как же они похожи на наш!

Вспоминают былую войну князь и генерал (**«Осенние яблоки»**). Для молодых она была давно, для них — только что. Не осталось у князя-некроманта иного выхода, только сделать то, что он сделал, потому и похоронил себя победитель в северных владениях. Неспешно течет беседа, и пахнет, пахнет в доме поздними яблоками, а разговор продолжается. Теперь говорит старый Ян (**«Паромщик»**). О своей молодости, лихой и горькой. О лезущей из соседней державы уже нечеловеческой мерзости. О скончавшемся намерении правителя, которого оплакивают все от мала до велика. Правильно оплакивают, спас покойник страну, а что не был ангелом во плоти, что загубил счастье Яна и не заметил, так могло быть и хуже, тем паче война не кончена и воспоминания прерывает бой. Для кого-то — последний, для кого-то — первый...

Великое и смешное, неизбежное и случайное, уродливое и прекрасное... Из скольких смальт мозаичник Время (**«Стурнийские мозаики»**) выкладывает картину, имя коей История? Восстают против бессмертных титанов люди и кентавры (**«Боги смотрят»**). Штурмуют захолустную имперскую крепость осмелевшие варвары (**«Имя им — легион»**). Ждет своего единственного девушка из провинциальной харчевни (**«Рыжий вечер»**).

Суетятся, обдeldывают свои делишки халифы на час (**«И вновь на весну надеюсь...»**). Флейта фавна поет о любви, китара человека будит прошлое. И прошлое подставляет плечо настоящему, спасая будущее. Именно это и предстоит узнать, понять, прочувствовать девчонке-послушнице (**«Всех поименно»**). Наша память, наша благодарность воскрешает тех, кто уже защитил нас еще до нашего рождения, — и они снова заслоняют нас от беды. А значит, мир оберегают и те, кто хранит павших от забвения. Всех. Поименно.

«Сказание о сестре Софии и падении Константинополя» открывает раздел исторической фэнтeзи. Плавнo льется старинный сказ. Обо всем поведаст он в свой черед — о последнем императоре и безвестном иноке, о подвиге и предательстве, о негaданном чуде и о великом завете, вобравшем в себя слишком многое из того, что нельзя терять. Да и пристало ли сказителю торопиться, когда речь его о великом граде, сами стены которого святы?

А так ли просто понять, что есть святость и что есть величие? Слишком многие путают величие и жестокость, святость и недеяние. Избежать греха, сохранив руки чистыми, а одежды белыми, стать жертвой, а не палачом, остаться в памяти людской незапятнанным — это ли не подвиг? Вот они и сошлись лицом к лицу — **«Воевода и Ночь»**, воевода — и вся его жизнь, воевода — и те, кто принял на себя несвершенное, непонятое, невыбранное...

Каким разным, каким чудовищным может оказаться долг, помнит Беларусь, «зямля пад белымі крыламі», как называл свою родину Владимир Короткевич. Перед нами еще один цикл рассказов, каждый из которых сам по себе и при этом часть единого целого, потому что земля одна, и история тоже одна, и нельзя вырывать из нее лоскутки. Нельзя видеть лишь то, что хочется, и отбрасывать неприятное, подчас страшное. Было, было, когда люди глядели друг на друга зверьми и лишались за то благословения (**«Крест»**). И тем, чей долг спасать — хоть души, хоть тела, — приходилось убивать больных, защищая еще здоровых (**«Огненный змей»**). И служить не стоящим верности тоже доводилось — и людям, и нелюди. Как и понимать, что чужие предательство и несправедливость не оправдание уже твоего отступничества (**«Сокровища на все времена»**). Что в сравнении с истинными сокровищами сгинувшие богатства Радзивиллов! И сокровища эти в равной степени принадлежат несвижскому домовому, русскому генералу и английскому драк... Простите, кто он, так никто и не узнал. Придет на помощь в миг опасности — и исчезнет, когда беда миновала, не оставляя следов, кроме пары смутных легенд и сданных в архив старых стенограмм (**«Самолет для особых поручений»**). Что поделатъ, иные тайны так и остаются тайнами. Или не остаются: нет вопроса, нет и тайны, а кто, находясь в здравом уме, спросит старшину Федосеича, не бог ли он (**«Двум смертям не бывать»**)? Может, и бог, а может, просто солдат, тот самый русский солдат, защитник и спаситель, что одолел неодолимое.

Грань меж чудом и подвигом, летописью и сказкой, где она? Может, в недосказанности? Сказка, она ведь не предлагает готовых рецептов, только ставит вопросы, и сборник завершается сказками. Старыми, хорошо знакомыми, но рассказанными немного иначе.

Рыцарю, отправившемуся сражаться с кошмарным драконом, кажется, что уж он-то знает о Добре и Зле все, но ему еще учиться, учиться и учиться (**«Drachenland»**). Куда быстрее соображает обретающийся у Бабы-яги кот (**«Сказ о коте Митрофане и жизненных трудностях»**). Не случись его в нужное время в нужном месте — и жизненные и экологические проблемы в некотором царстве могли бы закончиться весьма печально... Но он ведь случился, нелишний Кот! В полном соответствии с одним из самых главных жизненных правил — небо нужно держать, и если не я, то кто? А уж кот я или титан и скажут ли мне спасибо, дело десятое.

Разные авторы.

Разный возраст.

Разные взгляды, разные профессии, города, страны.

Разные истории.

Разные герои. Очень разные.

И все же есть у всех этих столь разных героев и общее:

Это на них во веки веков
прокладка дорог в жару и в мороз.
Это на них ход рычагов;
это на них вращенье колес...
Это на них...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

*Едва сгорает закат,
Но только вечер уйдет,
И нам команда: «На старт!»,
И нам команда: «Вперед!»
Летит под окнами снег,
Летят секунды, как дни...
Замедли времени бег
И на бегу позвони.
Поймай последний трамвай,
Стакан «на счастье» разбей,
Опять уходишь за грань,
Опять выходишь за дверь.
Опять долги раздавать,
А мир стоит, как стоял...
А нам дороги вскрывать
И прогревать дизеля.
А мы везде и нигде
Среди каналов пустых.
Судьба разводит людей,
А Мир разводит мосты...
И по мосту, как по льду,
Как по команде: «На взлет!»,
Как по радару, иду
Туда, где ночь — напролет.
Судьба уходит в отрыв
И открывает крыло,
И рвутся пальцы о гриф,
И даже струны свело,
И уплывает Земля,
И звезды где-то у ног,
И только тень корабля...
И телефонный звонок.
Алькор (Светлана Никифорова)*

Татьяна Юрьевская
СОРОК ВТОРАЯ

Ночь опустилась на город. Запрокинув темноволосую голову, гордой всадницей пронеслась по его улицам, широкой кистью щедро мазнула по фасадам зданий, залила непроглядной чернью притихшие скверы, от души, не жалея, плеснула чернил в воду фонтанов, превратила распушенные кроны лип в подобия ошестинившихся иглами ежей.

Ночь шутила и дурачилась, превращая извечную войну в подобие танца, но тем не менее умудрялась жестко навязывать свои условия.

Город держался, не желая слишком легко уступать позиции захватчице, хищно скалился в ответ, огненными росчерками уличного освещения разрывая мглу, выставив навстречу накатывавшемуся потоку черноты разноцветные рекламные щиты.

Однако ему удалось отстоять лишь полнокровные жилы проспектов, сбегаящиеся к островкам главных площадей.

А там, во дворах, вдалеке от незатихающей городской суеты, уже вовсю наводила порядок новая хозяйка.

Ночь властно вступила в город лишь малой частью своих бесчисленных легионов, но этого оказалось вполне достаточно для победы.

— Сорок вторая слушает. — Голос был тих, спокоен и уверен. Усталый голос ночного собеседника. Доверенного. Или нет, много ближе, посвященного.

Приобщенного к тайне.

Мягкий голос, подталкивающий к невольным откровениям.

Единственный наушник и тонкая змейка микрофона у бледных, кажущихся бесплотными губ выглядят, пожалуй, чуть неуместно. Да они и не нужны теперь. Совершенно.

Они — лишь долг прежним ощущениям, оставшаяся тоненькая ниточка, связывавшая

ее с прошлым. Уже ушедшим.

Канувшим в небытие, поглощенным им.

Ниточка, которую слишком трудно — почти невозможно — оборвать.

Потому что имя ей — память.

— Да. Да... Конечно. Да. Непременно. Когда буду дома — перезвоню. — Елена с сожалением убрала телефон в сумочку. В метро не удастся поговорить по-человечески. Но ничего, еще четыре остановки, и она почти дома. А там двадцать три минуты пешком, и все.

Можно будет сменить неудобные туфли на мягкие тапочки, убрать в шкаф порядком поднадоевший строгий деловой костюм и чуть-чуть почитать на сон грядущий.

Неспешно ползший вагон слегка покачивало, и разделенный на несколько тесных клетушек офис, бывший для Елены основным местом обитания, постепенно становился чем-то отвлеченным. Недоступным.

Даже нереальным.

Так же как и прокуренная насквозь кафешка и ароматный, но слишком крепкий для вечера кофе. Кофе под обязательные разговоры обо всем и ни о чем конкретном, вносявшие скудное разнообразие в вечное циркулирование по замкнутому кругу: дом-работа-дом, усталое лицо подруги, измотанной за прошедший день не меньше, чем сама Елена... И тоска. Тихая, меланхолическая тоска, далекая от злобы и зависти.

Поезд ощутимо тряхнуло, и Елена нехотя открыла глаза. Отстраненный женский голос объявил ее станцию — пора выходить.

Она торопливо поднялась, на ходу одергивая юбку и перекидывая ремешок сумочки через плечо. Стекло дверей на какое-то мгновение отразило узкое лицо в очках, коротко обрезанную челку и бледные, ненакрашенные губы.

Хорошо быть таким голосом. Спокойным, немного самоуверенным. Голосом, которому нет дела до чьих-то отдельных проблем. Наверное, исчезни сейчас с лица земли все живое, он даже и не заметит этого, продолжая по-прежнему невозмутимо предупреждать тени когда-то ездивших в метро людей о необходимости уступать места инвалидам и женщинам с детьми. Равнодушно-вежливо.

Отвратительно-вежливо.

Каблучки звонко цокали по асфальту, и сейчас этот звук, такой уместный на паркете офиса, в тишине плохо освещенных дворов казался слишком уж громким.

Зря она задержалась. Не следовало ждать, пока принесут вторую чашку кофе, а лучше бы ее не заказывать вообще. Расплатиться и уходить сразу, как хотела сначала. Но Лида смотрела так жалостливо и так обиженно, что Елена не выдержала и осталась еще ненадолго.

Напрасно. Не пойдя она на поводу у подруги, уже давно бы сидела дома. Свернулась бы по-кошачьи калачиком на диване и смотрела жутко познавательный репортаж о приключениях премьера или президента страны на территории потенциального союзника. Размышляя не столько о тонкостях политики, сколько о том, подходит ли подобранный лидером нашей верхушки галстук к его костюму. Или еще о какой подобной ерунде.

Неужели нельзя хоть слегка, хоть немного приглушить этот громкий перестук каблучков, постоянно сбивающийся на поспешно-трусливую рысцу? Может быть, лучше снять туфли и пойти босиком? На улице июнь, поэтому замерзнуть точно не удастся. Только вот ноги потом придется оттирать чуть ли не со спиртом. Да и колготки жалко.

Хотя ерунда все это: впереди осталось два поворота, узкая тропинка мимо детского садика... И она дома.

Скорей бы.

Раздавшийся телефонный звонок отвлек Елену от мрачных размышлений.

— Сорок... — начала она было по привычке. — Да. Конечно. Я сейчас еще не дома. Почему бы и нет? Завтра договоримся точнее.

Звонил брат. Они с женой приглашали Елену на выходные на дачу.

Первая и потому самая сладкая клубника, шашлыки под красное вино, визжащие от радости племянники и теплая вода в котловане, до которого от дачного участка брата рукой

подать — надо только пересечь железнодорожные пути и прогуляться по маленькому соснячку.

Елена любила эти короткие выезды на природу, когда можно было просто лежать на расстеленном на травке одеяле, довольно шуриться на ослепительно-синее небо и ни о чем не думать. А вокруг станет кружить шустрая мелочь, теревить тетю Лену за руки и за плечи, уговаривая окунуться ну хоть еще разок.

И какой незначительной, даже ничтожной в сравнении с этим счастьем покажется в итоге взбаламученная суeta офиса. И обида от процеженного сквозь зубы строгим шефом замечания, не отпускавшая на протяжении всей рабочей недели, наконец-то без следа растворится в радостной детской улыбке.

А там уже и дымком потянуло — шашлычок поспел...

Елена остановилась, настороженно принюхиваясь. Картина солнечного субботнего отдыха исчезла, поглощенная вернувшейся тревогой.

Сквозь контуры высокой осыпи с одинокой, как говаривал братец, «лермонтовской», сосной на вершине проступила узкая полоска мощеной дорожки, густо обсаженная по левую руку кустами сирени, и невысокий заборчик детского садика.

В воздухе действительно пахло гарью. Ощутимо, противно. Но не это заставило женщину сначала замереть, а затем испуганно отступить.

На дорожке, перегораживая ее, стояли двое, и их силуэты, отчетливо обрисовавшиеся в слабом освещении одинокого уличного фонаря, почему-то выглядели угрожающе. Слишком угрожающе для возвращающейся поздним вечером домой одинокой женщины. Что делать?

Повернуться и побежать прочь, позабавив своим испугом ночные тени, которые скорее всего на поверку окажутся лишь парочкой подгулявших друзей?

Если бы Елена не замечталась о намечавшейся субботе, она бы много раньше заметила их и без ущерба для собственной самооценки прошла мимо дорожки, предпочтя полумраку сиреневых зарослей обходной путь через освещенные дворы.

Однако теперь поздно жалеть. Да и стыдно в ее возрасте бегать. Тем более что на каблуках особо не разбежишься. Елена судорожно перевела дыхание. В конце концов, чего спрашивается, она перетрусилась, чего напугалась, как дурочка? Подумаешь, люди. Подумаешь, ночью. Может, у них на то важные причины есть. Шляешься же ты тут, такая умная-красивая и в очках, по закоулкам в самую что ни на есть темень. Почему бы и другим не пошляться в свое удовольствие?

Перехватив поудобнее сумочку, она решительно направилась вперед, стараясь делать вид, что ей ничуть не страшно. И что ей на все наплевать.

Совершенно на все.

Темные тени при ее приближении неторопливо расступились, пропуская спешащую домой полуночицу. От неприятной смеси запахов табака и одеколона мучительно засвербело в носу, провоцируя расчихаться.

Елена, не сбавляя хода, устремилась прочь, к дому, оставляя позади напугавших ее мужчин. Не осмелившись обернуться, а потому так и не заметив мохнатую черную тень, выбравшуюся из кустов и принявшуюся тут же самозабвенно отряхиваться, избавляясь от листового сора.

Друзья просто выгуливали любимую собачку.

Но предчувствие нехорошего, преследовавшее женщину от самого выхода из метро, не было ложным. Беда подстерегла Елену там, где она не ожидала. И именно тогда, когда она, облегченно переведя дыхание, расслабилась и даже позволила себе рассмеяться над собственной глупостью, поминая недобрым словом некстати разгуливавшуюся фантазию, подпитываемую информацией из колонок уголовной хроники.

— Стой, — приказал уверенный голос, и Елена невольно подчинилась. Позабытый был страх липким щупальцем скользнул вдоль позвоночника. — Сумку. Быстро.

— С-сейчас, — заикаясь, выдавила она, принявшись судорожно стягивать с плеча умудрившийся непонятно за что зацепиться ремешок, пятась при этом к стене дома. К

кодовому замку и тяжелой двери подъезда.

— Не поняла, что ли? — Не дождавшись, пока женщина справится сама, ее решили поторопить.

— Помогите... — прошептала она, из какого-то глупого упрямства вцепляясь в нелепый кожаный шнурок. — Хоть кто-нибудь.

— Заткнись! — Елену наотмашь хлестнули по щеке.

— Что ты там возишься? — вмешался другой, еще более раздраженный голос. — Пусти.

Грубая рука сильно сдавила горло Елены, и чужие пальцы сильно дернули за проклятый ремешок. Но он не поддался. И тут же почти у самой щеки опасно блеснул металл.

— Пожалуйста...

Взметнувшийся нож без проблем, словно шелковую ленточку, перерезал кожаную змею, и сильные пальцы легко выдрали сумочку из рук женщины. Свет подвешенной под козырьком лампы на секунду выхватил лицо нападавшего, отчетливо обрисовав скулы.

Елена почему-то подумала: это все... И что последним оставшимся в ее памяти будет лишь отдаленный отблеск, словно кто-то на мгновение зажег фары и сразу же выключил.

— Эй! Это вы чего тут удумали? — Помощь пришла неожиданно. И, как водится, в самый последний момент, когда Елена уже перестала надеяться. Вмешавшийся храбрец оказался невысок ростом и не производил впечатления человека, способного в одиночку справиться с двумя... Нет, с тремя грабителями. — Держись! — Ободряющий голос был звонким, мальчишеским. Или...

Спаситель быстро обернулся. Нельзя сказать, что за столь краткое мгновение в обманчивом освещении Елене удалось как следует его рассмотреть, но главное женщина заметить успела.

Короткая стрижка, темные, чуть раскосые глаза, выдающие явную примесь восточной или северной крови, брови вразлет.

Девчонка. Совсем молоденькая.

— По-хорошему отдадите или по-плохому? — насмешливо поинтересовалась у ночных грабителей нахалка. Совершенно не смущаясь тем, что ее обступили со всех сторон.

Елена, только сейчас сообразив, что саму ее больше никто не держит, повернулась и принялась судорожно набирать на домофоне номера квартир.

— Люди, пожалуйста, — твердила она, — хоть кто-нибудь...

Стараясь не думать, что сейчас произойдет у нее за спиной. Рассчитывая — нет, надеясь — успеть.

Наконец одна из квартир отозвалась, и сонный голос брезгливо осведомился:

— Кто?

— Помогите, убивают. Пожалуйста, помогите... Милицию...

Елена не сразу поняла, что ее уже никто не слушает.

Телефон? Нет, остался в отнятой у нее сумочке. Что же делать?

Ответ пришел сам собой. «Тревожная кнопка» на стене соседнего дома. Можно вызвать наряд милиции, и тогда...

Елена сбросила туфли и, сама себя не помня, ошалевшей кошкой метнулась вдоль стены дома, оставляя спасительницу в одиночестве, но в итоге обещая вернуться с подмогой.

Сейчас, сестренка, сейчас, милая. Надо только через улицу перебежать, и все закончится хорошо. Все непременно закончится хорошо.

— Куда, дура... — обреченно, чуть прикрыв раскосые глаза, шепнула та, которая не побоялась в городе ночью прийти на помощь попавшему в беду человеку. — Куда...

Последним, что запомнила Елена, стал ослепляющий свет фар вылетевшей из-за поворота машины.

— *Сорок вторая слушает. — Голос говорившего был тих и бесстрастен, да и по статусу не положена умершим страсть. Она осталась там, в прошлом.*

В другой жизни, в прежнем теле. Задержалась в темном, отчетливом, словно на старинной гравюре городе, рассеялась в тусклом свете лампочки у подъезда, растратилась в бессильной попытке спасти чужую жизнь.

Спассти бесстрашно пришедшего на помощь.

Или нет. Она еще здесь, еще бьется в полупрозрачном подобии сердца, не желая отпустить, не желая окончательно размыкать пальцы?..

Елена плохо помнит предыдущую жизнь. Песком просочилось сквозь пальцы то, что было прежде, отсеялась ненужным хламом шелуха лет, забрав с собой все не особо важное — душный офис и сплетни коллег, нудную работу и заполненное в час пик народом метро. Даже просачивающийся сквозь решето сосновых иголок солнечный свет, тихий плеск воды и приглушенный детский смех.

Она умудрилась позабыть и собственное короткое имя, и отражение в зеркале.

Но главное сохранилось, главное уцелело.

Ободрающий возглас «Держись!», короткая мальчишеская стрижка и уверенный взгляд шальной девчонки, вдруг выступившей из темноты на освещенную софитом лампочки сцену жизни.

Может быть, именно потому необходима ей совершенно не уместная в теперешнем положении телефонная гарнитура и призрачный монитор, схожий с экраном ее рабочего ноутбука.

Ночь заполнила город. Затопила доверху темными водами, превратила в черное озеро. И словно огни маяков, островками и островами рассекли мрак прожектора высоток — высот, оставшихся непокоренными, не сдавшихся пришедшей захватчице, и пламенными мостами перекинулись друг к другу освещенные нити проспектов.

Только во дворах, укрытых стенами домов от вечной суеты, будто вода в колодце, стояла ночь.

Как ни торопись — время ушло, как ни старайся — вряд ли удастся вернуться домой к назначенному сроку. От друзей всегда так тяжело оторваться, а потом приходится спешить, тщаь нагнать упущенное. И ты убыстряешь ход, срываясь на бег, покуда хватает сил и дыхания. Словно бы те несколько выигранных минут способны хоть что-нибудь изменить.

Но, возможно, именно их и не хватит в итоге, чтобы разминуться с небытием. Еще немного, и тебе бы не довелось отступать, пока не прижмешься лопатками к холодному кирпичу, понимая — это все. Что, даже если и увидят, в равнодушном черном городе никто никогда не вмешается, безучастно оставив мальчишку одного против четверых...

Где-то рядом на мгновение ярко вспыхнул и погас уличный фонарь, отогнав подальше любопытную ночь, и нарушивший тишину женский голос чуть ли не одним своим звучанием сумел разбить оковы парализующего страха:

— Что здесь происходит?

Узкое лицо, очки, коротко обрзанная челка и ненакрашенные губы. Кажется, ты будешь помнить о не побоявшейся вмешаться до самого конца жизни. Который, впрочем, похоже, близок. И ты мысленно просишь ее идти мимо, не впутываться, не рисковать. В глубине души, против воли и совести надеясь, что она останется.

— Сорок вторая слушает. — Голос спокоен, даже меланхоличен. Он призывает к откровению. К искренности.

Потому что настанет день, и однажды набатом в наушнике прозвучит смутно знакомое:

— Пожалуйста, помогите...

И память окончательно, прорвет возведенную смертью плотину забвения. Один из ангелов снова вспомнит о том, кем он был раньше. И, приняв телесное обличье, придет на помощь позвавшему.

Понимая, что участь того уже предрешена, что тонкую нить жизни вот-вот перережут ножницы стечения обстоятельств. Что отведенное обреченному время вышло, что чужую судьбу не перепишешь вот так, по прихоти.

Даже по прихоти ангела...

Но он вмешивается, вспоминая собственный страх и чье-то чужое спасительное «держись!». Заранее зная, что все напрасно. Но тем не менее надеясь: а вдруг получится? Получится в этот раз. Именно сейчас, именно здесь, именно у него.

Ради короткого мига надежды, жертвуя собой, безоглядно отказываясь от вечности. Потому что иначе — невозможно.

Юлиана Лебединская ДВОРНИК НА РАДУГЕ

ПОНЕДЕЛЬНИК

Дворник появился в тот же день, когда исчез Иван. Ранним понедельничным утром.

Еще вчера возле их дома не наблюдалось никаких дворников, а сегодня — прошу любить и жаловать. Высокий брюнет в потрепанном, но вполне интеллигентном пиджаке. И с метлой в руках. Будь сейчас день, народ бы очень удивился. Во-первых, тому факту, что в их дворе вообще завелся дворник. Во-вторых, что он такой... такой... В общем, совсем на дворника непохожий! Но в пять утра люди предпочитают досматривать сны, а не удивляться парням с метлами.

«Наверное, и пришел ни свет ни заря, чтобы не пялились всякие... — подумала Дарина, затянувшись сигаретой. — Если б мне вдруг пришлось подметать улицы, я бы тоже на рассвете пришла. Или вообще ночью. Одноклассники увидят — засмеют же!»

Девушка вздохнула, отправляя недокуренную сигарету в недолгий, но красивый полет со второго этажа. Распахнула шире окно. Прислушалась — не проснулись ли родители? Удобней устроилась на подоконнике. Довольно улыбнулась апрельской прохладе. Возле подъезда в предутренней темноте парень в пиджаке меланхолично сгребал уличный мусор в ведро. Из-под кустов жасмина за хозяином наблюдал едва различимый в свете фонаря пес-водолаз. Красивые кусты, хорошо, что их не вырубili. А хотели ведь. После того, как Наташку из соседнего двора там... Ох, лучше не вспоминать. Лучше псом любоваться.

«Вот, смотри! Двоечником был в школе!» — сказала бы (и, можно не сомневаться, еще скажет) мама. Про дворника, не про пса, разумеется. А потом бы последовала страшная сказка на ночь под названием «Неблагодарная дочь и ее кошмарное будущее». М-да, лучше пусть этот красавец моей маме на глаза не попадается...

— Мусорите, леди! Нехорошо!

Дарина вздрогнула.

Брюнет — а он симпатичный! — стоял под ее окном и гонял злополучный окурок кончиком метлы. Внезапно девушке стало очень стыдно. Услышь она нечто подобное от родителей или учителей, только фыркнула бы в ответ. А тут... Нахлынуло мутное, туманное. Как в детстве. Когда маленькая Даря разбила мамину вазу — самую-самую любимую. Или позже, когда потеряла ключи от классного кабинета. Или когда, не так давно, уже в новой школе, по ошибке зашла в раздевалку для мальчиков. Но там хоть было из-за чего стыдиться, а это? Сама от себя не ожидала. Тьфу! Проклиная все на свете, а в частности — дворовой фонарь (светит, окаанный, прямо в окно!) и второй этаж (ну почему мы не на восьмом живем?!), девушка соскользнула с подоконника. Резко задвинула шторы.

— ...шка...р-ря!

Кажется, дворник еще что-то пытался сказать. А может, это он псу своему.

Дарина закуталась в одеяло. Свернулась клубочком на кровати. Теперь валяйся целый час без дела! И откуда только взялся этот? Вот уже полгода — практически с самого переезда — она просыпается раньше всех, часов в пять-шесть. Просто чтобы какое-то время побыть одной. Подумать о разном. Помечтать. Посочинять стихи, которые потом отправятся в самый дальний угол самого глубокого ящика. Ну и покурить, разумеется!

И за все это время ни разу не видела во дворе никаких подметальщиков, чтоб их!

Сегодня Дарина проснулась даже раньше обычного. И как не проснуться? Даря, несмотря ни на что, старалась быть хорошей дочерью. Да, она могла дымить тайком от родителей, слушать неправильную (не-ту-что-нравится-маме-папе) музыку, препираться с учителями (и это в выпускном-то классе!)... Но! Ни при каких обстоятельствах не посмела бы забыть о мамином юбилее — сорок лет сегодня исполняется.

Дарина погладила школьную сумку. Коралловые бусы и браслет, ради которых пришлось любимый рок-концерт пропустить, она припрятала еще вчера. В потайном карманчике. А декоративные гвоздики — любимые мамины цветы — должен скоро Ванька принести. Растение, пылающее алым огнем, ведь так просто в комнате не спрячешь, под подушку не засунешь. Нет, в принципе цветочный горшок можно в шкафу или тумбочке пристроить, всего на сутки-то. При одном лишь условии: что не станет любимая именинница эти самые шкафы с тумбами пять раз на дню проверять. В поисках... а пень его знает, в поисках чего! В общем, безопаснее оставить цветы у соседа и единственного друга в этом так и не ставшем родным районе. Договорились, что в шесть утра он подойдет к окну, а она спустит пакет на веревке... Хоть бы дворник к тому времени свалил!

Радуга, яркая радуга перед глазами.

Чей-то крик, то ли испуганный, то ли радостный — не разобрать.

Радуга рассыпается на сотню разноцветных искорок, летят искорки, слепят глаза и смеются, смеются...

Солнце ослепляло даже сквозь задвинутые шторы. В коридоре звенел мамин смех. Дарина подпрыгнула на кровати. Заснула! Где часы? Восемь! Ванька! Девушка метнулась к окну. Никого! То есть двор, конечно, не пустовал, но соседа с гвоздиками не наблюдалось в упор. Как, впрочем, и дворника.

Проклятье!

Ушел! Не увидел меня на подоконнике и ушел. Если вообще приходил, конечно... Нет, не мог он не прийти! Елки-палки, лес заросший! Слабо, что ли, было на мобильник позвонить? ГДЕ МОЙ МОБИЛЬНЫЙ?! Ах да, под кроватью.

Ваня, Ваня, ответь! Ну, ответь же!!!

«Абонент вне зоны».

Мать! Мать! Мать!

Кстати о матери — уйдет ведь сейчас на работу. А так хотелось именно с утра поздравить! И именно с цветами!

— Даря, ты встаешь?

— Да, мама. — Девушка нерешительно выглянула в коридор. — Это... с днем рождения тебя! А ты не обидишься, если я тебя вечером поздравлю?

— Смертельно обижусь! — Именинница, смеясь, обняла дочь. — Завтрак на сковородке. В школу не опоздай. Все, цем-цем!

И хлопнула дверь.

Встречу Ваньку — убью! А дворника так вообще — закопаю! Из-за него заснула! Зудящую мысль: «Был ли дворник?» — девушка настойчиво гнала прочь.

* * *

В минуту, когда Степан заметил худенькую растрепанную девушку на подоконнике, он понял, что приехал не зря. От мысли этой дворник не отказался даже после того, как безнадежно оплошал в первый же день. И даже когда выяснил, что оплошал он отчасти по вине той, которой так обрадовался...

— Девушка, кажется, я должен перед вами извиниться. — Незнакомка-с-подоконника вздрогнула, недоуменно посмотрела на Степана, выглядывающего из жасминовых кустов.

«Да она ж совсем ребенок! Школьница небось». — Меня Степан зовут. Я... Я, кажется, напугал вас утром...

— А! Не страшно! — Школьница на секунду задумалась, покосилась на него с сомнением, подошла поближе. — Скажите, а вы утром никого здесь не видели? Ко мне мальчик должен был прийти... Около шести утра...

Она замялась. Степан закусил губу. Да уж, шустрые детки!

— Это не то, что вы думаете... — Девушка осеклась, в глазах читалось: «С какого перепуга я вообще оправдываюсь?» — Он меня младше на год... Он просто нес мне гвоздики... И не пришел. И в школу не пришел тоже.

Степан подавил вздох. Неопределенно пожал плечами. Внезапно стало очень холодно, промозгло. Как осенью. Замечаете, люди? Нет, у вас по-прежнему апрель...

— Ой, посмотрите-ка! У Дарьки новый поклонник! Да еще какой — с метлой! — Степан обернулся — долговязая девица язвительно улыбалась под одобрительное «гы-гы» приспешников. — Эй, красавчик... — и осеклась. Попятилась.

Степан, усмехнувшись, погладил рычащего ньюфаундленда.

— Тише, Ласун. Это всего лишь дети.

— Ласун?! Ты назвал громадного пса Ласуном? — Даря, забыв о насмешниках, аж подпрыгнула на месте.

— За что они тебя не любят? — Степан, пропустив вопрос мимо ушей, смотрел на притихшую компанию сквозь прутья метлы.

— Ай, не обращай внимания. — Дарина махнула рукой. — Я обсмеяла школьный фан-клуб, — девушка закатила глаза, кривляясь, — супермегапопулярной поп-звезды Дино Ерлана! Вот Кирка и бесится.

— А еще в Дарьку Игорь влюбился! — пропищала пробегающая мимо мелюзга.

— Заткнись, мелочь! — Кирка покраснела до ушей.

— Игорь? — поднял бровь Степан.

Дарька вздохнула.

— Наш староста. И копия Ерлана. *Некоторые* по нему с ума сходят...

— Что?! Да ты...

— Кира, пойдем отсюда! — затоптались нетерпеливо приспешники, попятись, косясь то на дворника, то на лохматого пса. А Кира и рада бы их послушать, да отступить, поджав хвост, не хочется.

Эх, молодежь! Степан усмехнулся. Ласун, рыкнув, вывалил язык.

— Значит, Кира, любишь Ерланов?

— Очень они мне нужны... Веником своим тут не размахивай!

Скривившись, долговязая оттолкнула от себя щетинистые прутья. Дернулся Степан, убирая метлу, да поздно. *Всколыхнулся невидимый калейдоскоп*. Вскрикнула Кира, как от удара, отшатнулась.

— Дурочка! Стой, помогу!

— Пошел ты! Пошел... — и разрыдалась вдруг. Нет, она не видела того, к чему уже привык Степан. И хорошо, что не видела. Для нее хорошо. Радуга — она ведь не для человеческих глаз. Не та, которая разноцветная и на небе, а та, что черная и на земле.

Черная лента. Черная и разноцветная одновременно. И пустота. Да, я знаю, как это. Когда ты одна во всем мире.

— Уберите от меня... не надо! Мамочки!

— Кирка, что с тобой?

— Да подожди, глупая!

Отчаяние, стыд, боль, безумная боль рвет душу на части — Степан видел все то, что Кире пришлось сейчас *чувствовать*.

— Уйдите! Не хочу... вас... видеть!

И, рыдая, бросилась прочь. Ее свита, с опаской озираясь, побрела следом. Степан проводил их взглядом, укоризненно покачал головой.

— Ладно, оклемается через пару часов. Не так уж сильно ее зацепило, — пробормотал он и осекся, вспомнив о Дарине.

— Степан, — она стояла, обхватив себя руками, широко раскрыв глаза, — мне страшно.

Он усмехнулся — не привыкать к подобному.

— Боишься меня?

Она покачала головой. Посмотрела ему в глаза — какой-то не детский взгляд получился.

— Я пойду. У мамы день рождения...

* * *

«Странный он, этот дворник! — думала Дарина, ускоряя шаг. — Днем не работает, а с метлой таскается. Зачем, спрашивается? А Кирка сама виновата. Нечего было лезть. И что это за ленты черные? Или от недосыпа уже в глазах темнеет?»

Запыхавшись, девушка взлетела на пятый этаж соседнего подъезда. Долго звонила в Ванькину дверь. Дверь ответила полным равнодушием. За что и получила несколько ударов кулаком и еще один — пяткой.

— Они сегодня ночью уехали, — проскрипело над ухом. — На машине. Шумели машиной своей под окнами...

— И Ванька? — Дарина недоверчиво покосилась на карабкающуюся по лестнице старушку.

— Откуда мне знать? Сторож я вашим Ванькам, что ли?

Даря обескураженно села на ступеньки. Вот оно что — просто уехал! Друг, называется. Не предупредил даже. Да еще и телефон отключил! Ладно, вернется — получит по ушам. А гвоздики маме в любой день подарить можно.

Пнув напоследок многострадальную дверь, Дарина побрела вниз, продолжая бурчать от возмущения. И сама не понимала, что бурлящее возмущение всего лишь пытается заглушить нарастающую тревогу...

ВТОРНИК

Степан понимал, что времени у него — с воробыный клюв. То, что его еще никто не ищет, не допрашивает, — это чудо. То, что за ним еще не прислали из Леса — не за досадную ошибку (со всеми бывает), за очередную попытку вернуть невозвращаемое, — это чудо вдвойне. Однажды он прочел в газете заметку о хирурге, у которого умирали все пациенты. Абсолютно все. Без особой причины. Сейчас он сам себя почувствовал таким хирургом.

Вздохнув, дворник взялся за метлу. Провел по асфальту. Вот здесь. Вчера не закончил. Осторожно, гадость открывается...

Навалилось в момент — звук пощечины, боль, беззвучный крик, немая мольба о помощи, дым, радужный дым поднимается, вырастает словно из асфальта, окутывает дворника с головы до ног. Плач, огонь, дым черный зловонный, дым разноцветный, кровь, удар снова и снова, чьи-то волосы, слипшиеся от грязи.

Да, люди, постарались вы на славу. Вот. Вот он, главный момент. Степан украдкой обернулся — не бежит ли кто с гвоздиками в руках? Последний штрих. Самый сложный. Не останавливаться, главное, не останавливаться. Что бы там ни чудилось. Как бы тяжело ни дышалось. Второй раз нельзя. Сейчас. Еще немножко. Пляшет метла по асфальту. Задыхается от едкого дыма дворник. Не от того, который разноцветный. От другого, который черный.

Уже почти.

Осталось самое трудное.

Топот ног, запах гвоздик... Стой, не надо!!! Звонкий вскрик — удивление и отчаяние слились воедино.

Все, заполировано! Наглухо. На этот раз наглухо.

Дворник повалился на землю, под жасминовые кусты, вытер вспотевший лоб. Перевел дух.

Почему? Почему у меня все так сложно?

Немного отдышавшись, огляделся. Осталось еще чуток мусора, но это уже завтра. Подождет. Сегодня нет сил. Лежать, просто лежать. Степан закрыл глаза. За спиной у него заворочался Ласун.

* * *

Даря крутилась в постели, с каждой минутой проигрывая все больше очков коварной бессоннице. Вместо долгожданного сна к ней снова и снова возвращался ночной разговор.

— Мы уехали, у меня мать заболела, оставили его всего на два дня. Вчера мобильник «вне зоны» целый день, я старалась не волноваться — он часто забывает на подзарядку поставить. Но домашний телефон тоже не отвечал. Вернулись на день раньше — его нигде нет. Учительнице звонили — говорит, в школу не приходил. Он... Он... Что-то случилось с ним! — Ванина мама всхлинула, потянулась за салфеткой.

— Ваша девочка дружила с нашим сыном, может, она что-то знает? — Это Ванин папа. Голос почти спокойный, но руки предательски теребят подол клетчатой рубашки.

Кровь в виски. Боже мой, Ванечка!

Как же ты? Неужели... Нет, не верю! Это недоразумение.

Дурной сон.

Ты найдешься!

И получишь же от меня за свою злую шутку!

ВАНЯА-А-А!

Вздыхнув, Дарина подошла к окну. Помедлив немного, отодвинула шторы. Вгляделась в предрассветную темень, слабо разбавленную светом уличного фонаря. Степан, как и вчера, крутился у жасминовых кустов. До блеска хочет их вылизать, что ли? И что за лужи вокруг него разноцветные? Или они черные? Или это и не лужи вовсе? Станный он все-таки...

Ох, что за?..

Дворник рухнул на землю как подкошенный. Заворочался во тьме огромный пес. Или это тень от кустов? Не разобрать ничего в такой темени. Что со Степаном? Сначала Ванька пропал, теперь этот... валяется. Может, плохо? Может, сердце? Или перепил? Да вроде не похож на алкоголика...

— Степочка, ну вставай, поднимайся, пожалуйста! — пролепетала с мольбой.

Не слышит. Вздыхнув, девушка побрела к шкафу, вытащила спортивные брюки и курточку. Натянула поверх пижамы. Еще раз выглянула в окно — лежит, не шевелится.

— Зря я на него вчера фыркнула. Он заступиться пытался, а я... — Даря на цыпочках вышла в коридор, в темноте нащупала кроссовки, аккуратно открыла дверь, выскользнула в подъезд. И наконец припустилась бежать со всех ног.

* * *

Топот ног.

Лес Всечистейший, нет, только не это опять. Он вздрогнул, сел. Задремал! Затекущее тело отдало болью. Фух! Проснулся, слава богу. Вот только кошмар, похоже, остался.

Топот ног.

Стремительный, быстрый.

Топот.

Очень медленно Степан обернулся. Вообще-то он хотел обернуться резко, но тело не

слушалось, ныло каждым суставом. Как и всегда после уборки.

— Дарька?! Стой! Остановись, немедленно! — Он пытается кричать, но горло выдает лишь приглушенный хрип.

...нет, нет, не переживу еще раз, нет...

Девушка в спортивном костюме бежит прямо на него. А значит, прямо на радугу. Хотя чего это он? Сейчас мусор черный, безопасный. Ласун заворчал недовольно, но остался на месте, наблюдая, как бегунья старательно перепрыгивает через черно-радужные капли. Удивительно? Вряд ли...

— Степан! — Она повалилась рядом. — Я видела, как ты упал. Я так испугалась! И чего ты все время возле этих кустов? Это плохие кусты! Так все говорят. Степ, с тобой все в порядке?

— Ты что, каждый день в пять утра просыпаешься? — пробурчал дворник, отряхиваясь.

— Практически каждый. — Дарина ласково улыбнулась. — За очень редким исключением! А что это за лужи?

— И близко к ним не подходи! Стоп! Ты их видишь? А впрочем, — крикнув, он поднялся на ноги, — да... Я не ошибся...

— О чем ты?

— Ты говорила, это плохие кусты. — Степан задумчиво посмотрел на девушку сверху вниз, Дарина растерянно моргнула. — Пойдем, покажу тебе кое-что...

* * *

Степан жил в соседнем дворе, в крохотной квартирке на первом этаже. Дарина осторожно переступила через сваленные у порога картонные коробки, осмотрелась по сторонам. Вполне себе холостяцкая берлога. Даря не раз приходила в гости к двоюродному брату в общагу — его комната примерно так же и выглядела: разбросанные шмотки, толстый слой пыли. Но в целом — нормальное жилище.

— Это съемная квартира, — словно услышав ее мысли, бросил Степан. — Хозяева обещали коробки забрать...

— Слава богу, я уже начала думать, что ты в тех кустах и живешь! — Она осторожно присела в старенькое кресло. Степан возился на кухне. Пахло чем-то пряным и пыльным.

Внезапно девушке стало страшно — притащилась домой к незнакомому мужчине, которого иначе как «странным» не назовешь. Пять утра. Ладно, начало шестого. Но все равно — ночь, считай, еще. Родители понятия не имеют, где она.

Даря покосилась на дверь. Интересно, запер? Может, выскочить, пока не поздно? У ног примостился Ласун, высунув язык, заглянул гостье в глаза. «Нет, не выскочишь», — так и читалось в смышленном, почти человеческом взгляде.

— Чаю хочешь? — Девушка вздрогнула, Степан стоял над ней с чашкой в руках.

— Нет... я...

— А мне надо. Сладкий чай. После работы необходим просто.

— Ты хотел что-то показать? — Почему-то ей стало очень спокойно. Дворник присел на корточки рядом с креслом. Поставил чашку на пол. Потянулся за метлой.

— Сейчас. Попробуем. Смотри, почувствуешь себя плохо, говори, кричи — я остановлю! — и отломал от метлы прутик. Даря медленно протянула руку.

Радуга. Огромная черная лужа (лужа ли?) расцветает на глазах, клубится облаком, переливается яркими цветами.

Степан согнулся у жасминовых кустов.

Тяжело дышать. Ему. И мне...

Радуга беснуется, мигает. Дворник с трудом выпрямляет спину, катится градом пот, темнеет в глазах.

Топот ног.

Пристроился за кустом Ласун, удобряет красавец-жасмин.

Топот.

Запах гвоздик.

Ваня!

— *Стой! Назад! Не приближайся! Ласун, сюда!!!* — Степан кричит, нет, хрипит только. А я? Кричу-хриплю вместе с ним.

Спешит по важному делу подросток, прижимает к груди горшочек с гвоздиками. Что там этот крендель с метлой бормочет? Не разобрать... Откуда он тут вообще взялся? А! Какая разница! Быстрее надо! Дарька ждет!

Мчится парень с цветами на встречу с радугой. С блестящей, опасной, но невидимой для большинства людей.

Летит ему наперерез верный пес Ласун — услышал, дружок, почуял...

Глаза, яркий свет, как же режет глаза, мамочки!

С размаху влетел в радужное облако Иван. Жалобно заскулил опоздавший на долю секунды Ласун.

Темнота.

Жуткая боль в висках. Слабость по всему телу. Даря с трудом открыла глаза. Поняла, что Степан успел перетащить ее на диван. Мокрое полотенце на лбу приятно охлаждало, приводило в себя.

— Говорил же — станет плохо, кричи. Много увидела?

— Думаю, все. — Слова давались через силу. — Что это было? Ваня... Что с ним?

— Вот это я подобрал возле радуги. — Степан поднес к ее глазам самодельную открытку в форме гвоздики.

«С юбилеем, мамуль!

Не живи уныло,

Не жалей, что было,

Не гадай, что будет,

Береги, что есть!

Твоя Дарина», — прочитала девушка, подавив подступающий к горлу комок.

— Узнаешь?

— Это... Это было в горшке с цветами... — Она приподнялась на локтях, кружилась голова, жутко хотелось проснуться дома, в родной кровати. — Ванька... Я хочу знать: где он?

Дворник вздохнул.

— Знала бы ты, как этого хочу я... Сигарету? — Он протянул ей помятую пачку.

— Нет, я только утром курю... Это просто... неважно. Где Ваня?

— Как думаешь, чем я занимаюсь?

Даря пожала плечами, чувствуя себя полной идиоткой.

— Подметаешь улицы... И... И людей гипнотизируешь! — Внезапно она закричала, сдалась натянутым нервам, дала волю сжавшим горло слезам. — Что это за БРЕД, скажи?! Что за фокусы? Сначала с Кирой, потом со мной! Откуда мне знать, что Ваня... что это правда? Да я ж тебя совсем не знаю! А Кирка кого увидела?!

— Никого. Она не способна это видеть. С нее хватило эмоций. Впрочем, она бы и не почувствовала ничего, не будь радуги рядом... Метлу держал активированной.

— Какая... Да кто ты такой?

— Я — дворник, Даря. Настоящий. И мусор я подметаю настоящий — не ветки с окурками, хотя и на них приходится отвлекаться. Для отвода глаз.

— Как-кие окурки?

— Видишь ли, Даря. — Он присел на край дивана. — В мире очень много мусора. Люди сорят постоянно. А убирать за собой никто и не думает...

— Не понимаю!

— В жасминовых кустах месяц назад погибла девушка. От рук жестоких подонков. А еще раньше другая девушка дала там пощечину своему парню. Ни за что практически. А где-то за месяц до этого ребенок пнул котенка. Все под теми же кустами.

Даря молчала. Хотела о многом спросить, с чем-то поспорить, с чем-то согласиться, но вместо этого сидела и молчала, уставившись в одну точку.

— Если бы я пришел сюда на полгода раньше и вымел мусор до того, как он разросся... Но дворников мало, а мусора так много!

— А Ваня? — прошептала наконец девушка. — С ним что случилось?

— Он... Ему просто не повезло, прости. Понимаешь, чтобы вымести и заполировать мусор, надо сначала активировать все то зло, которое он в себе несет...

Дарина грустно улыбнулась.

— Ты говоришь, как учитель в школе.

— Надо поднять его на поверхность, — Степан, кажется, ее не слышал, тараторил, словно студент на экзамене, — мусор, в смысле. Довести до точки кипения! Только так его можно уничтожить. Но проблема в том, что такая активированная грязь очень опасна для простых людей. Про Бермудский треугольник слышала?

Даря ответила возмущенно-снисходительным взглядом.

— Ах, ну да. В общем, если вовремя не убрать мусор, если позволить ему накапливаться и разрастаться, то лет через сто таких треугольников по миру будет — гребни не хочу! Но когда дворник заканчивает уборку, когда доводит грязь до крайней точки, то в итоге получает такой же треугольник. Всего на несколько минут. Пока не заполирует. Но иногда этих минут оказывается достаточно...

Радуга.

Ванька.

Яркий свет.

— Радуга, — растерянно пробормотала девушка.

— Да. Так мы называем *это*. Мусор — он черный. Но в последние минуты своего... гм... существования становится разноцветным. Прекрасным просто. Иногда мне даже жаль, что другие люди его не видят. А он... он прощается. И на прощанье забирает все, что попадает в его лапы. Поэтому и работаю ночью. Когда людей нет. Почти...

— Как мне Ваньку вернуть? Скажи!!! Ты же знаешь, ты должен знать! Ты... ты... да кто же ты? Постой, а я кто? Я ведь вижу это... Я...

Дворник печально покачал головой.

— Ты не понимаешь. Мы не волшебники. Мы просто люди, которые видят немного больше. Которые замечают то, мимо чего остальные проходят, не оглядываясь. И которым потом приходится за это расплачиваться...

Он помолчал, беззвучно шевеля губами.

— Я не знаю, где твой друг. Я пытался ему помочь, и за это мне тоже придется ответить.

— Он найдется! — Дарина почувствовала, как в ней закипает отчаяние. — Обязательно! Иначе! Не может! Быть!

Она встала, подошла к двери. Мысли путались. Какая-то одна крутилась в извилинах, никак не желая ловиться. Почему-то очень хотелось верить Степану. Не про Ваньку — а в принципе. Вот только верилось с трудом.

— Родители Ивана, — мысль-бегунья наконец остановилась, оформившись в слова, — они спрашивали о тебе. Они придут. Скорее всего с милицией. Уезжай отсюда! И это... открытку мне отдай!

— Не могу. Я храню все, что осталось, от них. Школьный дневник, кепочка, тапочек даже есть... На них — брызги радуги. Если кто-то из пропавших все-таки вернется, я о них узнаю. По этим брызгам. И помогу им вспомнить. Я надеюсь... Ну что смотришь, как на сумасшедшего? Даже Управление разрешило оставить вещи. Сказали: «Пусть будут брызги,

только в самую радугу больше не лезь...»

Даря сокрушенно вздохнула и вышла.

СРЕДА

«Уезжай отсюда!» — Степан лежал, глядя в потолок. Уедешь тут, когда дело не закончено! Он покосился на часы. Пять минут назад вторник уступил место среде. Скоро подростки окончательно разбредутся по домам... С улицы раздался беззаботный девичий смех. Что ж, может, и не скоро... Звуки гитары. Звон стекла. Снова смех, теперь уже мальчишечий. Ох уж эта молодежь, шастает вечно до самого утра, работать мешает! Этой ночью он закончит дело. Осталось совсем чуть-чуть. Основную — самую большую и опасную (и — да! — самую прекрасную) — радугу он уничтожил вчера. Сегодня его ждут четыре маленьких — даже не радуги — осколка. Но достаточно опасных — днем лучше не трогать...

Дворник устало погладил метлу. Старушка моя! Сколько мы уже с тобой вместе? Пятый год пошел. Скольких он потерял за это время? Девять человек. Без Ваньки. За позавчерашнего мальчика почему-то больше всего.

Он всегда умудрялся оказаться там, где больше всего грязи. Окунался в самые громадные радуги страны. Таких, как он, называют «дворниками запаса». Когда ты живешь и работаешь на одном месте несколько лет подряд, бороться с грязью легко — надо только сидеть и наблюдать. Заметил, как у клена ссорятся друзья-супруги-родители-с-детьми, — подошел, смел на скорую руку *следы* ругавшихся — и все чисто, не испортит больше клен никому настроения, не притянет магнитом новые неприятности. Такую радугу можно и днем полировать — она маленькая, почти безобидная, случайного прохожего утянуть с собой не сможет — сил не хватит. А если, не дай бог, пожар во дворе или драка серьезная, опять же, по свежим следам легче мусор смести, хотя и придется ночи дожидаться.

А вот когда эта грязь полгода балластом лежит, когда радуга себя уже практически полной хозяйкой почувствовала, а ты, наоборот, представляешься новичком среди вражин-одноклассников, вот тогда-то настоящая работа и начинается.

Чем больше мусора, тем ярче радуга. Сильнее боль. Опаснее *контакт*.

Девять человек. Десять, уже десять. Когда исчез самый первый — бездомный глуховатый старик, — Степан целый час сидел у сверкающей радуги, бессмысленно вглядываясь в цветастый калейдоскоп. За что и получил потом от Управления на орехи — нельзя останавливать уборку, любое промедление может обернуться еще большей трагедией.

Потом была компания подростков. Заброшенный пустырь. Несколько убийств за последний год, когда он добрался туда, мусор, кажется, даже на зубах скрипел. А радуга — о, люди! Если б вы ее видели! Такую красоту описать невозможно. Малолетки появились неожиданно. Да, был день, но место пользовалось такой дурной славой, что Степан и подумать не мог, что кто-то сюда сунется. Он кричал, пугал, прогонял, он бросился в драку, чтоб только не пустить их туда, где сверкал, прощаясь, мусор. Невидимый для четверки глупых юнцов. Очень упрямых юнцов — удар по коленной чашечке, под дых, дворник покатился по земле, а малолетки, хохоча, помчались прямо на радугу.

Тогда Степан подумал, что она пусть и невидима, но все же привлекает к себе внимание. Зовет. Заманивает. Знать бы, зачем ей это...

После этого случая Управление на целых полгода запретило ему даже близко приближаться к метле и мусору. И вообще к людям. Жил в Лесу шесть месяцев. А вернувшись, завел себе Ласуна.

* * *

— Я! Я из-за тебя встречу отменил! Мать на работу опоздала!

— Ты что творишь? И это после того, как Иван пропал! Да мы... мы чуть с ума не

сошли с отцом, когда увидели, что тебя в спальне нет!

— Уже в милицию хотели звонить!

— Почему не в морг?

— Что?! Ах ты ж...

Утром ей чудесным образом удалось избежать долгих расспросов и нудных нотаций — родители ограничились фразой: «Вечером поговорим, бегом в школу!» Зато сейчас... Уже за полночь перевалило, а они все зудят, успокоиться не могут. Дарина в сотый раз мысленно обложила свою растерянность красочными эпитетами. Надо ж было так заболтаться со Степаном, чтобы счет времени потерять совершенно! А они, блин, решили, что дочку маньяк похитил. Прямо из спальни!

Даря уныло вертела в руках часы.

— К парню она побежала... И что это за парень — дворник ничтожный!

— Мама, он просто друг!!!

— Не ори на мать! Может, этот друг тебя в университет устроит? Или аборт оплатит?

— ПАПА!!!

— За нее волнуешься, а ей вообще наплевать на все! Ты же юрист будущий!

— Да сколько ж можно? Не юрист я... мне совсем другое нравится. Я рисовать люблю.

И стихи писать!

— В переходе метро рисовать будешь?

— НЕ-ХО-ЧУ на юридический!

— Замолчи! — Тяжелый кулак опустился на стол.

— Володя, не волнуйся так. — Дарина исподлобья смотрела, как мать бережно сжимает отцовскую ладонь. И как тот раздраженно ее вырывает. Внезапно стало очень тоскливо и *скучно*.

— Я спать пошла! — Она резко вскочила со стула, даже слишком резко — стул с грохотом загремел на пол.

— Ты еще за утреннюю выходку не извинилась!

— Извините! — процедила сквозь зубы, закрывая за собой дверь в ванную.

* * *

Степан уныло полировал радужные осколки. Один за другим. Вот закончу, и можно уезжать. Конечно, не планировал съезжать так быстро — работа здесь есть еще, и вообще, можно было бы осесть, наконец. Но... Даря права — опасно. Да и сил нет на эти кусты смотреть. И почему этот мальчик его так задел? Больше остальных... Из-за Дарины? Или просто накипело уже, взбурлило молочной пеной, зашипело угрожающе, готовясь выплеснуться наружу...

Не уберег. Не вернул.

Никого из них.

Воротившись из полугодового отпуска, он бросился на поиски выхода. Выхода из радуги. Он оставлял коварный калейдоскоп незаполированным и потом сутки крутился возле него, надеясь увидеть троицу ночных подвыпивших драчунов, буквально ввалившихся в разноцветное облако. Увы! Он несколько раз за день *приоткрывал* уже заполированное, но мама с дочкой, выбежавшие во двор в одних халатах и тапочках вслед за спрыгнувшей с балкона (а затем и нахально отвлекшей Ласуна) кошкой, так и не появились. Наконец, он оставил в полировке три отверстия, маленькие трещинки, безопасные для людей, но спасительные — по его мнению — для провалившегося Ивана. И снова неудача.

Радуга заманивает.

Радуга не отпускает.

В Управлении говорят, что за всю историю лишь считаному десятку удалось вернуться. В течение первых суток. И только единицы возвращались спустя несколько лет. Но никто из счастливчиков не смог внятно объяснить, что с ними произошло.

Степан вздохнул. Машинально активировал новую — последнюю на сегодня — радугу. Машинально ею залюбовался. В Управлении не знали о его опытах. Хотя кому он врет? Утаишься от них...

Ну вот, все. С жасминовым мусором покончено. Дело сделано. Теперь можно...

— Ты уедешь, да? — Дворник вздрогнул. Но не удивился. Почти.

— Снова не спится? — слабо улыбнулся темноволосой девушке.

— Забери меня с собой! — Дарина схватила его за руку. — Я ведь могу, я знаю, могу делать то же, что и ты. А ты говорил, что дворников не хватает. Забери меня! Я прямо сейчас готова уйти куда угодно! Я больше не могу оставаться здесь, с ними...

— Даря, — он мягко освободился от ее хватки, устало вздохнул, — ты хоть понимаешь, о чем просишь?

— Только не надо пафосных фраз! Скажи еще, что сам не хочешь, чтобы я ушла с тобою!

— Хотел... В какую-то минуту. Но пойми, я ведь не в игры здесь играю. Как думаешь, сколько мне лет?

— Ну... Сначала ты мне казался совсем молодым. Но теперь... Тридцать... пять?

— Ровно на десять лет меньше! Мы, дворники, не просто убираем за вами *мусор*, мы фактически пропускаем его сквозь себя, через свою жизнь. И это, поверь, совсем не похоже на сказку.

— Степа! Степочка! Ну послушай, я не могу так больше! — Она затараторила быстро-быстро. — Жизнь с моими родителями — тоже сказка еще та. Говорят — юридический. Круто типа! Они никогда не хотели понять, чего я хочу. Им лишь бы похвастаться: «Во-о-от, наш ребенок!» А хоть бы раз спросили, чем я живу, чем дышу. Им пофиг! Я... я согласна улицы драить, только бы от них не зависеть!

Степан грустно улыбнулся. Зашевелилось в глубине души что-то серое, мутное. Что-то из его собственного детства, юности — кем он был в ее возрасте? Не вспомнить. Только муть и осталась.

— Ты сейчас пытаешься прийти ко мне или уйти от родителей?

— Да какая разница?! Я думала, я тебе безразлична...

— Совсем безразлична. Поэтому и не хочу для тебя *такой* судьбы. Я уеду. Сегодня же. А ты меня забудешь скоро. Все они забывали. ВСЕ, кто хотел пойти за мной. Хоть их я уберег, если уж других не сумел.

— Зачем же ты мне это все показал? — недоуменный отчаянный шепот.

— Уж лучше я, чем кто-то из моих коллег... Мы ведь *должны* информировать потенциальных дворников. Но тащить их с собой насильно *не обязаны*.

— Не насильно, Степка! — Она бросилась ему на шею. — Я сама, я хочу...

— Степан Ковальский? — Резкий голос, мужские фигуры, выплывшие из утреннего полумрака. — Оперуполномоченный Кириленко, уголовный розыск! Хотим задать вам несколько вопросов, пройдемте с нами, пожалуйста.

* * *

— Не трогайте его!

— Я арестован? Ласун, сидеть!

— Пока нет. Поговорить хотим. Ребенок, иди домой!

— Это *Я* ребенок???

— Хорошо, пройдемте. Даря, отойди!

— Оставьте его!!! Степан, не ходи, не надо!

— Даря, иди домой. Да успокойся же! Отойди. Только хуже сделаешь.

— Не ходи с ними!!!

— Я просто отвечу на несколько вопросов, — тихо, будто и впрямь говоря с капризным ребенком, сказал Степан. — Возьми лучше мою метлу на хранение. Держи, не потеряй!

Весь день, как в тумане.

Нет. Этого быть не может. Все сон. Дурной сон. Реальность не должна быть такой жестокой. Иначе кому она нужна такая? Сначала Ваньку потеряла. Теперь Степана. Теряю...

Даря бледной тенью бродила по школьным коридорам. Большая перемена. Все радуются, а она дожидаться не может, когда уже урок начнется. Геометрия. Там хоть как-то можно отвлечься, обмануть воспалившееся воображение, заставить его теоремы доказывать, а не мрачные картины рисовать. У Клавдии Максимовны особо не поразмышляешь, только попробуй зазеваться... Эх, скорей бы урок.

— Склярская! Дарька! Где бродишь? — Она тупо уставилась на старосту («Смазливая все-таки рожа», — подумалось абсолютно невпопад). — По всей школе тебя ищут! Там милиция в учительской, Кирку расспрашивают и подружек ее. Тебя тоже вызывают. Пошли быстрее!

Даря растерянно моргнула. Идти никуда не хотелось. Хотелось на геометрию, забиться на заднюю парту и решать-решать задачки, пока не закипят мозги, вычеркнув весь этот кошмар из памяти.

— Эй! Заснула, да? — Игорь схватил ее за руку.

— Короче, я им и сказала: дворник — гипнотизер! Что захочет, то человек и сделает. Светка подтвердит, как он меня тогда... Э-э-э... Кхм... Уверена, это он Наташку... И Ваньку тоже он. Гипнотизировал и убивал. И Дарьку загипнотизировал. Ей еще повезло, легко отделалась. Она, конечно, дура, но все равно жалко...

— СССРКА! — Дарина наскочила сзади, вцепилась гадине-Кирке в волосы. — Врешь ты все! Что ты знаешь вообще? Тварь!

— Пусти! Помогите! Она свихнулась! ААААА!

— Заткнись, тварь! — Девушки упали на пол, треснула Киркина кофточка, захрустело что-то в рюкзаке у Дарьки, завизжали одноклассники.

— Чокнутая! На, получи! — Кира наконец выкрутилась, села верхом на противницу.

— Девочки, не надо!!!

— Убью тварюку! — Дарькины зубы впились в ненавистную ладонь.

— Клавдия Максимовна, дерутся!

— Успокоились!

— Это все она...

— ОБЕ!

— Дарина Склярская? — Из учительской выглянула незнакомая женщина строгого вида.

— Не сейчас! Подождите! — Клавдия Максимовна закрыла собой удивленную Дарину. — Не видите, плохо девочке. Успокойся, идем со мной. — Это уже Дарьке адресовано. — Воды принесите кто-нибудь!

Девушка сквозь туман нащупала руку учительницы. Оперлась. Зашла в пустой кабинет.

— Бедная девочка! — раздалось над ухом.

— Еще жалеть ее!

Знакомое шипение. Перешептывание одноклассников. Недовольное бурчание оперативников. Звонок родителям. А туман все набирает и набирает обороты. Затягивает в липкие объятия.

— Ах! — Дарька судорожно сжала виски. — Голова кружится!

— В медпункт ее!

— Может, хоть там в себя придет... — Кирка никак не угомонится.

А затем темнота.

СУББОТА

Она проспала двое суток. Открыв глаза, попыталась сложить невнятные обрывки событий в единую картину. Вот отец растерянно озирается в школьном медпункте. Вот несет

ее в машину. Вот она уже дома, не раздеваясь, рухнула на кровать. А вот мама стаскивает с нее одежду. Звонит по телефону. Говорит, что в ближайшие дни в офисе не появится.

И снова отец — берет ее за руку, что-то говорит, но не разобрать слов, хочется только спать, спать, спать...

Она проснулась. Вышла на кухню, заварила себе чаю.

— Даря... — Мама неуверенно присела рядом. — Я тут с психологом говорила... Знаешь, мы с отцом, наверное, слишком на тебя давили. Неудивительно, что ты... В общем, не хочешь поступать на юридический, не поступай. И в школу эту ты больше не вернешься. Отец договорился об индивидуальных занятиях на дому. Хотели вообще документы забрать, но выпускной класс все-таки...

— Что со Степаном? — Девушка внимательно изучала чайники в чашке.

Мать пожала плечами.

— В СИЗО он. Арестовали сегодня. Соседи видели его в то утро, когда Ваня... Юрка, твой дядя, дело ведет. Говорит, повезло тебе... Вовремя спохватились. У него ведь в квартире нашли открытку... Твою... Для меня. А еще нашли другие вещи, других... пропавших людей. Господи, Дарька! Открытка у Ваньки была, да? А если б ты вышла к нему на улицу в то утро...

— Я хочу поговорить с ним.

— С кем?

— С дядей Юрой. Пожалуйста! Мне это очень нужно!

* * *

Ласун не отходил от здания СИЗО. Лежал, свернувшись клубочком, напротив тюремного окна. Верный пес. Сколько раз выручал, становился между радугой и упрямым прохожим. Между манящей паутиной и летящей на зов жертвой. Что с ним будет? Этот вопрос волновал Степана больше всего. Дарька-то теперь в безопасности.

Дарька.

Забудет она меня скоро. И слава богу! Я б и сам себя забыл, если б смог...

Что за... Камера пошатнулась. Поплыла, переливаясь семицветным калейдоскопом. Лес Всечистейший! Неужто Управление вызывает? Впрочем, глупый вопрос — кто ж еще может *вызывать* его? Ладно, побеседуем. Камера еще раз качнулась. И замерла как ни в чем не бывало. Степан озадаченно покосился на расшалившиеся стены. Снова толчок, калейдоскоп... Ткнулся робко, затих. Пьяные они там, что ли? И наконец взбрыкнул пол, выскользнул из-под ног, вышвырнул дворника... нет, не в Лес родимый, как ожидалось. А в квартиру какую-то незнакомую. Искривленную, будто отразившуюся в сотне кривых зеркал. Впрочем, квартира-то незнакомая, а вот хозяйка...

— Дарька! — Степан подпрыгнул на месте. — Что за фигню ты творишь?!

— Я просила дядю. Он твоим делом занимается... — Девушка казалась не менее растерянной, чем Степан. — Просила о свидании с тобой. А он уперся. О правах каких-то твердил. Вот я и решила...

— Поиграться с метлой! Глупенькая, я тебе ее для чего дал? Чтобы не затерялась, а ты... — Он подошел, взял ее за руки. — Ну зачем ты это сделала? Сейчас я в камере валяюсь без сознания, там уже, наверное, переполох начался...

— Вот именно! Степочка, почему ты здесь? То есть — там? В СИЗО! Ты ведь можешь освободиться! Ты мог бы вообще им не даваться! И не говори, что я не права! Ты мог!

— Может, и мог... Только, знаешь, устал я жить на грани. Наше Управление... Да, оно предусмотрело такие случаи. И, конечно, они смогут меня освободить. При желании. Но будет ли желание? — Он усмехнулся. — В последнее время я изрядно надоел Управлению, а Управление надоело мне. Думаю, нам лучше разойтись...

— Но... А на свободе разойтись никак нельзя?!

— Это будет гораздо сложнее. Да и потом, в тюрьме ведь тоже дворники нужны.

Метелку свою заберу, авось в последнем желании не откажут. А если какой-нибудь насильник вдруг в радугу провалится... Ну ты ж понимаешь, это в любом случае лучше, чем пятнадцатилетний ребенок.

— Чушь собачья! Где? Где это твое Управление?! Я пойду туда и заставлю их тебя вытащить!

— Оно в Лесу, Даря. Но не-дворнику попасть туда еще сложнее, чем в СИЗО на свидание!

— В каком лесу? Лесов много!

— Нет. — Ласковая улыбка, мечтательный взгляд. — Лес — он один.

— Ладно. — Даря глубоко вздохнула. — Не хочешь говорить, не говори. Я найду другого дворника. И стану его ученицей! И попаду в Управление! Я теперь умею метлой пользоваться! Слышишь?!

Степан рассмеялся, внезапно на душе стало очень легко и беззаботно. Нет, не зря он приехал, не зря! По крайней мере одно доброе дело успел сделать. Уберечь ЕЕ.

— Метлой ты воспользовалась только потому, что она пока еще тебя *помнит*. После вашего с ней контакта не так много времени прошло. Но скоро забудет, поверь. Иначе я бы тебе ее не дал никогда. А в том, что дворника ты найдешь, я не сомневаюсь. Ты нас теперь легко из толпы вычислишь. Видеть больше — это еще и видеть друг друга. Но вот неувязочка — по Закону в ученики тебя может взять лишь твой информатор. А это — я! А я — сама знаешь где! — Взмах руками, радостная улыбка. — И, судя по всему, надолго!

Какое-то время Дарина молча смотрела на него. Затем заговорила медленно, глядя прямо в глаза:

— Знаешь что, Степан! Ты — трус! И сам прячешься, и меня не пускаешь! Тоже мне! Спаситель человечества!

— Пусть будет трус. — Он опустил голову. — Только от своей работы я все равно не спрячусь. А ты, столкнувшись в очередной раз взглядом с дворником — с человеком, пропитанным насквозь чужой болью, еще спасибо за мою трусость скажешь!

— Ты говорил, что я вижу больше... Что нужны дворники...

Он рывком обнял ее за плечи.

— Даря, ты удивительный человек. Ты действительно видишь больше, чем многие другие. И, возможно, однажды ты сделаешь для этого мира больше, чем я и все мое Управление. Но сейчас — уходи! То есть, тьфу, это я ухожу! И не балуйся с метлой больше.

Дворник развернулся, нащупывая тюремные стены.

— СТЕПАН! — От ее крика зазвенело стекло в комнате. Или в камере? — Это еще не конец! Я тебя вытащу, хочешь ты того или нет, понял?!

Степан, не оборачиваясь, шагнул за грань.

* * *

Даря металась по искаженной невидимыми зеркалами квартире. Настроиться на Степана она сумела. Методом интуитивного тыка и с пятой попытки. Ладно, с шестой. А что сделать, чтобы комната снова стала нормальной? И этот тоже хорош — ушел, даже не объяснил, что к чему.

— Метла тебя помнит, но скоро забудет! — кривляясь, пробурчала девушка. — Надеюсь, назад успею вернуться, пока у нее память не отшибло? Ну же, метелочка, что мне сделать? Чертов дядя! Если б не его упертость, в жизни б с метлой не связалась!

Метла взбрыкнула степным конем, заметалась из стороны в сторону.

— Подожди! Прости, я не хотела тебя обид... Да стой ты! Ай!

Взорвались зеркала, осыпаясь разноцветным стеклом, обнажая скрытую за ними черноту. Зазвенели, заглушая Дарькин крик. Да и вообще все на свете заглушая. А потом все исчезло: и комната, и зеркала кривые, и шум за окном. Даре показалось, что даже она сама куда-то исчезла. Осталась только тишина и темень — две подружки неприступные, вязкие,

непроницаемые. Хотя нет, был еще Голос. Такой знакомый. То нарастающий, то практически тонущий в липкой тишине.

— По делу проходит родственница. Сам понимаешь, я не имею права его вести... — Дядя! Снова с правами своими! — Здесь все документы. В двух словах — странный тип какой-то. В районный ЖЭК устроился неделю назад, но местные работники с трудом его вспомнили. Проверили трудовую — выходит, что Ковальский работал дворником в разных городах. Где месяц работал, где два. Где вообще неделю. Сделали запрос по этим городам — в нескольких районах его, гм, работы зафиксированы исчезновения людей. Но связать происшествия с Ковальским никому в голову не пришло, так как после его ухода у всех, похоже, наступала массовая амнезия... — В монотонном голосе дяди прорезались злобные нотки. — Все просто забывали о его существовании, тьфу!

Тишину пререзало невразумительное шипение. Затем вернулся Голос.

— ...те, которые на нас до сих пор висят. Кусты эти жасминовые. Дворовые бабульки заметили, что новый дворник с пяти утра (не спится же людям!) возле них крутится. А тут еще пацан пропал. В общем, старушки позвонили в милицию. Вот и решили прощупать дворника... Утром к кустам пришли — и правда крутится. Задержали. Сделали запрос по именам ранее пропавших. Порасспрашивали людей. Наведались в квартиру. Уже с ордером на обыск. А при обыске — кучу вещей у него в сумке нашли...

— Говорила ж — отдай открытку! — выдохнула Даря. И замолчала испуганно. Потому что и дядя вдруг осекся на полуслове. Дарина его не видела, но почему-то была уверена, что сейчас родственник (а возможно, и его собеседник) растерянно озирается по сторонам. Девушка задержала дыхание, боясь выдать себя неосторожным звуком. И почувствовала, что летит куда-то вниз.

Открыв глаза, она поняла, что лежит на полу в своей комнате и судорожно сжимает метлу (интересно, помнит еще меня?), а над самым ухом разрывается телефон. Дарина очумело тряхнула головой. Ныло тело, болела прокушенная губа. Бррр! Хорошо хоть родителей дома нет. Вздохнув, девушка дотянулась до телефонной трубки.

— Алло. Даря, это ты?

— Да, Клавдия Максимовна... — Дарина села на пол, крепко зажмурилась, пытаясь разобраться, где сон, где реальность. — Здравствуйте. Вам, наверное, мама нужна?

— Нет, Даря, мне ты нужна.

— Э...

— Да, я знаю, ты не будешь ходить в нашу школу. Но я бы не хотела, чтобы из-за случившегося ты отгородилась от людей. Личности вроде Киры были, есть и будут, и от них никуда не деться. Надо просто научиться рядом с ними жить. И помнить, что хороших людей все равно больше. Удачи тебе!

— Спасибо. Я запомню. Спасибо вам!

Положив трубку, девушка наконец поднялась на ноги. Осторожно засунув метелку назад под кровать (вот и пригодились чемоданы, сгруженные после переезда под Дарькину кровать на неопределенный срок, — сюда-то мама не будет по сто раз на дню заглядывать), прошла в ванную, пустила струю холодной воды, подставив ей лицо и руки. Затем пригладила ладонью взъерошенные волосы и вышла на улицу.

Улицы. Такие безликие и такие живые.

Мокрый асфальт. Апрельский дождик брызнул робко и удрал, поджав хвост, в свои дождливые страны.

Шорох машин, шелест листьев, чьи-то мягкие лапы ступают неслышно...

Она вернулась домой поздно вечером.

Потихоньку прикрыла дверь, молча зашла на кухню, присела за стол к родителям.

— Ты... телефон отключила? — Чувствовалось, что мать с трудом сдерживает нотки упрека. Отец лишь угрюмо хмыкнул.

— Юрка звонил. Говорил, что он... э-э-э... ему показалось... В общем, ты около четырех часов не у него была?

Даря пожала плечами.

— Дядя Юра слишком много работает. — Помолчала секунду. — Мама, папа, я сказать кое-что хочу. Я пойду на юридический. Не из-за вас — я теперь сама этого хочу. Хочу стать адвокатом. Самым успешным. — Отец встрепенулся, будто проснувшись от тяжелого сна, удивленно посмотрел на дочь. — Я буду лучшим адвокатом, — повторила Дарина, делая ударение на каждом слове. — Вы будете мною гордиться. Я... я больше никогда вас не разочарую. Я получу красный диплом и... буду приходить домой до десяти вечера... Только... Пожалуйста...

Она щелкнула пальцами. Из коридора несмело выглянул Ласун.

Эльберд Гаглое АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

*Моим смешным и сладким.
Жене и дочкам.*

И зачем нужна ему была эта свадьба? Чего он на нее поперся? И денег-то давали чуток совсем. Не по чину. Нет, пошел. Дурень. Точно дурень, потому и пошел. Ведь вырвал, казалось, занозу из сердца, вырвал. ан нет. Осталась заноза. Болючая. Как увидел косу черную, ведьмачью, как увидел глаза зеленые, бесовские, как увидел, как летает над коленями точеными молочное кружево, как увидел гибкий стан над пеной юбок, так голову и потерял. И слово, самому себе даденное, позабыл. Не можно такое плясуну. И пошло, и заиграло бедовое. Давно так Никитка не плясал. Заходился от восторга народ, на его прыжки и пролеты радуясь. Как же, такого знатного плясуна на свадьбу подманили, будет теперь молодоженам счастье. Будет уж. А Никитка плясал, себя не жалея, лишь бы зеленоглазая еще разок глянула. И глянула и приветила, да так, что от поцелуя аж виски заломило. Как и не было этого года разлуки. А был он. Был. И у губ жарких, и у глаз зеленых, и у коленок точеных новый обожатель появился. И ничего, что молодой да нескладный. А плечи широченные, кисти мосластые, ноги длинные. И глазищи васильковые.

Да и не робкий, против знатного плясуна в круг вышел. Сам со временем таким стал бы. Не станет.

То ли бывшее в голову взошло, то ли пива лишнего выпил Никитка, кто теперь разберет. Да только как увидел нежность душевную в зеленом том взоре, навстречу васильковому брошенном, душа взыграла. Дуром он на мальчонку полез. За что и получил, да обидно так. Нос знатному плясуну своротил отрок. Никитке бы на пользу все себе развернуть, плясуна нового по плечу похлопать, пива с ним выпить... Еще бы и друзьями расстались. Нет. Швырнула дурь вперед. Обошел неумелую защиту костлявый кулак плясуна, да вовремя в сердце ткнулось что-то. Придержал руку, а то разлетелась бы голова синеглазого брызгами кровавыми. А так несильно, в общем-то, в висок и тюкнул. Для плясуна несильно. Был бы супротивник поопытней, увел бы он голову в сторону, хоть и не ушел от удара. Поболела бы день-другой башка-то. А этот столбом стоял, не шелохнулся. Косточка тонкая и хрустнула. Да громко так. Опамятует ли?

До сих пор в глазах стоял полный непонимания взгляд матери мальчонки покалеченного. И кем? Плясуном. Защитником. От нечисти Хранителем.

И отвращение в глазах зеленых.

И голос старосты в ушах:

— Мы на тебя, Никитка, зла не держим. Гаркушка сам супротив тебя в круг встал. Но и понимания к тебе проявить не можем. Зачем же так мальчонку-то? Так что ныне кровник ты нам. И нет тебе в земле нашей ни еды, ни воды.

И свой хрип:

— Виру возьмите.

— А кому ты виру давать будешь? Матери? Так один он у нее. Был. Кормилец. Марьянке? Так та с тобой сама скорее в круг встанет. А обществу? Ты и так всем пользу несешь. Нес. Ты лучше к Кошачьей Голове сходи. Опять там вроде неладно. Вернешься, считай — отдал виру, не вернешься, знать, ушел от тебя за кривду твою ангел-хранитель.

— Не возвращался еще никто от Кошачьей Головы.

— Или страшно стало? Раньше надо было бояться, плясун, когда Марьянкиного двоюродного, словно нелюдя какого, насмерть бил.

Двоюродного. Родича. За честь семьи мальчонка встал. Не за взгляд любимой. Дурак ты, плясун Никитка.

* * *

Сахсат широкой горстью смахнул пот со лба, поправил заплечный мешок, хлопнул по укутанному в кожу лезвию верной секиры и подступил к скале. До места, указанного в старой карте, осталось недалеко. Гораздо меньше дневного перехода. До ночи он будет там. Поспит. Отдохнет. Дождется нужного времени и найдет того, кто, силу и свирепость его преодолев, изгонит страшную болезнь его. Сахсат ни о чем не жалел. Воины его семьи никогда ни о чем не жалеют. Все в ладони Великого.

Решит — и будет у Сахсата новый дворец на берегу Океана.

Решит — и опять поведет он в бой броненосную пехоту Императора.

Решит — и вновь Мудрейшие склонят слух к его советам.

Но это если решит.

Ни о чем не жалел Неистовый. Тревожила сердце его лишь мысль о дочке от белокожей наложницы, столь же ласковой, как ее мать, что так отличалась от свирепых женщин Островов. Но дитя в хороших руках. Мать Императора, увидев любовь отважного воина к полукровке, взяла ее под свою руку. А то пропала бы сирота. Сирота. Ведь вычеркнут Сахсат из скрижалей живущих.

Раз в пять лет присылает народ Островов величайших воинов ко двору Императора, дабы насладились они взор его своим воинским умением. Велика была слава Сахсата, четвертым сидел по правую руку Повелителя. И как всякий значимый, имел он недоброжелателей. Сейчас уже не узнать, кто заронил в голову Императора мысль, что могуч Сахсат, как десять величайших. И пора нанести новый узор на его клыки. Хороший случай проверить боевое умение воина.

Только не для потешных боев оказалось то умение. Была одна беда у Сахсата, страшная для других, страшная для него самого. После раны в голову снисходила на него в битве Священная ярость и обратиться гнев его мог как на врага, так и на соратника. Не ведал Неистовый в бою между ними разницы.

И пали шестеро соплеменников под секирой Сахсата. И отвратил взор от него Император. Лишь к вечеру пришел посланец и принес яд. Дорогой. Очень дорогой. И взъярился Сахсат. И пошел ко дворцу. Ибо лишь первый среди равных Император Островов. Но не пожелал видеть величайший воителя своего. Кровав был путь Неистового. Многие отдавали его секиры. Не воины, Жрицы Превеликой Матери смогли успокоить гнев его.

И было сказано ему слово Дома. Нет больше Сахсата Неистового в числе Хранителей. Нет его и среди жителей Островов, пока не избудет страшный недуг, что не только врагам, но и своим вредит. Волен жить он и биться, где пожелает. Но нет чести великому в судьбе наемника. Нет и Дому чести, когда один из величайших его воителей клинок свой иному повелителю отдаст. Простить Сахсата может лишь подвиг. Но подвиг, вне этой тверди совершенный. И да станет подвигом поиск воина более сильномогучего, чем рекомый. А до той поры изгоняется Сахсат Неистовый с Островов.

— Ты похож на своего отца. — Ладонь старой матери Императора скользит по длинному извилистому шраму, что, начавшись почти у чуба, заканчивается на щеке. — И он стал неистов после раны. И лишь удар Гердана Пропойцы, после которого он пролежал без

памяти два дня, излечил его. Помни это.

Пять дней нес Сахсата быстрый корабль-щука. И на шестой, провожаемый молчанием моряков, спустился изгнанник на берег недоброй славы острова Даллаг. Два дня шел по проклятой земле воитель. Повидал много странного. И вот путь его к завершению близок. Как, впрочем, и жизнь. Ибо какой сильномогучий воин проигравшему жизнь оставит?

* * *

Юрке было стыдно, как никогда в жизни. До слез. До соплей. Лучше бы побил кто, ей-богу. Да кто ж его такого здорового побьет. Да и чемпион вроде.

А в голову упрямо лезло, как сидели с Ленкой, мечтали, что заживут нормально, когда он денег получит, как игрушек новых Танюшке купят. Сапожки. Шубку. Вспоминал, как Ленка в двух местах работала, когда его со службы выперли. Как продукты в дом тащила, чтобы он нормально тренироваться мог. Как сам по ночам подрабатывал, чтобы девчонок подарками порадовать. Как маленькая дочурка, в могучих руках угнездившись, папку успокаивала, когда он ей куколку купить не мог. Как подарки, на Новый год полученные, на всех делила. А он до скрипа зубовного жаждал успеха, славы. Ну и денег, естественно.

Добился. И деньги у него есть. И слава.

Несколько дней пил с ребятами. Очередную победу отмечали. Да не в спорте уже. В бизнесе.

— Кто звонит-то?

— Ленка.

— Ревнует?

— Не. Танюшка приболела.

— Так пусть врача вызовет. Капусты теперь валом. Пьем дальше, пацаны.

Приперся домой, пьяная в хлам скотина.

— Ты. на кого так смотришь?

Ни слова не сказала. Развернулась. Ушла. Взбесился чемпион. Танком в комнату вломился. И наткнулся. На два взгляда. Не сердитых. Удивленных. Обиженных.

Папка. Муж. Защитник. Хранитель.

Стальной плетью хлестнули. По лицу. По груди. По сердцу. По душе. И вышвырнули из комнаты. Из дома. И лютый стыд погнал дальше и дальше. Только в парке и остановился. Под елями вековыми, куда частенько после тренировки приходил. Они всегда успокаивали. Может, и сейчас помогут. Башка горит. Волком выть хочется. Но даже луны и той нет. Фонарь лишь горит.

* * *

А лес под Кошачьей Головой хорош на диво. И не подумаешь, что отсюда столь причудная и премерзкая нечисть вываливает, что и плясуны, и волхвы за голову хватаются. Но сегодня спокойно вроде. Однако не зря староста говорил. Он мужик правильный. Без толку базлать не будет.

Посох боевой с гулом над головой крутанулся, и отозвался лес. Обрадовался. Каждая травинка, листочек, веточка плясуну улыбнулись. Нет нечисти. А то бы сказали, хоть и бессловесные, пожаловались. А вот ива у ручья грустит. Или болеет. Или старая. Или тревожит что. Тревожит. Выходила, бывало, нечисть из-под кроны ее. Вот и сейчас так же маятно. Но не нечисть вроде. Или чужанин какой навестить надумал? С добром ли?

На то плясуны и поставлены. Покой пределов блюсти.

Посох мягко опустил на травушку, и та обняла родича. Как же, бедненький, не в земле растет, с плясуном веселым путешествует. Вот и надо приبلудного приветить, соками домашними, коренными напоить.

Никитка достал из-за пазухи кинжал, на пояс повесил, и по лесу как порыв ветра

прошел. Не любит он железа. Но пригляделся и притих. Не на него, на нечисть железо то наговорено. А когда из-за отворота сапога достал свирель, то лес успокоился.

Никитка заиграл. Малые голубоватые искорки побежали по лесу. Волнами понеслись, в водовороты свиваясь, каждое дерево, травинку каждую обегая. Только не у ивы старой собрались. Вокруг пяти могучих елей закружились, что укрывали в своей тени густо усыпанную хвоей опушку. Здесь грань мира истончилась. И там, за гранью, есть кто-то. С добром ли? Со злом пришел?

На то плясуны и поставлены. Знать и хранить.

Угрозу неведомую лучше вне мира своего проводывать. Никитка вернулся за посохом, аккуратно выпутал его из объятий травинки, которые не хотели отпускать родича. Подошел к елям. Оглянулся. И шагнул. Туда. За оком. Виру платить.

* * *

Сахсат сердился. Уже и поспал, и поел, и отдохнул после тяжелого перехода. И времени нужного дождался. И который час играет на свирели. Врата же открываться не желают. Нет, сердцу воина не чуждо прекрасное, и вид могучих елей греет сердце, и воющий в их высоких кронах северный ветер украшает нежную песнь свирели. Но не на симпозионе Сахсат сейчас пребывает, желая сорвать восторги благодарных слушателей. Почувствовав, что голову опять начал заполнять красный туман гнева, Неистовый остановился.

Отнял от губ нежную свирель. И принял позу Размышлений. Поднял голову к высокому небу, с которого сквозь несомые могучим ветром облака густо светили звезды. И почувствовал вдруг малость свою перед великой мощью Севера, и подумалось ему, что неплохо бы сложить песню об этой ночи. Ночи надежды и разочарования. Свирель сама вкатилась в руку, и песнь полилась. И столь нежна и пронзительна была внезапная мелодия, что слезы застлали глаза сурового воина и хлынули, как прорвавшая плотину река. Мелодия лилась долго. И прервалась лишь тогда, когда, подобно пустынному песку, пересохли губы. Потрясенный, открыл глаза Сахсат и понял, что услышал его Великий. Сидел Неистовый среди тех же елей. Но не свет тысячи звезд освещал его, нет. Уютная опушка была залита мерзостным светом высокого уродливого светильника.

А посреди нее стоял воин. Хотя на редкость уродлив был ликом, и волосы белые, как у духа, длинная чуприна указывала на принадлежность к бойцовой касте. Но даже не чуприна, лицо выдавало род его занятий.

* * *

Ели и правда лечили. Открыл это место для себя Юрка давно, еще мальчишкой. Их шумная компания моталась по парку по каким-то своим мальчишеским делам. Кто знает, зачем их занесло в этот глухой уголок. Занесло. Помнится, закусил чем бог послал, а потом ватага разбежалась. А вот Юрка остался. Почему? Покойно было у подножья этих великанов. Причем настолько, что неугомонный мальчишка заснул. Днем, что для него было совсем нехарактерно. Проснулся ночью. Но странно, не испугался. Страшно не было. И дома никто не заругал. После этого он часто приходил сюда. Один. Просто посидеть. Потом тренировался. И самые трудные связки получались, как хорошо отработанные. И не забывались. Просто думал. И неожиданно получал ответы на самые сложные вопросы. И не где-то. В себе. Помогали великаны. Голову, что ли, чистили? Вот и сейчас ноги сами принесли его сюда. Немного прошло времени, и стало легче. Казалось, со свистом унеслась из буйной башки пьяная хмарь, и все стало ясно.

Кто важнее и дороже?

Ты сам, великий, могучий и противный, или два человека, что тебе доверились?

Надо было вставать, идти и извиняться. Не говорить покаянных слов, не дарить дорогих подарков, нет. Надо было просто пойти и отдать себя им, как они отдавали себя ему.

Навсегда. Жизнью своей извиниться, чтобы смылось плохое, как пыль, рассеялось, как туман утренний. Но задумался Юрка. Заслушался, как ветер в кронах елей поет. Или не ветер. На миг послышалось — на свирели кто-то играет, далеко, на пределе слуха. Красиво так. Да нет, показалось. Но могучие ели вдруг словно засветились множеством огоньков. Юрка потряс головой и увидел, как на опушку, раздвинув колючие ветви, вышел кто-то. Юрку, укрытого завесой ветвей, видеть он не мог, а вот тот приблуду разглядел хорошо. Высокий, сухопарый, жестколицый, он даже стоял поджаро как-то, готовый к мгновенному взрыву. Широкие брюки беленого полотна заправлены в невысокие замшевые сапожки, из-под длинного белого кафтана, украшенного сложным растительным рисунком, виден ворот рубахи, расшитой петухами. Длинный белый чуб на выбритой голове. Глаза полуприкрыты. Длинный посох отполированным торцом поляну оглядывает, ощупывает. А свирель как взбесилась. Уже не мягкие перекаты говорливого ручейка слышались в ее мелодии. Ночного шторма раскаты. Свист холодного северного ветра в льдистых скалах. Шепот несущихся по небу туч. Пронзительный свет низких звезд. И тоска. И одиночество.

Нить мелодии дрожала, как перетянутая струна. И вдруг лопнула... Низкий вибрирующий удар, казалось, заставил содрогнуться все сущее. У Юрки заныли зубы, да что там зубы! Аж кости зазвенели.

И на поляне появился новый персонаж. Почему персонаж? Да потому, что человеком назвать его язык не поворачивался. Очень рослый, хорошо за два метра, ревниво отметил Юрка. При этом с такой мускулатурой, что хоть сейчас на мистера Вселенная номинируй. Номинировать, конечно, можно, культуристы обычно ангельскими лицами не отличаются, но этот фейс даже рожей с большой натяжкой назвать было нельзя. Сильно вытянутые вперед челюсти. Зеленая кожа. Здоровенные, торчащие над верхней губой клыки, заботливо покрытые замысловатым узором. Небольшие глазки под мощными надбровными дугами. И гладко выбритый череп со сложнозаплетенным чубом. В отличие от первого одет он был в черное, блестящее, переливающееся: и сапоги, и брюки, и распахнутая на мощной груди безрукавка.

Заговорили оба одновременно.

— Тебя мне послал Великий, о воин, — выпренно пророкотал зеленый.

— Что ищешь ты в мире моем, нелюдь? — крайне недоброжелательно спросил белый.

— Ищу я боя и славы, о воин, — не сбился с возвышенного слога зеленый. — Имя мне Сахсат.

— Не воин я. Плясун, — возразил белый. — Никиткой зовусь.

Зеленый укоризненно покачал головой.

— Недостойно носящему знак, — тряхнул он прической, — скрывать свое звание.

Но белый не смутился.

— А и плясуна на тебя хватит, — и шагнул вперед. Его в данный момент тревожили совсем другие вопросы. — Ответствуй, нелюдь, что тебе надобно?

Зеленый, похоже, обиделся.

— А если носишь ты знак воина незаконно, — опять тряхнул он прической, — то отвоедаешь ты руки моей. Но поскольку не воин ты, а лишь лицедей, да не обнажу против тебя клинка Звонящей Сестры моей.

Юрка совсем перестал понимать логику происходящего. Похоже, чужаки друг дружку не слышали и каждый говорил о своем.

Белый скользящим шагом по кругу двинулся к противнику, всем своим видом показывая, что время разговоров прошло. Зеленый ждать себя не заставил. Одним движением сбросил с плеч здоровенный заплочный мешок и, цапнув с пояса что-то вроде топора с замотанной кожей лезвием, одним прыжком сорвал расстояние. И сразу посох змеей метнулся в атаку. Зеленый ушел поворотом, пропуская оружие вдоль груди, и, присев, с разворота попытался подсесть противника топором. Тот взмыл в прыжке, обрушивая на зеленую голову свое простое, но страшное в умелых руках оружие. Посох, с гулом рассекая воздух, понесся к цели. И с разочарованным треском отлетел, столкнувшись с древком

топора. Крутанулся в умелых руках и ударил уже снизу вверх. Опять отлетел, заблокированный кованым пятем, и, совершив невероятный пируэт, уже сам поспешил укрыть своего хозяина от топора, летящего тому в висок.

А дальше сознание Юрки просто отказалось воспринимать бой, потому что происходил он на таких скоростях! Угадывались только некоторые элементы. Весь же рисунок боя понять было невозможно. Юрка сидел и тихо радовался, что ни с кем из этих стремительных гигантов ему не надо биться.

* * *

Сахсат искренне наслаждался. Это был бой. Это был Танец Откровения. Великий послал ему поистине достойного противника. Никогда еще за всю свою жизнь Сахсат не чувствовал такого единения с соперником. Тот, казалось, читал его мысли, выстраивая свои движения с грацией и искусством истинного Мастера. Ни разу секира не коснулась тела белокожего воителя. Ни разу посох не достиг своей цели. Сахсат не понимал, для чего воитель скрывал принадлежащее по праву звание воина. Назвался лицедеем. Славна должна быть та земля, в коей лицедеи такие рождаются. Любопытно, какие же там воины. Сахсат начал бой, как водится, с первого канона и уже дошел до девятого, а противник его даже не запыхался. Все так же несуетливы и экономны были его перемещения, все так же легки и грациозны прыжки.

* * *

С такой странной нелюдью Никитка столкнулся впервые. Мало того что говорит ясно, так еще и с вежеством. И покон воинский — не селянский, не дворянский, не боярский, — пожалуй, ведет, не сбиваясь. А к этому с люльки привыкать надо. В какой-то момент секира пронеслась над головой Никитки и непременно врезалась бы в тело ели, несмотря на обмотку из толстой кожи. Плясун знал, как острят секиры. И нелюдь вместо того, чтобы уклониться от таранного удара посоха, опасно, очень для себя опасно извернулся, пропуская атаку в неприятной близости, выпустил рукоятку оружия, крутанувшись вокруг себя, перехватил древко и увел оружие с опасного направления. При этом открывшись для удара. Придержал руку Никитка. Неслыханное дело. Нелюдь, что дерево боле себя бережет. Подумал было остановиться, поговорить, но увлекла плясуна схватка. Давно такого умельца не встречал. И позабыл. Не пляска это. Бой смертный.

Ребром ладони принял Никитка древко секиры, нырнула она к земле, черпанула ее, недовольно зазвенела от злости, что сорвала рисунок боя. И ушла дальше, не намного, но дальше, давая те самые доли секунды, протиснувшись сквозь которые можно вырвать победу. Плясун собрался уже, на посох опираясь, с двух ног дать в грудь нелюди, сознание вышибая. Но на что-то скользкое попал посох.

Умелый Никитка плясун, опытный, но и на него проруха вышла. Всем телом грянулся он о мягкую полянку, и неудачно так. Громко хрустнуло в груди, и от резкой боли Никитка потерял сознание. А когда пришел в себя, то нелюдь уже стоял над ним, покачивая в ладони секиру. Освобожденное от кожи лезвие блестело так ярко, что казалось, луна опустилась на землю. Из далекой дали прозвучали слова старосты. «Вернешься, считай, отдал виру, не вернешься — знать, ушел от тебя за кривду твою ангел-хранитель». И правда, наверное, ушел. Но Никитка все-таки позвал.

* * *

Сахсат был искренне расстроен. Этот воин, назвавшийся лицедеем, бился мастерски! Но Великий почему-то решил прервать нить его жизни. Иначе не поступил бы так жестоко. Вырвал из рук победу. Сахсат тяжело вздохнул и начал освобождать клинок Звонящей

Сестры. Да уйдет этот воин к престолу Великого, не познав горечи поражения, и да облегчит его последние секунды спасительное забытие.

— Оставил бы ты его, — раздался вдруг голос. И, раздвинув тяжелые ветви могучей ели, перед Сахсатом появился еще один воин. Хоть и не слишком высокий, сложением он не уступал Избранным из свиты Императора. В невероятной красоты синем одеянии, покрытом загадочными письменами, с вышитым атакующим пардусом на груди. А обувь его светилась при каждом шаге. Явившийся был столь же страшен ликом, как поверженный. Густые черные волосы убраны в воинский убор. Оружия на виду не носил, но толстая цепь того загадочного металла, что носят лишь маги, указывала на его высокое происхождение.

— За что возлюбил меня Великий, — в восторге возопил Сахсат. — Два таких противника за один вечер! Желает ли ты биться голыми руками? — не веря своему счастью, спросил он.

— Ну, топора у меня нет.

Неистовый аккуратно спрятал Звнящую Сестру в кожу. Не полез лунному серебру прохладный воздух. Повернулся. Воин стоял в позе Танцующего Медведя. Шестой канон. Какая честь!

* * *

После того как ушел Никитка, звездочки покружились еще. Да стали разбегаться. Домой. Кто в травку, кто в кусточки. А две, казалось, нехотя, подплыли к старой иве. Любопытные. Под старой ивой вдруг вздохнуло что-то. И звездочки погасли. А тень под ветвями налилась чернотой, мраком. Загустела.

Тварь была умелой, опытной и не первый раз хаживала сюда на охоту. Но впервые так трудно было пройти. Неделью камлали Старшие, созвав все племя для обряда. И вот она здесь. И принесет в дом столь сладкий аромат ужаса, которым насладиться сможет вся семья. Тварь втянула воздух, рывкнула, учуяв запах самого сладкого, что может быть, — человека, полоснула когтями упрямое дерево, что так долго не хотело пропускать, и прянула по следу.

По коре старой ивы скатились слезинки. Лес негодуя зашумел.

* * *

Защита Неистового была сломлена в первые же минуты боя. Это был не шестой канон. Это было намного выше. И такому великому умению Сахсат просто не мог найти определения. Атаки руками с разных уровней сменялись ударами ног, многие связки завершались бросками. Умением простого боя Сахсат превосходил всех жителей Островов, но с этим воином справиться не мог.

И вдруг ощутил, что голову опять начинает завлакивать знакомая алая муть гнева. Однако незнакомый воин, как почувствовав возможное перерождение, лишь усилил натиск, и багровый туман гнева порвался под его атаками, отлетел клочьями прочь, растаял, чтобы окончательно рассеяться. И последний, выбивший сознание удар Сахсат воспринял как избавление, ведь он уйдет к престолу Великого, излечившись от своего проклятия и не обагряв Звнящую Сестру кровью отважного лицедея. Он еще успел внутренне хохотнуть, поняв, что обманул судьбу своего противника, как мгла беспамятства затопила его разум.

Юрка стоял, тяжело дыша, изумленно разглядывая разбитые в хлам руки. Завалил-таки он этого кабана. Ну и бык же попался. И умелый причем. Только дрался как-то странно. Демонстративно, что ли? Хотя несколько раз попал, и так здорово. Содрогнулась мать сыра земля. Кряхтя, Юрка покрутил торсом. Досталось ему. А этот динозавр зеленый и после самых свирепых ударов вставал и пёр вперед как ни в чем не бывало. Лыбился еще, если, конечно, гримасу эту улыбкой можно назвать. Благодарил все за что-то. Последние секунды боя Юрка продержался только на самолюбии, сил уже не было.

Наклонился, пощупал пульс у зеленого. Жив вроде. Повернулся к белому. Тот уже

пришел в себя и глядел на происходящее широко раскрытыми глазами.

* * *

По-разному представлял себе своего ангела-хранителя Никитка. Но точно не так. Не в виде бугая с побитой физиономией и рассаженными в кровь кулаками. Видел он его себе несколько благообразнее, что ли. Но этот бился так, что и плясунам почище Никитки не зазорно бы стало. Да другой с этой странной нелюдью бы и не справился.

* * *

Тварь быстро шла по следу. Глупые деревья пытались заслонить ей путь, но где там. Не раз и не два выходила она на охоту и теперь уверенно вышла к огромным елям. Те возмущенно зашумели, замахали ветвями, но след манил, и тварь, уклонившись от удара, проскользнула на поляну. И, увидев добычу, сразу прыгнула.

— Да какого... — подумал Юрка, падая на землю от подсечки, которую ему в лучших традициях русского рукопашного боя провел лежащий на земле белый. Но возмущаться времени не было. Прямо над головой его пронеслось нечто жуткое, развернулось и, разинув жвала, противно заскрипело.

Юрка выругался. Он всегда считал себя человеком с крепкой нервной системой, страшилки по виду ку смотрел, но все-таки для одного вечера это было чересчур. Белый уже стоял перед тварью, выставив вперед посох, и твари это явно не нравилось. Недовольство она демонстрировала путем активного мотания башкой, или как там эта штука у нее называется. И вдруг сделала несколько шагов в сторону лежащего без сознания зеленого. Белый взвился в прыжке, перемахнул через совсем небольшую тварюгу, успев шарахнуть ее посохом по хребту. Резко запахло озоном, мерзость взревела и с места бросилась на не успевшего утвердиться на ногах плясуна, тот ушел кувырком и с какого-то невероятного положения вмазал своим посохом по ногам твари. Она подпрыгнула, поджав украшенные длинными когтями мускулистые конечности, и в прыжке хлестнула хвостом. Удар пришелся в болтающуюся руку белого и отбросил его на несколько шагов. Приземлился он ловко и на ноги встал быстро, но видно было, что ему тяжело. Бледное от боли лицо покрывали крупные капли пота. Тварюга атаковала и, нырнув под метнувшийся ей навстречу посох, вдруг цапнула его своими жвалами и, коротко взыв, отшвырнула в сторону. Никитка рванул из-за пояса кинжал, но... Слабовато было это оружие против полной силы нечисти.

* * *

Тварь уже не торопилась. Древний враг был ранен, обезоружен. И сейчас она наслаждалась эманациями боли и страха, исходившими от него. Пугала его ложными атаками. Остальные двое не были ей страшны, их она сожрет позже. Наконец игра ей надоела. Тварь слегка напружинила задние лапы, готова послушное тело к прыжку...

* * *

За новой схваткой Юрка наблюдал в некотором обалдении, и результаты ее парня совсем не вдохновили. Этот Никитка был явно свой. Человек. А вот тварь... Такой мерзости Юрке видеть еще не доводилось. Мало того что внешность мутантная. Хвост змеиный, башка паучья, туловище бычье, лапы кенгуриные. Да еще с когтями. Ненавистью от этой твари несло. Так что Юрка недолго размышлял, за кого драться будет. Идея бежать с поля боя в голову ему не приходила. Кровь-то казачья. И, увидев, что худо пришлось плясуну, не поможет ножик-то, сомнет весом зверюга, пресек прыжок самым решительным образом, ухватив вражину за хвост.

* * *

Тварь в ярости развернулась. Но лишь для того, чтобы схлопотать по башке, что настроения не прибавило и сознание несколько затмило. Она замотала головой, а Юрка, войдя в раж, с такой силой дернул за хвост, что отодрал широкое плоское костяное жало, венчавшее его. От страшной боли тварь прыжком развернулась, но нахала на месте не обнаружила.

* * *

Как ему в голову пришла мысль оседлать зверюгу, Юрка и сам не понял. Ни тогда, ни после. Но мысль оказалась удачной. Взлетев на спину, он по какому-то наитию ухватился именно за зеленое пятно, которое оставил на спине твари Никиткин посох, и пальцы вошли в него, как в пластилин, но не вырвали, а впились прочно, ухватисто, и, поймав равновесие, Юрка с маху влепил увесистым кулаком прямо промеж двух костяных наростов, что венчали голову, и одновременно сильно сжал колени. Когда-то давным-давно, когда дед учил его объезжать коней, он заставлял Юрку подолгу держать коленями немалый камень. Рассказывал, что казаки так ребра могли непослушным коням ломать. Ребра зверюге он не сломал, но удовольствия явно не доставил, потому как та бодро стала скакать на месте, желая стряхнуть наездника. Юрка опять влепил кулаком. Не очень удачно, потому что, хоть прыжки на секунду прекратились, он раскровенил себе кулак. И тогда со зла ударил костяным жалом. Результат превзошел все ожидания. Жесткая кожа твари разошлась, исторгнув фонтан крови, скотинка запрыгала с удвоенной энергией, но вошедший в раж Юрка бил уже не останавливаясь, мечтая лишь об одном: чтобы зверюга кувыркатся не начала.

* * *

Никитка уже смирился с тем, что его ангелом-хранителем оказался молодой похмельный мужик с синяком под глазом. Но теперь происходящее не укладывалось ни в какие рамки. Чтобы ангел-хранитель, подобно дикому куману, коня объезжающему, на нечисти смертоносной скакал и ее же хвостовым жалом по башке обхаживал, это, знаете ли...

Впрочем, времени предаваться досужим размышлениям не было, и, улучив момент, когда нечисть замерла на мгновение на месте, попытавшись цапнуть наездника за колено, Никитка метнул кинжал. В шею, туда, где раздвинулись непривычным движением пластины, укрывающие горло. Клинок вошел неглубоко, потому что треснутая по башке тварь резко оной дернула и пластины сомкнулись. Никитка плюнул от злости. Не пустит корни глубоко клинок. Из раны вывалится. Заскрипев от боли зубами, встал Никитка и пошел. Работу свою доделывать. Ну и ангела своего хранителя выручать.

* * *

Сахсат со стоном сел и потер подбородок. У посланца Великого была крепкая рука, и челюсть болела. Но не было той самой давящей боли, что поселилась в голове после достопамятной раны. Той боли, которая в бою затопляла разум алым туманом, не дававшим отличить врага от друга. Этой боли не было.

Он огляделся и с удивлением обнаружил себя не у подножия престола Великого, а на той самой поляне, где бился и был повержен великим воином, который оказался не только умельцем простого боя, но и Великим Героем. А как иначе назвать того, кто восседает на спине кошмара из сказок, коим с детства пугают жителей Островов и чьи изображения

остались еще в древних храмах. Тело быка, хвост змеи, голова и шея огнистого дракона не давали ошибиться — это был усбираг, проклятие ранних веков. А недавний противник Сахсата восседал у него на спине и пытался вскрыть горло его же хвостовым жалом. Именно так побивали этих тварей герои древности до тех пор, пока Превеликая Мать не подарила детям своим лунное серебро.

И, не обращая внимания на дурноту и головокружение, Сахсат вскочил на ноги, отыскивая взглядом Звенящую Сестру. Отлетел чехол, и секира блеснула лютым огнем, почуяв древнего врага. Она служила Дому Сахсата давно, не один век, и проклятую кровь признала сразу.

Сахсат почувствовал, как задрожало верное оружие, желая боя. Ему не хотелось обижать Звенящую Сестру. И, чувствуя отстраненность, приличную воину, а не крадущий облик человеческий гнев, шагнул к врагу, занося секиру.

* * *

Тварь убивали, и она это понимала. И делал это человек, тот, кому надлежало стать добычей, как происходило прежде с сотнями воинов его племени. Он почти победил. Но почти не значит совсем, и, отгородившись от мук израненного тела завесой воли, тварь начала плести заклинание. Было трудно. Ноги проклятого сдавливали ребра все сильнее, мешая твари дышать, человек полосовал спину ее же оружием, не давая ни секунды продыху. Но заклятие крепло, наливалось силой, и немного времени осталось этой козявке.

А потом вдруг новая, еще более страшная боль пронзила все существо, и тварь поняла, что умирает, умирает последней смертью, отдавая все свои силы этому миру. Холод впился в бок. Еще и еще. Затопил все тело, заставляя содрогаться в ужасе. Та, именно та смерть, о которой рассказывали Старшие, та самая, страх перед которой заставил бежать из родных мест, сделал бродягами бывших повелителей мира. Удары обрушивались один за одним, и не было от них спасения.

* * *

Никитка, разинув рот, смотрел, как та самая секира, что могла прервать нить его жизни, раз за разом врезается в бок нечисти, легко просекая шкуру, которую не могли пробить лучшие клинки. По боку растекалась зелень, смертельная для твари, такая же, какую оставляет посох из веселого дуба. Полуослепшая нечисть развернулась было к новой напасти. И Никитка, воспользовавшись моментом, взлетел в воздух, ударом ноги вбил полувывалившийся из неглубокой раны кинжал. Откатился, рванул из-за пояса свирель и заиграл. Корявая песенка получилась, нелегко одной рукой играть, но кинжал налился зеленым светом и выметнул из себя густой клубок корешков, которые, задрожав от отвращения и нерешительности, впились в костяную броню нежити. Та заполошенно взревела, замотала башкой, и костяной клинок нашел-таки дорожку к глотке. Полоснул, вырвав фонтан крови. Тварь остановилась, покачиваясь, и ангел кошкой слетел с высокой спины, его перевернуло пару раз, но поднялся он легко. Насупленный, с наставленным на бестию костяным жалом. Тварь постояла, покачнулась и рухнула.

А сквозь все расширяющиеся зеленые пятна бодро и весело лезли ростки. И минуты не прошло, как посреди покрытой толстым хвойным ковром опушки оказалась просто куча земли, густо поросшая цветами.

* * *

Юрка одурело смотрел на происходящие с тварью метаморфозы. В голове — полная каша.

— Ну... Я... Да...

К нему с двух сторон приближались давешние поединщики, и хотя помогли ему оба изрядно, но по понятным причинам ничего хорошего от них Юрка не ждал и качнул окровавленным клинком.

Однако за несколько шагов оба остановились. Зеленый опустился на колено. А белый отмахнул поясной поклон.

— Ты герой, о воитель, — заговорил первым Сахсат. — Горжусь я, что в столь великом бою стоял обок тебя. Горжусь и полученным от тебя уроком. Благодарю и восхищаюсь. Благодарю за излечение мое, восхищаюсь же великодушием твоим, ибо лишь великий герой столь могуч душою, что жизнь поверженному противнику подарить может.

Момент выступления зеленого по поводу своего великодушия Юрка принял с достоинством. Победил. Как есть победил. Хотя, в общем-то, убивать не собирался. Как говорил участковый дядя Паша, хулиганские действия пресек. А вот по поводу излечения вроде не к нему. Но спорить с этим парнягой не стал. Неистовый вон какой. Как зверюгу топором пластал.

Потом вступил другой, тот, что в белом, с нормальным таким именем Никитка. Еще раз поясной поклон для начала отмахнул и первыми же словами убил Юрку наповал:

— Благодарю тебя, ангел мой хранитель. Кабы не ты, одолела бы нечисть поганая. Шел по следу ее, а гляди, сам чуть добычей не заделался. Да вот и на человека накинулся, — секунду помедлил и добавил: — Доброго. Ты прости уж, мил человек, бес попутал, — в пояс поклонился Сахсату.

В голове Юркиной все смешалось. Героем быть он был согласен, но вот ангелом?

А двое продолжали куртуазничать.

— Не понимаю я, за что ты просишь прощения, о воин, зовущий себя лицедеем. Мне надлежит благодарить тебя за явленное искусство. Не знаю, какой обет ты дал, скрывая свое звание, но ни один обет не укроет отваги воина, что охотится на столь ужасное создание столь скудно вооруженным, не на оружие и силу свою уповая, а лишь на ловкость и умение воинское. Урок мой исполнен, — обратился он опять к Юрке. — Дозволишь ли ты, о великий герой, одарить соратника моего в бою столь тяжелом?

Юрка смирился с тем, что он великий герой, и лишь ошалело кивнул головой.

— Прими же оружие это, — протянул Сахсат Звенящую Сестру Никитке, — лишь оно способно быстро уязвить врага столь ужасного. Ибо сделано из лунного серебра.

— Благодарю, — лишь и смог проговорить тот, с поклоном принимая дар. О лунном серебре ходили легенды.

— А как ты сам-то, — всполошился вдруг Юрка, совершенно смилившийся со своей ролью. А герой какой должен быть? Правильно. Заботливый. — Без оружия. У вас там опасно, поди. Вон с топором каким ходить приходится. На, возьми вот, — и протянул новому знакомому костяное жало.

Сахсат из темно-зеленого превратился в нежно-салатового. Побледнел, наверное. И рухнул на колени.

— Ты победил меня умением своим, излечил искусством своим, а сейчас покоришь щедростью своей. Скажи — и Сахсат умрет за тебя. — Он вырвал из сапога тесак, поцеловал его и положил к ногам Юрки.

— Да ладно тебе, — невольно попятился тот, уронил костяной клинок и кинулся поднимать зеленокожего. Но тот быстро справился с охватившим его волнением.

— Великий день, — напыщенно проговорил Сахсат, вставая, хотя кругом была самая настоящая ночь. Развернулся и пошел к своему мешку. И вскоре вернулся с объемистой кожаной флягой...

* * *

Юрка долго стоял посреди поляны и после того, как новые друзья, шагнув под густые еловые ветви, пропали. Подумал бы — сон. Но клумба за спиной, костяная свирель в руке и

нож, богато украшенный явно не стекляшками, указывали на обратное. Тяжело вздохнул и принялся собирать цветы. И красивы донельзя, и пользы от них, по словам Никитки, много.

* * *

В огромном доме на берегу Океана, пожалованном Императором, было пока пусто. Жены покинули его после изгнания Сахсата и сейчас занимались устройством своего будущего. Детей, как водится, разобрали родственники и возвращать не собирались. А впрочем, и вправе были. Ведь изгнанный — почитай что мертвый. И не важно, что вернулся героем. А в Доме чем деток больше, тем лучше. Герой, он на то и герой. Новых себе наплодит. Слугами Сахсат тоже еще не обзавелся. Но развести огонь и приготовить пищу может любой воин.

Так что сидел сейчас Сахсат за столом, в резном, кости полярной касатки, кресле и, задумчиво глядя на пляшущие по поленьям лепестки пламени, говорил. Обращался он к высокой старухе, закутанной в бесформенную хламиду, что устроилась по ту сторону стола, причем в кресле не менее богатом.

— Он излечил меня боем, Матушка. Неведомы мне теперь вспышки гнева, позабыл я и о багровом тумане ярости, которого так страшился. А затем он схватился с усбирагом и поразил его. Подобно героям древности, голыми руками. Моя секира лишь dokonчила свершенное. И щедрость его не знает границ, как и отвага. Не дрогнула рука его и не дрожал голос, когда сделал он мне подарок поистине бесценный, — указал Сахсат на закрепленное над камином костяное жало твари. — А затем превзошел щедрость свою заботой.

Обеспокоился, не мерзну ли я, я, с детства привыкший спать на снегу, и подарил мне одеяние свое. — Сахсат шевельнул могучими плечами, плотно обтянутыми синей курткой, расписанной неизвестными даже Мудрейшим рунами и украшенной гербом в виде атакующего пардуса. — И вот я здесь, и со мной мое дитя. — Широкая зеленая ладонь нежно легла на русую головёшку. Из-под непослушной челки влюбленно смотрели горящие интересом глазенки. Еще бы, такая сказка.

«Какая жалость, — подумал Сахсат, — она настолько же уродлива, насколько и добра. Даже клыков совсем не видно». — И бережно прижал маленькое тельце к широкой груди.

— Ответь мне, Матушка, кто он, этот воин, подобный древним богам?

— Он хранитель твой, — просто ответила старуха. С кряхтением поднялась, развернулась и пошла. Остановилась в дверях. Темный силуэт матери Императора четко обрисовался на фоне предзакатного Океана.

— Ты прощен, Сахсат. И не за твой великий подвиг. За другой. Не менее великий.

— За другой? — удивился воитель. — За какой? — повернул он голову к двери, но старуха исчезла, как и не было.

— Он самый лучший, тот воин, — убежденно пискнуло у груди, — он папочку сберег и вернул. Любименького.

Сахсат рокотнул смехом и подбросил дитя так высоко, что оно заверещало от восторга. Поймал. Всмотрелся. Лик ребенка был столь же ужасен, как и лик воина, спасшего и излечившего его. Но глазенки светились таким счастьем, что Сахсат почувствовал, как у него наворачиваются слезы, и наклонил голову, чтобы скрыть их.

* * *

— Мастеровой, поди, твой ангел-то хранитель, — сказал староста, со здоровой крестьянской завистью разглядывая складной ножик с красной, вроде как костяной ручкой. — Сколько инструмента с собой носил. Справный мужик, тьфу ты, ангел то есть. Нда, вещь, — и с сожалением протянул нож Никитке.

Предъявленная ранее подаренная секира из лунного серебра произвела гораздо меньшее впечатление.

— Силен твой ангел-хранитель, плясун. Могучую нечисть одолел. Гляди, какой сад уродился, — и обвел окрест рукой. — Богатство.

Сад был совсем новый, но деревья стояли крепенькие, справные на диво и, судя по завязям, обещали дать богатый урожай. Проклятьем была нечисть для земли этой, но смертью своей немалую пользу приносила. И чем страшней была, тем больший приросток людству смерть ее несла.

— Удивим народ яблочками на ярмарке. Да и тобой похвалимся. У нас ведь осядешь? — утвердительно так спросил.

Никитка построжал лицом.

— Ты виру принял, староста?

— Как не принять.

— Ну так и пойду я, — поднялся Никитка со скамейки. — Дорога ждет.

Староста цапнул короткопалой рукой подол его свитки.

— Погодь. Что, и в село не зайдешь?

— Не ждет меня в селе никто.

— Ой ли? Ты бы хоть новости послушал, — и добавил, видя Никиткину нерешительность: — Садись. Садись.

Улыбка собрала морщинками хитроватое лицо старосты.

— Оклемался Гаркушка-то.

— Как оклемался? — вскинулся Никитка.

— Говорю же, силен твой ангел-хранитель. Ты из села уходил, а с другого конца Ута Селезень зашел. Ох, и поминал он тебя словом недобрым. Умелец он ведь в деле этом, хоть и

целитель. Подлечил мальчонку-то. Как новенький бегают. — Староста окутался густыми клубами табачного дыма.

— Ну?

— Не запряг, не нукай. Ну. Ну и стоит каждый вечер твоя-то. Все глаза о Кошачью Голову проглядела. Ты сходил бы.

— Боязно.

— Иди, — прикрикнул староста и, глядя в спину удаляющемуся Никитке, подумал: «И смельчак, и красавец, и опчеству человек куда как полезный, а дурень ведь дурнем. Год по нему баба сохнет, а он все кругами ходит. Одно слово — плясун».

* * *

Ее разбудила музыка. Не печальный рев «Арии», не бесшабашный Сукачев, не романтический хулиган профессор Лебединский, которых, бывало, спяну любил послушать Юрка. Нет. Музыка была странной. Казалось, льдинки играют в студеное весеннее ручье, только пробудившемся от зимнего сна. Неуверенный звон разогнал остатки сна, нежно погладил по щекам, заставил потянуться и, рассеяв прятную расслабленность в мышцах, не утих. Льдинки играли и играли, и Ленке показалось, что она еще спит, но обнаружила вдруг, что глаза ее широко раскрыты. В дверь лился странный мерцающий свет. То голубой, то синий, то вдруг взыгрывающий теплым желтоватым всполохом, который расцвечивал розовый, нежный, как тот, что окрашивает облака на рассвете.

— Сплю, — подумала она и на всякий случай решила было ущипнуть себя за руку, но раздумала. Уж больно сон был хороший. Приятный.

Встала и, неслышно ступая по свежвыкрашенным доскам пола (Юрка постарался, — тепло ворохнулось в груди и тут же погасло, задутое прохладным ветром обиды) босыми ногами, подошла к двери и оторопела.

В красивой вазе, такой красивой у них отродясь не водилось, стоял букет цветов. Дивных. Почему дивных? Просто другое слово в голову не приходило. Большие, как лилии. Это они играли. Цветом. От основания каждого лепестка катилась, небыстро совсем, волна нежных искорок, которые, сливаясь, густели, чтобы взорваться бесшумным фейерверком. Ленка спохватилась и прикрыла ладошкой рот, который предательски раскрылся от детского восторга. С трудом оторвала взгляд от потрясающего зрелища и обнаружила источник музыки.

Играл ее безголовый муж. На свирели. Ленка опять почувствовала, что рот ее совершенно по-предательски открывается. Юрка ведь не умел играть. Ни на чем. Даже на барабане. Ему и петь-то было решительно противопоказано в связи с полным отсутствием слуха.

Сейчас же его покрытые ссадинами пальцы (опять подрался, паскудник), казалось, порхали над нежным телом свирели. А по тщательно отлупленному лицу текли слезы. Много. Она еще никогда не видела Юрку плачущим. Ленка еще сильнее открыла рот. Случилось что?

Юрка сидел, привалившись к стене, а меж ног его, свернувшись котенком, сладко спала укрытая пледом дочурка. Ленка придушенно всхлипнула. Льдинки перестали звенеть.

Юрка поднял голову, и в васильковых глазах его была такая мольба, такая просьба о прощении, что Ленка присела рядом, обняла за шею, взъерошила волосы.

— Горе ты мое.

Их губы сблизились.

Из-под пледа выпуталась взлохмаченная головенка и, не открывая глаз, возмутилась.

— Ты почему не играешь? Играй, папочка. — Дочурка залезла повыше, умолилась под мышкой, обняв ручонками необъятную грудь, поворочалась, устраиваясь. — Ты не плачь, папочка. Играй.

И льдинки опять зазвенели.

Александр Пуятин

ПЕСЕЦ ДЛЯ КОТЕНКА

Что ни говори, а самая обычная жизнь зачастую снабжает нас такими сюжетами, что музы, вдохновлявшие классиков, могут спокойно идти на пенсию. По нетрудоспособности. Взять хоть последний эпизод из жизни нашей семьи — покупку шубы. Любой Шекспир от зависти удавится! Гарантирую!

История эта началась в первых числах сентября, когда мы с Леной заскочили в хозяйственный магазин на Большой Академической. Нужен был «яхтный» лак для дачи. Там на солнечной стороне домика вагонка стала темнеть, и ситуация требовала немедленного вмешательства. Да и то сказать, пинотекс продержался почти двадцать лет, пришел черед его чем-нибудь сверху перекрыть. Лак был только паркетный, и для наружного покрытия мы его брать не стали. Зато в магазине появился новый отдел, торгующий одеждой. Мы удивились, конечно, но носы внутрь сунули. Сначала ничего интересного не увидели. Собирались уже отчаливать, но тут...

Их Кошачье Величество поставило торчком ушки и выгнуло спинку. Я отследил направление застывшего взгляда — в дальнем углу зала на вешалке в окружении блузок, жакетов, курток и пуховиков висела короткая песцовая шубка. И мне стало ясно, что именно этот цвет и фасон нужны нам отныне для поддержки гармонии чувств и сохранения семейного счастья.

Вот только, похоже, все окрестные кумушки сбегались знакомиться с ассортиментом, и к прилавку разноцветной гусеницей вытянулась очередь. Да и настроение у моей женушки было не для помурлыкать, а совсем даже — для поцарапаться. Сделав три полных круга по маршруту: вешалка с шубкой — муж в конце очереди — продавщица в ее начале, Лена решительно дернула меня за рукав.

— Пошли отсюда! Эта корова по часу с каждым покупателем возится! Мы до зимы здесь проторчим! — прошипела жена мне на ухо.

— Давай еще минут пять подождем, может, дело быстрее пойдет.

Теперь кругов насчитывалось семь. Лена буквально разрывалась между внезапно возникшей страстью и врожденным чувством долга. Шубка звала ее в меховые объятия, а долго стоять в очереди мы не могли. Внутренняя борьба длилась меньше трех минут. Страсть капитулировала.

Вышли из магазина мы с высоко поднятой головой. Одной на двоих, поскольку моя-то как раз была низко опущена. Пока шли к машине, Лена успела прочесть целую лекцию по основам рыночных отношений. За считанные секунды она водрузила на щит принцип «ПОКУПАТЕЛЬ всегда прав» и подняла его на недосягаемую высоту. Мне оставалось только слушать и кивать головой.

Вообще-то обычно я не так покладист, иной раз могу и поворчать, даже вспылить. Но здесь — особый случай. Можно сказать, чрезвычайное стечение обстоятельств! Во-первых, у моей благоверной близился «женский день», а в это время она всегда излишне раздражительна. Во-вторых, нам действительно нужно было успеть проскочить на дачу до начала вечерней пробки. Иначе возникала опасность проторчать на шоссе до ночи. А часы уже показывали половину пятого.

По улице Космодемьянских мы быстро домчались до порядком загруженной Ленинградки. И потом почти полтора часа, до самой бетонки,¹ где ее наша Рогачевка пересекает, я вынужден был слушать возмущенные рассуждения о том, как плохо работает

¹ Имеется в виду трасса А-107, которая в 50-е годы строилась для нужд ПВО столицы, в 80-е годы ее расширили и поверх бетонных плит уложили асфальт. Протяженность трассы около 320 км. Она опоясывает Москву на удалении 45–50 км. Все радиальные шоссе (кроме федеральных дорог) по сравнению с ней — второстепенные, что приводит к большим пробкам на них. Особенно утром и вечером.

наша сфера обслуживания в целом и магазины в частности, как медлительны и бестолковы бывают некоторые толстые продавщицы промтоварных отделов.

На мой вкус, женщина была вовсе не толстой, да и трудилась она довольно споро, но эти мысли я, разумеется, держал при себе. Зачем нарываться на неприятности? Я сочувственно кивал, бросал примирительные реплики, старался хоть немного успокоить. Честно говоря, в случившемся была и моя вина. Стартовали мы в тот день на час позже обычного, потому что я увлекся работой и не уследил за временем. Просто жена слишком хорошо ко мне относится, вот и злится на ни в чем не повинную продавщицу.

За бетонкой Рогачевское шоссе было совершенно свободным, и Лена успокоилась. Теперь мы при любом раскладе успевали к сроку. На дачу наша «пятнашка»² прибыла в седьмом часу вечера. До захода солнца мы еще успели сделать много полезного: полить грядки, помыть изнутри и снаружи машину, подкрасить в одном месте забор, поправить дуги помидорного парника.

Все-таки какое же это чудо — все эти полиэтиленовые пленки, лутрасилы, пластиковые дуги, химикаты и инсектициды! Насколько они облегчают жизнь огородника! Вот если бы еще не кислотные дожди, было бы совсем здорово. Еще каких-нибудь пятьдесят лет назад огурцы в Подмоскovie росли до сентября на открытых грядках, а сейчас их от каждой капли укрывать приходится.

К вечеру мы заперли калитку на замок, выключили в доме свет и спустились в подвал. Собственно, ради этого подвала мы сюда и приехали. Ведь сегодня полнолуние, а мы с женой — оборотни. Хорошо это или плохо? Как посмотреть!

Начнем с хорошего: мы можем жить до тысячи лет, если будем вести себя аккуратно, — биологические часы тикают, только пока мы пребываем в своем зверином обличье. И, если исключить произвольные превращения, за пять лет набегает всего месяц «животного» существования. То есть за тысячу человеческих лет мы проживаем семнадцать «звериных» — нормальную среднюю жизнь волка, медведя, тигра или другого подобного животного. Возможно, где-то по земным просторам бродят оборотни-мамонты, которые помнят еще неандертальцев, но мне за двести пятьдесят шесть лет жизни такие не встречались. Лена младше меня почти на два столетия, хотя навскидку все присваивают нам вполне корректные три-четыре года разницы. В ее пользу, разумеется.

Но есть и минусы. Каждую четверть века нам приходится резко менять свою жизнь, обрывая «человеческие» связи, и начинать все с чистого листа. Изменить при этом требуется не только место жительства и круг общения. Приходится обзаводиться новыми вкусами и привычками, стилем поведения, даже словарным запасом. А сколько новых документов требуется! И с каждым разом все больше! Хорошо хоть община у нас дружная, помогает обустроиваться всем, кто ведет себя прилично и не создает проблем коллегам. Я уже привык к такому положению дел, а для Лены это пока в новинку. Она до сих пор иногда порывается связаться со своими школьными подругами. Норовит то письма им написать, то по телефону позвонить. Потом плачет в подушку до полуночи.

Еще одна проблема — в полнолуние мы помимо воли превращаемся в животных, полностью забывая все, что было в человеческой жизни. Эти дикие звери способны загрызть самого близкого человека или забежать в такие дебри, из которых сложно бывает выбраться. Следовательно, работа с девяти до шести — не для нас. Нужен свободный график, еще лучше — свободные деньги. Чтобы зверей на это время изолировать. Как? Сейчас узнаете! Я как раз к этому перехожу.

В подвале три загородки, отделенные от основного помещения толстыми стальными прутьями — такие даже медведю трудно согнуть. Две — наши с Леной, одна — на всякий случай. Вдруг кто из друзей заедет и останется в полнолуние. Двери — из таких же прутьев, замки закрываются на два оборота. Ключи вешаются на гвозди с помощью специального

² «BA3-2115».

приспособления — стального прутка с у-образной вилкой на конце. Человек таким прутком ключ достать сможет. Зверь — никогда.

Мы целуемся на прощание, и каждый ныряет в свой закуток. Закрываем двери. Ключи, как обычно, вешаем поочередно: сначала она, потом я. Если у нее он срывается, то я свой с другой стороны двери оставляю. Потому что волку его не достать и дверь не открыть. А вот рысь — та могла бы. Кошки, они вообще ловчее и хитроумнее. Но сегодня у Лены все прошло без происшествий. Я тоже повесил ключ с первой попытки. Мы отложили прутки на середину подвала. Достанем, когда все закончится.

А пока делать нечего, поговорили о планах на завтрашний день. Лена сказала, что нужно заехать в тот же магазин на обратном пути. Все-таки шубка не давала ей покоя. Я ничего не имел против. Меха хищниц-конкуренток всегда производили на мою жену неизгладимое впечатление. Да и давно я ее обновками не радовал. Через пару минут после окончания разговора у меня зачесался и стал подаваться вперед кончик носа. Началась трансформация. К лицу рывком приблизился бетонный пол. В соседней клетке сверкнули глаза рыси.

Очнулся я, сидя на полу и вычесывая ногой ухо. Поднялся. Достал ключ. Открыл дверь. Лена все еще продолжала ошалело мотать головой. У нее процесс обратного перехода происходит намного медленнее. Я отпер и ее дверь тоже, а сам пошел одеваться. Не ходить же дальше голым, если все уже закончилось.

Жена поднялась на кухню, когда я уже пил чай и делал контрольные звонки. Нужно было сообщить, что у нас все нормально. Порядок такой! Вдруг кто-нибудь ключ уронит? Для того-то у двух других оборотней запасные комплекты от этой дачи хранятся. А у нас — от их коттеджей. Накинув халат, Лена вручила мне швабру. Что ж, справедливо. Моя очередь в подвале убирать. Тем более что от нее только шерсть летит, а я еще и территорию помечаю. Ну, все поняли, о чем речь!

Но перед этим нужно еще кое-что сделать. Пруток один в моей клетке расшатался. А ведь нормальный волк неделю бы с ним мучился... Наверное, пора завязывать с тренажерами. Или свой закуток диагоналями усиливать. Впрочем, сегодня только восстановительные работы. На остальное у меня металла пока нет.

А все-таки в удивительное время мы живем. Вот, например, сварочные аппараты. Раньше любому оборотню, желающему обустроить убежище, приходилось либо кузнечное дело ведать, либо искать, кто разбирается. Не случайно кузнецов полагали связанными с нечистой силой. И еще мельников, «...бо весть бесов в букалицах³ обитающих». Другими водяных народ их считал, если по-простому. А кузнецы, стало быть, за нас, грешных, испокон веку отдуваются...

Как только схлынул утренний поток машин, мы тронулись в обратный путь. Но, когда добрались до магазина, вожденного песца в отделе не оказалось. И поступления новых шуб там не ждали. Сказать, что Лена испытала сильное разочарование, — значила просто промолчать. До самого вечера она была накалена до предела. Я старался не попадаться под горячую руку. В такие минуты это небезопасно.

На следующее утро она проснулась с мыслью, что нужно узнать у продавщицы, кто приобрел ЕЕ песца, найти и предложить две цены. Идея эта, как я и полагал, провалилась. Женщину, купившую шубу, в магазине никто не знал.

* * *

«Эх, — подумал я, обнюхивая очередной столбик, — вот дойдет слух до общины — на кусочки ведь разорвут! Еще не факт, что в переносном смысле. Да и Лене дурной пример ни

³ Букалице — древнее название омута, что под мельничным колесом; считалось, что это место обитания чертей и водяных.

к чему».

Со зверем мне повезло, с эпохой — не меньше. Нынешний горожанин не всегда волка от собаки отличит, особенно в потемках. Животные, те пугались — что-то чуяли. И мое передвижение по ночному городу при желании можно было бы отследить по безудержному собачьему перелаяю... И только пробегавшие мимо кошки посматривали на волка благосклонно. Главный враг собак — почти что друг...

Произвольное превращение, будьте знакомы. В отличие от обязательного оставляет оборотня в сознании. Сейчас, например, я контролирую ситуацию. Ну, разве что нос почесать хочется, и мясом вкусно пахнет из вон того магазина...

У перекрестка я остановился и повел головой, ловя ускользящий запах вожденной шубы, потом опустил нос к земле и принялся. Сапожки, или эти... как их... ботильоны... свиная кожа, очень тонкая выделка, Италия, ярко выражены индивидуальные особенности. Отлично, потому что самой шубой дальше не пахло. Очевидно, сверток с ней тетка засунула в пакет или сумку. Зачем? Дождя уже два дня не было. След повел через дорогу. Через дорогу — плохо. По ней периодически поливалки катаются. После них на десять, а то и пятнадцать минут проезжая часть превращается в средней ширины речушку.

Раньше говорили, что спастись от нечисти можно, перейдя через текущую воду. Обратни-де пересечь ее не могут. Ерунда все это, еще как можем. Вот только след в воде теряется, и отыскать его на другом берегу потом ой как не просто. Это потому что водный раствор пахнет совсем не так, как исходное вещество. Особенно — раствор органики. Сомневающиеся легко могут проверить это на грязных носках или рубашках. А если по современной трассе прошла поливалка, шансов еще меньше. Автострада такую завесу копоты ставит, что можно вообще нюха лишиться. Рядом с ней даже донник — и тот дизельным выхлопом воняет.

Для очистки совести я все-таки перешел дорогу, чинно дождавшись зеленого сигнала светофора, благо хорошо воспитанные собаки уже никого не удивляют. Однако по ту сторону мне след почуять не удалось. Запах знакомых сапог пропал, как обрезало. Я прошел метров десять в одну сторону, затем в другую. Обошел окончание «зебры» по большой дуге, обнюхивая тротуар и траву газона. Бесполезно. Значит, намокли сапожки в рукотворной речке. И их запах изменился. Остается последнее средство: еще раз пройти по тому же маршруту, запоминая максимально похожие следы, потом бежать по ним до полного высыхания кожи. Чтобы ничего не отвлекало, я закрыл глаза и перестал прислушиваться к звукам ночной улицы.

Так, это явно не то, это вообще юфть, кроссовки детские, синтетические, вот этот немного... нет, Монголия или Китай, хотя красители итальянские...

Перспективных запахов было всего два, и один из них метров через двести пришлось оставить — по мере испарения влаги становилось все яснее, что это — не то...

Второй привел меня во двор, откуда омерзительно несло аммиаком и мокрыми окурками. Я поднял нос повыше. К прежнему букету добавились застарелый пот и самогонный перегар. Похоже, в этом закуточке свили гнездо те представители человечества, которые стремительно и целенаправленно движутся вниз по древу эволюции.

Я затаился в тени и стал ждать. Должны же они когда-нибудь уйти! Мимо меня по тропинке пробежал парнишка лет семнадцати. Ремень студенческой сумки-портфеля на правом плече. Вязаная шапочка. Китайская ветровка на синтепоне. Со спины он был похож на цаплю, бегущую к логову бешеных собак.

— Эй, мудель! Закурить дай! — раздался пьяный голос.

— Не курю, — притормаживая на скользкой траве, ответил парень и начал разворачиваться.

С двух сторон из темноты к нему приближались четыре фигуры явно бандитского вида. Воздух мгновенно загустел от незатейливого люмпенского мата, слегка разбавленного предложениями и союзами.

«Это их внутренние дела, — убеждал голос разума, — мы не должны вмешиваться».

Но лапы помимо воли стали медленно передвигать меня к месту назревающей потасовки. «Если влезу в историю, мне свои же голову открутят. Почти наверняка. В сказку о появлении настоящего волка в центре жилого квартала Москвы они не поверят. С другой стороны, если оставлю все как есть, голову открутят ему. Причем — немедленно. Ладно, если пограбят и отпустят, то черт с ними, пусть катятся на все четыре стороны, — решил я, — люди всегда что-то делают и переделывают, это — издержки короткой жизни».

Вот только парень не собирался безропотно дать себя ограбить. Шансов отбиться — ноль, но он сжал кулаки и приготовился к отпору. Исход столкновения сомнений не вызывал. Зацепить первым ударом одного из бандитов ему удалось, но на этом успехи закончились. Через пару секунд его сбили с ног и начали пинать. Впрочем, начали — громко сказано. Скорее приготовились, но не успели приступить к делу. Стоящий ко мне задом бандит получил в спину такой удар, что, перелетев через лежащего на асфальте студента, сшиб с ног одного из своих коллег. А что он хотел? Закон Ньютона: сила равна массе, помноженной на ускорение. Масса у меня под девяносто килограммов. Ускорение в волчьем обличье — тоже неплохое. Оттолкнувшись в воздухе от падающего вперед противника, я изменил направление полета и, вцепившись в поднявшую стальной пруток руку третьего грабителя, повалил его на землю, одновременно используя падающее тело как точку опоры, чтобы развернуться перед приземлением в сторону четвертого. Тот успел начать разгон, когда волчьи челюсти сомкнулись на голени его толчковой ноги. Короткий боковой рывок — и чавкающий звук от столкновения головы с бордюром оборвал его истошный вопль.

Противники закончились, и я оглядел поле боя. Студент сидит на асфальте и недоуменно таращится в мою сторону. Один из бандитов с тихими стонами баюкает изувеченное клыками запястье. Второй молча приподнялся на локтях и снова рухнул лицом в асфальт. Еще двое удирают в сторону дороги. Прошло меньше трех секунд с того момента, как они завернули за угол, когда с той стороны раздался истерический визг тормозов. Надеюсь, ребята не попали под машину. Похоже — нет. Звука удара не было. Но зато секунд через пять оттуда раздалась кричалка милицейской сирены. Пора рвать когти. Дальше тут разберутся без меня.

Я лизнул в нос ошaleвшего студента и помчался дворами к Тимирязевскому парку.

— Ни хрена себе! Волк! — раздалось откуда-то сверху. — Алло, ноль-два...

Рассмотрели! Вот же ядрена кочерыжка... Узнаю, кто по ТВ передачи о животных спонсирует, — загрызу... Теперь придется, как зайцу, следы путать. Я резко изменил направление и прибавил скорости.

Завернув за угол, снова помчался к парку. Других вариантов у меня и не было. Там им придется оставить машины у забора, и я получу преимущество в скорости. Звуки сирен постепенно стихли. Правильно, они ж меня теперь у окружной⁴ искать будут, если последнее сообщение получили. Ну что ж, тем лучше! Можно сбавить скорость.

Внимательно поглядывая по сторонам, я неторопливо трусил по газону, размышляя о том, что еще можно предпринять для поисков песцовой шубки. И вдруг почудилось, что в воздухе снова пахнуло итальянскими сапожками. Я закрыл глаза и стал внимательно принюхиваться. Все органы чувств, кроме обоняния, я постарался максимально отключить...

И в эту секунду в левом ухе взорвалась Вселенная. Я подпрыгнул и открыл глаза. Тут же последовал второй выстрел.

— Ты чего, Коля?

— Волк, тот самый! Не видишь, что ли!

Вот и попробуй сосредоточиться! А тем временем получишь дулю! Патрульная машина остановилась метрах в двадцати от меня. Лейтенант целился, держа пистолет двумя руками, как герой американского боевика. Стой я на месте, он бы уже попал. Но волк — не

⁴ Имеется в виду окружная железная дорога, она севернее места стычки, а парк южнее.

рисованная мишень в тире. По нему палить — специально учиться надо. Я неторопливо уходил скачками по дуге в сторону дороги. А вот когда пистолет достал из кобуры выскочивший с водительского места пожилой сержант, мне стало не до смеха. Выцеливал он одной рукой от бедра и смотрел при этом не на голову, а на движения волчьих лап. Вот же невезуха. Чтобы мастер стрельбы из пистолета, да еще и спец по животным. Таких на всю московскую милицию — десятка два, не больше. И один — всего в сорока метрах от меня! У него две обоймы, по восемь патронов каждая. Всего, значит, семнадцать. Это с учетом «чекистской заначки»⁵ в стволе. Я мчался в сторону дороги, постоянно меняя ритм прыжков и направление движения. Комья земли летели во все стороны. Да, «качающий маятник»⁶ волк — сильное зрелище. Но мне уже не до маскировки под животное. До дороги оставалось всего двадцать метров, их нужно было проскочить как можно быстрее. Там сержант остановит стрельбу — рикошеты от асфальта непредсказуемы, пули могут попасть в случайных прохожих.

— Стой, Коля, пусть до обочины добежит...

Ага, щ-ща-а-а-с! Я рванул на максимальной скорости вдоль улицы. Дырка в заборе! Мне — сюда. Я заскользил по шершавому асфальту. Подушечки лап обжигало огнем. Продолжить «раскачку маятника» пришлось еще до схода на землю, потому что стрельба возобновилась раньше, как только исчезла опасность рикошета. Ничего, перекинусь в человека, все раны исчезнут. Зато, заметив кровь, они будут гнать меня по Тимирязевке до посинения. Лейтенант, может, и не стал бы. А сержант знает, что раненого волка в черте города оставлять нельзя.

Стоило мне запрыгнуть в дыру забора, они прекратили бесполезную пальбу и побежали по следу. Сержант на ходу сменил обойму. После восьмого выстрела! Значит, было шестнадцать пуль, осталось восемь. Неплохо! У смазанных пятен крови на краю асфальта они немного притормозили.

— Подранок, нужно догнать, вызывай подмогу, пусть парк оцепят! — прокричал на бегу сержант. — Потом догоняй!

Лейтенант рванул к машине. Вот это — уже лучше. Когда стреляет один пистолет, от пуль уворачиваться проще. Я шуршал и поскуливал в кустах, почти все время находясь вне пределов видимости преследователя. Лапы жгло при каждом движении, но я запретил себе думать об этом. Не до них сейчас! Выстрелы периодически разрубали тишину ночного парка. Сержант понимал, что уступает волку в скорости, и торопился. Упустить боится! Знай он, что я нарочно сохраняю дистанцию, поберег бы патроны!

Отрываться мне пока рано. Погоню нужно затащить в глубь парка. На полкилометра, не меньше. Потом я их оставлю и вернусь к своей машине. Одежда-то в ней! Не в волчьей же шкуре мне домой идти. Да еще во время милицейской облавы. Сержант замер на месте. Он потерял зверя из виду и пытался на слух определить направление. От забора послышался топот лейтенантских сапог. Я сверкнул глазами в сторону сержанта и тут же сделал боковой отскок на полшага. Выстрел, шестнадцатый по счету. Ну вот, теперь можно расслабиться, патроны — только у лейтенанта. Я сделал шаг в сторону и обернулся. Можно больше не напрягаться с отскоками. И вдруг в правый бок с грохотом ударила кувалда. Меня сшибло с ног и бросило плашмя на прелую листву. Черт, у сержанта все-таки была закладка. Просто он сменил обойму, имея один патрон в стволе.

Я поднял голову к убывающей луне и завыл от боли и огорчения. Перед глазами сверкали разноцветные круги, в ушах звенели колокола погребального перезвона. Я собрал в

⁵ Восьмизарядный пистолет снаряжается девятым патроном: после того как в ствол загнан первый заряд, пистолет ставится на предохранитель и в вытасченную обойму добавляется еще один патрон, затем обойма возвращается на место.

⁶ Качать маятник — использовать обманные движения и финты для того, чтобы снизить эффективность стрельбы противника.

кулак последние силы и рванул в глубь парка, оскальзываясь на собственной крови. Сейчас все решала скорость. Отбежав метров сто, я, уже теряя сознание, перекинулся в человека. И тут же врезался головой в некстати подвернувшийся клен. Перед глазами запрыгали мелкие звездочки, из носа потекла кровь. Зато исчезли все звериные раны. Я отбежал еще немного и снова превратился в волка. Ну а теперь по дуге к другому выходу. И побыстрее! Там недалеко моя «пятнашка» припаркована. Ключи под задним бампером. Во всяком случае, я на это надеюсь. Хотя с моим сегодняшним везением — все может быть!

Машина — на месте. Я огляделся. Никого! Снова став человеком, быстро отпер дверь и, накинув плащ на голое тело, прыгнул за руль. Но успел только включить габариты и запустить двигатель, когда по ушам саданул вой сирены и в задний бампер уперся милицкий «Форд».

Я схватил мобильник и прижал к уху.

— Добрый вечер, милая! — громко сказал я молчащей трубке. — Ты там не сильно соскучилась? Я немного задержался, но скоро должен освободиться.

В окно постучали. Я опустил стекло.

— Лейтенант Мошкин. Ваши документы.

Я протянул ему всю стопку.

— Извини, дорогая, позже перезвоню.

Я спрятал телефон в карман. Лейтенант сверил мою физиономию с фотографией в водительском удостоверении и задумчиво произнес:

— А здесь вы что делаете?

— По телефону разговариваю. Жена позвонила, вот я в этом закутке и остановился.

— А почему не на ходу?

— Так вы же за это штрафуете.

— Блютус купите.

— Такой? — спросил я, доставая его из кармана. — Купил, вот только не всегда вспоминаю, что его с вечера зарядить нужно. — Я виновато развел руками.

— Проезжайте.

Фуф. Слава богу! Попроси он открыть багажник, возникли бы определенные проблемы. Объяснить отсутствие на теле иной одежды, кроме плаща, было бы несколько затруднительно. Но это мелкое везение не перекрывало общей неудачи. Песец исчез навсегда, и теперь вернуться к нам он мог только чудом. И все же шанс оставался. Ведь иногда вещи возвращаются в магазин. Так что все маршруты у меня теперь проходили через этот отдел. Двое суток Лена подлетала к двери каждый раз, когда я входил в дом. Горящие глаза внимательно обшаривали прихожую, выискивая обмотанный бумагой сверток. На третий день надежда оставила ее.

Зато сколько же было радости, когда спустя еще двое суток шубка в магазине появилась снова! Причем та же самая! Очевидно, взяли кому-то без примерки, а потом, когда не подошла, вернули обратно. Я снял песца с вешалки, погладил шелковистый мех и достал мобильник. Не прошло и пяти минут, как Лена влетела в магазин верхом на собственном визге. Глаза сверкают, реснички веером, щеки алые, ушки торчком — все как полагается. На улицу Их Кошачье Величество вышло уже в обнимку со свертком, в котором покоился тщательно упакованный песец.

Что ж, удача улыбается упорным — учтем на будущее! Но, как всякая разумная женщина, она любит осмотрительных. И потому от греха подальше я стал с тех пор гораздо внимательнее следить за временем. Ведь это из-за лишнего часа, проведенного за компьютером, возникли тогда сразу две «шкурных» проблемы: Лена чуть песцовую шкуру не упустила, а я своей волчьей мог запросто лишиться!

Не забудь я тогда поставить будильник на три часа, мы купили бы шубу в тот же день, и не потребовалось бы устраивать ночной поиск, не случилось бы этой дурацкой погони со стрельбой. Конечно, закончилось все хорошо. Но это — чистое везение. Шансы прикончить меня у сержанта имелись очень неплохие.

* * *

Хорошо, что Лена спит крепко. А то пришлось бы мне из спальни в гостиную на ночь отселяться. Почти каждую ночь один и тот же кошмар преследует меня. Опять, как в тот злополучный вечер, парк замирает в ожидании следующего выстрела. Стертые подушечки лап чуть холодит прелая листва. Я снова и снова поворачиваю голову в сторону преследователей. И каждый раз пуля ударяет на два сантиметра выше и разрывает надвое спинной мозг, лишая меня возможности убежать. Болевой шок не дает перекинуться в человека. Сквозь кровавую пелену я вижу вороненое дуло «ПМ» и сочувствующие глаза сержанта. Затем грохот выстрела вталкивает меня в звенящую тишину вечной ночи...

Я вскакиваю, срывая с мокрой груди липкое от пота одеяло. И лежу, уткнувшись взглядом в потолок. А на следующую ночь все повторяется сначала. Схватка, погоня, выстрел... Это нервы расшатались. Скоро они успокоятся, и все пройдет.

Есть проблема посерьезнее — возможные последствия происшедшего. Во-первых, меня могут наказать свои же за нарушение принципа невмешательства. Исключение из общины — стандартная кара за подобный проступок. Она ненамного мягче смерти. В одиночку оборотню в мире людей выжить непросто. А в моем случае, когда заканчивается очередная четверть столетия и на носу смена легенды, — это сложнее вдвойне. Во-вторых, получить от коллег на орехи по ошибке может какой-нибудь другой оборотень. И выйдет так, что я его подставил. А это ничуть не лучше, чем пострадать самому.

Так стоила ли овчинка выделки? Зачем было рисковать жизнью и здоровьем? Из-за шубы? Да если Лена узнает, что произошло в парке, она своего песца в тот же день в мусорное ведро засунет или в печку на даче!

А вот имело ли смысл лезть в заваруху ради спасения человека? Я же всегда был согласен с запретом на вмешательство в жизнь людей! И вот столкнулся с ситуацией, когда не смог поступить так, как считал правильным. Я не оспариваю сам принцип невмешательства. Он намного лучше существовавшей раньше вседозволенности. Слишком уж часто оборотни злоупотребляли своим могуществом. Люди не имели шансов в битвах один на один и объявляли в ответ тотальную войну.

Так продолжалось многие годы, пока не были приняты жесткие законы невмешательства оборотней в жизнь человечества. А спустя столетие выяснилось, что, отказавшись от произвольных превращений и оставив людей в покое, мы получили не только мир и процветание, но и долголетие.

Постепенно санкции к нарушителям ослабевали. Теперь за это уже не казнят. Да и изгоняют далеко не всегда. Но у меня не просто вмешательство в жизнь людей! Я виновен в уголовных преступлениях: нанесении телесных повреждений средней тяжести (по законам людей) и разглашении действием — именно так формулируется мое «качание маятника» — тайны общины представителю людской власти (по закону оборотней).

С другой стороны, увидев, как эти подонки окружили парня, я просто не мог оставить его на растерзание... Ведь никто из нас не бросил бы в этой ситуации другого оборотня. Так почему же к людям нельзя относиться так же? Большую часть своей жизни мы неотличимы от них! Что же получается? Мы живем с ними в соседних квартирах, сидим за одними школьными партами, трудимся бок о бок, а как только им нужна помощь — сразу в кусты, звериной сущностью прикрываемся? Не могу я так! И не буду! А санкции... Простили же меня тогда, в 1812-м. Когда загрыз двух французских мародеров, положивших глаз на дочку нашего кузнеца. Правда, война тогда шла. Она многое списывает... Да я и не гражданским в то время был, хоть и не военным. Армия нам противопоказана. А вот отряды партизанские — в самый раз! Тогда община решила, что я все правильно сделал... Авось и теперь как-нибудь обойдется.

Как же это по-человечески: вместо трезвого расчета — авось, да небось, да как-нибудь... Что это со мной? Так ведь до полной крезанутости дорассуждаться можно! А что?

Буду первым в истории сумасшедшим оборотнем! Вот наши изоляционисты обрадуются...

Хотя, если посмотреть с другой стороны, у каждого оборотня есть друзья среди людей. За них он всегда заступится в критической ситуации. И соплеменники его не осудят. Вот только оборотни в этих случаях действуют в человеческом облике. И никаких к ним претензий! Но у меня-то не было возможности перекинуться! Ни малейшей! Ну не голым же, в самом деле, мне драться? Так могло выйти еще хуже...

Сомнения, как изголодавшиеся гиены, грызли меня еще несколько дней. А затем ситуация разрешилась сама собой: по почте пришел очередной номер районной малотиражки «Коптево», там — на первой странице статья «Бродячий пес спасает человека». В ней довольно близко к фактам описан тот самый случай в чужом дворе, а рассказ студента журналист дал целиком прямой речью в кавычках.

«Возвращался я в тот вечер поздно. Около часа ночи. Людей на улицах практически не было. Как вдруг из подворотни выходят двое и ко мне. Убегать, думаю, нужно; вот только куда? От арки, что за спиной, еще двое — и тоже по мою душу. Бежать поздно. Отступать некуда. Решил не сдаваться, да где там! Они меня на землю свалили и начали избивать. Тут этот пес и пришел мне на выручку, как на них прыгнет. Начал он с того, что с ног их сбивал, потом один на пса прутком металлическим замахнулся, тот его за руку и цапнул. Юля, сестра моя, этого бездомного пса у нас во дворе подкармливала; наверное, поэтому он за меня и вступился. СПАСИБО».

Я почесал в затылке. Да, хорошо, что у них во дворе серый пес приболудился, теперь всю эту историю милиция на тормозах спустит. И наша община нарушителя спокойствия не будет искать. Вот только что-то в заметке было не так. Мелочь какая-то за глаз зацепилась и не хотела отпускать. Последнее слово набрано прописными буквами... А что, если... Я вернулся к началу и прочитал заглавные буквы предложений.

Да-а-а! Не зря все-таки я этому студенту помог! Голова у паренька — прямо-таки феноменальная! Серого вещества в ней полтонны как минимум! А извилин — без счета! Другой на его месте и не заподозрил бы ничего. А этот не только ситуацию смог просчитать, но и сообразил, как лучше меня прикрыть и от неприятностей отмазать. Такую сказку о бездомной псине сочинил! Молодец!!! Вот только как он меня вычислил? Не понимаю...

Глеб Паршин ЗАСТУПНИК

Если есть тьма — должен быть свет.

В. Цой

Шоферы — те, кому регулярно приходилось ездить по этому участку федеральной трассы, — рассказывали друг другу байки одна страшнее другой. Все они начинались одинаково: на трассе пропадали машины с людьми. Машины потом находили, людей — нет.

На самом деле люди пропадали редко, зато всегда в одно и то же время. В июле, в течение одной недели, раз в шесть лет. Правда, мало кто замечал эту странную закономерность. А тот, кто сумел заметить, — должен был понять, что *это время* наступит уже через две недели.

Водитель автобуса недоуменно и даже как-то испуганно взглянул на пассажира, попросившего высадить его у лещевской грунтовки, и приглушил хрипящий шансон. Подумал, что не расслышал. И то сказать: вокруг, сколько хватало глаз, расстилалась бесконечная степь. Единственным признаком цивилизации высились потемневшие от времени деревянные опоры ЛЭП. И лишь вдалеке, вдоль речки, словно оазис в пустыне, виднелась обширная, поросшая могучими ветлами, низина. В ней-то и пряталась Лещёвка. Испокон веку это место славилось обилием рыбы, однако желающих порыбачить в затонах с каждым годом становилось все меньше.

Вовка с минуту постоял у обочины, провожая взглядом удалявшийся автобус, поправил

увесистый рюкзак за спиной, свернул с трассы на заросшую бурьяном грунтовую дорогу и направился в сторону деревни.

Горячий ветер обдувал лицо и гнал зеленые волны по морю степных трав. Еще пара недель без дождей, и степь изменит цвет с зеленого на бледно-желтый.

Вовка дошел до околицы и, не сбавляя шаг, уверенно двинулся по единственной улице деревни. Еще издали парень заметил, что многие дома стоят заброшенные, с заколоченными ставнями. Теперь стало ясно, что большинство дворов оставлено уже давно.

За заборами еще не покинутых жилищ яростно лаяли собаки, рассерженные появлением чужака. Людей видно не было. Только у одной хаты с зелеными наличниками стоял выдавший виды грузовик. Три хмурых мужика запихивали в него старенькую мебель и другой нехитрый скраб. Возле машины суетился хозяин вещей — бородатый дед с клюкой. Все четверо проводили чужака подозрительными взглядами, но, так ничего и не сказав, продолжили заниматься своим делом.

Вовка проигнорировал неприветливых жителей, миновал почти всю улицу и остановился у крайнего дома. В нем не было ничего приметного. Деревянный, обложенный снизу кирпичом. За ветхим забором виднелись ухоженные грядки, чуть поодаль высились яблони и абрикосы.

Соседнее жилище было почти полностью разрушено. Без крыши, с выбитыми окнами, осевшее и покосившееся, оно словно побывало в центре урагана. За остатками изгороди торчало несколько высохших деревьев со странно изогнутыми, пригибающимися к земле стволами. Смотреть на них было неприятно.

— М-да, сильна, зараза, — буркнул себе под нос Вовка, мрачно глядя на развалины, после чего повернулся и решительно толкнул надсадно скрипнувшую калитку.

* * *

Прасковья Потаповна удивилась и даже испугалась, увидев у калитки незнакомца. Последний год из Лещёвки люди только уезжали, появление явно городского чужака было странным и неожиданным. Бабка с тревогой и нескрываемым подозрением долго разглядывала гостя. Парень как парень. На вид лет двадцать пять — двадцать семь. За плечами — рюкзак и какая-то странная штука в чехле. Самым же удивительным было то, что незнакомец с ходу окликнул хозяйку по имени и отчеству. И откуда только узнал? Улыбнулся, назвал себя Владимиром и попросился пожить пару недель. Денег за постой не предложил, зато пообещал подлатать крышу и забор. Бабка уперлась, не желая пускать незваного гостя на порог. Упираться, впрочем, было непросто — пришелец не смахивал ни на бандита, ни на жулика. Даже дворовая Жучка, отличавшаяся дурным нравом, облаяла чужака лишь для порядка, а теперь приветливо виляла хвостом. Хозяйка держалась.

— Прасковья Потаповна, — не сдавался Владимир. — Через порог разговаривать не по-людски как-то. Я что, на бандита похож?

Старуха вдруг поняла, что этот настырный парень сейчас повернется и уйдет и она снова останется совсем одна.

— Ладно уж. Заходи, — проворчала Потаповна.

Пройдя в дом, гость уселся за стол и принялся деловито извлекать из рюкзака съестное. Еды хватило бы на десятерых.

— Это для пополнения припасов, — подмигнул он. — Обузой не буду.

Слово за слово они разговорились. Чем больше Прасковья Потаповна общалась с парнем, тем больше он ей нравился. Не прошло и получаса, как Владимир стал просто Вовкой и окончательно расположил к себе старуху.

— Хорошо, Прасковья Потаповна, — подытожил Вовка. — Я ремонтирую вам крышу и забор, помогаю по хозяйству, а вы предоставляете мне койку для ночевки в течение двух недель. Идет?

— Десять дней, — уточнила бабка. — Городской автобус мимо нас с утра проходит.

Уедешь на нем.

— Почему именно десять дней, а не две недели? — поднял бровь Владимир.

— Чтобы ты уехать успел, — отрезала Потаповна. — Негоже тебе, парень, вместе со мной помирать.

— Зачем помирать-то? — удивился Вовка и пристально посмотрел бабке в глаза. — У вас через две недели что, конец света планируется? Для чего тогда крышу чинить?

Прасковья Потаповна смахнула слезу. Она была слишком стара, чтобы бояться. Ей стало жаль своего новоявленного постояльца. Бабка накапала себе валерьянки и принялась то ли рассказывать, то ли пугать.

Она помнила, как в тридцать седьмом арестовали батюшку. Прасковья была тогда еще девчонкой и не понимала, за что деда в рясе хотят посадить в тюрьму. Какой из него враг? Даже конвоиры не знали, что ответить. Батюшка не сопротивлялся, об одном молил — не взрывать церквушку, которую и деревенской-то назвать было нельзя. Стояла она особняком, в паре километров от Лещёвки. Батюшка уверял, что церковь сдерживает степное лихо и округу ждет большая беда, если храм разрушат...

Церковь взорвали следующим летом. Потом пришла война, и о словах батюшки надолго забыли.

Все началось после войны. В середине июля недалеко от деревни в кювете нашли разбитый колхозный грузовик. В расплющенной кабине — лишь пятна крови. Шофер Степаных исчез без следа. Власти решили, что произошел несчастный случай, а шофера-де утащили волки. Только вот волков в здешних краях давно не видели.

Местное начальство всполошилось всерьез через шесть лет. Пропал районный партработник и три его приятеля, приехавшие на реку порыбачить. В разоренном лагере нашли засохшую кровь да изорванный рыбацкий сапог с куском человеческой ступни.

С тех пор каждые шесть лет в жаркий июль в окрестностях деревни пропадали люди. По округе ползли жуткие слухи. Говорили о бандитах, неизвестном науке животном-людоеде, потом — об инопланетянах, серийном маньяке-убийце и всегда о нечистой силе. Милиция заводила уголовные дела, но так никого и не нашла...

Люди стали уезжать. Особенно после того как безлунной июльской ночью пропала вся семья Коноваловых, живших на окраине. Вечер накануне был обычным, только слишком тихим, а утром соседи увидели изуродованный дом с проломами в стенах, выбитыми окнами и сорванными с петель дверями.

Прасковья Потаповна вспомнила и молодого милиционера, приехавшего в восемьдесят четвертом. Этот в нечистую силу не верил и рьяно искал человека или зверя. Когда наступил очередной июль, участковый взял автомат и ночами патрулировал опустевшую на две трети Лещёвку. Через неделю караульщик исчез. Искали его долго, милиция перевернула всю округу, однако единственной находкой стала горстка стреляных гильз да кусок автоматного приклада.

После того случая в течение двенадцати лет никто не пропадал, и о степном лихе начали забывать. В деревне даже поселился фермер — Дима. Он выстроил себе целый дворец, завел индюков и каких-то особых уток, больших и с хохлами. Рассказням старых бабок не верил, только ухмылялся себе в бороду.

Когда в девяносто шестом сгинул Федька-пастух, никто не встревожился. Федька и раньше подолгу исчезал из деревни, особенно будучи в запоях.

Настоящий ужас пришел с июльской жарой в две тысячи втором. Кто-то заметил, что в фермерском доме выбиты стекла, да и тишина стоит какая-то не такая. Дурная тишина. Вызванные из города оперативники быстро оцепили весь прилегающий район. Что они нашли внутри дома, неизвестно. Прасковья Потаповна видела, как из дверей выскочил какой-то мужик, на крыльце его вырвало. Жителям деревни так ничего и не сказали. По слухам выходило, что внутри все залито кровью, а на ферме не осталось ничего живого.

Кошмар повторился через шесть дней. Беда заявила к соседям, сестрам Анне и Тае Прохоровым. И снова никто ничего не слышал, только собаки выли. Когда рассвело,

перепуганные сельчане увидели поломанные деревья и развороченную хату. Старшая Анна сгинула без следа, младшую обнаружили бившейся в припадке в погребе. Ее отвезли в город, в больницу для умалишенных, домой она не вернулась.

Прошло еще шесть лет. Наступил очередной июль. К этому времени почти все жители Лещёвки уехали кто куда, лишь бы подальше. Остались только те, кто не мог уехать или кому бежать было некуда. Восемь дворов из полусотни. Такие же немощные старики без родственников, как Прасковья Потаповна. Ее дом стал ближним к степи, значит, она следующая. Надежда на то, что июль пройдет тихо, была слишком мала.

Вовка выслушал молча, ни разу не перебив. Он не поднял бабку на смех и не усомнился в ее вменяемости. Прасковье Потаповне даже показалось, что для него местные беды не стали новостью. Уж слишком легко воспринял постоялец все услышанное. Только взгляд стал чуть тверже.

«Если бы в деревне знали всю правду, здесь бы уже давно никто не жил», — мрачно подумал Вовка. Вслух же уверенно произнес:

— Все будет хорошо, Прасковья Потаповна. Я остаюсь на две недели. Дом ваш успею привести в порядок. Да и с бедой вашей мы как-нибудь справимся.

— Шел бы ты лучше, внучок, отсюда куда подальше! — всплеснула руками бабка. — Ведь сгинешь вместе со мной. Я-то, карга старая, отжила свое, а ты — парень молодой, рано тебе на тот свет отправляться!

Вовка как-то странно посмотрел на бабку и сказал:

— На каждую косу, Прасковья Потаповна, всегда найдется свой камень.

* * *

Прошло две недели. Вовка подлатал крышу и поправил обветшавший забор. Работал он быстро и качественно. Бабка не могла нарадоваться, но не оставляла попыток спровадить жильца из деревни. Впрочем, безуспешно.

У постояльца был довольно странный распорядок дня. До обеда Вовка занимался исключительно хозяйством, после обеда дремал в саду, а к вечеру, когда спадала нестерпимая жара, отправлялся бродить по окрестностям. Прасковья Потаповна знала, что с особым интересом он осматривает те места, где прошла нечистая сила. Кое-что бабка замечала сама, а кое-что рассказывали немногочисленные соседи: Вовка не оставлял без внимания и их. Перезнакомившись со всей деревней уже в первый день, он правдами и неправдами потихоньку вытягивал у сельчан все, что те знали о пропавших людях, разрушенных домах и прочих странностях. Зачастил постоялец и к развалинам церкви. Он пропадал там часами, возвращался уже затемно и что-то записывал в своем блокноте.

Будучи дома, парень несколько раз звонил кому-то по мобильному телефону, ругаясь на отвратительную связь. Как-то Прасковья Потаповна, копаясь в огороде, краем уха услышала обрывок одного из таких разговоров.

— Ни черта не слышу! — грозно орал Вовка. — Что? Да знаю я, что людей не хватает! Но дело тут серьезней, чем мы предполагали.

Парень замолчал на минуту, выслушивая ответ.

— Я все понимаю! И на помощь не надеюсь! — рывкнул он напоследок. — Но если мне оторвет голову на работе, то здесь ничего живого не останется!

На этом разговор и окончился. Вовка спрятал телефон в карман и матюгнулся. Таким Прасковья Потаповна видела его в первый и в последний раз, но уже через минуту постоялец как ни в чем не бывало ремонтировал деревянный стол в саду. Бабка так и не решилась полюбопытствовать, с кем же он так ругался.

А еще поначалу Прасковью Потаповну смутило одно обстоятельство. Она хорошо помнила, что, кроме рюкзака, Вовка имел при себе какую-то подозрительную штучковину в чехле. Все вещи парня были на виду, а злополучная штучковина исчезла из поля зрения бабки в первый же день. Правда, вскоре об этой странности Прасковья Потаповна позабыла.

Старуха накрыла на стол и посмотрела в окно. Поливавший огород постоялец будто почувствовал взгляд, обернулся и подмигнул. Нет, было что-то в этом парне: какая-то искра во взгляде, основательность и неиссякаемое жизнелюбие. От Вовки волнами расходилось что-то бесшабашно-радостное. Прасковья Потаповна на какое-то время заразилась чужим оптимизмом и даже заулыбалась.

Нарушая деревенское спокойствие, по запыленной улице промчался милицейский «уазик» и резко остановился у бабкиного дома. Послышался скрип калитки, яростный Жучкин лай, а чуть позже — стук в дверь. На пороге высился лейтенант Андреев. Вот уже год как его отрядили из райцентра в деревню. Крепкий мужик, упертый, пришел в милицию после армии. Тоже пытается раскопать истину.

— Здорово, Потаповна, — поприветствовал лейтенант хозяйку, снимая фуражку и усаживаясь за стол. — Собирайся. Сегодня восемнадцатое. Сама знаешь, *чем* это грозит. Не верю я вашим бредням про нечистого. Однако береженого бог бережет. Я договорился. Из райцентра за вами автобус приедет в три часа. Поживете с недельку в пионерлагере. Все едут, даже Михалыч. Живности много не бери, разместить негде.

— Никуда я не поеду, — сразу решила Прасковья Потаповна. — Я в войну, когда немцы в трех верстах стояли, не побежала, а сейчас тем более не побегу. Стара я для этого. Да и хозяйство не брошу. Мало ли какое жулье по округе бродит.

— Ты что, Потаповна?! Совсем умом тронулась?! Твой дом теперь ближе всех к степи. Сгинешь, как другие, хоронить и то будет нечего, — вспыхнул Андреев.

— Не спеши хоронить, лейтенант.

За спиной милиционера стоял Вовка. Прасковья Потаповна и не заметила, как он появился. Андреев нервно схватился за кобуру, но быстро взял себя в руки.

Он смерил чужака наметанным милицейским глазом. Среднего роста и телосложения. Волосы темно-русые, подстриженные «под канадку». Глаза серые. Шрам над левой бровью. Взгляд не отводит, смотрит смело, даже нахально. По манере одеваться — явно из города.

— А, вот и знаменитый постоялец. Покажи-ка документы, родной ты наш, — съязвил лейтенант. — По какому поводу в нашем захолустье?

— Поднимаю сельское хозяйство, — не остался в долгу Вовка, протягивая книжечку в красной обертке.

— Прямо пионер, всем ребятам пример. — Андреев сверил фотокарточку и с разочарованным видом вернул паспорт. — Мне тут бдительные граждане сказали, ты ночами по округе шляешься. Селян донимаешь дурацкими вопросами. Насмотрелся «Секретных материалов» и агентом Малдером себя возомнил?

— По ночам я не шляюсь, а выхожу дышать свежим воздухом. Места у вас красивые. — Вовка изобразил на лице самое невинное выражение.

Взгляд лейтенанта сделался колючим.

— Врешь и даже не краснеешь, — резко сказал он. — Завязывай со своей самодеятельностью, Малдер. С этой чертовщиной серьезные люди пытались разобраться. Ни у кого не получилось. Дела здесь творятся паршивые и непонятные. Кстати, ты, случаем, не журналист?

— Не журналист, — опроверг обвинение Вовка. — Может, ваши серьезные люди не там копали?

— Значит, энтузиаст-исследователь аномальных явлений, — заключил лейтенант.

— Что-то в этом роде, — уклончиво согласился Вовка.

— Знаешь, сколько таких вот любителей, как ты, сгинуло в этих местах? — мрачно спросил Андреев.

— Как я — ни одного, — уверенно ответил Вовка и в тон милиционеру добавил: — Четверо исследователей-энтузиастов. Если считать с девяносто шестого. А всего здесь

погибло тридцать девять человек начиная с сорок восьмого года.

— Ого, — только и смог удивленно вымолвить участковый. — Откуда такая статистика? По нашим картотекам — погибших девять, пропавших без вести — восемнадцать человек.

— Нет никаких «пропавших без вести», — отрезал постоялец, а потом добавил: — Пошли на свежий воздух, разговор есть.

Лейтенант с нескрываемым раздражением двинулся вслед за парнем. Тот, прихватив с собой потрепанную записную книжку, по-хозяйски прошел мимо огорода в сад и уселся за потемневший деревянный стол, врытый в землю под большой яблоней. Андреев, не дожидаясь приглашения, устроился напротив. С одной стороны, слова бабкиного постояльца его заинтриговали, а с другой — этот постоялец вел себя слишком нахально. Лейтенанту такие люди никогда не нравились.

— Ты не ответил на мой вопрос, — с места в карьер начал допрос Андреев. — Откуда у тебя такие данные?

— Сейчас уже не важно, — отмахнулся Вовка. — Важно другое. Уберечь сельчан и попытаться обезвредить то, что регулярно устраивает здесь бойню. Первая часть проблемы за тобой. Вторая — за мной. Эвакуация людей в пионерлагерь — хорошая идея.

— Как-нибудь сам разберусь, что мне делать и как, — оборвал наглеца участковый. — Вот возьму и задержу тебя до выяснения.

Вовка только покачал головой.

— Лейтенант, ты имеешь представление о том, что здесь творится?

— Граждане бесследно пропадают в округе и в самой деревне. Судя по архивным данным — это происходит уже больше пятидесяти лет, — уже более спокойно ответил Андреев. — Всякий раз расследование заходит в тупик. Останки всего два раза находили — в пятьдесят четвертом и в две тысячи втором году, на ферме. По массовому убийству завели уголовное дело.

— Будет очередной глухарь, — предрек Вовка. — С сорок восьмого года все это тянется, гибнут люди, и вы не можете сделать правильных выводов.

— Да какие тут к бесу выводы?! — возмутился лейтенант и вдруг вспомнил, с каким сочувствием на него смотрели коллеги год назад, когда начальство отрядило его в этот глухой угол. — Свидетелей нет, следов нет, чертовщина какая-то!

В ответ Вовка раскрыл свою записную книжку, из которой извлек топографическую карту местности и развернул ее на столе. На карте красовалась злополучная деревня с прилегающими окрестностями. Карта пестрела множеством пометок.

— Обрати внимание, лейтенант. — Вовка ткнул пальцем в красный крестик. — Вот здесь разрушенная церковь. Далековато от деревни, не находишь?

— Не так уж и далеко, — буркнул Андреев. — Минут десять ходьбы.

— Построили ее в конце семнадцатого века, — монотонно продолжал парень. — Нынешняя Лещёвка появилась намного позже. Спрашивается: зачем в глухой степи церковь строить?

— Ну мало ли, — развел руками участковый. — В честь какой-нибудь победы, например, или чуда. К чему ты клонишь?

— Храм взорвали в тридцать восьмом. — Вовка многозначительно посмотрел на собеседника. — После этого начали пропадать люди.

— Не вижу связи, — скептически заметил милиционер. — Прошло десять лет между разрушением церкви и первым случаем исчезновения человека.

— Тем не менее связь прямая, — упорствовал бабкин постоялец.

— Бред! — Лейтенант хлопнул по столу ладонью. — Предлагаешь поверить в нечистую силу, которая здесь промышляет?!

— Можно сказать и так, — твердо ответил Вовка. — Смотря что понимать под нечистой силой.

— Случаем на учете у психиатра не стоишь? — зло поинтересовался Андреев, доставая

папироску. — Если нет — могу организовать.

Раздражение лейтенанта росло. Андреев никак не мог понять, что за фрукт этот Вовка. Но на сумасшедшего он не походил.

— Прежде дослушай. — Парень словно не замечал раздражения собеседника. Он снова водил пальцем по карте. — Церковь расположена севернее деревни. Именно в том районе зафиксированы первые нападения. Люди пропадали каждые шесть лет. С каждым разом все ближе к Лещёвке. Потом стали исчезать в самой деревне. И все это творится в области радиусом не более пяти километров. С каждым разом жертв становится все больше.

Андреев стал мрачнее тучи.

— К чему клонишь? — спросил он и через секунду все понял.

— Вывози людей. Может так случиться, что у тебя в запасе всего несколько часов, — словно прочитав мысли лейтенанта, глухо сказал Вовка.

— А я чем занимаюсь? — проворчал Андреев. — Это ты меня своими рассказами от работы отвлекаешь.

Вовка молча вытащил из записной книжки фотографию и помятый, свернутый вчетверо листок.

— Вот снимок гравюры из книги купца и путешественника, некоего Янсена из Ганновера. Конец семнадцатого века.

Лейтенант наморщился, глядя на фотографию. Сюжет, изображенный на гравюре, был весьма примечательным. Огромное, жутко худое человекоподобное существо, вооруженное секирой, нападало на купеческий караван. Облаченный в рваные лохмотья монстр с клыкастой пастью и глазами с вертикальными зрачками будто выныривал из стелющегося по земле темного облака. Люди в панике разбегались. Несколько человек, разорванных в клочья, валялось под ногами твари. Кого-то чудище ухватило длинной костлявой лапой и держало вверх ногами, словно тряпичную куклу. Все происходило на фоне ночного, довольно милого степного пейзажа. Чудовищно знакомого.

— Гравюра сделана по рассказам уцелевших очевидцев, — прокомментировал страшилку Вовка. — С их слов, произошло это где-то здесь. И еще. Раньше здесь была казачья станица. Жители оставили ее примерно в те же годы и основали новую в трех сотнях километров отсюда. Надо иметь веские причины, чтобы сняться с насиженных мест.

— Сказки, — попытался возмутиться Андреев. — Хотя... Станица действительно была какая-то.

— А вот то, что нарисовал один из отпрысков семейства Макеевых. — Вовка развернул помятый листок и подвинул его лейтенанту. — Мальчишке тогда семь лет было. Он видел того, кто разорил дом сестер Прохоровых в две тысячи втором. Парень по сей день заикается и ложится спать только с включенным светом.

На незатейливом детском рисунке был изображен домик с деревьями вокруг. Возле домика стояла сутулая костлявая фигура и тянула к нему длинную, похожую на граблю лапу. В другой лапе чудище сжимало то ли топор, то ли секиру. Ростом монстр не уступал домику. На человекоподобной голове выделялись глаза-фары с вертикальными зрачками и клыкастая пасть.

Страшилища на детском рисунке и на старинной гравюре были явно похожи. Но Андреев не мог в это поверить, и его разум лихорадочно искал логичное объяснение.

— А Макеевы-родители сыну поверили, — подлил масла в огонь Вовка. — Уже той осенью они переехали в соседнюю область, за восемь сотен километров от вас.

Лейтенант хлопнул кулаком по столу и резко встал.

— Все. С меня хватит этого бреда! С ума, что ли, тут все посходили?! На улице двадцать первый век, а тут мракобесие какое-то! — прорычал он. — Перепились или обкурились.

— Говорят, оно появляется всегда в одном и том же месте — севернее разрушенной церкви, — как ни в чем не бывало продолжал вещать Вовка.

— Да кто такое говорит?! — Лейтенант уже орал. — Аборигены клянутся, что ни черта

не видели!

— Есть еще пара человек из деревни. Кроме пацана, — не стал уточнять Вовка и твердо добавил: — Кто же тебе такое под протокол расскажет? Сразу в дурдом упечешь или в наркодиспансер.

— Ты сам, случаем, ничем таким не балуешься? — пустил в ход последний довод Андреев. — Ну-ка, пойдем, вещички осмотрим.

Вовка посмотрел на него, словно на идиота.

— Тяжело с тобой, лейтенант, — вздохнул он.

* * *

Ничего противозаконного лейтенант не обнаружил, хотя не пожалел времени и обшарил не только Вовкин рюкзак, но заодно осторожно, чтобы не обидеть хозяйку, осмотрел весь дом. Кроме традиционного походного набора, у постояльца обнаружился mp3-плеер. Андреев с интересом просмотрел плей-лист.

— «Аквариумом» и Цоем увлекаешься? Я тоже лет пятнадцать назад слушал, — признался милиционер, а потом сурово добавил: — В нехорошем месте крутишься и в нехорошее время. Убирайся, целее будешь. Автобус уже приехал.

— Всему свое время, товарищ начальник, — с иронией в голосе откликнулся Вовка. — При хорошем раскладе завтра от меня избавишься.

— Хочется верить, — буркнул в ответ милиционер, повернулся к хозяйке и с укоризной продолжил переговоры: — Прасковья Потаповна, автобус приехал. Не упрямитесь, вы же разумный человек.

— Не поеду. И не уговаривай, — отрезала старуха. — Хозяйство не брошу.

— Так-так, — процедил Андреев и надел на Вовку. — Ну а ты, уфолог-любитель, готов отчалить?

— Не для того сюда приехал, — глухо ответил Вовка.

— А для чего? Чудище свое ловить? Я в твоё чудище не верю, — съязвил лейтенант. — Если оно и существует, тебе точно не поздоровится. Сегодня восемнадцатое. А по обожаемой тобой статистике люди в ночь с восемнадцатого на девятнадцатое июля чаще всего пропадали.

Вовка, до того сидевший мрачнее тучи, вдруг зло ухмыльнулся.

— Посмотрим — кому поздоровится, а кому — нет.

Лейтенант угрожал, убеждал и ругался. Его терпения хватило минут на двадцать.

— Да черт с вами, — отмахнулся он. — Вы, городские, больно умными себя считаете. Да и ты, Потаповна, совсем из ума выжила. Хотите сдохнуть — на здоровье. Дуракам закон не писан!

Он в сердцах хлопнул дверью и через минуту уехал.

Прасковья Потаповна постояла возле окна. Люди поспешно садились в старенький автобус. С собой брали лишь самое необходимое. Через несколько минут автобус отбыл, подняв на прощание тучу пыли.

— Зря вы, Прасковья Потаповна, — негромко заметил Вовка. — Вам надо было уехать.

Бабка печально вздохнула и отрешенно занялась повседневными хозяйственными делами.

Лещёвка опустела. Жаркое июльское солнце неумолимо катилось к горизонту, тени в саду постепенно удлинялись. На деревню опустилась тишина. Только горячий южный ветер шевелил листья в саду да раскачивал ставни в заброшенных соседских домах.

* * *

«Уазик» Андреева несся по пыльной степной дороге в сторону райцентра. Дело сделано — жителей деревни расселили в пионерлагере. Казалось, можно вздохнуть спокойно, но что-

то не давало лейтенанту все бросить и с чистой совестью уехать домой. В голове нет-нет да и всплывал то странный детский рисунок, то чудище с гравюры. Вспомнилась фотография лейтенанта Семенова, пропавшего в здешних местах в уже далеком восемьдесят четвертом году.

«Болтали, что незадолго до своего исчезновения Семенов зачастил в областной архив и, похоже, раскопал там кое-что интересное. Все сведения о странных событиях в округе подшивал в отдельную папку. Вот только папка вместе с Семеновым сгинула... Жаль. И архив, как назло, сгорел в девяностые. Говорили еще, что пропавший лейтенант перед ночным патрулированием освятил пули в районной церквушке... Может, у него с головой не все в порядке было? Вряд ли. Рисунки еще эти... Чертовщина какая-то. Должно же быть какое-то логическое объяснение. Вся деревня верит в нечистую силу, и все боятся об этом говорить, а Вован, исследователь хренов, еще и атмосферу нагнетает. Пытается убедить в существовании какого-то чудища, но явно недоговаривает. Может, сам как-то замешан? Нет, вряд ли. Слишком долго все это тянется».

Андреев прокрутил в голове события последних часов. Вспомнил, как поспешно люди грузились в автобус. Словно тонущий корабль покидали. А как услышали, что Потаповна не едет, кто разохался, а кто и креститься начал.

«Потаповну, значит, в покойницы уже записали? Ну уж нет!»

Андреев резко надавил на тормоза, потом развернулся и поехал обратно. В деревне не останавливался, по заросшей и разбитой грунтовке докатил до церковных развалин. Заглушил мотор и вышел из машины.

Куда хватало глаз, простиралась необъятная, выжженная летним зноем степь. Багровое солнце садилось за горизонт, оттеняя руины и придавая им какой-то зловещий вид.

И вроде было все как обычно, однако чего-то не хватало. Слишком тихо. Не слышно даже трескотни кузнечиков. Лейтенант ощутил смутную тревогу.

— Ну что ж, — пробормотал он вслух, надевая бронежилет. — Посмотрим, что за чудище здесь водится.

* * *

Когда начало темнеть, стих ветер, зато оставшиеся собаки протяжно завывали, а куры в курятнике всполошились. У Прасковьи Потаповны защемило сердце, она вдруг поняла, что следующий день может и не наступить — уж слишком дурные приметы. Словно в подтверждение, зашлась в тоскливом вое Жучка, затем заскулила и зацарапала дверь, просясь в дом.

Вовка, дремавший все это время в саду, почти мгновенно оказался на ногах.

— Кажется, начинается, — пробормотал он.

Постоялец плеснул себе в лицо колодезной воды, вбежал на кухню, залпом выпил кружку холодного крепкого чая.

Прасковья Потаповна тоже под села к столу. Чтобы хоть как-то отвлечься, включила старенький черно-белый «Горизонт».

— Пока еще не поздно, беги, внучок, — взмолилась бабка, и тут же по экрану телевизора пошли сильные помехи.

— Не привык убегать, — мрачно произнес Вовка. — Да и поздно уже. Прасковья Потаповна, забирайте свою живность и прячьтесь в погреб. И ни в коем случае не высывайтесь оттуда до первых петухов.

— А как же ты, внучок? — забеспокоилась бабка.

— За меня не бойтесь, — отрезал Вовка.

С животными провозились больше получаса. Оказалось, не так-то просто эвакуировать в погреб нервных кур. Строптивая коза, на удивление, почти не сопротивлялась, а трясущаяся Жучка юркнула в подполье прежде хозяйки. Когда бабка скрылась в погребе и закрыла за собой люк, Вовка, облегченно вздохнув, поспешно устремился во двор. Возле

забора, где стояла поленница, достал и сразу включил предусмотрительно взятый фонарик. Поковырявшись с минуту в дровах, извлек брезентовый чехол, внутри которого была та самая примеченная бабкой штукавина.

Вернувшись на кухню, Вовка вытащил из чехла прямой, чуть больше метра длиной меч в исписанных рунами ножнах. Убрал чехол, вымыл кружку и аккуратно поставил на полку. Огляделся, выдернул из розетки ослепший телевизор, выключил весь свет в доме, вышел на улицу и уселся на завалинке. Обнажил меч и положил его на колени.

Стемнело. Полная луна освещала пустынную улицу. Призрачный свет делал брошенные дома еще более мрачными.

Загробную тишину нарушила настырная трель мобильного. Вовка взял трубку.

— Уходи отсюда немедленно! — послышался встревоженный девичий голос. — Тебе не справиться одному! Она слишком сильна!

— Уходить поздно, — глухо ответил Вовка. — К тому же бабулька здесь осталась. Человека не брошу.

— Но....

Вовка выключил телефон и спрятал его обратно в карман.

«Хотел я приключений — вот и получил на свою голову, — подумал он. — Поглядим, чего на самом деле стоит вся наша подготовка».

Руки предательски вспотели. Вовка поднял горсть земли, растер в ладонях и покрепче ухватил меч.

* * *

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем с улицы послышался шум приближающегося автомобиля. Было без десяти полночь. Вовка с досады сплюнул. Возле дома резко остановился до боли знакомый «уазик», из него выскочил лейтенант в бронежилете и с автоматом «АКСУ» наперевес. — Быстро в машину! — заорал он на ходу. — Бабку тащи! По степи что-то несется в вашу сторону! Столбы на ходу ломает, как спички! И все тихо, без звука. Валим!

Ответить Вовка не успел — двигатель «уазика» резко заглох, а фары потухли. Лейтенант удивленно уставился на машину, потом повернулся к Вовке и заметил меч.

— Какого хрена?! Ты...

Он не договорил. Бабкин жилец, не обращая никакого внимания на местную власть, вскочил с завалинки и уставился куда-то в сторону околицы, закусив губу от напряжения.

Андреев боковым зрением засек едва уловимое движение и тоже повернулся.

Несколькими минутами раньше возле разрушенной церкви он не разглядел толком то, что материализовалось буквально из воздуха. Просто сработало чувство самосохранения, которое никогда не подводило. Лейтенант вдавил педаль газа и рванул в деревню, чувствуя затылком то ли преследователя, то ли попутчика.

Теперь он смог воочию узреть то, что несло за ним от самых церковных развалин.

Сначала у околицы, на уровне крыш, в темноте возникли два тусклых бледно-желтых огонька. Они приближались, становясь все больше. Вскоре во мраке проступили очертания тощей фигуры, напоминающей человеческую, но высотой с хороший стог. Существо медленно плыло над землей, приближаясь к бабкиному двору. Когда оно долетело до соседских яблонь, Андреева прошиб холодный пот.

— Твою мать... что это?! — прошептал лейтенант.

Он прошел две войны и бывал в разных передрягах, но ему еще никогда не было так жутко. Сейчас Андрееву противостоял враг, в существование которого часом раньше он почти не верил.

Тварь словно сошла со старинной гравюры. На голом, непропорционально крупном черепе светились два больших желтых глаза с вертикальными зрачками. Курносый, едва заметный нос, огромная пасть от уха до уха. Нелепый и уродливый монстр был облачен в

черный балахон. В левой лапе он сжимал секиру.

— Быстро в погреб! — зло рявкнул Вовка лейтенанту и решительно двинулся на чудище.

Андреев не тронулся с места, только привалился к забору и передернул затвор.

* * *

В темном доме тишину нарушало лишь тиканье стареньких настенных часов. Потом и они остановились.

Ошарашенные куры в панике заметались по погребу, коза рухнула на пол, а Жучка, жалобно завизжав, вжалась в угол. Ужас сжал сердце бабки морозным холодом, медленно разлился по всему телу и молотками заколотил в висках. Хотелось кричать от страха. Трясущимися руками Прасковья Потаповна перекрестилась и начала молитву.

* * *

Вовка ждал и готовился к этой встрече больше года. Его волнение куда-то улетучилось. Страх тоже исчез. Но удивляться этому обстоятельству не было времени.

Парень остановился, когда расстояние до монстра сократилось до трех десятков метров. Чудище опустилось на землю напротив. Оно горой нависало над Вовкой и, даже жутко сутулясь, было выше его ростом раза в два.

— Убирайся туда, откуда пришла, — резко сказал Вовка, глядя в желтые глазищи. — И не возвращайся. Твоей добычи здесь нет.

Тварь расхохоталась, обнажив клыки. От этого хохота заложило уши, словно на аэродроме.

— Вижу, у деревни снова появились защитнички! — проревело сверху. — Не надолго! Здесь моя земля! Она дарована мне!

Каждую следующую фразу чудище произносило другим голосом. Вовка отметил это со странным равнодушием. Тренированная память делала свое дело, язык — свое.

— Дар забирается обратно, — хладнокровно произнес бабкин постоялец. — Убирайся.

— Ты смел и глуп, если рискнул встать у меня на пути! — прошипела тварь. — Ты умрешь первым!

Лейтенант не разглядел толком, что оно метнуло в Вовку. Больше всего это напоминало клубок призрачных змей. Прделано все было с нечеловеческой быстротой, но каким-то чудом парню удалось увернуться. Змеиный ком угодил в стоящую у соседского дома грушу. Ее ствол почти мгновенно искривился. Секунда — и на землю водопадом посыпались жухлые листья.

Вовка бросился вперед с обнаженным мечом.

Монстр торжествующе взревел. С костлявой лапы сорвался кроваво-красный клинок и устремился в сторону наглеца. Тот, не успевая увернуться, парировал мечом. Призрачный клинок столкнулся с настоящим и, отлетев, врезался в «уазик». Машину разорвало на две части, а искореженные куски отшвырнуло на соседский огород.

* * *

— Отче наш, Иже еси на небесех! — дрожащим голосом произнесла Прасковья Потаповна. — Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

* * *

Вовка налетел на монстра и стремительно атаковал. Он не собирался отсиживаться в

обороне. Меч сшибся с секирой, раз, другой, третий. Чудище молниеносно парировало удары и нанесло ответный. Он был настолько силен, что парень отшатнулся, чуть не выронив меч.

Монстр снова рубанул своей секирой. Вовка едва ушел из-под огромного лезвия, чудом не перерубившего человека пополам. Следующий удар чудища опять пришелся мимо. Парень отскочил, а лезвие секиры глубоко ушло в землю. Трава в этом месте мгновенно потемнела и съежилась.

Андреев заворуженно смотрел на поединок. Тварь перемещалась, странно покачиваясь и пританцовывая. Несмотря на огромный рост, двигалась она очень быстро. И движения эти мало походили на человеческие.

Страшилище еще пару раз пыталось сладить с Вовкой с помощью волшебства. Сперва метнуло пучок молний, но те, отскочив от клинка, ушли в небо. Потом чудище гаркнуло что-то неразборчивое. От этого вопля вышибло все стекла в бабкином доме, пригнуло деревья к земле, а оглохшего на несколько секунд лейтенанта вжало в забор. Вовка же устоял на ногах.

Монстр снова сменил тактику и бросился на человека. Секира размером с приличный шлагбаум стремительно рассекала воздух. Она крушила деревья, корежила землю, ломала изгородь, но не доставала до цели. Вовка умело уходил от этих ударов, пытаясь достать тварь мечом.

* * *

— Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы

оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, — все увереннее шептала бабка.

* * *

Когда в очередной раз выпад страшилища пришелся в пустоту, Вовка нырнул под секиру, одним прыжком сократив расстояние, и рубанул что есть мочи по когтистой тощей лапе. Секира вместе с кистью брякнулась в траву, а из обрубка хлынула темная жижа. Чудище взревело. Но второй разящий удар Вовка нанести не успел. Не успел он и увернуться, только выставил левую руку, пытаясь блокировать удар. Уцелевшей лапой чудище врезало парню так, что тот тряпичной куклой отлетел на десяток шагов, рухнул на землю и больше не шевелился. Меч упал рядом.

Монстр, несмотря на отрубленную кисть, двинулся к не подающему признаков жизни Вовке.

У лейтенанта екнуло в груди. Страх медленно высасывал силы, но Андреев не умел сдаваться. Сжав зубы, он нажал на спусковой крючок, выпустив в страшилище весь магазин. Пули отскакивали от твари, словно горох от стенки.

Чудище повернулось к милиционеру, показав клыкастую пасть.

— Он был умнее! Подожди! Ты будешь следующим! — пообещало оно и вновь двинулось в сторону неподвижно лежащего Вовки.

Андреев отбросил бесполезный автомат. Решение пришло почти мгновенно.

«Меч!» — мелькнуло в голове.

Он видел его. Клинок лежал не так далеко и поблескивал в лунном свете, а монстр уже нависал над поверженным противником.

Участковый прыгнул к мечу, и тут произошло то, чего не ожидали ни Андреев, ни чудище. Лежавший до того неподвижно Вовка резко перевернулся и плеснул что-то прямоком в глазастую морду.

Тварь взвыла, согнулась и уцелевшей лапой вцепилась себе в глаза, юлой кружась на одном месте. От дикого воя закладывало уши. Ничего не видя, монстр пытался растоптать Вовку, но тот ужом скользнул между лап, вскочил на ноги и метнулся к своему оружию. Есть!

Подхватив меч, Вовка могучим ударом отсек твари вторую руку, а потом, вкладывая последние силы, снес голову. Чудище рухнуло, подняв тучу пыли. Вслед за ним на землю опустился обессиленный Вовка.

Останки монстра и его секира стали таять на глазах ошалевшего лейтенанта и рассыпались в прах. Неожиданно поднявшийся ветер развеял его вместе с пылью.

* * *

Повисла тишина. В погребке Прасковья Потаповна перекрестилась. Ее сердце оказалось крепче, чем она думала, а может, «Отче наш» помог. Где-то пропели петухи. В покосившемся доме настенные часы с кукушкой снова пошли.

Качать маятник — использовать обманные движения и финты для того, чтобы снизить эффективность стрельбы противника.

* * *

Лейтенант не сразу понял, что все кончилось.

«Странно, — подумал он. — Вроде и полчаса не прошло, а уже утро...»

Андреев подошел к Вовке. Тот сидел на земле, сжимая меч. Лицо залито кровью, левая рука бессильно и неестественно повисла.

— Вот видишь, лейтенант, — прохрипел «уфолог» и улыбнулся. — Кому

действительно не поздоровилось, а кому — вроде и ничего. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Парень с трудом поднялся. Лейтенанту одно взгляда хватило, чтобы понять: бабкин постоялец едва держится на ногах.

— Давай помогу, — предложил он.

— Ничего, — отмахнулся Вовка. — Лучше Потаповну проверь. Как она там?

* * *

Андреев вытащил из погреба бабульку. Прасковья Потаповна, увидев жильца, всплеснула руками. Тот, шипя от боли, пытался сам оказать себе первую помощь и упорно отказывался от чужих услуг. Однако минут через пять все же уступил бабкиному и лейтенантскому напору. Левая рука быстро опухала, но на лице были лишь царапины.

— В больницу тебе надо, — пробурчал лейтенант, скептически глядя на им же сооруженную из подручных материалов шину. — Перелом у тебя, и, похоже, паршивый.

— Успеется, — пробурчал Вовка, а потом, взглянув на часы, добавил: — Мне пора. Скоро автобус будет.

— Никуда я тебя не отпущу! — возмутилась Прасковья Потаповна. — Сам-то чуть живой.

— Прасковья Потаповна, ведь вы тоже мне в больницу советовали, — съехидничал постоялец. — Да и вообще... Не могу я здесь сидеть, с какой стороны ни глянь.

— Жаль, — заметил лейтенант, глядя в выбитое окно. — У меня к тебе масса вопросов. Скажи хоть, что это было? Наделали вы тут делов... Утрамбовали, словно танк работал...

Улица и впрямь напоминала зону боевых действий. Дома с выбитыми стеклами, срубленные и засохшие деревья, пожухлая и кое-где обгорелая трава, потемневшие рытвины, проломанный в нескольких местах забор, горстка стреляных гильз и, в довершение, искореженные куски милицейского «уазика» на соседском огороде.

— М-да, натворили дел, — повторил Андреев.

— Вся эта история началась где-то в середине семнадцатого века, — начал Вовка. — Тогда здесь стояла казачья станица. В станице той появился какой-то заезжий то ли колдун, то ли чернокнижник. Не знаю, что он там сотворил, но вскоре станичники попросили его убраться подобру-поздорову. Тот ушел, но недалеко, поселился где-то на отшибе. С тех пор возле станицы стали пропадать люди. Казаки терпели недолго. Обвинив во всем чернокнижника, они спалили его дом, а самого изрубили шашками. Тело тоже сожгли, прах развеяли по ветру. Говорили, перед смертью колдун успел проклясть и станичников, и эту землю. С тех пор здесь и завелось чудище. Сладить с ним казаки не смогли. Они покинули насиженные места и основали новую станицу.

Здесь степи продолжали пользоваться дурной славой, пока кто-то не догадался поставить тут церковь. Те, кто ее строил, очевидно, знали и о чудовище, и о том, откуда оно вылезает. Похоже, колдун открыл дыру то ли в другой мир, то ли еще куда, а церковь каким-то образом эту дыру блокировала. В общем, тварь больше не появлялась. Постепенно о ней позабыли и основали здесь новую деревню. Предание хранили лишь служители церквушки. В тридцать восьмом церковь взорвали, и все вернулось на круги своя.

— А что это за тварь была? — поинтересовался Андреев. — И почему раз в шесть лет появлялась?

— У таких чудищ много имен, в разных странах и землях — свое, — задумчиво произнес Вовка. — Только ни одно из них не стоит произносить вслух, пока что-нибудь еще не накликали. Поройся в фольклоре, если любопытно — легко вычислишь. А с чего раз в шесть лет... Черт его знает!

Вовка замолчал, опять покосился на часы и встал из-за стола.

— Мне пора, — тихо сказал он, а потом добавил: — Советую придумать складную версию того, что здесь случилось. А то еще упекут в дурдом, если правду расскажете.

— Так сразу и в дурдом? — попробовал пошутить лейтенант.
— Ну, из органов точно попросят, — обрадовал Вовка и занялся хозяйкой: — Прасковья Потаповна, за дом не волнуйтесь, вам его отремонтируют.
— Спасибо тебе, внучок, — расчувствовалась старушка. — За все спасибо.
— Я тебя провожу, — настоял лейтенант.
— Только до конца деревни, — уточнил Вовка.

* * *

Уже рассвело. День обещал быть жарким.
— Кто ж ты все-таки на самом деле? — в лоб спросил Андреев, когда они шли по улице. — Смотрю на тебя — вроде обыкновенный мужик.
— А я и есть обыкновенный, — ухмыльнулся Вовка. Помолчал с минуту, а потом задумчиво добавил, будто рассуждая вслух: — Кто я такой? Да такой же служивый человек, как и ты. Со своими проблемами, вредными привычками и тараканами в голове.
— Что же это за служба у тебя такая? — не унимался Андреев.
— Санитар степи, — пошутил парень, а потом твердо добавил: — Извини, Сергей Николаевич, тебе это знать не обязательно.
Лейтенант попытался вспомнить, когда он представлялся по имени и отчеству, не смог.
— Если что-то случается плохое и в то же время необъяснимое, — продолжил Вовка, — говорят — нечистая сила. И никто не задумывается над этим словосочетанием.
— Намек понял. Если есть нечистая сила, должна быть и чистая.
Вовка неожиданно рассмеялся, а потом добавил:
— Железная логика. Только вот на помощь не прилетит супермен. Против нечисти в первую очередь встанут такие же люди, как ты, я, Прасковья Потаповна... И каждый будет драться, как умеет. Кто-то молиться, кто-то палить из автомата, а кто и мечом махать. И каждый будет по-своему прав. Разница между нами лишь в имеющихся у нас знаниях о противнике. А чем больше мы знаем, тем больше у нас шансов.
— А ты не любитель, ты профи, — сделал очередной вывод лейтенант.
— Ага, только меч я в дело пустил первый раз в жизни, — признался Вовка. — И, надеюсь, в последний.
— С почином, — ухмыльнулся Андреев. — Тогда скажи — что ты плеснул *ей* в морду?
— Святая вода, — ответил Вовка. — Не поленился взять в городском храме. Кстати, здешнюю церковь надо бы восстановить.
— Странная... тварь. — Лейтенанта передернуло при одном воспоминании о монстре. — Она разговаривала или мне померещилось?
— Не знаю, может, и не говорила она вовсе, а мы ее мысли как-то слышали. Ладно, бывай, лейтенант. — Вовка здоровой рукой обменялся с милиционером крепким рукопожатием и двинулся дальше.
Андреев посмотрел ему вслед. Парень с перевязанной рукой, слегка прихрамывая, ковылял к шоссе. Он ни разу не обернулся. За его плечом болтался полупустой рюкзак да чехол с мечом.
Лейтенант постоял немного на окраине и пошел обратно. Его ждало много работы.

* * *

В Лещёвке Вовка больше никогда не появлялся.
Через пару дней из города приехал грузовик с бригадой шабашников, которые вставили стекла и отремонтировали дом Прасковье Потаповне. Соседи дивились, откуда у старухи столько денег, а она на все расспросы отвечала, что мир не без добрых людей. Бабка догадывалась, кого нужно благодарить, и каждый день молилась за здоровье раба божия

Владимира. Вернувшиеся селяне также удивлялись странному месту в начале улицы. Кусок выжженной земли, площадью около пяти метров, так и остался пустым, трава и та не выросла. Андреев как-то потом шепнул бабке, что именно там Вовка зарубил степную нежить.

Сам же Сергей Николаевич никому и никогда не рассказывал, что он видел той жаркой июльской ночью. Вскоре его отозвали обратно в райцентр, но он до сих пор время от времени навещался к Прасковье Потаповне в гости. Сидел на крыльце с сигареткой, глядел, как красное солнце уходит за горизонт бесконечной равнины, и думал, кем же на самом деле был этот Вовка.

Андреев без труда вспомнил указанный в предъявленном паспорте адрес. Осенью лейтенант съездил в областную столицу, но по известному адресу никого не обнаружил. Дом снесли лет пять назад. Полностью концы оборвались, когда Сергей Николаевич отыскал водителя автобуса, который подвозил Вовку. Тот не смог вспомнить ничего примечательного, сказал только, что высадил парня где-то на окраине. Дальше след Вовки терялся. А бригаду строителей, которые чинили бабкин дом, нанимала вообще какая-то девчонка. Найти ее Андреев также не смог. Осенняя поездка только добавила загадок. С досады лейтенант купил несколько книг по фольклору и истории края и, кажется, нашел то, что искал.

В самой же Лещёвке дела пошли своим чередом. Люди постепенно стали возвращаться, а областные власти даже выделили деньги на восстановление церкви.

СОСНЫ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

*Русла тесные берега
Сдавят горло потокам вешним.
Ставки сделаны на бегах,
Жребий принят, измерен, взвешен,
Гирька брошена на весы.
Раб не смеет мечтать о лучшем -
За отвергшим небес посыл
Зорко смотрит крылатый лучник.
Предначертанный ход планет -
Хоть молись ему, хоть потворствуй.
Только сводит судьбу на «нет»
Тот, кто выбрал противоборство.
Но сплетутся века в аккорд,
И однажды с предсмертным ревом
Воды хлынут наперекор,
Разбивая себя о бревна.
Сделав шаг, разорвать аркан -
Лгут гадалки, и лгут авгуры -
Вырвать нити у игрока,
Сбросив на пол с доски фигуры.
Вышей волей — веков аллюр,
Если волоком — не упорствуй.
Только сводит судьбу к нулю
Тот, кто выбрал противоборство.
Татьяна Юрьевская*

Ольга Власова
ТВОЕ ЭЛЬДОРАДО

На полярных морях и на южных,

*По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.
Быстрокрылых ведут капитаны,
Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведal мальстремы и мель,
Чья не пылью затерянных хартий -
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь.
Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.*
Н. Гумилев

Подкованные сапоги громко цокают по мраморным плитам. Неподобающе громко. Просителю следует являть образ смиренный и скромный. Как же! Добьешься чего-нибудь с таким скромным образом... Дальше секретаря не уйдешь.

Неслышно подходит слуга, переворачивает часы в нише — второй час ожидания.

Мягко льется в нижнюю колбу тончайший песок. Цокают каблучки. Ты не привык ждать. В засаде, где одно неосторожное движение может стоить жизни не только тебе, — да, там ты терпелив, как дикая кошка, стерегущая добычу. Но здесь ты бегаешь кругами по

мраморному полу. Галерея, где надлежит ждать аудиенции, длинная и узкая — есть где разбежаться. По левую руку — потемневшие гобелены, по правую — высокие стрельчатые окна с витражами, яркие разноцветные пятна лежат на черно-белых плитах пола. Шахматный пол. Доска для игры, где ход фигур строго ограничен. Черное — белое, черное — белое... и радужные пятна извне. Кто ты? Слабая пешка или всевластный ферзь? Ферзем быть лучше — на шахматной доске, но тебе нужно другое. И ферзь, и пешка, да любая другая фигура — они ходят лишь по черно-белым клеткам, по мраморным черно-белым плитам, а ты хочешь наружу, где яркое солнце слепит сквозь пеструю многоцветную листву, где крылья птиц синее родного неба и краснее королевского багрянца, где над болотами в лихорадочном тумане пляшут дикие огоньки, лишь отдаленно напоминающие огни святого Эльма, где в горах нет дорог и никто в целом мире не знает — что же там, за следующим перевалом... Ты хочешь туда, и потому ты здесь, меряешь шагами дворцовую галерею.

Хочется курить, успел пристраститься на службе у дядюшки к табачному зелью, но ты бросил — сразу, как только поднялся на пристань в Уорбрэке. Ты знал, что идешь просить, но королева не любит табачного дыма, и теперь ты нервно стучишь каблуками. И ждешь. Ты будешь говорить, и ты будешь лгать.

— Сударь, прошу за мной. Ее величество ждет вас.

Проклятье! Ты не спотыкался в мангровых зарослях, но споткнулся сейчас, на пустом месте, на ровном мраморном полу.

— Да, конечно.

Шахматные фигуры, разноцветные пятна и философские размышления остались позади. Ты идешь, на ходу поправляя кружева на манжетах — они обошлись тебе в маленькое состояние, но ее величество любит изящество в одежде, особенно у красивых молодых людей.

Резная дверь с изображением битвы кентавров — на какие ненужные мелочи порой отвлекается человек! — распаивается.

— Уильям Браунтон, эсквайр, из Браунтонбриджа!

Войти. Спину прямее, голову выше. Здесь много прекрасных дам, но прекраснейшая одна. Как громко стучат каблуки, и как далеко идти до украшенного инкрустацией из перламутра и слоновой кости кресла! Поклониться и замереть в поклоне, лишь краем глаза наблюдая за улыбающейся женщиной в золотом и белом.

— Встаньте, сударь. — Королева смотрит очень внимательно, но в глазах нет ни раздражения, ни скуки, чего так боялся проситель. Тонкая и, несмотря на возраст, все еще изящная ладонь играет расписным веером. — Мы получили ваше прошение. Также мы получили письмо от вашего дядюшки, в котором он высказывается о вас наилучшим образом. Его слова очень много значат для нас, но... Вы столь молоды, а Эльдорадо, о котором вы так настойчиво говорите... Паньольцы утверждают, что сей страны не существует в пределах Божьего мира, что все это выдумки туземцев-еретиков, смущающих своими речами о золоте и богатствах истинно верующих. Что вы можете сказать на это?

— Ваше величество, — голос не дрожит, и за то спасибо. — Сто лет назад никто не верил одному безземельному дворянину, который говорил о Чудесной земле за Океаном. Никто, кроме Паньолы. — Королева хмурит брови. Пускай, он должен рисковать, если хочет выиграть. — Я уверен, я знаю, что Эльдорадо существует и что земля эта обладает многими богатствами. Я знаю это, ваше величество. Я осмелился в своем прошении привести свидетельства тех, кто слышал об Эльдорадо. В том числе и паньольцев. Паньола официально заявляет, что не верит, но... кто может поручиться, что она не решит проверить этот слух? — Сердитесь, ваше величество, но не на меня, сердитесь на соседей с их жадным взором и длинными руками. — Ваше величество, неужели в таком вопросе Острова будут слушаться чужих советов?

Слишком резко. Так не говорят с королевой. Так не говорят с женщиной. Но ему сейчас можно — он говорит со своим будущим.

Королева хмурится. Она старше его на двадцать лет, и она — повелительница

Островов. К ней не раз приходили с такими просьбами...

— Это все слова. Все говорят, и это все — слова. — Она словно слышит его мысли. — Чему мне верить, сударь? Вы можете убедить меня?

— Я не Орфей, ваше величество, и не могу спеть. — Он чувствует, что сейчас все может оборваться, и все равно улыбается искренне. Он говорит не просто с королевой, он говорит с женщиной, и женщина эта — прекрасна, как только может быть прекрасна надежда. — Ваше величество, я верю в Эльдорадо, я верю в себя, и я верю в Вас.

Королева смеется. Ты заставляешь себя дышать. Все решено, все уже решено, но что именно — ты сейчас узнаешь.

— Что ж, мне нравятся храбрецы. Ваше прошение будет удовлетворено.

Снова галереи, переходы. Ты идешь, а сердце стучит громче каблуков — еще не победитель, но уже триумфатор. Завтра явиться к канцлеру обговаривать детали. Опять слова, одни слова. Но эти слова в казначействе превратятся сначала в полновесные золотые монеты, а потом — в людей, корабли, снаряжение и еще много во что. Он не Орфей, но он тоже может творить чудеса.

А еще надо поговорить со старым пиратом, сэром Кристофером, десять лет назад вот так же получившим одобрение у королевы. Под его началом ты впервые ступил на берег своей мечты. Теперь именем дядюшки назван пролив в Новом Свете, сэр Кристофер носит рыцарские шпоры и приговорен в Паньоле к смертной казни как пират. В дядюшкином случае слова могут превратиться в корабль. «Шиповник» не самое вместительное судно на свете, но... Ты стараешься найти нужные слова... Тем более что... О да! Ты вежливо раскланиваешься с группой надменных господ в черном с серебром... Паньольцы. Вот уж кому не понравится решение ее величества... Впрочем, теперь ты знаешь, как убедить дядюшку.

Синие сумерки заливают город, а свет редких фонарей не затмевает первых звезд... Ты никогда не любил столицу, но ее нынешняя прелесть... Уж не оттого ли ты стал к ней милосердней, что уже через неделю сменишь неровную мостовую под ногами на качающуюся палубу? Мы всегда добрее к тем, кого покинем если не навсегда, то надолго... Прощание? Прощение?

Затишье перед бурей. Этим вечером ты идешь один по улицам, словно плывешь во сне. Позади разговоры тихие — в обитых шелками дворцовых комнатах; и громкие — на торговых дворах, в тавернах и доках. Уже все, почти все — готово. Вот только...

Только кто эти господа? Пятеро. В руках шпаги и кинжалы... Тебя никогда прежде не грабили, и потому ощущения странные и необычные. У тебя шпага на поясе и факел в руке. И ты один... И через неделю у тебя — не только у тебя! — начало самого важного пути в твоей жизни. Жить тебе не просто хочется, а очень надо, и потому рука тянется к поясу...

Золото неуместно радостно звенит, когда кошель падает на мостовую.

— Это все, господа.

Молчат. Ни один не шагнул к кошельку, и ты понимаешь — они пришли не за золотом. Это не мелкое отребье, что выбирается на улицы столицы с наступлением темноты. Это охотники на крупного зверя, и этот зверь — ты. Зверь... Куда-то пропадает холодный ветер севера — становится пряно и жарко, каменные стены тонут в обступивших вас джунглях... И жить тебе очень надо...

Факелом в лицо, отступить, парировать, ударить... ударить... отпрыгнуть... не достали. Один уже на земле — хорошо. Факел, шпага, факел. Попал. Шпага, факел... Задели — плохо. Удар... Сбитое дыхание... дурак... потом. Удар — шпага, факел...

Грохочет гром, и две молнии — разом — разрывают наваждение. Факелов уже больше, и в их свете видны четыре силуэта на мощеной мостовой. Еще один из нападавших бросает шпагу и бежит вниз по улице... Наверное, его надо ловить? Впрочем, видно, нет — грохочет выстрел, и с последним покончено.

— Спасибо. — Ты поворачиваешься к спасителям. Их двое, и они уже деловито обыскивают грабителей. Ты поднимаешь кошель — да, зря нападавшие отказались от золота

— и протягиваешь неожиданным товарищам.

— Оставьте себе, сударь. — У этого ничем не примечательное лицо. Пройдешь и не заметишь, увидишь и не запомнишь. — Нам неплохо платят, поверьте.

Ты киваешь и подбираешь непогасший факел — уже совсем темно, да и столица стала такой, как и всегда, — нелюбимой.

— Сударь, погодите! — останавливает тебя оклик. Неприметный протягивает тебе золотую монету, и ты, не рассуждая, сжимаешь ее в кулаке. — И будьте столь любезны, зайдите утром в канцелярию его светлости.

Ты киваешь, а потом долго, очень долго рассматриваешь монету. Она отличается от тех, что в твоём кошельке. Рыкающие львы в схватке по центру и вязь букв по кругу: «Всех выше!»... Что ж, ты никогда не любил Паньолю... Мир должен быть открыт для всех. Мир должен быть открыт.

Здесь неправильные звезды. Звезды должны быть как маленькие камешки, как крупинки кварца — далекие и холодные. Эти же... Их слишком много. Они теплые и висят низко-низко, так и манят потянуться, дотронуться... Они искушают. Они и есть — само искушение: встать и идти за ними, все дальше. До соседней горы, потом — до следующей и еще... и еще... Звезды не умеют заканчиваться, так и дорога не кончается...

Ты валяешься на подстилке из собранной по берегу травы — местные называют ее смешным словом пуути и кормят ею скот, чтобы оберечь от хворей. Надо не забыть занести ее описание и рисунок в дневники и, может, даже взять пару стебельков с собой на Острова. Полезная эта травка, пуути. Если ее подкидывать в костер, то пряный, острый дым разгоняет тучи комарья и москитов, которых здесь не меньше, чем клопов в какой-нибудь паршивой гостинице Уорбрэка.

Тихий шорох. Ты резко оборачиваешься, а рука сама хватается за кинжал — вьевшаяся в тело привычка.

— Никки?

— Да, господин.

Встревожен? Странно. Все тихо, посты выставлены исправно, у недалеких костров переговариваются твои люди, а сам Никки должен бы отсыпаться за долгий и трудный дневной переход... Ты купил мальчишку еще на побережье, у тощего высокомерного паньольца. Тот кривил сухие тонкие губы и, вытягивая гласные, долго говорил, что мальчишка ленив, прожорлив и надоедлив. Маленький чоки действительно оказался таким: он постоянно хотел есть, как любой паренек его возраста, был любознателен не в меру, а ленив — разве что от постоянных побоев и слабости. Его племя, откуда-то с юга, продало мальчика за связку стеклянных бус. Первое время ты не мог добиться от него других слов, кроме тихого «да, господин». Вы уходили все дальше в глубь материка, а чоки понемногу привыкал, что бить его не будут и что «слуга» вовсе не означает «раб»...

— Что случилось?

— Господин... вы правда верите, что сможете найти Эльдорадо? — название мальчишка произносит на паньольский манер, с длинным «а» и удваивая «р».

Ты усмехаешься и устраиваешься поудобней на траве, заложив руки за голову. Какие все же красивые звезды! Эльдорадо... Ответить правду? Сказать, что ты никогда не верил в Страну Золота? Признаться, что обманул королеву, своих людей и даже дядюшку? Хотя... ты уверен, что кое-кто из последовавших за тобой и так обо всем догадывается... Ты же подбирал людей по себе. Признаться, что ты просто выбрал Эльдорадо своим знаменем, но не своей целью? Поводом, но не причиной? Как объяснить Никки, да кому бы то ни было еще, что тобой движет одна жажда — идти вперед. Не за золотом, не за властью и даже не за славой... Впрочем, слава лишней не бывает. Ты просто хочешь знать, что там, за следующим перевалом... Знать и рассказать другим.

— Да, Никки, я верю, что мы найдем Эльдорадо.

Пристань качается. В этом не виновато вино, выпитое за завтраком, и не виновата привычка к палубе. Лихорадка заставляет голову кружиться, а руку — крепче хвататься за

трость. Странное дело — хворь все три года не смела к нему прикасаться, даже в болотах Кайчитаки, где переболел каждый второй, но на борту «Шиповника» вцепилась в тело похлеще, чем домарская собака в холку волка. И трепала так же. Отец Мартин ходил расстроенный, все предлагал поговорить о вечном — на всякий случай, но у больного не было времени. Он рисовал, чертил и записывал. Рисовал и чертил карты, записывал — все, что мог вспомнить сам и каждый из его людей о прекрасном Эльдорадо. Сначала все это он делал наяву, а потом — в лихорадочном бреде. Так или иначе, но к тому моменту, когда пришла пора ступить на пристань Уорбрэка, дело было сделано. Теперь в добыче с берегов Нового Света мог разобраться не только он сам, но и любой знакомый с картографией и землеописанием. Осталось ступить на родной берег. Вот только лихорадка мешает.

Тот же черно-белый пол, что и четыре года назад. Разве что к стуку каблуков добавилась трость. И за спиной — целый эскорт с тяжелыми носилками и сундуками. В эскорте — только самые проверенные его люди, остальным запрещено сходить на берег. И болтать тоже запрещено. Он должен первым все рассказать, а там... Там — посмотрим.

Теперь это большой и светлый зал, яркое весеннее солнце бьет в окна, заставляя голову кружиться еще сильнее. Прекрасная женщина на троне. В золотом и белом. Случайность?

— Встаньте, сударь. — Она улыбается. — Мы рады вас видеть в добром здравии.

— Ваше величество, вы слишком добры, — еще раз кланяешься ты и делаешь знак своим людям.

Дальше все пестро, ярко и шумно — от экзотических пряностей и фруктов, от никогда не виданных на Островах зверей и птиц, от необычных мехов и странных, роскошных в своей дикости туземных статуэток. Строгий церемониал нарушился — ее величество смеется и удивляется как ребенок.

Смешно смотреть на них всех, и еще очень болит голова. До рукава робко дотрагивается Никки. Что? Надо говорить?

— А что в них? — Королева указывает на оставшиеся два сундука. — Наверное, там золото Эльдорадо?

Началось.

— Ваше величество, в них самое ценное, что мы привезли из нашего путешествия.

Ты киваешь, и крышка первого откидывается. Из него Никки достает и раскладывает прямо на гранитном полу у трона ракушечные ожерелья. Самые разные. Много.

Ты не смотришь на королеву. Тебе достаточно того, что в зале стало невозможно тихо.

— Ваше величество, это — подписанные мирные договоры с вождями тридцати племен Эльдорадо. Они признают себя вашими подданными.

Молчание. Главное — не смотреть на королеву.

Ты снова киваешь, и из второго сундука достают карты. Аккуратно, превосходно сделанные карты всей той страны, что паньольцы называли Эльдорадо, Страной Золота. Паньольцы ошиблись. В Эльдорадо не было золота, там было только Эльдорадо.

— А это, ваше величество, карты ваших новых земель.

Все. Теперь можно выдохнуть. Ты своего добился. Ты открыл новый мир. И пусть в нем нет золота. Пусть. Теперь уже можно смотреть и на королеву, и куда угодно.

В глазах сидящего рядом с ее величеством канцлера — гнев. Его светлость так рассержен, что не замечает, как стучит костяшками пальцев по подлокотнику кресла. Мелко, дробно отбивает рваный, понятный лишь ему ритм. Так стучат кости абака, когда ростовщик насчитывает проценты. Боюсь, ваша светлость, проценты с меня можно взять лишь с головой. Вернее, только головой. Надо будет успеть попросить, чтобы Никки пристроили в хорошие руки и не забыли, что мальчишка — свободный человек. К дядюшке его отправить, что ли? Не откажет же старый пират смертнику?

Молчание затягивается. Смотреть на замерзшее лицо королевы становится все труднее. Интересно, тебе отрубят голову или четвертуют? И где? Если на Замковой площади, то там обзор плохой, простонародье будет недовольно... Такое ощущение, что яркий свет от окон расплзается... Смотреть больно. Только бы дотянуть до камеры, а там и в обморок можно

будет падать...

— Что ж... — В голосе королевы... смех?... — Я принимаю *твое* Эльдorado.

Алена Дашук ГОЛУБИ ТЕСЛЫ

В рассказе использованы реальные факты из жизни американского ученого сербского происхождения Николы Теслы (1856–1943). Имена и названия сохранены.

Профессор Трамп повертел в руках чуть тронутую желтизной страницу. По ней бежали прожилки туго натянутых строк. «На осенний лист похоже», — подумал профессор. Подобно усердным дворникам по осени, хозяева отелей сгребают такие в солидные охапки. Деловито шуршат ими, решают — сжечь сразу или позволить какое-то время мирно разлагаться, превращаясь в доходный перегой. Трамп усмехнулся — что за нелепая параллель. Вероятно, просто сизая сыворотка нью-йоркского января действительно требует разбавить себя каплей чего-то пряного и яркого. Почему бы и не воспоминанием о палой листве?

Осень Джон Трамп любил. Осень пахнет безвременьем и покоем, но при этом тревожит смутной надеждой. Кроны уходят с такой величавой невозмутимостью, что сомнений не остается — они вернутся. Не пройдет и полгода, листья снова угнездятся на своих кем-то навсегда определенных им местах. Зазеленеют, зашущукаются, рассказывая друг другу, что видели там, за чертой. Их смерть сезонная — нагрянет и отступит. В детстве ничто так не убеждало Джона в бессмертии, как почки, набухающие в апреле на старом каштане, что рос напротив дома. Раскидистый исполин без глупого драматизма умирал в октябре, а весной как ни в чем не бывало воскресал. Джон готов был поклясться — листья на нем появляются те самые, что были сожжены равнодушными дворниками несколько месяцев назад.

Профессора осенило — вот почему он призвал на помощь воспоминания о никогда не умирающих листьях! Две недели как Джон Трамп был вынужден соприкасаться со смертью: письма, рукописи, записки, чертежи, сделанные рукой того, кого уже нет. Будучи ученым, Трамп понимал: смерть — явление естественное, однако длительное соседство с ней даже у убежденного материалиста вызовет желание немного помечтать о бессмертии. Включается обычный защитный механизм — никакой лирики.

— Мистер Трамп, — бряцающий тревогой голос управляющего отелем «Губернатор Клинтон» заставил Джона вздрогнуть, — может быть, все же стоит вывезти сейф? Наш жилец, конечно, был... с определенными странностями, свойственными его возрасту, мог преувеличить, но мы не вправе рисковать жизнями постояльцев.

О несносном клиенте служащие отеля помнили до сих пор, хоть и избавились от него несколько лет назад. В основном посмеивались, читая в газетах измышления чудака о носящихся в космосе со сверхсветовой резкостью частицах и мгновенном перемещении предметов не то в пространстве, не то во времени. Правда, забавно стало уже потом, когда жилец съехал. Пока же старик проживал на их территории, персоналу было не до смеха. Чужачества этого господина озадачили бы кого угодно. Жилец наотрез отказывался есть что-либо, кроме салатных листьев, лука-порей, хлеба и подогретого молока. Требовал сервировать стол заново, если на скатерть усаживалась безобидная муха. Побаивался персиков. Цепенел при одной мысли о микробах, по этой причине запрещал прислуге приближаться к себе на расстояние ближе двух метров. Из тех же соображений выбрасывал единожды надетые воротнички и перчатки, хоть в средствах был, мягко говоря, стеснен. При всей своей нездоровой брезгливости терроризировал весь отель неумемной страстью к голубям. Полчища этих «летающих крыс» кружили у его окон, ожидая пиршества. Мало того что ежедневно в строго определенное время постоялец отправлялся куда-то, набив карманы пакетиками с птичьим кормом, так он устроил голубиную столовую прямо на окнах номера! Навешал на рамы хитроумные (наверняка им самим изобретенные) кормушки и регулярно обновлял в них запас провианта и воды. Как-то вечером в грозу старика сбило такси. Он

сlegt, но и в эти дни не забывал позаботиться о прожорливых пернатых. По его распоряжению нанятые специально для этой цели мальчишки отправлялись к Публичной библиотеке. Там они рассыпали пшено и прочий съестной мусор. Более того, теперь голуби вселились и в его номер. Комната заросла джунглями из металлических и деревянных прутьев, покрылась паутинами прочных сеток. В этой рукотворной чаще царили упитанные птицы. Одни поправляли здоровье, если были изувечены кошкой или человеком, другие просто вели праздный образ жизни. Для одного из пострадавших беспокойный постоялец соорудил замысловатый аппарат стоимостью две тысячи долларов, дабы зафиксировать сломанные крыло и лапку. Бесплатные птичьи кости благополучно срослись, зато счет за проживание остался неоплаченным. Такая беспечность довела хозяина отеля до белого каления. Ко всему, немощный уже в те дни старик обзавелся помощником. Был он старику беззаветно предан, а уж в голубях и вовсе души не чаял. На пару они принялись ублажать пташек с удвоенным рвением. Жильцы сатанели, находя на своих окнах безобразные следы пребывания невоспитанных птиц. Кроме того, шум и, простите уж, непристойный запах. Но любитель пернатых впадал в неистовство, стоило намекнуть, что голубям самое место на помойке, а уж никак не в пределах приличного отеля.

Учитывая все неудобства и задолженность, жилец в конце концов был выселен вместе со своими зловонными и горластыми любимцами. Кстати сказать, неблагодарные голуби в процессе переезда искрами фейерверка разлетелись кто куда, как только распахнулась дверца сломавшейся клетки. Старик горько переживал, но, признаться, особой жалости к нему персонал не испытывал. За годы долготерпения вместо платы отелю досталось лишь некое загадочное оборудование. По уверениям должника, стоило оно более десяти тысяч. Все бы ничего, да залог грозил взорваться, если кто-то из кредиторов попытается добыть его из сейфа без ведома постояльца. Жилец обещал в ближайшее время уплатить долг и забрать неблагонадежный заклад, о чем заверял в письме. Это-то письмо и держал сейчас в руках господин, явившийся вскрывать злополучный сейф.

Годы шли, за своим имуществом старик так и не явился. Долг, разумеется, остался неуплаченным. Две недели назад хитрец отдал богу душу. И тут вокруг его подернувшегося пылью заклада развернулась невообразимая свистопляска. Бывают же люди, умудряющиеся доставлять беспокойство даже после смерти. Гений гением, но ведь и совесть иметь надо!

Управляющий нервничал. Двое сопровождавших его служащих напряженно смотрели на Трампа. Их лица напоминали крепкие морские узлы на грубых канатах — зубы стиснуты, скулы окаменели. Лбы натянулись гулками бубнами. Так выглядит едва сдерживаемый страх.

— Думаю, подобные предосторожности излишни, — заверил Трамп, пытаясь изобразить добродушную улыбку.

— Но, если сейф вскроет посторонний, устройство взорвется!

— Изобретение имеет стратегическое значение, поэтому он старался обеспечить ему максимальную неприкосновенность, — уклончиво пояснил профессор, тревожно подумывая, не разглашает ли сейчас государственную тайну. Но управляющий тут же проявил осведомленность, о какой Трамп и не подозревал:

— «Луч смерти», над которым работал мистер Тесла, я слышал, способен уничтожить военную технику противника на расстоянии двухсот миль! Только представьте, какой силы может быть взрыв!

— М-мэ... — профессор Трамп замялся. Похоже, о сверхсекретном проекте не знал только ленивый. — Это вам рассказал сам Тесла?

— Разумеется, он ведь задолжал нам немалую сумму. Оборудование оставлено им в залог. Естественно, мы хотели знать, что за имущество обеспечивает гарантии.

Трамп снова глянул на письмо. В нем черным по белому значилось — стоимость оставленного в гостиничном сейфе устройства превышает десять тысяч долларов. Интересно, как Тесла представлял себе сбыт хозяином отеля нового мощнейшего оружия, за обладание которым правительства многих стран отдали бы половину годового бюджета.

Более десяти тысяч долларов... Шутник этот Тесла, однако!

— Видите ли, у вас хранится уменьшенная копия, а не сам агрегат. Как вы понимаете, оригинал должен превышать размеры сейфа в десятки раз. Безусловно, мощность взрыва такого устройства будет существенно меньше...

— Значит, взрыв будет?! — отшатнулся управляющий. Трамп понял, что ляпнул лишнее.

— Нет, нет... Я хочу сказать, что, даже в случае... мз-э-э... форс-мажорных обстоятельств, думаю, никто не пострадает. Но я утверждаю... то есть я практически уверен...

Профессор замялся, уверен он ни в чем не был. Кончики пальцев налились замороженным свинцом, еще когда он впервые узнал о вероятности взрыва. В последние годы поведение Теслы было крайне сомнительным: в дни рождения собирал брифинги, где витиевато расписывал перед жадными до сенсаций журналистами свои контакты с инопланетянами; бурчал что-то о межгалактических путешествиях; рассуждал об эфире, метафизике и высшем разуме. Остается только удивляться, почему после его смерти правительство столь рьяно набросилось на наследие изобретателя. Вдобавок привлекло к этому профессора Джона Трампа, директора и основателя Лаборатории по исследованию высокого напряжения Массачусетского технологического института. Он, конечно, отдает должное былым заслугам мэтра, но под занавес заявления великого серба могли заинтересовать разве что психиатров да фантастов. С кем не бывает, в восемьдесят шесть-то лет. Что мешало безумцу запихнуть в гостиничный сейф смертоносное устройство? Или снабдить его взрывным механизмом. Оправдание есть — разработки сверхсекретные. Да и вздорный был старикан, на весь свет обиженный, а из «Губернатора Клинтона» его попросту выставили. Вот и отыгрался за свои горести гениальный безумец.

В мышцах затеплилась, мелко затряслась паника. Стоп! Профессор взял себя в руки. Если Тесла впал в маразм, вряд ли он создал бы функционирующую модель оружия, способную разнести сейчас вдребезги целый отель... или квартал. Если он все же смастерил «луч смерти», стало быть, и интеллект у Теслы с возрастом не пострадал. Просто он был... как бы это выразиться... немного фантазером. В здравом уме даже фантазер не обречет на гибель ни в чем не повинных людей. За эту мысль Трамп и ухватился.

— Никола Тесла был очень ответственным ученым, — заявил Джон, с удовольствием отметив, что промелькнувшие в его мозгу сомнения никак не отразились на голосе. Звучал он твердо и уверенно. — Мистер Тесла не подверг бы опасности ничьей жизни.

— Я слышал, он однажды едва не разрушил один из отелей, в котором проживал! — заупрямился просвещенный управляющий. — Кажется, речь тогда шла о резонансе. Это свидетельствует...

«Послал же бог умника!» — раздраженно подумал Трамп.

— Это свидетельствует как раз в пользу моих слов. Знаете ли вы, милейший, что, оценив риск, которому подверглось строение, Тесла разбил уникальное, единственное в своем роде оборудование, поскольку времени на его отключение не было?

— А как же Уорденклиффская башня?! — вскричал молчавший до сих пор служащий. — Я был ребенком, но по сей день помню, как при ее испытаниях по небу разлетались молнии в руку толщиной, а из-под копыт у лошадей летели искры! Это было ужасно!

Трамп растерялся. Изрядно же напугал гений этих парней, если они так ревностно следили за его деятельностью.

— Башня также была демонтирована... — пробормотал он, не найдя иного контраргумента.

— Да, была! — торжествующе отметил управляющий — Но, заметьте, разрушена не самим Теслой, а по распоряжению владельца отеля «Уолдорф-Астория», которому он также задолжал за проживание. Шумное было дело с судебными разбирательствами. Тесла утверждал, что аппаратуры уничтожили на сумму, во много раз превышающую его долг

перед отелем. Но башня служила все тем же залогом, а следовательно, являлась собственностью «Уолдорф-Астория». Где же ваша хваленая ответственность?

— По-моему, мы несколько отвлеклись от темы, — пробормотал Трамп. Что ответить, он не находил и счел, что лучше будет вернуться на исходную позицию. — Мы говорили об устройстве, хранящемся в вашем сейфе. Даже если это действующая модель, подумайте, выстрелит ли ружье само по себе, если вы просто возьмете его в руки? Как минимум необходимо его зарядить и знать, каким образом надо произвести выстрел, не так ли?

Довод не выдерживал никакой критики, однако оппоненты начали сдаваться. Похоже, просто устали. А может быть, смирились с тем, что переубедить уполномоченного не удастся.

— Но вы можете гарантировать, что отель не пострадает?

Трамп кивнул. Он лгал: за безопасность «Губернатора Клинтона», как и за свою собственную, он не дал бы сейчас и дохлой мухи. Но ему хотелось скорее покончить с этим изрядно измотавшим его делом. Выхода все равно нет. Вскрыть сейф поручило Управление по делам иностранной собственности, за которым стоят еще более могущественные структуры. С ними не поспоришь. Для них несколько десятков жизней ничего не стоят, лишь бы «луч смерти» не достался противнику. Наследство Николы Теслы отходило племяннику, сербскому послу в Соединенных Штатах Саве Косановичу. Этот тип слыл темной лошадкой. Попади «луч» в его руки, кому он его передаст: коммунистам, монархистам, а может быть, немцам, с которыми США ведет сейчас войну? Так рисковать правительство не могло. Не желало оно и привлекать ничье чрезмерное внимание, вывозя начиненный государственной тайной сейф. Кто знает, что может случиться в дороге, враг, поди, не дремлет. «Луч смерти» должен принадлежать Штатам или никому. Перевернувшись все возможные архивы изобретателя, никакой документации о разработках сверхоружия Трамп не нашел. Последняя надежда — модель, оставленная в залог отелю «Губернатор Клинтон». Тут уж пан или пропал. Но почему Косанович так спокойно позволил шерстить Управлению свое наследство? Не потому ли, что твердо знает — «луч смерти» живым не дастся? О господи! На лбу Трампа выступили капельки пота. Он с ненавистью глянул на многозначительно надувшийся сейф. Нет, господа, гарантий вам точно никто не даст. Слишком высоки ставки. По сути, речь идет об исходе Второй мировой — у кого «луч», тот и отпразднует победу.

— Мы можем идти? — прервал невеселые размышления профессора управляющий, косясь на сейф.

— Да, пожалуйста, — кивнул Трамп. — Благодарю за содействие.

Служащие поспешно ретировались. Профессор подошел к окну и зачем-то открыл его. Промокший январский Нью-Йорк. Трамп закурил. Интересно, если сейчас его не станет, листья весной рассядутся по своим веткам? Вдруг правы те, кто говорит, что этот мир существует только в нашем воображении. Если так, его воображение устроено в высшей степени бестолково. Какой смысл придумывать январь, когда можно всю жизнь блаженствовать в прозрачно-желтом, похожем на липовый мед сентябре? Чепуха. Зачем представлять болезни и нищету, войны и глобальные катастрофы? Или сварливую миссис Томпсон, гуляющую со своей визгливой таксой Вики по любимой аллее профессора. Наконец, будь его воля, разве стал бы он конструировать в мозгу это самое мгновение: тяжелые шторы, пестрый дорогой ковер, подоконник с кружащими над ним голубями... Трамп вздохнул. Наверное, хорошо, что гипотеза рухнула. В противном случае может случиться, что пройдет минута — и никаких голубей не станет. Не станет подоконника... Ничего не станет. Потому что не станет Джона Трампа. Некому будет это все воображать. А так... его-то, возможно, не станет, но мир будет продолжаться.

Джон бросил окурочку в окно. Альтруистические размышления не утешили. Напротив, было до слез обидно — его не будет, а чертовы голуби и подоконники останутся! Уж лучше бы гипотеза о воображаемом мире оказалась верной. Он бы сейчас нафантазировал мягкое кресло у камина, зачитанную до бахромы по краям переплета книгу и горячий грог.

На окно уселся сизый голубь с радужными разводами на перьях. Он аккуратно, точно обновку, свернул на спине крылья. Расправил хвост, как это делают с отглаженными фалдами щеголи. Справившись, выжидательно уставился на Джона. Трампу птица напомнила эстета, устраивающегося поудобнее в бархатном театральном кресле.

— Что, приятель, увертюру ждешь? — хмыкнул профессор.

Голубь умильно склонил головку набок. Один его глаз, лукавый и круглый, подернулся прозрачной пленкой. Это явно означало высшую степень удовольствия.

— Летел бы ты отсюда...

Птица с места не двинулась, только переступила с лапки на лапку и еще пытливее воззрилась на человека. Профессору стало не по себе. Отчего-то невыносимо захотелось отправиться к Публичной библиотеке на угол 43-й улицы, как это делал покойный Тесла. Уж лучше кормить голубей, чем стоять сейчас рядом с хмурым сейфом. Джон отчетливо представил, как идет в непрерывном потоке погруженных в себя ньюйоркцев. Растворяется в их конвейерном единообразии. Движения отработаны до автоматизма, экономичны, максимально полезны. Потом отделяется от общего, отламывается, как краюха от каравая. И тут он, отрезанный ломоть, внезапно обретает очертания, отличные от заданных. Становится удивительно хорошо, бесконечно свободно, как в детстве. Вероятно, это происходит оттого, что очертания эти его собственные, ни на кого не похожие, никем не подравненные. Останавливается у библиотеки, свистит (непозволительная вольность!). Со всех сторон к нему слетаются голуби... Он бросает им крошащийся в пальцах корм. Птицы аплодируют крыльями цвета грозových туч, склевывают зерна и, наконец, принимают его, присаживаются на раскрытую ладонь. Он стоит посреди кружащего города с протянутой рукой. Словно подаяние просит. Но это не стыдно. Просить милостыню у птиц — прекрасно! Они кидают от щедрот своих не медяшки, а то, чего у них самих в избытке, — волю и вечность. Птицы, как осенние листья, всегда возвращаются. Бьют клювиками в яичную скорлупу, помня, как свободно носились когда-то над Древним Римом или будили курлыканьем заспавшегося Тутанхамона... Иначе невозможно. Птицы и часы живут в разных измерениях.

Сидящий на подоконнике голубь смотрел теперь на Джона задумчиво. Искорки его глаз погасли, перестали отражать свет. Сейчас Трамп смотрел в них, точно в темные, бесконечные туннели. Там вихрилось и растворялось время.

— Чертовщина! — пробормотал Трамп. — Листья, птицы... Просто-напросто оттягиваю момент, который может стать последним.

Сделав такое заключение, профессор немного огорчился. Как все банально — человек боится, потому прибегает к абстракциям и отвлеченной поэтике, только бы отсрочить конкретное действие. Абсурд и малодушие.

Он шагнул к сейфу. Усилием воли опустил в сознании непроницаемый для посторонних мыслей занавес. Дальнейшие манипуляции Трамп производил, точно хорошо отлаженный автомат. Открыть сейф. Достать тщательно упакованный ящик... Тяжелый, дьявол! Обит медью. Любопытно — взрыв прогремит, когда будут сняты эти поблескивающие латы или позже? Все равно, осторожнее. Вдруг повезет и удастся не потревожить взрывное устройство, если оно там имеется. Хотя вряд ли. Такой умелец, как Тесла, делал все наверняка. Нет, ящик вскрыт, а Джон еще жив. Но прибор обернут несколькими слоями плотной упаковочной бумаги... Возможно, механизм запустится, когда давление ослабнет. Бумага не поддавалась. Трамп огляделся в поисках ножниц или ножа. Как назло, нож для разрезания книжных страниц торчал из карандашницы, стоящей на столе. Чтобы добраться до него, придется пройти мимо окна, за которым снует ничего не подозревающий, наполненный жизнью город. Этот искушительдохнет в лицо гудками машин, заликует воплями бегущих куда-то мальчишек, отзовется внутри писком надежды на будущее. Трамп выругался. Он уже сумел справиться со своими трусливыми отступлениями, и вот на тебе!

Зловредный голубь как ни в чем не бывало чистил на грудке перышки. И чего подлые птицы до сих пор толпятся здесь?! Сколько уж лет их благодетель не живет в этом номере!

Неужели помнят? Ждут? Почему-то это взбесило Джона. Он ринулся к окну и взмахнул руками.

— Пшел отсюда!

Не ожидавшая нападения птица изумленно охнула и ринулась прочь от такого ненадежного создания, человека. В воздухе закружилось легкое перо. От резкого движения Трамп задохнулся и облокотился на подоконник. Негодная птица! Все же вынудила глотнуть сырой зимний воздух. В висках снова застучали с трудом изгнанные осенние сумерки и перламутровые крылья.

А ведь не похоже небо на старый, давно пылящийся в сундуке макинтош Джона, каким казалось раньше. Оно лиловое, пышное, напоминает уютную дремотную подушку. Облака окутали профессора пушистым счастьем. Перехватило дыхание. Какой чудесный день. Чудесный! Невдалеке на обугленной январем ветке тополя сидел все тот же щеголеватый голубь. Он продолжал внимательно смотреть на застывшего в окне человека. Испугавшись так некстати вспенившейся в груди истомы, Джон метнулся к столу, схватил нож, одним прыжком преодолел расстояние до свертка и принялся вспаривать бумагу. Пусть если *это* произойдет, то сейчас. В доли секунды, пока неизъяснимая, порхающая легкость бытия не покинула!

Джон Трамп стоял над растерзанным свертком и хохотал. Взахлеб, так, что сводило судорогой живот и шею. Лицо покраснело, на лбу вздулись синеватые вены. На распахнутой фрамуге приплясывали голуби. Особенно усердствовал тот самый щеголь, который так раздражал Джона. Он запрокидывал гладкую головку на спину и бил крыльями пронизанный моросью воздух. Если бы Трамп сейчас мог вырваться из крепких объятий собственных эмоций, он бы наверняка отметил — так смеются голуби. Но ему до голубей не было теперь дела.

— Хитрый старик! — в который раз восхищался Трамп и хлопал себя по ляжкам. — Это же надо! Ну каков сумасброд!

Профессор снова захохотал. Отсмеявшись, все же решил — такое мальчишество не пристало ему, крупному ученому. Что ни говорите, апоплексический удар — вещь хлопотная и неприятная, даже если он вызван жизнерадостным смехом. Приличный человек должен умирать лет в девяносто, окруженный благодарными потомками и с приличествующей случаю миной. А так... Срам один, ей-богу!

Трамп уселся в кресло, несколько раз глубоко вдохнул, чтобы привести в порядок пульс. Прыснув в кулак напоследок (не сдержался, грешен), набрал телефонный номер. Когда на другом конце провода раздался ожидаемый профессором голос, от его смешливости не осталось и следа.

— К сожалению, порадовать нечем. В ящике я нашел только магазин сопротивлений и письмо... Да, обычный прибор для измерения мостов сопротивления, к тому же довольно старый. Такой можно найти в любой лаборатории, оснащенной еще в конце прошлого века. Представляю, как расстроится хозяин гостиницы! Этой рухляди красная цена четыреста долларов. Думаю, предостережения были связаны с опасениями мистера Теслы, что ящик будет вскрыт и выяснится истинная стоимость его содержимого. Нет, нет, я осмотрел внимательно, это действительно просто магазин. Что вы! Создать на его базе «луч» — все равно что соорудить из циркуля крейсер! Да... Сожалею, «луч смерти» скорее всего миф, очередная попытка Теслы привлечь к себе внимание.

Джон говорил и не мог остановиться. Фразы лились помимо воли, от одной радости, что он может произносить их. Даже злобы на эксцентричного старика не было. В телефоне забулькал, заволновался раздосадованный голос незримого собеседника. Трамп был вынужден прервать свою фонтанирующую болтовню и прислушаться. После недолгой паузы он вздохнул и потянулся левой рукой к конверту, приложенному к предмету, подменившему «луч смерти».

— Нет, — уверенно произнес он в трубку, которую не выпускал из правой руки, — это не расчеты. Кажется, это всего лишь одно из тех посланий, которые старики любят оставлять

потомкам. В назидание, так сказать. С практической точки зрения оно, похоже, не имеет никакой ценности. Если хотите, могу зачитать... — Извлечь одной рукой из конверта аккуратно сложенные листы оказалось нелегкой задачей. Трамп нетерпеливо тряхнул бумажный пакет, из него с легким шуршанием посыпались на пол исписанные неразборчивым почерком страницы. Джон чертыхнулся. Нашупав взглядом лист, на котором сверху значилось «Мой дорогой друг...», Джон поднял первую страницу. — Письмо довольно большое, — предупредил профессор. — Стоит ли оно подробного рассмотрения, судите сами. «Мой дорогой друг! Позвольте называть Вас именно так. Я не знаю Вашего имени, но уверен, что лично Вы ко мне не испытываете неприязни, а следовательно, я вполне могу называть Вас другом. Итак, мой дорогой друг, если Вы читаете это письмо, значит, ящик вскрыт. Думаю, его содержимое Вас несколько озадачило. Надеюсь, разочарование не было чрезмерным. Утешением может служить тот факт, что «луча смерти» не существует в природе. Это гарантирует, что он не достанется и противнику. Однако я хотел поговорить с Вами о вещах более важных, чем очередное стратегическое пугало. Я хотел поговорить о голубях. Поверьте человеку, занимавшемуся наукой всю свою достаточно долгую жизнь, преданному ей всецело, именно голуби явились самым важным откровением, несмотря на то что в моем изобретательском багаже набралось свыше тысячи патентов. Готов повторить сейчас мысль, уже высказанную мной однажды, — я пришел в этот мир прежде всего ради того, чтобы разгадать тайну этих загадочных птиц. Не знаю, к чему бы привели мои открытия, если бы не они. Самое меньшее, остались бы бездушным плодом человеческого ума — материи, безусловно, имеющей почти неограниченные возможности, но и столь же бесконечно опасной. Чтобы суть моего открытия, о котором пойдет речь ниже, стала Вам понятна, начну издалека, с самого детства.

Моя семья тогда жила в крошечной сербской деревушке Смиляны. Единственным и любимым другом был кот Мачак...»

В телефонной трубке армейским горным прозвучал недовольный баритон, прервав чтение на полуслове. Профессор закивал, совсем забыв, что собеседник его жестикологии не видит. Вспомнив о такой досадной подробности, Трамп продублировал жест словесно.

— Да, я тоже думаю, что письмо подобного содержания вряд ли может быть нам полезно. Я изучу его и, если обнаружу что-то интересное, тотчас сообщу. Непременно. Всего доброго.

Трамп повесил трубку и наклонился над россыпью белеющих на ковре страниц. Недовольно покачал головой. Горазд же был писать мистер Тесла! Придется терять время на зачитывание пространных мемуаров блаженного старца. К счастью, листы были пронумерованы. Джон довольно быстро собрал и сложил их по порядку. Выходить в зимний, вновь ставший похожим на ветхий серый макинтош город не хотелось. Профессор заказал в номер кофе, рюмку коньяка и приготовился к бесполезной и нудной работе. «Если рассудить, все не так уж плохо, — успокаивал себя Трамп. — Горячий кофе, коньяк, мягкое кресло и сонный светильник на журнальном столике... А ведь мог бы сейчас валяться разорванным на куски». Профессор скользнул взглядом по уже прочитанным строкам и, отыскав место, на котором его прервал телефонный собеседник, углубился в чтение.

«...кот Мачак. Я много мог бы рассказать об этом потрясающем животном, с которым был неразлучен, но, учитывая, что у Вас, безусловно, имеются более важные заботы, делать этого не буду».

Трамп удовлетворенно крикнул. Спасибо, мистер Тесла, вы очень прозорливы. Продолжим.

«Отмечу лишь, что стал ученым во многом благодаря именно Мачаку. Да, не удивляйтесь! Ни один из преподавателей впоследствии не сумел пробудить во мне такой интерес к наукам, какой вызвал обычный кот. Вероятно, эту историю Вы уже слышали. Я рассказывал ее в автобиографии, опубликованной в журнале моим другом Хьюго Гернсбеком.

Мне было года четыре. Как-то раз в грозу я сидел дома. Мачак подобрался ко мне за

своей порцией игр. Я протянул к нему руку и вдруг увидел, что шерсть моего любимца вздыбилась, над спиной светилась голубоватая дуга. Едва я коснулся его, из-под пальцев брызнули искры. До сих пор помню, как поразило меня это чудо, точно вошедшее в дом из старинных сказок, которые рассказывала нам мать. Я спросил у отца, что за удивительное зрелище наблюдал сейчас. Тогда-то я впервые и услышал об электричестве. Особенно меня потрясло сходство мерцающей дуги со сверкающими за окном молниями. Моя первая гипотеза родилась под впечатлением от того же события. Звучала она примерно так: если явления настолько похожи, значит, имеют они одну природу и причину — кто-то гладит наш мир, отчего на небе вспыхивают молнии. Кто может гладить целый мир? Только Бог. Надо сказать, мои рассуждения очень понравились отцу, он был священником. С того дня он уверился, что я пойду по его стопам. Впрочем, это совсем другая история, и я на нее отвлекаться не буду. Увы, надеждам отца не суждено было сбыться.

Первое предположение о мире-кошке, которую гладит Бог, меня не удовлетворило. Я хотел докопаться до истины. С тех пор у меня пробудился неумный интерес ко всему, что меня окружает. Я бы мог поведать Вам, дорогой друг, о своих первых изобретениях: пугаче из кукурузного стебля (принцип его действия я использовал много позже, когда работал над созданием лучевого оружия), особом рыболовном крючке для ловли лягушек, ловушках для птиц и зонтике-парашюте, испытание которого едва не стоило мне жизни. Это увлекательная тема, но цель моего письма не развлечь Вас. Повторю — путь указал мне Мачак, обычный кот, неразумное существо. При этом отец, умнейший образованный человек, стоял на том, чтобы я принял на веру первую пришедшую мне в голову версию. Главное, что наивное предположение было ему по нраву.

Теперь, прожив жизнь, я вижу — это был первый важный урок. Люди часто принимают действительность лишь в том виде, в каком она им удобна. Я сотни раз убеждался в этом, став взрослым. Как рьяно сопротивлялся Эдисон моей работе над системой переменных токов. А ведь ее преимущества были очевидны — энергия передавалась на много большие расстояния. К тому же почти без потерь, в отличие от тока постоянного, с которым работал в то время он сам. Как ученый-практик, мистер Эдисон не мог этого не понимать. Тем не менее сколько копий было сломано. В ход пускались такие аргументы, как... электрический стул, созданный на основе моей системы. Казнь первого преступника на этой отвратительной машине шокировала всех. Несчастный мучился куда дольше, чем предполагалось. Сторонники Эдисона старались представить прогрессивную систему многофазовых переменных токов не более чем убийцей и тем самым уничтожить ее в глазах общественности. Сколько погибло ни в чем не повинных собак в доказательство опасности нововведения! Но разве виновно явление природы в том, что человек использует его для убийства? Неужели я трудился ради создания машины для казней?

Человечество подобно младенцу, которому дали в руки топор. Если бы он понимал, что топором можно нарубить дров и обогреть дом, растопить ими печь, в которой испечется хлеб... К сожалению, для младенца топор — лишь источник опасности. В те годы я был слишком молод и не понимал этого. «Младенец» сбил меня с толку тем, что с моим первым «топором» в конце концов справился — система была принята. На сотни миль потекла во сто крат более мощная энергия, которая при этом была ощутимо дешевле. Наполнила светом города, освободила от изнурительного труда благодаря новому оборудованию тысячи рабочих рук на заводах и фабриках. Я был вдохновлен и занят созданием новых «топоров» по двадцать часов в сутки. То есть продолжал совать в руки «дитяти» острый «топор», уверяя, что этот инструмент изменит его жизнь к лучшему. Разумеется, ни о каких голубях я тогда не думал. А они стучались в мои окна. Сейчас я вспоминаю это...

Когда многофазовая система переменных токов уже приносила плоды, я задумался — существует ли безопасное для человека электричество. Демарши мистера Эдисона, надо признать, сильно напугали меня. Опытным путем я доказал, что высокочастотные токи не только не вредят, но и оказывают на организм благотворное действие. Их можно использовать в медицине. Я демонстрировал это, пропуская на глазах аудитории через

собственное тело тысячи вольт. Опыты вызвали бурный восторг, удивление, но не более. «Младенец» радовался новой игрушке.

То же случилось со многими другими моими изобретениями. Я создал лампы без нитей накаливания, загорающиеся от прикосновения руки, — меня обвинили в фокусничестве, а кое-кто и в связи с дьяволом. Я сгенерировал лучи, способные на расстоянии с высочайшей точностью обрабатывать любые материалы, — «дитя» увлекла исключительно их способность разрушать. А ведь подобные лучи можно применять в медицине, горном деле, производстве... Я доказывал, что электромагнитные волны могут передавать звук и даже изображение, — надо мной посмеялись. Позже другой человек был назван изобретателем радио. Но, поверьте, радио — только первый шаг. Когда-нибудь в каждом доме будут приемники изображения, в основу создания которых лягут мои разработки. Электромагнитные волны позволят дистанционно управлять автомобилями, промышленными механизмами, самолетами, кораблями, а также различной техникой, которая станет работать в условиях, не допускающих присутствия человека. Появятся беспроводные телефоны, принимающие сигналы в любой точке мира. Я создал модель катера, управлять которым мог на расстоянии двадцати пяти морских миль, — «младенец» подивился такой диковине и... забыл. Когда-нибудь мой катер назовут дедушкой инженерной кибернетики (такой раздел появится в будущем, я вас уверяю). В те же дни он показался лишь забавой. На одной выставке я продемонстрировал модель автомобиля с бестопливным двигателем. Она неделю проездила на огромной скорости без остановки, но тоже стала только поводом для досужей болтовни. А ведь в основу работы каждой из этих «безделушек» были заложены законы, открытие которых помогло бы совершить прыжок на сотни лет вперед! Авто, движимое бесплатной космической энергией! Понимаете ли Вы, что это значит для человечества?! Таких не будет и через сто лет, а я предлагал производить их еще в начале двадцатого века. Мне трудно перечислить все мои изобретения, не нашедшие понимания тогда, но которые станут базисом цивилизации десятки и сотни лет спустя. Все это будет позже. Чуть ниже я поясню, почему говорю об этом с такой уверенностью. Но тогда я был в растерянности. Я понимал, что делаю что-то не так.

Окончательно утвердился в этом, когда «младенец» отверг идею о всемирном телеграфном центре. Только представьте, Вы берете трубку где-нибудь в Австралии и слышите голос из Нью-Йорка, Копенгагена, с Аляски — из любой части света. Более того, вы смогли бы принимать радиосигналы, изображение. Но даже не это самое главное — такие центры стали бы для всей планеты неиссякаемым источником электроэнергии. Земля летит в бесконечном потоке космической энергии, которую необходимо только взять, принять неоценимый дар Вселенной. Не нужно вырубать леса и расхищать земные недра, нам не нужен газ, нефть, дрова и уголь. Энергия носится в воздухе. Мы можем наблюдать титаническую силу молний в грозу, миллионы и миллионы неиспользуемых вольт. Прими человек эту данность, закончатся войны, ведущиеся из-за богатых нефтью и газом земель. Цивилизация, владеющая неисчерпаемым источником, питающим все без исключения механизмы в любой точке мира. Думаю, преимущества эры космической энергии, получаемой практически без затрат, очевидны.

Я построил первую из таких башен. Идея меня увлекла настолько, что я не заметил, как «младенец» занес принесенный мной «топор» над собственной шеей. Уорденклиффской башней заинтересовались. Не буду уточнять, кто именно. Подозреваю, что Вы сами являетесь винтиком этой машины. Мне предложили продемонстрировать колоссальную мощь моего детища. Я был одержим. Совсем потеряв от радости голову, согласился. Да, потом в суде я говорил, что не имею отношения к Тунгусской катастрофе. Но лгал не по своей воле. Я понимал возможные последствия признания факта, что мы провели безрассудный эксперимент на территории другого государства. Сорок квадратных километров уничтоженных лесов!

Можете не верить, но я действительно умею в своем сознании переноситься на любые расстояния и даже в другие измерения. Такая способность была дарована мне еще в детстве,

когда личное пространство было слишком ограничено, чтобы удовлетворить неиссякаемое любопытство. Мне было пять, когда я видел гибель любимого брата. Это преследовало меня. Буквально убивало. Стараясь убежать от мучительных видений, я развил свой дар. Я скрывался в иных пространствах от вновь и вновь повторяющегося кошмара. Постепенно эти миры обрели такую реальность, что я мог бродить по незнакомым улицам, заглядывать в дома, знакомиться с живущими там людьми... Те, с кем я дружил там, были для меня не менее близки, чем родные и друзья в моей реальности. Однажды, будучи юношей, я увидел в некоем измерении устройство, над созданием которого тщетно бился годами. Увидел четко, до мельчайшей детали. Я включал и выключал его, осматривал каждую мелочь, прикасался к каждому рычажку. С тех пор все свои изобретения я зримо наблюдал, стоило настроиться на нужную волну. Более того, я работал над ними сначала в ином пространстве. Когда они начинали действовать, как задумывалось, воплощал в реальности. Это объясняет отсутствие массы расчетов, чертежей и записей, всегда сопутствующих новым разработкам. Я понял — будущие изобретения уже существуют в каком-то другом измерении. Надо только увидеть и понять, чему они должны послужить.

Но я отвлекся. Путешествия в сознании всегда мне помогали. В детстве — развлекали и дарили новых друзей. Позже — содействовали работе. Испытание Уорденклиффской башни открыло, чем может закончиться игра «младенца» с «топором». Миллионы вольт космического электричества, пропущенные через землю и вырвавшиеся на поверхность там, в районе реки Тунгуски. На этот раз ментальное путешествие демонстрировало мне не чудесные города и милые лица улыбающихся людей, а десятки километров поваленных, выжженных у корней деревьев. Гигантские территории мертвой тайги. Кедры и сосны, набиравшие силу десятки и сотни лет, убил я. Убил за секунды. На миг я представил, что это могла быть не безлюдная сибирская тайга, а один из тех городков, где меня привечали, когда я был ребенком. Я осознал — человечество хочет сколотить очередной «электрический стул» из материала, из которого можно было сделать люльку или обеденный стол. И я капитулировал. Сколько меня ни убеждали, что электрокосмическое оружие будет служить только средством обороны, я понимал — ружье нужно для убийства. Не важно, кто будет убит первым. Ружье стреляет в обе стороны.

Я умолял позволить продолжить мне работу над центром с целью дать энергию для жизни. Меня убеждали, что в данный момент актуальней энергия для смерти. Я сопротивлялся, и мою первую ласточку, мою Уорденклиффскую башню разрушили. Для публики все представили банальней некуда: долг отелю, башня стала залогом и была демонтирована, а аппаратура распродана в счет долга. «Младенцу» не помогли ударить себя «топором», он разозлился и вышвырнул «топор».

Вы, наверное, спросите, при чем тут голуби? Еще немного терпения, друг мой. Как ни далеко кажется это от уже сказанного, поделюсь своей историей любви. Вы, вероятно, подумали о Кэтрин Джонсон, супруге моего друга и очень близком мне человеке. Она была дорога мне многие и многие годы, но связывали нас исключительно дружеские отношения. Или Вы вспомнили о Саре Бернар, чей шарф я хранил долгое время и очень дорожил им. Я преклонялся перед этой женщиной, но речь и не о ней. Я хочу поведать историю истинной любви ко мне существа, которое по своей природе не умело ни кокетничать, ни притворяться. Это была голубка. Удивительная птица с серыми крапинами на белых перьях.

Я тогда уже регулярно посещал угол 43-й улицы, но еще не разобрался, почему делаю это. Лишь чувствовал — с птицами я обретаю равновесие, которого мне так не хватало в жизни. Словно развязывался тугой узел из терзавших меня сомнений, и я начинал для себя что-то понимать.

Например, так случилось 18 мая 1917 года. В тот день в нью-йоркском Клубе инженеров был дан торжественный обед в мою честь. Независимая комиссия решила присудить большую медаль Эдисона за 1916 год мне. Надо сказать, я не был в восторге. Несколько раз отклонял предложение, полагая, что награда, носящая имя человека, чей потребительский подход к науке я считал недопустимым, будет сомнительным достижением.

И все же, поддавшись увещаниям друзей, согласился. Дурные предчувствия не обманули. Председательствующий в своей речи всячески подчеркивал заслуги того, чьим именем была названа знаменитая лампочка, и поносил его конкурентов. Моя фамилия за десять минут не упоминалась ни разу. Мне давали понять, что наше с Эдисоном противостояние окончилось его безоговорочной победой, а я — смиренно ем из рук победителя. Не выдержав, я выскочил из зала и отправился к голубям. Как раз настало время их кормления. Стоя среди птиц, вдруг ощутил, как нелепа моя обида. Как смешна эта дележка пирога, выматывающая гонка и травля. Унизительные частности скоро забудутся — останутся только результаты наших трудов. Я почувствовал такую свободу, словно воспарил над землей. Меня ничто больше не мучило, мне не хотелось ничего оспаривать, тратить время на доказательства своей правоты. Мне вдруг стали безразличны кривые усмешки и лицемерные поздравления. Хотелось просто жить, вдыхать этот весенний аромат, смотреть на птиц и работать... Я вернулся в клуб и произнес ответную речь без тени той неприязни, которая вспыхнула во мне в начале торжества. Кстати, золотая медаль потом пригодилась. Когда нечем было заплатить секретарям, я распилил ее и вручил в качестве гонорара.

Но вернемся к голубке. Напоминаю, в то время я еще не понимал, почему голуби таким удивительным образом меняют что-то во мне. Голубка, о которой я начал рассказ, была непостижимым созданием. Сначала я заметил, что она неизменно появляется, едва я начинаю сыпать корм. Однако прилетала она не только за ним. Птица без всякого страха садилась мне на ладонь, нимало не заботясь, что я могу сжать пальцы и ее косточки хрустнут тончайшими побегами. Она покоряла своей доверчивостью. Затем голубка перелетала на плечо и принималась тихо ворковать, окутывая меня невесомым теплом. Сердце таяло. Уверю, подобное могут испытывать лишь трепетно любящие.

Я был когда-то влюблен. Мне тогда исполнилось лет двадцать. В начале наших отношений меня наполняла та же хрустальная легкость и нежность. Вершиной человеческой любви принято считать счастливый брак. Любовь у людей ценна не сама по себе, а лишь как средство для достижения гораздо более понятных благ: уютный дом, налаженный быт, продолжение рода и так далее. Трепет неизбежно сменяется будничными хлопотами: помолвка и поиск средств на нее, свадьба и список приглашенных, в который необходимо включить всех, кто так или иначе может поспособствовать вашему семейному счастью. Это приятно, но ставит любовь на житейский фундамент, из нее улетучивается незримое, туманное, неизрекаемое. Конечно, у людей появляются иные радости: совместные обеды, покупка мебельного гарнитура или китайского сервиза, но того, невесомого, вернуть уже невозможно. Все стало слишком... человеческим. Другими словами, любовь у людей — промежуточный этап, а цель ее — комфорт.

Моя голубка ничего от меня не ждала. Не ждала даже ответного чувства. Она просто прилетала, стоило мне подумать о ней. Я мог быть в отеле или лаборатории, на улице или в любом другом месте, но, едва я мысленно обращался к ней, на окне прорисовывался силуэт птицы. У меня закралась мысль, что не знающие суеты существа слышат и общаются на ином, несравнимо более тонком, нежели человеческая речь, уровне. Признаюсь, ее бескорыстная любовь согревала меня так, как не согревала самая преданная дружба или влюбленность из мира человеческого.

Однажды вечером моя голубка прилетела без зова. Села на подоконник и ударила крыльями в стекло. Я открыл окно, она влетела в комнату. Что произошло дальше, не в силах объяснить до сих пор. В номере было темно. Внезапно сумрак прорезали яркие зеленоватые лучи. Всмотревшись, я заметил, что струится этот странный свет из глаз голубки. Не могу объяснить, откуда пришло понимание, но было оно ясным, словно кто-то тихо сказал это, — она прилетела проститься. Стыдно вспоминать, какие мысли родились в моем мозгу тогда. Вместо того чтобы обогреть и утешить ее, я задумался над... строением глаза.

Воздействие на нас извне в наибольшей степени осуществляется через глаз. Глаза — наше окно в мир. Именно глаз передает внешнее раздражение — свет — на сетчатку, то есть на концы зрительных нервов. Те под таким воздействием приходят в колебательное

состояние. Колебания мгновенно передаются к соответствующим клеткам головного мозга. Но я вижу сейчас свечение, исходящее из глаза живого существа. Вероятно, происходит и обратный процесс: в исключительных случаях, связанных с необычайной деятельностью мозга и особой силой воображения, возникновение мысли в мозгу вызывает на сетчатке глаза флуоресценцию, то есть его свечение. Другими словами, живое существо способно излучать через глаза информацию, воспринимаемую другим существом. Понял же я, что хотела сказать моя голубка, — она умирает.

Белая птица с серыми крапинками действительно больше никогда не прилетала. Тем не менее я всегда чувствовал ее незримое присутствие. Почему, Вы поймете очень скоро. С момента того прощания я стал по-иному вглядываться в глаза голубей, которых кормил. Теперь мысли, приходящие мне в голову, когда я был среди птиц, не казались случайными. Я учился понимать их. Позже я попытался задавать им вопросы. Ответы получал неизменно. Да, мы способны обмениваться информацией с любыми живыми существами. Да что там живыми! С сущностями, кажущимися нам лишенными разума, например, частицами электричества или воды. Мы получаем сигналы и от материй, которых вовсе, как мы думаем, не существует. Если хотите узнать об этом подробнее, отыщите исчезнувшие в 1918 году архивы моего друга Уильяма Крукса. Это, как Вы знаете, известный и уважаемый в научных кругах английский ученый. Долгие годы на строго научно-экспериментальной основе он изучал такое явление, как спиритизм. Его исследованиям можно доверять. Благодаря открытым мной законам Вселенной я создал для него электромагнитную спираль, производящую поле, в котором яснее проявляются очертания духов. В то же время данное поле благоприятно влияет на состояние медиума, что облегчает проведение опыта. Что-то мне подсказывает, архивы нашей с ним переписки пропали не случайно, а те, кто так интересуется «лучом смерти», при желании могут эту переписку изучить.

Однако речь сейчас о другом. Я остановился на том, что стал обмениваться информацией с голубями. Так я узнал, что эти удивительные птицы живут в совершенно ином временном пространстве, нежели мы. Их жизнь течет не от рождения к смерти, а как бы сквозь эти события. Иными словами, птенец рождается сразу после собственной смерти и помня свои прошлые жизни. Вот почему я чувствовал, что моя голубка рядом. Она вернулась ко мне, просто я не умел узнать ее в ином обличье. Только ощущал знакомое тепло.

Скоро я окончательно убедился — голуби помнят бесконечность, они знают бессмертие. Порой, когда отступает суэта, мы, люди, чувствуем их знание. Мы тянемся к нему, как к спасению. Обычно это происходит на грани собственного небытия. Или если нам мнится, что достигли этого предела. Мы отчаянно жаждем бессмертия, когда приближаемся к черте, отделяющей жизнь от того, что принято называть смертью. Не знаю, замечали ли Вы, как смотрят на голубей старики и неизлечимо больные. В их глазах отражается понимание. Птицы помогают душам этих людей не разлюбить ускользающую жизнь и не бояться исчезнуть. Посмотрите, как кружат голуби над больницами и домами, где лежит умирающий. Они точно несут благую весть, что на этом жизнь не заканчивается. Голубиное вневременье вливается в тех, кто так боялся смерти».

Трампа вытер ладонью лоб и отвел глаза от рассыпанных по бумаге строк. Казалось, писавший их совсем недавно задумчиво перебирал мысли самого профессора: листья, голуби... Разве не те же странные идеи приходили в голову Джона, когда перед ним замаячила та самая черта? Спустя пару минут профессор немного успокоился и снова взялся за письмо.

«Мои голуби говорили о том, что они видели сотни и тысячи лет назад, так же просто, как мы говорим о вчерашней прогулке. Линейного времени для них не существует. С той же непосредственностью, что и о прошлом, они говорят о будущем. Их сознание связано с информационным полем планеты так же крепко, как наше — с памятью. Голуби легко «вспомнят» любую информацию, не важно, из былого или грядущего. Как неразумные, с точки зрения человека, существа, они никак эту информацию не интерпретируют. Они рассказывают не замутненную ни амбициями, ни предвзятостью истину. Я вспомнил, что

впервые столкнулся с передачей истины, когда в далекую грозовую ночь увидел летящие с шерсти Мачака искры. Он сообщил мне — ты должен постигать этот мир, а не принимать его на веру. Я был тогда еще не испорченным играми разума ребенком, поэтому принял послание, не исказив его изначальный смысл.

Расспрашивая голубей о будущем, я выяснил — оно константой не является. Грядущее не предопределено. Во многом оно зависит от поступков, какие мы совершаем в настоящем. Изменить можно даже прошлое, ибо время — гибкая субстанция, перенестись возможно в любой временной отрезок. Как и в пространственный. Стоит лишь воспользоваться законами, по которым живет Вселенная. Безусловно, я увлекся этой темой и, должен сказать, сумел разгадать механизм таких перемещений.

Мне было уже довольно лет, но я все еще простодушно полагал, что мое открытие послужит невероятному взлету цивилизации. Я осветил полученные данные. Тут же мне пришло предложение. И снова от военных. Переброска войск в древние цивилизации открывала огромные, по их словам, перспективы — быстрое завоевание всей планеты в прошлом, чтобы стать полноправными хозяевами Земли в настоящем. Мои голуби нарисовали вариант такого развития ситуации. Не сомневайтесь, он ужасен! Мир «золотого миллиарда» (потомки завоевателей) и многих миллиардов полулюдей-полуживотных (потомки поработанных). Я наотрез отказался от подобного сотрудничества. Зато начал понимать главную истину — каждое открытие должно приводить в свой срок. Человечество не готово принять мощнейший инструмент, способный сделать время таким же союзником, как огонь, вода или электричество.

Тогда мне было предложено разработать методику создания электромагнитного пузыря, делающего военную технику невидимой для неприятеля. Непосвященным сообщалось о невинной невидимости на экранах радаров. Истинный замысел был иным — флот и авиация мгновенно материализуются в заданной точке. Иными словами, пространственная телепортация. Уже шла война с фашистской Германией. Я понимаю, что этот бесчеловечный режим не должен одержать победу, поэтому согласился начать работу. Не скрою, мне льстило, что правительство нуждается в моих знаниях. Льстило настолько, что я был готов по их просьбе разыгрывать сумасшедшего, чтобы отвлечь внимание недругов от своей реальной работы. Кто станет вникать в прожекты полоумного старика? Параллельно я трудился над «лучом смерти». Я верил, что победа в этой войне стоит того, чтобы рискнуть.

Меня снова обуяла одержимость изобретателя. Я не желал знать ничего, кроме работы. Но однажды мои птицы поведали, что эксперимент с телепортируемым в пространстве кораблем «Элдридж» будет иметь побочный эффект — телепортацию во времени. В ходе эксперимента погибнут люди. Я попытался убедить руководство, что для устранения опасности необходимо внести в проект множество поправок. На это требовалось время, а значит, проведение эксперимента откладывалось. Хотите знать, что мне ответили? Смерть пары десятков человек — ничто в сравнении с потерями, которые мы несем на фронтах. Но я-то знал, что, если дам им в руки «топор»-время, двумя десятками погибших дело не ограничится. От участия в исследованиях пришлось отказаться. Меня объявили саботажником, а руководителем проекта назначили талантливого и более сговорчивого математика фон Неймана. Я не осуждаю его. Мои предостережения он не услышал, поскольку сам был одержим сугубо исследовательской стороной вопроса. Не захотел услышать. Слишком интересная задача стояла перед ним. А вероятно, не очень-то верил в то, что я говорил. Моя репутация как здравомыслящего ученого была изрядно подмочена. Не забывайте, я ведь довольно успешно изображал помутнение рассудка. Не знаю, что стало решающим фактором. Одним словом, работа пошла и без моего участия. Эксперимент будет проведен, я знаю это. Люди погибнут. Трагедия произойдет очень скоро. Проект называется «Радуга», а люди на «Элдридже» пострадают в ходе «Филадельфийского эксперимента». Но, боюсь, еще одно мое предупреждение ничего не изменит. В этом случае я проиграл. Утешает то, что еще долго человечеству не дастся в руки «топор» под названием время. Я непременно

помогу отыскать этот «топор» позже, когда люди научатся рубить им дрова, а не убивать друг друга. Как я сделаю это? Сделаю, ведь когда-нибудь люди начнут слышать не только себя. Во всяком случае, я в это верю.

К тому моменту «луч смерти» был уже создан. Действующая модель хранилась в сейфе отеля «Губернатор Клинтон» в качестве залога. Спросите, почему я сразу не передал результат своего труда тем, кто был в нем заинтересован? Отвечу: «Филадельфийский эксперимент» многое мне объяснил — последствия и жертвы не волнуют правительства. Электрический стул все так же является приоритетом. Я изначально задумывал «луч» вовсе не как оружие, а как средство передачи огромной энергии на большие дистанции. Эта энергия могла зажечь лампы в самых труднодоступных районах, но правительство гораздо больше увлекала идея уничтожения тяжелой техники неприятеля. Десятки и сотни самолетов, танков или кораблей на расстоянии 250 миль одним выстрелом — вот что подкупило заказчика. Я догадывался, во что выльется создание такой сверхпушки. Но я желал также, чтобы те, кто сжигал в крематориях живых людей, на себе испытали подобное. Какое-то время второй пункт был основным. Я создал «луч». И все же сомнения заставили набраться смелости и спросить у моих птиц — каковы последствия. Они ответили... Я не желаю повторять то, что услышал. Скажу только, что «луч смерти» стал бы началом конца.

Теперь вы понимаете, почему в сейфе оказался всего лишь магазин сопротивлений и это письмо. Я уничтожил модель, как уничтожил многое из того, что создал. Человечество еще не выросло, чтобы удержать такой ужасающий «топор» в руках. «Луч» будет изобретен, но гораздо позже и для других целей. В будущем я видел множество устройств из тех, что уже создавал в своих лабораториях и даже демонстрировал публике, однако не был понят. Какие-то придут очень скоро, другие будут ждать своего часа еще сотни лет, Их не назовут моим именем, но я заложил фундамент для их разработки. Даже те мои изобретения, которые уже служат людям, зачастую носят чужие фамилии. Ну и что? Какая разница, Тесла или Маркони? Беспроводной телеграф существует — это главное. А кого назовут изобретателем телевидения, сотовой связи, Интернета или киберразума? Впрочем, я увлекся, эти термины Вам пока ничего не говорят.

Итак, мое основное открытие не принадлежит ни физике, ни электромеханике, никакой другой науке. Оно всеобъемлюще и сделано тысячи лет назад. Суть его проста до банальности — все на Земле живо и тесно переплетено между собой. Взмах крыльев бабочки на одном конце планеты способен вызвать бурю на другом. Если прислушаться и попытаться понять то, что люди привыкли считать неодушевленным, немым, неразумным, нам откроются Истины, которые мы тщетно ищем в своей суете. В суете мы глуше, чем камни, немее элементарных частиц, неразумнее блохи. Чтобы услышать мир и снова обрести связь с ним, надо вырваться из человеческого кружения и амбиций. Стать временно листом дерева, молекулой воды... Голубем, наконец! Или хотя бы прислушаться к ним. Поверьте, это возможно.

И второе — порой мы делаем миру большее одолжение, не воплотив в жизнь задуманное. До времени. Пока «младенец» не подрастет. В этом вопросе я оказал человечеству массу неоценимых услуг.

Вот, пожалуй, и все, что я хотел сказать.

Искренне Ваш

Никола Тесла

6.01.1943 г.

P.S. Ах да! Наверное, я бы мог спрятать в сейфе что-то более ценное, чем старый магазин сопротивлений, но делать этого не стал. Просто вспомнил, как по распоряжению хозяина отеля были испорчены клетки, из которых при переезде разлетелись мои голуби. Напоминаю, в этом мире все так взаимосвязано!

Теперь все. Прощайте».

Джон Трамп сидел за столом, уставившись в одну точку. Его душило необъяснимое ощущение, что он по счастливой случайности избежал чего-то ужасного. Чудовищного настолько, что человеческий разум цепенеет и становится куда менее значительным, чем голубиное курлыканье за окном.

* * *

К нью-йоркской Публичной библиотеке приближался импозантный господин в дорогом пальто и шляпе. Он шел размеренной, неторопливой походкой, опираясь на солидную трость. Его обгоняли прохожие. Некоторые недовольно оглядывались, важный господин не вписывался в заданный городом ритм и мешал их бегу. Неожиданно мужчина отделился от несущегося потока.

Несколько минут спустя его силуэт с вытянутой, словно за подающим, рукой четко прорисовывался на светлом фоне стен. Теперь господин стоял в стороне от людской стремнины, поэтому никто его не замечал. Только слетающиеся к нему голуби. Они появлялись из ниоткуда, точно сгущались из воздуха. Выныривали из неведомых временных колодцев. Хлопали крыльями, устраивая кому-то нескончаемую овацию. Иногда одна из птиц пикировала вниз, чуть касалась руки и снова взмывала над головами погруженных в свою суету людей. Со стороны казалось, голубь бросает что-то в раскрытую ему навстречу ладонь.

Алекс Neuromantix Козловцев
СОСНЫ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

*И пускай фонари светят ярче
Далеких звезд,
Фонари все погаснут, а звезды
Будут светить.*

В. Цой

*Кто не верил в дурные пророчества,
В снег не лег ни на миг отдохнуть,
Тем наградою за одиночество
Должен встретиться кто-нибудь!*

В. Высоцкий

...Эта зима выдалась тяжелой, пожалуй, самой тяжелой и жуткой за долгие десятилетия. Ветер был особенно зол и валил даже огромные бетонные плиты, с таким трудом установленные и закрепленные среди оплавленных безумством огня камней. Мороз сковал море до самого горизонта, и по ночам доносился грохот ломающихся и встающих на дыбы льдин, как эхо давно забытого ужаса. Он не помнил подобного, не помнил такого колючего снега и жестокого ветра. От мороза снег превратился в мириады стеклянных игл, рассекающих до крови кожу и беспрестанно царапающих стены его укрытия, как будто кто-то с острыми когтями пришел за ним. И иногда, по вечерам, забившись в угол и дрожа от холода, он вспоминал, что почти то же самое пришлось пережить сорок лет назад. Только тогда ему повезло. А теперь... А теперь он должен спасти их, спасти во что бы то ни стало.

Еда, запасенная с осени, кончилась в феврале — но, несмотря ни на что, он продолжал вести календарь, даже не думая, что мог бы обойтись без него, — для этого пришлось принести еще один железный лист, в котором в любую погоду на рассвете появлялась дырочка. Ну и что, что руки прилипают к заледеневшему металлу, а молоток дрожит в скованных холодом пальцах? Новый день, еще один крохотный шаг в будущее должен быть отмечен, должен быть нанесен на карту времени.

Это был уже шестой изъеденный ржавчиной кусок стали. И пусть кончилось все то небольшое зерно, что он смог вырастить прошлым летом, но он даже не подумал посмотреть на запас семян для следующего года. Крысы ушли неизвестно куда, прячась от ледяного дыхания зимы, и лишь иногда оказывалась в его руках тощая, больше похожая на скелет тушка. Он пробовал рубить лед, чтобы поймать рыбу, но вода в лунке замерзала слишком быстро, чтобы можно было надеяться на улов... А еще надо было носить снег, поднимать поваленные ветром плиты и делать множество других дел, которые — если бы кто-то посмотрел со стороны — казались бы совершенно бессмысленными и бесполезными. Но никого не было, никто не покрутит пальцем у виска и ничего не скажет. Никто и, видимо, уже никогда. Он знал это, знал, потому что каждый вечер всматривался в горизонт, пытаясь увидеть хоть какое-то присутствие человека. И думал, будет ли он этому рад, или же наоборот. И это были его самые обычные дела в течение последних сорока лет.

...Сорок лет назад что-то случилось с миром... Безумный ли смерч войны смел с планеты человечество вместе с тем, непонятным и таким хрупким состоянием, которое оно называло цивилизацией? Оказались ли неслышанными трубы, возвестившие начало Армагеддона? Или случилось что-то иное, равнодушное и смертоносное, навсегда оставшееся тайной... По какой нелепой случайности он выжил — по милости ли Бога или по проискам Дьявола, он тоже не знал. Тогда, сорок лет назад, он заночевал в пещере, просто так, ради подросткового бахвальства, а проснувшись, с ужасом увидел каменные глыбы, завалившие выход. Это спасло его и подарило ему смысл жизни — или стало первым шагом к его бесконечному проклятью. Но тогда, ломая ногти и сбивая в кровь руки, он пытался выбраться и вернуться домой. Если б он знал, что дома больше нет, как нет и всего остального мира, возможно, он бы предпочел разбить голову о камни или похоронить себя заживо в прытом ходе... Незнание давало ему надежды и силу. Только откинув последний

камень, он не увидел ничего, кроме серой, усыпанной пеплом пустоши. Ему было четырнадцать лет...

...Первую зиму он пережил в останках города, питаясь тем немногим, что сохранилось в руинах счастливого прошлого, но вскоре понял, что если останется здесь, то смерть придет к нему гораздо раньше, чем ему хотелось бы ее увидеть. И он пошел, пошел по засыпанным прахом пустыням в сторону моря. Какой-то незнакомый инстинкт подсказывал ему, что именно там и только там он сможет выжить, и, возможно, не только выжить, но и совершить нечто единственно возможное в умирающем незнакомом мире. За тысячу километров пути он не встретил ничего — не только людей, но даже самой крохотной зеленой травинки, и единственным звуком на опустевшей планете был свист ветра в каменных остовах городов, в бешеной пляске пепельных хлопьев и вездесущей пыли. Только крысы — единственные выжившие в этом аду, кроме одинокого человека, изредка перебегали ему дорогу, оставляя за собой серый шлейф. Серый был цветом нового мира, единственным цветом, который он видел вокруг. Миллион оттенков серого на земле, в воде и в воздухе, в тяжелых, налитых пепельным дождем тучах, в почти высохших реках, в скелетах-кладбищах городов и даже в шкурках его единственных спутников — крыс. Ни одна другая краска не расцвечивала этот мир. Даже солнце светило серым, слегка окрашенным оттенками бурого, когда оно скрывалось за горизонтом, чтобы завтра повторить свой уже никому не нужный путь. Год ушел на дорогу, и лишь вместе с первым снегом — серым снегом — он увидел свинцовое море, раскинувшееся до самого горизонта. Он стоял на берегу, на высоком камне, и ветер трепал его волосы.

...Здесь ему повезло еще раз — в руинах на берегу все еще можно было найти что-то съедобное, а вареные крысы казались ему невозможным наслаждением, как и то небольшое, что давало ему море, в котором еще сохранялись последние капельки жизни в умирающем мире. Часто он наблюдал за горизонтом. Человек надеялся увидеть хоть что-то, что скажет ему о том, что он не одинок на пустой планете, — столб дыма, луч света; услышать звук механизма или нечто почти сказочное — человеческий голос. Но видел только серое небо, заходящее солнце, с годами постепенно сменившее свой цвет на привычные кровавые оттенки заката, а единственными звуками оставались свист ветра и примешивающийся к нему шум прибоя внизу, у скал. Тогда же он начал вести свой железный календарь. Ему казалось, что этим он может задержать и приручить неумолимо несущееся время.

...Весь берег был покрыт руинами, скелетами прошлого — как называл их человек. Что здесь было, он не знал, но крысы водились, и было где спрятаться. Он пережил вторую зиму. Она оказалась не такой страшной, как он предполагал, впрочем, тогда морозы были слабее, чем сейчас, спустя четыре десятилетия. С каждым годом зима становилась все холоднее, ветер все более злобным, а снег — все больше похожим на шквал ледяной шрапнели; причину этого он не знал, и это подгоняло его в пути к его единственной цели. Тогда же, в свою вторую зиму, он начал понимать, что сходит с ума. От одиночества ли, или от безысходности, а может быть, и еще от чего-то... Голоса прибоя звали его, ветер что-то пел по ночам, и он сам пытался разговаривать с собой, с морем, камнями и крысами, но не получал ответа...

...А весной он нашел *шишку*. Обычную сосновую шишку, закопченную, обгрызенную крысами, раздавленную кусками бетона, но *шишку*. Это был первый предмет за два года, который все еще был немного живым в этом мертвом мире. Он перекопал огромную площадь, сдвигая обломки и разгребая руками кирпичную пыль, сбивая в кровь пальцы, как тогда, в пещере, — и тогда и сейчас он боролся за свою жизнь. Но сейчас — не только за свою, и нашел еще несколько шишек... Он спас их, а они спасли его. Каждый из них подарил другому каплю жизни — единственной ценности, еще имеющей смысл.

...Из обломка железа он сделал лопату, убрал все обломки возле ручья, у которого жил, и вскопал клочок земли. Разломав шишки, он достал семена — маленькие темные шарики с тонкими пленочками крыльев, подержал их в руках, прикасаясь пальцами так, как если бы он прикасался к любимой женщине, и, согревая их дыханием, — положил в землю. Их было

довольно много, участок получился почти три шага в длину. Эти три шага казались ему бесконечностью. Каждый день человек поливал их, принося воду в руках — ему казалось, что это поможет семенам быстрее ожить, — отгонял вездесущих крыс, которые, как будто специально чтобы стать окончательными хозяевами этого мира, стремились к этому маленькому клочку освобожденной от серого покрывала земли, защищал от солнца и ветра. Так прошло лето. Участок по-прежнему был пуст, но он знал, он был уверен — и уверенность эта превратилась в веру, в такую веру, которая смогла удержать его от падения в бездонные глубины безумия, веру в то, что семена должны прорасти. Он ощущал искры, вспыхивающие в глубине коричневых шариков, бегущие по почти невидимым корешкам и пробуждающие семена к жизни. Он чувствовал себя божеством, а может, он и был им — первым божеством, которое было человеком. Хотя скорее всего это был очередной бред его воспаленного сознания. Зима прошла в ожидании. А весной...

...Весной он увидел всходы — тоненькие, едва заметные, но *живые*, зеленые всходы. И он теперь точно знал, что ему предстоит сделать. Его вера приобрела первое доказательство — незыблемое, подобно громадам бетонных плит, и такое хрупкое — тоненькие зеленые иголки. Он продолжал оберегать их как самого себя — и это было правдой — в этом мире крупинки зеленого цвета были *им*, его alter ego. Теперь у него появилось еще одно дело — надо было приготовить для них место. Кувалдой дробил он осколки бетонных плит и сбрасывал их с обрыва вниз, в пасть ненасытному прибою, пережевывающему все и обращающему прошлое в песок для часов вечности. К осени он очистил почти сто шагов берега, а маленькие сосенки были уже с ладонь величиной...

...Через два года он решился пересадить их — с величайшими предосторожностями, как будто он держал в руках готовую разорваться бомбу, которая уничтожит этот мир окончательно, он перенес их в давно сделанные лунки. Он постарался найти самую питательную почву, добавив в нее то, что, по его скудным представлениям, могло накормить зеленые побеги и дать им сил. Он посадил их в три ряда на пятьдесят шагов, прикрыв каждую от ветра так, как будто защищал собственных детей. Это было вторым событием в его жизни, растянувшимся на десять лет. Каждый день он давал сосенкам пить, разговаривал с каждой так, будто они могли понять его, оберегал от снежных бурь и от многих других столь опасных для его питомцев вещей. И продолжал рушить руины. А через десять лет сосны обогнали его в росте и дали первые шишки...

...Двадцать лет спустя первые сосны уже стали большими и крепкими, и в их тени человек иногда проводил свое время. Но свободного времени было мало, безумно мало. Участок у ручья достиг почти ста шагов в длину и нескольких десятков в ширину, а расчищенный берег тянулся почти на пять тысяч шагов. Но этого не хватало. Его детям нужно было куда больше места. Он по-прежнему собирал каждую шишку, каждое семечко и знал, когда, где и как выросло каждое дерево, с чем оно столкнулось в своей нелегкой жизни в этом сером полумертвом мире. А когда несколько маленьких сосенок погибли, человек установил в опустевших лунках каменные плиты с вырубленными на них именами — как вечное напоминание об этой трагедии.

В развалинах удалось найти кое-что, что облегчило его жизнь, и теперь он охотился на крыс уже не с копьем, а с дробовиком, да и плиты гораздо лучше поддавались динамиту, нежели кувалде и лому. Отдельными плитами, с трудом доставленными к ручью и вкопанными в землю, он огородил участок, где росли всходы. Теперь ветер и снег были не так им страшны, волнение человека немного ослабло, но после урагана или в жаркий полдень он не мог ничего делать, не проверив участок у ручья.

Однажды он увидел пробивающиеся под деревьями тоненькие травинки. Они были так хрупки и так беспокойно дрожали под порывами неукротимого ветра, что у человека сжалось сердце. Новая жизнь проснулась у него под ногами, новые заботы ждали его впереди. Так надежда обратилась в уверенность, и теперь он старался ступать лишь по разложенным среди сосен камням, чтобы ненароком не повредить едва видимые зеленые ниточки. Тогда же человек услышал новый голос — на ветке щебетала птица. Что это была за птица и откуда — он не знал, но целый день просидел, смотря на нее, и лишь под вечер спохватился — сегодня он не убрал ни одного кирпича с берега.

...Каким чудом удалось пережить последнюю зиму, человек не понял. Ветер завалил почти все прикрывавшие плантацию плиты, но маленькие сосенки благодаря бессонным ночам и нечеловеческим усилиям не пострадали.

Летом он должен был закончить десятитысячный шаг на побережье, и ему хотелось сделать это как можно раньше — это стало бы тем, что окончательно переломит ход истории нового мира в его пользу. Такова была его истинная вера, подкрепленная столь же истинными делами. Только вот с каждым годом плиты становились все крепче, расстояния — все дальше, кувалда — все тяжелей, а время — все быстрее. Но уже тысячи маленьких сосенок ждали своего места на берегу, и он не мог заставлять их томиться на маленьком и

тесном участке и хотел как можно скорее дать своим детям необходимый простор. Иногда он чувствовал страх, но не тот, который грыз его зимой, а другой — страх не успеть, не сделать стотысячного шага, не заложить новую плантацию сосенок; он гнал его прочь звонкими ударами кувалды о бетон и шорохом сосновой хвои, запахом зеленой травы и редким птичьим щебетом.

Удивительно, но среди травинок нашлось несколько принесших пшеничные колоски, и теперь к заботе о соснах прибавились хлопоты на пшеничном поле, которое не первый раз уже выручало его в лютые зимы. А кроме этого, он решил построить надежный дом, чтобы следующая холодная пора не стала для него последней. Столько всего надо успеть...

Первые сосны стояли мощные и величественные, прикрывая от холода и ветра своих младших сестренек. В этом году конец зеленой полосы вдоль берега скроется за горизонтом, и это будет его победой. Победой, на которой он ни в коем случае не должен останавливаться.

Птицы прилетали все чаще, и человек просыпался по утрам под их веселый гомон. А однажды он даже увидел белку, хотя из-за усталости не мог сказать точно, была ли то белка или обычная крыса...

...Солнце уничтожило последние воспоминания о зиме, и сосны, умытые весенним дождем, сияли изумрудом, слегка покачиваясь на теплом оживляющем ветру. Человек погладил янтарную кору, прижался к согретому солнцем стволу, постоял минуту, потом закинул кувалду на плечо и направился вдоль берега...

Дмитрий Дзыговбродский Я, РУССКИЙ

Тяжело чувствовать себя последним русским.

Особенно когда говоришь с собственным сыном — космополитом, новым человеком двадцать третьего века, который отказался и от страны, и от народа, и от истории. Хорошо хоть от отца полностью не отказался.

— Может, приедешь на выходные?

— Извини, пап. Мама попросила, чтобы на праздниках я побыл с ней. После вашего развода она чувствует себя слишком одинокой. Да и неприятность у нее приключилась, руку где-то повредила. То ли на улице упала, то ли на катке с тетей Томой молодость вспоминали.

— Или просто начальство на работе и ректорат Йеля не приветствуют твои поездки в пределы национальных территорий?

— И это тоже... немного. — Коля дипломатично увел разговор в сторону. — Лучше ты к нам приезжай, я тебя познакомлю с моей девушкой.

— Также без роду без племени? — сварливо поинтересовался Дмитрий.

— Она космополит, — холодно ответил Коля. — Папа, я же просил.

— Больше не буду, сынок. Но приехать тоже не смогу — зверье мое присмотра требует, да и дом не чета современным, надолго без хозяина зимой оставлять нельзя.

— Как хочешь, пап. Настаивать не буду. Мне уже пора идти. Рад был тебя слышать.

— И я тебя, Николая, — вздохнул Дмитрий. Он всегда называл его на французский манер, когда особенно сильно начинал скучать по сыну. И, не удержавшись, Дмитрий добавил: — Все равно приезжай...

Он хотел сказать что-то еще, но разговор прервали короткие гудки. Николай уже успел нажать на отбой звонка, как всегда не дожидаясь окончания разговора по версии собеседника.

— Все спешишь и спешишь, сынок, — пробормотал Дмитрий, отбрасывая мобильный телефон на деревянную плоскость стола. Пластиковая коробочка бодро попрыгала по шершавой древесине и замерла почти что на самом краю.

Дмитрий не стал перекладывать телефон подальше, да и с собой решил не брать — все равно звонить некому и некуда. А ему точно никто звонить не станет — националисты не

пользовались особым почетом у прочей части Земли. Все друзья мгновенно открестились от блаженного товарища, как только он отказался вычеркивать из паспорта графу «национальность». Или им посоветовали откреститься? Кто его знает.

Дмитрий уже устал размышлять на тему, что зависит от конкретного человека, а что навязывается ему обществом. В любом случае телефон стал для него своего рода рацией с одной линией связи между двумя людьми — им самим и Колькой, который, в отличие от Светы, не стал отказываться от родного человека. Пусть это даже и мешало его карьере.

А Светка стала. И пусть Коля не рассказывает, как маме трудно сейчас живется. Скорее уж очередной ухажер бросил, вот и мучается в депрессии, проклиная Дмитрия за то, что он ей всю жизнь испортил и ребенку продолжает портить.

Как ни странно, но Дмитрий все еще ее любил. Полгода назад, надравшись до философского состояния, он долго и нудно размышлял в одиночестве таежного дома, почему он не обозлился на нее за то, что она бросила и предала его, за то, что забрала с собой Колю, легко выиграв дело в суде. Да и как не переиграть — она рассудительный, свободный от предрассудков космополит, а он эгоистичный националист, не желающий помочь своей семье найти новое место в мире. Во всем она права, во всем. А вот Дмитрий так и не смог отказаться от крошечного слова, идентифицирующего его и дающего связь с бесконечной вереницей поколений. Если бы он не был историком, наверное, ему было бы легче смириться со всем этим. Хотя его коллеги легко сбросили с себя узы гражданства.

К слову, вспомнив о философском состоянии, Дмитрий вспомнил о чуть ли не единственном своем друге, таком же ненормальном националисте-ирландце, который держал паб где-то в лесах под Типперэри. В этом пабе Дмитрий и набрал необходимую дозу алкоголя в крови, чтобы чудесно разобраться со своими мыслями. Тогда он понял, что просто любит Светку, просто любит Колю — и никакие изменения в мире не смогут поколебать его отношение к родным людям. А что они сами думают о нем — это их личное дело. Каждый выбирает по себе.

Дверь противно заскрипела — весь металлический ободок уже успел заледенеть. Вроде бы и не слишком холодно, а вот дверь обмерзает мгновенно. Все-таки нужно было выбрать территорию потеплее, когда был шанс. Так нет же, захотелось в исконно российскую глушь.

Дмитрий не стал звонить Патрику — все равно клиентов много быть не может. Сколько осталось националистов в мире? Да, наверное, не больше четырех-пяти десятков. Во всяком случае, сам Дмитрий знал лично не больше двадцати.

Снег тихонько поскрипывал под ногами — видать, сильный мороз будет. Тропа выглядела неуютно — когда большую часть следов оставляет зверье, так и просится на язык слово «глухомань». А в такой глуши трудно жить любому человеку — не в бытовом плане, а просто психологически. Так и одичать недолго.

И что он сам тут делает? Прямо как Робинзон на необитаемом острове с тем исключением, что за столбиками границы начинаются вполне себе обжитые территории. Вот только за теми столбиками заодно заканчивается Россия и начинается Объединенная Земля, граждан которой Дмитрий крепко не любил. Но, наверное, больше, чем космополитов, русский не любил только Наблюдателей.

Они являлись своеобразной полицией, которая присматривала за национальными территориями со стороны Объединенной Земли, а заодно следила, чтобы националисты не устраивали беспорядков как у себя дома, так и на территориях космополитов. Говоря простым языком, эта компания лезла не в свое дело, доставала националистов официозом и нелепыми требованиями и вообще портила настроение в дни праздников или просто когда националистам вздумывалось где-то собраться да посидеть тесной компанией. Наблюдатели насчитывали всего лишь семь человек — четверо рослых светловолосых парней лет тридцати — тридцати пяти, один не менее рослый и основательно накачанный негр, крепкая, немного мужиковатая девушка и самый колоритный персонаж этой команды в инвалидной коляске, которая была нафарширована электроникой и оружием под завязку. Полный политкорректный набор космополитов. Особенно раздражали Дмитрия их имена. Чудна

оказалась фантазия папаш космополитов — это же надо было так перепить, чтобы дать малышам столь оригинальные имена. Джо, Джозеф, Джордж, Джой. Негр, инвалид и девушка в оригинальности имен тоже недалеко ушли. Негр звался Джоном, инвалид Джеком, и девушка гордо носила имя Джози. Дмитрию каждый раз казалось, что это все какой-то дурацкий спектакль под названием «Политкорректность и равенство в массы». Вот только сценарий раз за разом не менялся. Все оставалось по-прежнему — националисты на своих территориях, космополиты, проживающие в регионах Объединенной Земли, и Наблюдатели между ними.

Надсмотрщики, полиция, охранники...

Непрошенно пришла крамольная мысль махнуть на все рукой и приехать к Николаю, помириться со Светой и зажить, как все нормальные люди.

— Фиг тебе, — непонятно кому ответил Дмитрий и добавил: — Я, русский, сдаваться не собираюсь:

Вот только и победы ждать не приходится. Чтобы побеждать, нужна война. А вот ее-то в последнее время не предвидится — воевать не с кем. Все произошло настолько быстро, что Дмитрий даже и не понял сначала, что все, конец, «финита ля комедия». Весь процесс превращения граждан самых разных государств в космополитов прошел легко, как пирожное с касторкой. Не было никаких возражений со стороны политической или финансовой элиты. Как понял потом Дмитрий — именно им это и было на руку в первую очередь. Мир без национальных и религиозных конфликтов — самая лучшая среда для сбережения и приумножения средств. А если есть желание подзаработать на торговле оружием или просто помахать ракетной дубинкой, то всегда есть наркокартели, активизировавшиеся международные организации торговцев людьми или частями от них, да и пиратов тоже стало много на морях-океанах, и не только в морских окрестностях Сомали. Непонятно, где они прятались и кто оказывал им поддержку с учетом того, что в едином национальном мире просто не было второй стороны, которой была бы выгодна нестабильность на морских просторах. Сторона была только одна — и, как казалось Дмитрию, именно космополитической правящей элите спокойствие на земном шарике было совсем ни к чему.

Зато мир един.

Одно государство, одно правительство, одна цель.

— Линда, останься. — Хьюго неловко коснулся ее щеки.

— Милый, я обещала родителям, что проведу завтрашний день с ними, — они привыкли, что день рождения я праздную в семье.

— Так пригласи их сюда, — пожал плечами Хьюго. — Здесь хватит места всем. Пойми, я ведь тоже хочу в этот день быть рядом с тобой.

Линда задумчиво посмотрела на быстро темнеющий горизонт за плечами Хьюго. Взъерошила американцу волосы мимолетным движением руки и чуть виновато ответила:

— Не сейчас, любимый. Им и так тяжело смириться с тем, что я встречаюсь с националистом.

Линда тихонько засмеялась:

— Я и сама еще не привыкла.

— А я привык, — шепнул Хьюго, — что у меня есть ты. И никогда не смогу отвыкнуть...

Линда поцеловала его в щеку и легко села в машину. Уже запустив двигатель, она с улыбкой сказала Хьюго:

— Ты не успеешь соскучиться. Я быстро.

— Успею, — еле слышно сказал Хьюго и более громко добавил: — Я буду ждать. Привози своих стариков, если сможешь уговорить, — я буду рад с ними познакомиться.

— Обязательно. Если они меня вообще выслушают. Не безобразничай тут без меня, — улыбнулась Линда, снимая машину с ручника.

— Не буду, — негромко сказал Хьюго. — До встречи, любимая.

Он аккуратно закрыл дверь машины и долго-долго наблюдал, как Линда осторожно

выруливает с разбитой дороги близ его ранчо на старую, но еще хорошо сохранившуюся магистраль. По изрезанному трещинами полотну старой дороги раньше ездил только автомобиль Хью. Теперь и Линда время от времени проносится на маленькой женской машинке по выбеленному солнцем асфальту — и осознавать то, что теперь эта земля не для него одного, американцу было безумно приятно.

Хью следил за исчезающими красными огоньками машины Линды до тех пор, пока они не скрылись за пологим холмом в полутора километрах от ранчо.

— До встречи, родная, — шепнул американец. — Я уже скучаю.

Прошло минут десять — все это время американец мечтательно смотрел на небо, вспоминая прошедшую неделю. Неделю с Линдой. Даже не хотелось возвращаться к обыденной реальности, в которой Линда уже далеко уехала и приедет только через день. Хью хотелось просто помечтать, как они встретятся, как Линда останется у него навсегда, как они будут вместе здесь жить, растить детей — американец редко мечтал, предпочитая более прагматично относиться к жизни.

Но жизнь изменилась с появлением Линды.

Изменился сам Хьюго.

Неожиданно коммуникатор американца пронзительно, тревожно запищал — на территории Хьюго объявилась машина. Причем явно это не Линда вернулась — системы безопасности не реагировали на ее машину как на чужака. Хью внимательно изучил лог охранной системы — Линда выехала за периметр в девять двадцать семь, чужак пересек границу в девять тридцать одну. Получается, пришелец пересек границу, как только Линда выехала с земли Хью. Ждал, когда она уедет, или все же это случайность?

Американец нахмурился — столь поздний и странный визит не предвещал ничего приятного. Хью выбил сигарету из пачки, зажал в зубах. Он не стал поджигать сигарету — на прошлой неделе он пообещал Линде, что бросит курить, но никак не мог отказаться от привычки перекачивать в зубах сигарету в минуты раздумий.

Что ж, кто бы ни был этот чужак, он стремительно приближался к жилищу американца.

Хью скрестил руки и спокойно стал наблюдать за дорогой, с интересом ожидая, какой же сюрприз преподнесет сегодняшний вечер.

Петро устало прислонился к морщинистому стволу ивы. Руки, как будто проживая свою одним им ведомую жизнь, легко пробежались по узловатой, бугристой коре. Совсем рядом, в двух шагах, плескался Днепр, могучий, вольный, вечный.

Петро обессиленно прошел эти два шага, опустил на колени и зачерпнул полной горстью прозрачную воду древней реки:

— Теперь и я один. Как русский...

Помолчал и еле слышно добавил:

— Вот уж не думал, что пойму Дмитрия. Как же я теперь?

Река ничего не ответила. Река не умела говорить, она лишь несла тихие волны из одного столетия в другое, не особо заботясь, как и чем живут дети этих земель. Да и многих-то детей повидала она — сарматы, скифы, аланы, многие другие народности и племена сменяли друг друга на берегах Днепра. Одни ассимилировались более крупными и сильными народностями, другие просто исчезли.

— Теперь и я, — повторил Петро, с силой ударив ладонью по беспокойной поверхности Днепра. Осколки речного хрусталя резанули по лицу и стекли по щекам бессильными каплями.

Петро пришел сюда, чтобы вспомнить себя прошлого, бывшего — каким он был в день знакомства с Настей, в тот день, когда родилась Оксана...

Все прошло, остался только он.

Он не винил никого: ни себя, ни судьбу, ни того паренька, который увел Оксану в новую жизнь. Он, наоборот, даже желал, чтобы Оксанке повезло в том новом мире, где нет национальностей, нет обычаев, нет памяти народа и страны. Он не мог понять тот мир — слишком трудно отказываться от родной земли. Если же дочка решила, что сможет, то пусть...

Пусть она будет счастлива.

Вот только он остался один-одинешенек. Настя ушла давно — больше пяти лет назад. Петро до сих пор помнил безразличный голос врача, который отказывался лететь на национальную территорию, потому что это противоречило международным соглашениям — только Наблюдатели имели право находиться на территории. Петро тогда умолял, грозился, но врач так и не снизошел к просьбам националиста, да и на угрозы тоже не особо обращал внимание. Он все так же стоял на своем, мол, если вам необходимо, Объединенная Земля всегда вам поможет, но вам придется прилететь или приехать самим. А как доехать, если земли Петра находятся в особо не тронутой цивилизацией области Приднепровья? До любого населенного пункта ехать и ехать — самое лучшее, на что можно рассчитывать, это несколько часов. Петро все же смог найти компромисс с администрацией больницы — они обещали их забрать на вертолете, как только Петро вывезет Настю за границу национальной

территории. Но громкий отчаянный крик Оксаны завершил разговор — Петро понял, что опоздал. Он так и не успел в последний раз прошептать Насте... Он даже не успел посмотреть ей в глаза — она так и умерла на руках у дочери, глупая случайность, глубокая рана, потеря крови... и все. В цивилизованном мире ее бы спасли... Но цивилизованный мир со всей своей толерантностью, гуманизмом и космополитизмом не захотел прийти на помощь националисту.

Петро считал себя националистом.

Мир считал Петро изгоем.

А для изгоя нет помощи, нет сочувствия, нет жалости. Петро понимал это умом. Но сердцем люто ненавидел тех, то обрек на смерть его жену из-за каких международных соглашений — таких смешных и нелепых по сравнению с человеческой жизнью, но при этом с легкостью перевесивших ценность жизни его жены на одному Богу ведомых весах.

И вот теперь Оксана вышла замуж за хорошего, по сути, парня из соседнего города. Вот только город находился уже на территориях международной Земли — и там Петро не привечали.

Да он и сам не любил выезжать во внешний мир. Там все казалось каким-то двуличным, наигранным. Даже те сводки новостей, что порой просматривал Петро, совсем не изображали эдакий рай на Земле, как его старательно малевали особенно яркие приверженцы космополитизма. Война в Палестине называлась полицейскими акциями — да и чем она еще могла быть, если боевики были такими же космополитами, как и охотящиеся за ними военные. Но Петро основательно сомневался, что в полицейских акциях есть смысл применять ковровые бомбардировки и запуски ракет с вакуумными боевыми частями со спутников. Пираты, базирующиеся близ Сомали, время от времени вот уже двадцать лет вырезали полностью целые лайнеры, как пассажирские, так и грузовые, но при этом правительство новой космополитичной Земли совсем не старалось хоть что-то изменить. Только подавало все эти новости под пряным соусом побед дипломатии — в Палестине намечается перемирие с недовольными гражданами региона, сомалийские пираты обещали полгода не трогать пассажирские корабли. В Центральной Африке наметился позитивный настой в переговорах между враждующими сторонами, которые опять же были одним народом — но никак не могли договориться по субъективным социально-культурным причинам. Петро, как политолог по образованию, да и по профессии — сколько он там успел поработать, — прекрасно видел, что все эти конфликты не сдерживаются, а порой даже и провоцируются. Когда-то украинец даже написал статью о том, что новый политический строй убрал различия в национальностях и религии, но от старых проблем даже и не думал избавляться — внешне все красиво и гладко, но под этой гуманистической, толерантной оболочкой все осталось по-прежнему. Статья так и осталась лежать в столе.

Петро когда-то попытался поспорить об этом в кафешке ближайшего городка, куда он выезжал время от времени за продуктами. И зарекся навсегда поднимать эту тему — он многое тогда о себе услышал. Но обиднее всего, когда толпа единым порывом кричала ему «националистический выродок» и «фашист». Петро мог бы им объяснить, что фашизм и национализм хоть и имеют общие корни, но при этом абсолютно разные как по идеологии, так и по сути, но решил не бросаться с веслом наперевес против ветряных мельниц. Мудрая насмешка Сервантеса вовремя Петро удержала. Но с тех пор он никогда не спорил, что лучше — национализм или космополитизм.

Он просто знал.

Он просто считал себя националистом.

Петро провел рукой по лицу, смахивая холодные капли, и с тяжелым вздохом встал на ноги. Подумалось, что лучше всего сейчас находиться среди людей — так легче, так он проще проживет этот день.

Петро был счастлив за дочку, что хотя бы она сможет подстроиться под новый мир, а заодно воспитает сына или дочку — кого Бог пошлет. Но счастье у Петро мешалось с непонятной горечью от того, что Оксана вышла замуж и теперь покинет его дом, уйдет

проживать свою жизнь. А что останется ему? Память? Одиночество?

— И как этот москаль еще не завыл? — проворчал Петро. — Мне самому уже выть хочется, хотя Ксанка только вчера уехала.

Хьюго Глория Китт вот уже полчаса выслушивал поток бизнес-предложений, бизнес-перспектив, а заодно и бизнес-комплиментов нежданного гостя. Мистер Смарт появился довольно-таки поздно — небо давно уже затянуло темное покрывало сумерек. И только с орбитального зеркала, освещавшего местность, которая находилась километрах в ста — ста пятидесяти от территории американца, перепадало немного жемчужно-розового света. Хьюго любил такие минуты, когда ночь вступала в свои права и только орбитальные зеркала на горизонте подсвечивали низкие облака. Теплый, рассеянный свет боролся с ночью, удерживая ее в сумеречных границах, меняя палитру неба от жемчужно-синего на закате до золотисто-розового на рассвете.

Американец изо всех сил стараться держаться в рамках приличий. Во всяком случае, не прогонять надоедливую гостью сразу же, наподдав сапогом под заднюю точку равновесия, чтобы скорость вышла максимальной. Но это желание все нарастало в душе Хьюго.

К тому же назойливый гость постоянно величал Хьюго полным именем, хотя американец при встрече сразу же предупредил, чтобы гость называл его просто Хью. Ну не нравилось Хьюго, что его второе имя уж никак мужским не назовешь. Непонятно, чем руководствовались родители, когда добавили к вполне нормальному мужскому имени Хью очень даже женское имя Глория. Насколько помнил Хьюго, никто из его родителей особо не упорствовал в религии, мормонами уж тем более никто не был даже среди бабушек и дедушек. Так что происхождение имени так и осталось для американца загадкой. Единственно, он не любил, когда его величали обоими именами, о чем Хью всегда предупреждал собеседника.

Но мистер Смарт мало того что сам не назвал своего имени, так еще и к тому же продолжал величать собеседника не иначе, как Хьюго Глория.

Американец глубоко вздохнул и уже в десятый раз ответил неугомонному пришельцу:

— Мистер Смарт, я в который раз уже вам повторяю, что я не буду продавать свою землю...

— Но...

— Ни одного квадратного метра, ни одного квадратного фута. Вы какие-то еще меры площади знаете?

— Нет, но...

— «Нетно»? — задумчиво повторил Хьюго. — О такой единице измерения я не слышал. Но могу воспользоваться вашим советом. Итак, мистер, я даже ни одного квадратного «нетно» продавать не собираюсь.

— Уважаемый Хьюго Глория, зачем вам столько земли? Вы же последний американец — зачем вам эти тысячи и тысячи квадратных миль? Ваша хижина в лучшем случае занимает двадцать квадратных метров. Зачем вам это все?

— Зачем? — усмехнулся Хьюго. И, протянув руку, указал на далекий горизонт. — Затем, что это моя земля. В соседнем городке я родился — и пусть меня теперь там не особо рады видеть, но зато я знаю все эти края, как самого себя. Здесь прошло мое детство, в этих землях остались мои предки, моя мать и отец прожили в этих краях жизнь и дали жизнь мне. Зачем вам нужна моя земля?

— Затем, что я знаю, как основать успешный бизнес, — невозмутимо ответил мистер Смарт. — Эта земля станет парком развлечений, здесь мы построим отели и казино, рестораны и клубы.

— Вы так уверены в успехе? — прищурился Хьюго.

— Более чем, — уверенно ответил мистер Смарт. — Люди сразу же потянутся в бывшую резервацию...

— Куда?! — прервал его Хьюго. Мышцы правой ноги немного напряглись — американец изо всех сил сдерживал столь естественное желание дать наглому гостю правой

рукой в челюсть, левой добавить оплеуху, потом развернуть и аккуратно придать необходимое ускорение ногам. Тем более что граница проходила всего лишь в ста метрах. Следом за незримой линией, отмеченной редкими пограничными столбиками, начинались территории Объединенной Земли.

— В резервацию, — осторожно ответил мистер Сمارт, делая шаг назад.

Хьюго, наоборот, сделал широкий шаг вперед и оказался очень-очень близко от гостя. Мистер Смарт, видимо, почувствовал себя крайне неудобно и сделал еще один небольшой шагок подальше от американца. Но Хьюго повторил его маневр и снова оказался нос к носу с мистером Смартом.

— Знаете, уважаемый как вас там, я могу предложить вам только такой участок земли, который вместит ваши сто семьдесят сантиметров...

— Сто восемьдесят, — промямлил мистер Смарт.

— Значит, сто восемьдесят, — кивнул Хьюго. — А заодно и по ширине сантиметров семьдесят я вам выделю. Как вам такой участок?

— Ну, я имел в виду нечто другое...

— А я именно это, — мрачно прервал его Хьюго. — Эта земля моя. И никаких магазинов, никаких отелей, никаких толп туристов здесь не будет.

— Но это было бы хорошим бизнесом. Вам прямая выгода... — попробовал вернуться к прежней теме мистер Смарт.

Хьюго метко сплюнул под ноги мистеру Смарту и криво улыбнулся:

— Мистер, у вас есть минут пять на то, чтобы убраться моей земли. До границы сто метров плюс-минус пять, до точки перехода метров триста. Что выберете, мистер?

Смарт испуганно оглянулся — судя по всему, ему граница показалась более достижимой, чем точка перехода. Хьюго решил добавить драматизма в ситуацию и достал из поясной кобуры револьвер:

— Стреляю я не очень метко, так что, думаю, у вас будет фора выстрела три. А вот уж потом не обессудьте. Куда попаду — туда попаду.

— Вы не посмеете! — выдохнул мистер Смарт, делая еще шагок назад.

— Я? Не посмею? — недобро улыбнулся Хьюго, щелкнув курком и резко провернув барабан револьвера.

— Не посмеете, — пробормотал Смарт уже не так уверенно.

Хьюго кивнул, сделал три шага назад и поднял револьвер на уровень головы надоедливому гостю. Прищурился, как будто начав целиться, и небрежно сказал:

— Пожалуй, начну с десяти. Нуля лучше не ждать — я уже предупредил.

— Но это же выгодный бизнес... — выкрикнул мистер Смарт.

— Девять, — невозмутимо ответил Хью.

— Дикарь! — выкрикнул Смарт. — Тебе вообще неизвестны слова «гуманизм» и «толерантность».

— Известны. У меня полностью заверщенное образование в Массачусетском технологическом и степень доктора физических наук. Восемь, — продолжил счет Хьюго Китт. — Если вздумаешь упомянуть про космополитизм, выстрелю сразу. У меня тремор начинается от этого слова — а пальцу на спусковом крючке дрожать нельзя. Неприятность выйти может, мистер.

— Да я предлагаю вам заработать кучу ден...

— Семь, — прервал его Хью. — Я вам уже раз тридцать сказал, что продавать землю не буду. Никому, ни за какую сумму, никогда.

— Но вы даже не слышали еще сум...

— Шесть. Деньги мне не нужны — у меня все есть.

— Но ваша девушка... А ей-то деньги нужны? — попытался надавить мистер Смарт.

— Четыре. Не ввязывайте в ваши махинации Линду. Еще одно упоминание, и сразу будет «ноль». Моей девушке нужен я, а не ваши деньги.

— Уверены? Вы, националисты, никому не нужны, — гадко ухмыльнулся Смарт.

— Три!

Мистер Смарт не выдержал и рванул назад к границе, на ходу выкрикнув:

— Чертов дикарь! Выродок американский! Националист!

— Эй, — позвал его Хью, — а где же ваша политкорректность? Два!

Мистер Смарт успешно преодолел сто метров до границы. На олимпийский рекорд его пробежка все же не тянула — но потратил он на этот спринт вряд ли больше пятнадцати секунд.

— Неплохая форма, — усмехнулся Хью, засовывая револьвер в кобуру. Потянулся и почувствовал необычайную легкость, как будто с исчезновением мистера Смarta с души свалился тяжелый, давящий груз.

Послезавтра должна вернуться Линда — и все снова будет хорошо. Хью не знал, кого благодарить — судьбу, Бога, удачу — за то, что ему так повезло. И теперь рядом с ним есть женщина, которая любит его, несмотря на то что он националист, а она гражданка Объединенной Земли. Это настоящее счастье, когда рядом есть любимый и любящий человек. Хьюго незаметно улыбнулся, как будто боясь, что кто-то подсмотрит и позавидует его маленькому счастью.

Но подсматривать было некому. Вокруг тихо дремала прерия — темные холмики низкого кустарника, небольшие овражки, залитые тягучими густыми тенями, светлые полосы вымытой дождями глины. Здесь больше не было никого, кроме неба, прерии и Хьюго. Еще бы рядом оказалась Линда — и мир стал бы окончательно совершенным и завершенным, без лишнего, искусственного, инородного, вроде мистера Смarta. Такой делец — это символ нового времени. Хьюго иногда встречал в ближайшем городе Объединенной Земли таких вот бизнесменов без роду, без племени, без национальности, которые больше всего хотели помочь националисту, у которого нежданно-негаданно оказалось в руках богатство — огромная территория, не заселенная людьми. Но еще никогда такие вот дельцы не нагнали настолько, чтобы заявиться лично на территорию Хьюго.

— Видимо, времена меняются, — проворчал Хью. — Собак, что ли, завести?

Американец глянул в ту сторону, куда рванул мистер Смит.

Тишина и бескрайние просторы прерии...

— Наверное, уже до Мехико добежал, — усмехнулся Хьюго. Несмотря на довольно позднее время, спать ему совершенно не хотелось. Наоборот, остро возникла потребность пообщаться с такими же, как и он сам. Захотелось почувствовать настоящее человеческое общение, открытое, дружественное. Чтобы мерзкий привкус слов мистера Смarta пропал из памяти, как утренний тревожный сон, который неприятно вспоминать первые пять минут, а потом он превращается в далекое, полубытое воспоминание и окончательно стирается из памяти через полчаса. Хьюго решил все же рассказать о визите позднего гостя — у американца было подозрение, что мистер Смарт посетит и других националистов, причем с тем же предложением.

Хьюго не спеша присел на небольшой валун, обхватил руками колени и минут пять всматривался в яркий горизонт, столь контрастирующий с темным ночным небом. Американец вздохнул полной грудью, как будто смакуя особый запах ночной, спящей прерии, такой привычной, такой понятной. Неприятное ощущение, возникшее во время визита мистера Смarta, незаметно ушло, оставив после себя пустоту. Но пустоту не щемящую или печальную, как порой бывало у Хьюго, пока он не встретил Линду. Нет, это ощущение включало в себя и надежду, что все наладится, и радость от предвкушения встречи с Линдой, и гармонию родной земли. Эта пустота была свободой, незримыми крыльями души, звонким хрустальным сосудом, ждущим, когда его наполнят радостью, настоящим и будущим счастьем.

Хьюго плавно встал, потянулся и не спеша направился к точке перехода. Самое удобное место для общения таких же, как и он, бар ирландца Патрика как раз должен быть открыт для посетителей.

Петро бездумно шел по дорожке — вокруг стелилось темно-желтое поле. Земля еще не

успела воспрянуть от зимнего сна. И хотя снега уже не было, трава не торопилась в рост, выжидая — не будет ли заморозков, не выпадет ли неожиданный ранневесенний снег. Скоро уже надо будет заниматься огородом. Петро вполне мог обойтись и без этого — дотаций проживающим на национальных территориях со стороны Объединенной Земли хватало на вполне безбедную жизнь, но украинец предпочитал сам выращивать себе продукты. Рядом с домом в небольшой пристройке похрюкивали два полугодовалых кабанчика, еще чуть дальше разгуливали важные гуси, а в низеньком деревянном сарайчике возились три десятка куриц и три петуха. Кто бы мог подумать, что Петро, финансист по профессии, сможет справиться с хозяйством. И не просто справиться, но и вести его грамотно и разумно. Петро теперь был уверен, что даже без дотаций Объединенной Земли он сможет спокойно прожить.

Природа постепенно оживала, а вот внутри Петро клубилась едкими пылевыми облачками безбрежная пустыня, и где-то на горизонте виднелся оазис — его дочка, его Оксанка, у которой теперь своя жизнь, у которой теперь своя семья.

Петро досадливо махнул рукой, про себя пожелал миру за границами его национальной земли пару хороших землетрясений, а особенно чтобы они пришлись туда, где проживают заварившие всю эту кашу с космополитизмом и объединением всей Земли в один непонятный винегрет без границ и национальностей.

— И смешал Господь им языки, и разбрелись они по миру, — невесело усмехнулся Петро, вышагивая по давно уже знакомой тропке мимо горбатого холма, мимо раздвоенной сосны, мимо маленького ручейка, бегущего по дну неглубокого оврага.

Вот показалась вдалеке платформа точки перехода — две металлические колонны и еле-еле заметное мерцание транспортного поля. Петро вдруг резко захотелось оказаться среди людей, среди таких же, как и он сам, националистов. А лучшее место встречи — в баре у Патрика. Только там можно поспорить, поговорить, даже подраться, если уж совсем невмоготу.

Петро только сейчас понял, как же важно, чтобы рядом находился хоть кто-то. Пусть даже и не родной человек. Пусть...

Лишь бы человек...

Лишь бы националист.

Тропинка потихоньку стелилась под ноги русскому, с разлапистых веток елок осыпался снег, потревоженный птицами. Совсем рядом упала шишка — и следом послышалось сердитое цоканье белки. Зверек недвусмысленно предупредил: если человек сойдет с тропинки и окажется на беличьей территории, то следующая шишка прилетит в него. До точки перехода оставалось еще метров двести — и Дмитрий мог спокойно привести мысли в порядок, прежде чем вваливаться в гостеприимный паб Патрика. Ирландец не любил мрачные рожи клиентов. Да и самому Дмитрию претило вываливать на добродушного хозяина свои многочисленные проблемы.

Неподалеку взрыкнул Потапыч. Видимо, опять наглые белки забрались в его весенние запасы. Русский специально дал медведю такое нарочито сказочное имя, в чем-то «а-ля рюс», чтобы хоть на личной территории избавиться от всеобщей уравниловки и политкорректности.

— Что, проснулся, косолапый? — улыбнулся Дмитрий. — Пора уже, март на дворе. Хотя погодка откровенно февральская.

А на душе немного потеплело — как будто выглянуло не заметное никому личное солнышко. Так всегда бывало, когда Дмитрий прогуливался по своему маленькому заповеднику. Хотя если говорить откровенно, то не такому уж и маленькому — территория по договору с правительством Объединенной Земли досталась ему довольно-таки большая. Расчет был прост — поделить территорию России 2100 года на жившее тогда население, а затем умножить на количество проживающих ныне. Все просто, арифметично, пропорционально. И это число стало его личным территориальным показателем, территорией его России. Оставалось только выбрать место. Что он тогда и сделал — и уже в который раз пожалел, что не выбрал место потеплее. Может, тогда бы и Света не бросила его

так уж сразу и не забрала Колю.

Хотя все равно бы бросила. И дело тут не в погоде.

Дмитрий прекрасно понимал, что для сына националиста на территориях Объединенной Земли будущего быть не может. Таких, как он, не брали ни на работу, ни в учебные заведения. А вот для тех, кто отказывался от гражданства и становился космополитом, открывались любые двери, выдавались пособия на приличные суммы, даже устраивались ток-шоу на телевидении. Действовало это получше, чем методы принуждения, — от такого пряника могли отказаться немногие.

Эти немногие и остались на своей территории, презируемые всем большим, объединенным, единонациональным миром.

Площадка точки перехода неожиданно выглянула из-за поворота. Дмитрий так задумался, что и не заметил, как быстро прошел полкилометра до двух тонких колонн на тускло подсвеченной металлической платформе. Поле перехода еле заметно мерцало, создавая странный эффект, как будто между колоннами плескалась на ветру тонкая полупрозрачная дымка.

Дмитрий стукнул кулаком в меховую перчатку по кнопке вызова транспортной системы и громко, отчетливо сказал:

— Ирландия.

Из круглой металлической сеточки донесся женский голос:

— Какая именно точка выхода вам нужна?

— Милая, мне нужна Ирландия, — процедил сквозь зубы Дмитрий, — страна Ирландия, а не провинция Ирландия Объединенной Земли. Там только одна точка выхода.

— А...

Дмитрий невежливо прервал:

— А если быть абсолютно точным, бар «Эринн».

После этого шагнул на платформу и прикрыл глаза — вспышка перехода всегда действовала ему на нервы не проходящими потом минут десять темными зайчиками в глазах. Девушка не стала спорить — и следующий шаг Дмитрий сделал по земле, отстоящей от его дома на многие тысячи километров.

Ирландия встретила русского настоящей зеленой весной. Дмитрию даже захотелось выкрикнуть что-то веселое и разухабистое. Просто так, по велению души. Он даже удивился своей реакции, но потом и сам понял, что снег в марте никак не способствует хорошему настроению. И порой достаточно просто выйти на яркое ласковое солнце и пройтись по густой траве, чтобы снова найти в себе силы идти дальше.

Вопрос только куда.

Ответ находился совсем близко — в пределах, доступных пьянчуге в состоянии крайнего медитативного созерцания. Бар «Эринн» от точки перехода располагался всего лишь в двадцати-тридцати метрах. Патрик не заставлял людей совершать долгие прогулки. Особенно если клиенты выходили из паба на своих четырех и страстно желали побыстрее добраться домой.

Тонкой души человек, понимающий. И никогда не скажешь, что экстремист, каких поискать. Хотя, как помнилось Дмитрию по историческим трудам, ирландцы всегда славились тем, что сочетали в себе несочетаемое — агрессию к чужакам и редкое радушие к гостям. Наверное, это больше от пришельцев зависело, как именно встретят их жители Зеленого острова.

Рядом с вывеской бара трепыхался на ветру огромный пластиковый лист клевера. Дмитрий на секунду задумался, отчего это появилось столь национальное украшение именно сегодня, но потом глянул на часы и укорил себя за недогадливость — цифра 17.03, застывшая в окошечке даты, ответила сразу на все вопросы.

Легко толкнув дверь, Дмитрий зашел в помещение паба. Нельзя сказать, что было так уж людно, но и пустынным помещение тоже было трудно назвать. В сторонке сидел Петро в неизменных шароварах и сумрачно поглядывал на едва початую бутылку водки, наматывая

на палец свой классический «осэлэдэц». За просторным столом около окна разместились парочка индусов и три араба. Как ни странно, сегодня они не ссорились, а тихонько надирались каким-то мутноватым национальным пойлом. В отдалении намечались еще две компании — немец с поляком и французом, а чуть дальше суровый англичанин, что-то активно обсуждающий с австралийцем, канадцем и американцем. В самом темном и дальнем уголке что-то упорно вязала пожилая норвежка — дама со сволочным, сложным характером и с не менее сложным прошлым. Как рассказывал Патрик, цепкие глазки престарелой мегеры, сейчас выглядывающие сердито на мир из-за стекол узких очков, когда-то еще более сердито поглядывали на мир через оптику дальнобойного снайперского комплекса в те времена, когда Норвегия усиленно не желала примыкать к единому космополитичному миру.

— Полный набор, — пробормотал Дмитрий. И напрямик проследовал к бару, чтобы совместить нужное и приятное, а именно заказать себе хорошего ирландского виски и поздороваться с Патриком.

Патрик невозмутимо протирал стаканы и поглядывал из-под тяжелых век на посетителей, чтобы они не удумали снова спорить на национальные темы. Такие диалектические споры чаще всего заканчивались дружескими потасовками, которые основательно нарушали гармонию к пабе и превращали мебель в обломки. А Патрик считал себя слишком хорошим хозяином, чтобы позволять такой вандализм чаще чем раз в неделю.

— Привет, Патрик, — негромко сказал Дмитрий, когда до стойки осталась пара шагов. И, уже присаживаясь на высокий крепкий табурет, продолжил: — Нальешь хорошего ирландского виски, друг?

Из-за спины раздался ворчливый голос Петро:

— Нет чтобы заказать нормальной выпивки, а не глушить кукурузный самогон.

Украинец явно был не в духе и не упустил момента, чтобы задеть соседа-москаля. Дмитрий, не оборачиваясь, ответил:

— Я, русский, сам решаю, что мне пить.

Патрик уважительно кивнул — мол, молодец, поддерживаю.

— Виски, на четыре пальца, — выдохнул Дмитрий.

Патрик аж причмокнул от удовольствия. И, наполнив стакан, заметил:

— Уважаю. Хорошее пойло для хорошего праздника.

— Ну так, — осклабился Дмитрий. — Думаешь, я забыл? С Днем святого Патрика, Патрик. Пусть живет вечно Ирландия!

— Пусть живет вечно Россия! — отвечивал Патрик. Воровато оглянувшись назад — жена что-то делала в подсобке, — налил себе на два пальца и резко опрокинул.

— Патрик, Чикаго в зеленый окрасилась?

— А что ей сделается? — пожал плечами хозяин. — Конечно же. Зеленая, как лист клевера. Как бы ни менялся река всегда такая же, как и сотни лет назад. Ты лучше пей, Дима! Хорошее виски не любит долго болтаться в стакане.

Дмитрий зажмурился от удовольствия, хлебнул немного виски и выдал:

Пусть заржавели советские танки
И вымирает наш человек,
Есть еще повод хлопнуть полбанки:
Русский с ирландцем — братья навек!

— Душевно, — одобрил Патрик. — Чье?

— О. Дивов, классик литературы двадцать первого века, основоположник хреньвмассизма.

— О'Дивов? Ирландец? — удивился Патрик. — Странно, что я о нем не слышал.

— Нет, русский. Олег Дивов.

— Все равно мудрый человек и настоящий мужик, — резюмировал Патрик, снова принявшись протирать стаканы.

— Ты бы тер поосторожнее.
— А то? — не поднимая глаз, поинтересовался Патрик.
— Джинна вызовешь — придется желание придумывать.
— Нету у нас джиннов, только лепреконы живут. А их протираaniem стаканов не вызовешь — они чаще всего на звон стаканов появляются. Да зачем мне желание — у меня и так все есть. — Тут Патрик на мгновение задумался. — Хотя можно было бы что-то придумать для того вон засранца...

Патрик кивнул на чопорного англичанина:

— Сегодня уже третий час песочит мозги австралийцу и канадцу, мол, они такие же англичане, как и он. Точнее, он чуточку поблагороднее, так как их страны всего лишь колонии.

— И? — заинтересовался Дмитрий.

— А что и? Я думал, что они его пошлют куда подальше, да вот все не посылают. Уже который час слушают, даже за выпивкой сами бегают. Странные они, ей-богу.

— У австралийца и канадца в подкорке записано, что англичане для них старшие родичи, — пожал плечами Дмитрий. — Так было в двадцатом веке, так было в двадцать первом. Почему и сейчас такому не быть? Интересно только, что с ними Хьюго делает — вроде бы американец комплексом неполноценности никогда не страдал.

— Да фиг с ними, — махнул рукой Патрик и отставил сверкающий чистотой стакан в сторону. — Давай лучше выпьем по чуть-чуть, пока моя прибирается наверху.

— За что пить будем? — поинтересовался Дмитрий.

Рядом бухнула донышком бутылка, на этикетке которой угадывались буквы «Горил...». Петро аккуратно уместился на соседнем табурете и мрачно заявил:

— Раз ты пришел последним, с тебя тост. Подумал секунду и добавил:

— И выпивка. Раз уж пьете это пойло, то и я вместе с вами. Не одному же прозрачную пить.

— Идет, — не стал спорить Дмитрий. — Патрик, на три пальца всем нам, да и сам не отставай.

Судя по довольной ухмылке Патрика, именно на такое развитие событий он и рассчитывал. Темное виски тягуче пролилось из бутылки в три стакана. Дмитрий подхватил свой и уже собрался выдать старый проверенный тост, как дверь в паб с грохотом впечаталась в стену.

И тут явились они. Наблюдатели.

— Твою ж мать, — грустно заметил Патрик и протянул руку под прилавок, где, как помнил Дмитрий, всегда валялся заряженный обрез образца двадцать первого века. Когда-то Дмитрий поинтересовался у ирландца, зачем ему эта древняя штукавина, да еще и заряженная. Тогда Патрик пожал плечами и просто ответил: «Коллекционирую». Уже потом на дне рождения ирландца Дмитрий увидел в специальной комнатке совсем не маленький арсенал хозяина паба — причем все оружие было подготовлено к использованию, начищено, смазано и даже заряжено. Выглядело это совсем не коллекцией, но Дмитрий решил не лезть со своим уставом в другой национальный монастырь.

— Эй, хозяин, — рявкнул самый рослый из пришельцев. Джо? Джой? Или Джозеф? Дмитрий все время путался среди четверых белых Наблюдателей, впрочем, как и другие националисты. Эти космополиты столько понаделали себе внешней и мускульной пластики, что казались братцами из одной пробирки, созданными по заказу Голливуда.

— Чего тебе, Наблюдатель? — не особо вежливо поинтересовался Патрик.

— Пива мне и моим коллегам. И пусть аборигены уберутся с наших мест у стойки — нечего этим «наци» сидеть рядом с космополитами. Пусть убираются в свои вигвамы.

Дмитрий аккуратно спустился с табурета и просто заметил:

— Вигвам — это жилище твоей бабушки, полукровка. Пойдем, Петро, сядем подальше от представителей высшей расы.

Дмитрий подхватил «горилку» Петро и увлек его к ближайшему столику. Петро шел

довольно-таки неохотно — количество спиртного, что он выпил, явно провоцировало его на подвиги. Но Дмитрий уж никак не хотел портить праздник Патрику очередной дурной разборкой. Наблюдателей здесь все знали и все как один не любили. Даже англичанин с его заявками на аристократизм и привилегированное положение страны не мог долго терпеть «великолепную семерку».

За спиной русского послышались тяжелые шаги:

— Ты кого полукровкой назвал, русский? — Джо или Джозеф скалой навис над Дмитрием и поглядывал на него налитыми кровью глазами.

— Ты даже вспомнил, что я русский? — ухмыльнулся Дмитрий. — Так, может, если ты такой догадливый, сообразишь сам, кого я назвал метисом?

— Что? — процедил космополит. — Ты меня еще и метисом назвал?

— А я тебя называю еще и засранцем, — послышалось от стойки.

Когда вконец озверевшие Наблюдатели дружно развернулись, их взору явилась не самая оптимистичная картина. Патрик мрачно стоял уже перед стойкой, и в его руках, недвусмысленно поглядывая на невежливых гостей маслянисто-черным дулом, красовался обрез. А рядом с ним пристроился Хьюго, довольно невежливо целясь в группу Наблюдателей из револьвера.

Четко выделяя слова, ирландец сообщил гражданам Объединенной Земли:

— Сегодня праздник. День святого Патрика. И если вы не будете вести себя прилично и спокойно, я сам спокойно вас пристрелю. Потом вызову полицию из-за границы. А затем не менее спокойно сяду выпивать с моими друзьями. Прошлый раз ваш коллега в инвалидной коляске искалечил биопарализатором моего друга Франсуа — тогда меня не было рядом. Сейчас у вас такого шанса не будет.

— И не боишься, вшивый ирландец... — начал один из Наблюдателей.

— Нет, — коротко бросил Патрик и прицелился уже в него. — А если ты немедленно не уберешь руки от кобуры. Наблюдатель, то мне вообще больше не придется о тебе беспокоиться.

Повисла довольно-таки напряженная тишина. Извечная дилемма — гордость против дула, нацеленного точно в голову.

Как обычно, победило дуло. И жена Патрика, крикнувшая с лестницы, что разобьет голову сковородкой любому, кто откроет пальбу в «Эринне». Мэри уважали все, даже Наблюдатели. Когда-то один из них попытался ухватить ее за пышную и привлекательную переднюю часть — после этого он проходил в гипсе месяц и больше не предпринимал попыток таким образом выразить восхищение бюстом хозяйки паба. Наверное, это был единственный случай, когда самоуверенная наглость Джо или Джозефа или Джоя была пресечена раз и навсегда. Обычно они становились такими же, как и раньше, уже на следующий день. И всегда старались отыгаться, что при таком численном превосходстве было достаточно легко сделать. Только у итальянцев семья насчитывала пятерых — да и то из них одна девушка-подросток и паренек девяти лет. Потому с Наблюдателями старались не связываться — себе дороже. Полиция Объединенной Земли старалась не вмешиваться в дела националистов и Наблюдателей, надеясь, что проблема решится сама собой.

Космополиты, громко переговариваясь, толпой потопали к стойке. И только самый молодой не удержался и решил оставить последнее слово за собой:

— Эй, русский, я тут в командировку вылетал недавно.

— И? — безразлично поинтересовался Дмитрий.

— Твоя бывшая просто бешеная — я к ней в гости по знакомству заглянул. Отличная бабенка, вот только нормальную женскую позу не любит. Пока ставил ее, как надо, чуть руку помял. Не знаешь, поджила уже? А сиськи у нее...

Больше он ничего не успел сказать. Прямо на его голове вдруг раскрылся стеклянный цветок — и во все стороны полетели осколки-лепестки, окрашенные по краям капельками крови. Дмитрий недоуменно посмотрел на руку, сжимающую горлышко бутылки с «горилкой», и с каким-то странным удовлетворением понял, что рука все-таки его и попал он

так, как надо. Вон как медленно оплывает Джо. Или Джозеф?

Следом оглушительно бахнул обрез Патрика — и почти одновременно над ухом русского пронзительно свистнула очередь гаусс-пистолета. На месте Наблюдателей клубилось противно пахнущее облако, из которого доносились разнообразные ругательства и захлебывающийся кашель.

Рядом появился Патрик.

— Не дыши — это газ, — первым делом посоветовал ирландец и насильно потащил русского к дверям паба. Заодно он пытался сунуть Дмитрию что-то в руки — но они пока что не особо слушались, адреналин завел сердце на такие бешеные обороты, что все тело сотрясала мелкая дрожь.

— Я профессор истории, а не боевик какой-нибудь, — успел прохрипеть Дмитрий, прежде чем Патрик насильно запихнул ему в руки обрез и пачку патронов.

— Беги, дурак, пока они не отошли от газа. Газовые патроны больше чем на пять минут их не задержат. В коробке боевые. Ну же! Беги!

Вслед Патрику и Дмитрию раздался возмущенный крик жены ирландца:

— Что же вы наделали, идиоты? Что о нас люди подумают?

Патрик, прежде чем вытолкнуть русского на улицу, рывкнул через плечо:

— Подумают, что здесь еще есть настоящие мужики, женщина!

Когда Дмитрий выбежал из паба, Патрик задумчиво уставился вверх, как будто ему пришла в голову очень интересная мысль. Если бы Дмитрий увидел выражение лица ирландца, он бы с уверенностью сказал, что Патрика посетила крайне оригинальная и, самое главное, прибыльная идея. Хозяин паба не был расчетливым, он всего лишь, как и все ирландцы, не любил упускать прибыль, если она сама топала напрямик ему в руки.

Проходя мимо космополитов, яростно размахивающих гаусс-пистолетами, он даже не остановился. Да и Наблюдатели не особо о нем вспоминали — все их мысли были сосредоточены на русском, который мастерски вырубил их младшего коллегу. Последний с глуповатым видом торчал посреди паба, завороченно рассматривая свою ладонь, на которую потихоньку капала кровь, стекающая с его рассеченного скальпа.

Патрик подошел к жене, которая жарко спорила по телефону с сотрудником телекомпании и требовала, чтобы трансляция продолжалась. Ирландец терпеливо дождался, когда жена построит по стойке «смирно» съемочную группу, и спросил:

— Все нормально, трансляция продолжится?

— Да, — мрачно ответила Мэри. — Я их убедила, что так даже интереснее будет и выгоднее для их ток-шоу. Патрик, ты бестолочь. Ты...

— Я знаю, милая. Они хоть все это засняли?

— Полностью. Что теперь они все подумают? Что мы и вправду дикари? Ты же обещал, что это будет тихий и спокойный ирландский праздник.

— Обещал, — виновато ответил Патрик. — Милая, но где ты видела тихий ирландский праздник?

— Ты же говорил, что никаких драк, никаких пьяных разборок не будет, что трансляция из нашего паба лучше всего покажет, как могут вместе уживаться разные национальности.

— Ну, говорил. Мэри, подожди... Мне нужно, чтобы они продолжили снимать...

— Уймись, ирландский бродяга. Благодарю Господа, что тебе досталась такая жена, как я, которая думает головой, а не кулаками. Телевизионщики уже отправили два зонда за русским и два за Наблюдателями. Прямой эфир не прекращался ни на минуту...

Патрик бросился к своей благоверной и крепко прижал ее к себе:

— Чудо ты мое, дай я тебя поцелую.

— Фу, от тебя же перегаром несет. Опять нализался, пьянчуга ирландская? Говорила мне мама бросить тебя к чертям...

Патрик вдруг замер и резко обернулся.

— Мэри, куда половина космополитов делась?

— Пока ты со мной спорил, они дружно выломались в дверь. Теперь чинить ее придется.

На улице глухо и резко грянул выстрел, следом еще один.

— Дробовик, — пробормотал Патрик. — Клянусь английской королевой, этому русскому не удастся повеселиться без меня. Мэри, звони в полицию! Русского надо спасать.

— Патрик! — грозно крикнула ему вслед Мэри, но ирландец уже мчался вверх по лестнице.

В это время Хьюго Китт держал под прицелом инвалида и девушку-космополита. Они немного замешкались, пока прочие Наблюдатели выламывались за дверь, — Хью решил воспользоваться ситуацией и хоть как-то помочь русскому.

— А ну, не двигаться! — коротко скомандовал американец. — Одно движение — стреляю.

Космополиты застыли, но девушка все же дернула рукой к поясной кобуре.

— Хэй, мисс, не трогайте оружие. Я обычно не стреляю в дам, но сегодня настолько хреновый день, что я могу изменить личным правилам.

Джози нехотя убрала руку от кобуры.

— Теперь руки повыше подними... И ты тоже, — рявкнул Хьюго космополиту в инвалидной коляске. — Вздумаешь нажать хоть одну кнопку — и узнаешь, что быстрее — твоя автоматика или мой палец.

— Ты совершаешь ошибку, вонючий янки, — зло проскрипел Наблюдатель в коляске. — Вы все ответите за то, что здесь произошло.

— Еще одно слово... Джок? Я не ошибаюсь? Итак, еще одно слово, Джок, и я припомню тебе, как ты издевался над французом. Франсуа неделю пролежал пластом после твоего биопарализатора.

— Он заслужил, — улыбнулся одной половиной рта Джок.

— Тем, что попросил тебя заткнуться, когда ты издевался над дочкой итальянца?

Джок хмыкнул, но все же снизошел до ответа:

— Она такая же бесправная, как и вы все. Как и твой друг французишка. Только мы наделены властью и силой на ваших территориях, наци. Читай повнимательнее официальные соглашения между Объединенной Землей и вами, националистами.

Вдруг рядом с коляской непримиримого космополита возникла суховатая фигура норвежки:

— Хрен тебе, засранец, а не власть. Думал, что если американец уши развесил, то и я ничего не замечу? — Старушка с такой силой зарядила ногой в инвалидную коляску, что аппарат не только перевернулся, но и выбросил Наблюдателя шагов на пять в сторону. Из руки космополита, глухо стукнув по полу, вылетел небольшой пистолет.

Американец уважительно отсалютовал норвежке:

— Благодарю вас, мэм.

— За вами, молодежь, глаз да глаз нужен, — ворчливо ответила норвежка, возвращаясь на свое место в уголке паба. — Сами ничего не видите, не замечаете.

Хью поудобнее уселся на ближайший стул и пристроил револьвер на сгибе локтя, продолжая целиться в Наблюдателей. Потом почти что миролюбиво сказал:

— А теперь помолчим.

Дмитрий успел добежать до точки перехода, ему даже хватило времени вызвать транспортную службу и сообщить точку прибытия. Затем грохнули двери паба, и на землю свалилась куча-мала из Наблюдателей. Судя по всему, они хотели выйти все вместе, но дверной проем оказался чуточку уже.

— Стой, мазафака, — заорал покалеченный уже ранее космополит. Джо? Или Джордж?

Наблюдатель выхватил гаусс-пистолет и от бедра выстрелил в Дмитрия.

— Меньше фильмов смотри, ковбой, — крикнул Дмитрий, пригибаясь. Очередь гаусс-зарядов просвистела довольно близко. Чтобы хоть как-то утихомирить преследователей, русский пальнул из обрезка над головами.

В ответ очередь пришлась ему точно в ногу. Кто-то из Наблюдателей не стал подниматься и лежа выстрелил по русскому. Кровь теплыми каплями расплескалась по холодному металлу арки — Дмитрий от шока отступил на шаг, нога заболела резко и оглушающее. Историк никогда не думал, что может быть так больно. От боли или от внезапно вспыхнувшей ярости он, не задумываясь, повел стволом и нажал на спусковой крючок. Обрез подбросил руку немного вверх — и на клетчатой рубаше только что поднявшегося космополита расплескались темные пятна.

— Джой! — заорал американец с разбитой головой.

И в то же мгновение переход сработал.

Дмитрий вывалился в русскую зиму и секунд десять просто лежал на снегу — в глазах обычные природные снежинки играли в пятнашки с черными зайчиками от вспышки перехода. Нога начала противно пульсировать — как будто боль смешалась с ритмом сердца. Тяжело поднявшись, Дмитрий неуверенно бросился прочь от перехода. Через несколько шагов русского скрыли низкие ветки елей. Только на белом позднем снеге рубиновыми каплями обозначились его следы.

Четыре Джо по очереди вышли из перехода минуты через две. Они уже не орали, не матерились. Наблюдатели занимались любимым делом — выслеживали зверя. И то, что он относился к тому же биологическому виду, что и они, нисколько охотников не смущало.

— Джон, а вот и следы, — деловито сообщил Джозеф.

— Вижу, — кратко ответил Джон и махнул рукой. — За мной. Стреляйте в живот, чтобы подольше мучился.

— Жаль, что я не придушил его бывшую суку, — пробормотал Джо. — Она мне и так руку разодрала. Теперь еще ее муженек мне голову рассадил. Скотское семейство!

— Ну и холодно же здесь, — пожаловался Джордж. — Проклятая Россия, проклятый русский!

В это время Дмитрий сидел на снегу за ближайшим пригорком и сквозь переплетение ветвей всматривался в передвижение Наблюдателей.

— Будет вам «дранг нах остен», суки, — пробормотал Дмитрий, сосредоточенно заряжая обрез. Патроны так и намеревались высыпаться из коробки — и потому Дмитрий недолго думая позапихивал их горстями в карманы.

Космополиты как один повернули голову в его сторону. И только сейчас Дмитрий понял, что прятаться ему особо смысла нет — кровь, частыми каплями пятная снег, выдаст его лучше, чем тепловизор.

— Эй, русский, — хрипло крикнул Джордж. Или Джо? — Сдавайся! Брось свою пукалку допотопную...

Следом за столь миролюбивыми словами грянули выстрелы. На Дмитрия посыпались срезанные ветви. Наблюдатели не знали, где он точно находится, — и потому поливали гаусс-зарядами вероятный сектор на уровне пояса. Такая артподготовка длилась минут пять.

— У этих ковбоев оружейный склад, что ли, в карманах? — пробормотал Дмитрий.

Как будто его услышав, четверо охотников решили поэкономить патроны — и на мгновение пришла тишина.

Этим русский и воспользовался.

Дмитрий выскочил на гребень и дал жару из обоих стволов. Как ни странно, эта его эскапада увенчалась успехом. Джон охнул, схватился за живот — и по его руке темной полосой хлынула кровь.

— Я, русский, никогда не сдаюсь, — крикнул Дмитрий и сразу юркнул за насыпь. Поверху прошелся частый град гаусс-зарядов, и гребень срезало начисто. На Дмитрия посыпался снег и мерзлая земля.

Ползком, проклиная непослушную ногу, историк двинулся в сторону жилища. В голове уже все перемешалось. Он и сам не знал, что ему делать, когда он доберется к дому. Дверь не выдержит выстрела из гаусс-пистолета, да и окна не станут препятствием врагам — на них даже решеток нет.

По ноге постепенно разливался болезненный холод. Дмитрий не стал разглядывать рану. Все равно медицинского образования у него нет — и определить, задет какой-то крупный сосуд или нет, он не сможет. Вероятнее всего, что задет, так как нога с каждой минутой все больше походила на непослушное полено. А торопливые шаги и сопение Наблюдателей все ближе. Пытаясь не обращать внимания на боль, Дмитрий подскочил и неуклюже заковылял между деревьями, надеясь, что они смогут его прикрыть от выстрелов.

У космополитов явно была противоположная точка зрения — время от времени позади русского гаусс-заряды с треском впивались в стволы сосен.

— Варвары, — прошипел Дмитрий. — Этим деревьям больше лет, чем всему вашему роду.

Преследователи были совсем близко. Дмитрию даже не нужно было прислушиваться. То преимущество по времени, которое он выиграл неожиданной наглой атакой, раненая нога свела на нет. Уже шальная гаусс-дробинка вырвала клоч куртки вместе с капельками крови из плеча русского. Да и дыхание этих «служителей международного закона» не смог бы услышать только глухой.

Внезапно за спиной Дмитрия раздался обиженный рев. Потапыч осознал, что на его территорию посягают не только наглые белки, но и не менее наглые Наблюдатели. В ответ ему резанули воздух выстрелы гаусс-пистолетов.

— Уроды! — срывая голос, крикнул Дмитрий. — Медведя не трогайте. Он же почти ручной.

Он даже подумал вернуться и защитить глупого, но гордого Потапыча. Но нечеловеческий вопль ужаса показал, что зверь и сам может разобраться с нарушителями границ его территории.

— Вот и почти ручной, — ошарашенно сказал историк, из последних сил ковыляя к дому. Бетонные стены, обшитые сосновым блокхаусом, уже виднелись между стволами деревьев. И слава богу, потому что Дмитрий почти не чувствовал ни раненой ноги, ни каких-либо душевных сил, чтобы куда-то бежать. Весь адреналин, что выплеснулся в кровь еще в пабе, перегорел во время этой стремительной пробежки по родному лесу.

Дмитрий уселся на пороге дома, забил два патрона в обрез и стал ждать врагов. Напало какое-то мутное оцепенение — русский понимал, что это скорее всего из-за потери крови, но это его почему-то мало трогало. Все стало каким-то туманным, не важным и чуточку нереальным. Даже то, что из-за деревьев показались два измазанных в грязи и крови Наблюдателя, несколько не потревожило странный покой русского.

— Вот он! — радостно воскликнул Джордж, целясь в раненого русского из пистолета. — Джо, что делать будем?

— Для начала прострелим вторую ногу, чтобы не вздумал дергаться. — Джо, как в замедленной съемке, поднял руку и выстрелил.

Дмитрий удивленно глянул на брызги крови, расплескавшиеся по снегу. Боли почти не было. Только в ушах начало шуметь тихо-тихо, спокойно-спокойно. И ужасно захотелось спать.

— Глянь, как я попал, — заулыбался Джо, — только эта сволочь, кажется, сдыхать собралась — ни на что не реагирует.

— Стреляй ему в живот, как он Джону, и пусть подышает у себя дома, — скомандовал Джордж. Космополит приподнял пистолет. Но тут глухо щелкнул выстрел за его спиной, и Наблюдатель сделал два коротких шага вперед, как будто его толкнули. Следом прозвучали еще два таких же негромких выстрела и одна режущая воздух гаусс-очередь.

Джордж хотел что-то сказать, но вместо этого беспомощно забулькал. Изо рта у него вырвался сгусток крови, и Наблюдатель безвольно осел на заляпанный алыми потеками снег.

— Что за... — воскликнул Джо, резко разворачиваясь всем корпусом. Еще одна очередь хлестанула ему в плечо — и гаусс-пистолет, кувыркаясь, улетел в низкий сугроб.

Дмитрий собрал все силы, какие остались, приподнял обрез и выстрелил в ногу космополита:

— Лови сдачу, ковбой.

От залпа картечи нога Джо переломилась в колене, и Наблюдатель, пронзительно вскрикнув, упал. Рука почти не слушалась историка, сам обрез казался чугунной чушкой, которую фиг поднимешь, не говоря уже о том, чтобы хоть как-то прицелиться. Но все это нужно было заканчивать.

— А это за Светку, урод, — прошептал Дмитрий и выстрелил из второго ствола в голову Наблюдателя.

Тишина упала сразу и как-то окончательно. Как точка в конце долгой и не самой радостной истории. Дмитрий молча смотрел, как к нему подбежали Петро и Патрик.

Патрик задумчиво обозрел поле боя:

— Профессор истории, говоришь? Ну-ну!

— Почему? — выдохнул Дмитрий.

Патрик пожал плечами, уселся рядом и ответил на старом английском, зачем-то перейдя на него с международного языка:

— Everyone's Irish on March 17th. Что уж тут непонятного?

— А почему я — еще проще, — ухмыльнулся Петро. — Русский и украинец всегда вместе били супостатов — немцев били с поляками, и французов били, и турков били. Так почему бы и космополитам без роду без племени урок не преподать?

— Ты не философствуй, а лучше притащи боевому товарищу одеяло из дома, — намекнул Патрик украинцу. — Не думаю, что на снегу так уж удобно лежать. Переносить его, пожалуй, рискованно будет. Да и реанимационная бригада скоро подоспеет.

— А они точно приедут? — недоверчиво спросил Петро.

— Точно, — невесело усмехнулся Патрик. — После того шоу, что мы устроили, они точно приедут, а то и прилетят. Если я хоть что-то понимаю в людях, Дима теперь герой для всех, кто сидел перед визорами. А героев не бросают...

— В отличие от простых людей, — мрачно и с какой-то потаенной тоской завершил фразу украинец.

Петро на минуту скрылся в доме.

Вернулся украинец не только с одеялом, но и с пиликающим мобильным телефоном. Дмитрий взял непослушными пальцами трубку и нажал на «прием».

— Папа! Папа! Ты живой?!

— Да, Коля, — еле слышно ответил Дмитрий.

— Ну вы, блин, старики, и даете. Вся планета на ушах от вашего шоу! — возбужденно затараторил Коля.

— Какого еще шоу? — удивленно спросил Дмитрий.

Патрик хитро улыбнулся и показал пальцем вверх. А затем добавил:

— Я тебе потом объясню, Дима. Но мы стали звездами — это точно.

Дмитрий всмотрелся в ту сторону, куда указывал палец ирландца, и увидел не так уж высоко над ними, метрах в пяти-семи, четыре телевизионных бота, нацелившихся на них дальнобойными микрофонами.

Все это время Коля что-то говорил, но Дмитрий пропускал его слова, в ушах опять начало шуметь, и неудержимо стало клонить в сон.

— Коля, повтори... Я не расслышал. Что ты говоришь?

— Пап, прости. — Николай на мгновение замолчал, казалось, что ему трудно (стыдно?) продолжать. — Пап, можно, я приеду к тебе?

— Конечно, сынок. — Дмитрий тихо улыбнулся. — Россия всегда тебя ждет...

Эти слова как будто поставили окончательную точку в череде событий этого ненормального дня. И Дмитрий потерял сознание.

Журналисты уже отчаялись взять у кого-то интервью в этой стране. Все куда-то спешили, что-то делали. И ни у кого не было времени на акул пера и видеокамеры. Даже, казалось бы, полная договоренность с президентом о встрече осталась только договоренностью и не больше.

Президент Дмитрий Токарев коротко с ними поздоровался и отправил к заместителю, объяснив свою занятость тем, что сегодня он официально запускает ТЯ-электростанцию, которая даст России возможность обходиться без дорогостоящей электроэнергии внешнего мира.

С его заместителем журналистам тоже не получилось долго пообщаться. Созвонившись с коллегами, журналисты поняли, что они не одни попали впросак. Самые крупные страны просто не замечали пришельцев из внешнего мира.

— Может, попробовать с Объединенным королевством Ирландии и Англии? — предложил оператор. — У них пока только тысяч пять граждан. Может, они поспокойнее и смогут ответить на наши вопросы? Я слышал, ирландцы очень гостеприимны.

— Попробуем все-таки здесь, — решил глава группы. — Сказали — взять интервью у разных слоев населения России, вот и будем этим заниматься. Если у президента нет на нас времени, может, у обычных граждан время найдется.

Ухватив за руку пробегающего юношу, журналист попытался полностью перехватить инициативу:

— Как насчет пары вопросов?

Парень недовольно ответил:

— Но только два, не больше. Меня на агростанции ждут.

— Как думаете, вы справитесь? Без помощи остального мира?

Паренек с раскосыми глазами и смолянисто-черной челкой гордо ответил:

— Справимся. Мы, русские, никогда не сдаемся!

ВСЯКОЙ ТВАРИ ЗЕМНОЙ

*Когда пала твердь на фундаменте шатком,
Когда правда втоптана в землю порядком
И прежде пылавшее пламя постыло,
Тогда пробуждается третья сила.
Она пробуждается там, где желали,
Но там, где ее пробужденья не ждали,
Едва лишь мерцавший светильник угас,
И смотрит на мир бледной зеленью глаз.
Страждущий знать да обрящет ответ:
Третья сила не тьма и не свет,
Не властно ни время над ней, ни пространство,
Она постоянное непостоянство.
Жар леденящий в крови ее бродит.
Третья сила из мира уходит
И снова приходит, покорна судьбе,
Дабы затмить собой первые две.
Долгая нас ожидает дорога.
Люди явились.
Их мало, их много.
Каждый пришедший получит свое,
Если родился под знаком ее,
И нету той бездны, куда б не водила
Своих верноподданных третья сила.
Вук Задунайский*

Элеонора Раткевич
ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША ТЕЩА

Взрослые любят посмеиваться над детскими мечтами. Ну в самом деле, о чем может мечтать малолетний несмышлениш? Заполучить во-о-оо-он то краснобокое яблоко. Надавать плюх белобрысому Аилу с соседней улицы — а чего он задается! Прогулять урок. И лучше — не один. Нет, вот лучше всего — проснуться и вдруг обнаружить, что ты уже вырос и учиться больше не нужно... да, вырасти поскорее мечтают все дети, разве может быть иначе? Вырасти, стать великим воином, найти большой-пребольшой волшебный меч, победить всех врагов и убить дракона! А еще лучше — стать глашатаем, его ведь все-все слушают! Или жонглером, который на ярмарке кидает в воздух факелы, а то и глотает их — проглотил факел, и никакой колбасы не захочется! А еще лучше стать магом, маги все знают, и их все уважают, их даже король уважает!

На самом деле об этом мечтают и взрослые — только никому не признаются.

Да, ну и о чем ты там мечтал, Рейф Эррам? Стать самым-распресамым великим магом? Премудрым, верно? Прославленным? Работой научной заниматься в столичной академии? А со временем, глядишь, и саму эту академию возглавить? Не за красивые глаза, разумеется, — за вклад в магические науки... мечтал, верно? Разлакомился? Расхлесталось честолюбие?

Ну так забудь. Ничего этого тебе не будет. Ни доклада на академической конференции. Ни работы в столичных лабораториях. Ни мантии мага-академика. Ни заслуженных регалий. Ни Королевского Совета, куда традиционно приглашают самых мудрых и знающих магов. Совсем ничего. А будет тебе от щедрот судьбы, Рейф Эррам, городок провинциальный. И сидеть тебе в нем безвылазно отныне и до веку. И жить тебе в нем чужой жизнью. Не о таком тебе мечталось, но другому не бывать...

А ведь как хорошо все начиналось! Эх, вот если бы знать загодя, что поджидает молодого честолюбивого мага по дороге в столицу! Знал бы заранее — так и...

Обогнул бы Меллу десятой дорогой?

Нет.

Пришпорил бы коня, чтобы оказаться в ней хоть на день, хоть на два раньше.

Потому что Рейф отлично знал, как выглядит город, попавший под Маятник, если в городе не случилось мага-защитника.

Знать о чужой беде, знать, что никто не поможет и никто не спасет, кроме тебя, — и проехать мимо? Знать, заранее знать — и объехать Меллу стороной, добраться до постоянного двора, спросить вина и ужин для усталого путника, заночевать, а наутро как ни в чем не бывало продолжить свой путь в столицу, где вот-вот начнется конференция магов? Прочитать на конференции свой доклад, раз уж так сладко было мечтать об успехах на поприще науки? Покорить столицу своими познаниями и талантом — и уже не возвращаться обратно мимо непоправимо мертвой Меллы, которую некому было спасти, потому что ты обогнул ее? Знать заранее — и миновать обреченный город?

И никогда больше не глядеться в зеркало — слишком уж мерзкая тварь посмотрит на тебя оттуда...

От соприкосновения с этой мыслью прежние мечты тускнели и выцветали — словно пестрый некогда наряд, вываренный прачкой в горячем щелоке: тряпка линялая, сколько ни приглядывайся, а узора уже не разобрать. И только память так некстати подсказывает: здесь раньше цветок распускался, а здесь и вовсе птица на ветке пела... Рейф еще не вполне понимал, что был бы наряд цел, а узоры — дело наживное, не успевал понять: слишком быстро переменялась его жизнь. Но что лучше наряд линялый, да чистый, чем цветастый, но грязный, понимал отлично. Однако так ли уж легко сразу позабыть недавнее яркое разноцветье и примириться с куда более скромной участью? Ну на что это похоже, скажите на милость?

На неправильную сказку, вот на что это похоже. На сказку о прекрасной падчерице, хлебнувшей горя от злой мачехи. И вот как раз когда у прекрасной падчерицы закрутился было головокружительный роман с не менее прекрасным принцем, ее выдают замуж за городского мельника, даже согласия для порядка не спросив. И ведь житье у мельника куда как лучше, чем у мачехи, и любит он красавицу, и сыта-одета будет, и мельник ей куда больше по нраву, по правде-то говоря, и, главное, она еще неделю назад и мечтать не смела, что мельник ее посватать вздумает... Но как же так — вместо принца вдруг мельник!

Представив себя прекрасной падчерицей, Рейф только фыркнул. Очень иногда полезно представить себе что-нибудь этакое... совсем уж несообразное. Такое, чтобы поневоле смешно сделалось. А когда становится смешно, нить уже не очень-то сподручно.

Да и нить-то смешно. Мог ли Рейф еще лет этак пятнадцать назад даже мечтать, что когда-нибудь у него будет свой дом, хорошее жалованье, нужная и уважаемая работа — и что его еще умолять станут все это принять? О чем тут плакать? С какого перепугу горевать и убиваться? Он ведь не прекрасная падчерица и не в сказке родился, ему никогда и ничего просто так, в подарок, не доставалось. Это в сказках появляется тетушка-фея и дарит несчастной падчерице волшебный наряд и чародейную карету, а у него тетушки-феи нет и не было... то есть тетушка как раз была, даже две тетушки — но вот назвать их феями...

...Жили-были в большом, но провинциальном городе три сестрички — чем не начало для сказки? И прозывали сестричек за глаза Киска, Крыска и Зайка. Метко прозывали, ничего не скажешь.

Киска нравом и повадками была не кошкой, а именно киской — балованной, капризной и глупой. И когда соседские кумушки поучали дочерей — мол, не умничай, мужчинам слишком умные женщины не по душе, — девицы неизменно спрашивали, отчего же тогда никто так и не присватался к Киске, раз мужчинам нравятся дурочки. Но представить себе мужчину, способного взять в жены Киску, не смог бы даже городской сумасшедший. Киску, впрочем, это мало волновало. Она слишком любила себя, чтобы хоть немного внимания уделить кому бы то ни было еще, даже поклоннику.

И уж тем более никто и никогда бы не женился на Крыске — неглупой, но тиранически

властной крохоборке. Чертами лица и фигурой Крыска ничуть не уступала хорошенькой старшей сестре, но рядилась в такие заношенные обноски, что выглядела облезлой, как крысиный хвост. Впрочем, как раз у Крыски когда-то жених был — милый юноша, начитавшийся романтических книг и возмечтавший спасти Крыску от семейной тирании. Однако у жениха достало все же ума приглядеться к невесте и сообразить, что если Крыска и жертва, так только своего неисцелимо мерзкого нрава и скупости, зато любой, кто попадетс ей в зубки, будет обглодан до костей. С перепугу юноша разорвал помолвку и женился на горничной своей матери — это было не менее романтично, но куда более разумно.

А Зайка... ну, она и есть зайка. Серенькая и перепуганная. Зайки, они все такие. Серенькие и пугливые. Кроткие и неприметные. Киска и Крыска были притчей во языцех — но о существовании Зайки город едва ли помнил толком. Любого встречного спроси, и он тебе расскажет, что собой представляют Киска в ее кокетливых платьях с оборками и Крыска в обносках, — но затруднится припомнить, как выглядит Зайка.

Однако из троих сестер именно Зайка все-таки вышла замуж. Злые языки поговаривали, что не столько вышла, сколько сбежала от сестричек ненаглядных. Зайки, они ведь очень быстро умеют бегать, если есть куда бежать. А от Киски с Крыской как не сбежать — поживи с ними в одном доме да под их властью, тебе любая хибара дворцом покажется, любое чучело — королевичем! Ну кому, кроме Зайки, такой супруг нужен? Не слишком молодой уже, сутуловатый, мешковатый, с залысинами на висках. Опять же всего богатства — крохотный обшарпанный домик да скудное жалованье. А большего жалованья школьному учителю магии и не полагается.

Как говорится, всякий споет, да не всякий — певец, каждый спляшет, да не каждый — танцор. О магии можно сказать то же самое. Зачатки способностей есть у всех — людей, совершенно не способных к магии, не больше, чем глухих или параличных от рождения. Но применить эти способности хоть как-то... да, основам магии учат в школе — как и пению, рисованию, куртуазному обхождению и прочей дребедени. Но на практике все сводится к бытовому умению пользоваться амулетами, талисманами и покупными заклятьями. Магов из школы выходит не больше, чем певцов или художников, а сильных магов — не больше, чем певцов, пригодных для Большой Королевской Оперы... вот и прикиньте, стоит ли овчинка выделки. Нет, надо оказаться сущим недотепой, стоящим на грани почти полной бездарности, круглым неудачником в избранном ремесле, чтобы не найти лучшего занятия, чем сделаться учителем магии в обычной городской школе! Неудачник и есть — да кто, кроме неудачника, среди бела дня в здравом уме на Зайку польстится? На засидевшуюся в девицах неказистую серенькую бесприданницу Зайку? Кому оно нужно, такое сокровище?

Примерно так судили и рядили городские сплетники. И ошибались.

Школьный преподаватель магии вовсе не был неудачником. Разве можно назвать неудачником того, кто с удовольствием занимается любимым делом, притом с незаурядным талантом? Да, магом он был очень и очень слабеньким — зато учителем прекрасным. А еще он был умным и хорошим человеком. Ученики в нем души не чаяли. И никто не умел так, как он, открывать и развивать скрытые дарования — не только в магии и не только у учеников. Кто, как не он, сумел бы разглядеть в Зайке неброскую красоту и тихую прелесть? Неприметный школьный учитель умел видеть и любить — любить так, как не снилось никакому прекрасному принцу. Да и зачем Зайке какой-то там принц, если ее любит самый настоящий волшебник — пусть даже его волшебство не имеет ничего общего с магией? Зайка отлично знает, что это за волшебство — она и сама такая же волшебница, — и волшебства этого никогда и ни на что не променяет!

В сказках влюбленные не только женятся, но и живут потом долго и счастливо. Зайка и учитель жили очень счастливо — но недолго. Они прожили вместе десять лет — а потом эпидемия просяной лихорадки унесла их обоих, и маленький Рейф остался сиротой.

Закон запрещает отдавать в приют сирот, у которых есть родственники, тем более состоятельные — а тетя Киска и тетя Крыска никак уж не бедствовали. Не потому Крыска отказывалась дать приданое младшей сестре, что в доме денег не было — водились в доме

деньги, да только не для Заек беглых. Не для того Крыска себе во всем отказывает, чтобы Зайкам потакать! Хочешь замуж — скатертью дорога... и других скатертей тебе, сестрица, не видать... равно как платьев, утвари домашней и всего прочего. Зайка ушла под венец, в чем стояла. Вперед старших сестер замуж выскочила... а вдобавок еще и померла — вот и корми теперь ее отпрыска... ей хорошо, а сестрам что делать с дармоедом малолетним?

Эти сетования Крыски ни для кого не были тайной. Рейфа в городе жалели не только за сиротство, а и за то, что лучше бы ему в приют попасть, чем к Киске с Крыской на хлеба... но закон есть закон.

В тот самый день, когда бледный, отощавший после болезни, заплаканный Рейф оказался в доме у теток, Крыска рассчитала служанку.

Служанка, надо сказать, особо не горевала — ей не так и трудно найти место получше. Скорее уж похуже не сыскать — платят в обрез, лентяйкой честят на каждом шагу, а работать приходится за двоих. Довольна была и Крыска — девятилетний мальчишка станет исполнять ту же двойную работу даром, да не просто даром — пусть еще спасибо скажет за тот кусок хлеба, которым его десять раз на дню попрекнут!

Кусок хлеба, щедро приправленный попреками — единственным, на что тетушка Крыска была щедра, — не лез в горло, несмотря на постоянный голод. А есть хотелось постоянно — Рейф задался ростом не в мать и не в отца, а в какого-то там троюродного деда, не иначе; вверх тянулся быстро, как тополь, не успевая окончательно износить купленные по случаю у старьевщика одежды. Ну чем не сказка о злой мачехе и кроткой падчерице? Да тем, что не сказка, а жизнь. И молча терпел капризы Киски и попреки Крыски Рейф не из кротости, а из гордости. А гордости в тощем долговязом заморыше было много. От постоянного недоедания, недосыпания и усталости у Рейфа кружилась голова, иной раз ему случалось и потерять сознание. Рейф работал по дому до изнеможения, скрывал обмороки, сам латал продранные локти вечно куцых обносков — и не стыдился заплат, не опускал головы, не старался тихомолком прошмыгнуть мимо одноклассников. Он и вообще мало переменялся в повадках, хотя жизнь оставила в его душе так мало от прежнего Рейфа, что он сам себя не узнавал, — но внешне Рейф никак этого не выказывал. Никак — за единственным исключением: он никогда, ничего и ни у кого больше не брал в подарок, даже будь подарок трижды желанным, даже будь это сущая мелочь. Никогда и ничего. Не принимал — и сам не дарил.

Школьные приятели не обижались. Что сам не дарит — так у него и нет ничего своего, а что подарков не принимает... ну, неловко же принимать, зная, что не сможешь отдарить. Нет, никаких обид, что вы — приятели его отлично понимали... или, по крайней мере, думали, что понимают.

На самом деле приятели едва ли могли бы понять, как переиначило Рейфа житье не то приемышем, не то и вовсе дармовым слугой в доме Киски и Крыски. Слишком уж тяжело ему дались попреки куском хлеба. Для него больше не существовало таких слов — «подарок», «даром», просто так... какая уж там сказка — да явись к нему самая что ни на есть разволшебная фея с мешком подарков, Рейф просто не понял бы, чего она от него хочет! Что это за зверь такой диковинный — «подарок»? Что это такое «даром», «просто так»? Думаете, Рейф не знает, что это такое — «даром»? Отлично знает. Который уже год ест свой хлеб даром — и что в этом хорошего? Нет — никаких подарков, ничего задаром! Все — только заработанное, только заслуженное... и никак иначе!

А где его взять, это заработанное и заслуженное?

Ну да ведь Рейф — не кроткая сказочная падчерица. Это ей деваться некуда, кроме как замуж, а Рейф сам себе свою жизнь выстроит — не дармовую, не дареную, у него все для этого есть! Пусть отцовский домик и снесли, когда миновало моровое поветрие, — наследство Рейф получил, и богатое. Тягу к знаниям — от отца, стойкость — от матери. Разве мало?

Рейф любил и умел учиться — одного этого уже довольно. Вдобавок учение ему давалось. А если прибавить к этому несломленную стойкость да помножить все, вместе

взятое, на бешеную гордость и желание вырваться из западни... способный, работающий, стойкий, гордый, целеустремленный — ох как часто именно из такого материала жажда власти кроит завоевателей и ниспровергателей по своему вкусу! Однако если судьба намеревалась создать из Рейфа нечто подобное, то ей не повезло: власти Рейф не желал никогда. По правде говоря, власть представлялась ему чем-то навроде тетушки Крыски. Нет, не власти хотела его израненная гордость, а воли. Чтобы никто никогда больше не попрекнул его дармовым житьем. Чтобы его уважали... а значит — чтобы его было за что уважать. Рейф уже почти забыл, что такое любовь, ведь любовь — это дар, а подарки не по его части. Но он очень хорошо понимал, что такое уважение — это такая штука, которая никогда не бывает дармовой, а только заработанной.

И Рейф честно зарабатывал и уважение, и будущую свою свободу.

Он учился с той настойчивой целеустремленностью, которую дети обычно берегут для игр, — но меньше всего Рейфу доводилось играть: не доставало сил и времени. Однако возраст требует своего — и Рейф играл цифрами вместо мячей, мастерил выводы, как его сверстники — деревянные клинки, строил умозаключения, как запруду у ручья, нацеливал доводы, как стрелы из лука на городской ярмарке. Знание было его миром — желанным и манящим; миром, в котором нет капризной Киски и сквалыжной Крыски, миром, прочным, как фундамент городской ратуши, и ярким, как цветы на клумбе перед ней. Миром, где над ним никто не властен. Миром, куда он уходил, чтобы окрепнуть и набраться сил для повседневной жизни. Миром, который ничего и никому не дает даром.

Отличников обычно недолюбливают, даже если они охотно подсказывают и дают списать, — но к Рейфу одноклассники никогда не цеплялись, хотя он никогда не подсказывал и списать не давал. Зато он всегда был готов объяснить любому решение непонятной задачи или помочь разобраться с трудным текстом. Ну а учителя так и вовсе благоволили к не по летам старательному подростку. Они не могли не понимать, что стоит отличная учеба вечно голодному, усталому и невыспавшемуся Рейфу, задерганному капризами Киски и придирками Крыски, куда больших трудов, чем его более благополучным сверстникам. Любой из учителей, даже самый требовательный, был бы рад поставить ему в учебную нотату отметку выше заслуженной, случись в том надобность. Однако надобности такой не возникло ни разу: пусть учителя никогда и не придирались к Рейфу, зато он делал это сам. Он придирался к себе свирепо, безжалостно, не давая ни спуска, ни потачки. Знания — это будущая свобода. Рейф учился с тем же усердием, с которым пленный раб пилит свою цепь. Закон разрешает покинуть дом родителей или опекунов в четырнадцать лет, если ты можешь себя прокормить, — и Рейф не собирался оставаться у тетушек ни часа сверх этого срока.

В день своего четырнадцатилетия Рейф пришел к попечителю школы и попросил у него дозволения сдать экстерном экзамены за оставшиеся три года учебы — ведь без свидетельства об окончании школы его не примут ни в одно учебное заведение магической коллегии. Попечитель дозволил охотно: если кому и учиться магии, так это Рейфу Эрраму. Ну и что же, что годами не вышел, — зато талантом взял! Магический дар, еле тлевший в немолодом школьном учителе, жарким пламенем вспыхнул в его сыне. Держать мальчика в школе еще три года — просто преступление перед его талантом! Незачем ему всякую там географию с математикой зубрить и прочую древнюю литературу... тем более что он их уже и выучил... Мало ли что может приключиться с магическим дарованием, если нет возможности упражнять его, как должно? Еще погаснет, чего доброго. А что может приключиться с магом, чье дарование ослабело, как заплывшие жиром мускулы изленившегося борца? Да, а что может приключиться с теми, по чьей вине это стряслось? Нет уж, пусть юный Эррам сдает все экзамены за выпускные классы сейчас и отправляется в любой из университетов коллегии! Школа ему еще и рекомендации выдаст отличные.

Экзамены Рейф сдал блестяще. Дверь на свободу распахнулась.

Когда он объявил тетушкам о своем отъезде, произошел вполне ожидаемый переполох. Тетушка Киска испуганно мяукала о том, какие жуткие и несусветные тяготы ожидают

мальчика в злом и гадком окружающем мире — нет, надо быть просто сумасшедшим, чтобы променять верный кусок хлеба и надежный кров на ремесло мага, пытаюсь повторить судьбу отца-неудачника. Тетушка Крыска попросту объявила, что оплачивать из своего кармана фанаберии юного дармоеда не собирается. Юный дармодоед вежливо попрощался с тетушками — и отправился в путь без гроша в кармане.

В столицу Рейф соваться и не пробовал. Безденежного мальчишку-побродяжку не то что в университет — в городские ворота не впускают. Ну так на столичном университете клином свет не сошелся — и в родной провинции не хуже найти можно. Такой, где на его возраст посмотрят сквозь пальцы, зато к хвалебным отзывам из школы отнесутся внимательно. Такой, где на основании этих отзывов его могут принять без всякой платы — ни в столице, ни в любой другой провинции Рейфу на это рассчитывать не приходилось. Только в родных краях — и только если он сдаст экзамены блестяще.

Рейф сдал экзамены блестяще. О плате за учение заботиться ему не приходилось. Однако тетрадками сыт не будешь, а из учебников себе дом не построишь — притом ведь и их надо на что-то покупать. Рейф устроился уборщиком на кафедре физической и коллоидной магии — плата была невелика, зато он получил в свое распоряжение каморку под лестницей, где хранились ведра и тряпки. Там он и обитал — а по ночам мыл и вошил полы, надраивая те самые аудитории, в которых утром восседал на лекциях с таким видом, словно это и не он чуть не до утра наводил блеск на половицы. А что тут такого? В доме тетушек Рейфу приходилось трудиться ничуть не меньше. Рейф мыл полы — и учился, учился, учился...

После первой же сессии Рейфа внесли в число стипендиатов. К началу второго курса он снимал уютную комнату в городе. Уже на третьем курсе его приняли лаборантом на ту самую кафедру физической и коллоидной магии, где он так недавно был полумойкой. К четвертому курсу он вел самостоятельную научную работу и на лекции являлся скорее порядка ради, нежели по необходимости. Соученики, поначалу видевшие в нем мальчишку, очень скоро зауважали его — и их уважение было Рейфу куда дороже, чем их же приязнь. Набивайся он к однокурсникам в приятели сам, и не видать бы ему ничего, кроме снисхождения, — но Рейф никогда не навязывался, всегда был готов помочь с учебой, не задирал нос и не подлизывался... отчего бы не водить приязни с таким парнем? И когда декан предложил Рейфу после окончания университета остаться на кафедре младшим преподавателем, это не вызвало нередкого в подобных случаях всплеска враждебности. Напротив — кому и предложить должность при кафедре, как не Эрраму? Если кто и заслужил ее, так это он. А что молод до неприличия... так ведь талант возраста не разбирает.

Новые коллеги по кафедре все же встретили назначение Рейфа настороженно: ишь, из молодых да ранний — наверняка ведь рвется карьеру делать! Вот начнет подсиживать да по головам вперед лезть... но нет, Рейф не лез по головам и не подсиживал никого. У него и мысли такой не могло возникнуть. Подсидеть, оттолкнуть кого-то, пролезть вперед, взять плату, должность или известность предназначенную другому, взять не свое, незаработанное, а значит — и дармовое... для Рейфа это было не просто низостью, а чем-то невообразимым и вовсе. Приметив, что молодой маг не рвется к кормушке и работает на совесть, коллеги успокоились. Они посчитали Рейфа юношей хотя и талантливым, но лишенным честолюбия — и ошиблись. У Рейфа оно имелось в избытке, но не бросалось в глаза, потому что при всем своем бешеном честолюбии он был полностью лишен тщеславия. Внешняя, показная сторона успеха для него не значила ничего. Другие могли сколько угодно соблазняться дутой славой или легкими деньгами, уходить с кафедры на должности пустопорожние, зато блестящие, менять научную работу на синекуру. Они уходили. Рейф Эррам оставался.

Научная работа, диссертация, преподавание... молодой многообещающий мэтр все, за что брался, делал на совесть. Этого нельзя было не признавать. Талантливый, добросовестный, безупречно вежливый. Здание его жизни выстраивалось по кирпичику, медленно и постепенно — зато таким, как Рейф и хотел, как надумал... И его не беспокоил

легкий холодок, задувающий в щели. Рейф не замечал этого холодка — потому что не помнил уже, что бывает иначе, что может быть иначе...

Но даже если бы и заметил... а на что ему, собственно, жаловаться? Не одни только коллеги — студенты и те уважали его безоговорочно. Не боялись, хотя никто к ним так не придирался, — а вот именно что уважали. Рейф никогда и никому не ставил высоких отметок «за красивые глаза» — но всегда был готов потратить сколько угодно времени на студента, пропустившего лекции по болезни или безденежью, и платы за этот труд не брал никогда. Он возился с любым, кто действительно хотел учиться, и умел объяснять не просто понятно, а захватывающе. Он всегда был справедлив и не прогибался ни перед властью, ни перед деньгами. Таких обычно недолголюбивают, хоть и уважают, но любви Рейф не искал — а потому не ощущал в ней недостатка. С коллегами он ладил — несмотря на свое явное нежелание одалживаться, принимать что бы то ни было. Это очень мешает жить, создает репутацию брюзги, склочника и нелюдима, но Рейфу прощали то, что считали причудой. По общему мнению, не бывает гения без придури — а то же самое общее мнение давно уже определило мэтра Эррама в гении, хотел он того или нет. А Рейф, к слову сказать, не хотел — но его мнения никто не спрашивал.

И девушки, которые на него заглядывались, тоже не спрашивали. Ни его, ни маменек своих заботливых... хотя маменьки дочек одобряли. Ну чем не жених? Такой молодой — а уже доктор наук, со временем, глядишь, и ректором станет. И из себя видный, красивый. И особу свою не балует... Ну так мужчине и не положено, пусть балует жену, а уж она — его.

Но Рейф не собирался баловать жену, — потому что не собирался жениться, — а уж себя тем более. Не привык и не умел, да и не хотел. Баловство — это ведь тоже дармовщина. А Рейф даже улыбки чужой, им не заработанной, не принял бы — что уж говорить о чем-то более серьезном...

Только заработанное, только заслуженное...

Но разве он заслужил то, что с ним стряслось?

А разве такое и вообще можно заслужить?

Такое может только случиться.

Он ехал в столицу, чтобы прочесть доклад на конференции, — и был уверен, что после этого доклада если и вернется назад, то очень ненадолго. Он рассчитал и расчислил свою жизнь, как рассчитывал магические преобразования, как пропорции заклятий. Но Меллы, ожидающей гибели Меллы в его расчетах не было.

Война Разделенных Княжеств оставила по себе жуткую память. Полыхала она из края в край, и, когда стало недоставать людей, в ход пошла магия. Заклятьями со всех сторон швырялись без счета, и давно известными, и только что разработанными. Но если в сосуд лить, не глядя, что попало, никому не ведомо, что за варево получится и уцелеет ли сосуд. А если схлестнется вместе такое множество чар...

На иных полях сражений даже лишайники до сих пор не растут — а ведь больше полутора веков минуло! Иные города до сих пор стоят пустешеньки — вот как их люди покинули, так и не селится там никто. Мелле повезло больше... или меньше — это как посмотреть. Угодить под Маятник — едва ли такое уж везение.

Боевые заклятья самой разной природы сцеплялись друг с другом, полимеризовались, образовывали кристаллические структуры, вырождались, эмульгировались — словом, никто не знает, что они вытворяли и как именно видоизменялись. Никто не знает, как именно из этой чудовищной мешанины получились Маятники, и покуда неизвестно толком, что происходит внутри них. Неизвестно, почему Маятники не просто возвращаются — за что они и получили свое название, — а еще и возвращаются нерегулярно. Зато известно, что происходит в городе, куда вернулся Маятник. Там не выживает никто.

Люди умирают, убивают, сходят с ума и... нет, лучше даже не вспоминать списки погибших городов и сухие пояснения из учебника, не представлять себе картинки, после которых еще долго снятся кошмары! Не здесь, не сейчас, не в Мелле, которая вот-вот станет такой же картинкой из учебника, такой же строчкой в списке, если ее не защитить!

Меллу можно только защищать — из раза в раз, пока Маятник возвращается. Бежать из Меллы бесполезно. Это не спасет никого. Действие Маятника дотянется до ее жителей и уроженцев где угодно, подобно тому как чума следует за беглецами из зачумленного города. В лучшем случае беженцев просто убьют со страху, узнав, кого приютили ненароком, в худшем — убить не успеют. Обычно, впрочем, успевают — сам Маятник хоть и невидим, зато приближение его очень даже заметно. Даже когда малая частица Маятника следует за одиноким беженцем, заметить ее приближение можно — если знать его приметы.

В каждом из городов, куда приходит Маятник, есть должность, именуемая Щит Города. И занимают ее не всегда по доброй воле — потому что маг, ставший Щитом, должен превзойти себя, но не допускать Маятник к городу. Во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило. И потому в таких городах очень редко селятся маги — не всякому охота в мирное время подвергать свою жизнь опасности, да еще и торчать в городе безвылазно — ведь никогда нельзя знать, скоро ли в очередной раз Маятник припожалует. Обычно Щитом становится маг из местных уроженцев — а остальные обходят злополучный город десятой дорогой. А чтобы жизнь сотен, а то и тысяч людей не зависела от одного-единственного мага, власти по разнарядке отправляют в такие города дежурного мага, дублера — сроком на два года. Случится что с Щитом перед приходом Маятника — и быть дежурному дублеру Щитом на всю оставшуюся жизнь. Минуты твои два года без происшествий — считай, повезло.

Рейфу дико, ошеломляюще не повезло.

Маг-дублер, профессор Энстре, уехал на столичную конференцию — да-да, на ту самую, куда направлялся и Рейф. Он считал, что может себе эту отлучку позволить — ведь Щит Меллы, мэтр Ронтар Оллави, пребывал в полном здравии. Ну что может случиться с человеком пятидесяти с небольшим лет, который к тому же ведет невыносимо правильный образ жизни?

От падения с лестницы здоровый образ жизни не спасает, а шею себе может свернуть даже и маг. Мэтр Оллави погиб через три дня после отъезда профессора. Мэр тут же разослал по окрестным городкам поисковые отряды — вдруг хоть какого-нибудь мага удастся отыскать и уговорить задержаться до возвращения мэтра Энстре. И разумеется, он отрядил за профессором гонца — догнать! вернуть! Догнать-то гонец профессора догнал, а вернуть не получилось. Мэтр Энстре просто-напросто отказался возвращаться. Еще и изругал гонца, а с ним заодно и городские власти за себялюбивую дурость и трусость, которая препятствует светочу науки, хотя он имеет законное право и даже обязанность побывать на конференции. Еще и проклясть пригрозил. С тем гонец и вернулся двумя днями позже — в то самое утро, когда сигнальные артефакты-индикаторы на городской башне из прозрачных стали бледно-синими, указав тем самым на скорое приближение Маятника. А еще через три дня в обезумевшей от бесплодных поисков мага в окрестных городках Мелле появился Рейф. Он очень спешил, потому что опаздывал на конференцию...

Он опоздал навсегда.

Он погонял коня, зная, как мало у него времени — а времени было не просто мало, время закончилось. Оно остановилось здесь, в Мелле, оно прекратилось, и вместо него началось что-то совсем другое — но что именно, Рейф не понимал.

Не мог понять — потому что вместо заработанного получил непрошеное, и получил навсегда.

...Где-то в глубине дома чуть слышно скрипнула половица, и ее скрип разом прервал череду воспоминаний и горьких мыслей. Рейф вздохнул с облегчением: меньше всего ему хотелось предаваться пустопорожним раздумьям. Он вообще был не из породы любителей расчесывать болячки и растравлять раны: уж если в повседневной жизни и приключаются тяготы, их самих по себе с лихвой довольно, так и стоит ли мучить ими свое воображение? Стоит ли изо дня в день снова и снова переживать несбывшееся, терзать себя всевозможными «или» и «если», вновь и вновь дотрагиваться до лихорадочного «может быть» и воспаленного «хочу»? Стоит ли теребить прошлое, насильно воскрешая его? Ведь

никому еще не принесла добра попытка поднять покойника из могилы. К чему поить кровью сердца свой вчерашний день, создавая монстра — незримого для остальных, но хищного и опасного, монстра, который не успокоится, пока не высосет жизнь из своего создателя досуха, до последней капли?

Есть люди, которые просто не могут, не умеют иначе. Рейф их всегда жалел, но несколько со стороны — как здоровый, отроду ничем не болевший человек жалеет больного или калеку: зная о его страдании, но не понимая. На свой лад ему повезло: в бытность свою при тетушке Киске и тетушке Крыске он выматывался до полного изнеможения, и сил, чтобы еще и в мыслях своих потерзаться, ему попросту не доставало. А потом и вовсе сделалось не до терзаний. Силы появились — а вот времени не хватало. Если надо обдумать сложный хроматографический анализ многокомпонентного заклятья, раздумывать над своей горькой судьбиной и терзаться попросту некогда.

А сейчас нет у Рейфа ни сложных чар, ни многокомпонентных заклятий, у него и вообще ничего нет — и не будет, пока он не вступит в должность и не получит доступ к служебным бумагам покойного мэтра Ронтара Оллави: нет ничего глупее, чем заранее выращивать махровые развесистые гипотезы, не ознакомившись с предметом работы. Но мозг, привычный работать и тяготящийся бездельем, не желает знать никаких резонов — вот и размышляет о чем попало. О всплывает со дна души мутная тина — останки дня вчерашнего в обнимку с обломками надежд на будущее и обрывками опасений... а ну их совсем!

Чтобы покончить с дурацкими мыслями, требовалось вступить в должность и начать наконец работать — а чтобы вступить в должность, не доставало сущего пустяка. Если, конечно, жену можно назвать пустяком.

Рейф был холост.

Есть должности, на которые принимают только людей женатых. Пост Щита Города относился к их числу. И не по простому обыкновению, а по требованию закона. Будь он неладен.

Тех, кто принимал этот закон, понять можно. Мало ли для опытного сильного мага более соблазнительных занятий, чем быть Щитом? Да сколько угодно! Ухлопать свою жизнь, сиднем сидя на одном месте, не отлучаясь из города никогда и никуда: ни на ярмарку, ни на конференцию, ни давнего друга провести... Щит Города может отлучиться разве что на похороны, причем собственные. А перспектива собственных похорон для Щита выглядит не такой уж и отдаленной. Опасное это дело — Маятник отводить. Не должность, а прямо-таки приговор судебный для преступника. Вот и попробуй найди на нее добровольца — ну или хотя бы того, кто не сбежит, распробовав, какова его служба на вкус. Вот и выходит по всему, что брать на эту службу надо женатых. Холостяжник — человек ненадежный, перекасти-поле, ему удрать ничего не стоит... а вот женатому куда от семьи удирать? Весь он тут, и деваться некуда. И лучше, чтобы жена была из местных — тогда свой интерес у него будет, кровный. Себя не жалея, станет город собой заслонять — и не за страх, а за совесть.

Это как раз понять можно... Куда труднее понять, почему в законе прописано, что женат Щит должен быть всенепременно на дворянке или магичке, причем не вдовой ни в коем разе. И какая клепка заскочила в голову у того, кто это придумал?!

А главное — как выкручиваться городу, где едва нашелся единственный проезжий маг, и тот холостой, а Маятник вот-вот нагрывает?

Женить мага, разумеется, как же еще.

Можно подумать, для заезжих магов невесты благородного происхождения так рядами и выставлены, словно пирожные в лавке кондитера — выбирай, что душе нравится!

Магичек в Мелле, ясное дело, днем с огнем не сыскать. А дворянок незамужних — ровным счетом две. Шести и восьми с половиной лет. Возраст, когда закон не позволяет даже формальную помолвку. Мэр Меллы, хитрец и умница, ради спасения города был готов снять закон с положенного ему места и сунуть его под себя — но не выкинуть его на свалку. Рейфа это удивляло — в таком положении не до соблюдения законности, когда смерть над

головой нависла, выбирать и носом крутить не приходится... но, в конце концов, городским властям виднее. Ох уж эти законы... вот так же точно закон в свое время обрек его на Киску и Крыску, хотя в любом приюте мальчишке жилось бы лучше! А сейчас закон обрекал не одного сироту, а целый город, и не на скверную жизнь, а на верную смерть. И потому Рейф выполнял покуда хотя бы подготовительную работу, чтобы времени даром не терять, а жители Меллы искали той порой в соседних городках хоть одну незамужнюю дворянку старше двенадцати лет — своих нет, так хоть проезжую. Повезло с магом — отчего бы и не с невестой для мага? Но, видно, крепко что-то разладилось в небесном делопроизводстве, и судьба не спешила предоставлять невесту для Рейфа.

Оставалось крайнее средство.

Развод.

Завтра в полдень те жители Меллы, кто был женат на дворянках, станут бросать жребий — кому из них разводиться. Кому выпадет, того и разведут, и на любовь семейную не посмотрят, и на детей... потому что детям этим тоже жить надо. Жить, а не погибать под Маятником. Тут же и разведут, а на следующее утро Рейфа обвенчают. Вот тебе жена, любезный, знакомься, а вот тебе должность и бумаги покойного мэтра Оллави в приданое...

Разумеется, терпеть подобное Рейф ни дня лишнего не собирался. Ему ведь нужно быть женатым для вступления в должность, и только. Как только с Маятником управится, тут же на развод и подаст. Минимальный срок от брака до развода по закону не меньше месяца, но если брак не был физически осуществлен, и того ждать не надо. С какой стати ему чужую жизнь заедать? Незнакомая пока еще женщина войдет в его судьбу меньше чем на полмесяца — и вернется домой. Это Рейф решил твердо. В конце концов, разводиться Щиту Города закон не запрещает. И на том спасибо.

Нет, о жене своей временной Рейф не думал — потому что решение уже было принято: не рушить чужую жизнь. Если кто-то ввел полоумный закон, а городские власти помешались на его исполнении, он этому безобразию потакать не намерен.

Зато прошлое цеплялось к нему неотвязно.

Тоже выискался предмет для размышлений... но чем прикажете себя занять в межвременье вынужденного ожидания? У себя на кафедре Рейф нашел бы уже с десятков занятий, поглотивших бы его целиком, — но здесь, в этом чужом ему доме, он чувствовал себя неожиданным гостем, которого занесло с деловым визитом, когда хозяин дома отлучился, и теперь остается только ждать его. Все вокруг чужое, все не свое — не снимешь без спроса чужую книгу с полки, чтобы скрасить досуг, не станешь рыться в чужом столе... остается только ждать, пока хозяин соизволит вернуться. Ум томится подневольным ожиданием — сам не заметишь, как примешься перебирать в мыслях что ни попадя... а хозяина все нет и нет. И не будет — потому что твой это теперь дом, мэтр Эррам, тебе в нем и жить.

И дом твой, и камин, в котором горит огонь, твой, и обстановка в доме твоя, и слуги твои, и даже дверь, хлопнувшая только что — и кто это из слуг вдруг наладился прогуляться на ночь глядя? — даже и эта дверь твоя. Все это принадлежит тебе.

Принадлежит?..

Рейф не мог ощутить этот дом своим, невзирая на все усилия, а себя — хозяином этого дома. Он чувствовал себя гостем покойника. Если бы от Ронтара Оллави осталась хоть какая-то мелочь — будь то чашка недопитого травяного чаю, заштопанный непарный носок, завалившийся за кровать, или недокуренная трубка, Рейфу стало бы неизмеримо легче. Хоть что-то... что угодно, обозначающее прерванное присутствие. Но нет — от личных вещей мэтра Оллави в доме не осталось и пылинки. Меблированный дом, каких много... Рейф и сам снимал комнату со всей обстановкой, но она и была чужой, она не притворялась своей, и вдобавок он платил за нее. А этот дом — вроде бы и свой, а на самом деле чужой... чужой, незаслуженный, дареный... есть ли для Рейфа разница между подарком и ловушкой?

Нет ее, этой разницы.

Дареное. Чужое. Не свое.

Ловушка.

Немудрено, что ему только и думается о всяких несообразностях. Ведь он пойман. Он в ловушке. Вот сейчас дверь скрипнет, откроется, возникнет в проеме тощий неопрятный силуэт Крыски и скажет мэтру Эрраму полузабытым голосом: «Здравствуйте, я ваша тетя...»

Дверь скрипнула.

Звук этот так полно и точно совпал с мыслями Рейфа, что он на миг онемел — и молча смотрел, как отворяется дверь и в проеме ее возникает женский силуэт.

— Здравствуйте, — негромким, но сильным голосом произнесла женщина. — Я ваша теща.

Если Рейф и слыхивал в своей жизни хоть когда-нибудь что-то более безумное, то полностью об этом запамятовал.

Он невольно шагнул навстречу незнакомке.

Нет — на тетушку Крыску вечерняя гостья не походила ни в малейшей малости.

Очень светлые ее волосы, густые и длинные, были забраны вверх и уложены в аккуратную «раковину». Простое платье горожанки было хоть и небогатым, но отменно опрятным, и носила его незнакомка с таким изяществом, что оно казалось почти нарядным. С виду женщине было лет сорок или около того, и едва ли эти годы она провела в тепле и холе — не было в ее лице безмятежной уверенности в судьбе. А вот уверенность в том, что судьба еще не повод сдаваться, — была. Серо-голубые глаза гостьи смотрели прямо и спокойно. Нет, она ничем и ни в чем не была похожа на Крыску — вечно замызганную, прежде времени постаревшую, растрепанную слащаво-злобную Крыску.

На сумасшедшую она тоже не была похожа.

— Меня зовут Томален Эссили, — добавила женщина. — Госпожа Томален Эссили.

Вдова, ошеломленно сообразил Рейф. Высокородная вдова. Девушка знатного рода — а хоть бы и старая дева шестидесяти лет от роду! — звалась бы барышней Томален Эссили. Разведенная — сударыней Томален Эссили. Замужняя поименовала бы себя достойной Томален Эссили — а если уж госпожой, то не Томален, а, скажем, Редрам Эссили или же Керд Эссили — не только по фамилии, но и по имени мужа. А раз госпожа Эссили, да еще и при своем, а не мужнем имени — вдова.

И что? Это что-то меняет?

Бред какой-то, вот честное слово...

— Госпожа Эссили, — со всей возможной учтивостью произнес в ответ Рейф, — меня зовут Рейф Эррам — и насколько мне известно, я никогда не был женат.

— Это *вам* известно, — возразила госпожа Томален. — И мне, раз уж вы сейчас в этом признались. Но почему это должно быть известно мэру и городскому совету?

Бред продолжал оставаться бредом, безумный разговор становился с каждым словом не менее, а все более безумным — но теперь у этого безумия появился какой-то внутренний центр.

— Вы хотите сказать, что... — осторожно начал Рейф.

— ...что Мелле нужен Щит, а вам — полномочия, — твердо сказала госпожа Эссили. — И ни у города, ни у вас нет времени прогнуться под закон. Если я поклянусь, что вы — муж моей дочери, а вы подтвердите, кому какое дело, действительно ли вы женаты?

О нет, госпожа Эссили не была сумасшедшей. А даже и была — то очень, очень здравомыслящей.

Не прошло и пяти минут, как оба они, Рейф и Томален сидели за чашечкой чая и деловито обсуждали предстоящее лжесвидетельство. Травяной чай был заварен впопыхах и подано к нему было всего-навсего несколько сухариков которые с натяжкой можно назвать сладкими, — но госпожу Эссили такие мелочи не волновали, а Рейфа и подавно.

Подлог? Ну и пусть подлог. Преступление? Но тогда и государственный чиновник, в голодный год взломавший топором двери казенного амбара, от которого потерял ключ, чтобы раздать зерно голодным, как того требуют закон, здравый смысл и милосердие, — тоже преступник.

Рейф не имел ничего против подобного преступления. Подлог так подлог — но

госпожа Эссили предложила выход. И для Меллы, и для него. Куда более приемлемый, чем затея с разводом по жребии, и куда более скорый. Если Рейф уже женат, то и в должность он может вступить незамедлительно — а значит, выиграть два дня. Целых два лишних дня на подготовку!

— Как зовут вашу дочь? — спросил Рейф. Сказать «мою жену» он просто не смог, язык не повернулся.

— У меня нет дочери, — ровным голосом ответила Томален. — Линни умерла в семь лет.

Рейф опустил глаза.

— Но это было не в Мелле, — помолчав, добавила Томален. — Когда я еще писала письма родным, она была жива и здорова. Весь город знает, что у меня была дочь, — но никто не знает, что ее больше нет.

Рейф молча кивнул.

— Вам не придется венчаться с незнакомкой, — чуть глуховато сказала госпожа Эссили. — Не придется сломать или даже потревожить чью-то жизнь. Вам надо только дать слово, что вы женаты.

— Я пока не очень понимаю, как это сделать, — признался Рейф. — Я же говорил все время, что холост. Что тут можно придумать?

— Да придумать как раз нетрудно... — возразила Томален все тем же ровным глуховатым голосом. — Скажем, так... примерно год тому назад... или год с небольшим... мы с Линни проезжали через... как называется город, где вы живете?

— Эннайд, — машинально ответил Рейф.

— Через Эннайд, — кивнула Томален, поправляя выбившуюся из прически прядь. — Линни хворала, и нам пришлось задержаться на некоторое время. Вы случайно встретились и полюбили друг друга. С первого взгляда.

Рейф не очень себе представлял, как он может влюбиться, тем более с первого взгляда — до сих пор с ним ничего подобного не случалось, — но тоже кивнул. Не столько в знак согласия, сколько в знак того, что внимательно слушает.

— Вы попросили у меня руки Линни. А я вам отказала, — невозмутимо продолжила госпожа Эссили. — Гонор во мне дворянский разыграл.

Рейф поперхнулся чаем. Представить себе госпожу Томален Эссили с разыгравшим гонором было еще труднее, чем самого себя — влюбленным. То есть попросту невозможно.

— А может, и не гонор, — добавила раздумчиво Томален. — Может, практичность. Сама-то я небогата, вот и хотелось для дочки обеспеченной жизни. Чтобы хоть ей не нуждаться ни в чем. Так больше похоже на правду?

Что небогата, по платью видать. Сейчас, когда Рейф разглядел его получше, он мог только диву даваться, как госпожа Эссили ухитряется выглядеть в нем нарядно и изящно.

— Наверное, — сказал он. — Я не знаю. Вам виднее.

— В любом случае я вам отказала. И Линни решила бежать с вами и обвенчаться тайком. Обвенчаться вы успели... может, даже и поцеловаться успели, но тут нагрянула я. И увезла Линни. Вы пытались ее отстоять, но я сказала, что ваш брак недействителен.

— И я поверил? — скептически произнес Рейф.

— А я дала священнику взятку, и он подтвердил, — безмятежно заявила госпожа Эссили.

У Рейфа от изумления просто слов не нашлось.

— А так нередко делается, когда девушка выходит замуж против воли родителей, — пояснила Томален. — Если родители успевают, конечно. Священник подтверждает, что в спешке совершил обряд неправильно, так что венчание недействительно. А обвенчать повторно... ну кто ж ему даст. Родители-то имеют полное право девушку увести, раз она не повенчана. И если брак фактически не состоялся, по закону через два года брак считается недействительным. Даже если венчание было настоящим. Девушке о таких тонкостях знать неоткуда... жениху обычно тоже. Так что обвести вокруг пальца двух влюбленных олухов,

как правило, нетрудно.

О том, что незавершенный брак даже и без развода через два года аннулируется, Рейф знал — но глубоко сомневался, что сумел бы сообразить, что его обманывают, в подобной ситуации.

— Я увезла Линни, — продолжала между тем Томален. — Совсем увезла, в тот же день. А вы остались — в полной уверенности, что так и не были женаты. Но Линни вас не забыла. Она так тосковала по вам, что в конце концов расхворалась окончательно и слегла. На этом мое упрямство истощилось. Это в слезливых балладах жестокие родители предпочитают мертвую дочь не слишком желанному зятю. А в жизни... как не уступить, если твой ребенок умирает... на что угодно согласишься.

Она произнесла эти слова спокойно... так спокойно, что Рейф невольно сжал пальцы. Эта невысокая худощавая женщина знала, о чем говорит. И она согласилась бы на что угодно... только это не помогло...

— Линни была слишком больна, чтобы ехать, — сказала Томален, глядя прямо перед собой. — Мне пришлось оставить ее с родственниками покойного мужа и отправиться искать вас. И я вас нашла. Два года еще не миновали. Вы женаты. Вам только надо это подтвердить.

Рейф ответил не сразу. Он помолчал немного, пытаясь как-то осмыслить выдуманную историю своего несуществующего брака.

— Да подтвердить я могу... — растерянно промолвил он. — Вот только кто ж в это поверит? Это даже не слезливая баллада, это... это... госпожа Эссили, это невозможно, нам никто не поверит...

— Поверят, — со спокойной уверенностью произнесла Томален. — Шла бы речь о ком другом, нипочем бы не поверили, а обо мне — поверят. Еще и не в такое поверят. Я ведь и сама в свое время замуж выскочила убегом — и напрямик в слезливую балладу. Уверю вас, все было очень романтично... в самом скверном смысле слова.

...Если Рейф пришел в Меллу из неправильной сказки, то госпожа Эссили явилась к нему из неправильной баллады. Герою правильной баллады полагается блистать всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами и отличаться редкостным благородством духа — что замечают, разумеется, все окрестные жители. За исключением — опять-таки разумеется — родственников его избранницы. Этим уколобым и мрачным созданиям отчего-то не хочется восхищаться и восторгаться — и уж тем более выдавать за него дочку. Само собой, они лишают любимое дитяtko приданого, сажают под замок, травят возлюбленного злыми собаками и срочно подыскивают обожаемой дочери жениха — как можно более старого, мерзкого, злобного и по возможности бородавчатого. Прелестная дева отчего-то не желает ценить их заботу и сбегает с возлюбленным, расковыряв оконную решетку чем-нибудь совершенно неподходящим и спустившись из окна при посредстве собственных кос, обрывков нижней юбки или же просто на крыльях любви. Собаки в ответ на ее демарш впадают в ступор, так что девица беспрепятственно прыгает в объятия любимого, после чего влюбленные бегут венчаться в ближайший храм. Дальнейшее обычно зависит от воли менестреля и состояния завязок на кошельках почтеннейшей публики. Если публика готова раскошелиться уже на этой стадии, менестрель обычно позволяет парочке беспрепятственно обвенчаться и жить долго и счастливо где-нибудь подальше от этих монстров, ее родственничков. Если же публика попалась прижимистая, менестрель мстительно живописует погоню, учиненную монстрами, то бишь родственничками, плавно перетекающую в кровавую бойню, — и не останавливается, пока не перебьет всю родню девицы руками ее смертельно раненного возлюбленного. Не вполне понятно, каким образом умирающий оказывается в состоянии положить замертво такую уйму народу, — но это мелочи, на которые истинному вдохновению, разъяренному скупостью слушателей, глубоко наплевать. В финале баллады кровь льется рекой, трупы валяются с непринужденностью осенних яблок, напигованный клинками герой закатывает предсмертный монолог длиной с дорогу от границы до столицы, после чего деве, созерцающей выставку дорогих ее сердцу

покойников, остается только повеситься — при посредстве собственных кос или обрывков нижней юбки, поскольку крылья любви для этой цели не годятся абсолютно. Публика жалобно сморкается и развязывает кошельки.

Нет — госпожа Томален Эссили пришла из неправильной баллады.

Хотя надо отдать должное Таэру Эссили — на роль героя слезливой баллады он годился отменно. Таэр был высок ростом, строен и хорош собой, он отлично танцевал и играл на флейте с прилежанием, сочинял недурные стихи и песни и пел их приятным баритоном — причем, что немаловажно, никогда не выдавал чужих стихов и песен за свои. Он прекрасно умел фехтовать, говорить небанальные комплименты и беззаботно смеяться. Правда, он не был ни безродным нищим, ни принцем инкогнито — зато он был ниялом, а разве можно желать большего от романтического возлюбленного?

Давно отгремевшая Война Разделенных Княжеств сытно кормила уже не первое поколение менестрелей, всегда готовых на радость публике сочетать узами роковой любви уроженцев враждебных друг другу княжеств Таммери и Нияле. Если хоть половина воспетых ими любовей случилась в действительности, оставалось только удивляться, как это еще на свете существуют таммеры и ниялы, а не сплошные потомки от смешанных союзов. Так или иначе, а Таэр был ниялом, и одно уже это не могло оставить равнодушной совсем еще молоденькую таммерскую девушку.

Урожденная Томален Арант была очарована до глубины души. И немудрено. Кто в шестнадцать лет не воображал себя героем или героиней баллады, кто не жил в воздушных замках? Юная Мален ступала по облакам, и до ее слуха не доносилось ни звука с обыденной земли, на которой, как ни бейся, не отыщешь ничего возвышенного и романтического. Упоенной грезами девочке было покуда невдомек, что романтического вокруг нее полным-полно, просто ищет она его не там. На то и романтика, чтобы уклоняться от расхожих о себе представлений и обитать совсем не там, где принято ее разыскивать. И реже всего она встречается в воздушных замках. В них куда вероятнее наткнуться на какое-нибудь чудовище, причем отнюдь не возвышенное.

Семейство Арант, к разочарованию любого менестреля, не состояло из монстров. Мален в семье действительно любили, и никому не пришло бы в голову подыскивать ей богатого, но злобного кривомордого старикашку в женихи. Да разве это партия для Мален? Красивой, веселой, обаятельной, образованной и изящной Мален? Не так и беден род Арант, чтобы дочерью торговать! И вообще — какие там женихи, пусть повеселится девочка. Мален еще слишком молода, чтобы думать о замужестве.

Но Мален думала о замужестве — именно потому, что была еще слишком молода.

Когда Томален назвала своего избранника, ее никто не лишил наследства и не сажал под замок. Отец вел себя разумно, мать — тактично, брат — сдержанно. Однако согласия на брак Мален от семьи не получила.

Отец напоминал, что Мален совсем, в сущности, Таэра не знает. Томален это казалось вздором — конечно, знает, причем как никто другой! Мать предлагала различные хитромудрые способы испытать возлюбленного. Способы были до умопомрачения изобретательными и романтическими, но ведь усомниться в любимом — это так низко. Брат подарил Мален восхитительное новое платье — просто мечта, а не платье, и вдобавок оно предназначено для незамужней девушки, а не для замужней женщины. Именно в этом платье Мален и сбежала из дома под венец. Не всякая героиня баллады могла похвастаться таким нарядом в ночь своего венчания!

Мален была горда и счастлива — но даже сквозь жаркое дыхание любовного тумана пробивался смутный, почти неосознанный стыд. Обмануть близких людей, которые тебя любят и полностью тебе доверяют, — невелика заслуга. Мален уверяла себя — не без помощи Таэра, — что обман совершен, по сути, для их же блага, так что в нем нет ничего дурного. Ведь ее семья любит ее — разве нет? Конечно же любит — а значит, хочет, чтобы Мален была счастлива. А счастлива Мален может быть только с Таэром, это же так понятно и естественно. Вздумай Мален подчиниться родителям, и она будет несчастной до конца

своих дней — а значит, сделает несчастными и своих близких, ведь они же будут горевать из-за нее да вдобавок будут считать себя виноватыми. А если она от горя и тоски сойдет в могилу? В балладах такое случается сплошь и рядом. И каково тогда придется ее семье? А ведь раскаиваться будет поздно, мертвых раскаяньем не воскресишь. Просто семья Мален пока этого всего не понимает... ну что же, значит, Мален должна взять бремя выбора на себя. Не только ради себя самой, ради них тоже. А вот когда они все увидят, как она счастлива, они поймут, что были не правы, и только порадуются ее счастью. И все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо...

Нужно быть очень молодой и очень влюбленной, чтобы не просто поверить в такую чушь, когда она слетает с уст любимого легко и непринужденно, а еще и убедить себя, что это не его слова, а твои собственные мысли. Мален была очень влюблена — и все же убедить себя полностью ей не удавалось. Она успокаивала себя тем, что между ее родными и Таэром на самом деле не может быть никакой размолвки, все это сущее недоразумение, и, когда она вернется к ним рука об руку с супругом, оно развеется — ведь Таэра невозможно не любить! Они обязательно полюбят Таэра, как только узнают его получше! Ей казалось, что голос, нашепывающий ей эти утешения, — голос любви. Как он называется на самом деле, она поняла намного позже.

Разумеется, домой — ни одна, ни с мужем — Томален не вернулась. Таэр увез ее в Ниале прямо из-под венца. Ему нетрудно было убедить влюбленную дуреху в том, что именно так и следует поступить. Так принято во всех балладах... и к тому же родители успеют соскучиться по любимой дочери, так что, когда она появится, будут слишком рады, чтобы годиться на нее. Легко поверить в то, во что поверить хочется — даже если в глубине души понимаешь, что это дурно... а может, именно потому что понимаешь. Ложная гордость не велит признаться себе «я поступаю плохо» — поневоле схватишься за любое оправдание.

За эту ложную свою гордость, за себялюбивую наивность, за упрямую уверенность в том, что любовь оправдывает все, Томален Эссили заплатила сполна.

Первые несколько месяцев замужней жизни расплаты не предвещали. Сияние любви преображало привычный мир до неузнаваемости, все вокруг преисполнялось иным, глубинным смыслом — и балованная семнадцатилетняя девочка переносила тяготы неустроенного и не слишком-то богатого житья не просто терпеливо, а восторженно. Все было как в балладах. Всё было прекрасно. Все было... как-то немного не так. Или все же так? А как надо, как оно должно быть? В балладах об этом ничего не говорится. «Они жили долго и счастливо» — вот и весь сказ. А что делать, если даже в самые счастливые минуты делается вдруг страшно, так страшно, и от непонятности, неуместности этого страха ничуть не легче — только страшнее? Ведь если страшно — значит, что-то все-таки неправильно?

Ну конечно, неправильно. Потому что построено на обмане. Мален обманула своих близких, все дело в этом...

Во всех случайных, как ей тогда казалось, размолвках и неурядицах Томален винила в конечном итоге всегда себя. Для человека, который уже изрядно виноват перед кем-то, это вполне естественно. Сознание вины — подлинной, непридуманной — притягивает к себе любые вины без разбора, как магнит притягивает железные опилки. Таэру не пришлось особо усердствовать, обвиняя ее, если что-то не ладилось, — она и сама верила, что это ее и только ее вина. Она не замечала, что всякий раз оправдывает Таэра, — а когда все же начала замечать, винила себя и в этом: разве он дошел бы до таких крайностей, как двухчасовая ссора, если бы она ему во всем не потакала? Ей следовало хоть что-то предпринять. Что может предпринять наивная семнадцатилетняя девчонка, если муж лет на восемь ее старше и уж точно раз в восемь опытнее? Этого вопроса Томален себе не задавала.

Впрочем, размолвки тогда были редкими и пустячными. Да и есть ли на свете влюбленные, которые никогда не ссорились?

Предложение вернуться в Меллу и помириться с родными Томален восприняла с радостью. Она не заметила, что Таэр предложил вернуться в Меллу именно тогда, когда закончились деньги — в том числе и вырученные за ее чудесное платье. А если бы и

заметила — разве это главное? Ведь она вернется домой, и ее родные увидят, что она была права, что она счастлива. Они больше не будут сердиться и огорчаться. Они тоже будут счастливы. И все наконец-то будет хорошо и правильно.

Ни родители, ни брат ее не винили и не корили. Не пытались говорить ей разные правильные слова, которых она бы все равно тогда не услышала. Запоздалые правильные слова, которые уже никому и ничему не могли помочь... да и раньше бы не помогли. Мален не видела, не могла увидеть ни ужаса матери, ни горя отца, ни бессильного отчаяния брата. Они-то как раз видели все — и ничего не могли исправить. Попытаться «открыть глаза» влюбленной дурехе и оттолкнуть ее от себя непоправимо, оставив во власти проходимца, — или же не пытаться и молча наблюдать, как она сама идет к собственной гибели? Бывают же такие житейские положения, когда выбор предоставляется разве что между чумой и холерой, и которое из двух зол ни выбери, оба хуже. Поводов, чтобы вмешаться и потребовать развода, не было. Образумить Мален было невозможно. Оставалось попытаться спасти то, что еще мыслимо спасти.

Когда Таэр — исподволь, издавек — завел разговор о приданом, оказалось, что оно только Мален и дожидается. Разве семья может отказать в чем-то любимой дочери? Есть у нее приданое, как не быть, и притом богатое. В виде капитала, вложенного в один из самых солидных нияльских торговых домов. Оформленного, разумеется, на Томален Эссили лично. Ренты с него — записанной опять-таки на Мален — более чем достаточно для обеспеченной жизни. А изъять его из дела можно единственно по запросу за подписями самой Томален и ее отца, и никак иначе, так что Мален может быть полностью спокойна — без ее согласия семья не может и притронуться к этим деньгам, что бы ни случилось. Мален и была полностью спокойна: она-то в отце не сомневалась, но Таэр был уверен, что за ее приданое придется побороться — как же хорошо, что теперь он видит, что опасался напрасно!

Сухости его ответного: «Да, конечно», — она тогда не поняла. Да и как ей было понять скрытую ярость авантюриста, который собирался заполучить приданое и под любым предлогом развестись с женой и вдруг обнаружил, что разгадан ее родителями и совершенно не властен над желанными деньгами!

Роль свою Таэр играл тщательно. Когда за год до рождения Линни он заговорил о возвращении в Нияле с женой, у родных Мален не было ни причин, ни поводов воспрепятствовать. Поводы появились уже в Нияле, и то не сразу. Первое время Таэр держал себя в руках. Зато когда понял, что жаловаться в своих письмах родителям Мален нипочем не станет, осмелел, и удержу ему просто не стало.

Любовь терпит многое — но все-таки не все. Любовь прощает непростимое, и прощает долго — но все-таки не до бесконечности. Любовь закрывает глаза на провинности, особенно если знает за собой вину, — но рано или поздно глаза откроются.

Родители были против ее брака с Таэром не потому, что он ниял, а потому что он сукин кот и мерзавец, — но Томален сопротивлялась этой истине руками и ногами. Себя и только себя она винила в загулах и изменах Таэра, в его попойках и карточной игре. Томален все еще любила — и еще надеялась на что-то. Отрезвление пришло мгновенно — когда Томален обнаружила в камине обгорелый клочок бумаги, на котором Таэр упражнялся в подделке подписей — ее отца и ее собственной.

Мир рухнул и раскололся пополам — многие ли сумеют быстро выбраться из-под обломков? Мален была не растеряна даже, а оглушена. Она не могла понять, что ей теперь делать. Любовь любовью, но... но это уже не шутки. Зачем Таэру понадобились их подписи? Нет, в Мелле ему нипочем не удалось бы выдать свою подделку, даже самую удачную, за подпись ее отца — любой в Мелле отлично знал, что господин Арант не подписывает платежных поручений или векселей, не сопроводив документ еще и подписью жены или сына: раз деньги семейные, то и тратить их должно не в одиночку. В Мелле по такой бумаге Таэр не получил бы ничего — кроме камеры в городской тюрьме. Но это в Мелле, а здесь, далеко от Меллы, где об этом обыкновении отца не знают — зато знают, что получатель предъявит две подписи, самой Мален и ее отца...

Более опасные способы распорядиться этими двумя подписями Мален по тогдашней ее наивности даже в голову не пришли. Но и того, что Таэр собирается обокрасть ее, уже хватало, чтобы прийти в смятение... а потом и начать действовать.

Однако времени собраться с мыслями и хоть что-то предпринять у нее уже не оставалось. Найденный ею обрывок бумаги был последним в череде других таких же, но запечатлевших менее удачные подделки. Этот клочок был последним — потому что Таэр успел набить руку... а значит, ему уже незачем было возвращаться домой. Мален его больше никогда не видела.

Таэр попросту исчез, и деньги исчезли вместе с ним. Зато появились кредиторы. Господин Эссили перед своим исчезновением успел наделать кучу громадных долгов и испарился, прихватив взятое в долг с собой, — но госпожа Эссили осталась. Будь она разведена с ним, будь она хотя бы вдовой... но вдовой она тогда еще не была.

Дом был продан за долги сразу же — но даже это не избавляло Томален от долговой тюрьмы. Написать родителям — и перевалить долг на них? А не слишком ли ты много на них уже взвалила, Томален Эссили? И не просто взвалила, а еще и не сумела сохранить полученное? Взвалить долги Таэра на семью — как раз когда брат собирается жениться? Тебе не откажут, Мален, за тебя заплатят, тебя откупят от тюрьмы — а только вправе ли ты об этом просить? И не в одних деньгах дело. Если в Мелле прознают, на что были потрачены эти деньги — а ведь прознают, — позор ляжет не на одну Томален-вертихвостку, а на всю ее родню. Мало того что дочь убогом замуж выскочила, так еще и за проходимца — наверняка с ним на пару мошенничала, да вот попалась... опозорить семью окончательно, ограбить родителей, поломать жизнь брата... но Линни, малышка Линни...

Мален бралась за письма, рвала их и снова начинала писать. Она совершенно потеряла голову. Трудно сказать, что она бы решила в конце концов, если бы не бывший придворный ювелир, которого на старости лет потянуло в родные места. Ему Таэр задолжал больше всех. Ни житейский опыт, ни здравый смысл ювелиру не помогли — слишком недавно он вернулся, чтобы знать ту часть городских слухов, которая до последней минуты не достигает ушей порядочных людей. О попойках, загулах и мотовстве Таэра знали в городе немногие — и притом не те люди, кто мог бы рассказать о них заимодавцам: Таэр давно уже намеревался набрать денег в долг и исчезнуть, а чтобы кто-то развязал для тебя свой кошелек, волю себе давать следует только тайно и ни в коем разе не афишироваться. Это уже после исчезновения господина Эссили выяснилось толком, сколько всего этот обаятельный господин успел понатворить и сколько кому задолжал — в том числе и ювелиру.

Старик был практичен и добросердечен одновременно. Он хотел вернуть свои деньги, а не бессмысленно гноить в тюрьме несчастную женщину — такую же точно жертву обмана, как и он сам. У него хватило денег и влияния, чтобы склонить суд к неожиданному решению: не взыскивать долг с Томален Эссили, объявить в розыск для взыскания долга Таэра Эссили, а до тех пор, покуда он не сыщется, воспретить Томален покидать город. Мален понимала, что никакой она не залог возвращения Таэра — скорее уж наоборот, живая гарантия того, что он не вернется. Понимала она и то, что не ей спорить с решением суда — для нее оно оказалось сущим милосердием. А еще она понимала, что деваться и некуда. Без дома, без единого гроша, зато с ребенком на руках...

Когда старый ювелир предложил ей место экономки, она согласилась, не раздумывая.

О своей беде она родным так и не написала. Взамен она сочинила жизнерадостное письмо, полное беззаботной болтовни. Мален уверяла, что Таэр получил должность в городском магистрате, но далеко, где-то совсем уж на задворках Ниале, так что писать она теперь будет нечасто и разве что с оказией. Что и сейчас она пишет второпях, потому что уезжать надо немедленно и даже заехать домой попрощаться она уже не успевает. Что у нее все хорошо, просто лучше быть не может. Она бы и не такое выдумала — лишь бы ее семья не удивилась ее долгому отсутствию и не попыталась ее отыскать. И так Мален уже причинила им довольно горя... Старику ювелиру не очень и нужна была экономка — вести дом на широкую ногу он не собирался. Просто, вернувшись, он не застал в живых никого из

друзей детства, а дальняя родня давно поразъехалась кто куда. Одиночество томило его, холодное, беспощадное, последнее, самое страшное и непоправимое — одиночество старости. Он принял в дом Томален с малышкой, потому что этот небольшой дом оказался слишком огромным и пустым для него одного и присутствие слуги и кухарки, старательно державшихся, как и положено, подальше от хозяйских глаз, не изгоняло одиночества, а лишь подчеркивало его. В городе, понятное дело, судачили все кому не лень — а уж языки почесать вдоволь никто не поленится. Одни говорили, что ювелира, охальника старого, на молоденьких потянуло, другие полагали, что он от большого ума желает держать жену должника под присмотром, чтобы и она не сбежала. Томален очень быстро поняла, что городские сплетники не правы. Она была нужна старику — не как залог, не как экономка и уж тем более не как предмет вожделения. Она могла бы и вовсе ничего не делать по дому — лишь бы она в этом доме была. Но Мален исполняла все на совесть. Именно в доме старого ювелира она научилась вести хозяйство и приглядывать за слугами — делать любую домашнюю работу своими руками она научилась раньше, Таэр вечно придирался к слугам, отказывая им от места, а потом и вовсе назвал привычку держать слуг барской... и ведь она согласилась с ним тогда, она дала себя убедить в том, что это недопустимое мотовство! Что ж, теперь полученные умения оказались нелишними. Она стряпала вместе с кухаркой, наводила чистоту и порядок вместе со слугой, она успевала решительно все, и малышка Линни была с ней рядом — а вечерами, уложив девочку спать, вела со старым ювелиром долгие беседы, подрубая новое платье для Линни или вывязывая чулок. Она уставала так, что, ложась спать, не видела снов — и это было благословением. О старике ювелире что и говорить — он не раз думал, что стоило и не таких денег лишиться, чтобы обрести утешение на старости лет.

К Линни старик привязался, как к родной внучке. Когда малышка заболела, ее лечили лучшие лекари в городе — вот только и они иной раз бывают бессильны. Когда девочка умерла, старый ювелир оплакивал ее вместе с Томален. Общее горе сроднило старика и Мален.

А спустя несколько лет пришли наконец вести о Таэре. Краденые деньги не пошли ему впрок. Они растаяли быстрее, чем кусок масла на горячей сковородке. Таэр менял города и имена, кружил головы молоденьким дурочкам и улепetyывал с их драгоценностями, играл по-крупному, ударялся в загулы и в конце концов был убит на случайной дуэли. Ожидавшим его поимки кредиторам оставалось разве что руками развести, ибо плакали их денежки. Жена Таэра Эссили отвечала за его долги в той же мере, что и он, — до судебного решения. Вдова Таэра Эссили от его долгов была вдвойне свободна. Теперь Томален была вольна уехать куда глаза глядят. Но она и помыслить не могла бросить в одиночестве старика, который и раньше-то ходил с трудом, а сейчас ноги отнялись у него почти полностью. Старика, который спас ее от долговой тюрьмы. Который вместе с ней пережил утрату Линни...

Когда-то юная, себялюбиво влюбленная глупышка Мален Арант бросила семью, предав доверие близких. Томален Эссили повторять ее предательство и бросать одинокого старика не собиралась.

Она осталась с ним до последней минуты.

Немалая часть состояния ювелира отошла его дальним родственникам, которые разом стали ближними, едва он закрыл глаза, — настолько ближними, чтобы попытаться отсудить то, что старик завещал своей экономке. Суд в иске им отказал. Напротив, внезапным жертвам скоропостижной родственной любви дали понять, что, если они и впредь станут уверять, будто ювелир был не в своем уме, когда писал завещание, останутся вообще ни с чем. Наследство отойдет короне, как выморочное имущество, — не такая уж они и близкая родня, чтобы считаться наследниками первой очереди, которые получают свое в любом случае. Судиться с властями, конечно, можно — но разве что из любви к искусству. Любящие родственники мигом образумились — жаль было потерять верное наследство ради гадательного исхода нового судебного процесса. Все-таки завещано им было немало. Но и Томален старик отказал достаточно, чтобы не бедствовать, если она вдруг останется одна.

Сейчас, когда возвращение домой из мечты настолько несбыточной, что Томален себе и думать о ней не позволяла, вдруг сделалось реальностью, Томален было почти страшно. Она не могла бы сказать, отчего ей страшно. Не могла она и ответить, какое чувство заставило ее спрятать в саквояж добротное платье, а в дорогу надеть старое — последнее из тех, что она носила еще при Таэре, когда он проматывал все, до чего только мог дотянуться. Может быть, ей смутно чудилось, что если она не станет выставлять судьбе напоказ свое хрупкое благополучие, то хотя бы на этот раз все обойдется, все окончится хорошо? Если так, то предчувствие ее обмануло. Ни родителей, ни брата с женой, которой она так и не видела, в Мелле она не застала. Месяц назад семья Арант уехала в столицу. Вернуться оттуда Аранты собирались не раньше чем через полгода. А могли не вернуться и вовсе — если Маятник доберется до лишенной Щита Меллы.

Прежняя Мален Арант давно ушла в небытие, и нынешняя Томален Эссили не походила на нее, кроме внешности, ни в чем — но решения она принимала так же быстро.

Мелле был нужен Рейф Эррам.

А Рейфу Эрраму была нужна если не жена, то хотя бы теща.

Рейф проснулся, как и обычно, в тот предрассветный час, когда, как говорится, заря молоком умывается, — он всегда был ранней пташкой. Однако вскакивать с постели и бежать умываться сегодня не хотелось. Хотелось лежать, сомкнув веки, под мягким одеялом, наслаждаться запахом свежей выпечки, пропитавшим весь дом, и ждать, пока мама войдет в комнату и скажет: «Ри, лежебока, да вставай же, завтрак стынет!» Хотелось неразборчиво пробормотать: «Да, мам, сейчас...» — и закутаться в одеяло с головой, чтобы продлить эти драгоценные минуты между сном и явью... подумаешь, всего несколько минут... ну ладно, долгих минут... все равно он не опоздает в школу, он никогда не опаздывает, потому что бежит бегом, и мама отлично это знает...

Знала.

Рейф резко распахнул глаза.

Мама умерла девятнадцать лет назад. Отец пережил ее всего на три дня. И Ри умер вместе с ними... умер, а теперь приснился Рейфу... Мамы больше нет, и отца нет, и Ри нет, и дома, полного любви и уюта, нет, и аромата горячих булочек.

Но аромат был. Он не приснился. Он заполнял собой дом так властно и радостно, словно никогда не исчезал из жизни Рейфа. А еще в доме уютно пахло воском для мебели. Из открытого окна лилось в комнату благоухание поздней сирени. Но ведь эти запахи были тут и вчера — разве нет? Мебель начищали и раньше, и сирень не могла вырасти под окном за одну ночь. Так почему же Рейф не замечал их раньше?

Рейф откинул одеяло, встал и прошел к окну так медленно, словно пол под его босыми ногами в любой момент мог превратиться во что-то другое, превратиться во что угодно, и надо идти по нему очень-очень осторожно.

Это все горячие булочки...

Внизу звенели ложками и чашками, накрывая на стол, оживленно разговаривали...

— Баловство это, госпожа Эссили, вот что я вам скажу. Баловство. На завтрак полагается есть овсянку.

— Кому полагается? — Голос Томален Эссили был веселым и заинтересованным.

— Да всем и полагается, — солидно отвечала ей кухарка. — И детям малым. И больным. И здоровым. И нам с вами. И господам магам. Самая здоровая еда.

— Правда? Ну давай тогда так — ты кушай овсянку на здоровье, а господину Эрраму отдай булочки.

Кухарка буркнула что-то неразборчивое. Перспектива кушать на здоровье овсянку, когда от кухни исходит умопомрачительный аромат горячих булочек, явно не казалась ей чем-то привлекательным.

— Нирина, — засмеялась Томален, — ну неужели тебе самой не скучно изо дня в день готовить по утрам эту склизкую пакость?

— Ну, скучно, — вздохнула кухарка, признаваясь в недопустимой слабости. — Но все

равно ведь баловство...

Рейф беззвучно засмеялся и отошел от окна. Может, это комок в горле мешает ему засмеяться вслух? А может, и нет...

Ему было весело. Весело и больно. Больно оттого, что весело. Больно той резкой, ни на что другое не похожей болью, которая пульсирует в обмороженных пальцах, когда они оказываются вновь в тепле.

Лицо Рейф умывал всегда ледяной водой, чтобы отогнать ненадежные остатки сна. Он и сегодня не изменил этой привычке. Все еще смеясь, он зачерпнул ледяной воды... но как быть, если вода холодная, а слезы горячие, такие горячие, что их тепло струится по щекам даже сквозь ее холод?

В доме пахло воском, сиренью и горячими булочками.

Булочки оказались именно такие, какие любил малыш Ри, — пышные, посыпанные розовым сахаром. И как Томален угадала? Рейф не посмел бы спросить. И еще меньше он бы осмелился спросить, как она все успела. Она и Нирин. Это какое-то особенное женское волшебство — ничего не имеющее общего с магией. Ри по малолетству не считал его чем-то особенным — ведь оно присутствовало в его жизни всегда, как воздух. Рейф был изъят от него настолько, что почти забыл о его существовании. А сейчас оно вновь вошло в его жизнь, вошло не спрашивая — как, не спрашивая, вошла в его жизнь вся Мелла... Мелла, полная ароматом булочек и благоуханием сирени, шлепками мокрых листьев по оконному стеклу, звоном дальней колокольни, утренними криками уличных разносчиков, тележным скрипом и сонным переругиванием возчиков, торопливыми шагами и смехом... Мелла, принявшая его, ждал он того или нет, хотел или нет. Мелла. Нечаянная и неожиданная.

Мелла.

Его дом.

Внезапный, как любовь.

Дом, которому он нужен.

Для того, чтобы этот дом был жив. Для того, чтобы снова стал таким, каким видится сейчас Рейфу.

Мэтр Эррам всегда отличался тем, что не принимал ни кажущееся, ни желаемое за действительное — качество, наинужнейшее для экспериментатора. Не обманывался он и сейчас. Мелла виделась ему ласковой и уютной... но случайному проезжему с первого взгляда может показаться благостным и город в прифронтовой полосе. Еще не затронутый войной — но уже ожидающий ее приближения.

Мелла ждала — и знала, чего она ждет.

Наверное, в самый первый раз Мелла ожидала Маятника с куда большим ужасом — но с тех пор не одно десятилетие миновало. Живут же люди там, где землетрясения случаются через две недели на третью, а иной раз взбесившаяся земля и вовсе пытается стряхнуть с себя дома вместе с обитателями, — живут и ведь с ума от этого не сходят. Приноровились как-то. Мелла тоже приноровилась — никто не заламывал рук, не терял голову в панике. И все же... все же ожидание могло остаться незамеченным только для случайного мимоезжего гостя. Оно сказывалось в мелочах — в напряженных улыбках, в коротких беспричинных вспышках раздражения — или, напротив, в избыточной вежливости. Люди занимались своими повседневными делами, вели обычную жизнь. Мелла была сердечной и радушной... а под ней, словно подземные воды, струилось ожидание — тем более жуткое, что никто ничего не мог сделать. Можно было только ждать. Возможно, человек менее наблюдательный продолжал бы обманываться — но не Рейф. Слишком уж хорошо он помнил, какие глаза были у мэра, когда тот обратился за помощью к Рейфу Эрраму. К тому, кто сможет отвести от города Маятник — и темная вода ожидания снова уйдет вглубь, и Мелла снова станет Меллой, улыбки — улыбками, неспешность — неспешностью. И город перестанет напоминать маску самого себя, надетую на ожидание.

Памятуя о том, что каждая минута на счету, а время не ждет, Рейф постарался было покончить с завтраком поскорее — но это было выше его сил. Только вместе со своей

названной тещей отдав должное свежайшим булочкам и исходящему паром горячему травяному взвару, он смог подняться из-за стола. Завтрак затянулся... но ведь не может же он, да еще в компании почтенной женщины, бежать в ратушу бегом, как мальчишка в школу?

— Не спеши, — засмеялась госпожа Эссили при виде его растерянного лица. — Мэр тоже человек. Дай ему не только прийти в ратушу, но и проснуться толком. Мы еще никуда не опоздали.

А может ли госпожа Эссили и вообще куда-нибудь опоздать? Наверное, в юности могла... да какое там наверное — наверняка! А вот нынешняя Томален — навряд ли.

Принято считать, что женщины повсюду опаздывают, что они собираются часами и прихорашиваются до последней минуты, но к госпоже Эссили это правило явно не относилось. Она уже была одета и причесана для выхода; красивое добротное платье спокойного покроя — не то, в котором она явилась к Рейфу вчера, — сидело на ней со своеобразным неброским изяществом. Вот и говори после этого, что женщины — копуши...

Но, может быть, госпожа Томален Эссили — необыкновенная женщина?

А почему, собственно, «может быть»?..

Рейфу их затея казалась верхом безрассудства — ну кто может верить в такую откровенную несуразицу! Однако отказаться от попытки означало лишить себя шанса... нет, не себя — Меллу. Город должен быть сохранен — во что бы то ни стало. И если для этого нужно с уверенным видом нести чепуху — значит, Рейф будет нести чепуху. Если для этого нужно поддакивать вранью, Рейф будет поддакивать вранью. И если для этого нужно выглядеть бесхарактерным идиотом, не способным выяснить точно, женат он или нет, Рейф будет выглядеть именно таким идиотом. А госпожа Томален — кающейся мегерой и вдобавок дурехой. За жизнь города — ничтожная цена. Вот только поверят ли магу, когда он начнет уверять, что на него из ничего вдруг свалилась теща? Никакая магия тещами не обеспечивает. И никакая магия не заставит женщину ни с того ни с сего назваться тещей. Но проще поверить в неведомую магию, чем в такую чушь...

Рейф беспокоился напрасно. Длинное лошадиное лицо мэра так и просияло радостью, когда они с Томален изложили свою выдумку — Рейф чуть запинаясь, госпожа Эссили — куда более складно. Все-таки Рейфу ложь давалась с трудом. Замкнутый не столько по натуре своей, сколько по долголетней привычке, молчать он умел очень хорошо, а вот врать — плохо. Хуже, чем даже Томален, которая лгать явно не любила — но все-таки умела. Однако неумение врать сослужило Рейфу хорошую службу. Все его заминки, недоговорки и даже румянец стыда на щеках сделали представление окончательно естественным: а кому бы на месте Рейфа, будь эта дикая история правдой, не было стыдно! Изнемогающий от неловкости Рейф был донельзя убедителен.

Вымышленная второпях история, по мнению Рейфа, изобиловала прорехами — но мэр их не заметил. Законник до мозга костей, он нипочем не совершил бы ничего противоправного. Однако он был не только законником, но и просто умным человеком и любил свой город. Госпожа Эссили и мэтр Эррам предлагали ему вполне законный выход. Да и как не поверить, если артефакт-индикатор на Смотровой башне уже не просто весь насквозь синий — его уже в лиловый повело, алые нити в нем все отчетливее... тут не только в остолопа-мага и спохватившуюся тещу, тут в круглые квадраты и в соленый сахар поверишь с отчаяния!

А главное — как не поверить госпоже Томален Эссили, как не поверить Мален Арант! Мэр ведь ее и в самом деле узнал. Не сразу, конечно, — годы все-таки меняют человека. Много ли осталось во вдове Эссили от юной и прелестной барышни Арант? Может, не так и много — но достаточно, чтобы мэр узнал эту давно канувшую в прошлое девочку во вдове, как только та назвала себя. Он так и ахнул — и поверил в ее выдумку. Поверил незамедлительно. Хоть Аранты и старались скрыть семейную беду, но в городе все равно знали, что Мален выскочила за сущего проходимца. Трудно ли поверить, что дочка Томален удалась в мать и тоже возжаждала романтики — а сама Томален с перепугу попыталась

избавить ее от повторения своей судьбы, даже не приглядевшись толком к жениху?

Совсем даже нетрудно...

Возможно, для вступления Щита Города в должность и существует какая-то церемония, но сейчас на нее не было времени. Каждая лишняя минута, отданная экивокам и расшаркиваниям, была бы отнята у Рейфа — а ведь это только кажется, что минут много и тратить их можно щедро и беспечно: если окажется, что для спасения города не хватило единственной минуты, бездумно потраченной на ерунду, что ты ответишь перед смертью своей совести? Нет, мэр и мгновения лишнего не стал терять впустую. Едва только из слов Рейфа и Томален воспоследовало, что мэтр Эррам неведомо для себя, оказывается, все-таки женат, как мэр, даже не дослушав их полностью, принялся рыться в ящиках своего массивного, как старинная галера, стола. Он отыскал в недрах этого чудовищного сооружения небольшую шкатулку с казенной печатью, с хрустом сломал печать, открыл шкатулку и достал оттуда невзрачный розовато-серый камень на шнурке. Это был магический ключ к зачарованному ящику с бумагами покойного Оллави. Без него никакое искусство взломщика и никакая на свете магия не могли бы открыть ящик — разве только уничтожить.

Рейф нагнул голову, и мэр надел ему на шею ключ-талисман, принадлежащий теперь магу по праву как Щиту Меллы.

— Удачи вам, мэтр Эррам, — только и сказал мэр.

Вот и вся церемония.

А нужна ли какая-то другая?

— Просто поверить не могу... — покачал головой Рейф, когда они с новоявленной тещей вышли из ратуши. — Все получилось.

Народу на улицах по раннему времени было немного. Недавняя ночная прохлада почти уже не ощущалась. Утро выдалось теплым, день обещал быть жарким.

— И дальше все получится, — ободряюще улыбнулась ему Томален.

— А вот это мне совсем уж трудно представить, — ответил Рейф. — Не могу же я всю жизнь прожить раздельно с женой — рано или поздно ее придется предьявить. И что мы тогда скажем?

— А тогда ты как женился, так и овдоеешь, — ровным голосом сказала Томален.

Слишком ровным.

Рейф, ну кто же тебя за язык тянул!

Это же как надо было одичать за годы полудобровольного одиночества, чтобы не понимать самых простых вещей! Ну кем надо быть, чтобы не понять, как бы хотелось Томален Эссили, чтобы ты и в самом деле был ее зятем — потому что Линни, ее Линни тогда была бы жива? Линни, которая так и не успела вырасти... Рейфу на миг показалось, что рядом с ними третьей идет несбывшаяся девушка, выдуманная его любовь, которой не было...

— А если найдешь себе девушку по сердцу, я назову ее своей приемной дочерью — и скажу, что о приемной я и говорила, а не о родной... имени Линни я мэру сейчас не называла, — помолчав, добавила Томален.

Она и в самом деле ни разу не назвала Линни по имени, вспомнил Рейф. Все время говорила «моя дочь» — но имени не называла. И Рейф не называл. Язык не повернулся.

Впрочем, а время ли сейчас думать о дальнейшей судьбе их выдумки на благо Меллы или их собственной участи? Сначала надо заняться участью самой Меллы, а уж потом думать, как им дальше выпутываться...

...Именно о ней и думал Рейф, подымаясь в кабинет покойного мэтра Оллави — свой, свой кабинет! — чтобы приступить к работе. Только бумаг предшественника ему не доставало, чтобы приняться за дело. Все, что он только мог подготовить заранее, он уже подготовил. Рабочий набор инструментов — тот, без которого ни один маг не уезжает из дома и на день, — давно был расчехлен, проверен и перепроверен, сколько-нибудь сомнительные по сроку годности чары обновлены. Оставалось пустить его в ход по

назначению.

И все же, когда Томален принесла названому зятю горячий травяной взвар в кабинет, Рейф не работал.

Он сидел за столом недвижно, и на лице его было выражение такого запредельного ужаса, какого Томален в жизни своей не видела. Она едва не выронила чашку — а Рейф даже не шелохнулся.

— Рейф... — негромко окликнула его Томален, — что случилось?

Рейф повернулся к ней — словно бы разом постаревший, опустошенный.

— Все очень плохо, — произнес он.

Все было не просто очень плохо, все было хуже некуда.

Как оно и случается иной раз, когда правая рука не знает, что творит левая — а главное зачем. Рейф тоже ничего не знал — пока не прочитал бумаги Оллави.

Щит Меллы и в самом деле должен был непременно быть женат или, на самый крайний случай, вдов — но не из юридических соображений, а из магических. Иначе ему попросту не хватит сил управиться с Маятником, будь он хоть самым могучим магом на свете.

Томален Эссили тихо, почти беззвучно ахнула.

— Значит, мы погубили Меллу? Если бы тебя женили...

Рейф тяжело покачал головой.

— Нет. Хотя бы этого на нашей совести нет. Женитьба на разведенной в магическом отношении бессмысленна. Все равно что на вдове. Если бы кого-нибудь развели, чтобы меня женить, это была бы просто бесполезная жестокость. Наша выдумка... она не погубила Меллу. Но и не спасла.

Томален не сводила с него потемневших глаз, и Рейф понял, что придется объяснить все куда более подробно — иначе госпожа Эссили себя попросту загрызет.

— С точки зрения закона муж и жена — единое целое, — хмуро произнес он. — С точки зрения магии — тоже. По этому вопросу закон с магией согласны. А вот по поводу дальнейшего — нет. Закон считает, что разведенная женщина разрывает это единство, а вдова остается частью его, хотя и свободной от обязательств покойного мужа.

Томален молча кивнула — ей это правило было знакомо, как мало кому другому. Именно оно и освободило ее от долгов Таэра.

— Поэтому, если должность требует женитьбы, на разведенной жениться можно, а на вдове нельзя. Ну так это закон считает... а магия говорит совсем другое. На самом деле маг, пока он холост... — Рейф примолк, подыскивая слово, которое будет понятным госпоже Эссили, — он... незавершен. Каким бы сильным он ни был. Он не целен. Но ни вдова, ни разведенная женщина сделать его цельным уже не могут. Они это сделали единожды — и второй раз это невозможно.

— Они уже сделали цельным кого-то другого... — медленно произнесла Томален.

Рейф кивнул: госпожа Эссили поняла его правильно.

— Моя женитьба на разведенной не помогла бы ничему. И ведь не случайно требовалась женитьба на дворянке или магичке! Сила крови старинного рода или сила магии — какая, в сущности, разница... и то и другое завершает мага полноценно. Любой иной брак оставил бы его магию... перекошенной, если можно так сказать. Такая вот кривобокая цельность.

Он вздохнул.

— И ведь похоже, что мэр если и не знал, что жениться мне надо не просто ради буквы закона, а ради магии, то догадывался уж точно. Чтобы такой человек, как он, — и не догадался! Наверняка догадывался, потому и настаивал — а я еще, дурак такой, удивлялся! Вот только в магии он никак уж не дока, потому и жребий решил метать, кому разводиться... если бы не эта затея, может, я бы и сообразил, что не в законе, а в магии дело. Ну а если на разведенной жениться можно — стало быть, магия здесь ни при чем... тут я и промахнулся...

Рейф умолк. Молчала и Томален. Только с улицы доносился приглушенный шум, да

тощая оса, невесть откуда залетевшая в кабинет, зудела сердито и настырно.

— А теперь нам надо хоть наизнанку вывернуться, но придумать, как все-таки остановить Маятник, — угрюмо сказал Рейф. — Возможно, невозможно... как угодно — остановить. Теперь отступать некуда и другого мага взять неоткуда.

— Ну, не совсем... — произнесла госпожа Эссили. — Нирин мне говорила сегодня... этот профессор, который уехал... Энстре, верно?., так вот, при нем помощник был из студентов. Сам он уехал, а помощника своего оставил. Первым делом к нему кинулись, раз мага в городе не случилось, хоть он и студент только. Парень готов был в лепешку расшибиться, но вот знаний у него маловато. Хотел заранее подготовительную работу начать — для себя ли, для другого мага, уж тут как получится — ну и надорвался. Еле в себя пришел. Толку от него мало, конечно, — а все-таки... какая ни есть, а все же помощь...

— Да какая помощь от студента, вдобавок еще и надорвавшегося... — вздохнул Рейф. — Хотя в нашем положении, как говорится, и муравей — грузчик, и улитка — гонец. Это же надо было профессору додуматься до такого — бросить город на авось и оставить взамен себя недоучку! Вот честное слово, попадись мне этот профессор Энстре... стоп! Энстре... — Рейф вдруг замер. — Энстре... ну как же я раньше не вспомнил!

Рейф был несправедлив к себе: раньше он не вспомнил, кто такой профессор Энстре, потому что надобности в том не возникало.

— Я был не прав, — медленно произнес Рейф. — Студент нам очень даже может помочь...

Профессор Энстре был одним из ведущих специалистов в области каталитической магии. И представить себе, что незнакомый еще Рейфу студент ухитрился за время своей работы совсем никаких познаний от профессора не перенять, Рейф не мог. Для того чтобы останавливать Маятник, этих познаний не доставало — а вот чтобы усилить возможности другого мага, их может и хватить.

Звали студента Кэри Орсит, и был он явным ниялом, как о том и свидетельствовало его имя, причем чистокровным. Фамилию Орсит мог носить с равным успехом и таммер, нияльское имя могло быть дано в честь друга... да, все это так — но лицо юноши могло принадлежать только ниялу. Легкая золотистая смуглость — потомки от смешанных браков, как ни странно, намного смуглее, — такая заметная среди куда более светлокожих таммеров, тонкое изящное переносье, высокие скулы, узкие брови вразлет, тяжелые черные волосы до плеч... длина волос была единственной уступкой таммерским обычаям, во всем остальном до мельчайшей своей черточки юноша был ниялом. У таммеров женщины носят косы, а мужчины подравнивают волосы намного короче — у ниялов, наоборот, мужчины отпускают длинные волосы, а женщины щеголяют разлетающимися локонами до плеч. Кэри Орсит был не только одет, но и подстрижен на таммерский манер, недаром же он больше года в Мелле прожил, но во всем остальном он был и остался ниялом.

Тут было над чем задуматься...

Да — Война Разделенных Княжеств давно миновала, княжества Таммери и Ниале давно уже снова стали частью единого королевства, уже и смешанные браки между таммерами и ниялами не в диковинку... ну — почти не в диковинку... но память о прежней вражде — как промоина под фундаментом: незаметная снаружи, она таится и ждет осенних дождей, чтобы обрушить дом. Это покуда солнышко светит и на небе ни облачка, все хорошо — но едва хлынут дожди, беда не промедлит явиться. Мелла — таммерский город, хоть и не одни таммеры в нем живут. Мыслимо ли таммерам обратиться за помощью к ниялу, когда на них надвигается порождение войны с Ниале? Нередко в такие минуты старинная вражда воскресает на ровном месте там, где о ней и думать забыли... и все-таки Мелла позвала Кэри на помощь. А он помочь не сумел. Знаний не хватило или сил... какая разница. Хороший все-таки город Мелла, что ни говори — неудачу Орсита не приписали мифическому нияльскому заговору, а ведь как часто озверевшие от отчаяния люди еще и не такое вытворяют. Кэри оплошал — но Мелла не подозревает его и не держит на него зла, и парнишке вслед не плюют, когда он выходит в лавочку прикупить съестного...

Впрочем, какой уж спрос со студента... нет — в том-то и дело, что даже не студента, а...

— Но, мэтр... — несколько растерянно произнес Кэри когда Рейф сообщил юноше, что нуждается в его помощи, — право, я не знаю, чем я мог бы вам помочь...

Наверное, его смущенная вежливость была по нраву преподавателям — но Рейфу сейчас было не до церемоний и вместо расположения к отменно воспитанному скромному студенту он ощутил только досаду. Время утекает, как песок сквозь пальцы, — а мальчишка тратит его на расшаркивания! Нашел когда мямлить! Его о помощи просят, а он кругами ходит — ну на что это похоже, скажите на милость?

На розыгрыш, вот на что это похоже.

На скверную насмешку.

Маги-профессионалы не просят о помощи надорвавшихся недоучек. Разве что хотят над этими недоучками посмеяться.

Неудивительно, что парень из всех сил старается не угодить в ловушку, не дать повода ни посмеяться над возомнившим о себе недорослем, ни придрататься к дурным манерам.

— Я понимаю, — мягко сказал Рейф, — когда доктор наук просит помощи у студента, это похоже на издевательство, но...

— Но я не студент, мэтр! — выпалил Кэри. — То есть студент... то есть...

Он окончательно смешался, замолк, опустил глаза, вздохнул и снова поднял взгляд.

— Я сейчас объясню, мэтр, — сказал он так решительно, словно Рейф был не гостем, да вдобавок еще и просителем, а строгим экзаменатором, а сам Кэри собирался отвечать на трудный вопрос.

— Попробуйте, — согласился Рейф, невольно впадая в ответный тон — безлично-доброжелательный тон экзаменатора.

Собственная интонация ему не понравилась.

— Я студент, мэтр, — произнес Кэри, сцепив пальцы. — Но я еще не успел начать учиться. Я только сдал вступительные экзамены и искал работу и жилье...

Рейф кивнул в знак того, что понимает. Он и понимал — получше многих. Он ведь и сам когда-то драил полы той самой кафедры, где потом защищал диссертацию.

— ...а тут оказалось, что профессор Энстре должен уезжать и ему нужен секретарь... и лаборант...

— Да, чаще всего в таких отлучках секретарь нужен, — кивнул Рейф. — И лаборант. Если собираешься продолжать исследования, еще одна пара толковых рук просто необходима.

Теперь уже Кэри кивнул.

— Но обычно на такую работу принимают студентов даже не первого курса — и никак уж не тех, кто еще не успел начать учиться, — произнес Рейф.

— Я знаю, — ответил Кэри. — Но профессор почему-то не хотел никого принимать со старших курсов... он сразу поставил такое условие.

— Параноик, — подумав, определил Рейф. — Серьезный ученый, но параноик. Одиночка, помешанный на том, что его разработки обязательно хотят украсть...

— Присвоить, — поправил Кэри. — Но... в общем...

— Обычно такие берут выездным секретарем кого-нибудь из отстающих студентов, — заметил Рейф, — у которых нет никакой надежды стать стипендиатом. Оформляют лоботрясу академический отпуск и отменяют плату за учебу. Если кому-то из профессоров нужно уезжать, неуспевающие просто ломаются толпами на эту должность.

— Наверное, — бесхитростно произнес Кэри. — Но к профессору Энстре почему-то никто не рвался наниматься...

На этот раз Рейфу и задумываться не пришлось: должность выездного секретаря одного из профессоров сулит много выгод, и если никто не стремится ее занять, это может означать только одно...

— Сквалыга, — выдохнув сквозь зубы, произнес Рейф. — Крохобор и кусочник. Он себе не секретаря-лаборанта, он себе мальчика-на-все-руки нанимал. Чтобы и в комнате прибирал, и еду стряпал, и одежду содержал в опрятности, и в лавку бегал... ну и разумеется, полностью вел его бумаги и помогал в ученых штудиях... так?

Кэри покраснел и снова кивнул.

— У меня выбора особого не было, — сказал он.

Конечно, не было. Рейф это отлично понимал. Не так легко найти дешевое жилье и работу, которая оставляет время на посещение лекций. И вдвойне тяжело найти такую работу перед началом учебного года — студентов, которым она нужна, куда больше, чем тех, кто согласен ее предоставить. Ну кому нужен работник на несколько часов, а не на полный день? А если и нужен, так ведь заплатят за такую работу сушие гроши — вот и изволь на этот скудный заработок выкручиваться как знаешь. И за жилье уплатить, и университетскую плату за учение внести, и башмаки стоптанные залатать, и хоть впроголодь, а пропитаться со своего жалкого приработка. И учиться с полной отдачей попробуй, хотя в голове у тебя все мысли не о самой науке, а о стипендии. Рейфу в свое время сказочно повезло — рекомендация от школы и отлично сданные экзамены избавили его от необходимости платить за учебу, и притом как же вовремя ему подвернулось место уборщика на кафедре! Каморка под лестницей позволяла ему не расходоваться на жилье, а есть вполсыта он давно привык. Работать свыше сил он тоже был привычен и не надорвался бы, даже не случись подыскать такое удачное место. А вот Кэри бы надорвался наверняка. Рейф был выносливее, чем казался. Всегда — и даже в бытность свою голенастым нескладным подростком, и уж тем более потом, когда подросток вымахал в худощавого двужильного парня. Так то — Рейф, а вот Кэри бы не выдержал такой жизни. Он же хрупкий совсем, даже для ниала хрупкий. Год тяжелой работы, недоедания, недостаточного сна в ненаотопленной комнате и добросовестной учебы подрезал бы мальчишку окончательно. Даже и полгода... за полгода Кэри сумел бы стать стипендиатом — а заодно и подорвать здоровье. Немудрено, что он так уцепился за возможность, которой пренебрегали быстро раскумекавшие что к чему первокурсники! Разбиваться в лепешку, быть на побегушках у скупердяя-профессора, но при этом есть все же досыта, спать в тепле, а заодно хоть немного пополнять свои знания — а потом быть избавленным от забот о хлебе насущном, чтобы сосредоточить все силы на постижении наук... Для такого, как Кэри, это спасение. И не только из вежливости он явно не горит желанием обсуждать — и тем более осуждать! — профессора Энстре. Он искренне благодарен старому мерзавцу за предоставленный шанс. За лишнюю работу, наваленную на плечи, за брюзжание и попреки... за все, что избавляет его от куда худшей участи. Благодарен так, как никогда не был благодарен Рейф. Возможно, именно поэтому Рейф вдвойне зол на профессора Энстре — который наверняка и малой толики благодарности к этому темноглазому мальчишке не испытывал. О да, профессору не полагается обсуждать коллег со студентами — вот только Рейф отсутствующего коллегу не обсуждать хотел, а плюху ему закатить за то, с какой нерассуждающей наглостью он пользовался чужой бедой.

И неудивительно, что такой человек бросил свой пост ради возможности поблистать на конференции. Совсем даже неудивительно.

— Понимаю, — кивнул Рейф.

Он и в самом деле понимал — потому что и сам был когда-то таким же, как и Кэри. Потому что не забыл ничего.

— Но, Кэри... у меня сейчас тоже нет выбора.

Юноша поднял на Рейфа встревоженный взгляд серьезных глаз.

— Мне действительно нужна помощь, — чуть помолчав, произнес Рейф. — У меня не хватит сил отбросить Маятник.

Ниал чуть слышно охнул.

— Но... как же так, мэтр... вы ведь... доктор наук...

— Совсем других, — возразил Рейф. — Моя специальность — коллоидная магия.

Удивление во взгляде Кэри было не только сильным, но и совершенно неприкрытым.

— Это... растворы? — изумленно выговорил он. — Магические зелья?

Удивление его можно было вполне понять: волшебные напитки, эликсиры и декокты может составить если и не любая деревенская ведьма, то уж любой третьекурсник наверняка. Любой, кто покинул университет или был отчислен из него после третьего курса в звании бакалавра. Любой колдун из слабосильных. Для этого не надо быть доктором наук. Ну откуда взяться доверию к профессору, который занимается этакой ерундой? Полно, не смешите — какой из него профессор, какой доктор наук!

Студент даже и первого, а уж тем более второго курса не совершил бы подобной ошибки — но Кэри Орсит еще не был студентом. Он был слугой, секретарем и лаборантом сквалыги-профессора. Поверхностно нахватавшийся по части каталитической магии, Кэри не имел ни малейшего понятия о коллоидной — да он и в общей теории должных познаний еще не имел, не мог иметь. И теперь в его взгляде удивление мешалось с недоверием, образуя весьма стойкую в своем роде коллоидную систему — а Рейфу предстояло разрушить ее и вернуть доверие к себе. И чем быстрее, тем лучше — потому что им предстоит работать рука об руку. И хотя время утекает, как кровь из раны, придется несколько его драгоценных капель потратить на объяснение. Иначе потом слишком много времени будет потрачено на недоверие.

И объяснить надо не впопыхах, не раздраженно, не кое-как, а спокойно и обстоятельно. Так, словно в распоряжении Рейфа все время мироздания.

— Ну почему же растворы, — тоном мягкого упрека произнес Рейф. — Во-первых, раствор — это всего лишь носитель, и не самый распространенный. А во-вторых, даже если говорить о самих носителях, а не о магии, коллоидные системы — не обязательно растворы. Это может быть дым или туман — взвесь твердых или жидких частиц в воздухе. Это может быть сплав — металл в металле. Это может быть что угодно — даже хлеб на самом деле коллоидная система, и его черствение — это старение коллоида. В конце концов, наш мозг тоже коллоид. Некоторые по ошибке считают коллоидами студни, но...

— Не надо, мэтр, — неловко улыбнулся нил. — Я уже понял, что в голове у меня именно студень и им я думаю. — Шутка не прозвучала как дерзость — скорее как извинение. — Но если речь идет не о носителях, а о самой магии, то...

— ...то аналогию вы уже поняли, — подхватил Рейф. — Если говорить в общих чертах, то все выглядит именно так. К коллоидным системам относятся те чары, заклятья и разновидности природной магии, чьи частицы не образуют простой механической смеси и не вступают в истинное соединение. Именно в этой области я и работаю.

Юноша кивнул в знак того, что понял.

— Вы тоже ехали на конференцию? — осведомился он.

— Да, — сухо ответил Рейф.

О конференциях теперь придется забыть. И о прежних исследованиях — по крайней мере на время — тоже.

Рейф напомнил себе, что Кэри не собирался причинять ему боль своим вопросом, и устыдился своего резкого сухого голоса.

— Я должен был читать доклад, — уже мягче произнес он, — «Методика разделения многофазных приворотных чар».

Методику он разработал сам, и она была уникальной. Более того, она годилась не только при обработке приворотов.

Глаза у Кэри при этих словах сделались как два блюдца — большие и круглые. Ну еще бы! При всей сложности своей структуры приворотные чары очень просты в использовании, это опять-таки по силам любой ведьме из захудалой деревушки — точно так же, как не надо быть ученым, чтобы испечь хлеб, будь он хоть трижды замысловатой коллоидной системой. Это очень, очень простая магия — и вдобавок запретная. За флакончик приворотного зелья платят бешеные деньги не потому, что его трудно изготовить, — а потому что слишком велик риск. Закон не знает пощады к тем, кто насилует чужую личность и судьбу.

На сей раз юный Орсит удержался от изумленных вопросов — однако они и так

читались на его лице.

Рейф вздохнул.

— Мне удалось выделить общий компонент всех без исключения приворотных чар, — пояснил он. — Любой разновидности. Оказалось, что вне приворотных коллоидных систем, в чистом виде, он обладает довольно интересными особенностями. Когда-нибудь, и даже очень скоро, ему присвоят какое-нибудь подобающее научное название... Я для себя в рабочем порядке пока называю его «фактор молнии».

Лицо Кэри выражало такой живой и неподдельный интерес, что Рейф продолжил рассказывать о своем открытии, хотя мгновение тому назад не собирался делать ничего подобного.

Сейчас он ощущал как никогда отчетливо, что ему не суждено прочесть доклад на конференции, не суждено самому поведать о результатах своей работы... он так долго ждал этой минуты — но ожиданию его не сбыться никогда... расскажут другие — не он... а он только и может поведать о них, что будущему студенту, хоть в общих чертах... нет, не может, а должен — слишком многое сейчас поставлено на кон, чтобы промолчать и отделаться парой ничего не значащих слов. Сейчас для них обоих понимание значит слишком много, чтобы им пренебречь.

— Понимаете, Кэри... если вы на улице встретили незнакомую девушку и спросили ее, как пройти к фонтану, ее лицо не покажется вам каким-то особенным, да и забудется быстро — если только она не сногшибательная красавица или уродина. Через пару дней вы едва ли сможете вспомнить, как она выглядела, верно?

Кэри кивнул.

— Но если вы повстречаете ту же самую девушку посреди висячего моста над пропастью и спросите ее, где тут дорога к ближайшему жилью, ее лицо будет врезано вам в память самими обстоятельствами встречи. Оно будет для вас исключительным, единственным — как и сами обстоятельства. И забудете вы эту встречу нескоро.

Кэри немного подумал и наклонил голову в знак понимания. Рейфу это пришлось по душе. Он терпеть не мог студентов, готовых соглашаться с профессором по любому поводу и без повода, хотя на самом деле они просто не дали себе труда задуматься над его словами.

— Лицо впервые встреченного врага в поединке, лицо чужого ребенка в минуту опасности...

— Лицо незнакомца во вспышке молнии, — уверенно произнес Кэри. — Выхваченное из темноты. Единственное.

На сей раз кивнул Рейф. Юный ниал-недостудент уловил самую суть.

— Да, — сказал Рейф. — Именно поэтому — «фактор молнии». И он присутствует в любых приворотных чарах. Он делает привороженного единственным, исключительным. Врезает его в память и чувства. Заставляет видеть его яснее, отчетливее, глубже. И уже одним этим — привлекательнее. Даже уродство становится притягательным, если смотреть на него таким взглядом.

— Потому что перестает быть уродством и становится исключительностью, верно?

Рейф невольно ощутил зависть к неведомым профессорам, которым предстоит обучать этого серьезного юношу с цепким умом. Ему этой радости уже не изведать. Он больше не будет преподавать. Нет, но какой же Энстре дурак все-таки! Не только мерзавец, но и дурак. Держать при себе слугой умницу, который на лету усваивает знания! Гонять его на рынок, есть его стряпню, носить выстиранную и выглаженную им одежду — вместо того чтобы все свободное время отдавать его обучению! Это же все равно что магическим посохом тараканов лупить! Рейф дорого бы дал за такого студента — а достался он Энстре, который на знания не щедрей, чем на деньги... нет, что ни говори, а судьба обожает пошутить — и юмор у нее безобразный!

— Верно, — подтвердил Рейф. — Конечно, притяжение еще не страсть и тем более не любовь, но вот это уже к «фактору молнии» не имеет отношения. Это не он меняет судьбу, не он насилует личность, не он влечет за собой душевное ослепление. Он только делает

обыденное исключительным. А если извлечь его из приворотных чар, направляющих его воздействие, он и вообще безопасен. Он никого не заставляет влюбляться. Он все так же делает обыденное исключительным. Пробуждает чувства и усиливает память. Улучшает связь между чувствами и памятью. Но уже не направленно, — последнее слово Эррам намеренно подчеркнул. — Исключительной и единственной окажется не только девушка, с которой вы познакомитесь на именинах двоюродной бабушки, но и сама эта бабушка, и травяной чай, и запах пирога с малиной, и складки на выгоревшей занавеске, и узор ковра, и... вообще все вокруг. Это не значит, что вы влюбитесь в девушку, бабушку, пирог и занавески — это значит, что вы их *увидите*. На самом деле увидите, всем своим существом, сердцем и разумом, а не только мимолетно скользнете безучастным взглядом.

— Но это... это же просто подарок для врачей! — так и загорелся Кэри. — При болезнях памяти и внимания лучшего и не придумать!

Дурак Энстре. Дурак, дурак, дурак. Как он мог не видеть, не замечать... вот кому бы даже «фактор молнии» не помог, пожалуй...

— Правильно, — согласился Рейф. — Вы угадали, Кэри. А еще «фактор» очень неплохо помогает при лечении некоторых видов депрессий. Первые клинические испытания уже проведены. Результат положительный.

— Наверняка есть и другие способы применения! — Кэри так и сиял бескорыстной радостью. Эта радость звала за собой — и в ее сиянии так трудно, так почти нестерпимо больно было опускаться с небес на землю...

— Наверняка, — подтвердил Рейф. — Но с отражением Маятника они не имеют ничего общего.

Кэри виновато опустил глаза.

— Это не ваша область?..

— Это ничья область, если уж на то пошло, — возразил Рейф. — И в то же время чья угодно. Маятники — это самоорганизующиеся системы огромной сложности, возникшие спонтанно. Изучать их крайне трудно. Мы не можем даже с уверенностью сказать, какие чары, какие заклятья, какая магия участвовали в их формировании — и уж тем более как они видоизменились, став частью этих систем. Но к Маятникам имеет отношение практически любая область магии — органическая, неорганическая, физическая, коллоидная... да какая угодно. Именно поэтому должность Щита Города может занимать маг любой специальности — так или иначе в любом Маятнике всегда найдется хоть что-то, что откликнется на его заклятья. В принципе любой маг может приспособить свои чары к отражению Маятника — со временем... но времени у меня нет. А главное, у меня нет силы. Столько, сколько нужно для отражения такой мощи, — нет. Мне составило бы труда справиться с моделью Маятника в лабораторных условиях, даже и не с одной — но настоящий Маятник в размахе мне не под силу. И поэтому...

— Вам нужен катализатор, — закончил за него фразу ниал.

— Да.

Мне нужен катализатор — любой, даже если он выжжет меня дотла, выпьет жизнь... любой — потому что природный катализатор мне недоступен. Я холост, Кэри, — холост и даже не влюблен... и мне придется сказать тебе об этом. Признаться в подлоге.

— Кэри, я понимаю, что вы еще даже не студент, что вам недостает многих основополагающих знаний... но за два неполных года службы секретарем и лаборантом профессора Энстре вы не могли совсем уж ничего не понять в каталитической магии и ничего не запомнить.

Разве что ты совсем уж дурак — но ты не дурак. Ты сообразителен, у тебя цепкое внимание и быстрый ум. Ты слаб в основах — но наверняка силен в своей узкой области, совсем как безногий калека, способный пальцами ломать подковы, силен лишь в одном... но ведь только одно мне сейчас и нужно!

— Мне нужно все, что вы помните из работ профессора Энстре. Мне нужно все, что у вас есть из самих этих работ. Мне нужны вы, чтобы разобраться с ними, не тратя лишнего

времени. Иначе Мелла погибнет. Кэри, я понимаю, что так не поступают, что я сейчас нарушаю ко всем чертям всю и всяческую научную этику и прошу вас предать доверие профессора, но...

— Но человеческие жизни дороже приоритета, — твердо произнес ниал.

Рейф, отправляясь к юному помощнику профессора Энстре, на легкий успех не рассчитывал — напротив, он предполагал, что уговаривать Кэри придется долго. На деле все вышло наоборот — ниал принял решение быстро, твердое и бесповоротное, и теперь горел желанием поскорее приступить к работе. Зато Рейф предпочитал поспешать промедлением — оттого, что из них двоих он был старше и лучше знал жизнь. Ту самую жизнь, которую Кэри так рвался защитить.

— Куда вы так торопитесь, Орсит?

— Но, мэтр Эррам, вы же сами говорили, что времени у нас мало...

— Мало, — подтвердил Рейф. — Именно поэтому тратить его надо с толком. И не пытаться обогнать самого себя. Любые попытки такого рода кончаются плохо. Мы не можем приступить к работе прямо сейчас.

— Но почему?..

— Кэри, — вздохнул Рейф, — мне нужно получить вашу помощь, а не сломать вашу жизнь.

Ниал ответил ему непонимающим взглядом.

— Одним словом, берите ваш плащ и шляпу и надевайте уличные башмаки. Мы идем в городскую ратушу.

Интересно, что скажет мэр, увидев Рейфа во второй раз за день?

Спрашивать, какое отношение городская ратуша имеет к каталитической магии и зачем туда нужно идти, Кэри не стал. По всей очевидности, юноша посчитал, что, если уж приходится тратить драгоценное время на этот непонятный визит, сделать его надо как можно быстрее, но в придачу тратить время еще и на какие-то там объяснения совершенно непозволительно — и так уже мэтр Эррам сколько времени убил именно на объяснения, сколько же можно!

А может, это профессор Энстре приучил своего помощника по первому же слову исполнять распоряжение, не спрашивая? Не очень-то на такой должности и спрашивать станешь, а вот от привычки отвечать: «Да, мэтр», — и исполнять приказ быстро и беспрекословно никуда не денешься...

Как бы то ни было, на сборы Кэри минуты лишней не убил — и вопросов никаких не задавал.

Рейфа это вполне устраивало. Зачем, и в самом-то деле, терять время на разговоры, если и по дороге в ратушу можно преотлично все объяснить?

Однако объяснить что бы то ни было по дороге не получилось. Едва отойдя от дома на самое малое расстояние, Кэри начал стремительно бледнеть, а спустя еще несколько шагов заметно заприхрамывал, хоть и старался скрыть неровность походки — но оттого лишь пуще бледнел. Рейф остановился.

— Кэри, что с вами?

— Ничего, мэтр, — напряженным голосом ответил юноша.

Рейф посмотрел на него с упреком.

— С лошади упал, — опуская виновато глаза, сознался ниал. — Ездил по поручению, а на обратном пути упал. Прямо на мостовую грохнулся. Колено разбил сильно, лодыжку растянул и вывихнул и связки надорвал. Поэтому я с профессором и не смог поехать...

Рейф мысленно произнес несколько совершенно неприличных слов. Работа не по специальности всегда требует от мага заведомо большей траты сил — вот старый эгоист и не стал исцелять мальчишку: силы ему еще на конференции понадобятся. Когда он опыты свои станет демонстрировать. Да, конечно, среди прибывших на эту самую конференцию магов наверняка нашлось бы немало целителей, которым не составило бы совершенно никакого труда излечить юношу — но ведь для этого Кэри еще и доставить на конференцию надо, а

возиться с увечным секретарем профессору не с руки, ведь это секретарь обязан с ним возиться! Так что жди возвращения профессора, Кэри, и справляйся, как знаешь...

А будь ты неладен, мэтр Энстре!

— Я по дому уже хорошо ходить могу. — Кэри верно истолковал молчание Рейфа. — А вот из дома выходить толком пока не получается...

Что пока толком не получается, Рейф и сам видел. И что сдаваться ниал не намерен — тоже. Кэри бледнел, хромал — но даже и не попытался исподволь сбавить шаг. Он шел, терпел и молчал.

Вот же ведь...

Мальчишка. Щенок. Сопляк. Гордец.

Хоть бы пожаловался, что ли...

Рейф тоже никогда не жаловался.

— Вижу, — коротко сказал Рейф. — Впредь тебе особо из дома не придется выходить, работать будем у тебя, не таскать же профессорские бумаги по городу. А сейчас — руку давай. И обопрись как следует.

Кэри покраснел до корней волос — вот же не вовремя в нем уважение к старшим проснулось!

— Мэтр... — умоляюще произнес он, — но ведь... так не принято... это...

— Неправильно? — хладнокровно подхватил Рейф. — Безусловно. Принято, чтобы усталый профессор опирался на студента во время прогулки, а не студент на профессора. Но я, знаешь ли, еще не в том возрасте, чтобы мне требовалась подпорка. Так что давай руку и не умничай.

Уверять, что он и сам тем более не достиг еще столь почтенного возраста, Кэри попросту не решился. Возражать против того, что мэтр, сам того не замечая, перешел на «ты», не стал — впрочем, не сказано, что и вообще заметил. Он просто молча кивнул и принял протянутую руку.

Какие уж тут разъяснения, какие и вообще разговоры! Рейф был занят сейчас только одним: вести парнишку ровно и бережно, не слишком замедляя шаг, чтобы путь до ратуши, мучительный для Кэри, не сделался невыносимо долгим, но и не ускоряя походки, иначе ниал и вообще не сможет идти. Кэри старался держаться молодцом и ничем не выказывать боли, он даже губы не закусывал — но на руку Рейфа опирался все тяжелее... вот уж кому не до бесед!

И ведь не так трудно было бы исцелить юношу. Плохо вправленный вывих и растяжение — невелика беда для опытного целителя. Разрывы — это намного хуже, но и они срастутся без малейшего следа, стоит к ним приложить небольшую толику сил... небольшую для опытного целителя — но несоразмерно весомую для Рейфа, а он сейчас и щепоти лишней потратить ни на что не вправе! Рейф это знал — и понимал, что ниал это знает не хуже его, знает так хорошо, что не принял бы исцеления из его рук, пока Маятник не отброшен от города... понимал и повторял себе это снова и снова, но на душе у Эррама было скверно. А тяжелее всего было то, что Кэри не жаловался...

Маги никогда не ждут чудес — пустые чаяния и суеверия не по их части. Никаких чудес Рейфу и Кэри по дороге не встретилось. Зато им встретился водонос, нагрузивший два огромных кувшина с водой на степенного ослика, — а это было куда получше любого чуда. Пока Кэри пил холодную воду, кое-как приходя в себя, Рейф уговорил водоноса подвезти хромого студента до ратуши, а потом и обратно — и все за вполне приемлемую цену в полримты серебром. Рейф вручил один кувшин водоносу, другой взял сам и бросил на юношу свирепый взгляд: вот только ты мне вздумай протестовать, мальчишка, мигом небо с овчинку покажется! Но Кэри протестовать не вздумал — только покраснел, как смущенная девица, сдавленным голосом поблагодарил и взобрался на ослика.

Когда они добрались до ратуши, Кэри уже почти отдышался.

— Пойдем, — сказал Рейф, помогая юноше слезть на землю. — Гильдии магов в этом городе, разумеется, нет?

— Откуда ей быть, — почти уже нормальным голосом отозвался ниал. — В Мелле всех магов было — покойный Оллави и профессор Энстре. Я не в счет.

— Значит, нам нужен не цеховой старшина, а сразу мэр, — заключил Рейф.

Длинным лицом своим, тяжелой челюстью и невозмутимыми глазами чуть навывкате мэр неуловимо, но несомненно напоминал лошадь — из тех усталых костлявых кляч, что день за днем ходят по кругу, вращая ворот. Сравнение пришло в голову Рейфу не сегодня утром, а в первый же раз, как он увидел мэра Меллы, и сейчас это впечатление только усилилось. Лошадь лошастью. Зато на отсутствие смекалки мэр не мог пожаловаться. К чести его, он сразу сообразил, зачем Эррам заявился в ратушу второй раз на дню и привел к нему недоумевающего профессорского секретаря.

— Мэтр прав, — кивнул мэр, сомкнув кончики узловатых пальцев, едва только Рейф закончил объяснять, как ему нужна помощь Кэри. — Сами подумайте, господин Орсит, — вот вы поможете мэтру Эрраму, отразит он Маятник, а потом профессор вернется — и что мне с вами делать? В тюрьму сажать за то, что вы работы мэтра Энстре самовольно разгласили и использовали? Это для нас вы будете героем — а для закона вы будете преступником. Вы, а не он. Уж он для этого все силы приложит, не сомневайтесь. Нет как хотите, а я так не согласен!

— А я бы согласился, — неловко ответил ниал. — Если другого выхода нет...

— Если бы не было, я бы тебя сюда не привел, — отрезал Рейф.

— Вам нужен запрос от имени городских властей? — произнес мэр.

Хорошо иметь дело с умными людьми, подумал Рейф мимолетно. А еще лучше, когда они на твоей стороне. Мэр ведь умница, и не будь он со мной согласен, не сказано, что мне удалось бы его уговорить — и уж нипочем не удалось бы обхитрить. Он из тех, кто, как говорится, и под землей на три локтя вглубь видит. Любой подвох он бы учуял сразу. А что он все-таки поверил в байку насчет вымышленного брака Рейфа... так на его месте любой бы поверил.

— Запрос, — подтвердил Рейф. — Или даже приказ. Да хоть повеление сил всевышних. Лишь бы за подписью и печатью.

— Подпись и печать от сил всевышних мне не раздобыть, — хмыкнул мэр. — Вам придется довольствоваться моим приказом об использовании работ профессора Энстре.

— О проведении полевых испытаний, — поправил его Рейф. — В отсутствие профессора Энстре. Под наблюдением профессора Эррама. Для блага и спасения Меллы и по распоряжению городских властей упомянутой Меллы. На основании просьбы и рекомендации профессора Эррама, Щита Меллы.

Именно так, Орсит, подумал Рейф, глядя на ошарашенное лицо Кэри. Именно так и никак иначе. Дурно бы я отплатил тебе за помощь, отправив в тюрьму и оставшись чистеньким. Пусть даже и не тюрьма, пусть только скандал, который погубит тебя навек, погубит непоправимо... если уж коллега Энстре окажется таким сквернавцем, что захочет все-таки поднять шум, — я просил помощи, мне и ответ держать. А он окажется непременно — как правильно сказал мэр, можешь и не сомневаться. Никаких «если». Захочет он шум поднять — и еще какой. Даже не будь он сквалыгой и параноиком, скандал он устроит, не может не устроить. Выхода у него другого нет. Это ведь единственный для него шанс попытаться выплыть — утопить тебя. Закатить грандиозный скандал — чтобы заслонить свою вину твоей. Чтобы о его вине и не вспомнил никто. А вот не выйдет. Не дам я ему спрятаться за твоей спиной. И тебя на растерзание не отдам. Ничего, у моего профессорского звания плечи широкие, и не такой груз выдержат — а ты ничем не защищен, ты только начинаешь жить. Я и прежде подарков не принимал — и твоя сломанная жизнь первым принятым мной подарком не станет.

— Разумно, — обдумав формулировку, согласился мэр. — Если это не применение разработок профессора, а просто их испытания, приоритет не нарушен, так? А где преступления не было, там закону делать нечего. Однако вы не только в магии знаете толк, мэтр, но и в крючкотворстве.

— Поработаете с мое в университете — и не такому научитесь, — отмахнулся Рейф.

Составление приказа отняло совсем немного времени — куда больше его ушло на уйму сопроводительных бумаг. Однако все когда-нибудь кончается, даже и делопроизводство. Старательный белобрысый секретарь наконец-то написал под диктовку мэра все, что требуется, Рейф и Кэри расписались столько раз, сколько полагалось, печати заняли свое законное место на каждом из документов, и ошалевшие от этой заковыристой процедуры Эррам и Орсит буквально вывалились на площадь перед ратушей, где вконец раздосадованный долгим ожиданием водонос на все корки клял дурную минуту, когда он согласился возить хворого студента за какие-то жалкие гроши. Ладно бы еще, если мэтра Эррама везти пришлось — Щит Меллы не то что возить, на руках носить полагается. А студентов всяких возить — ослов не напасешься.

Водонос, впрочем, внакладе не остался — Рейф щедро приплатил ему и за ожидание, и за обратную дорогу, и за то, что водонос завернет к нему домой и скажет, что мэтр остается работать у господина Орсита и ждать его не стоит. Повеселевший водонос охотно согласился исполнить поручение мэтра — если просит не студент какой-то, а Щит Меллы, так отчего ж не исполнить-то, особенно если еще и с приплатой!

Разумеется, Рейф предпочел бы работать не в кабинете отсутствующего профессора Энстре, а у себя дома. Там, где госпожа Эссили так уютно и негромко переговаривается со слугами, и Рейфу кажется, что именно эти разговоры и пахнут на весь дом свежими булочками и поздней сиренью. Там, где его поджидает уже обжитый им кабинет — пусть не все в кабинете пока еще приспособлено к его рабочим предпочтениям, но бумага и чернила там именно такие, как он привык, и никакая мелочь вроде неудобного размера листа или не того оттенка чернил не мешает сосредоточиться, не отвлекает от работы. Там, где в ящике стола лежит его набор артефактов — его, не чужой, знакомый до последней щербинки и царапинки, приработанный к рукам за долгие годы... нет, ну до чего же странно получается! Давно ли Рейф считал этот дом чужим, а себя в нем — незванным гостем? А теперь он говорит себе «хотелось бы *домой*» — к себе домой...

Хотелось бы. Но нельзя.

Потому что нельзя тащить туда бумаги профессора. И не только потому, что перетаскивать придется весь день. А потому, что уехавший коллега далеко не подарочек. Будь он подарчком, Рейф бы понятия не имел, чего от него можно ожидать, подарочки Рейфу Эрраму в диковинку. Но Энстре, как уже было говорено, не подарочек — и Рейф отлично знает, чего ждать стоит. И если только хоть одна растреклятая бумажонка будет вынесена из дома, профессор назовет это кражей. И тут даже приказ о полевых испытаниях не поможет. И выйдет этот поганец сухим из воды, а парня утопит.

А еще — потому что нельзя никуда тащить хромого мальчишку. И так уже Кэри едва до ратуши добрался. Не по улицам ему шляться надо, а лежать, устроив повыше и поудобнее ногу в тугой повязке.

Кэри и лежал. Попробуй тут не лежать, а скакать по дому в попытках соблюдать гостеприимство — как рявкнет мэтр академическим профессорским рявком, так и здоровые ноги носить откажутся, что уж говорить о больных!

В результате академического рявка Кэри очутился на узеньком диванчике в профессорском кабинете. Он полулежал, опираясь на локоть и устроив ногу на две диванные подушки, закатав штанину и сняв чулок, а Рейф, тихо поминая нелестным словом глупую гордость, обкладывал распухшую лодыжку травяными припарками. Кэри закусывал губу — не от боли, от смущения — краснел, словно девица на выданье, поджимал от неловкости пальцы на ноге — словом, не знал, куда себя деть от почтения.

— Лежи и не дергайся, — почти раздраженно бросил Рейф. — И брось всю эту волюнку насчет непочтительности к профессорскому званию. Между коллегами какие могут быть счета чинами!

От слова «коллеги» несчастный Кэри только пуще зарделся и вроде как собрался что-то возразить — но тут в дверь постучали.

— Кого там... — Рейф не договорил. — Лежи, сам открою, — добавил он, быстро вставая и направляясь к двери. — И сам выставлю.

Рейф и собирался выставить любого незнакомца, будь то хоть сам король, хоть городской совет в полном составе — некогда им с Кэри гостей принимать! Но когда он с самым решительным видом открыл дверь, за ней оказались отнюдь не незнакомцы. Госпожа Эссили и его кухарка Нирин — какие же они незнакомцы?

— Ты собрался впроголодь работать, сам стряпать или мальчика в трактир за обедами гонять? — прищурилась Томален, когда растерянный Рейф пробормотал приветствие. — Или на кухню его определить?

— Вот уж только не гонять! — запротестовал возмущенно Рейф. — И не на кухню!.

Гонять умницу Кэри и определять его на кухню — это не по его части, а профессора Энстре, будь он неладен! И... и вообще...

— И вообще он хромает, — промолвил Рейф вдогонку.

— Тем более, — величественно кивнула госпожа Томален.

Она посторонилась, пропуская вперед кухарку. Та вошла и тяжело опустила на пол объемистую корзинку со всевозможной снедью.

При виде всех этих приготовлений Рейф покраснел так, что его румянец сделал бы честь и юному Орситу. Ну не привык он, до сих пор еще не привык, что о нем кто-то заботится! Он привык обихаживать себя сам, слуг у него отродясь не было — а уж чтобы кто-то помнил, сыт ли он, выпался ли...

А Кэри, вчерашний мальчик на побегушках у сквалыги-профессора, тем более не привык к чужой заботе. Уж если он на руку мэтра опереться и то стесняется...

— Орсит от смущения под землю провалится, — вырвалось у Рейфа.

— Пусть только попробует, — безмятежно произнесла Томален.

Может, Орсит и попробовал бы, но попытка смущаться была заранее обречена на провал. Очень трудно смущаться как следует, уписывая наперегонки с Рейфом свежайшие, еще теплые булочки. А еще труднее стесняться при виде улыбки Томален Эссили — такой материнской, что на душе светлеет и сразу сам себе кажешься ребенком, которого любят просто за то, что он есть, что он — это он, и одновременно взрослым — умным, сильным и удачливым. Кэри от этой улыбки мигом оттаял. Рейф был своей названной теще от всей души благодарен — и за булочки, и за то, что пришла, и за то, что осталась, и за то, что, когда они с Кэри приступили к работе, не покинула кабинет, а принялась помогать им, аккуратно складывая в прежнем порядке уже просмотренные ими бумаги.

— Так мы добрый месяц провозиться можем, — сказал Кэри, передавая госпоже Томален очередную неровную стопку уже просмотренных и отвергнутых записей. — Давайте все-таки попробуем сузить поиск. Для какого типа заклятий вам нужны катализаторы, мэтр?

— Все, которые годятся для любых чар класса «ална ранха», — помолчав, произнес Рейф. — Для любого варианта проявлений и в любом сочетании.

Кэри безмолвно вытаращил глаза.

«Ална ранха», она же в просторечии «пурпурный лотос», — магия, связанная со всем, что касается витальной силы, пола, зачатия, эротики. Ею лечат от холодности и импотенции, к ней прибегают мужчины, ощутившие недостаток мужской силы или неспособные зачать, ее применяют бесплодные женщины... но едва ли можно предполагать, что мэтр Эррам собрался залюбить Маятник насмерть — ну или пока не сбежит с перепугу... и уж точно мэтр не собирается рожать!

Все эти соображения читались в недоуменном взгляде ниала так же внятно, как если бы юноша произнес их вслух.

Рейф вздохнул.

Вот он, момент правды — и как ни старайся, избежать ее не удалось.

— Я не женат, Кэри, — тяжело и неловко промолвил Рейф. — И никогда не был.

Кэри все в том же немом изумлении перевел взгляд на госпожу Эссили. Если она не

теща Рейфа, то... то как же тогда...

— Мошенники мы с мэтром Эррамом, — пояснила Томален. — Мы совершили подлог.

— Нам казалось, что так лучше, — произнес Рейф. — Что это — единственный выход. А получилось, что западня...

Молчать уже не имело смысла — и Рейф рассказывал все. И о том, как городской совет Меллы с мэром во главе чуть не в ногах у него валялся, умоляя принять должность. И о том, что вступить в должность, оставаясь холостым, он не мог. И о том, как лучшие семейства Меллы готовы были бросать жребий — кому разводиться с женой и отдавать ее за мага. И о том, что это бы не помогло, но никто ведь ничего не знал. И о том, как в его доме появилась госпожа Эссили и предложила стать его названной тещей. И о том, какое дикое, безысходное отчаяние он испытал, получив наконец доступ к бумагам своего покойного предшественника. И как это отчаяние привело его к Кэри Орситу, слуге, лаборанту и секретарю уехавшего на конференцию профессора Энстре.

Он рассказывал, не заботясь о том, что Кэри о нем подумает и кем посчитает. Мошенником, готовым на подлог ради хлебного местечка? Пусть даже и так...

Но Кэри и в голову не приходило ничего подобного. Он слушал, бледный, сосредоточенный и серьезный, стиснув сплетенные пальцы до костяной белизны.

— Как же глупо все сложилось... — тихо молвил он.

Вот уж что верно, то верно. Глупее не придумаешь.

— И как страшно... — еще тише добавил Кэри.

Глаза у него были огромные, сухие и полные черноты.

Рейф отвел взгляд. Он понимал, почему у ниаля такие глаза. Да потому, что смотрит он на покойника — и оба они, и Рейф, и Кэри, об этом знают. Это госпоже Эссили знать неоткуда — но у мага, даже самого что ни на есть начинающего, даже у такого недостудента, как Орсит, неоткуда взяться иллюзиям. Часть, даже раздутая до невероятных размеров, никогда не заменит целого. А Рейф — сам по себе, один — не целое. Он только часть головоломки, половинка ключа, он незавершен — но Маятник не спрашивает, кто тут целый и заверченный, а кто — нет, он просто приходит. Он придет — и Рейфа не станет. Потому что Маятник надо отразить — во что бы то ни стало, любой ценой. Даже если цена эта — вся жизнь, вбитая в одно мгновение, вся сила, весь разум... что останется от Рейфа Эррама, когда Маятник будет отброшен, — труп? Может, и не труп, а что похуже. Калека, еле живое существо с разумом, выжженным дотла катализаторами и запредельным усилием, лишенное магии, рассудка, сил, обреченное до последнего дыхания таращиться в пустоту бессмысленным взглядом, выхаркивающее остатки жизни с каждым вздохом. Уж лучше и правда сгореть дотла, чем догнывать бессознательным обрубок распадающейся плоти... но так или иначе, а конец один — Рейфа больше не будет. Он ходит, улыбается, разговаривает — но он приговорен, и это его последние дни.

Последние, и других не будет.

Не потому ли так неожиданно полюбился ему дом, еще недавно казавшийся таким чужим, что это его последний дом? Не оттого ли до щемящей нежности прекрасна Мелла, что отражается она в его умирающем взоре? Не тем ли дороги ему жители Меллы, все до одного, что вошли в его душу за несколько дней до небытия? Это ведь правда, что в предсмертный миг все делается ярче, острее — все, чего не замечал, пока жил, все, что так больно будет терять, все озаряется последним светом...

Вспышка молнии — последняя, предгибельная...

Неужели нужно было подойти к порогу смерти, чтобы эта молния разорвала сердце и в него хлынули наконец улицы, дома, крыши с кошками, чердаки с бельем на веревках, скрип колодезного ворота и стук калитки, лошади и собаки, птицы и деревья — и люди, люди, люди...

Люди, которых он должен защитить.

— Не смотри на меня так, Кэри, — негромко попросил Рейф. — Давай не будем помирать раньше смерти и бежать впереди себя.

Он протянул руку и слегка встряхнул оцепеневшего юношу за плечо.

— Не все так страшно. Договорились?

Кэри вздохнул прерывисто и с усилием кивнул.

— Вот и хорошо. Работаем, Кэри, работаем...

Слово «работаем» было для Кэри поистине волшебным. Оно могло пробудить от сна, вывести из шока — возможно даже, воскресить из мертвых. «Работаем, детка», — говорила мама, когда они вдвоем разбирали бисер и стеклярус по цвету. «Работаем, Кэри», — говорил папа, вкладывая резец-«косячок» в неловкие от усердия детские пальцы. «Это кто это тут устал? Работаем!» — говорил учитель фехтования, когда с Кэри лился не седьмой пот и даже не десятый. Все детство, вся ранняя юность Кэри прошли под это слово. Может, оно и не самое подходящее для рыцарского романа о благородном мстителе — но что поделать, если роман оказался хоть и рыцарский, но какой-то неправильный...

Правильные рыцарские романы Кэри доводилось читать во множестве — и все они были на один лад. Все они начинались с того, что предки главного героя жили и не тужили — до тех самых пор, покуда коварным врагам не приходило в голову злополучное их семейство зачем-то извести. Иногда благородных предков старались сжить со света ради денег и земель, иногда — за принадлежность к запредельно древнему роду, нередко — просто из любви к искусству, потому что никаких внятных причин для скоростижной ненависти отыскать нельзя было даже с помощью мага, сведущего в следственной экспертизе. Беспричинная злокозненность врагов, впрочем, придавала сюжету некое приятное разнообразие — потому что действия их таковым не блистали. Враги исправно одерживали победу — посредством оружия или клеветы, смотря по ситуации, — но итог оставался неизменным. Не запятнанная ничем супружеская чета (или только овдовевшая супруга, если сочинитель был уж очень склонен к трагическим эффектам) отправлялась в изгнание, дабы влачить свои жалкие дни, или что уж там полагается влачить, в нищете и бесправии. Однако не тут-то было. В изгнании у несчастной четы неизменно рождался мальчик — разумеется, одаренный всеми мыслимыми и немыслимыми доблестями. Восхитительное дитя подрастало, узнавало тайну своего рождения, проникалось по отношению к врагам вполне закономерной ненавистью, после чего с несомненностью показывало злобным гонителям, в какой цене нынче лихо на развес и поштучно, а также демонстрировало остроту своего клинка — настолько успешно, что в финале обычно в живых, кроме мстительного дитяти, не оставалось никого. Ну что это за роман, если ставший мстителем мальчик не увеличит вдвое размеры городского кладбища?

Неправильный это роман. Но лишенное наследственного титула и имущества семейство Орсит в правильный роман никак не умещалось. Хотя бы уже потому, что родился у Орситов не мальчик, а девочка.

А еще потому, что лишились всего Орситы никак уж не безвинно.

Дед Кэри с раннего детства — или, как обыкновенно говорили в Ниале, еще молочных зубов не избыв — бредил стародавними свободами суверенного княжества. Каких таких свобод не хватало отпрыску знатного дворянского рода, во всю свою жизнь не знавшего утеснений, понять было с ходу мудрено. Тем более нелегко понять, каких свобод не доставало Ниале с тех пор, как княжество лишилось самостоятельности и вошло в состав королевства. Ни одно из присоединенных княжеств не душили поборами и налогами, местных уроженцев не ущемляли в правах, не заставляли насильно перенимать чужие им обычаи. Жизнь текла, как и прежде. Впрочем, если дотошно изучить список свобод и вольностей княжества Ниале, одной в нем все-таки по сравнению с прежними временами не доставало — свободы объявлять войну другим княжествам, когда вздумается. Именно ради ее сохранения Ниале в период Разделенных Княжеств отвергало любые союзы — потому что открывать военные действия пришлось бы уже не по собственной воле, а по уговору с союзниками. Именно эту свободу отнял у Ниале король, присоединивший обескровленное долгой войной княжество к своему королевству. К этому времени от населения Ниале осталась хорошо если треть — и уцелевшие не посчитали отказ от права

начинать войну бесконтрольно таким уж большим лишением. Да и с кем воевать — с другими частями королевства? Или с кем-нибудь из сопредельных стран, которые сравнительно небольшому княжеству просто не по зубам? Однако выжженные поля зарастают пшеницей, разрушенные города отстраиваются заново, обезлюдившие дома заселяются вновь... заселяются теми, кто уже не помнит, что такое война, но отлично помнит, что их предков лишили права ее начинать. А что может быть притягательнее запретного, заманчивее отнятого?

Юнцы, помешанные на старине, — дело обычное. Чем же и бредить юности, как не древностью? Куда хуже, когда время пытаются и в самом деле повернуть вспять, и уже не юноши, а люди взрослые. Деду Кэри, Лорну, когда он ввязался в заговор, было уже хорошо за сорок, его сын Иллер был уже два года как женат и уже лет пять как пытался образумить неугомонного отца. О заговоре Иллер, понятное дело, не знал ничего, но взгляды отца для него не были тайной — и он их ни в малейшей малости не разделял. Оба Орсита, старший и младший, были люди неподатливые, но способные уважать взгляды друг друга. Однако знай Иллер о том, что его отец подался в заговорщики, навряд ли его уважения хватило бы на такой случай. Тянуть Ниале назад, во времена всеобщей резни? Да Иллеру бы и в страшном сне не приснилось такое безумие! И уж тем более безумие — надеяться, что заговор горстки местных аристократов успешно перерастет в мятеж, мятеж — в победоносную войну и Ниале отделится от королевства! Такое случается, если государство стоит на грани развала — но не при сильном правлении в благополучной стране.

Заговор окончился вполне ожидаемым образом — неожиданным его исход был разве что для самих заговорщиков. Они и ахнуть не успели, как все было кончено. Самых рьяных казнили, остальные отделались лишением дворянства и всего имущества и запретом на ношение оружия по мужской линии до седьмого колена включительно. Иллер мог бы доказать свою непричастность и сохранить хоть что-то — но он не стал отрекаться от отца и вместе с ним потерял все.

Он ни словом, ни взглядом никогда не попрекнул отца в том, что по его вине Орситы оказались бездомными бродягами, лишенными средств к существованию. Будь Иллер персонажем правильного романа, тут-то бы ему и поднять знамя заговора в ответ на утеснение — но он не был персонажем романа и не считал, что клан Орситов пострадал ни за что. Влачить дни в нищете — или, говоря человеческим языком, осваивать ремесло побирушки — Иллер не собирался тем более. Есть на свете и другие ремесла. И будь ты хоть бывший дворянин, хоть бывший королевич — но когда на руках у тебя отец с матерью и жена с новорожденной дочерью, горделиво голодать совесть не позволит.

Иллер не мог податься в наемники, не мог сделаться учителем фехтования. Он не мог наняться даже слугой — потому что не владел ни одним из тех умений, которые слуге просто необходимы. Кто же мог знать заранее, что они понадобятся! Это ведь только судьбе одной известно, что за знаки она вырезала на бирке с твоим именем... а знать бы загодя, ничего бы не пожалел, чтоб своей рукой их исправить... вот этой самой рукой, которая так ловко в детстве вырезала из дерева затейливые фигурки...

Этой самой рукой Иллер себе новую судьбу и вырезал — а что не по бирке именной, а по пуговицам деревянным да костяным резьба пришлась... так ведь кто их знает, бирки с участью, на что они похожи.

Не золото с камнями драгоценными — дерево и кость, а все-таки пуговицы затейливые — товар хоть и не самый дорогой, но и не дешевый. Какая сельская красотка не захочет к празднику нарядное платье обновить таким украшением? Хватит и на еду, хватит и жене на шелк-бисер, чтобы новые пуговицы с хитрым узором сделать. Если в две пары рук работать, хватит и на право сдать экзамен в гильдию — а если вы вдвоем мастера гильдейские, а товар в городе сбываете, то цена ему уже другая. Можно и угол свой снять, а там, глядишь, и мастерскую открыть с вывеской. Орситы никогда не сдавались в бою, всегда сражались до последнего — и Иллер не стал сдаваться нищете.

Достаток пуговицы подарили хоть и скромный, но надежный. Мастерская Иллера

пользовалась доброй славой. Все городские модницы наперебой старались заказать что-нибудь с выдумкой да попригляднее — ведь кому и понимать в изяществе, как не дворянину, пусть и бывшему!

Работали новоявленные пуговичники, не разгибая спины.

«Работаем, Кэри, работаем!»

К девяти годам Кэри шила шелком и бисером не хуже матери, к двенадцати освоила резьбу не хуже отца. Она гордилась званием подмастерья — куда больше, чем дворянским происхождением, о котором горазд был поговорить дед. Малышка Кэри деда с бабушкой любила — но сетовать вместе с ними об утраченном у нее совершенно не получалось. Да и вообще сетования были не по ее части. Вот утешения — дело другое. А что может быть проще, чем утешить стариков? Это ведь так замечательно, что у них не внук, о котором они мечтали, а внучка! Конечно, замечательно — внуку под страхом смертной казни нельзя было бы и в руки шпагу взять, но Кэри-то девочка, а не мальчик, ей никакой закон не запрещает брать уроки фехтования! Хотел дед видеть ребенка Иллера искусным фехтовальщиком? Конечно, хотел. Так отчего бы и не порадовать его фехтовальными успехами? Тем более что фехтование Кэри так легко дается... это куда веселее, чем школьные уроки, и ничуть не труднее... хотя уроки — это тоже весело, особенно уроки магии. Учитель магии говорит, что у нее большие способности. Мама говорит, что нельзя зарывать талант в землю. Отец говорит, что лишних знаний не бывает, а в столичном университете есть отделение, на котором женщины учатся. Дед говорит, что отродясь в семье Орситов не было магов и тем более магичек, но уж лучше магия, чем пуговицы. Бабушка говорит, что в столице женихи не здешним чета. А Кэри с ужасно взрослым видом говорит, что всему свое время. Ей очень хочется повидать мир, поступить в университет, выучиться магии всерьез — и очень не хочется расставаться с семьей... но это потому, что она маленькая — а вот когда она вырастет совсем большая...

Все было решено, все запланировано.

Все пошло кувырком.

Иллер никогда не чванился прежним своим дворянством, но и не скрывал его. Кто же знал, что найдется заезжий наглец, способный над этим поглумиться! Безмозглый дворянчик, не сделавший в своей жизни ничего толкового, даже пуговицы. Как же издевался он над родовитым пуговичником, лишенным титула! Какими оскорблениями сыпал, удваивая их и утраивая, когда понял, что пуговичник отвечать на них не станет и вызова на поединок не примет! Еще и сулился палками прибить за трусость, если пуговичник не придет в назначенное время в урочное место скрестить со своим оскорбителем шпаги! Не придет — значит, и вправду был дворянин, да весь вышел, один ремесленник остался, а ремесленнику не удары шпаги, а палочные удары полагаются.

Замечательный выбор — быть избитым высокородным подонком или взять шпагу в руки и лишиться головы.

Кэри и в мыслях не держала предоставить отцу выбор.

Вот только не станет заезжий оскорбитель с женщиной драться. Засмеет только пуще.

А кто ему скажет, что дерется он с женщиной?

Да внешность и скажет.

Как ни переодевай Кэри, как ни перетягивай грудь, за мальчика она в свои семнадцать лет ну никак сойти не могла. Но ведь внешность — дело поправимое. Магов хороших в городе довольно, и почти любой из них способен наложить заклятье, которое заставит кого угодно принимать девушку за юношу. В романах и не такие чудеса творятся, милостивые государи.

Но в романах чудеса не начинают чудесить.

Дворянчик не усомнился, что перед ним сын пуговичника, — откуда ему было знать, что у Иллера не сын, а дочь. И сын или брат младший вправе заменить вызванного в поединке, если оскорбитель намного его младше — а наглец был младше Иллера этак раза в два. Кэри с ним управлялась запросто. Убивать не стала — просто вволю потешилась. Под

конец незадачливый обидчик не просто извинения принес — в ногах был валяться готов, умолять, чтобы никто никому никогда ничего о дуэли этой не рассказывал — не приведи боги, узнают люди, что сынок какого-то пуговичника его этак отделал.

И вот тут и начались чудеса вокруг чудес.

Надеть на себя мужское обличье Кэри удалось с легкостью, иллюзии и вообще легко накладываются на реальность. Зато снять его оказалось не просто трудно — невозможно.

Поторопилась Кэри с иллюзией, поспешила — лишь бы успеть, лишь бы отец не узнал, что дочка надумала, пока она с дуэлью не разберется. Не стала долго по магам бегать, искать самого подходящего — зашла за накладным обличьем к тому, что жил поближе. А маг оказался таммером. И вдобавок он и знать не знал о магических способностях девушки — а она и знать не знала, что осведомить при наложении иллюзии о них нужно обязательно. Маг — таммер, Кэри — ниален с еще не упорядоченными серьезным обучением способностями... и что хорошего можно ожидать от сочетания разнородной магии? А Кэри еще и амулета не сняла — она его никогда не снимала. Старый амулет, родовой — времен Разъединенных Княжеств... против кого и делали амулет! Именно что против таммерских заклинаний и делали. Если бы чары накладывались против воли Кэри... вздумай она сопротивляться — да от мага песочек бы остался серенький! Но Кэри не сопротивлялась — и амулет не причинил магу ничего плохого. Зато с заклатьем его обошелся по-свойски.

Вцепилась накладная личина в лицо — не оторвешь. И как дальше жить девушке, в которой все видят юношу?

Если бы Кэри превратилась в мужчину на самом деле, может, она и сжилась бы с такой переменой. Но она не стала мужчиной, а только казалась им — казалась так основательно, что хоть в мужские бани зайди да догола разденься все поклянутся, что парня видели, а не девицу! Самого что ни на есть настоящего парня. И добро бы только обычные люди — ни один маг иллюзию не распознает! Парень перед ним, и все тут.

И если кто-то думает, что девушке, которая любому кажется парнем, оставаясь девушкой, жить легко... пусть подумает еще раз.

Попытки снять иллюзию съели все деньги, отложенные на приданое и на учебу, — услуги хорошего мага стоят недешево, даже если платить за них приходится не полную цену, раз успеха они не возымели. В поисках мага, который все-таки разберется со взбесившейся иллюзией, Кэри продвигалась все дальше от дома и все ближе к столице. Как раз к столице деньги и закончились. Но ведь это еще не повод сдаваться, верно? Орситы не сдаются. Что гласит старая житейская мудрость? «Если хочешь, чтобы что-то было сделано как следует, сделай это сам». Что значит — «я не маг»? У тебя ведь есть способности!

Способности есть, университет тоже есть... денег, правда, нет — но ведь и выхода тоже нет.

Вот так и оказалась Кэри студентом — не студенткой! — столичного университета, а сразу же после того — секретарем и лаборантом профессора Энстре.

Магичка по способностям, дворянка по крови — магии-то на судебные решения в высшей степени наплевать! — вдобавок незамужняя... дважды идеальное решение, вдвойне находка для Щита Меллы.

И... и — что?

И ничего, уважаемые.

Потому что ведь даже и не расскажешь никому, кто ты есть на самом деле. Не поверит никто. Не Кэри поверят, а глазам своим. Еще и решат, что спятил парень, эка жалость. Ну, может, мэтр Эррам поверит. А что толку? Кто ж его согласится с явным и несомненным парнем венчать? И на то, что заклатье Рейф снимет, надежды мало. Он ведь, как и все прочие маги, не заметил его даже. И нельзя, нельзя сейчас тратить силы на снятие иллюзии! Даже и в том невероятном случае, если снять заклатье удастся, сил у мэтра останется столько, что их не на Маятник — на котеныша прибудного и то не хватит. Так и зачем мэтру Эрраму правду рассказывать, зачем попусту душу травить? Все равно что рассказывать смертнику обреченному — мол, есть на твое имя помилование, а все едино тебе помирать, потому что

замкнуто оно на замок, а ключ потерян. Расписывать в деталях всю неукусимость локтя? Дать понять, что судьба посмеялась еще более жестоко, чем кажется? Нет, как хотите, а у Кэри язык не повернется.

Еще и потому не повернется, что полюбила она Рейфа Эррама с первого взгляда — словно вспышка молнии выхватила его лицо из мрака. Единственное. Неповторимое.

Бывает ли любовь с первого взгляда? Еще как бывает — если со второго подтверждается.

И со второго, и с третьего, и с какого угодно взгляда Кэри влюблялась все сильнее и все безнадежнее.

Горло то и дело сжималось, дыхание замирало, перед глазами все плыло, в ушах стоял звон. От смущения своего и растерянности Кэри несла что-то совсем уж несусветное, ляпала дурацкие вопросы невпопад... каким же балбесом и неучем должен мэтр Эррам полагать незадачливого профессорского секретаря! Небось еще и думает, с какой радости профессор держит при себе законченного болвана — неужто поумнее никого не нашлось! Наверняка думает, только виду не подает. Наоборот — стоит Кэри его послушать, и ей кажется, что она и в самом деле умная и способная. И если она только постарается, все у нее получится.

Конечно, получится... а что тут трудного? Первую и единственную любовь свою своими, почитай, руками убить, помочь ему выжечь себя самого насмерть... должно получиться, Кэри, старайся, ты же умница. Ты же отлично понимаешь, что, если Рейф с Маятником не справится, ему все одно умирать придется. Вместе со всеми, вместе с тобой, вместе с жителями Меллы, где бы они ни были сейчас...

Если он не справится, их нигде не будет, никого и ничего больше не будет — так что уж изволь постараться на совесть, Кэри Орсит, сделай все, что можешь и не можешь, чтобы не напрасно Рейф погиб, чтобы не зазря себя дотла выжег... сделай так, чтобы он смог отразить Маятник... чтобы все были... все чтобы были, а его не было...

Работаем, Кэри, работаем...

Как же глупо все сложилось. И как страшно.

Утро выдалось теплое, но ветреное, беспокойное; рваные облака быстро бежали по небу. Однако в самом скором времени развиднелось, ветер начал утихать и задолго еще до полудня унялся окончательно. Наступившее безветрие обвело городскую стену сомкнутым кольцом тишины — ни шелест листвы, ни шорох травы не нарушали ее. Затих и город в ожидании Маятника. И ведь, казалось бы, глупость какая — бросать все дела оттого, что через несколько часов то ли настигнет тебя гибель, то ли нет, и сидеть сложа руки — ничего ведь не изменится от твоего сидения, не пройдет смерть мимо только оттого, что ты затаился. Так-то оно так — но и делами повседневными заниматься тоже не получается. И не потому даже, что все из рук валится, а потому что не получается, и все тут. Нет ничего хуже, чем ждать, — особенно если поделаться ничего не можешь. Ждать, не зная ничего. Бывает, верную гибель встречают со спокойным мужеством и ясной душой — но неизвестное томит. Ждешь, сам не зная толком, чего именно, а потом уже и не понимаешь, а ждешь ли... пока не минует полдень, пока не сойдет со Смотровой башни новый маг и не скажет, что угроза миновала, ни к чему сердце не лежит. Затих город, замолк — только немногие тихие звуки робко дотрагивались до тишины и снова прятались.

До Рейфа и Кэри на Смотровую башню они не доносились. Тишина была такой огромной, что даже шепот, даже шорох заполнял ее всю и тоже становился огромным.

— Полдень скоро, — произнес Рейф, не глядя на Кэри. — Шел бы ты домой... пора уже.

Хоть и трудно тебе идти — едва до башни дохромал, — а все-таки лучше бы тебе сейчас уйти...

— Разве я вам мешаю, мэтр?

— Нет, — покачал головой Рейф. — Просто это будет очень... некрасиво. Не стоит тебе на такое смотреть...

Некрасиво — это не то слово. А какое слово будет «то»? Какое слово нужно, чтобы

сказать: «Я не хочу умирать у тебя на глазах, парень, — тебе и без того несладко»?

Теперь уже настал черед Кэри головой качать.

— Если все кончится плохо, не будет никакой разницы, видел я что-то или нет, помнить мне все равно доведется недолго. А если все-таки все получится... лучше, чтобы я был здесь.

Смотрит, головы не опуская, глаз не отводит — и такая мольба в голосе: не гони, не лишай права сражаться вместе с тобой, вдруг вдвоем у нас получится лучше и ты уцелеешь... эх, Кэри, будь надежда хлебом, на свете бы не осталось голодных...

— Я так понимаю, что гнать тебя бесполезно, ты все едино останешься? — усмехнулся Рейф.

— Правильно понимаешь.

Солнце уже почти поднялось в зенит. Небо налилось спелой густой синевой, и жара стояла сухая и звонкая. Или это у Рейфа в ушах звенит?

В ушах и в самом деле звенело. Голову слегка вело, сердце билось чаще и тяжелее обычного, как оно бывает, если перебрать бодрящих заклятий, но на сей раз дело было не в них. Рейф и Кэри поработали на славу, и теперь весь он был переполнен силой. Катализирующие заклятья ускоряли действие всех чар до предела, Рейф и не предполагал, что живой человек может вынести что-то хотя бы отдаленно подобное и удержаться в сознании. Конечно, не профессора Энстре надо за это благодарить — вот уж кто на знания свои скупился. Но ведь Кэри умница, ему слово скажи, намекни только, а дальше он и сам домыслит. И трудяга каких мало — бывали у Рейфа добросовестные студенты, и сам он отродясь в лентяях не хаживал, но впервые в жизни он видел, чтобы человек работал с такой иступленной одержимостью. Вдвоем они лихо перелопатили бумаги отсутствующего профессора — при других обстоятельствах им бы за несколько месяцев того не сделать, что было сделано за несколько дней. Когда-то Рейф мечтал совершить переворот в науке — что ж, он достиг своего. То, что они с Кэри за эти дни узнали о возможностях катализа, открывало совершенно новую область для исследований. Рейф мысленно улыбнулся: не всякому студенту доводится наработать на диссертацию еще до того, как он сдаст первую в своей жизни сессию. Умница Орсит... далеко пойдет... и никакой профессор ему не помешает. Нельзя, чтобы помешал...

Рейф гнал от себя эти мысли, стараясь сосредоточиться на своих ощущениях, заранее почувствовать приближение Маятника. Ощущения оказались обманчивы. Неуловимое что-то, прозрачное и невесомое, словно паутинка осенняя, то ли есть она, то ли нет, блеснет на солнце и тут же пропадет вон из глаз — сколько ни всматривайся, не заметишь... а может, и нет ее вовсе, привиделась... своя ли тревога эхом отзывается призрачным — или это неясные пока еще отзвуки подступающей беды? Промельк отсвета, призрак звука — есть ли, нет ли... поди угадай, когда весь мир видится и слышится не таким, как обычно! Сила струилась по жилам Рейфа, наполняла собой — не он, сила сейчас смотрела из его глаз и слушала его ушами. Зрение обострилось предельно, Рейф сейчас мог бы воробья у самого окоема различить и перья на нем посчитать. Каждую травинку в поле за стеной он видел отдельно, очертания их были отчетливыми до хруста. Рейф глубоко вдохнул, пытаясь уgomонить зачастившее сердце. Запахи тоже изменились — они были густыми, как студень, вязкими, но при этом совершенно не смешивались между собой. Даже от гранита Смотровой башни на солнце и в тени пахло по-разному. Звуки тоже не сливались — каждый звучал отдельно, и ни один не заглушал другие и не терялся в них. Горизонт слабо, но все же заметно изгибался, где-то за спиной замыкая в круг этот непривычный мир новых, таких ярких красок, линий, звуков и запахов, — а в сердцевине этого мира было ожидание, пустое и гулкое, как комната в заброшенном доме. От этой пустоты напрягалась шея и плечи, словно от чужого взгляда в спину. И еще отчего-то, несмотря на жару, мерзли руки...

— Руки мерзнут... — Голос Кэри был удивленным и непривычно хриплым.

Мерзнут. На жарком полуденном солнце. Почти незаметный знобкий холодок, шершавый какой-то, даже колкий...

— Начинается... — выдохнул Рейф.

Начинается... и уже некогда снова уговаривать Кэри уйти, некогда снова пытаться отсылать беднягу... все уже начинается, уже началось... время замерло, как муха в янтаре, черно-серое и неподвижное в золотых солнечных лучах... замерло, а потом засучило ломкими ножками, расправило прозрачные крылышки, и янтарь треснул, золото потекло прочь раскаленными каплями, прочь, куда угодно — лишь бы скрыться от незримого приближения Маятника...

— Смотри... — хриплый шепот, кто это шепчет — Рейф или Кэри?

Воздух бездвижен, ни ветерка — а дальний лес пригибается, словно под пятой бури... в тишине, в безмолвии гнутся деревья, кустарники — все ближе и ближе... и пригибается трава — в сторону Меллы... пригибается, ложится, стелется под несуществующим ветром — все ближе, все быстрее...

Какой уж тут высверк тончайшей паутинной нити! Не паутинка — снасти, канаты корабельные, и они стонут под напором невидимого шторма, воют от напряжения. Пустота ожидания схлопнулась сама в себя — но взамен ее ничего не пришло, место исчезнувшей пустоты осталось незаполненным, и это зияние было как пролом в крепостной стене... нет — как бойница!

Рейф вскинул руку, и сила его устремилась сквозь эту бойницу навстречу Маятнику.

Элементы заклятий четко и слаженно занимали свои места в кристаллической решетке. Легковесные чары, полимеризуясь, обретали прочность, их длинные волокна сплетались во вторичную структуру... третичную... какой еще маг может с чистой совестью сказать, что видел магическую реакцию — не результат ее, а саму реакцию, сами соединяющиеся элементы? Кто хоть раз не вычислял, а своими глазами наблюдал свободные и занятые энергетические оболочки? Кто созерцал нематериальность материи, ее несуществующий цвет и раскаленную мощь преобразований? И как рассказать, как выразить, назвать, обозначить то, для чего в языке нет слов, — как назвать это яркое, отчетливое, невыразимое, как рассказать этот красный цвет, синий до белизны, на октаву выше зеленого, режущее сладкий, выворачивающий кристаллическую решетку в какое-то немыслимо другое пространство, где она отслаивается чешуйками, оставляя неровный след на струящемся воздухе...

Неровная черта, словно впопыхах нацарапанная ребенком, который еще только учится рисовать...

И незримое жадно слизывает ее, как потеки варенья с блюдечка... пролизывает пустоту в решетке и всхлупывает, втягивает ее в себя, все быстрее, и перед тем как исчезнуть окончательно, решетка скручивается в бешено вертящийся водоворот...

Остановить проклятие, задержать его? Маятник не бился о кристаллическую прочность заклятий — он пожирал ее, втягивал, всасывал, все быстрее и быстрее... сердце бухало в такт этому кружению, словно бы водоворот издали высасывал и его... эластичная стена полимерных чар выпучивалась в сторону невидимого присутствия медленно, нехотя... вытянулась в гигантскую воронку и лопнула, края чар сворачивались бесструктурными каплями, обрывки заклятий неопытно змеились, подрагивая, и слипались, точно остывшие макароны, исчезающие во рту неразборчивого едока... пространство липко мерцало, словно киселем обмазанное, и мерцание это мало-помалу обозначило структуру того, с чем сражался Рейф.

Теперь он знал — как никто другой... но знание это уже ничем не могло ему помочь.

То, что возвращалось маятником к Мелле раз за разом, за неимением других слов можно было назвать воронкой, смерчем, водоворотом — и водоворот этот втягивал в себя магию, разум, саму жизнь.

...Тела, из которых выпита жизнь, бездыханные куклы из плоти на мостовой, разбросанные, разорванные...

...Тела, из которых выпит разум, безумные манекены идут по улице и убивают себе подобных, убивают, убивают...

...Тела, из которых выпита магия, беспомощные оболочки с кровоточащим ошметками сознания...

Именно так, а не иначе.

Теперь Рейф знал, отчего не иначе, — но знание это не могло ему помочь.

Самоподдерживающаяся реакция.

Она не остановится, пока в вихревую воронку втягивается все новое и новое сырье — жизни, разумы, силы... вот в этот вот мерзкий крутящийся хобот, нацелившийся на Рейфа, на самое вкусное, что есть вокруг, на Рейфа, в котором мирное тление магической силы разогнано до скорости пламени... Рейф просто полыхает силой, и пожирающий вихрь тянется к нему на жар этой силы, подобно тому как змея находит мышь по теплу ее тела...

Может ли мышь загрызть змею?

Может ли маг сдавить горло воронки, задушить смерч?

Двумя руками мог бы и попытаться — но Рейф отчетливо ощущал свою магию однорукой.

Эта единственная рука была сильна непомерно, как нередко случается у калек, но она была одна, непоправимо и безнадежно одна — и пальцы не сходились на глотке вихря.

У Рейфа была только одна рука — правая, вскинута в отвращающем жесте, и всем, что еще оставалось от его сознания, он продолжал удерживать ее — а другой руки у него не было, и тела наполовину не было. Половинка тела, половинка разума, половинка магии... Их не доставало, чтобы одолеть смерч, их вообще ни на что не доставало. Мир наполовину померк, поблек, краски и очертания выцвели, сделались плоскими и словно бы нарисованными, звуки сплющились в бессмысленный блин... Держать руку, держать... держать! Пустота ощутимо просвечивала сквозь оболочку зримого, бугрилась под ним, как мускулы под кожей, еще немного, и она прорвет тонкую пленку сущего, и для Рейфа закончится все — и навсегда... Держать... ну и что же, что ничего больше нет, — держать...

Ничего больше не было, только правая рука, и Рейф не знал, не понимал, что его тело сделало шаг назад, не ощущал, что его левая рука уже сдавливает его горло — ведь ее не было, и горла не было... разве можно ощущать то, чего нет?

Можно — если его вдруг хватают, тянут куда-то в сторону и сжимают что есть силы.

Левой руки не было, а теперь она есть, пальцы Кэри вцепились в нее до синяков, и Рейф не может даже оттолкнуть, ведь его держат за левую руку, которая есть, а правая нужна ему, чтобы сражаться, и он не успевает крикнуть, это Кэри что-то кричит до синевы на висках, и губы его шевелятся...

— Не-е-е-е-е-е-еет!!!

Крик отчего-то запаздывает, не поспевает за движением губ... лицо залито слезами... лицо Кэри, закованное в жесткий полимерный каркас заклятий...

Лицо, которое есть — а сейчас его не станет, потому что Рейф не успел оттолкнуть Кэри, и хобот вихря тянется уже не только к Рейфу — к ним обоим... тянется... и слизывает оболочку из заклинаний...

И Кэри смотрит на Рейфа, а Рейф на Кэри... на это знакомое ему лицо... девичье лицо... такое знакомое — и такое иное...

Не просто знакомое — до мельчайшей черточки то же самое... и при этом до мельчайшей черточки иное.

Девичье лицо — бледное, зареванное, уже не прикрытое от его взгляда ни маской наложенной на него иллюзии, ни еще более плотной маской воспитания и приличий — какое уж тут воспитание, какие приличия на краю смерти! — обнаженное лицо, до самой души обнаженное, разомкнутые в крике губы, распахнутый взгляд — нагой взгляд женщины, у которой отнимают больше чем жизнь...

И столько яростной любви было в этом взгляде, что свирепая нежность рванула наискось сердце Рейфа невыносимой болью — лютой, ослепительной, как вспышка молнии... молнии, выхватывающей из мрака одно-единственное лицо.

Неповторимое.

Незабываемое.

Фактор молнии?

Основной компонент приворотных чар?

Так, кажется, назвал это Рейф в своей диссертации в той, прошлой жизни?

Да кому нужны все и всяческие приворотные чары — ведь лица девушки, удержавшей тебя на краю смерти, ты и так не забудешь никогда!

Неповторимое.

Единственное.

Ты не забудешь его — ведь у тебя теперь есть время, чтобы не забыть, вот только что времени не было, а теперь оно есть. Потому что левая рука у тебя тоже есть, и ты сам у себя теперь есть — цельный, заверченный... У тебя есть вы оба, ты и она, и потому у тебя есть ты... У тебя есть левая рука, Кэри сжимает ее в своей — единое, неразрывное целое, словно по вашим жилам бежит общая кровь... И Кэри взмывает левую руку, в точности повторяя твоё движение... И твоя магия, обретая цельность, сжимает свою вторую руку на горле проклятой воронки, сдавливает смерч... и он захлебывается, рвется и издыхает...

И почему-то становится ужасно тихо. Что значит — становится? Ведь и было тихо, ты сам был готов помешаться в рассудке от облепившей тебя тишины. Как же тихо... только Кэри всхлипывает да ветер шелестит травой где-то внизу у стены. Ветер... до чего же хорошо, когда ветер есть и он шелестит. Ветер... и отвесный полуденный зной... и птица какая-то дурная прямо над головой орет... и отчего-то мутит немного и голова кружится. Нет, не «отчего-то» — от слабости... вот теперь можно почувствовать, что тебя на самом-то деле ноги не держат, ощутить, как трясутся и подгибаются колени, как дрожит рука Кэри в твоей руке... Теперь уже можно, теперь все можно, потому что с Маятником покончено... А вот с вами обоими — нет, и можно позволить себе опуститься без сил на горячий от полуденной жары каменный пол Смотровой башни рядом с Кэри, не разнимая рук, и привалиться друг к другу, и сидеть молча, ничего не говорить, просто смотреть на спелую синеву неба, на растрепанную ветром траву, на башенные зубцы, оплавленные, смятые, словно клеклый хлебный мякиш, там, где прекратил своё существование Маятник... Оплавленные, смятые... а это значит, что надо все-таки встать... встать, спуститься вниз и предупредить, чтобы никто покуда и близко не подходил к башне и к примыкающей части городской стены и уж тем более не касался помятого гранита. Эту часть стены и башни надо будет изъять и захоронить, не притрагиваясь руками, а прежде того — обезвредить от магической накипи, насколько это и вообще возможно. Да тут работы по захоронению и обезвреживанию недели на две, не меньше!

Но Маятника Меллы больше нет.

Наверное, это какая-то неправильная победа. Наверное. Маятник ведь полагается отражать, а не уничтожать. Но чего еще и ждать от неправильных героев...

— Кажется, я знаю, чем мы будем заниматься после того, как повенчаемся, — сипло произнес Рейф.

Маятниками, чем же еще. Не одна только Мелла живет от Маятника к Маятнику — но до сих пор никто не додумался, как их надо уничтожить. А если бы и додумался, не смог бы — чтобы суметь, сначала надо оказаться совершенно непригодным к должности Щита, а потом сделать все шиворот-навыворот, и притом не в одиночку. Женатый маг в одиночку отразил бы Маятник. Влюбленный маг вдвоем со своей девушкой, как оказалось, сумел Маятник уничтожить. Он тоже был завершён — они оба с Кэри были завершены... Просто они оказались завершены иначе. Не так, как полагается.

— Чем не развлечение на медовый месяц... — сорванным голосом отозвалась Кэри. — Главное, не забыть опять сделать все неправильно.

Рейфу не пришлось объяснять, о чем он думал. Кэри его и без слов поняла. Это всегда так, когда любишь, — или только если у тебя все не как у людей, а вверх тормашками?

— И госпожу Эссили с собой взять, — добавила Кэри.

— Обязательно, — согласился Рейф. — Куда же магу без тещи. Без нее бы на самом

деле ничего не получилось.

Томален не было с ними на Смотровой башне, она всего лишь рассказала Рейфу, что на свете существует Кэри Орсит, — а могла бы и не она рассказать, а кто-то другой. И тем не менее Рейф знал с той же несомненностью, что и Кэри, что без Томален ничего бы не получилось, — знал какой-то странной частью своей души, той частью, с которой он и сам еще не был толком знаком и с которой ему только еще предстояло познакомиться... той частью души, которая появилась только сейчас, общей с Кэри — на двоих...

Наверное, это неправильное объяснение в любви и неправильное предложение руки и сердца. Наверное. Но чего еще и ждать от неправильных влюбленных...

Не романа же сердцещипательного, в самом-то деле...

Разве что совсем уж неправильного.

Сергей Раткевич **ХРАНИТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ**

— Ты, что ли, книги из огня спасал?

— Ну я, а что?

Юноша с легкой досадой смотрит на седого как лунь старика. Вот сейчас тот его хвалить да превозносить станет! За то, что он такой сознательный и доблестный и вообще весь такой замечательный. Ведь наверняка станет. За тем и пришел, верно. Юноша смотрит почти с обидой. Он ведь не для того в огонь шагнул... Не для того, чтоб его вот эдак, с утра до ночи... И вовсе он не замечательный, такой же, как все. Ведь каждый же на его месте...

— Это ничего, — усмехается старик. — Я вот в свое время сжег целую библиотеку. Пойдем, поговорить надо.

Теперь юноша смотрит на него с ужасом.

«Сжег целую библиотеку!»

О чем и говорить с таким чудовищем? Как он и вообще дальше-то жить смеет? Да еще и хвастается этим своим «подвигом»!

— О чем нам с вами разговаривать?! — гневно выдыхает юноша.

— Да все о том же... — усмехается старик. — О книгах...

* * *

«Рукописи нужно сжечь!» — Старый книжник уж который день твердит себе эту фразу.

Нужно. Необходимо. Нельзя иначе. А не то придут люди короля и... вот только они сжигают рукописи вместе с теми, кто их прячет. Рукописи нельзя прятать. Грех это. Грех великий.

Свитки. Рукописи эльфов. Непостижимые тайны ушедших бессмертных. Эльфийские рукописи почти никогда не повторяются. Каждая из них уникальна. Бесценна. И даже если первые два слоя совпадают, кто может сказать, что будет в третьем? Во всяком случае, не он. Ему такое счастье недоступно. Не каждому открывается глубинная мудрость эльфов.

Он представил себе все эти восхитительные рукописи, про которые он даже в мыслях своих никогда не смел сказать — мои, представил себе все эти восхитительные рукописи корчащимися в равнодушных ладонях огня, и слезы бессильной ярости потекли из глаз.

«Да как же я могу их сжечь, если они не мои даже, если я всего лишь хранитель, хранитель, и только?!»

Бессильный гнев сжал кулаки.

Рукописи кричали от боли.

— Боже! Да я дьяволу готов их отдать, лишь бы они уцелели! — давась слезами, прошептал он.

Раздался такой грохот, словно в дверь саданули ногой. Старик сжался от ужаса.

«Они пришли!»

«Пришли!»

«Люди короля!»

«Пронюхали!!!»

«Кто-то видел! Видел и донес!»

— Мужайся, господь услышал твои молитвы! — донеслось от двери.

— Вы... вы кто? — жалко выдохнул несчастный книгочей.

«Не успеть. Ничего не успеть. Спрятать... сжечь... сбежать... поздно. Все поздно».

— Кто вы?! — жалобно и страшно вскричал он, в ужасе еставясь на входящего.

— Друг, — ответил тот.

— Друг... — прошептал книжник, обессиленно опускаясь на пол.

— Друг всех, кто стремится к знаниям. — Незнакомец откинул капюшон плаща, по плечам его рассыпались длинные черные волосы, пронзительные глаза уставились на старенького хранителя рукописей. — И враг всех, кто эти знания уничтожает, — добавил незнакомец, многозначительно положив руку на рукоять меча.

Старый книжник плохо запомнил то, что случилось потом. Что-то говорил незнакомец, он ему что-то отвечал, объяснял. Пришел в себя он уже среди своих любимых рукописей. Незнакомец был там же. Сидел, вольготно развалившись в кресле самого хозяина дома, небрежно просматривая снятые с полок свитки.

— Завтра в полночь, — повторил незнакомец.

Именно эта фраза и пробудила хранителя рукописей от странного забытья, забытья, в котором он что-то говорил и делал, вот только никак не мог вспомнить — что.

— Я прибуду с верными мне людьми, — проговорил незнакомец. — Мы укроем твои сокровища в таком месте, где до них никакой король не доберется. А что касается тебя... ты всегда будешь желанным гостем в нашем тайном хранилище. Посидим за чашей вина, потолкуем о слоях значений...

— Да мне всего-то только два ключа и доступны, — с горечью вздохнул хранитель.

— Только два?! — рассмеялся незнакомец. — Ну, это никуда не годится!

Он снял с пальца драгоценный перстень.

— У тебя такого нет?

— Откуда? — удивленно откликнулся старик. — Да и зачем?

«И при чем здесь эльфийские ключи? — хотелось ему добавить. — Чем эта изукрашенная безделушка может помочь?»

— Вот оттого тебе лишь два слоя и доступны, — усмехнулся незнакомец. — Смотри!

Он взял один из свитков, развернул его и быстро провел перстнем вдоль края.

— Смотри! — повторил незнакомец.

И было на что. Эльфийские руны замерцали как звездочки, а потом над ними появился еще один текст, он висел просто в воздухе, на расстоянии большого пальца от самой рукописи... и был записан человеческими буквами! Человеческими словами.

— Вот так! — сказал незнакомец. — Это первый слой.

Он провел своим перстнем дважды, и руны вновь замерцали, раскрываясь еще глубже.

— Второй слой, — сказал незнакомец.

Три движения перстнем.

— А вот и третий...

Книжник жадно впился глазами в то, чего никогда не читал, не видел, в то, что никогда не надеялся прочитать или увидеть...

Незнакомец тихо рассмеялся.

— Я оставлю тебе перстень, — сказал он. — Чтоб ты не особо скучал в ожидании нашего прихода.

Перстень лег в дрогнувшую руку старика.

— Жди, — сказал незнакомец. — Завтра в полночь.

Он поднялся и быстро вышел, плотно притворив дверь.

Старый хранитель стоял молча, совершенно ошарашенный, в руке его неприятно теплел оставленный незнакомцем перстень, а перед глазами медленно таяли выступившие поверх эльфийских рун человечески буквы.

«Ох-х-х...»

* * *

Неспокойно было на душе. Ведь вроде правильно все решил, а... что-то не так.

Незнакомец этот, конечно, как снег на голову свалился, словно заранее знал, словно мысли подслушал. Странно все это. А все-таки лучше незнакомцу этому свитки отдать, чем вовсе в огонь сунуть.

Старик попробовал читать, но — впервые! — чтение не успокаивало его. Даже наоборот. Неправильно как-то было. Вроде он не у себя дома, в своей уютной библиотеке, самом прекрасном месте в мире, а в многолюдной толпе посреди рынка, где того и гляди кошелек украдут! Вроде сидит он как дурак на самом сквозняке и холодный ветер ему в спину дует.

Что-то было не так.

Хранитель попробовал воспользоваться подаренным перстнем, но пришедшие на смену изящным эльфийским рунам разлапистые человечески буквы казались неподлинными, от них тянуло какой-то нарочитостью и чуть ли не фальшью. Он взглянул на третий, на четвертый слой... замер на миг и, набравшись храбрости, заглянул на пятый. Он был бы потрясен, если бы смог поверить. Неужто бессмертные и впрямь задавались такими вопросами?! Неужто одни и те же цепочки рун способны вместить столь разные, столь непохожие знания?! Он был бы потрясен, если бы поверил. Но что-то мешало. Что-то было не так. Какой-то едва ощутимый диссонанс мешал признать эти колдовские буквы настоящими, что-то почти неощутимое, но все же присутствующее не давало счесть этот выплывающий поверх оригинала текст подлинным переводом с эльфийского. Да, вроде бы все правильно, те слои, которые он в состоянии разобрать сам, действительно повествуют о том же, о чем и колдовские буквы, вот только... как-то по-другому это все.

Книгочей отложил свиток и уставился на подаренный перстень. А потом и его отложил в сторону.

«Чего я боюсь?» — сам себя спросил он.

И не нашел ответа.

Подумал о доглядчиках короля — и не испытал страха.

«Так чего же я все-таки боюсь?» — спросил он себя еще раз.

И понял, что боится возвращения незнакомца.

До дрожи.

До судорог.

До вопля.

«Мне что — рукописей жалко, что ли? — со стыдом подумал старик. — Так ведь если не ему — все едино в костер, а он хоть обещал пускать к себе в тайное хранилище».

— Что это? — стараясь справиться со страхом, раздумчиво протянул он. — Примитивная жадность? Глупость? Или мне так уж хочется единолично обладать сокровищем? Ни с кем не делась. Ни с кем. Вот еще, разве кто-то, кроме меня, заслуживает обладания тайной?! — Он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. — Боже, неужто моя гордыня столь непомерна? Неужто я в сердце своем, даже от самого себя в тайне, все же посмел назвать эти рукописи — своими? Решить, что это — мое и только мое?!

Он затравленно оглядел библиотеку и вдруг, не выдержав, закричал:

— Почему?! Почему я ничего не помню?! Как я провел этого типа в библиотеку?! Что он мне говорил?! Что я ему ответил?! Что?!

Бестолково шаря вокруг взглядом, книжник натолкнулся на подаренный перстень и

вздрагнул. Ему показалось, что перстень зловеще ухмыляется, подмигивая ему блестящим рубиновым глазом.

«Боже, да я дьяволу готов их отдать, лишь бы они уцелели!» — припомнились ему собственные слова.

А потом грохот, паника в мыслях и ответ незнакомца:

«Мужайся, господь услышал твои молитвы!»

Что ж, именно так он тогда и сказал.

Господь услышал.

Выполнил?!

— Но если он и вправду дьявол... мне лучше вспомнить, о чем мы с ним говорили! — жарко прошептал старик.

Вот только вспомнить не выходило. Вязкая тяжесть в мыслях возникала каждый раз, как только он намеревался в подробностях припомнить требуемое.

В подробностях!

Тут бы хоть что-то вспомнить!

Что ж, заняться все равно нечем. До завтрашнего вечера времени хватает, а читать... читать все равно не выйдет. Невозможно потому что.

Так. Что же все-таки произошло? Ну?!

В третий раз споткнувшись на одном и том же месте, старик отчаялся, а отчаявшись, разъярился.

— Врешь, дьявольское порождение! Все равно вспомню! — прошептал он и принялся молиться.

И каждый раз сбивался. Рассеянн мечущийся взгляд наталкивался на нагло возлежащий на столе перстень, и слова молитвы мигом вылетали из головы.

— Ах ты, зараза, прости господи! — возмущенно прошипел старик и, ухватив перстень двумя пальцами, кинул его в кружку с недопитым пивом.

А потом ухватил нательный крест и, сжав его в руке, прочел молитву полностью, ни разу не сбившись. Прочел и все вспомнил. А вспомнив, подумал, что король еще не самое чудовищное чудовище из тех, что по земле бродят. Нет, незнакомец не был дьяволом, даже его наместником на земле не был. Но... быть может, дьяволу стоило взять у него несколько уроков? Одурманив собеседника, он не постеснялся, все выложил. Быть может, потому что поболтать захотелось, быть может, похвастаться вздумал, а то ведь вот он какой могучий и замечательный, а восхититься-то и некому, не перед другими же мерзавцами выхваляться, они и сами такие. А может, душу облегчить пытался, есть ведь и у него какая-никакая душонка, плохонькая, трепаная, но есть ведь. Господь в душе ни единой твари живой не отказывал. Ох и наговорил он, зная, что одурманенный собеседник ни черта все равно не вспомнит, ох и нарасказал. Не знаний он искал в эльфийских и прочих старинных рукописях, а возможности превратить эти знания в смертоносное оружие, в погибельные чары, в неодолимую власть.

«Что ж, если король сжигает эльфийские свитки и прочие старые книги, чтоб они не достались вот таким вот... можно ли его осуждать?» — подумал старый книжник. И сам себе ответил: «Можно. Нужно его осуждать. Знания не должны доставаться негодяям и мерзавцам, но нельзя их отнимать у хороших людей. Ведь есть же где-нибудь хорошие люди?! Есть, конечно. Вот только никого из них не окажется здесь завтра вечером. Никого. А значит, придется ему поступить так, как поступает и велит поступать его величество Дангельт. И пусть его потом осудят. Справедливо осудят. Он не станет спорить. Он уже сейчас согласен с обвинением. Он сам подпишет себе приговор. Сам, потому что нельзя уничтожать знания. Нельзя. Вот только и выхода другого нет».

* * *

Книжник ждал, стоя перед закрытой дверью. Они возникли из ночной темноты,

продавили сумрак пугающей тяжестью своих теней и приблизились, будто бы на ходу обретая земную плоть.

— Мы пришли, старик, — сказал вчерашний незнакомец. — Мы пришли, как я и обещал. Пришли освободить тебя от опасной заботы. Можешь выносить свои свитки.

— Заходите и берите. — Хранитель распахнул дверь и шагнул в сторону.

Незнакомец подался вперед и тут же отпрянул. Из распахнутой двери вырвались жадные языки пламени.

— Проклятье! А рукописи?! — взвыл он.

— Я же сказал — заходите и берите! — с нажимом повторил старик. — Они там!

Он уже не боялся. Ни людей короля, ни этих... кто бы они ни были. Он совершил самое ужасное в своей жизни деяние — поджег все то, что собирал с такой любовью, хранил с такой заботой... так что еще могло его испугать? Уж точно что не их перекошенные от бессильной ярости рожи! Бессильные. Это они-то. При мечах, при черном колдовстве — бессильные. Против него, маленького, слабого, — бессильные. Что они могут? Всего лишь убить его? Ну так это уже поздно. Он сам убил себя, когда поджег все самое любимое, что у него было. Поджег, потому что понял: нельзя отдавать злу то, что пытаешься сохранить для добра.

Вот и стоит зло, растерянное, у открытой двери, стоит, не зная, что предпринять, даже смешно смотреть, право слово!

— Ну? Что ж вы не заходите? Или у вас специального такого перстенька, чтоб огонь гасить, нету? — насмешливо промолвил старик. — А я и не знал! Думал, имеется.

Чувство невероятной, давно не испытываемой свободы охватило его, подобно тому как пламя охватило рукописи. Он уже умер, так чего ему бояться? И кого? Неужели этих?!

Они заметили его наконец. Отвели глаза от пляшущего пламени. Их руки потянулись к мечам. Что ж, он заранее знал, что так будет. Знал и не боялся. Теперь, когда в пламени умерла его единственная любовь, любовь, которую он сам отдал огню, к чему ему делать вид, что он все еще жив? Ходить, говорить, дышать? Нет уж. Хватит.

Вчерашний незнакомец первым вытянул меч из ножен.

И первым умер. Прилетевшая из темноты стрела прошила его навывлет. Он упал, не выпуская из рук меча, ткнулся головой в землю у самых ног старика и замер, недвижимый и все же страшный в своей неподвижности. Его длинные волосы рассыпались по земле. Старик только рот открыл от изумления. А стрелы посыпались так часто, что скоро вокруг совсем никого не осталось. Спутники страшного незнакомца все до единого лежали мертвыми. Лишь некоторые успели выхватить мечи, а вот пустить их в ход не удалось никому. Да и против кого? Тьма надежно хранила неведомого стрелка, а вот охотников за эльфийскими рукописями освещал горящий дом.

Старик с недоумением смотрел на лежащие у его ног тела.

Странно. Он ведь уже умер, так почему же остался жить? А эти... они должны были убить его, так почему же умерли сами? Зачем эти стрелы? Зачем все? Его спасли? Зачем? Разве он кого просил? Зачем ему жить, раз он уже умер? Рукописей больше нет, а значит, и его нет тоже.

Он поднял глаза и дерзко посмотрел в окружающую ночь.

Он никого не просил себя спасать. Никого. Он все равно умрет, слышите? Постыдно предать огню бесчисленное множество миров, а самому спрятаться в жизнь. Он не трус. Он умрет. Он сумеет.

Легкие шаги в темноте он скорей угадал, чем услышал. Легкие как ветер. Как шелест камыша. Как шепот ручейка в полдень. Шаги серебристые, как сумерки...

— Здравствуй! — прозвучало из темноты.

Он не ответил. К чему мертвым отвечать на нелепые возгласы живых?

— Ну, если эти мертвые при жизни были знакомы с правилами вежливости, почему бы им и не ответить? — донеслось из темноты.

— Потому что нелепо желать здоровья мертвому, — поневоле откликнулся старик.

И вздрогнул, вдруг сообразив, что в первый-то раз он промолчал. Так что, неведомый собеседник мысли его прочел, что ли?

— Не вижу ничего нелепого в том, чтобы пожелать здоровья мертвому, — откликнулся его собеседник. — Что ж мне, болезни тебе желать, что ли? Мало того что ты умер, так еще и заболеешь! Представь, как это будет ужасно! Начнешь чихать, кашлять, сморкаться, какая уж тут смерть, сам подумай!

Из темноты вышагнул... нет, эльфа старик узнал сразу. Это ж кем быть надо, чтоб эльфа не узнать! Королем, не иначе. Известно ведь, что его величеству под каждым кустом эльфы мерещатся. Вот он и вешает что ни день обычных людей, кои ему эльфами представляются. Но не узнать *настоящего*...

Вот когда не то что умереть захотелось, а и вовсе никогда не родиться. Не быть. Никогда не быть.

Сжечь целую эльфийскую библиотеку. Эти злыдни всего лишь забрать ее хотели, а он... Убийца.

Эльф молча смотрел на него. Без гнева, без ярости, без обиды даже.

«Да что ему, все равно, что ли?!»

— Почему ты так неправильно думаешь? — удивленно спросил эльф. — Ты же все правильно сделал.

— Правильно?! — Книжнику завывать хотелось, а непослушные губы едва шепчут.

— Правильно, — уверенно кивнул эльф и шагнул в горящий дом.

Старик даже закричать не успел. «Мало того что рукописи сжег, так еще и эльфа...» А эльф уже выходил обратно, и его руки были полны свитков. Эльфийских рукописей,

совершенно не тронутых пламенем. Тех самых рукописей, что хранитель так старательно предал огню. Эльф сложил перед ним свитки и вновь шагнул в дом. И еще. И еще.

— Разве... разве эльфийские рукописи не горят? — потрясенно спросил старик, узрев перед собой всю библиотеку в целостности и сохранности.

— Горят, — улыбнулся эльф. — Еще как горят. Разве ты не видишь, что это — сгоревшие рукописи?

— Сгоревшие?

— Ну конечно, — кивнул эльф. — Их теперь никто никогда не увидит. Кроме тебя и тех, кому ты их дашь. Ты заслужил это право, право выбирать, кому доверишь эти знания.

«Перстень!» — почему-то подумал книжник. Эльф поморщился и протянул руку. Ни на миг не задумываясь, хранитель вытащил из кармана перстень и протянул эльфу.

— Жалеть не будешь? — держа перстень на ладони и глядя в глаза, улыбнулся эльф.

— Буду! — с отчаяньем выдохнул старик. — Но... ну его вовсе! Будь оно проклято — такое знание!

— Оно проклято, — очень серьезно кивнул эльф и сжал руку в кулак.

А когда разжал, на ладони не было ничего, кроме пепла. Набежавший ветер мигом его развеял.

— Знание нельзя украсть, — сказал эльф. — Помнишь поговорку, что краденое лекарство становится ядом?

— Помню, — кивнул хранитель.

— Здесь то же самое. Знание можно только заслужить. Усердием. Или подвигом.

* * *

— Вот после того случая мне и стали все четыре ключа доступны, — поведал старик своему молодому собеседнику. — Сообразил, зачем я тебе все это рассказываю?

— Нет.

— Ну, ты книги из огня спасал, жизнью рисковал ради них, так ведь?

— Я просто не подумал о том, что рискую, не успел подумать, — смутился молодой.

— Что ж, мне и нужен такой, кто не успевает о себе подумать, — решительно кивнул старик. — Преемник мне нужен.

— Преемник?

— Стар ведь я. При Дангельте уже был не молод, а теперь и вовсе. Умру — никто всех этих рукописей больше не увидит. Никогда.

— Кошмар.

— Вот именно. Но выход есть.

— Какой? — тихо спросил молодой человек, уже догадываясь, что именно услышит.

— Простой. Эльф мне тогда еще сказал, что если я кому все свитки сразу покажу, то он их так же, как и я, всегда видеть будет. Я выбрал тебя, — подытожил старик, а потом тоном, не терпящим возражений, повелел: — Собирайся, да и пойдем! Глупо будет, если я прямо сейчас помру, не находишь?!

Трактирная дверь распахнулась, как тяжелый книжный переплет, распахнулась в рассвет, мерцающий, как эльфийский свиток. Они уходили вместе: человек, посмеявшийся предать огню одно из самых полных собраний эльфийских рукописей, и человек, вынесший из безжалостного пламени целую библиотеку.

— Иногда знания необходимо уничтожать, чтобы они сохранились, — тихо, но твердо говорил старик. — Уничтоженное знание может возродиться заново, отданное злу — потеряно навеки.

— А что есть зло, учитель? — спросил юноша.

— Ты и сам знаешь, что на твой вопрос нет однозначного ответа, — промолвил старик. — Что есть зло, что есть добро, что есть ложь, что есть правда... Здесь и сейчас... Там и тогда... В тот единственный и неповторимый миг, когда тебе придется отвечать на

этот вопрос... чем они будут, в каких обличьях придут? Каждый раз тебе придется выбирать, кому доверить знание, каждый раз, вглядываясь в лицо просителя, ты будешь задавать себе этот вопрос, и каждый раз тебе придется отвечать на него. Самому себе. А потом отвечать за него. За свой ответ и свой выбор. Перед всеми остальными. И другого пути нет.

Дорога ровной строкой ложилась под ноги...

Валерия Малахова **СОРОК ОТТЕНКОВ ЧЕРНОГО**

Старый Шиммель Гернзон всю жизнь красил ткани в черный цвет, а потом пеленал ими покойных. Этим занимался отец его, и дед, и прадед, а насчет прапрадеда Шиммель не был уверен. Дело прибыльное, поскольку люди всегда плодятся и умирают — так уж они устроены. Но плодятся люди быстрее, чем умирают, и это хорошо: внукам Шиммеля будет с чего прокормиться, когда придет срок ныне рожденных.

Посему старый Гернзон радовался свадьбам и грустно цокал языком, если Вдаль уходили совсем молодые, которым еще жить да детей растить.

Но такого Шиммель и в кошмарах, случавшихся после пьянки с мельником Ивосей, не видывал. Труп девицы! Обезглавленный! Посреди его красильни! Да еще и ведро с новой краской, совсем свежей, для пелен Мироськи Славеновой, покойной супруги господина помощника налогового инспектора, предназначенной... Вечные небеса! Заветное ведро лежало опрокинутым в ногах у мертвой девицы, и краска некрасивыми пятнами уже присохла к ляжкам и коленям, голым просто бесстыдно... ох, о чем это он? Стражников сюда, немедленно!

Известие признали столь ужасным, что в красильню Шиммеля изволил прибыть сам начальник городской стражи, почтеннейший Роннен Крим. Человеком этот Роннен был нездешним, но происхождения благородного. Слухи ходили, что видали господина начальника стражи во времена оны при дворе Великого Патрона, однако Шиммель бабьим сплетням особо не верил. Известное дело: сегодня медяк найдешь, а завтра бабы растрезвонят, будто клад вырыл, разбойным атаманом Косем Зипуном сто лет назад запрятанный. Впрочем, господина Крима старый Гернзон весьма уважал. Нрава строгого, почти непьющий, взятки ежели берет, так пока никто за руку не схватил — чего еще городу от начальника стражи ждать? Большого ума? Так ведь и умом господина Роннена боги не обделили! Чтоб и взятки с умом, и на улицах порядок — это ж великим человеком нужно быть!

Роннена Крима сопровождала магичка. Тоже пришедшая, снимала угол у солдатки Пусихи на Крапивных Выселках. Магичку старый Шиммель не уважал. Не мог себя заставить. Бабы должны детей рожать, а не порчу наводить. С нечистью хороводы хороводить — чего потом родится?

Магичка, видать, неуважение почувствовала — зыркнула на хозяина красильни недобро. Затем, правда, делом занялась. Чего-то у мертвой девки промерила, кой-чего пощупала (Шиммеля чуть не вырвало), краски чуток в платочек соскоблила... Вздохнула тяжело.

— В тягости она, Роннен... была.

Тут Шиммелю совсем плохо стало. Это какой же гнилой сучок на беременную руку поднял?! А господин начальник стражи желваки на щеках катнул, да и говорит:

— Думаешь, ее из-за этого убили?

Магичка глаза к потолку возвела, плечами дернула.

— Я тебе что — некромант? Хотя от некроманта тут пользы тоже с гулькинос, если не меньше. Голову-то унесли!

— Голову унесли или тело перенесли?

— Сам видишь: крови нет совсем, девчонку сюда уже мертвую кинули! Рубили голову, похоже, топором — вон следы. А здесь топора нет и близко...

Надо же, глазастая какая! Верно все — не держит старый Шиммель в красильне топора. Зачем бы?

— Что тебе еще сказать, Роннен: ведро это, с краской, скорее всего сам убийца и толкнул, когда в темноте сюда зашел. Видишь следы? Небось лет через десять рыбаки в Дурной заводи подметки выловят... А вот это... похоже, краем длинной одежды вляпался. Кто в городе длинное носит?

— На гулянья даже я надеваю, если не при исполнении.

— Сто драных козлов, вчера же гульки были! Не смотри так, я уже три дня лишь твоими эликсирами и занимаюсь, света белого не вижу... Девчонка местная — видишь вышивку по рукаву? Тут у каждой второй такая. Юбка опять же — их на Вдовьей улице шьют.

— Понял. Пошлю людей, пусть выпросят.

Роннен с магичкой еще долго толковали, а Шиммеля Гернзона от их разговора мутило. И страшно становилось: вот девица лежит мертвая — ладно, не девица, но сути не меняет, — а эти двое о своем, о просе для лошадей, о травах для эликсиров... Нельзя же так, не полюдски!

Впрочем, уже вечером старый Шиммель срочно варил новую краску для пелен Мироськи Славеновой — пусть ей Вдали будет лучше, чем здесь! — и о загубленной молодежи за работой не вспоминал.

А тело стражники забрали.

Им по чину положено.

* * *

Кто покойница такая, выяснили на следующее же утро. Пришел в дежурную караулку лесоруб Фенон Плесь, сказал, что дочка его, Агашка, домой не вернется. А девка не гулящая, справная...

От кого была брюхата справная Агашка Плесь, папаша ее не знал.

Старый Шиммель пелены выкрасил в лучший черный цвет — «глубокая ночь». И денег почти не взял — нехорошо. Горе-то у родителей какое...

Фенон напивался с мельником Ивосей каждый вечер и грозился погубительно дочери кишки через нос вытащить и на детородный орган намотать. А пока бил в кабаках посуду и рыдал по канавам, измороженный, — владельцам питейных заведений было наплевать на горе лесоруба.

Жена Фенона молча чахла. Она тоже не знала, от кого у Агашки дитя.

Впоследствии Шиммель утверждал, что его стопы направили сами боги — обычно старый Гернзон на похороны не ходил. А тут пошел. Может, и впрямь судьба...

На кладбище собралась целая толпа. Еще бы — Вдаль отправляют без головы, зато с довеском. Кумушки уже охрипли от споров, куда покойница попадет — в Черные ли Дали, в Светлые ли — и что ей за блуд будет. Фенон опять напился и чуть не свалился в могилу, а потом решил отколотить мельника Ивосю. Еле развели.

Вот там-то старый Шиммель и углядел рукав и часть подола мантии, выкрашенные в знакомый цвет.

Рукав и все остальное носил парень с лицом, может, и приятным, но красильщику оно показалось крысиной мордой. Экая гнусь! И серьга обручения в левом ухе — ах ты ж, выплодыш подзаборный, одну девицу загубил, а на другую заришься? Не бывать тому! Где кто-нибудь из стражи? Эй, стража!

Однако старый Шиммель опомнился быстро. Нечего убийцу пугать до срока. Пусть за все ответ даст!

Тем более что в толпе и плащ господина начальника стражи мелькал — богатая ткань, хорошая краска! У мастеров Роннен Крим одежду шьет, сразу видать. А придет срок — Шиммель Гернзон ему так пелены окрасит, что Вдали привратники ахнут. Чтоб он сто лет

жил, наш начальник стражи...

Господин Крим слушал старого мастера, удивленно приподняв бровь. Пару раз попросил не тыкать в молодчика пальцем — «дабы не спугнуть». Сам бросил украдкой взгляд на многократно помянутую мантию.

— Не вижу ничего... Черный цвет — он черный и есть.

— Да как же так, господин Крим, — чуть не плакал Шиммель. — Ну что ж вы не видите, когда левый рукав обычной тополиной краской покрашен, ее из корней и стеблей вываривают, а правый — та самая, моя краска! «Глаза ревнивца», черный орех и змеевик в пропорции... Господин помощник налогового инспектора пеленами супруги весьма довольны были... Нету просто черного цвета, господин начальник стражи! «Глубокая ночь» есть, «глаза ревнивца», «бездна», оттенки опять же...

— Успокойтесь, почтенный мастер, я вам верю. Сколько же оттенков черного вы в состоянии различить?

Шиммель озадаченно захлопал выцветшими от старости ресницами.

— Сорок точно смогу, а там как боги укажут...

— Хорошо, почтенный мастер. Обещаю, что лично расследую ваше заявление со всем тщанием.

* * *

— Что скажешь, Иана?

— А что мне сказать-то, Роннен? — Магичка поежилась, тоскливо покосилась на бутылку с пивом. Похоже, выпивка откладывалась: для чароплетства нужна трезвая голова. Неплохо бы и попоститься немного... — Если и есть способ отделить краску от краски, то я его не знаю. Сорок оттенков, говоришь? Ну, можно гонца послать в Академию, запрос сделать...

— Некогда. Пару дней старик Шиммель язык за зубами подержит, а затем разойдется — не унять. Мне здесь только самосуда не хватало. И так на стражу уже косятся — дескать, не уберегли, куда смотрят... Мне нужно точно знать, виновен этот малый или нет.

Иана лишь головой покачала. Таков уж он, Роннен Крим: виновного в пыль сотрет, невиновного не тронет, хоть всем городом требуй. За то и любим.

— Кто он хоть, обляпанный этот?

— Младший писарь при бургомистерской канцелярии. Хвастан Киворов, двадцать лет парню, обручен с Маланкой Долговой, священнической дочкой. Ничего особенного, даже в запой не уходил ни разу.

— Серый, скучный человек, — хмыкнула магичка. — От таких всего можно ждать...

Помолчали. Затем Иана неуверенно тронула Роннена за рукав:

— Есть идея... Но учти: если он искренне считает себя невиновным — может не сработать.

— Даже если он убийца?

— Даже если так.

* * *

Идти потемну домой не хотелось. Но господин начальник стражи свалил на бургомистерскую канцелярию столько срочной работы, что выбирать не пришлось. И караули эти разбери, и красиво перепиши, и господину бургомистру завтра к утру предьяви. А кому отдуваться? Верно, младшим писарям! Старшие-то еще к вечерней молитве засобирались. Эх, боги, за что караете?

Хвастан знал за что. Но знание это от себя гнал. Уходи, беда-горе, за три моря, на четыре ветра развейся пеплом... Он, Хвастан, самый умный. Еще в детстве видал, как приглашенный губернский некромант поднимает убитого в пьяной драке солдата. Чтобы тот указал виновного, чтобы огласил, от кого принял смерть.

Дура-Агашка ничего не скажет. Хвастан ударил со спины, а потом еще и голову отсек для верности. Нечего к священникам на исповедь напрашиваться, нечего его, Хвастана, этим пугать!

Страшно было — ужас как страшно! Но девка виновата сама. Вначале на шею вешалась, а потом вдруг заартачилась. Замуж она хочет, ишь ты! Могла бы понять, что ему, почтенному горожанину из хорошего рода Киворов, не пара дочка пьянчуги-лесоруба!

— Ты сама во всем... — булькнул парень внезапно поднявшемся с земли призраку. И

лишь затем начал хватать ртом воздух и громко икать.

Призрак был красив и печален. Казалось, смерть придала Агашке Плесь утонченности. Правой рукой девушка прикрывала живот, в левой же покоилась голова. Распущенные волосы мели дорожную пыль.

— Чем же провинилась я перед тобой, любый? — Из мертвых глаз закапали слезы, серебряной дымкой развеиваясь в стылом ночном воздухе.

— Сама... ты сама! — завизжал младший писарь, отскакивая назад. Увы, там была стена скобяной лавки. Чувствительно приложившись копчиком, Хвастан, казалось, обрел второе дыхание. — Уходи... кыш, кыш, проклятая девка! Убирайся в Черную Даль, тебе там место!

— Ребенка тоже в Черную Даль погонишь, любый? — Призрак побледнел, но и не думал сдаваться. — Душу невинную зачем убил?

— Я тебе деньги совал, дура! Сама не взяла! И только посмей подойти к моей невесте или ее отцу — еще раз убью! Сто раз убью!

— Полагаю, довольно. — Холодный голос Роннена Крима казался абсолютно неуместным, однако призрак застыл, словно лишился и тех жалких остатков жизни, что его поддерживали. — Все ли вы слышали, почтеннейшие?

Запинающийся хор голосов, в котором Хвастан узнал и бас бургомистра, и скрипучий тенорок собственного начальника, подтвердил: да, слышали. Все.

Этого не может быть!

— Достаточно ли слов, услышанных вами, дабы обвинить сего юношу?

— О да!

— Вполне...

— Несомненно! — А это голос господина судьи. И он здесь?

— Тогда, я беру этого юношу под стражу. Иана, убирай фантом.

С тихим шелестом призрак развеялся, полыхнув напоследок зелеными искрами. Вперед выступили дюжие стражники. Хвастан затравленно огляделся, дернулся бежать, но вислоусый молодчик заступил ему дорогу, и парень поник.

— Не можешь без выкрутасов. Тут не красота нужна была, а достоверность, — шепнул начальник стражи магичке. Та пожала плечами.

— А это не я, Роннен. Такой Агашку видел убийца. И так он себе представлял мстителя из Дали.

— Почему же убил красавицу?

— Думаю, потому что богатство красивей.

* * *

Шиммель Гернзон видел в этой жизни многое. Даже на войну по молодости сходил. В обозе, правда, но кому, по-вашему, трупы доводится зарывать? Вот то-то же.

Происходящее старому Шиммелю не нравилось. И особенно ему не понравилось, когда судья отстранился от дела, провозгласив: «Пусть убийцу судит народ!»

Народ был хмур, зол и с утра пьян. Фенон Плесь рычал непристойности, и его слушали. Мельник Ивоя принес дрын. Идея пришлась по вкусу, и скоро палками, топорами и засапожными ножами похвалялись многие.

Толпа требовала выдать Хвастана. Горячие головы предложили пустить Киворам на двор красного петуха, но на подступах к дому пьяных мужиков встретили стражники и магичка, тут же напустившая на бедолаг заклятье протрезвления. Противопохмельное заклятье Иана то ли забыла наложить, то ли силы не хватило... Пришлось снова идти в кабак.

Старый Шиммель любил свой город. Но сегодня друзья, знакомые и собутыльники представлялись ему уродливым зверем. Зверь хотел крови.

Город хотел растерзать убийцу.

Шиммель Гернзон не вышел бы на улицу — но выволокли, потащили к ратуше, что-то радостно и злобно горлая. Толпа уже знала, кто открыл Роннену Криму имя убийцы. «Герой ты, красильщик! — орал Шиммелю в ухо Ивося. — А ну, еще кого-нибудь выведи на чистую воду! Вот кто у меня прошлого месяца семнадцать медяков стащил? А ну, отвечай! Не покрывай злодеев!» Старый Гернзон отворачивался от бьющего в нос сивушного духа, хмуро молчал. Затем Ивося куда-то исчез: видать, толпа оттерла.

Бургомистр на крыльце ратуши втолковывал что-то трясущимися губами Роннену Криму. «Лучше для всех», — уловил Шиммель. Начальник стражи кривил губы в холодной усмешке. Глаза его были пусты.

Толпа напирала. «Айда в каталажку!» — завопил пьяный Фенон, но осекся, поймав взгляд Крима. Других, правда, это не остановило.

— В ка-та-лаж-ку!

— Айда!

— Смерть изуверу!

— Доколе ж...

— Смерть!

— Смерть!

И тогда бахнула городская пушка. В наступившей тишине начальник стражи громко и строго произнес:

— Господин бургомистр, правильно ли я понял ваш приказ: доставить арестованного на площадь и выдать этому... народу?

— Я... — Бургомистр выглядел жирной рыбой, вдруг обнаружившей, что вместо воды под плавниками сковородка. — Воля людей... Вы же видите, Роннен, вы сами все видите!

— Да или нет?

— Да...

Вопли народа едва не сбили бургомистра с ног. Роннен Крим стиснул зубы и резко кивнул. Затем развернулся и с небольшим отрядом из четырех здоровяков поспешил к зданию городской стражи. Следом увязалась магичка — и как успела от подворья Киворов до площади добраться? Точно с нечистью знается девка!

Роннен Крим зашел в здание и вскоре вышел.

Один.

Толпа глухо заворчала.

— Арестант мертв! — громко провозгласил господин начальник стражи, а один из сопровождающих, сплюнув, добавил:

— Со страху, видать, преставился. Ну, нележкой ему Вдаль дорожки...

— Да... да как же так?! — вдруг срывающимся голосом завопил Фенон Плесь. — А что ж мы-то, люди добрые?

— А вы, — рявкнул господин начальник стражи, — расходитесь-ка по домам, добрые люди!

— Что-о-о?! Ах ты ж...

Стражники сомкнули рады. Зашуршала, выходя из ножен, сталь. Бабах!

Молнии среди ясного неба Иана устраивать умела.

— Следующего мужской силы лишу, — скучным голосом заявила магичка, глядя на бесчувственного Ивося. — На десяток охламонов меня хватит. А может, на два десятка...

Заголосили бабы, разводя мужей по домам. Площадь потихоньку очищалась.

— Господин красильщик... мастер Гернзон! — Шиммеля тронул за рукав стражник — из тех, что были с Ронненом Кримом. — Вы не могли б со мной пойти? С новопреставившегося мерки снять надо... чтоб, значит, пелены... по-человечески чтоб... Вы не волнуйтесь, стража заплатит!

— Я совершенно не волнуюсь, — сказал старый Гернзон, утирая пот со лба. — И я пойду.

* * *

Пелены Шиммель покрасил дешевой краской. Не хватало убийце Вдаль уходить в хорошем виде! Отец Хвастана, забирая тело сына, не проронил ни слова.

Шиммель Гернзон тоже молчал. Молчал о запекшейся ране между четвертым и пятым ребром — там, где у гнусного убийцы раньше билось сердце. Молчал о нарочито равнодушном взгляде, которым встретил и проводил старого красильщика Роннен Крим. Молчал о нервном смехе магички, когда ее спросили о лишаящем мужской силы заклятье. «Коленом надежнее», — ответила она удивленному стражнику.

Есть вещи, о которых не стоит болтать.

Есть люди, спасающие нас от нас же самих.

Пусть смилостивятся боги над теми, чья душа темна лишь потому, что они забрали тьму у ближнего своего!

Антон Тудаков НАРОД ШЕСТЕРНИ

Первые удары Биг-Бена донеслись до слуха отчаянно спешащего Чарльза Клемента словно издалека, с трудом прорываясь через совсем не лондонский плотный снегопад. К вящему ужасу Клемента, это означало, что он самым непростительным образом опаздывал на девятичасовое заседание в Департаменте машинного анализа. Единственным и малоубедительным оправданием случившемуся служил тот факт, что за два дня до конца 1899 года даже городская подземка замерла в ожидании наступления новой эры, и именно поэтому на станции Вестминстер он сошел на двадцать минут позже, чем рассчитывал. Вместе с тем Клемент как математик, действительный член Лондонского Королевского общества, ответственный секретарь Аналитического общества и преподаватель Королевского колледжа прекрасно осознавал абсурдность подобного утверждения — любой мало-мальски просвещенный человек знал, что на самом деле двадцатый век начнется 1 января 1901 года, а никак не 1900-го.

Так что скорее в опоздании винить приходилось несколько более прозаические причины — а именно внезапно нагрянувший ночью снегопад и ленивых лондонских дворников. Заметенные улицы превратились в почти непроходимое для кэбов и автомобилей пространство, а составы подземки начали движение только после того, как с Черинг-кросс пошли локомотивы со снегоотбрасывателями.⁷ Бесчисленные провода, расчертившие пасмурное городское небо, снег одел в толстенные шубы, под тяжестью которых они рвались, роняя искры, что только прибавляло неразберихи. Как это часто бывало, технический прогресс пасовал вперед матерью-природой.

В вестибюль департамента Клемент влетел, пуская пар, ровно паровоз. Зажав зубами поля отсыревшего котелка, расстегивая на ходу пальто одной рукой, другой он стряхивал снег с плеч и головы. И он готов был поклясться, что «бобби»,⁸ стоящие навтыжку за резными дверьми из мореного дуба, оглядели его крайне неодобрительно, словно знали об опоздании. Впрочем, такие лица у них были почти всегда. Ну в самом деле, что это за работа такая, что даже в рождественские каникулы приходится торчать на посту?

Не сдавая одежду гардеробщику, Клемент пронесся по коридору, оставляя за собой отвратительного вида мокрые следы, и немного сбавил ход лишь перед приоткрытой дверью в приемную сэра Джона Тьюринга, министра машинного анализа. Кое-как приведя волосы в порядок, он сунул котелок под мышку, сделал глубокий вдох и шагнул в оглушающую

⁷ Значительная часть лондонского метро проходит по поверхности.

⁸ Прозвище британских полицейских.

тишину приемной.

Секретаршу Тьюринга, мисс Братт, выкуривавшую в день не менее пяти-шести трубок ядренейшего ямайского табака, Клемент застал за процедурой заваривания чая. Глядя на порхающую над чашками вересковую трубку (личный подарок Тьюринга), из которой снопами летели искры, Чарльз позволил себе усомниться в том, что табачный пепел пойдет на пользу вкусу министерского «эрл грея».

— Доброе утро, мисс Братт. — Он ловко скинул с себя пальто прямо на древний кожаный диван.

— Доброе утро. — Трубка прочертила над чашками рассыпающуюся огнями синусоиду в такт движениям челюстей старой перечницы. — Сэр Тьюринг и его посетители вас ждут... — Она сделала паузу, словно оценивая, достойно ли имя Клемента прозвучать из ее уст, и все-таки прочертила еще одну кривую: — Мистер Клемент.

Тот не замедлил воспользоваться приглашением. У Тьюринга оказалось накурено не меньше, чем в приемной, но окно открыть никто не удосужился. Глаза Клемента заслезились, и он не сразу смог различить сидевших за столом.

— Чарльз, мальчик мой! — Тьюринг радостно вскочил из кресла, едва не разметав многочисленные бумаги, придавленные пресс-папье. — Ну наконец-то! Мы уже думали, что вас замело, как Перкинса! Представляете, звонил десять минут назад из уличной будки — застрял на Лавингтон даже на своем хваленном «Даймлер-Бенце»!

За время бурной речи Тьюринга взгляд Клемента немного прояснился, что позволило ему узнать в присутствующих генерала Генри Бэббиджа,⁹ почетного председателя Аналитического общества и члена совета директоров компании «Монро», с несколько ошеломленным видом изучающего какую-то бумагу, а также председателя Королевского общества Джозефа Листера.¹⁰ Всех их он знал не один год, так как связи между Департаментом анализа, обоими обществами и компанией «Монро» при нынешней ситуации в Соединенном Королевстве представлялись неразрывными. Третий гость, облаченный в более чем скромную сутану, оказался ему незнаком.

— Присаживайтесь скорее. — Тьюринг поманил Клемента к столу. — Боюсь, дело, собравшее нас здесь, не терпит отлагательства. Сэра Джозефа и сэра Генри вам представлять не надо, а это преподобный Бенедикт из Вестминстерского аббатства.

Клемент поздоровался со всеми, после чего пристроился в важно поскрипывающем кресле напротив Бэббиджа.

— Чарльз, вне зависимости от того, что мы решим сегодня, наш сегодняшний разговор не должен выйти за пределы этого кабинета. — Тьюринг вернулся в кресло. — Равно как и его последствия. Проблема, выявленная... — Он запнулся. — Э-э... Выявленная нами проблема на машиносчетной станции «Вестминстер» и без того грозит серьезными последствиями, но еще хуже будет, если сведения о ней попадут в прессу.

— Обещаю, что буду нем как могила. — Клемент уставился взглядом в лакированную поверхность стола, пытаясь скрыть удивление. — Тем более что я до сих пор ничего не знаю.

Какие могут быть проблемы в Департаменте машинного анализа, он представлял с трудом. Всего-то и дел было — следить за тем, чтобы машиносчетные станции страны и малые аналитические машины, сконструированные полсотни лет назад отцом Генри Бэббиджа, сэром Чарльзом, работали как часы. Конечно, на самой главной машиносчетной станции, «Вестминстере», иногда случались технические проблемы, бывало, приключалась и путаница с картами переменных, скажем, карты с данными для машин Уилтшира отправлялись в Эссекс... Но такие ситуации успешно решались рассылкой новых карт

⁹ В нашем мире Генри Бэббидж построил по чертежам отца действующую модель аналитической машины лишь в 1906 году. Увы, до мощности машины, описанной здесь, ей оказалось далеко.

¹⁰ В нашем мире — председатель Лондонского Королевского общества с 1895 по 1900 год.

телеграфом или с курьерами. Клемент, сам спроектировавший несколько дополнительных элементов главной машиносчетной станции страны, повысивших ее мощность, никогда не слышал о том, чтобы чудовищный многотысячетонный механизм, занимающий все подземное пространство под Вестминстером и заправлявший к концу XIX века большей частью деловой и государственной жизни Британии, давал хоть сколько-нибудь серьезный сбой.

Впрочем, Клемент ощущал себя больше теоретиком, нежели практиком, и хотя он изучил по чертежам Бэббиджа устройство аналитической машины, в самих подземельях Вестминстера, или, как говорил создатель машины, на «мельнице», не бывал ни разу, но машина уже понемногу захватывала и поверхность. Ввиду нехватки подземных площадей все новые элементы машиносчетной станции устанавливали наверху, для чего нещадно вырубались крохотные вестминстерские скверы. Поскольку дополнительные механизмы обычно служили для решения задач весьма узкой специфики, их сменяли новыми, как только получали готовое решение. Из-за этого зимой и летом Вестминстер напоминал конструктор в руках энергичного ребенка, который собирал и разбирал свои чудные машины по несколько раз в год.¹¹

— Сэр Генри, передайте Чарльзу записку.

Бэббидж оторвался от своего листа. На лице его было написано столь явное недоумение, словно он неожиданно увидел призрак своего отца, отчаянно ругающегося на коврики.

— Сэр? — Клемент вопросительно посмотрел на генерала.

— Ах да, конечно. — Взгляд Бэббиджа приобрел осмысленное выражение. — Боюсь, в это трудно поверить, но даже гении могут ошибаться.

Заветный листок наконец очутился в руках Клемента. Бумажка как бумажка, с одной стороны заполнена неровным, почти детским почерком, с другой и вовсе изрисована какими-то каракулями. Впрочем, едва погрузившись в чтение, Клемент забыл и о почерке, и о каракулях. Приведенные в бумаге формулы и следовавший из них вывод оглушали почище хорошего удара полицейской дубинкой.

— Невероятно. — Клемент поднял взгляд. — Расчеты верны?

— До последней запятой. — Бэббидж помахал в воздухе несколькими исписанными листами. — Я с трудом верю, что отец мог ТАК ошибиться!

— Подозреваю, что это не ошибка и не очередное проявление странного чувства юмора вашего отца, сэр Джозеф. — Клемент отложил листок и потер руками виски. — Боюсь, он просто не предусмотрел этого. А мы не потрудились проверить, уверовав в непогрешимость его гения.

— В свое время ваш дед, Чарльз, сомневался вообще в целесообразности выделения денег на первую разностную машину... — подал голос Листер. — Возможно, он не был так уж не прав.¹²

В ответ Листер заработал исполненный яда взгляд Генри Бэббиджа. Эти двое всегда плохо ладили.

— Господа, не время ворошить прошлое! — Тьюринг ударил ладонью по столу, заставив свои бумаги нервно взметнуться из-под пресс-папье. — Надо решать, что делать сейчас. Первые несколько дней после Нового года мы еще продержимся, но в преддверии рождественских каникул карты уже разосланы! Вы представляете, что случится, если мы не успеем внести исправления?!

¹¹ Конечно, первый конструктор Мессано был создан только в 1901 году, но, надеюсь, читатель простит автору вольность в обращении с такими событиями.

¹² В нашем мире Джозеф Клемент оказался именно тем, кто поставил крест на создании первой разностной машины. С его подачи правительственное финансирование проекта Бэббиджа было прекращено в 1834 году.

Листер хотел было высказаться, но наткнулся на гневный взгляд министра и счел за благо промолчать.

— Чарльз и вы, сэр Генри, возможно, лучше всех в Англии знаете устройство машиносчетной станции «Вестминстер», да и устройство аналитических машин в целом... Нам необходимо принимать срочные меры! Мы можем что-то изменить?

За обрушившейся на него проблемой Клемент забыл и о том, что интересовался происхождением расчетов и непонятно зачем приглашенным на совещание священником.

— Планы, нам нужны чертежи станции. — Клемент взлохматил волосы. — Все, включая разработанные вашим отцом, сэр Генри, и все новые, которые делали за последние тридцать лет!

— Мисс Братт! — Трубный глас Тьюринга заставил вздрогнуть даже портрет ее величества Виктории на стене. — Тащите сюда багаж генерала Бэббиджа немедленно!!!

Без чертежей в уме Клемента царил хаос. Ни в одну даже самую светлую голову в мире невозможно было вместить мили шестеренок, рычагов, передач и валов, которые приводились в движение огромными колесами с лопастями, тянувшимися вдоль побережья Темзы до самого Вестминстерского моста. Возможно, эти же масштабы сыграли дурную шутку и с Чарльзом Бэббиджем.

Иначе как тогда, черт побери, он не смог предусмотреть, что проклятые аналитические машины оперируют с датами на основании двух десятичных цифр и наступление 1900 года воспримут как наступление 1800-го?!

— Понимаете, преподобный Бенедикт, главная беда заключается в том, что, как только наступит Новый год, все крупные аналитические машины станут считать, что с 31 декабря 1899 года прошло уже сто лет. — Джон Тьюринг пристроился с чашкой чая на подоконнике приемного зала, из которого вынесли всю мебель и кадки с растениями.

По расстеленным на паркете на манер пазла чертежам ползали Клемент и Бэббидж, замеряя что-то линейками и транспортиром. Им было не до разговоров — на протяжении четырех часов они выяснили, сколько дополнительных узлов передач надо ввести в эксплуатацию, чтобы начать отсчет дат по новой системе.

— Иначе говоря, у нас есть некто, кто на днях взял кредит в банке до 1902 года, — продолжил Тьюринг. — Но наша машиносчетная станция, где большинство банков хранят сведения о своих клиентах, оперирует только с двумя последними цифрами года, и поэтому «02» будет воспринято ею фактически как 1802 год. Следовательно, срок кредита миновал почти сто лет назад, и ничего не подозревающему клиенту выставят гигантскую сумму долга. Конечно, потом банк разберется, но представляете, какая возникнет паника и неразбериха? А что ждет налоговое ведомство, даже представить страшно...

— Еще вы забыли про транспортные компании и расписание движения, сэр Джозеф, — подал голос Клемент, не отрываясь от чертежей. — Что будет твориться с графиками движения транспорта, мы можем только догадываться.

— Верно, Чарльз. — Тьюринг кивнул. — Золотая голова этот Чарльз Клемент, — добавил он для преподобного Бенедикта. — Самый светлый ум в Королевском обществе со времен Бэббиджа и Лавлейс. Хотелось бы, чтобы и мой сын, как я и Чарльз, интересовался математикой и аналитическими машинами... Но нет, Джулиуса потянуло в Индию! Остается надеяться, что внуки не пойдут в него.¹³

— Достаточно, сэр Генри. — Клемент поднялся с колен и разогнул ноющую спину. — Все и так ясно. Проклятая автоматика свое дело знает, и уж коли в нее заложена ошибка, то она будет нас самым настойчивым образом тыкать в эту ошибку носом.

Бэббидж молча откинулся к стене. Судя по бледности, сил подняться у него уже не оставалось — сказывался возраст.

¹³ Внуком Джона Тьюринга стал Алан Тьюринг, математик, первый теоретик современного программирования, знаменитый создатель «машин Тьюринга», автор теории алгоритмов и первый в мире хакер. Я серьезно.

— Мы можем что-то сделать? — поинтересовался Тьюринг, отставляя чашку.

— Проблема разрешима. — Клемент отодвинул горшок с фикусом и взгромоздился на подоконник. — Мы с сэром Генри пришли к выводу, что нужно срочно собрать небольшую машину, которая, будучи подсоединенной к вестминстерской станции, осуществит перевод системы исчисления даты на четырехзначные числа годов... Но для этого нужно изъять один из элементов внутри самой станции. Прямо из «мельницы».

Тьюринг и преподобный Бенедикт переглянулись.

— Это действительно необходимо? — неожиданно спросил священник, до этого спокойно внимавший рассказу Тьюринга.

— Абсолютно. — Клемент нахохлился, как воробей на ветру. — Если вас смущает моя квалификация, то я...

— Успокойтесь, Чарльз, — встрял в назревающую склоку Тьюринг, судя по лицу, встревоженный не на шутку. — Вопрос действительно серьезный. Вы хотите сказать, что кто-то должен проникнуть на «мельницу» и удалить лишний механизм?

— Проникнуть? — У Клемента даже глаза округлились. — Сэр Джон, вы говорите так, как будто собираетесь заслать шпиона во Францию!

— Я не пойду, Джон, даже не думай. — Бэббидж закашлялся. — Сам видишь: возраст уже не тот.

— Да, но... — начал было Тьюринг.

— Пойдет Чарльз, — перебил его Бэббидж. — Преподобный, вы готовы провести его?

— Рано или поздно это должно было случиться, — пожал плечами тот и повернулся к Клементу. — Сын мой, вы хорошо представляете, что вам надобно произвести над машиной досточтимого сэра Бэббиджа?

Ошарашенный Клемент заозирался, ища поддержки у генерала и Тьюринга.

— В принципе представляю, — наконец выдал он. — Понадобится кувалда и еще кое-какие инструменты потяжелее, сэр Чарльз делал свою машину на совесть... Нужно сбить с осей и отсоединить от общей системы с десятков крупных шестерен, по счастью, все они расположены в одном узле...

— Значит, вдвоем мы вполне управимся, — в голосе преподобного Бенедикта прозвучало облегчение.

Только сейчас Клемент обратил внимание на то, что тот еще молод и старше его самого, может быть, лет на пять-шесть.

— Вдвоем?! Вы хотите сказать, что туда пойдем только я и вы? И что, мы сами будем все делать?

— У вас имеются какие-то предрассудки против физического труда или тяжелые заболевания? На вид вы вполне здоровый и развитой молодой человек.

— Что? Нет, черт побери... Простите, преподобный. Я хотел сказать, что «мельницу» обслуживают сотни инженеров! Я дам подробные инструкции, и они все сделают сами! Я гораздо нужнее там!

Клемент протянул руку к окну, за которым по указанию Бэббиджа десятков рабочих уже валили деревья, расчищая место под новый узел машиносчетной станции.

— Увы, Чарльз, вынужден тебя разочаровать. — Голос Бэббиджа предательски дрогнул. — После пуска станции в эксплуатацию, кроме моего отца и Ады Лавлейс, там побывал от силы десятков человек. Наши инженеры имеют доступ только к выведенным на поверхность элементам станции, которые мы используем для расширения ее возможностей.

— Что?! Да как такое может быть? — взорвался Клемент. — Вы из меня идиота делаете! Там сотни, тысячи сложнейших механизмов! Они все требуют ухода, замены, постоянного контроля! Я еще хорошо помню, как Бланкеншип в 1886 году пропустил через управляющий барабан операционную карту с какой-то бессмысленной белибердой! И что вышло? Из-за несогласованных данных десятки шестерен пошли в разные стороны, переломали зубья, и станция стояла сутки! Тогда эту карту чудом отловили уже на множительном аппарате — еще немного, и ее развезли бы по всей стране!

— Да успокойтесь вы, Чарльз, — попытался охладить пыл разошедшегося Клемента Тьюринг. — Выпейте чаю!

— Что вы мне свой чай суете! В нем полно пепла из трубки вашей секретарши! — Клемент отмахнулся от задумчиво уставившегося на чашку министра. — Кто тогда, по-вашему, мог заменить столько деталей? Брауни или эльфы?

Первым не выдержал преподобный Бенедикт. Сперва он пытался сдерживаться, но надолго его не хватило. Громогласный хохот священника разнесся по залу, мгновение спустя ему вторили старческие смешки Бэббиджа и Тьюринга. Клемент стоял покрасневший и злой посреди вороха чертежей, ощущая себя попавшим в Бедлам.

— Чарльз, вы меня уморили, — согнувшийся от смеха Тьюринг опустил руку ему на плечо. — Это ж надо — эльфы! Нет, честное слово, молодой человек, вы далеко пойдете!

— И все-таки, Чарльз, вниз отправитесь только ты и преподобный Бенедикт, — вытер выступившие на глазах слезы враз посерьезневший Бэббидж. — Мне жаль, что все это происходит так... Но, поверь мне, побывав на «мельнице», ты получишь ответы на все вопросы. А пока считай это делом государственной важности.

— А это и есть дело государственной важности, — добавил Тьюринг. — Я отправляюсь на доклад к премьер-министру, а у вас и сэра Генри есть время до шести вечера завтрашнего дня, чтобы наладить ваш новый узел. После чего вы, Чарльз, и преподобный Бенедикт отправляетесь на «мельницу». Вас проведут через ход в аббатстве. Станцию мы все равно не сможем остановить раньше десяти, у Казначейства в бюджете на следующий год концы с концами не сходятся.

— Но, сэр, есть же технические ходы в...

— Как и многое другое в нашем мире, — перебил Клемента Тьюринг, — некоторые вещи есть совсем не то, чем кажутся. На самом деле за дверьми этих ходов находится сплошная стена. Воспользуйтесь оставшимся до завтра временем с умом, Чарльз.

Первую разностную машину Чарльз Бэббидж построил в 1822 году, опираясь на идеи, изложенные в трудах барона де Прони. Продемонстрированная на одном из заседаний Королевского астрономического общества, она произвела переворот в ученых умах, что позволило Бэббиджу заручиться финансовой поддержкой государства для реализации гораздо более масштабного проекта. Первая разностная машина умещалась в шляпной коробке, но и не могла похвастаться производительностью, так что основные надежды он возлагал на создание большой машины с памятью, рассчитанной не менее чем на тысячу 50-разрядных чисел.

Процесс создания машины затянулся и вместо запланированных трех лет занял более десятка. К 1834 году решение вопроса о дальнейшем финансировании работы Бэббиджа висело на волоске, и если бы не неожиданно принявший живейшее участие в судьбе разностной машины государственный чиновник и инженер Джозеф Клемент, курировавший проект Бэббиджа от Кабинета, неизвестно, как повернулось бы колесо истории. Однако Клемент, хотя и имевший массу разногласий с Бэббиджем, все-таки занял его сторону и убедил правительство выделить дополнительные средства. Машина была закончена менее чем за пять лет, а в голове Бэббиджа возникла еще более грандиозная идея, которую он смог осуществить благодаря графине Лавлейс. Вместе с ней в начале сороковых годов он разработал проект аналитической машины, оперировавшей программами на созданном Адой Лавлейс языке программирования. Последний позволял производить сложнейшие вычисления в считанные секунды. Полученные данные запоминались путем пробивки отверстий на специальных картах или выводились на печатное устройство.

Машиносчетную станцию «Вестминстер» Бэббидж с помощью принадлежавшей сыну фирмы «Монро» построил по заказу правительства прямо в подземельях Вестминстерского аббатства. Как архиепископы разрешили подобное, до сих пор оставалось для Чарльза Клемента загадкой, однако факт остается фактом — гигантская аналитическая машина была закончена незадолго до смерти ее создателя и вот уже более тридцати лет исправно считала числа, графики и проценты для нужд как Кабинета, так и лондонского Сити, а ее младшие

братья занимались этим во всех графствах Великобритании.

Так было ровно до вчерашнего дня, думал Клемент, разглядывая снующих мимо работников «склада» — памяти машиносчетной станции, занимающей бесконечными стеллажами для карт все бывшее Казначейство. Грохочущие тележки, груженные числовыми картами, мелькали перед его глазами с фантастической скоростью, наводя на размышления о необходимости автоматизации процесса. Путь их лежал в уютные сухие залы, где ненасытные глотки детища Бэббиджа поглощали карты в чудовищных количествах, выплевывая обратно сотни новых, усеянных проколами тайного языка перфорации. Утром Клемент успел там побывать и убедиться, что за крепкими дверями, якобы ведущими на «мельницу», действительно находятся стены.

— О чем вы задумались, Чарльз? — Преподобный Бенедикт возник за спиной у Клемента совершенно незаметно, что в таком шуме было неудивительно.

Тот обернулся, окинув священника задумчивым взглядом.

— О том, что карты, которые мы используем, не самый удобный способ хранить информацию... Вообще-то мы уже пробуем применять ленты — их вместимость ограничена лишь толщиной рулона. Но, возможно, пора задуматься о том, как избавить работу машины от участия человека вообще. Например, с помощью электричества...

— Вы не боитесь, что тогда она станет неуправляемой?

— Преподобный, вы опасаетесь возникновения, так сказать, *deus ex machina*?

— А вы нет?

— Знаете, что сказала по этому поводу Ада Лавлейс? Машину нельзя наделять разумом, она только реализует предложенные представления. Эти представления зафиксированы на картах, они передаются различным механизмам, выполняющим последовательность действий... Весь интеллектуальный труд ограничен подготовкой необходимых для вычисления выражений... Машину можно рассматривать как настоящую фабрику чисел. Неужели вы, святой отец, готовы повторить ошибку Лейбница и всерьез принимаете способность оперировать числами за разум?

— Вообще-то это полностью противоречит догматам церкви, — улыбнулся преподобный Бенедикт. — Монополия на создание разума все-таки принадлежит нашему Творцу, а не его творениям.

— Вот и я о том же. И все же когда-нибудь эти машины станут способны на большее, не только на математические операции. Сейчас мы увеличиваем их мощность за счет достраивания узлов, но такой экстенсивный рост не может длиться вечно! Рано или поздно придется искать пути уменьшения узлов в размерах без потери производительности, иначе аналитическая машина покроет собой всю планету, а мы будем ютиться между шестеренок и валиков, как крысы.

Клемент вошел в раж, отчаянно жестикулируя и расхаживая взад-вперед.

— А может быть, прогресс будет носить синергетический характер! Что станет, если попробовать соединить машины через провода, как телефоны и телеграфные станции? Если заставить их общаться друг с другом напрямую, электрическими импульсами вместо карт — что мы увидим тогда? Ч-черт!

Он остановился, ударившись ногой об отозвавшийся металлическим звоном мешок.

— Впрочем, пока что все это лишь мечты. — Клемент сунул руки в карманы пальто. — Вчера я был уверен, что знаю, что творится в подземельях Вестминстера, но теперь... Скажите, преподобный Бенедикт, может быть, все это сплошное надувательство и там просто сидит пара сотен монахов с чернильницами и абаками?

Священник улыбнулся.

— Пойдемте со мной, сын мой, и ваши сомнения будут развеяны. Некоторые вещи надо увидеть самому просто потому, что это лучший способ поверить. Здесь инструменты? — Он кивнул на лежащий на полу мешок. — Отлично!

Ухватив поклажу за завязки, преподобный без малейшего напряжения забросил ее за плечо.

Они вышли из дверей «склада» под неспешно планирующие с небес мокрые хлопья снега.

Дормиторий аббатства встретил Клемента и преподобного Бенедикта той особой говорящей тишиной, которая населяет все библиотеки мира. И хотя здесь не висели таблички «Не шуметь», а между десятков уносящихся под сводчатый потолок книжных полок не было видно ни души, в пыльном лабиринте дормитория¹⁴ навечно поселились впрессованные в хрупкую бумагу столетия истории человечества.

Клемент провел кончиками пальцев по выцветшим кожаным переплетам собрания сочинений Августина Блаженного, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского и прочих, прочих, прочих.

— Давно здесь не бывали? — донесся до него голос преподобного Бенедикта, отпирающего замок двери, ведущий к восточной галерее монастырского двора.

— Вообще-то ни разу. — Клемент оторвался от изучения корешков книг и быстрым шагом направился к спутнику. — Я бы даже не сказал, что хорошо знаком с представленными здесь трудами. Прогресс последних лет заставляет многих считать, что человек благодаря науке рано или поздно станет равен Богу.

— Довольно опасное заблуждение, сын мой. — Преподобный Бенедикт распахнул дверь, пропуская Клемента перед собой. — Нам надо чаще обращаться к Ветхому Завету.

— Да, да, конечно, — буркнул Клемент. — Всемирный потоп, Вавилонская башня... Но, согласитесь, попади кто из библейских героев в наше время, разве не принял бы он нас за посланников Божьих, а Лондон — за град на семи холмах? Мы говорим «да будет свет» — и зажигается электролампочка. Мы отделяем сушу от воды и возводим на ней дома. Мы научились парить в небесах, где не осталось места для ангелов. Мы даже создали сотни новых видов растений и животных...

— Но все они лишь результат менделеевского отбора признаков, заложенных Отцом Нашим, — улыбнулся преподобный Бенедикт.

Они подошли к массивным двойным дверям, скрывавшим вход в вестминстерские подземелья.

— Вы все еще запираете ее на семь замков? — Клемент поежился от налетевшего порыва ветра.

— Увы, нет. — Преподобный Бенедикт выудил из-под сутаны кольцо на цепочке и снял с него небольшой плоский ключ. — Теперь все гораздо прозаичней. Современная церковь отнюдь не считает научный прогресс дьявольским искушением... За некоторыми исключениями. И я точно знаю, что замки «Чаб и сын» таковыми не являются.

Клемент ожидал, что двери распахнутся с душераздирающим скрежетом, но петли оказались отлично смазаны и не издали ни звука. Он зажег фонарь и шагнул в открывшийся проем.

Как и ожидалось, внутри оказалось тепло и сухо. Кто бы ни следил за «мельницей», он поддерживал в подземелье предписанный Бэббиджем климатический режим. Клемент поднял фонарь, чтобы осветить уходящие вниз ступени. Пятно света упало на стену, и Чарльз вздрогнул — ее покрывала плотная вязь рисунков. Поднеся фонарь поближе, он убедился, что к библейским сюжетам роспись, выцарапанная тонким острым инструментом, отношения не имеет. Рисунки отличались маниакально скрупулезно выведенными мельчайшими деталями, но при этом сама техника исполнения показалась Клементу какой-то дикарской. Сотни фигурок искаженных, нечеловеческих пропорций вились в хороводах вокруг исполинских женских и мужских фигур. В руках многие из них держали инструменты, отображенные с точностью чертежа. Все пространство, свободное от фигурок, заполняли причудливо соединяющиеся друг с другом зубчатые передачи.

¹⁴ На самом деле «дормиторий» переводится как «спальня», однако в Вестминстерском аббатстве это помещение довольно давно используется именно в качестве библиотеки.

— Что за... — начал было Клемент, но слова его оборвал грохот.

Преподобный Бенедикт захлопнул дверь, и лестница наполнилась мощным многоголосым гулом «мельницы». Монотонный звук дыхания детища Бэббиджа-старшего пробирал до костей, заставлял вибрировать внутренние органы. То, что Клемент ощущал на «складе», теперь казалось лишь отдаленным эхом работы исполинского механизма.

— Давайте вниз. — Голос преподобного Бенедикта заставил Клемента вздрогнуть. — Возьмите наушники, иначе оглохнете. Там без них никак.

Тот автоматически принял два скрепленных кожаной полосой меховых комка.

— Что это? — Он осветил разбегающуюся по стене роспись.

— Довольно забавный образчик народного, если так можно выразиться, искусства. Чарльз, вы нетерпеливы, как и всякий другой сын своего века. Вы сочтете, что я опять над вами издеваюсь, но не лучше ли вам самому спуститься и все выяснить, дабы после моих слов не возникло соблазна вернуться обратно?

— Хотел бы я знать, как это возможно, — буркнул Клемент, надевая наушники. — Ключи-то у вас.

Он погасил фонарь, так как привыкшие к темноте глаза обнаружили внизу пятно света. Похоже, подземелья неплохо освещались. Но к тому, что встретило его, когда он, пригибаясь, шагнул на последнюю ступеньку, Клемент готов не был.

На него уставились сотни пар глаз. Причем не человеческих, а крошечных мерцающих черных бусинок, каковые, по представлениям Клемента, слабо знакомого с зоологией, имели место быть у какой-нибудь выдры или бобра. Однако ни выдры, ни бобры, ни живший у него два месяца в детстве рыжий вислоухий кролик никогда не ходили на задних лапах, с

поясами, полными инструментов, не держали в передних лапах тусклых фонарей и уж тем более не носили на головах разноцветные повязки.

Столпившиеся перед лестницей существа, похоже, поразились появлению людей не меньше. Выражение их «мордочек» с непрестанно шевелящимися блестящими черными носами напомнило Клементу выражение морд щенков, обнаруживших в будке ежа. Выглядели обитатели подземелья как нечто среднее между плюшевым медвежонком и выдрой с круглой головой и длинными обезьяньими конечностями. Ростом человеку по колено, обросшие поблескивающим коричневым мехом существа уверенно стояли на коротеньких ножках. И было абсолютно ясно, что именно они изображены на настенных росписях лестницы.

Странно, но Клемент преисполнился уверенности, что где-то видел их раньше.

— Вот и ответ на все ваши вопросы. — Подошедший сзади преподобный Бенедикт приподнял ему один наушник. — Поздоровайтесь с лучшими мастерами «мельницы» из всех, каких создал Господь. Ну же, проявите себя джентльменом, Чарльз.

— 3-з... здравствуйте, — выдавил из себя Клемент, отчаянно пытаясь сообразить, что с ним происходит.

Удивительно, но стоило ему открыть рот, как по мохнатым мордам существ расплылись совершенно человеческие белозубые улыбки.

— Здадствуйте, мистел человек, — ответил нестройный хор тонких голосов.

Тут в голове Клемента что-то щелкнуло, и в памяти всплыли картинки из детских книжек. Он повернулся к преподобному Бенедикту.

— Этого не может быть, — с уверенностью в голосе произнес он. — Но ведь это же брауни, правда?

— Абсолютная правда. — Теперь улыбка преподобного Бенедикта не казалась Клементу издевательской. — Это самые обыкновенные брауни, домовые, существование которых наука отрицает так же рьяно, как существование привидений. Здесь перед вами все брауни Большого Лондона, за исключением нескольких десятков особей, продолжающих жить в своих старых домах.

Надолго интереса брауни к пришедшим не хватило. Поглазев на ошарашенного Клемента, они разошлись. Кто-то скрылся между уходящими в темноту стойками с порхающими блестящими кулачками, кто-то вернулся к осмотру аккуратно разложенных на стоящих рядами верстаках шестерен. Несколько брауни с красными повязками горячо спорили друг с другом, размахивая лапами. Без дела не остался никто.

— Мистер Брум, эй, мистер Брум! — крикнул преподобный Бенедикт, силясь перекрыть нарастающий грохот — наверху, видимо, запустили в работу какие-то сложные расчеты.

Один из брауни-спорщиков повернул круглую голову в сторону людей. Преподобный Бенедикт поманил его рукой.

— Это мистер Брум, — представил он подошедшего брауни. — Главный мастер станции. Познакомьтесь, мистер Брум, это Чарльз Клемент.

Мистер Брум с самым серьезным видом подал Клементу лапу с крошечными детскими пальчиками.

— Я холосо помню васега деда, мистел Клемент. А где сэл Генли? — осведомился он.

— Сэр Генри просил передать, что Чарльз заменит его. Мистер Брум, нам надо попасть в одно место... Чарльз, покажите ему чертежи.

Клемент вытащил из сумки дагерротип с уменьшенной схемой аналитической машины.

— Нам нужно вот сюда. — Он показал брауни обведенный красным карандашом узел.

— А, этот. — Мистер Брум облизнул нос длинным розовым языком. — Плохое место, надо демонтировать.

— Этим мы и собираемся заняться, — заверил его Клемент.

Брауни глубокомысленно кивнул и, не говоря более ни слова, направился к оставленным им спорщикам.

— Садитесь, Чарльз, они не любят торопиться. — Преподобный Бенедикт бросил мешок с инструментами на пол и сел на грубую деревянную скамью, тянущуюся вдоль древней стены, камни которой помнили, должно быть, самого Эдуарда Исповедника.¹⁵

— Невероятно. — Клемент шлепнулся рядом. — Не могу поверить, что это не опиумные галлюцинации. Пожалуй, там, наверху, я бы действительно решил, что вы свихнулись.

Он повернулся к преподобному Бенедикту.

— И давно они тут?

— Почти все еще лично помнят Чарльза Бэббиджа и Аду Лавлейс. Они их просто боготворят, как это ни крамольно звучит в моих устах. Кто бы мог подумать, что наши незаметные домовые имеют такую тягу к механике...

— Значит, за станцией смотрят только они?

— Ну да. Они справляются с этим так хорошо, как никогда не справился бы ни один человек. Но главное — здесь их никто не достает, им не надо прибираться в домах, следить за детьми и коровами и заниматься прочей чепухой. Поверьте мне, за те тысячи лет, что существует народ брауни, им это **ОЧЕНЬ** надоело.

Мимо прошли два брауни, катящие на тележке здоровенный бидон. Судя по тянущимся за ними следам из черных густых клякс, в бидоне плескалось первосортное машинное масло. За тележкой последовала группа хохочущих чумазных обитателей «мельницы» в зеленых повязках, активно жестикулирующих своими обезьяньими ручками. И в этих жестах, как показалось Клементу, присутствовали определенные закономерности.

— Там дальше грохот еще сильнее, — кивнул в сторону брауни преподобный Бенедикт. — Можно надорвать горло, но даже себя не услышишь. Приходится объясняться знаками. А вот, кстати, и снова мистер Брум. Думаю, мы будем пить чай.

— Чай? Разве нам не надо поторопиться?

— У них свои порядки, и не нам их нарушать, — пожал плечами священник. — Тем более что колеса на Темзе отключат только за два часа до полуночи. Время у нас еще есть.

— Черт, — буркнул Клемент себе под нос.

Глазая на брауни, он совершенно запомнил, что Генри Бэббидж остановит водяные колеса, приводящие в движение машиносчетную станцию, не раньше десяти вечера. За ночь ему и отцу Бенедикту предстояло отсоединить лишние валы, пока инженеры «Монро» наверху будут лихорадочно подводить новые передачи к открытым для расширения узлам аналитической машины.

В желудке у Клемента заурчало, что послужило запоздалым напоминанием о том, что последний раз он перекусил рано-рано утром, пока инженеры отвозили во флотские кузнечные цеха заказ на новые шарнирные рычаги. Теперь оставалось надеяться на то, что гостеприимство брауни не ограничится одним чаем.

— Преподобный Бенедикт, а все же — как получилось, что брауни обитают прямо на святой земле? Вроде бы принято считать их нечистью...

Окончание фразы потерялось в грохоте заработавшей машины.

Клементу казалось, что он хорошо представлял себе по чертежам масштабы Бэббиджева подземного левиафана, но в темноте, когда проходы между запутанными стойками освещает только тусклый фонарь идущего впереди мистера Брума, вдруг оказалось, что тот попросту невероятен. Они шли не меньше часа, и Клемент невольно ощущал себя Ионой во чреве кита с жутким несварением желудка — когда зубчатые передачи приходили в движение, пол под ногами начинал сотрясаться в припадках, а от грохота не спасали и наушники. Включения механизмов прокатывались по подземелью волнами, начинаясь с негромких щелчков, почти мгновенно вырастая до громового

¹⁵ Эдуард Исповедник (1042–1066) — англосаксонский король, по указанию которого была построена церковь, на развалинах которой впоследствии возвели Вестминстерское аббатство.

барабанного боя и затухая где-то в сумраке.

Дождавшись, пока схлынет очередная волна шума, преподобный Бенедикт снял наушники.

— В наш просвещенный век, — сообщил он поучительным тоном, — у церкви нет оснований полагать, что столь древние и имеющие разум народы, как брауни, не осенены благодатью Господа. Совет архиепископов тщательно изучил брауни, прежде чем принять решение поселить их здесь. Вы не поверите, Чарльз, но за столь длительное проживание бок о бок с человеком они переняли многие наши обычаи. Многие из них столь праведные англиканы, что впору позавидовать.

— У меня нет слов... — Клемент вынул из сумки фляжку с водой и принялся отвинчивать крышку. — Но разве в Библии не сказано, что Господь наделил душой только людей?

— Безусловно, — подтвердил преподобный Бенедикт, подтягивая сползший заплечный мешок. — Вы ведь знакомы с трудами сэра Чарльза Дарвина, в частности по вопросам, касающимся эволюции?

Клемент при этих словах едва не поперхнулся водой.

— То есть вы хотите сказать, что брауни — тоже люди?!

— В общих чертах — да. Но они пошли в своем развитии другим путем. Официально церковь пока не признает учение Дарвина истинным, но она не может отрицать некоторых очевидных фактов. В частности, многие считают, что в целом теория происхождения видов отвечает замыслу Творца. А теперь поставьте себя на место совета архиепископов, которые вдруг обнаруживают толпу брауни, назубок цитирующих Послание к коринфянам. Что вы прикажете с ними делать — неужели убивать? Я полагаю, Бэббидж-старший хохотал от души, глядя на лица архиепископов, ведь это было его рук дело. Уж не знаю, как он втерся в доверие к брауни, но конечный результат всех пока устраивает.

— Но почему тогда об этом никто ничего не знает?

Преподобный Бенедикт усмехнулся, но на этот раз как-то невесело.

— А вы думаете, что люди готовы принять факт существования еще одного разумного вида? Может быть, вам напомнить, что до сих пор происходит в колониях? А ведь негры и индейцы — такие же люди, как и мы с вами.

Последние слова Бенедикта отбили у Клемента всякую охоту продолжать разговоры на эту тему. Он погрузился в молчание, осмысливая события последних часов.

Как оказалось, брауни жили в многочисленных тоннелях, уходящих во все стороны от подземелий аббатства, но собирались вместе в свободной от машин части старой сокровищницы, освещенной гирляндами электроламп. В том, что они такие же разумные существа, как и люди, невозможно было усомниться, сидя с ними за одним столом и слушая их рассуждения и беззлобное подтрунивание друг над другом. Пока мистер Брум, мистер Петсон и мистер Рид (те самые старшие мастера в красных повязках) спорили о качестве стали, идущей на валы, под ногами у них с визгом носились крошечные, размером с терьеров, дети брауни. Все это сопровождалось неспешным чаепитием со свежими булочками с маслом... Господи, неужели они ходят за ними наверх, в хлебные лавки?

На этом месте размышления Клемента прервались — мистер Брум остановился.

— Здесь. — Он поставил фонарь на пол.

Клемент вытащил из сумки полноразмерную копию чертежа ошибочного узла и поднял фонарь над головой. Обойдя стойки с едва вращающимися шестернями, он убедился, что попал куда надо. Некоторые из шестерен оказались гораздо больше, чем это могло показаться по чертежам, так что перспектива как следует поработать кувалдой становилась все более реальной.

— Начнем с этой. — Свет фонаря упал на матово поблескивающую шестерню футов шести-семи в диаметре.

Карманные часы Клемента показывали без трех минут десять, и он вдруг понял, что наушники уже ни к чему — со всех сторон наступала гулкая тишина. Левиафан вздохнул

последний раз и погрузился в сон, более не нарушаемый спазмами механизмов.

— Остановили, — с уверенностью в голосе заявил мистер Брум. — Я пошел.

Брауни беззвучно скрылся в темноте, оставив только фонарь на полу. Клемент так и застыл с открытым ртом.

— Какого черта? — Он в раздражении швырнул на пол сумку. — Зачем, собственно говоря, мы приперлись? Они могли бы сделать все сами!

Преподобный Бенедикт сбросил с плеча мешок с инструментами.

— Вы помните, Чарльз, я говорил вам, что брауни с большим трепетом относятся к фигуре Бэббиджа-старшего? Хвала Господу, они не докатились до идолопоклонничества, однако и у них есть свои пунктики. Брауни с легкостью могут заменить сломанные детали. Но нам с вами предстоит выкорчевать, как я понимаю, лишние, но совершенно здоровые. А по их мнению, таковым правом обладает только человек.

— Хорошенькое дельце. — Клемент сбросил с себя свитер и принялся разминать мышцы. — Значит, они настолько нас уважают, что готовы предоставить нам всю черную работу? Вы перенимание таких привычек имели в виду, когда говорили о проживании рядом с человеком?

Он встал в боксерскую стойку и провел серию ударов по невидимому противнику, завершив ее мощным апперкотом.

— Можете считать это глупым табу, пережитками прошлого. — Преподобный Бенедикт снял сутану, оставшись в белоснежной рубашке. — Однако помяните мое слово, они скоро с ними распрощаются. Как вы думаете, кто вычислил ошибку с датами?

— Я ломаю над этим голову со вчерашнего дня. Но не хотите же вы сказать...

— Именно. Они уже начали думать, и думать так, как не смогли ни Бэббидж, ни вы и ни я. А ведь когда Бэббидж привел брауни сюда, они только учились использовать масленки.

Клемент повернулся к преподобному Бенедикту, подбрасывающему в руках увесистую кувалду, как будто прикидывая ее вес. Вообще-то Клемент планировал орудовать ею сам, но, похоже, он недооценил положительный эффект для здоровья от простой монастырской пищи и труда. В руках священника увесистый молот порхал как бабочка.

— Обалдеть. — Сложив руки на животе, Чарльз принялся глубоко вдыхать сухой подземный воздух по китайской методике. — Этак они скоро обскачут нас в этом самом эволюционном развитии. Не уверен, что после этого им захочется все время сидеть в подземелье...

— Возможно, возможно. — Преподобный Бенедикт отложил инструмент. — Зато никому не удастся заставить их вернуться к уходу за коровами.

— Надеюсь, преподобный, на обратной дороге вы найдете время познакомиться меня поближе с этими парнями.

— Обязательно. — Преподобный выудил из мешка кувалду поменьше. — Держите, это вам больше подойдет. И давайте по очереди, я начинаю, а вы подхватываете.

Клемент повел плечами.

— Кстати, Чарльз, — в руке отца Бенедикта тускло блеснули часы-луковица, — если мы сейчас начнем, то вряд ли нам потом будет до этого... Так что с наступающим вас Новым годом.

— И вас также. — Клемент поудобней ухватил свой инструмент. — Приступим?

Воцарившаяся на короткое время в подземном царстве брауни тишина раскололась от жалобного звона сшибаемой мощными ударами с оси шестерни.

Юлия Игнатовская
НЕ БУДИ...
(Terra magica)

Стоял теплый, погожий денек.

Небо над Уэстборном рассекали облака-омнибусы, аэромобили, такси и облакомобили

частные. Те, кто отдавал предпочтение скорости, а не комфорту, носились на более скоростных коврах-самолетах.

Убранные по случаю праздника гирляндами цветов и воздушных шаров-фонарей улицы были полны людей.

Окна домов сияли в лучах почти летнего солнца, мостовые центральных улиц были отмыты едва ли не с помощью магии.

Собаки и кошки не иначе как заключили на этот день перемирие: во всяком случае, ничем иным объяснить отсутствие стычек меж этими извечными конкурентами за стейк, куриную ножку и теплое, уютное место не получалось.

Птицы тоже на день прекратили вражду и почистили перышки. Даже известные любители совать свой клюв туда, куда иной бы побрезговал — голуби, — выглядели на удивление опрятными.

По традиции, самое интересное, в том числе — Гран-Карнавал, должно было начаться вечером, но развлечений хватало уже сейчас.

На Ратушной площади лучшие театральные труппы края приступили к своему первому представлению. Павильоны и павильончики с редкостями и диковинками со всего света постепенно заполнялись любопытствующей публикой. В кафе, пабах и ресторанах официанты сбились с ног, разнося заказы.

Город жужжал, словно переполненный улей. Казалось, сюда съехались все жители Дола, чтобы повеселиться, полюбоваться на чудеса магии и науки, а ежели повезет — так и встретить... удачу.

Праздник медленно, но набирал обороты.

Колокол на Ратуше пробил девять раз.

Девять утра.

Три часа до полудня...

— Кристофер!

Господин наставник¹⁶ с шумом захлопнул дверь. Судя по голосу, он был сильно не в духе — а значит, следовало поспешить. «Промедление смерти подобно» — так, кажется, говорили древние. Ну, смерти — это, конечно, весьма сильно сказано, но неприятностей можно было и впрямь огрести воз и пару тележек. Немалых таких...

Мигом захлопнув тайком от наставника купленный у старьевщика Пита потрепанный томик «Пари Уолтера Уайлда», Крис сунул книгу под матрас и бросился вниз по ступенькам.

Мистер Уоррен принадлежал к числу тех, для кого высшим проявлением гармонии было сочетание постного выражения лица с пасмурным небом, неоспоримым достоинством стола — узнаваемость блюд, а главной из добродетелей — умение безоговорочно слушаться. В последнее входил, помимо прочего, и ритуал ежедневных встреч господина наставника с учеником в час, когда первый возвращался домой после лекций в Университете. Расписание Крис знал назубок, и часы в его комнате были, но он зачитался. Увлёкся так, что позабыл обо всем. В том числе и о времени.

— Кристофер Харви! Ну где носит этого маленького недоумка!

Отдав трость слуге, мистер Уоррен принялся за застёжку плаща, когда наконец появился Крис.

— Я здесь, сэр, — часто дыша, вытянулся он перед наставником.

И заработал затрещину.

— Кристофер Харви, негодный мальчишка, когда же наконец вы научитесь хоть что-нибудь делать вовремя. — Лишенный каких-либо эмоций голос наставника способен был обратить стаю птиц в ледяные скульптуры.

Затрещина была сильной, однако Крис стерпел. За три проведенных в доме мистера Уоррена года он привык к суровому обращению наставника. Равно как и к пощечинам, подзатыльникам и оплеухам, на которые тот не скупился, считая такой подход лучшим методом воспитания будущего достойного представителя общества.

— Ну-с, и чем таким вы были заняты, что не смогли спуститься вниз своевременно?

Ученик гулко сглотнул.

Наставник дважды обратился к нему на «вы». В доме. Не при гостях. Плохо. Очень плохо. Почти «хуже некуда». Крис лихорадочно соображал, что б такое соврать. Ну не скажешь же, в самом-то деле, наставнику, что он провел все утро, читая о приключениях Уайлда. Тот не поймет и не простит столь пустой траты времени. И, как пить дать, без обеда оставит. Как минимум. Нет, надо что-то придумать, и быстро.

— Изучал «Краткую Энциклопедию Волшебных Существ и Явлений», сэр, — нашелся он наконец.

— «Энциклопедию»? Хм. Неужели? — Взгляд наставника излучал скепсис. — Похвально. И до какой буквы, позвольте спросить, вы успели дойти?

— До буквы «Л», сэр.

Крис понял, что влип, прежде чем завершил фразу. Увы, отступить было уже поздно.

Мистер Уоррен прищурился, в глазах промелькнуло что-то... Уж не одобрение ли? Крис уже и не помнил, когда в последний раз наставник был им доволен, так что вполне мог ошибиться.

¹⁶ Как правило, если дар творить волшебство у человека пробуждается с рождения или же в раннем возрасте, с семи до шестнадцати лет л'лар воспитывается в доме наставника, после чего поступает либо в училище (по окончании обучения в котором становится младшим мастером л'ларом), либо в университет. В последнем учебном заведении л'лар обучается в течение трех лет, плюс — год практики, после чего становится дипломированным л'ларом — тем, кто вправе творить заклинания, вплоть до высших, в меру сил и способностей и в дозволенных законом рамках.

— До буквы «Л», стало быть. Ну-ну, — покачал он головой. — В таком случае, я полагаю, вы в силах поведать мне, как выглядит один из младших духов Хаоса, разрушений и им сопутствующего. Иначе говоря, что можете вы сказать об обличье духа, в ряде мест известного также как *Лихо*.

Крис почувствовал, что он тонет. Стремительный водоворот захватил его, завертел, утягивая на дно — все глубже и глубже. Вода была ледяная.

— Лихо, сэр? — слабым голосом переспросил он.

Наставник не удостоил его повторением фразы.

— Э-э-э... Лихо, сэр... Оно такое, ну, тощее, сэр. Одноглазое. Косматое. Не любит, когда его будят. Не зря ж говорят: не буди Лихо, пока... Ну, это...

Звон пощечины разорвал воцарившуюся после слов ученика тишину.

— Одноглазое. Косматое, — вперив взор пары айсбергов-глаз в ученика, мучительно медленно повторил мистер Уоррен. — Косматое! Да уж. Поистине правильно говорят: коли лжешь — так уж будь осторожен во лжи. Вы осторожны не были. Ибо, коль были бы, знали б, что сведения об этом духе в разделе «Л» не содержатся. Малавиус — вот привычное наименование данного духа, посему — на букву «М», а не «Л» информацию о нем будет искать всякий, у кого достанет мозгов сообразить, что к чему... Больше того — ни в одной из энциклопедий нет сведений об обличье Малавиуса-Лиха. Нет. — Яду в голосе наставника хватило бы, чтобы свалить носорога. — Вы солгали мне, молодой человек. За что будете, несомненно, наказаны. Полагаю, оставшийся день без еды будет достаточной мерою, чтобы усвоить урок. И — да, конечно же. К завтрашнему утру приготовьтесь ответить по всем существам как на «М», так и на другую, столь опрометчиво указанную вами букву. Причем используя сведения из «Энциклопедии». А не из детских страшилок и сказок. Вы меня поняли, Кристофер?

Крис покорно кивнул.

Наставник наконец справился с непокорной застежкой, бросил плащ слуге и прошел в кабинет.

Не дожидаясь, пока тот измыслит еще пару способов испортить ученику день, Крис пулей взлетел вверх, накинул куртку и, прихватив стянутое утром на кухне яблоко, шмыгнул за дверь.

Да, мистер Уоррен наказал ему вызубрить все про существ на «Л» и «М» — но не сказал ведь, чтоб он начинал зубрить прямо сейчас!

Погода была замечательной, облакомобили¹⁷ — белыми, люди — приветливыми и нарядными, и ученик л'лара почувствовал, как уныние растворяется в охватившей город радостной суеде.

* * *

Сидевший за столом у переговорного кристалла говорил тихо — столь тихо, что, войди в тот момент в комнату посторонний, он едва ль бы расслышал хоть слово.

— ...Итак, Мэйкинс, вы все поняли? Судя по показаниям поискового шара, — бросил сидевший у кристалла взгляд на паривший над картой Уэстборна серебряный шарик, — он сейчас где-то между Эмбер-стрит и Парк-лейн.

— Да, сэр. Я отыщу его, и... Все будет исполнено лучшим образом, сэр.

Сидевший у переговорного устройства позволил себе усмехнуться.

— То же, надеюсь, касается и ваших слов, сэр? — донеслось из кристалла.

— Разумеется. Вы получите вознаграждение. Как и было обещано. Всякий труд должен быть непременно оплачен, не так ли? Можете не беспокоиться. Как только все завершится...

¹⁷ Облакомобили и облака-омнибусы — типичный вид транспорта, используемый л'ларами. Получил такое название из-за того, что при воплощении посредством заклинания первоначально выглядит как серебристое облачко. По завершении трансформации обретает форму, схожую с обычными аэромобилями.

«Право же, как удачно все складывается. Одно к одному, первое — ко второму. Досадно, конечно, что приходится прибегать к чьей-то помощи в таком деле, — но тут уж, увы, ничего не поделаешь. Бывают случаи, когда без помощи со стороны просто не обойтись. Впрочем, эту ниточку всегда можно оборвать. Как только поручение будет исполнено...»

Губы сидевшего за столом тронула тень улыбки.

«Сразу же по завершении дела... О да, так будет лучше всего. Нет, что ни говори — а это поистине замечательный день».

— Да-да, можете не беспокоиться, Мэйкинс, — повторил он.

— Что вы, сэр. Никаких беспокойств. Я подожду.

Связь прервалась.

Сидевший у кристалла поднял взор от стола и взглянул в окно.

Прохлада весны медленно, но отступала под натиском по-настоящему летней жары, утро почти уже сменил день, не спеша набирало обороты веселье, однако пред мысленным взором сидевшего за столом проплывали совершенно другие картины.

* * *

— Итак, что за проблема привела вас ко мне, миссис Суини? — Арт, он же — Артур Синклер, л'лар,¹⁸ дипломированный специалист по расследованию происшествий, а также — устранению неприятностей магического происхождения, улыбнулся вошедшей.

Маргарет Суини была в достаточной мере воспитанна чтобы столь же вежливо улыбнуться в ответ, однако взгляд а также напряженная поза ее говорили о том, как нелегко далась женщине эта улыбка.

— Вы правы, сэр, — кивнула она, — я пришла к вам за помощью. Год назад вы очень помогли нашей соседке, миссис МакБрайт, когда ее муж — так уж совпало, что у него был как раз тогда день рождения, — попросил неделю-не-иссякающий пивной бочонок¹⁹ и умудрился сломать на нем кран — вы помните?

Арт кивнул. Ну еще бы не помнить. Ист-роуд, которую местные шутники звали с тех пор не иначе как Ист-ривер, — да, такое забудешь не скоро. Пришлось изрядно попотеть, чтобы справиться с последствиями «чрезмерного применения силы по отношению к магическому предмету». Да и сумма в десять стэллионов,²⁰ отданная за чистку пострадавшего в пивной речке костюма, была отнюдь не из тех, что выветриваются из головы за неделю.

— Да-да, конечно, я помню, мэм, — отчаянно надеясь на то, что на сей раз его костюм не подвергнется столь же суровому испытанию, еще раз кивнул он. — Что ж, если ваш случай схож с делом семейства МакБрайт, нам следует поспешить. Думаю, будет лучше, если вы все мне расскажете по пути к вашему дому.

¹⁸ Л'лар — человек, в котором данный всем в этом мире от рождения Дар пробудился таким образом, что он может творить волшебство. Иначе говоря, термин приблизительно равен термину маг в нашем мире.

¹⁹ На ряд заклинаний наложено временное ограничение. Как правило, это относится к магическим предметам, вроде уже указанного. Норма была введена почти сразу же по изобретении соответствующих заклинаний для того, чтобы ряд чересчур предприимчивых людей не сумел сильно нажиться посредством обладающих волшебной силой предметов. Впрочем, в определенных кругах бытует мнение, что и неделя — слишком большой срок службы для подобных вещей, однако записки и ноты этих недовольных раз за разом неким таинственным образом теряются в недрах соответствующей Канцелярии по Делах Магии Департамента Внутренних Дел Королевства.

²⁰ Стэллион — валюта королевства Люмин. Один стэллион равен пяти лунисам, десяти фаргентисам, двадцати фэррисам и ста аэрисам соответственно.

— О, благодарю вас, сэр, — просияла глазами миссис Суини. — Вы так добры. Вот только — откуда вам бы хотелось, чтоб я начала? С самого утра? Или — с прихода господина Исполняющего Желания л'лара?

— С начала, — галантно подал даме руку Арт Синклер. — Лучше всего, мэм, начните с начала.

* * *

«Ох, как же есть хочется». Крис подавил вздох.

Минуло два с лишком часа с тех пор, как ученик л'лара покинул дом, и голод, тогда еще не донимавший его, теперь ощутимо давал о себе знать.

Не то чтобы карманы Криса совсем не знали тяжести монет — нет, обычно какая-то мелочь в них все же водилась, но — не в этот день, не сейчас, так как он все истратил на книгу...

Соблазнительные ароматы пропитали Уэстборн, бесчисленные витрины зазывали отведать, попробовать, пригубить...

По улицам города носился неугомонный ветерок. В карманах ученика л'лара ехидно насвистывал он же.

Крис с досадой пнул подвернувшийся на пути камешек.

За что, ну за что мир на него ополчился! Что он ему сделал — миру? Чем заслужил такое наказание? Да, он, ясное дело, сглупил. Ну так с кем не бывает! К тому же сегодня ведь — День Исполнения Желаний! Мистер Уоррен мог бы и исключение сделать — в такой-то день.

Праздничный день.

Мистрис Хейз наверняка готовит Особый Обед.

Пирог. Гусь с черносливом...

Крис не без усилий прогнал прочь завораживающее видение.

Эх, если бы и ему повезло повстречать господина Исполняющего Желания л'лара, как иным прочим, так нет же. Никто из встреченных им по пути горожан не носил положенных таковым л'ларам Парадных одежд. Некому было исполнить желание Кристофера. А ведь он не хотел ничего запредельного. Лишь — обед. Ну и ужин, пожалуй. Пустяк.

Улочка, на которую он свернул с оживленной Маркет-стрит, была почти безлюдной. Разве что пожилой джентльмен в теплом не по погоде плаще, поспешно перейдя на ту сторону, скрылся в одном из многочисленных переулков да дюжина студизусов, шумным, насмешливым вихрем промчавшись мимо мальчишки, растворилась в людском многоцветье.

Ученик л'лара вздохнул. Вот ведь счастливики. Как бы он хотел стать однажды таким же! Надеть синюю мантию с гербом Уэстборнского Королевского университета. Получить палочку — свою палочку, — выучиться и стать полноправным, дипломированным л'ларом, хозяином своей судьбы. Но ему никогда не стать им, если мистер Уоррен сочтет, что его ученик не достоин сей чести. А значит — пора возвращаться домой. К завтрашнему дню он должен знать все о Лихе-Малавиусе. Гуляя по улицам, этого не узнаешь уж точно.

Крис хотел было уже повернуть да потопать назад, как вдруг некий предмет приковал его взор.

Книга. Небольшой томик в кожаном переплете, с потускневшим тиснением и едва различимым названием на обложке, старый, вполне возможно — старинный, валялся рядом с одной из множества луж.

«Хорошо, что не в ней», — порадовался мальчишка.

Прожив несколько лет в доме наставника, он научился ценить книги и вполне сносно в них разбираться. Данный том явно был не из тех, что увидишь на каждом углу. Больше того, похоже было, что за ним следили — и хорошо, судя по опрятному виду томика. Что же тогда она делает здесь?

«Наверное, обронили, — логично рассудил Крис. — Вряд ли студенты — откуда бы у

них взяться такой редкости. А вот джентльмен, что прошел в переулок, — вот он-то вполне даже мог потерять. Вид у него такой был... respectable. В точности под стать книге. А поскольку спешил, вполне мог не заметить пропажи. Карманы-то в плащах, бывает, рвутся не только у бедняков».

Крис осторожно стряхнул прилипший к томику комок грязи.

По уму, следовало бы сейчас помчаться за владельцем книги, благо тот еще не скрылся из виду. Или же — отнести томик в полицию, в отдел Пропавших вещей. Однако любопытство взяло верх.

В конце концов, кому будет хуже, коль он полистает чуток. Мистер Уоррен еще в первый год обучения приучил ученика к бережному обращению с книгами, так что владелец едва ли заметит, что том лишний раз открывали.

Добредя до конца улицы и присев на ступеньках спускавшейся к другому, столь же безлюдному проулку лестницы, ученик л'лара открыл том.

«Пособие по практической магии. Составлено под руководством С. Дж. Нокстэрна. Том 7. День Исполнения Желаний. Происхождение. Заклинания Средней силы, способные помочь исполнить желание Просителя».

Его бросило в жар.

«Пособие по практической магии». Редчайшее издание, уникальное. Наставник как-то рассказывал про него. Считалось, что все экземпляры издания уничтожены по причине не то главы неверно набранных заклинаний, не то еще по какой. И вот, оказывается, один из них уцелел.

Сокровище. Истинное сокровище, валявшееся, словно старый газетный листок, на брусчатке.

Пока его не подобрал Крис. Это казалось невероятным, немислимим. Найти такую книгу — в такой день!

До сего дня он не верил в счастливые совпадения. Как-то так выходило, что те обходили его стороною. И тут вдруг — вот это.

Найти в День Исполнения Желаний подобную вещь — разве может быть что-то удачнее?

Пролистав том, Крис открыл оглавление.

Голова у него закружилась.

Конечно же, для большинства заклинаний требовалась палочка, но и без нее возможности открывались... захватывающие.

* * *

Питер Мэйкинс свернул за угол, в три шага пересек узкий безлюдный проулок, зашел в полутемный подъезд — и только теперь позволил себе перевести дух.

Поручение было исполнено — в точности как и просил наниматель. Книга была аккуратно подброшена, мальчишка ее подобрал. Теперь оставалось лишь дожидаться награды.

Мэйкинс позволил себе усмехнуться. Похоже, его наниматель принадлежал к числу тех, кто любит сорить деньгами направо-налево. Пятсот стэллионов — лишь за то, чтоб прогуляться по улицам да в подходящий момент «потерять» старый томик... По правде, такого заказа у Питера еще не было. Но, впрочем, это проблемы совсем не его.

Пройдя подъезд насквозь, Мэйкинс вышел на широкую, полную людей улицу.

Солнышко припекало.

Почувствовав, что еще немного — и он попросту сварится, Питер снял плащ и ослабил узел платка.

Определенно пора заглянуть домой. Хотя бы чтобы сменить этот навязанный ему нанимателем маскарад.

Колокол на Ратушной башне пробил полдень.

Питер судорожно рванул рукой воротник.

Дыхание у него перехватило, на глаза словно полог накинули: темный, тяжелый.

«Проклятая жара, — мысленно ругнулся он. — Похоже, здоровье уже не то, что прежде... Поскорей бы добраться до дому. И если только когда-нибудь кто-то еще раз потребует, чтобы...»

Сердце, предупреждая бухнув раз, набатом застучало в висках.

Сморгнув застывшую взор пелену, Мэйкинс, пошатываясь, побрел по улице.

Горожане, кто — с удивлением, кто — с тревогой, поглядывали ему вслед.

До дома Питера было шагов тридцать ходу...

* * *

Прошло не менее получаса, прежде чем Крис поднял взгляд от страниц.

Колокол на Ратушной башне пробил двенадцать раз.

Полдень. Вот уже три часа, как он покинул дом мистера Уоррена. Наверное, тот как раз в этот момент принимается за обед. На столе гусь с черносливом. Пирог...

Крис гулко сглотнул.

Приутихший на время чтения голод опять котенком заскребся внутри, настойчиво требуя наполнить желудок хоть чем-нибудь. Ну хотя бы — пирогом с лимонадом. Самое то в такой день. Ну так за чем дело стало? Открыть книгу, найти подходящее заклинание... делов-то.

Сверившись с оглавлением, Крис отыскал уже было раздел заклинаний на «Е», однако в последний момент передумал.

Э, нет. Так не пойдет. В День Исполнения Желаний что недипломированный л'лар, что вовсе не л'лар безвозмездно имел право что-либо пожелать только раз.

Один раз.

И тратить столь уникальный шанс на «обед с доставкой на лестницу» было бы опрометчиво или же, говоря проще, — глупо.

Крис призадумался. Кажется, был вариант, как и голод унять, и еще что-нибудь загадать шанс сохранить. Вариант, попавшийся на глаза чуть ли не первым, едва он открыл книгу.

Он отлистал назад. Ну так и есть. Среди заклинаний на «В».

Заклинание Вызова. Призывающее существо, способное выполнить три желания. Любых желания. Целых три! Экая замечательная придумка. И желаний больше, и правило соблюдается. Конечно, был риск, что заклинание не сработает, как должно. Все-таки он ученик, а не мастер.

«И тем не менее стоит попробовать. Получится что-нибудь или нет... Если не попытаться, то этого никогда не узнаешь», — хмыкнул мальчишка.

Трижды перечитав текст, Крис закрыл глаза и не спеша, чуть ли не по слогам, произнес:

Лисою ли по земле,
Иволгою ли по небу,
Храброй кефалью —
По морю,
Через огонь и ветер,
Приди ко мне,
Отзовись!

— почти выкрикнул он последнее слово, и...

Ничего не произошло. Во всяком случае, никаких громов, молний или хотя бы шуршания не последовало.

Крис с досадой захлопнул том. Ну что он за бездарь! Даже произнесенные слово в

слово по писаному заклинания — и те заставить работать не может.

Впрочем — возможно, рассказ о том, что в книгу вкрались опечатки, был правдой.

Ученик л'лара понурил голову. Снова не повезло. Ну да обычное дело. В невезении он был мастер.

— Эй. Эй, ты...

Послышавшийся словно ниоткуда и отовсюду одновременно насмешливый и немного сердитый голос заставил мальчишку подпрыгнуть.

— К-кто здесь? — озираясь по сторонам, осторожно спросил он.

— Эхм... Кто *здесь*? — саркастично переспросил невидимый обладатель голоса. — А ты кого ожидаешь? Альберта Справедливого, что ли? Я — тот, кого ты призвал. Ну давай, говори свои три желания, да поскорей, а то очень уж, честно сказать, спать охота.

В распахнувшийся от изумления рот Криса вполне могла бы влететь если и не ворона, то уж воробышек точно.

Не может быть. Получилось! У него — того, кто почти избрал уже «невезение» своим девизом.

— Ну вот так всегда. — Сарказм в голосе невидимого существа уступил место досаде. — Сначала вызовут, с места сдернут, от сна оторвут, а потом по полдня держат, приказы придумывают. Хоть бы один, что ли, заранее подготовился, так ведь нет же. Ладно, кончай волюнку тянуть. Чего хочешь — разрушить? Или создать? Можно и первое, и второе, хотя, по правде-то, первое у меня завсегда лучше выходит. Ну так как, есть идеи? Решай.

— Эх, поесть бы чего для начала, — вздохнул Крис. — А то на голодный желудок-то разве что толком придумаешь?

— А-а-а... Э-э-э... кхм... То есть... Поесть?! — Вызванный растерялся настолько, что напрочь забыл про досаду. — Да... Таких просьб, признаться, не поступало еще такому, как я. Хм. Итак... Перекус, стало быть. Что ж, это мы мигом.

Порыв ветра перелистнул страницы книги, взъерошил мальчишке волосы, а через миг на спикировавшей с неба скатерти перед ним красовался обед. Настоящий праздничный обед, не хуже, чем в доме мистера Уоррена.

Чего здесь только не было. Цыпленок. Пирог с ягодами. Мороженое в вазочке. И, в довершение всего, запотевший графин лимонада.

Графин посверкивал в лучах майского солнышка. Настроение Кристофера начало улучшаться.

«Ну и пусть первое из желаний пропало, — вгрызаясь в ножку цыпленка, подумал он. — Два же осталось. А два — это очень немало, коли распорядиться толково».

— Кстати, — вытерев салфеткой рот, спросил он, — а как тебя звать-то? Имя у тебя есть? А то вот уже четверть часа, как общаемся... Неудобно как-то.

— Как звать? — Будь у обладателя голоса лицо, оно наверняка сейчас выглядело бы обескураженным. Или даже опешившим. — То есть — ты вызвал меня, но не знаешь, как меня зовут? Верно? Я не ослышался?

Крис кивнул.

— А чего тут такого? — пожал он плечами. — Не во всех заклинаниях указаны точные имена и названия, так что вызвавшее тебя — отнюдь не исключение из правил. Ну так что, есть у тебя имя?

— А то.

Уж не послышалось ли ему, или в голосе вызванного и впрямь прозвучала насмешка? Крис вздрогнул.

— И... что же это за имя? — жалея уже, что вообще задал этот вопрос, повторил он.

Обладатель голоса холодно усмехнулся.

— Ну... В ваших краях меня именуют Малавиус, но ты можешь звать меня *Лихо*.

Был почти полдень, когда Арт наконец-то покинул дом семейства Суини.

Костюм на сей раз, к счастью, не пострадал, однако же попотеть л'лару пришлось — и изрядно.

Даже первокурснику-л'лару известно, что применять антилевитационное заклинание к живому существу можно, только если данное существо пребывает в неподвижности. Или хотя бы — почти в неподвижности. Нужно это, чтоб сконцентрировать преображенный заклинанием поток магической энергии, проходящий сквозь палочку, на определенном объекте или же — субъекте.

Дело это в данном случае оказалось отнюдь не простым. Легко сказать — сконцентрируй поток! Сконцентрируешь тут его, как же, когда шестилетняя егоза в юбке по имени Элен Суини так и порхает по комнате, с ловкостью уворачиваясь от пытающихся поймать ее за руку взрослых.

Но все-таки они справились. Девочка благополучно вернулась к способу передвижения на своих двоих, а от Арта в Канцелярию по Делама Магии полетела очередная докладная записка о находящемся до сих пор в свободном употреблении потенциально опасном заклинании.

Впрочем, особой надежды на то, что записку заметят, Арт не питал. Хотя, быть может, случится чудо, и документ все же окинет внимательным взором кто-то из тех, для кого он писался.

Значит, работы для таких, как Арт Синклер, в День Исполнения Желаний хватит — и даже с избытком.

Дойдя до небольшого кафе, л'лар уселся за один из угловых столиков, дабы пролистать утренние газеты и подкрепить силы пирожным и чашечкой кофе.

— Помогите! — Истошный, перекрывший шум и многоголосоу погруженной в праздничную суету Джасмин-стрит вопль долетел до ушей Арта ровнехонько в тот момент, когда он, получив заказанный напиток и аппетитное на вид кондитерское изделие, развернул «Таймс».

подавив желание тотчас помчаться на помощь — в конце концов, улица была полна людей, да и не единственный же он л'лар с дипломом в Уэстборне, — Арт сделал глоток обжигающего напитка и пробежал взглядом первый разворот:

«Новая постановка театра «Ла Фрэска»! Чем удивит нас на сей раз маэстро Кантини?»

«Долгожданное заявление мэра! Вулбридж будет восстановлен».

«Выборы ректора Уэстборнского Королевского университета. Будет ли избран достойнейший?»

«Отдых в Вондерер-крик. Тысяча незабываемых удовольствий! По вопросу приобретения туров обращаться по адресу: Берд-стрит, 9, второй подъезд, первый этаж».

«Лавка волшебных товаров «Мерлин и Мэрилин». Теперь и по новому адресу: Аэрис-лэйн, 7»...

Однако похоже было на то, что наводнившие Джасмин-стрит люди не в состоянии были помочь кричавшему.

— Помогите же, кто-нибудь! — пронесся над улицей еще один умоляющий вопль.

Не без досады отложив газету, Арт бросил взгляд по сторонам.

Судя по тому, куда побежала охочая до зрелищ и поводов для новых сплетен толпа, крики доносились из распахнутых настежь дверей лавки мистера М. С. Идасси — признанного короля кондитеров не только Уэстборна, но и всего Дола.

Вскоре в дверях показался и сам мистер Идасси. Лицо — белое, словно в сахарной пудре испачканное, тело бьет частая дрожь.

Арт со вздохом поднялся. Едва ли был смысл гадать, что довело почтенного кондитера до столь плачевного состояния. Картина была знакомой до боли. Точно такую имел он сомнительное удовольствие лицезреть год назад, четырнадцатого дня пятого месяца. Улица, правда, была другая. Остальные же признаки создавали отчетливое ощущение *deja vu*.

Что ж. Похоже, назначенный им самому себе перерыв кончился, едва начавшись.

«День Исполнения Желаний. Ох уж мне этот день! — ворчливо размышлял он по пути к лавке. — Кто угодно имеет полное право потребовать от Исполняющего Желания л'лара исполнить одно желание. Любое — за исключением тех, что запрещены Сводом Законов Уэстборна, разумеется. Абсурдное, немислимое, тупое — значения не имеет. Все что угодно. Бесплатно. Ну и каков итог? С утра шестилетняя девчонка вздумала «полетать, словно перышко» — надо бы не забыть, кстати, направить... которую уже по счету, ох... записку насчет возрастных ограничений. Все-таки шесть лет — еще не тот возраст, когда человек в полной мере способен уже отличить опасное от безопасного... Теперь вот — Идасси. Хотя кто его знает, что за напасть у него приключилась. Ну да к чему гадать. Сейчас все и выяснится...»

— В чем дело, мастер Идасси? — подошел л'лар к привалившемуся к дверному косяку хозяину лавки: ноги того, похоже, уже не держали.

Мутный от ужаса взгляд кондитера остановился на л'ларе, в глазах промелькнуло узнавание.

— Мистер Синклер, — с отчаянием углядевшего наконец-то спасительную соломинку утопающего прошептал кондитер. Рука его потянулась к Арту в отчаянном желании удержать, не дать уйти.

Кто-то из подошедших поближе зеваяк — высокий медноволосый парень — дернул л'лара за рукав.

— Вы только гляньте на этого идиота, — с ухмылкой произнес он. — Не, ну кондитер он неплохой, уж что есть — то есть, а вот как желания загадывать — тут разума не хватает.... Не, ну вы сами взгляните, взгляните-ка, че этот дурень с женой сотворил. Ну, хотя оно... это... для женушки тоже негоже — под руку супругу с советами в важный момент лезть, — но вот чтобы за это, да — в курицу... Не, ну это ж какие мозги иметь надо!

Парень насмешливо хмыкнул.

По толпе волной прокатился смешок. Кто-то расхохотался открыто. Несколько дам стеснительно приснули в кулачок.

Мистер Идасси всхлипнул.

Арт помрачнел: если до этого у него еще были сомнения, теперь те растаяли без следа.

«Опять заклятие *Анималис*, значит, — покачал он головой. — Интересно, сколько еще понадобится вот таких случаев, чтобы добиться наконец-то запрета на его применение? Неужто никто из влиятельных лиц Королевства не знает элементарнейшей истины: когда властвует гнев, здравый смысл пасует».

— Давайте пройдем в дом, сэр, — смерив взглядом кондитера, предложил Артур.

С трудом отлепившись от двери, тот вяло кивнул и на ватных ногах вошел в лавку.

* * *

Солнышко припекало уже не слегка, а весьма ощутимо.

С одного из нависавших над поднимавшейся к лестнице улочкой подоконников капала пролитая мимо горшка с цветами вода.

Время капало тоже.

— Эй, ты что, онемел от счастья? Второе желание будешь загадывать или нет? — очевидно, устав любоваться на застывшую физиономию мальчика, прервал воцарившееся после его слов молчание дух.

— Желание? — эхом откликнулся Крис. Прошло, наверное, минут пять, а он все никак не мог прийти в себя от изумления.

Малавиус. Лихо... Та самая легендарная сущность, о которой спрашивал утром наставник. Один из духов Хаоса, Разрушений и Бедствий. Неудивительно, что мистер Уоррен так разозлился. Как выглядит Лихо? Да никак не выглядит, в этом-то вся и прелесть. Дорого бы он дал, чтоб посмотреть на лицо господина наставника, окажись оный последний

сейчас здесь. Крис готов был на все что угодно поспорить, что тот...

Мистер Уоррен...

В голове у него возникла идея — вначале неясная, но постепенно обретшая четкие очертания.

«Нет, сэр. Больше вы не будете надо мною смеяться. И никто не будет. Никто. Никогда. Я докажу вам...»

— Желание, говоришь, — не то собеседнику, не то самому себе кивнул он. — Что ж. Будет тебе желание. Как раз из тех, что у тебя завсегда лучше выходят. Тебе наверняка понравится. И мне поможешь, и сам развлечешься на славу.

— Да ну, — голос духа прямо-таки источал скептицизм, — неужели. Ну что ж, валяй, излагай.

Крис прокашлялся, внезапно засомневавшись. Не слишком ли рискован план? Развязывать руки... ну, если можно так выразиться в данном случае... сущности столь своенравной, как Лихо, может вполне оказаться себе дороже. Так стоит ли игра свеч?

Нечто, едва ли дотягивающее даже до легкого ветерка, попыталось перевернуть листы книги, но, убедившись в тщетности своих усилий, умчалось прочь, по направлению к Эмбер-стрит.

Дух нетерпеливо кашлянул, подталкивая его к ответу. И Крис решился.

— Я хочу, чтоб ты слегка покуролесил в городе. Немножечко пошалил, как умеешь. Несколько небольших, легких проказ, какие сумеешь измыслить. А спустя, скажем, ну, часов пять — поможешь мне все исправить, как было. Но все должно быть проделано так, чтоб о том, кто ты есть, не прознали. Особенно на втором этапе, — на одном дыхании выпалил он и остановился, чтобы перевести дух.

— Покуролесить — а потом все исправить, как было? — Обладай Лихо лицом и, соответственно, ртом, тот сейчас наверняка бы скривился в усмешке. — Ну-ну... Любопытно. И на кой тебе это сдалось? Перед девчонкой покрасоваться, что ли? — хмыкнул он. — Впрочем, какая девчонка? Мал еще. Стало быть — перед наставником выпендриться захотелось. Видать, не жалует он тебя — наставник твой. Ну и... как, угадал?

Крису даже кивать не понадобилось: ярко запунцовевшие уши выдали его с головой.

— Стало быть, угадал, — насмешливо фыркнул дух. — Право же, это настолько забавно. Л'лары-наставники и их ученики. Какой милый террариум единомышленников. Такая любовь. Взаимопонимание. Уважение и почтение. И век от века ведь ничего не меняется, что характерно. Все то же. Все так же. За редкими исключениями, только лишь подтверждающими правило. Ну да ладно, — подвел он итог размышлениям. — Твое желание засчитано. Между прочим, почти час уже. Приступить к выполнению задачи следует, так полагаю, немедленно?

Крис бросил сердитый взгляд в сторону источника звука. Если у него и оставались какие-либо сомнения в разумности второго желания, едкая тирада Малавиуса прогнала те прочь подобно тому, как гоняет по утрам живность злой дворник.

— Да. Верно, — решительно кивнул он.

Уж не мелькнула ли нотка торжества в смешке духа?

— Что ж, в таком случае... Да начнется веселье! — воскликнул тот.

Порыв ветра, куда более сильный, чем прежний, взметнув пыль мостовой, закружил в воздухе оброненную кем-то открытку и помчал в сторону ближайшего места для беспорядка и шалостей — Ратушной площади.

* * *

— Вот скажите, что вы себе думали, а? — облокотившись четвертью часа позднее о прилавок, бросил Арт пасмурный взгляд на испуганно сжавшегося в углу лавки кондитера.

— Да-да, вот и мне интересно, — статуей грозной богини нависнув над мужем, поддержала вопрос миссис Идасси. — Так вот оно, значит, какого ты обо мне мнения, Майкл

Идасси. Жирная курица!.. Ну что молчишь? Сказать нечего? Как пожелание, головой не подумав, загадывать да супруге желать «перьями обрасти» — тут слова наготове, а как с женой после этого объясниться — так словно язык проглотил? А?

Мистер Идасси еще сильнее вжался в стену. Глаза миссис Идасси метали молнии.

Арт одернул пиджак.

Что ж, кажется, он стремительно становился здесь лишним. Да и вообще, присутствовать при семейной сцене — то еще удовольствие как для свидетеля, так и для самих ссорящихся.

Л'лар бросил взгляд на ряды аппетитных пирожных за стойкой.

«Купить, что ли, пару штук. С утра ведь ни крошки во рту не было».

Достав из кармана кошель, он отыскал два полуфэрриса.

— Ну, думается, мне пора. Дайте мне пару ваших чудесных пирожных, мисс, на ваш выбор — и я, пожалуй, пойду, — обратился он к вставшей вместо отца с матерью за прилавков Лиззи Идасси.

— Пожалуйста, сэр, — сняв с верхней полки пару пирожных с кремом, протянула ему небольшую коробочку девушка. — А денег не надо. Как можно? Прямо не знаю, как вас и благодарить-то. Вы ведь нам так помогли. — Лицо девушки осветила улыбка, робкая, едва заметная.

— Не за что, мисс, — ответил легкой полуулыбкой л'лар.

Снаружи кто-то расхохотался — неистово, громогласно. Послышались крики, визг, грохот опрокидываемых столов и стульев, кто-то в ужасе завопил. А затем раздался звук — как будто нечто гигантских размеров разом втянуло в себя воздух, а затем выпустило его — с такой силой, что из окон лишь чудом не вылетели все стекла.

— Ч-что это?! — подскочив, вскрикнул мистер Идасси.

— Не знаю, — нахмурившись, произнес Арт.

«А впрочем, чего тут не знать-то. Наверняка еще один дурень вообразил, что настал лучший день для претворения в жизнь самых бредовых фантазий», — чуть было не сорвалось у него с языка, но он вовремя удержался.

Семья Идасси и без того выглядела напуганной сверх всякой меры. Ни к чему пугать их еще больше. Тем более — соображениями, что пришли л'лару в голову.

Нет, абсолютной уверенности у него не было — и тем не менее все говорило за то, что он не ошибается.

Арт угрюмо вздохнул.

Давно, ох, давно уж такие, как *этот*, не решались совать свой нос в Златый Дол. И вот, похоже, один из *них* не то — набрался-таки смелости, не то — был вызван. Кем-то, кто потерял разум, ибо никто, будь он в здравом уме, не пошел бы на то, чтобы вызвать такое...

Мысленным приказанием обратив серебряное кольцо на руке в палочку, л'лар вышел на заполненную бегущей толпой улицу.

Позади него хлопнула дверь.

Подхватив под руки дочь, мистер и миссис Идасси бросились в погреб.

* * *

Он не хотел, чтобы так все сложилось. Не хотел всего этого, честно.

То есть, в общем, конечно, хотел — но не так же.

Не так...

Перепуганные горожане, валом валящие с Ратушной площади...

Поваленная статуя Альберта Справедливого...

Ветер — сильный, чуть ли не ураганный, опрокидывающий столы и стулья, вырывающий из рук людей зонты и цветы, срывающий с голов дам и джентльменов нарядные шляпы и шляпки...

Крики, плач, паника...

Отчаянное мяуканье, лай, перепуганный щебет...

Нет. Ничего этого он не хотел. Даже не думал, что может такое случиться...

Понурился, сжавшись, словно боясь, что вот сейчас кто-нибудь из мчавшихся прочь с площади горожан ткнет в него пальцем и завопит: «Он, это *он* виноват!» — Крис вынырнул из толпы и забился в единственное замеченное по пути место, где можно было не опасаться быть вновь подхваченным стремительным людским потоком, — небольшую нишу между двумя домами. Здесь, в этом единственном относительно безопасном укрытии, он прислонился к стене и вжал голову в плечи, стараясь изо всех сил не смотреть на творившееся на Джасмин-стрит.

Мирный, еще какой-нибудь час назад погруженный в праздничные шум и хлопоты город казался ему сейчас чем-то нереальным, далеким, как остров Равеннор.

Пять часов...

Еще четыре часа он не сможет помешать духу вытворять, что тому только заблагорассудится. Четыре часа бездействия, невозможности воспрепятствовать, остановить, изменить... Несколько часов кошмара...

Где, где была его голова? Чем только он думал, когда загадывал второе желание? Зная, *кто* будет претворять в жизнь таковое. По меньшей мере догадываясь, что слова о том, чтобы «слегка пошалить», для него и для духа разнятся в значении оных! И ведь можно же было все отменить, отыграть назад, дух ему намекал на такую возможность — но нет, он не стал. Потому, что *разозлился*.

Лицо Криса исказила горькая ухмылка. Он повел себя, как пяти... нет — как трехлетний сопляк.

У него был такой шанс! Шанс, какой выпадает раз в жизни! Переменить судьбу — если только такое возможно. Ну или просто — порадоваться тем приятным вещам, о которых давно уж мечтал, так ведь нет же. Ему захотелось *возвыситься*. Мистер Уоррен рассказывал про гордыню. И гнев. Что могут они сотворить с человеком. Но Крис, видимо, как всегда, плохо слушал. И вот теперь те приперли его к стенке. Приперли — и смеются ему в лицо. Гадко, мерзко. Что ж — стало быть, поделом.

Вот только жители города не виноваты, что признанный Мастер Неудач Крис Харви вновь сделал что-то не так.

Бросив взгляд по сторонам и убедившись в том, что на него не обращают внимания, Крис осторожно поднял взор вверх.

Где-то там, в набежавших на небо тучах, резвился предоставленный сам себе дух. Лихо, которое он разбудил, растревожил. И — выпустил на свободу.

Громоподобный хохот заставил его заткнуть уши. Мгновение спустя мощный порыв ветра промчался по улочке, опрокидывая стулья, срывая с петель ставни, вышибая из окон стекла. Цветы, зонты, шляпы, чашки, газеты, даже чей-то ковер-самолет — все это кружилось в обезумевшем вихре, заставлявшем перепуганных горожан шарахаться в стороны и в панике цепляться за уцелевшие ручки дверей или же — прижиматься к стенам.

Лишь один человек, кроме самого Криса, казалось, сохранил хладнокровие в этом хаосе. Высокий худощавый мужчина, едва за тридцать, вышедший из кондитерской господина Идасси, нахмурившись, бросил взгляд по сторонам — а затем сделал то, от чего сердце ученика л'лара ухнуло в пятки.

Пристально посмотрел в его сторону.

На него.

Посмотрел — и прищурился, поджав губы.

Крис похолодел.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтоб понять: догадался.

* * *

Арт, прищурившись, смотрел на стоявшего напротив мальчишку.

Это казалось невероятным — и все же л'лар не сомневался: перед ним — тот, кто заварил эту кашу. Заварил — а всему городу теперь расхлебывать.

Вновь приказав палочке принять форму кольца, отмахнувшись от пролетавшего мимо букета цветов и улучив момент, когда в толпе бегущих с Ратушной площади горожан образовался просвет, он пересек улицу.

Мальчишка стоял, где стоял. Бледный, дрожащий так, будто на дворе — разгар зимы, а не две недели до лета. По-видимому, сам в шоке от сотворенного.

«Как же он сумел сделать это? На вид ему явно не больше двенадцати. Заклинания, темные заклипания, способные вызвать то, что, сдается, устроило этот хаос, — они явно слишком сложны для столь юных. Это — не говоря о том, как он вообще отыскал таковые. Единственной получившей широкое распространение книгой с одним из таких заклинаний было «Пособие по практической магии» Нокстэрна. Но ведь оно давно уже уничтожено. Все тома, до единого».

А все ли?

Взгляд Арта упал на зажатую под мышкой у мальчика книгу.

О да. Не было нужды в подсказках, чтобы понять, что за предмет перед ним. Тиснение потускнело за давностью лет, но название, хоть и четверти на три истершееся, все же было еще различимо. По крайней мере, отчасти.

— Будь добр, покажи-ка мне это.

Вздохнув, мальчик нехотя протянул ему книгу.

Отлистав, вероятно, за давностью лет погнувшийся в корешке и открывшийся сразу на третьей главе том назад, Арт открыл титульный лист. Затем — закрыл и вновь открыл томик. Взгляду его вновь предстала все та же глава номер три. Шрифт был самым обычным, таким же, как и на прочих листах, — лишь буквы едва светились заметной только наделенному даром Особого Зрения²¹ л'лару остаточной магией. Недоброй магией. Свежей. Арт нахмурился.

— «Пособие по практической магии», значит, — вновь отлистав том до титульного листа, поднял л'лар взгляд на мальчишку. — И что, позвольте спросить, вы делали? Или же — полагали, что делаете? И вообще — откуда у вас эта книга, молодой человек?

Крис с трудом подавил новый вздох.

Что он мог рассказать? Что нашел книгу — такую книгу — на улице, причем чуть ли не в луже? Прямо вот так вот ему и поверят, ну как же, держи карман шире. А если и предпочли бы поверить, так непременно спросили бы, почему это он не отнес том в участок тотчас, как нашел. Что на это сказать, Крис не знал. Да, он совершил глупость. Еще одну глупость. Сегодня весь день у него был такой — глупость на глупости.

— Вот что. Оставлю-ка я покамест эту вещь у себя. Ты не против? — очевидно, поняв, что ответа не будет, спросил вновь, к несказанному облегчению Криса, вернувшийся к обращению на «ты» незнакомец.

— Э-э-э... Хорошо, сэр. — Крис кивнул в знак согласия.

— Не «сэр», — усмехнулся мужчина. — Я тебе не наставник, так что — просто Арт. Артур Синклер. Хм... Похоже, слова «к вашим услугам» будут в данном случае вполне уместны. Бьюсь об заклад, от помощи ты бы сейчас не отказался, так ведь?

Сглотнув подступивший к горлу комок, Крис лишь молча кивнул в ответ.

— Ну, кажется, мы поладим. — Уголок губ мужчины обозначил намек на улыбку. — Может, расскажешь мне, с чего все началось? Что или, вернее, — кого ты вызвал? Сдается мне, я уже знаю — и тем не менее следует быть абсолютно уверенным. Чтоб не ошибиться с лекарством, надобен точный диагноз, не так ли?.. Итак, кто же пришел на твой зов?

Говорить не хотелось мучительно — и тем не менее мистер Синклер был прав.

²¹ Особое Зрение — дар, проявляющийся далеко не у всех л'ларов. Позволяет, в частности, видеть свечение живых существ и неодушевленных предметов, на которые в недавнем времени было оказано магическое воздействие, без специальных оптических приспособлений, как то: верлинзы, верглассы, вернокли и проч.

Лекарство. Диагноз. Может, если он все объяснит, то с кошмаром удастся покончить чуть раньше.

— Малавиус, — едва слышно произнес он. — Лихо.

Взгляд мистера Синклера стал пронзительным.

— Лихо... Ну-ну... А ты ничего не напутал? Откуда такая уверенность? Он назвал себя?

— Да. Он сказал, что его так зовут. А потом... Потом я загадал свое... второе желание, и...

Тяжелая, словно камень, рука опустилась ему на плечо, вцепившись в него стальными когтями-пальцами.

Крис обернулся.

— Кристофер Харви. Негодный мальчишка, что вы натворили? — ледяным голосом произнес наставник.

Синклер, нахмурившись, посмотрел на свалившегося на них как снег на голову незнакомца.

Беспокоиться было, казалось бы, не с чего: спокойный, уверенный в себе, одетый в строгий добротный костюм джентльмен отнюдь не производил угрожающего впечатления. И тем не менее Арт кожей ощущал, как звенит повисшее в воздухе напряжение. Возможно, связанное со страхом, сквозившим во взгляде мальчишки. А может стать — с отсутствием эмоций во взгляде мужчины. Взгляд его был холоден, словно айсберг. Или, быть может, еще холоднее. Безжизненной. Похожий взгляд Арту приходилось видеть у чертиков из табакерки. Злых чертиков. Таких очень любят покупать дети постарше, чтоб срывать в школе уроки. А вот малыши от их смеха заходятся в плаче.

Воспоминание заставило Арта нахмуриться.

Кем же приходится этот джентльмен юному... Кристоферу — так, кажется, он назвал мальчика. Родственником? Или, может, — наставником? Вероятней — второе, хотя, конечно, как знать.

— Мистер Уоррен, — сглотнув подступивший к горлу ком, прошептал паренек.

В глазах мужчины полыхнул гнев, рука дернулась, словно в попытке ударить мальчишку, однако он вовремя совладал со своими эмоциями.

— Я ведь просил обращаться ко мне не иначе как «сэр» или — «наставник», когда мы на людях, не так ли?

— Д-да, сэр, — вздрогнув так, словно и впрямь получил удар, прошептал Кристофер. — То есть... наставник.

— Вот так уже лучше, — кивнул мужчина и обратил взор на Арта. — Позвольте спросить, с кем имею честь...

— Артур Синклер, сэр.

— Синклер? — Джентльмен, прищурившись, посмотрел на него. — Я слышал об одном Артуре Синклере. Частная практика на Марч-стрит. Устранение неприятностей магического происхождения, верно?

— Да, так и есть, — кивнул Арт. — Позвольте узнать ваше имя.

— Найджел Уоррен, декан кафедры Истории Магии Уэстборнского Королевского университета.

— Благодарю, сэр. В иных обстоятельствах я бы, конечно, сказал, что рад встрече, — однако, увы...

Мистер Уоррен поджал губы, выражая молчаливое согласие с тем, что осталось невысказанным.

— А мальчик, сэр, — ваш ученик?

— Кристофер Харви. Да. Ученик. — Губы мистера Уоррена тронула тень усмешки. — И не из лучших, отнюдь. У меня была пара учеников до него — и ни один не производил впечатления столь законченного неудачника и тупицы.

Взгляд наставника вновь обратился к ученику.

— Итак, Кристофер, отвечайте же наконец: это, — махнул он рукой в сторону разбегавшихся в панике горожан, — ваших рук дело?

Арт с досадой вздохнул. А ведь каких-то минут пять назад он почти что добился ответа! Теперь же мальчишка стоял ни жив ни мертв от испуга, словно льдом, скованный взглядом наставника.

— Не молчите же, Кристофер, — повторил мистер Уоррен, однако почти сразу же передумал и резко взмахнул рукой, отменяя свое приказание. — А впрочем, здесь это едва ли уместно. Пойдемте. Думается, в моем доме достанет средств, чтобы справиться с тем, что вы там натворили.

Вновь когтистою лапой вцепившись мальчишке в плечо, он развернул того лицом к Ратушной площади.

— Мы возвращаемся домой, мистер Синклер. Полагаю, у меня хватит сил и умения самому справиться с тем, что натворил мой ученик. Так что буду вам чрезвычайно признателен, если вы не сообщите в полицию. Полагаю, что максимум через час с творящимся здесь безобразием, — Уоррен взмахом руки словно бы обозначил происходящее не только у них за спиной, но и в Уэстборне в целом, — будет покончено. Прощайте. — Кивнув скорей своим мыслям, чем Арту, он подтолкнул Криса вперед.

Арт в задумчивости смотрел вслед удалявшейся паре фигур.

Мистер Уоррен был сильным л'ларом. Одним из сильнейших во всем Златом Доле. Быть может, он и впрямь был в состоянии справиться сам, в одиночку. Только вот — отчего ж на душе так паршиво? Словно он только что предал... друга?

На миг обернувшись, мальчишка с мольбой посмотрел на него — и Арт решил.

— Пойдите, сэр, — в два шага догнав л'лара, выдохнул он. — Погодите. Быть может, вам все-таки пригодится помощник. Дело в том, сэр, что я говорил с мальчиком — и, сдается мне, даже при всех ваших навыках, коих, конечно, я не умаляю, вам не справиться в одиночку.

— Правда? — Голос мистера Уоррена был столь же холодно-равнодушным, как если бы они беседовали о погоде. — И почему же?

— Мальчик мне рассказал, что он вызвал, — вздохнул Арт, — Малавиуса. Лихо. Да, сэр, он вызвал *Лихо*. Вот почему я считаю, что вам очень не помешала бы помощь.

Лицо мистера Уоррена окаменело.

— Малавиуса?.. Лихо?.. — глухим эхом повторил он. — Мой ученик так вам сказал?

Арт кивнул.

— Что ж, это возможно. Возможно. Да и все признаки, так сказать, соответствуют, — поджав губы, пристально посмотрел он на Арта. Ученика он подчеркнуто игнорировал. — Да. Пожалуй, вы правы. Помощь и вправду не помешает. Пойдемте. До моего дома отсюда — минут двадцать ходьбы, но, если прибавить шаг, можем вполне уложиться в пятнадцать.

Просторный кабинет мистера Уоррена окутывала тишина. Ею, впрочем, был окутан весь дом. Лишь негромкое тиканье часов напоминало о том, что время в мире не остановилось, не замерло, погрузившись в безмолвие.

Арт с любопытством оглядывался по сторонам. За годы практики ему доводилось бывать в очень разных домах, так что рабочий кабинет по-настоящему сильного л'лара он мог опознать без труда.

От пола до потолка вдоль трех стен протянулись аккуратные стеллажи с книгами и манускриптами, целый ряд которых сделал бы честь любой из библиотек Королевства. Практически идеальный порядок и чистота, приятно контрастировавшая с покрытыми так называемой благородною пылью веков кабинетами л'ларов попроще. Да и прогресса, похоже, наставник Кристофера не чурался.

Взгляд Арта скользнул по столу.

Посреди того, среди многочисленных папок и стопок листов, стоял переговорный кристалл. Новинка, пока еще редкость.

Арт так заинтересовался предметом, что не заметил движения у себя за спиной.

Кто-то испуганно вскрикнул, затем — что-то холодное, плоское и тяжелое ударило Синклера по затылку — и он провалился во тьму.

— 3-зачем... Зачем вы это сделали, сэр?

Крис с ужасом смотрел на наставника.

— То есть ты так и не понял? Тупица, — при помощи заклинания усадив на стул и связав по рукам и ногам мистера Синклера, ворчливо отозвался тот. — Неужто не понимаешь, что ты натворил? Применил темное заклинание. Вызвал младшего духа Хаоса. Нанес колоссальный ущерб городу. Не говоря уж о том, что банально испортил множеству людей праздник. Ты что же, рассчитываешь, что вот после такого тебе с охотой раскроет объятия университет? И не мечтай даже. — Лицо мистера Уоррена исказила ухмылка. — Впрочем, есть еще шанс поправить дело. Если, конечно, ты хоть на этот раз выполнишь все указания, а не напортачишь, как водится.

Крис сморгнул: к чему клонит мистер Уоррен?

— Сейчас ты вызовешь духа для исполнения очередного желания. Какое оно у тебя там — второе? Третье?

— Э-э-э... третье, сэр.

— Третье, значит, — кивнул в такт своим мыслям наставник. — Ну что ж, тем лучше. Стало быть, он тем скорей явится. Ничто не заставляет духов так торопиться, как возможность скорого освобождения от выполнения приказов. Итак, ты призовешь его. И, как только он явится, — последним желанием переподчинишь его мне. Ну а уж я-то найду способ обернуть все ко всеобщей выгоде. Твоей в том числе. Хоть, по правде сказать, ты этого и не заслуживаешь, — вновь усмехнулся Уоррен. — Что до того, зачем я оглушил мистера Синклера, — то, думается, ты и сам, проявив хоть немного смекалки, мог бы сообразить. Он же знает про духа. Стало быть — представляет опасность. До тех пор пока помнит об этом, конечно. Небольшая коррекция памяти, я полагаю, вреда ему не нанесет. Считай это внеплановым уроком, Кристофер. Причем — очень ценным уроком. Никому из учеников я еще не показывал, как применять на практике заклятия такой силы. Ну так что, ты готов призвать духа?

Наставник пристально посмотрел на ученика.

Крис опустил голову.

Жгучий стыд, на мгновение приутихший, вновь завладел им, заставив пылать огнем щеки и уши.

Конечно же, мистер Уоррен был прав. Кругом прав.

И как это он не подумал? Переподчинение. Все ведь так просто. Так элементарно, когда пожеланий — три штуки. Конечно, когда дух почувствует, что он готов загадать третье желание, то примчится, как воробей к блюду с булочками. И понятное дело, наставник уж всяко скорей его сыщет на духа управу...

И — да, опять же он прав. Если Крис хочет однажды надеть мантию Университета Уэстборна, мистер Синклер должен забыть то, что он знает уже про Малавиуса. Забыть о том, кто виноват в происшедшем.

Забыть...

Да, все верно. И складно. Только вот отчего на душе беспокойно?

Крис нахмурился. Какая-то мысль не давала покоя. Что-то с чем-то никак не сходилось — но вот что и с чем, он не знал.

И тут он вспомнил. И — вздрогнул от воспоминания.

— Простите, сэр, — побледнев, поднял он взгляд на наставника. — Но скажите — откуда вы узнали, что приказов, что я могу отдать духу, более одного? Я не говорил вам об этом. Я вообще об этом не говорил.

— Правда? Хм. — Мистер Уоррен нахмурился, в глазах промелькнула досада.

Досада отнюдь не на ученика.

Сомнение в глазах Криса уступило место уверенности.

— Это *вы*, сэр, — потрясенно произнес он. — Все вы. Вы сделали так, чтоб у меня

оказалась книга. Вы знали, что я захочу ею воспользоваться. И — что я настолько... самонадеян, — не без колебаний произнес он это столь непривычное по отношению к самому себе слово, — что выберу именно нужное вам заклинание из всех, что есть в книге. Так как одного желания мне будет мало. Вы ведь так хорошо меня знаете.

Едва ли не впервые с тех пор, как он переступил порог дома наставника, Крис открыто взглянул в глаза мистеру Уоррену — и не почувствовал страха.

— Почему? Зачем, сэр? Я не понимаю. У вас ведь все есть. Чего вам не хватает?

— Наверное, звания ректора. Насколько я помню, газеты писали — оно на этой неделе вакантно.

Тихий голос, послышавшийся из угла, заставил мистера Уоррена вздрогнуть, а Криса — подскочить на месте. Как по команде, они обернулись на звук.

— Если я не прав, сэр, скажите — и я принесу вам свои извинения, — невесело усмехнувшись, произнес неведомо как освободившийся за время их разговора от пут Артур Синклер.

На пару минут все застыли. Комната погрузилась в молчание.

— Что за чушь, — придя наконец в себя, бросил мистер Уоррен. — Вы, любезнейший, не иначе как умом тронулись.

— Отнюдь, сэр, — спокойно парировал Арт. — Мальчик прав. Вы, именно вы подстроили все так, что книга оказалась у него. С помощью пока не знаю кого — но я узнаю, уж будьте уверены. Вы, именно вы спровоцировали мальчика: сделали так, чтобы он захотел ею воспользоваться. Именно вы, знающий его лучше всех, рассчитали, в каком состоянии и при каких обстоятельствах он захочет применить не какое-то иное, нет — именно определенное заклинание. Вы погнули корешок книги так, чтобы мальчик уж точно не пропустил нужной страницы. И — больше того — опасаясь, что что-либо пойдет не так, подстраховались, пропитав нужный лист особым заклятием. Заклятием, которое только усилило бы желание Кристофера сделать то, что вам и требовалось... Кстати сказать, любопытно — с какой стати вам, опытному и сильному л'лару, привлекать к этому делу мальчишку? Ученика без должного опыта применения заклинаний, не получившего еще достаточно знаний о том, чем подчас в состоянии обернуться их применение. Разве что, — взгляд Арта стал пронзительным, — сами вы применяли уже Заклинание Вызова прежде. Это ведь необычное заклинание. Редкое. Одно из тех, что не могут быть употреблены одним и тем же лицом дважды без риска серьезных, а то и фатальных последствий, — не так ли?

Арт не сводил глаз со стоявшего рядом с мальчишкой мужчины. Тот выглядел абсолютно спокойным, лишь скулы слегка побледнели, но л'лару хватило и этого.

— Да так, так. — В глазах Арта промелькнуло презрение. — Бог мой, до чего ж это мерзко. Подставить собственного ученика. Заставить мальчика, вам доверявшего, мучиться чувством вины... Да еще как мучиться! Конечно, в таких обстоятельствах он пошел бы на все, готов был бы исполнить любой ваш приказ, лишь бы только исправить содеянное. Что едва не произошло только что... О, разумеется, вы-то уж распорядились бы властью над духом разумно. И распорядились бы пожеланиями с толком. И — да, конечно же — по возвращении в город порядка вы без труда бы добились того, чего столько лет ждали... Заветного звания... звания ректора Университета Уэстборна. О, это и вправду великая честь. Власть, почет, уважение... Что значит одна потерявшая в себя веру душа по сравнению с этим?

Арт усмехнулся, холодно и горько.

— Как видите, сэр, все логично. Все очень логично. Если бы вы только не проговорились насчет трех желаний. Да, это было ошибкой. И очень серьезной. Такой, что даже Кристофер сообразил, что к чему... Впрочем, думаю, вы недооценили его. Он куда умнее, чем вы полагаете. Чем даже сам он полагает, пожалуй.

Арт ободряюще улыбнулся мальчишке. Тот, не осмелившись улыбнуться в ответ, лишь едва заметно дернул уголком губ.

— Да... быстро ж вы переманили на свою сторону моего ученика. Великолепно. Браво!

И как это ловко у вас получилось — впору позавидовать, право, — заметив этот обмен взглядами, изогнул губы в жутковатой пародии на улыбку наставник.

— Никакой ловкости тут нет, сэр, — парировал Арт. — Только правда. И логика.

— Да бросьте вы! Логика, правда... Что вы знаете, в ваши-то тридцать... — На мгновение прорвавшиеся сквозь завесу беспристрастности чувства заставили лицо наставника исказиться. Глаза у него заблестели, дыхание сделалось прерывистым, частым. — Что знаете вы о годах... Нет — о десятилетиях ожидания! Безнадежного ожидания того, что давно уж заслуживаешь по праву. — В глазах у него промелькнуло отчаяние, он судорожно вздохнул, но, впрочем, тут же взял себя в руки. Миг откровения прошел. Минутный всплеск чувств вновь сменился знакомой Крису холодной отстраненностью статуи. — Что же, Крис. Ты все слышал. И, судя по всему, сделал выводы. В любом случае решение принимать тебе. Запомни, — лицо наставника заволокли тучи, в глубине глаз сверкнули молнии, — не только твое будущее поставлено сейчас на карту.

Обратив кольцо в палочку, мистер Уоррен стремительно шагнул к Арту.

Крис отпрянул. Лицо его побледнело.

— Выбирай, Кристофер, — остановился наставник. — Выбирай — и помни о последствиях своего решения.

Крис закусил губу. Смятение в его глазах сменилось решительностью.

— Хорошо, сэр, — отрывисто кивнул он.

Дух Хаоса парил в облаках.

Свободен! Свободен! Не скован ничем, кроме разве что рамок желания мальчишки.

Шалости. Мелкие шалости. Нет, ну это же надо такое удумать. Призвать духа Хаоса — для такой ерунды! Оторвать от приятного сна его, Лихо, затем только, чтобы «немножечко пошалить»!

Дух презрительно фыркнул.

Нет, конечно же, он и из этого в силах извлечь немало способов развеять скуку.

Да вот, к примеру, как славно развлекся он нынче на именовавшейся так же, как в прежние времена, Ратушной, главной городской площади.

Все эти достопочтенные леди и джентльмены, съезжавшиеся на прием к лорду-мэру... Причем разодетые в пух и прах, тьфу! Разогнать это сборище задранных друг перед другом носов было истинным удовольствием.

Или — как миленько оживил он одну из дававшихся там же для увеселения публики постановок. Ребятки, наверное, не ожидали, что на призыв Духа Грома и Бурь откликнется кто-то еще, окромя лицедея в сандалиях и идиотской хламиде...

А уж подвернувшаяся возможность свалить статую Альберта Справедливого... Ах, ну разве Малавиус мог упустить такой шанс!

Альберт Справедливый... Ага. Справедливый он, как же. Великий основатель Уэстборна, ха! А кто этот город построил? Во всяком случае — кто в поте... ну, в поте — не в поте, лица — не лица... но тем не менее кто изо всех сил старался, три дня и три ночи мостил улицы? Причем как мостил! На века. Кто — вот скажите мне, кто — за одну ночь, заметьте, отстроил подлинное произведение искусства — Уинтербридж, украшенный одними из прекраснейших статуй во всем Королевстве? Ну, угадайте с трех раз.

И ни слова благодарности! А ведь он вкалывал не по профилю. Его стихия — разрушения, смута. А вовсе не созидание. Хотя, конечно, любой уважающий себя дух имеет определенные навыки не только в том, «как разрушить город», но и «как построить дворец» — и тем не менее. Ни тебе памятной доски с надписью «этот мост воздвиг могучий Малавиус», ни — «благодарствую, о великий и ужасный дух Хаоса, что снизошел до несвойственной тебе работы», ни хотя бы простого «спасибо». Вообще ничего! Даже на первом в истории Уэстборна Дне Основания города не дали поприсутствовать, нет. Отослали заранее. Словно хозяин — собаку. Принесла тапки, газету? Свободна. Все. Можешь идти на свой коврики и спать.

Ну вот он и заснул.

Только не позабыл.

Духи ходят по разным дорогам со смертью. И у них очень долгая память...

О да, способы разогнать скуку были.

И тем не менее.

Дунув на пролетавшую мимо пичугу, отчего та раз пять, отчаянно ругаясь на птичьем, перекувыркнулась в воздухе, прежде чем вновь отыскала подходящий воздушный поток, дух издал довольный смешок и уже было собрался вновь повернуть к павильонам, в которых наверняка было еще немало возможностей поразвлечься, как вдруг резко остановился.

На секунду-другую он замер, словно прислушиваясь чему-то, не слышному остальным. Затем все существо его наполнило ликование.

Третье желание. Мальчишка собрался загадывать третье желание! Последнее, согласно условию заклинания. После чего можно будет отдохнуть. Последний сон был весьма увлекательным. Было бы крупной удачей, если бы получилось ухватить ту же грезу за хвост, когда она будет пробегать мимо.

Развернувшись над полной испуганных людей улицей, дух устремился туда, откуда слышал призыв.

— Ты посмел обмануть меня, Кристофер. Ты не вызвал его.

В глазах мистера Уоррена полыхнул гнев, нацеленная в грудь мистеру Синклеру рука с палочкой дрогнула.

— Нет, сэр. Я вызвал, клянусь, — поспешно ответил Крис.

— Вызвал? Тогда где же он? — не сводя с мистера Синклера глаз, прохладно осведомился наставник.

— Я не знаю, сэр. Честное слово, не знаю. Но я звал его, правда, сэр. Лихо! Ну, Лихо! Малавиус!

«Где ж ты, когда по-настоящему нужен?» — обреченно подумал он.

— ЗДЕСЬ.

В комнате словно гром прогремел. Крис, даром что был знаком с духом и видел, на что тот способен, дернулся от испуга. Даже мистер Синклер с наставником побледнели: слегка, чуть заметно.

Дух издал довольный смешок.

— Здесь я, здесь, — повторил он уже тише. — Я так понял, ты хочешь высказать свое третье пожелание. Что ж, говори. Я внимательно слушаю.

В голосе духа вновь зазвучали свойственные ему саркастичные нотки.

Крис успокоился. Нет, сейчас ему ни в коем разе нельзя было паниковать — если он хотел в кои-то веки все сделать как надо.

— Да, ты прав, я призвал тебя, чтоб загадать свое третье желание. И я хочу, — он повернулся к наставнику, — хочу, чтобы ты выполнил три пожелания мистера Синклера, мысленных или изустных, — на одном дыхании выпалил Крис.

— Что?! — не веря своим ушам, выкрикнул мистер Уоррен. — Да как ты посмел, щенок.

Отвернувшись от мистера Синклера, он нацелил палочку на ученика и открыл уже рот, чтобы произнести заклинание, как вдруг некая, не видимая взору сила схватила его, подбросила к потолку и, опутав веревками, словно веретено пряжей, кулем обрушила в кресло.

Мистер Синклер обернулся к Кристоферу.

— А ты молодец, — улыбнулся он.

Мальчик слабо улыбнулся в ответ. Перед глазами у него все плыло, силы словно мощным насосом высасывало, звуки доносились, словно со дна колодца. Пустого, давно уже пересохшего.

— Эй, Кристофер, — встревоженно окликнул его мистер Синклер. — Что с тобой, мальчик?

Крис хотел было что-то ответить, но язык не желал поворачиваться. Веки словно

свинцом налились, глаза его закатились — и он провалился во тьму.

* * *

— Кристофер. Крис, очнись. — Тихий, спокойный голос, ворвавшись в дремоту, прогнал видение.

Крис открыл глаза.

Как странно. Этой комнаты он не помнил. Большая. Светлая. С окном, выходящим на широкую улицу, и письменным столом у того.

У кровати сидел человек. Крис не без труда повернул словно налитую чугуном голову, чтоб посмотреть, кто же это.

— Мистер Синклер, — сипло произнес он и попытался сесть, но л'лар мгновенно остановил этот порыв.

— Лежи, лежи. Врач пока запретил тебе покидать постель, — поправив одеяло, обеспокоенно произнес Арт. — Досталось тебе изрядно. И то сказать, темное заклинание применить — это тебе, знаешь ли, не конфет купить в лавке. Хотя в общем-то — что-то схожее есть. И там, и там за желаемое требуется заплатить. Разница только в цене. А вообще-то тебе еще повезло. Бывали случаи, когда и намного более опытные, чем ты, л'лары чудом лишь не прощались с жизнью, пытаясь применить таковые.

— Ого, — потрясенно выдохнул Крис. — Мистер Синклер, а что с моим...

Крис запнулся.

— С твоим прежним наставником? — завершил за него Арт. — Да, ты не ослышался. Именно *прежним* наставником, Крис. Можешь не опасаться — к нему возвращаться тебе не придется.

— Нет-нет, ничего фатального с ним не случилось, — заметив мелькнувший в глазах Криса ужас, хмыкнул Арт Синклер. — Он в добром здравии, но в окруженной надежной магической защитой камере Управления полиции. В отличие от того субъекта, Мэйкинса, благодаря которому ты и «нашел», так сказать, том заклинаний. Сейчас он в тюремной больнице, и состояние его препаршивое. Врач, осмотревший его, полагает, что не обошлось без применения магии. Да, — заметив, как округлились глаза Криса, кивнул л'лар, — похоже, твой прежний наставник решил дополнительно «подстраховаться», что только усугубляет его вину, которая и без того велика. И то сказать: хранение книги с темным заклинанием. Применение, причем — повторное, темного заклинания, да еще при неосознанном содействии того, кто даже не подозревал об истинной сущности данного заклинания. Причем — несовершеннолетнего. Нанесение ущерба городу... Впрочем, последнее уже исправлено — благодаря твоей смекалке. Но праздник-то, как ни крути, был испорчен — и с этим уже ничего не поделаешь. Да, Уоррена ждет заключение. И, вероятно, надолго. — Л'лар вздохнул: торжества рыцаря, вырвавшего победу из пасти дракона, в его взгляде и голосе не было. — Но, впрочем, довольно о нем. Что до тебя, Крис...

— Да, сэр, — Крис сглотнул подступивший к горлу комок. — Что будет со мной?

Мистер Синклер потер подбородок.

— Ну, я тут подумал, — немного смущенно произнес он. — Твое обучение еще не закончено. И тебе, без сомнения, нужен новый наставник. А я давно уже подумывал об ученике. Да и помощник мне, честно признаться, не помешал бы. Так что я взял на себя смелость и подал прошение о назначении меня твоим опекуном и наставником — если ты не возражаешь, конечно.

— Возражаю? — Крис ушам своим не поверил: неужто мистер Синклер и впрямь хочет... — Да я и мечтать не смел, сэр. После того, что я натворил... — Уши его запылали. — Я думал, никто уже не захочет... Я ведь неудачник. Всю жизнь был таким, — почти прошептал он.

— Неудачник? Что за чушь! Кто тебе это сказал? — удивился Арт Синклер. — А впрочем, догадываюсь, — фыркнул он. — Запомни, Крис. Нет ни вечных везунчиков, ни —

неудачников. Так не бывает. Но ежели приложить усилия, то везение будет навеваться к тебе чаще. Пусть не каждый день. Но, безусловно — нередко... Ну, стало быть, ты согласен быть моим учеником? Только учти — быть моим помощником не так уж просто. Подчас как белка в колесе крутиться придется — столько дел разом наваливается. Но зато есть и плюс — опыт приобретешь немалый. Ну так как — не передумал?

— Нет, — открыто, не опасаясь, что за улыбку его назовут дураком, улыбнулся Крис. — Не передумал. Я согласен быть вашим учеником, сэр.

— Ну вот и отлично, — улыбнулся в ответ Артур Синклер.

Первые лучи восходящего солнца, раззолотив крыши зданий, сверкнув тысячью искр в окнах и кронах деревьев, прогнали прочь остатки сумрака.

Несколько омнибусов-облаков не спеша проплывали над улицами, изредка опускаясь, чтобы забрать первых утренних пассажиров. Подрезавший один из омнибусов лихой ковер-самолет, пойманный заклинанием, опустился на землю рядом с приготовившим уже бланк штрафной квитанции дорожным полисменом.

Большой рыжий кот, с наслаждением потянувшись, пересек находившуюся в его безраздельном владении крышу и устроился, как ему показалось, в местечке поудобнее.

Ворвавшийся в открытое окно новой комнаты Кристофера ветерок перелистнул страницы лежавшей на столе книги.

«...Уолтер огляделся по сторонам. Прошло более суток с тех пор, как они с Бесс, Паком и Нэн переступили порог этого дома, а он все еще был не в силах поверить, что это не сон.

Сэр Уильям сдержал свое слово. Все обвинения с Пака были сняты, а дом на Черри-лейн снова обрел владельца...

Владельцев.

Конечно, пока еще Бесс не носила фамилию Уайлд, но теперь то был лишь вопрос времени.

Уолтер покачал головой.

Как все же причудливо иной раз тасует колоду жизнь.

Решившись почти год назад на пари, он поставил условием лишь возвращение свободы другу и дома — ему самому, но судьба распорядилась по-своему, ниспослав куда больше, чем он просил. Подарив то, о чем он даже не заговаривал, полагая подобные просьбы несбыточными.

В глазах Уолтера промелькнула улыбка.

Да, судьбе иной раз стоит и подсказать, но, быть может, подчас пожелания сердца — достаточно...»

Ветерок, утомившись читать, захлопнул книгу и, колыхнув на прощание занавески, умчался прочь — по своим делам, дальше.

Через дорогу от дома за номером 8 по Марч-стрит открылась бакалейная лавка.

Новый день начинался.

Мария Широкова ВСЯКОЙ ТВАРИ ЗЕМНОЙ

«...Ибо луньеры — нечисть лесная да горная — суть зверье, плоть людскую поглощающее. Они души не имеют и ни чести, ни закона не ведают. Так изведем же их под корень и не испытаем сострадания...»

**Григорий, епископ Реннский и Авьонский. Трактат
«Рассуждения о фундаменте града Божия»**

Рычащий тащился по вырубке, тоскливо наблюдая, как тускло-желтый лик ущербного светила то скрывается за черными стволами, то появляется вновь. И каждый раз опускается все ниже и ниже, к горам. К дому, до которого не добраться.

Рана в боку жгла нестерпимо. Кровь никак не унималась, теплой струйкой стекала по бедру. От боли, терзающей измученное тело, хотелось завывать в голос.

Лес забылся тягучим осенним сном. Рычащий поднял голову, вслушиваясь в ночь, втянул ноздрями запахи. Но уловил только, как с ветвей срываются и падают в прелую листву капли.

Ни лая псов, ни лязга железа. Неужели отстали?

Беглец позволил себе остановиться и тут же пожалел об этом. Озноб, до того еле ощутимый, сотряс все тело от головы до ног. Он слишком долго шел босым по колено в студеной воде. Но как иначе было сбить собак со следа?

Нужно двигаться дальше. Отыскать корень дебряника, он остановит кровь. Выведет заразу из раны. Нужно идти, пока не поздно.

Рычащий, кривясь от боли, сделал шаг. Потом еще и еще. Стало чуточку теплее. Вперед, Рычащий, Белая богиня пока не скрылась, и оберег дает тебе силы. Жаль, что пришлось сменить обличье, но так легче спрятаться, легче укрыться. Вперед.

Он зацепился за осклизлый сучок. Земля вздыбилась навстречу сырыми листьями, ударила жестоко. И беглец понял, что не сможет встать. Ни за что...

Как он поднялся, как и куда брел, Рычащий не помнил. Качался у лица месяц, укоризненно кривил тонкие губы, вились между голыми ветками звезды, со звоном цеплялись друг за друга, разбивались и таяли. Рычащий пытался ловить осколки, но они ускользали, как вода сквозь пальцы. А он все не мог напиться звездного света. Потом месяц оскалился и залаял, и Рычащий понял, что пришла смерть...

Он сидел, привалившись к дереву. Светлело. Вокруг стелился молочно-белый туман, и из него доносилось собачье гавканье. Тянуло дымом и кислятиной.

Утро, безразлично подумал Рычащий. Негнущимися пальцами потянулся к шее, нащупал нить. Дернул. Бечева не поддавалась. Тогда Рычащий подтянул ее ко рту и перегрыз.

Лунный камень лежал на ладони. Маленькая частица тела богини. Оберег, отводящий беды, прошедшая сквозь века память предков.

Утро и люди. Рычащий собрался с силами и швырнул оберег прочь, в затянутый белесой пеленой лес.

Лучше земле, чем венаторам. Это было последней мыслью.

* * *

Пламя вздымается высоко, жадно лижет крытые корьем кровли. Дымная гарь затягивает поляну, черные клубы заслоняют бледное солнце. Не видны лица, только смутные тени, которые мечутся и кричат. Он тоже кричит, надрывая горло, что-то злое и страшное.

Как трудно дышать... Слезы катятся по лицу, нет, это капли смолы выступили на горячей сосенке. А жар подступает все ближе. Проклятый дым. Проклятые люди. Проклятое солнце.

Огонь исчезает. Странно, как такое может получиться: только что был огонь и весна, и сразу осень, ночь и пепел. Да, пепел повсюду, влажный после дождя, мягкий и неживой. Деревья тоже мертвые, стоят черными остовами, и лунный свет скользит по обгорелым стволам. Наверное, и филин, что уселся на ветку над головой, тоже не филин вовсе, а какая-то новая напасть.

Он стоит на краю пепелища. Стоит, забыв про оленя, за которым гнался. Про то, что перевалило за полночь и пора возвращаться в горы, с добычей или без. Про то, что пожарнице — лихое место.

Он делает шаг вперед. Лапы тонут в золе. Хрустит подвернувшийся уголек. А вот и

куча головешек — все, что осталось от кузницы. А дальше еще головни, и дальше, и дальше.

Его дом был посреди поляны, под двумя рябинами. И он идет, словно очарованный лесной нежизнью, не замечая, как шевелятся кусты на другом краю пожарища, идет, пока сменивший направление ветер не швыряет в лицо тяжелую вонь псины и резкий рык.

— Парни, луньер!

— Робер, собак, собак спускай!

— Ату его, ату! Держи-и-и...

— Не стреляй, дурень, в Лохмача попадешь...

Огромная тень летит навстречу. Он отпрыгивает, уворачиваясь, волкодав пронесется мимо, но уже набегают еще двое. Острая боль пронзает тело...

И пылающий костер подымается выше деревьев, чтобы поглотить его навсегда.

2

Огненное марево обволакивало тело, сжигало кожу и внутренности. Рычащий ловил спекшимися губами потоки ветра, но и ветер был горяч, он со свистом врвался в легкие, причиняя страшную боль. Рычащий пытался выкашлять огненный смерч, но лишь хрипел, задыхаясь.

Потом неведомая сила расцепила сведенные судорогой челюсти, зубы лязгнули о твердое. В рот полилась жидкость, теплая и горькая, и чей-то голос властно велел: «Глотай». Рычащий пытался противиться, но жидкость заливала горло, он невольно сделал глоток, второй, третий...

И настали забытье, прохлада и безмолвие.

Первым, что ощутил Рычащий, был аромат смолы. Густой, душистый, сильный настолько, что он на мгновение решил, будто лежит в сосновом бору. Однако проясняющийся слух уловил непривычные для леса звуки, а к смоле примешивался резкий, самый опасный для любого зверя запах — железа.

Рычащий разлепил веки и тут же зажмурился: свет резал глаза. Он лежал на чем-то мягком, укрытый по грудь теплым одеялом. Рана была стянута тугой повязкой и напоминала о себе ноющей болью. Куда он попал?

Рычащий осторожно посмотрел сквозь полуопущенные ресницы. Ослепившее его сияние на поверку оказалось неярким светом пасмурного дня, льющим через открытые ставни в комнату. Рядом с его ложем топилась кирпичная печка, пламя внутри ровно гудело, обдавая Рычащего приятным теплом. Подальше, у окна, стоял деревянный стол с резными ножками и пара скамей. На ближней сидел, забравшись с ногами, белобрысый мальчишка лет двенадцати, насвистывал под нос и строгал ножом сосновую плашку. Весь пол вокруг был покрыт тонкими завитками стружки.

Рычащий шевельнулся. Мальчишка оторвался от своего занятия.

— Э, да ты проснулся! — Паренек бросил нож и плашку на скамью и подошел к лежанке. — Здорово, а то мы уж думали, ты никогда не оклемаешься. Такая горячка была, избави Творец! Но ничего, теперь точно на поправку пойдешь.

«Я же сменил обличье, — вспомнил Рычащий. — Мальчик думает, что я человек. Но где я? И кто такие «мы»?»

— Звать-то тебя как? — спросил мальчишка. Лицо у него было круглое, усеянное темными пятнышками — веснушками.

Рычащий напрягся, вызывая в памяти людские имена.

— Жа-а-к, — выдавил он. Голос звучал слабо, язык еле ворочался во рту.

— Жак?! — переспросил парень. Рычащий мотнул головой. — Слушай, Жак, а как ты в лес попал? Да еще и без одежды?

Где-то вне комнаты послышался странный звук, будто кто-то размеренно стучал молотком по доске. Заскрипела дверь.

— Отец Кристоф, идите сюда скорее! — звонко сказал мальчишка. — Он проснулся!

— Вот как, Реми? — откликнулся низкий голос. — Ну что ж, посмотрим.

Тупой стук о дерево раздался снова, и над Рычащим склонился человек. Взрослый, даже пожилой. Рычащий увидел худое лицо, крючковатый, как у ястреба, нос. Темные, глубоко запавшие глаза внимательно смотрели на распластанного на лежанке Рычащего, тот ощутил неясное беспокойство и отвел взгляд в сторону. И наконец сообразил, откуда доносился непонятный звук.

Незнакомец опирался на костыль. Длинные пальцы крепко сжимали отполированную перекладину, запястье несколько раз обвивала прочная нить с черными овальными бусинами то ли из дерева, то ли из кости. Что-то царапнуло память Рычащего, что-то означали и эта нить, и эти бусины, и темная, странного покроя одежда.

Незнакомец неловко присел на край постели, прислонив костыль к спинке кровати. Узкая ладонь легла на лоб Рычащего.

— Да, лихорадка прошла, — произнес человек. — Ты выздоровеешь, парень.

— Его кличут Жаком, — встрял мальчишка. — Он сам сказал.

— А вот говорить ему сейчас ни к чему, — ответил человек. — Принеси суп, Реми.

Мальчишка метнулся за печь.

— Ну, Жак, — проговорил человек. — Благодарение Творцу, ты очнулся. Пока молчи, береги силы. Когда окрепнешь достаточно, расскажешь, что за беда с тобой стряслась. И ничего не бойся. Я отец Кристоф, кюре прихода Ланже, а этот босоногий сорванец — Реми, мой воспитанник. Мы нашли тебя на опушке...

Дальнейшие слова доносились до Рычащего будто сквозь туман. Священник! Ты мог попасться венаторам, Рычащий. Мог укрыться в чащобе и добраться до дома. Мог просто сдохнуть от потери крови и холода. Но нет! Тебя угораздило оказаться раненым в доме у священника!

Наверно, смятение Рычащего не укрылось от отца Кристофа. Он еще раз повторил:

— Ты здесь в полной безопасности. Слышишь меня?

Рычащий сделал знак, что понял. Реми возник у лежанки с глиняной миской, от которой плыл неприятный аромат. Человек зачерпнул варево ложкой и поднес к губам Рычащего. Тот осторожно проглотил.

О Луна, что же это за гадость! Жидкий отвар из мяса какой-то дурно пахнущей птицы да еще с разваренной крупой! Будь Рычащий здоровым и свободным, он бы это в рот не взял!

Но раненый Жак только скривился и внезапно с удивлением понял, что желудок требует добавки, пусть даже и этой пакости.

— Еще? — спросил кюре. И Рычащий торопливо кивнул.

Он глотал проклятую похлебку и повторял про себя: в безопасности, в безопасности... В безопасности...

Когда-то, задолго до появления на свет родителей Рычащего, клан луньеров Жельвэ считался самым сильным и зажиточным в Предгорном краю. По всей округе они славились как лучшие охотники и следопыты, не боявшиеся ни дикого тура, ни медведя, ни лесной нежити, таящейся по трясинам.

В большое селение, стоявшее на высоком берегу реки Стэр, приходили не только луньеры других кланов, но наведывались и люди. Обменивали зерно и овечью шерсть на целебные травы и мягкие меха, нанимали проводников через перевалы. Конечно, ночевать в селении они не оставались, но уж днем бродили без опаски. Пожалуй, дивились только, что местные почти не возделывают землю (так, полоски ячменя вдоль берега), не заводят никакой живности — не считать же за домашнюю скотину белок! — и не молятся, как заведено, богу Света и радости Фро, а почитают Белую богиню.

Так рассказывал маленькому Рычащему отец, вождь клана Жельвэ. А щенок-луньер и верил — как же, отец говорит! — и не верил. Уж больно трудно представить, что жили те, давние, луньеры не в деревушке, затерянной в чащобе, а на просторе и свободно могли бродить, где вздумается.

— И не боялся никто? — выпрашивал Рычащий. — И не грозился?
— И не боялся, — задумчиво отвечал отец. — И не угрожал. И даже не косился.
— Ну уж, — с сомнением говорил Рычащий.

В то лето отец впервые взял его с собой в людской город. Рычащий с достоинством топал за вождем и двумя воинами по мощеной улице, с любопытством глаза на высокие — не то что луньерские землянки — дома, когда из-за плетеной ограды на него выскочили здоровущий пес. Он просто-таки захлебывался лаем, а выскочивший на крыльцо хозяин, вместо того чтобы унять животину, начал вопить про зверье, которое шляется по улицам. Отец молча подошел и увел Рычащего. А когда тот поинтересовался, что значат слова, которые им кричали в спину, отец ничего не объяснил, сказал только: они некрасивые, и не нужно такое повторять.

Отец вообще часто бывал в людских селениях, покупал пшеницу и разные разности для деревни. Другие луньеры из чащобы почти не выбирались, да и мать часто пеняла: зачем таскает сына куда не надо? Но Говорящий с Луной (так звали отца) отвечал твердо: будущий вождь должен знать и видеть многое.

Рычащий видел. Запоминал, как косо смотрят люди, как торопливо осеняют себя Святым знаком, когда луньеры рядом. Как однажды вечером к воротам купца, у которого они остановились, подвалила кучка народу с дубинками и вилами. Люди требовали, чтоб клятые Жельвэ убирались с улицы.

— Пушай проваливают! А то смотри, Венсан, красный петух летает-то низко, да всегда близко! Возьмет и сядет к тебе на двор.

И Венсан, упитанный человек с гладкой лысиной, лишь развел руками и умоляюще посмотрел на Говорящего с Луной, а жена купца стояла, притянув к себе за плечи детей, и зло шурилась на луньеров. Рычащему было очень не по себе.

— А почему так? — обиженно допрашивал он отца.

Тот неохотно бросил:

— Мал ты еще. Подрастешь, поймешь.

Рычащий тогда обиделся. Маленьким он себя не считал ни на полкогтя, ведь прошел уже посвящение, получил оберег и три луны как менял обличье.

«И с чего люди выдумали называть нас зверями? — ломал голову Рычащий. — Ежели поставить рядом луньера в дневном облике и человека, то и не отличишь, пожалуй, кто где. А что ночами умеем превращаться — так что же?

Зато как ласково горит в небе Луна, как наполняется тело жаждой воли и простора, как врываются в уши сотни звуков и щекочут нос неведомые запахи.

А люди так не могут. Может, они просто завидуют?»

Отец оказался прав. Рычащий подрос. И понял. До скрежета зубового.

Жить становилось все тяжелее. По приказу наместника всякая торговля с луньерами прекратилась, а бродячие купцы, рискнувшие нарушить запрет, требовали за зерно вдесятеро. Впору с себя шкуру содрать, невесело шутил отец. К тому же жила болотного олова, откуда не одно поколение Жельвэ брало руду, иссякла. И многие стали поговаривать, что зачем, мол, надрываться, когда можно прожить и без хлеба — сколько мяса по лесу бегают, только догони, и без шерстяной ткани — шкуры зимой теплее, и без оружия — зря разве клыки Луна дала?

А по весне пришла беда...

Рычащий понимал: ему сильно повезло. Наткнись он на большой отряд, лежал бы сейчас мертвым где-нибудь в сыром овраге. А эти трое или четверо венаторов, видать, отстали от товарищей и решили заночевать вблизи разоренной деревни именно потому, что знали: луньеры считают пожарища местами нечистыми и сунуться туда не решатся. И перепугались они не меньше, чем сам Рычащий.

Теперь его жизнь зависела от умения притворяться. Пока люди видят просто темноволосого молодого парня, опасности нет. Но если священник догадается, что Жак не человек, то за свою шкуру Рычащий не даст и сгрызенного когтя. Нет, не так: они говорят —

ломаного медяка.

Пока вроде бы получалось. Несколько дней он провалился на лежанке, еле шевелясь от слабости. Через силу глотал жидкую мерзость, называвшуюся овсяной кашей, что-то бормотал на вопросы кюре и его щенка, как мысленно прозвал белобрысого Реми, и внутренне сжимался от каждого резкого звука. Но шло время, никто не врывался, чтобы немедленно опробовать на Рычащем «кольца истины», и в душе затеплилась робкая надежда, что удастся выбраться из проклятущего убежища, сохранив при себе родную, хоть и штопаную шкуру.

А священник, надо отдать ему должное, знал толк в латании шкур, то есть в лечении ран. Луньеры всегда обходили служителей Творца и Сына Его десятой дорогой, но, пожалуй, отец Кристоф отличался от своих собратьев. Был он спокоен, лишен привычки приплетать небесный промысел к каждому слову и решителен. Властным взглядом заставлял Рычащего пить травяной отвар, от вкуса которого чуть не выворачивало наизнанку, но зато прояснялась голова и отступала слабость, бестрепетно снимал замаранные кровью повязки и ловко, не причиняя лишней боли, перебинтовывал рану. И с расспросами не лез. Пока что.

За окном продребезжала телега. Рычащий поморщился: громкие звуки отдавались в затылке болью. Он поудобнее уселся, опираясь спиной на набитую душистыми травами подушку, и наконец смог как следует рассмотреть жилище.

Невысокий потолок, беленые стены, тростник у порога — все напоминало другие людские дома. А вот такой затейливой резьбы, как здесь на спинках скамей и крепких ножках стола, он, пожалуй, раньше не встречал. Да еще запахи: не дыма, овечьей шерсти и грязи, как обычно, — нет, здесь пахло лесной малиной, мятой, смолой и жидкостью, что горела в светильнике на полке перед раскрашенной доской. Как она называется? Вот ведь напасть, и языки почти не разнятся, а люди столько придумали заковыристых словечек для разных вещей!

— Ты чего поднялся? — Щенок вошел с улицы с охапкой лучины. — Рана откроется.

— Не откроется, — ответил Рычащий. — Я же только сел.

— Все равно, — наставительно сказал Реми. — Ложись.

Рычащий подчинился. Реми свалил ношу перед печкой и забрался на скамью.

— А где отец Кристоф? — спросил Рычащий.

— Ушел на тот конец деревни, — откликнулся Реми. — Рано, ты спал еще. Там папаша Антуан прихворнул.

— А разве у вас нет знахаря?

— Да есть, — Реми почесал нос. — Бабка-травница, сто лет скоро, песок сыплется, и не помнит уж ничего. А отец Кристоф лучше любого лекаря. Вот и зовут люди. А в твоей деревне кто лечит?

Рычащий мысленно выругался. Придя в себя, он наплел, что пришел из-за реки, с северного края Старого леса. Поведал страшную историю, будто был охотником, забрел далеко от дома, а раны получил ночью в драке с разбойниками, натравившими на него собак и обобравшими до последней нитки. Любопытный щенок поверил сразу и теперь то и дело спрашивает, как живется на той стороне реки, а вот отец Кристоф решил, кажется, что на Жака напали луньеры.

— Слушай, — сказал Рычащий, чтобы перевести разговор, — а что там, на полке, стоит блестящее? Никак не пойму отсюда.

— Рядом с иконой-то? — переспросил Реми. — Книги разные, мудреные. Священная Скрижаль, жития всякие. Отец Кристоф меня учит читать, только я половины слов не понимаю. Сам-то он все наизусть знает. А ты грамотный?

Рычащий пожал плечами. Книги — занятная выдумка. Люди наносят на пергамент черные значки и говорят, что сохраняют мудрость прошлого. Может, поэтому они так сильны? И что будет, если какой-нибудь луньер сможет понять эти значки? Надо будет как-нибудь заглянуть под обтянутые кожей крышки.

— Нет. Зачем грамота охотнику?

— Точно, — засмеялся Реми. — Книгой зверя не убьешь. А еще здесь есть одна очень красивая вещь.

Реми прыгнул со своего «насеста». Снял с полки что-то увесистое и, держа обеими руками, притащил к постели Рычащего.

— Вот. Смотри.

Рычащий увидел маленькую, в пол-локтя, фигурку, отлитую из серебра. Человек в длинном плаще с капюшоном, надвинутым на глаза. В правой руке копье, вокруг древка которого обвилась змея, в левой — книга. Серебро выглядело старым, потемневшим от времени, на подставке чернели глубокие царапины. Но, несмотря на это, фигурка и вправду была красивой и даже внушительной. Казалось, человек в капюшоне сейчас подымет голову, резким движением стряхнет раскрывшую пасть змею...

— Это санктор, — шепотом проговорил Реми. — Образ святого.

— Как живой, — ответил Рычащий.

— Говорят, в главном соборе в столице они в рост человека и из чистого золота, — мечтательно сказал Реми. — Вот бы посмотреть. Только этот все равно лучше. Отец Кристоф сказал, что он очень древний, сделан еще до Церковного Раскола. Аж двести с лишним лет назад. Здорово, правда?

— Да, — искренне согласился Рычащий. — А что за святой?

— Не знаешь? — удивился Реми. — Святой Этьен, покровитель воинов, пилигримов. И охотников. Никогда ему свечки не ставил?

— Ставил, — не моргнув глазом, соврал Рычащий. — Только я не понял, что это он и есть. Почему с копьем — ясно, а вот что значат книга и змея...

— Ну, змея как бы опасности на пути, а книга... — Реми задумчиво сморщил нос. — Не, не помню. Что-то про истину. Спроси у отца Кристофа, уж он-то ответит. Видишь надпись?

По краю подставки шли узористые буквы.

— «В деянии возможно и благо, и зло, в бездействии — лишь зло» — слова святого Этьена. Отец Кристоф привез санктор из Земель Песка.

— Он был за Мор Браз?! — от удивления Рычащий оговорился, назвав море, как принято у луньеров. Слава Луне, Реми не обратил внимания.

— Ну да, а что ты удивляешься. Он участвовал в походе к Святому городу. Вроде был полковым капелланом. Сам командор Годфруа подарил ему санктор. Отец Кристоф его очень бережет.

— Ногу свою он тоже там покалечил?

Реми поежился.

— Наверное, — неохотно произнес он, — я спрашивал, но он не любит вспоминать.

Мальчик осторожно вернул санктор на полку. Поправил фитилек светильника, осенил себя знаком. Рычащий прищурился. Яркий огонек искрился на тусклой поверхности серебра. Святой опирался на копье, и змея беззвучно шипела, поднимаясь по древку.

— А что это будет?

— Не знаю пока. Не придумал.

Реми подкинул липовую чурку на ладони. По привычке сморщил нос, и веснушки проступили ярче. Рычащий еле заметно усмехнулся.

Они придвинули скамью к печи и сидели рядышком. Рычащий откинулся на резную спинку, жмурясь от яркого пламени, а Реми устроился ближе к огню, поджав под себя ноги и разложив вокруг разные железные штуковины.

По закрытым ставням стучали дождевые капли. Осень вошла в полную силу: дни стали короткими и хмурыми, сырой ветер сорвал последнюю листву и гнал низко над землей тяжелые растрепанные тучи. Рычащий, как ни старался, не мог почувствовать силу ночного светила: то ли из-за людского обличья, то ли луна уже окончательно состарилась и сошла на нет.

Он уже пару дней как начал вставать с лежанки. Раны затягивались, но слабость все

еще одолевала. Прошаркав несколько шагов, Рычащий покрывался потом, голова кружилась, и приходилось делать передышку. Будь у него лунный камень, выздоровление бы пошло быстрее, но что толку теперь горевать...

Отец Кристоф бывал дома лишь вечерами. Рычащий никогда бы не подумал, что у священника столько забот. Кюре то правил службу в старой деревянной церквушке на пригорке (луньер видел ее из окна), то разбирал всяческие споры между селянами, то навещал недужных. Так что Рычащий почти все время проводил вдвоем со щенком, что, по правде, его ничуть не расстраивало.

Вот и сейчас отец Кристоф собирал в дорожную сумку какие-то узелки с травами, томик Святой Скрижали и прочие священнические побрякушки. Прислушавшись к разговору Рычащего и щенка, он заметил:

— Вообще-то матушка Клеранс просила тебя сделать ей новую скалку.

— Угу, — ответил Реми. — Просила, и сделаю. Только она ее все равно о своего муженька обломает!

— Ну-ну, мастер, — произнес отец Кристоф. — Вы, сударь, кажется, начинаете зазнаваться. То полено не такое, то заказчик не по нраву... Я на хутор Бринньи. Вернусь, скорее всего, завтра поутру.

— А что, старик Никола совсем разболелся? — удивился «мастер». — Между прочим, его невестка могла бы и подводу прислать за вами. Отец Кристоф, вы что?! Там же дождь проливной!

Словно в подтверждение его слов, по ставням забарабанило чаще.

— Нет у Бринньи лошади, — бросил кюре, накидывая на плечи плащ. — За долги отобрали. Поддай «дубового друга».

Реми вскочил со скамьи, торопливо подал кюре костыль. Отец Кристоф вскинул на плечо сумку, надвинул на глаза капюшон.

— Сменишь Жаку повязку, приготовишь ужин. Где настои, если что, знаешь. До завтра, дети мои.

Он сделал благословляющий жест, отворил дверь и исчез в пелене дождя. Реми постоял на пороге, провожая его взглядом. Потянуло промозглой сыростью, пламя в печи заметалось.

— Беда мне с ним, — грустно сказал Реми, прикрыв дверь и вернувшись к огню. — Круглый год шатается по окрестностям. Приход большой, хорошо, если повозку присылают. А то идет пешком. С костылем! А места дикие. То разбойники, то звери.... Куда вот поперся? Дождь же. Простынет, заболит...

Мальчик тяжело, совсем по-взрослому, вздохнул, сгорбился.

— А раньше ты где жил? — тихо спросил Рычащий, чтобы как-то отвлечь щенка.

— У тетки, — хмуро ответил Реми. — Я ж сирота. Мать от оспы умерла, а отец... Он охотился, как ты. Под Новозимье пропал. Схватился в лесу с луньером и, израненный, замерз. Я совсем малой был.

Он взял в руки чурку и принялся бездумно кромсать ее ножом. Рычащий молчал.

— Тетка меня лупила почему зря. И муж ее. Напьется браги в кабаке, возьмет в руки дрын и давай меня по спине... Ну, я и сбежал.

— Куда сбежал? — Рычащий смотрел, как разлетаются из-под лезвия щепки.

— А куда, просто чтобы не нашли. Шатался вокруг деревни. Ну, отец Кристоф меня и поймал. Так и живу уже три года.

«Неужели родичи его бросили, — подумал Рычащий. — Хотя какие это родичи, если с дрыном на щенка».

— Тетка с мужем сразу заявили, но отец Кристоф что-то такое сказал, что они смотались, как ошпаренные. Теперь, когда меня видят, нос в сторону воротят. Ну и пусть!

Реми воткнул нож в сиденье скамьи. Озабоченно прислушался к шуму дождя.

— Вроде потише стало. Дорога там каменистая, плотная, как раз где мы тебя нашли. Только бы ручей берег не размыл.

В печи треснуло, рассыпаясь на угли, полено.

— А твой отец, он каким ремеслом кормится? — спросил внезапно Реми.

— Мой... — проговорил Рычащий, и ледяная игла кольнула сердце.

Отец погиб. Сорвался с обледенелого уступа и разбился насмерть, когда уводил клан из сожженной деревни в тайные укрытия на вершине отрога. Уводил от распаленной злобой людской погони после того, как спятивший от собственной святости ханжа, епископ Григорий из Ренна, вряд ли выдавший в жизни хоть одного луньера, объявил священную войну «горной нечисти». Тогда-то и явились в леса венаторы, отборная гвардия епископа.

Рычащий стал вождем. До той поры, конечно, пока кто-то не решит, что более достоин первенства, и не вызовет его на поединок. Так бы оно в конце концов и случилось, но погоня была близко, и свары из-за власти на время забылись. «Как они там? — в который раз за эти дни подумал Рычащий. — Успели ли подготовиться к зиме? Житье в пещере на горе несладкое: спасти из пламени не удалось почти ничего, да и живности там водится мало, потому и приходилось, несмотря на опасность, спускаться в предгорья. И какая нелегкая занесла его так далеко? Мать, поди, все глаза выплакала. Но искать его не будут, как и любого другого, — так решили на совете клана: нельзя рисковать многими ради одного...»

— Эй, — окликнул его Реми. — Жак, ты чего?

Наверное, он молчал долго. Рычащий закусил губу.

— Ничего, — слабо улыбнувшись, сказал он. — Мой отец тоже был охотником. И тоже... умер.

— Вот оно что. — Реми поморгал, словно соринка попала в глаз. — Видать, мы с тобой братья по несчастью.

«Да уж, — подумал Рычащий, — хороши братья». Они помолчали. Потом Реми проворчал:

— И вправду, что ли, скалку сделать? — и снова взялся за ножик.

Рычащий следил за его руками и думал. Про то, что надо уходить. Про то, что дорога в горы долгая и трудная. Про засады, капканы, самострелы, заряженные тяжелыми болтами, и длинные клыки волкодавов. И про то, что не сможет пройти и четверти мили по бездорожью и грязи. Про отца Кристофа с его «дубовым другом». Про многое.

— Жак, — Реми явно наскучила тишина, — знаешь охотничье поверье?

— Какое? — осторожно спросил Рычащий. — Их много разных.

— Ну, то, что надо взять в лес амулет на друга или на врага. И если на друга, то он поможет в трудную минуту, а если на врага, тот обойдет стороной. Ты бы какой взял?

— На врага, — ответил Рычащий. — А почему ты спросил?

— Да так, — смутился Реми, почесав подбородок рукояткой ножа. — Ну, врага так врага.

Тянулись дни. На смену дождям пришли заморозки, и неяркое предзимнее солнце уже не могло согреть стынущую землю. Ночи стояли ясные, холодные, вода в бочке на крыльце к утру покрывалась прозрачным ледком.

Рычащий по-прежнему жил в доме священника. Силы возвращались к нему, а вместе с ними росла и неясная тревога. Не то ощущение опасности, которое криком кричало в его крови первые дни пребывания у отца Кристофа. Нет, это было что-то другое.

Когда эта тревога появилась впервые? Наверное, в то серое утро, когда кюре вернулся с хутора Бринньи. Он вымок под дождем и казался усталым и чем-то озабоченным. Пока Реми сутился, разогревая завтрак, кюре, как всегда, занялся Рычащим. Осмотрев затянувшуюся рану, он одобрительно кивнул:

— Быстро заживает, Жак. Другой бы ползими провалялся.

— Я крепкий, — отозвался Рычащий. — Лес слабости не терпит.

— Это уж точно, — рассеянно отозвался кюре и начал рассказывать Реми про старика Никола и его сварливую невестку. Но, когда собрались у стола, Рычащий чувствовал на себе пристальный взгляд отца Кристофа. И от этого взгляда родилась тревога.

А в остальном все шло, как и раньше. Только Рычащий теперь почти всегда дни проводил в одиночестве. Деревенский староста отделявал новый дом и пригласил мастера из

соседнего городка. Отец Кристоф договорился, что Реми поучится у приезжего его ремеслу, и довольный щенок с утра и до вечера торчал там, забегая лишь перекусить и провести Жака.

Рычащий перелистывал книги, разглядывая непонятные буквы и картинки, и маялся от скуки в ожидании вечера.

Реми с усилием поднял над головой тяжелый колун и ударил по сосновому чурбаку. Лезвие вошло в дерево от силы на полдюйма, топор вырвался из рук щенка и грохнулся оземь, задев Реми рукояткой по ноге. Горе-дровосек взвыл.

Терпение Рычащего лопнуло. Он поднялся с крыльца, на котором устроился полюбоваться на вечернее солнышко, и, подворачивая рукава старой куртки, направился к Реми.

Тот смотрел исподлобья, потирая ушибленное место.

— Тяжелый, скотина, — прошипел щенок сквозь зубы. Он явно опасался, что Жак будет насмешничать.

— Дай я попробую.

Рычащий поднял валявшийся в пожухлой траве колун. Гладкая рукоять легла в ладони, луньер размахнулся, примериваясь. Да, для Реми тяжеловат, а справишься ли ты, Рычащий?

Ну-ка!

Рычащий вскинул топор и резко опустил. Чурбак с сухим треском раскололся, половинки упали в разные стороны. Неплохо. Все-таки как ни жаль берега, но будь лунный камень сейчас на Рычащем, тот бы поостерегся прикасаться к железному орудию. А так даже руки не жжет.

— Да ты и впрямь выздоровел, Жак.

Луньер оглянулся. Отец Кристоф стоял на крыльце, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Непонятная тревога вновь кольнула Рычащего. Но отец Кристоф добродушно усмехнулся.

— Э, — крикнул Реми, — давай уж и остальные.

— А давай. — Рычащий поймал блестящим лезвием луч предзакатного солнца.

Работал он долго. Вспотел, но переколол все дрова, вместе с Реми перетаскал поленья в сарай. Кюре возился с ужином. Рычащий воткнул топор в бревно, чувствуя, как ноют натруженные мышцы, потянулся. И замер.

Закат догорел. На темнеющем небе теплились звезды, а над черной полосой леса проступал узкий серебристый серпик. Сладко и волнующе заныло сердце.

— Жак, пойдем ужинать, — окликнул его с порога отец Кристоф. Рычащий отвел глаза от новорожденной богини и пошел в дом.

Перед вечерней трапезой отец Кристоф обычно читал молитву Творцу. Рычащий в такие минуты принимал смиренный вид и старательно шевелил губами, повторяя чужие фразы. Но сегодня... Белая богиня заглядывала в окно, и слова застревают у Рычащего в глотке. Он понимал, что предает сам себя, и был сам себе противен. И испытал огромное облегчение, когда кюре наконец произнес «Аминь».

После ужина отец Кристоф принялся разбирать какие-то записи, Реми притащил сундучок с инструментами и начал мастерить скамейку для соседки, а Рычащий, не найдя себе занятия, растянулся на лежанке. Глядя, как Реми усердно подгоняет оструганные дощечки, Рычащий лениво спросил:

— И как тебе не надоест одно и то же? Весь день с плотниками провозился и сейчас опять за молоток.

— А мне нравится, — весело ответил Реми. — Дерево теплое, душистое. Как живое. Тебе разве лес надоедает?

Как может наскучить лес? Рычащий улыбнулся и начал рассказывать.

О том, как красивы горы на закате, когда усталое солнце заливает ледники багрянцем, а свежий горный ветер обжигает щеки, и о безмолвии чащоб, где поднимаются вековые исполины-дубы.

О том, как шелестят тростники и плещется рыба в бездонных озерах, где вода прозрачна, как лед, и также студена.

О том, как замирает сердце, когда бесшумно пробираешься сквозь чащу, а ноги тонут в мягком серо-голубом лишайнике и ты знаешь, что впереди добыча, чуткая и осторожная.

Он никогда не говорил так долго.

— Да-а, — насмешливо протянул Реми, когда Рычащий умолк. — Здорово. Прямо как в сердце леса побывал. Ты, часом, сам не луньер?

Рычащий вздрогнул. Он не ожидал от себя подобной откровенности. Что же он натворил?!

— Не говори ерунду, Реми, — сердито оборвал мальчика отец Кристоф. — Каждый в этой жизни к чему-то прикипает душой. Тебя вон за уши от чурбаков не оттащишь, сам только что признался. Что дурного, если Жак любит свое ремесло?

— Да разве же я против, — ответил Реми. — Пусть любитесь своими лесами и горами сколько влезет. Только красота красотой, а чащобы эти — поганые. Сколько человек в трясине потопло, а? А сколько волки да медведи подрали? А луньеры эти бешеные? Сам же мог дуба дать в лесу своем разлюбезном. Ну его к бесам вместе со всем зверьем!

Последние слова щенок произнес с неожиданно прорвавшейся злостью. Шмыгнул носом и яростно заколотил молотком по гвоздю.

Рычащий очень хотел промолчать. Но сияние юной богини проникало сквозь неплотно притворенные ставни... И он решился.

— А что луньеры? — произнес он. — Они-то в чем виноваты?

— Ага, ни в чем, — с издевкой откликнулся Реми. — И путникам по ночам не они глотки рвут. И хутора не они вырезают. Подчистую, до младенца в колыбели. И по деревьям не шастают, неузнанные, чтобы потом стаю навести. Не, они ни в чем не виноваты. Правда, отец Кристоф?

А ведь он про клан Каэдо говорит, с болью в сердце подумал Рычащий. Это там, выше по реке, в прошлую зиму несколько луньеров, одурев от голода, подстерегли обоз и загрызли крестьянина. Нарушили древний запрет, что отделяет луньера от зверя. А потом отправились на ближнюю ферму...

Рычащий повернулся к священнику. Тот сидел, в раздумье созерцая санктор, словно спрашивал совета. Кюре хотел что-то ответить, но Рычащий опередил:

— Луньеры жили в Предгорье веками. Когда поселенцы расчищали поля и строили деревни, они ушли в глубину леса, ближе к горам. И они никогда не нападали первыми!

— Как же, — фыркнул Реми.

— Да, не нападали, пока люди не начали разорять деревни. Тогда и только тогда они стали драться. Знаешь, что бывает, когда луньер пробует людскую кровь?! Это словно отравы! Он становится одержимым, он жаждет убивать и разрушать. Он даже облик уже не сможет изменить! Люди сами виноваты! Зачем они травят и убивают, зачем объявили войну?! А луньеры лишь мстят, как могут!

— Чего ты мелешь? — выкрикнул Реми. — Скажите ему, отец Кристоф!

— Прекратите оба, — тихо проговорил кюре. — Вы ничего не решите криком и обвинениями. Реми, откладывай свою работу, ты еще не ответил урока. С тебя две страницы, если помнишь.

— Отец Кристоф, я завтра, — жалобно сказал Реми, мигом забыв про спор. — Поздно уже.

— В самый раз, — строгим голосом ответил священник. — Нет, не Скрижаль. «О поиске истины» святого Этьена.

Рычащий завернулся в одеяло, закинул руки за голову. Реми понуро уселся за стол напротив отца Кристофа Скрипнул кожаный переплет.

— Глава десятая. И постарайся целыми словами.

— Я не умею целыми. Они слишком длинные.

— Радуйся, что читаешь на родном языке. Говорят, на юге Святейший издал буллу —

вести службу и переписывать святыя книги только на латыни.

— Вот еще. И так язык ломаю.

— Язык без костей, не сломаешь. Я внимательно слушаю.

Реми вздохнул, смиряясь с судьбой.

— И топчу-щему до-роги в поисках смысла гово-рю я: брат, помни: не для из-бранно-го создал Творец землю сию, а для всего, что на ней рож-дается. И всякой твари...

«И всякой твари земной есть место под сиянием солнечным для жизни и процветания, а кто забывает об этом, в грех великий впадает.

И даны нам копьё и слово, меч и милосердие. И есть время свое для каждого дара. Ибо если зря ударишь копьём, то посеешь лишь ненависть и ее же соберешь урожаем. Но коли в час крови труслив и неловок будет удар, то робость гибелью обернется.

Но как узнать, когда час для меча, а когда для милосердия?»

— Ну вот, а говорил: не умею.

— Я старался. Отец Кристоф, а можно я завтра с мальчишками на рыбалку пойду?

— А, вот в чем дело. Ладно, только скажи: где ты видел в нашей луже рыбу?

— Мы не на пруд, а на реку. И Жака возьмем, пусть прогуляется. Жак, поймешь рыбу удить?

Рычащий прикрыл глаза. Голоса доносились еле слышно, он засыпал. Но и сквозь дремоту в голове отдавалось:

«Но как узнать, когда час для меча, а когда для милосердия?»

3

Венаторы заявили через несколько дней, ранним утром.

Весть принес Реми. Он пошел к соседям за молоком и, возвратись, еще с порога закричал:

— А в деревне сержант Шарден с отрядом! Собаки у него злющие-презлющие! Говорят, большая облава, луньеры совсем близко!

Рычащий пил липовый настой. Услышав про сержанта и собак, он вздрогнул и пролил полкружки на стол. Отец Кристоф недовольно покачал головой:

— Ну венаторы, а что ж так вопить-то? Садись завтракать.

Реми поставил крынку с молоком и плюхнулся на скамью рядом с юношей. Подтянул к себе миску с тушеными бобами.

Еда утратила для Рычащего всякий вкус. Мысли метались в голове, натываясь друг на друга, пока он вытирал столешницу. Уйти? Уйти сейчас же!

Реми все еще не давала покоя новость. Он ерзал на лавке, потом выглянул в окно и толкнул Рычащего локтем.

— Ого! Смотри, Жак, они уже заставы выставили!

Лучше бы Рычащий этого не видел. Прямо посреди поля торчало одинокое копьё с бело-красным флажком, а рядом переминались с ноги на ногу три бугая. Под копьём лежали здоровущие бурые псы, и от одного взгляда бок Рычащего заныл.

Да, он слышал: венаторы так всегда проверяют деревни. Нагрянут неожиданно, окружают заставами, чтобы никто не вышел, и идут с оружием, собаками и «кольцами» от дома к дому. Если он сейчас попробует убежать, его поймут и наденут обручи. Если останется, то опять-таки наденут обручи. Даже думать тошно. Спрятаться? Так найдут же! А отец Кристоф, а то и Реми в любом случае будут пособниками. Ой, дурак, почему он не ушел раньше?!

Он закусил губу и вдруг натолкнулся на взгляд отца Кристофа. Очень спокойный взгляд. Слишком спокойный.

— Нечего там рассматривать, — произнес кюре. — Ешьте.

Но закончить завтрак им не дали. Послышался громкий лай, голоса, на крыльце загрохотали сапоги, и хриплый бас рявкнул:

— Во славу Творца и именем короля нашего Карла Третьего, да продлятся дни его!

— Да сбудется! — ответил отец Кристоф. — Входите.

— Благодарю, святой отец. — Дверь отворилась, и через порог шагнул высокий детина, облаченный в кожу и железо. Сюрко с бело-красным гербом епископа шелестело при каждом движении, пояс оттягивал тяжелый на вид меч, а по бедру постукивала сумка с таким же двуцветным знаком. Детина поклонился кюре.

— Доброе утро, отец Кристоф! По велению епископа Григория Рейнского, да вы и сами знаете...

— Здравствуйте, сержант, — приветливо сказал отец Кристоф. — Знаю и потому удивлен. Вы ведь уже у меня бывали.

— Бывал, — подтвердил сержант, расправляя сивые усы. — И бумага имеется. Эй, Жеан!

Рычащий сидел ни жив ни мертв. Реми шепотом спросил:

— Жак, а тебя проверяли?

— Нет, — одними губами ответил он.

— Не бойся, это не страшно, — утешил Реми. — Надевают обручи на голову и на правую руку, и все. Щекотно чуть-чуть.

Щекотно... Луньер один раз видел, как действуют «кольца истины» на не-людей, и месяц мучался кошмарами. Лучше сразу сдохнуть, чем испытывать такие муки.

В дверь просунул голову лохматый парень с нагловатыми глазами.

— Че стряслось, Гийом?

— Список дай, — приказал сержант. Парень вытянул из-за пазухи лист пергамента. Сержант повел пальцем по строчкам. — Та-а-ак. Отец Кристоф, кюре прихода Ланже, — освобожден от дознания согласно эдикту, как слуга Творца. А парнишка ваш, — сержант взглянул на жующего бобы Реми, — как его звать-то?

— Реми, — подсказал священник.

— Ага, — согласился венатор, — Реми, сын Тибо и Анны ле Блан, проверен первого мая сего года. Чист полностью. Все так, отец Кристоф, только староста нам сказал, что тут у вас еще человечек объявился. Я так понимаю, вот он. — Сержант ткнул пальцем в сторону Жака. — Мы сразу сюда. Кто ты, парень, и откуда взялся?

— Это Жак, — звонко ответил Реми, — он охотник из-за реки.

Сержант уткнулся в список.

— Нет там никакого Жака-из-за-реки, — с зевком бросил Жеан. — И рожу я его не помню. Тащить кольца, Гийом?

— А то, — кивнул тот.

— Реми, — повернулся к мальчику кюре, — отнеси матушке Клеранс настойку от кашля.

— Я потом, — заныл Реми.

— Сейчас, — с нажимом произнес священник. Реми вытер руки о штаны, с ворчанием отыскал на полке кувшинчик, обвязанный тряпицей, и вымелся из дому, едва не столкнувшись на крыльце с Жеаном. Венатор протянул сержанту два обруча (большой и поменьше) из серого металла со вставками — округлыми ярко-желтыми камнями.

Вот они, «кольца истины», страшная выдумка епископа, безошибочно отделяющая человека от любого иного существа. Мучительное орудие пытки.

Рычащий загнанно огляделся. На краю скамьи валялась любимая стамеска Реми, он незаметно сжал ее в кулаке. Наверное, он сможет достать сержанта, прежде чем ворвутся остальные.

— Сержант Шарден, — произнес отец Кристоф. — Если позволите, пару слов с глазу на глаз.

Сержант поднял бровь.

— Жеан... — Венатор фыркнул и вышел, прикрыв дверь. — Что вы имеете мне сказать, святой отец?

— Видите ли, сержант, — кюре провел ладонью по подбородку. — Я знаю, правила у вашей службы строгие, и просьба моя вызовет удивление, но все же... Сержант, я прошу вас не применять к юноше «кольца истины»!

Сержант присвистнул.

— Во как, — проговорил он. — При всем уважении, господин кюре, ну вы и загнули! Согласно эдикту мы обязаны подвергать испытанию всех жителей здешнего края, мужчин, женщин, детей... без разницы... Луньеры могут быть где угодно... Вон давеча в лесу песики волновались.

— Да-да, сержант, я читал эдикт, но поверьте, здесь особый случай.

— И чем же он особый? — сержант окинул взглядом растерянного Рычащего.

— Видите ли, — отец Кристоф понизил голос, — этот юноша болен падучей.

— Ого, — удивился сержант. — А по виду не скажешь.

— И тем не менее, — горестно развел руками кюре. — Я думаю, вы лучше меня знаете, как переносят подобные люди эту... процедуру.

— Да уж, видывал, — усмехнулся сержант. — Приятного мало. Вроде и не орут и не дергаются, как луньеры, а снимешь «кольца», а он совсем того... тронулся. Ежели не помер. Только вы уж простите, отец Кристоф, должность у меня такая.

— Сержант, — тихо проговорил священник, — я прошу о снисхождении.

Венатор сжал губы.

— Снисхождение, — сказал он наконец, постукивая обручами по ладони, — штука дорогая.

— Без сомнения, — подтвердил кюре.

Сержант посмотрел мимо него. И мимо Рычащего. На единственную ценную вещь в комнате.

Кюре проследил его взгляд. Шагнул к полке над печью, тяжело заскрипев костылем, взял в руки санктор. Смахнул невидимую пылинку. Рычащий перестал дышать.

— Прошу вас, сержант, примите этот скромный дар. Ваши поиски требуют поддержки...

Сержант взвесил санктор на ладони и с довольной миной упрятал в сумку.

— Весьма тронут, отец мой. Юноша, пожалуй, заслуживает побряжки. Прошу простить, я должен вернуться к своим людям. Служба.

— Ну, че там? — вяло поинтересовался Жеан, подпиравший столб у крыльца. Отряд — пятнадцать воинов и десятка два псов ждал неподалеку.

— Да так, — отмахнулся сержант, поправляя ремень сумки. — Слушай, Жеан, — он заговорил шепотом, так чтобы слышал только помощник, — ну и скользкие людишки эти священники. Жизни учат, слова всякие говорят. Не убий, не укради... Взятки не бери. А сами, только дай волю...

— Кругом жулье, — согласился Жеан.

— Бес с ними! — заключил сержант и добавил уже в полный голос: — Пошли, ребята! Обедать будем в Антрагэ. Да, Жеан, запиши: Жак — охотник — чист полностью. Живее, парни!

Рычащий сидел у окна и смотрел, как сгущаются сумерки. Голова гудела от множества мыслей, на сердце было тоскливо и беспокойно. Все его притворство рассыпалось пылью, и пусть сейчас все обошлось, но самое страшное еще впереди. Неизбежное объяснение с отцом Кристофом. И с Реми.

К счастью, щенок пока не заметил пропажи санктора. Вернувшись, он просунул голову в дверь, убедился, что все в порядке, и убежал к своему плотнику. Домой заявился усталый и голодный, сжевал хлебную горбушку и завалился спать. К отцу Кристофу же то и дело забегали сельчане по разным делам. Вот и сейчас заросший бородой мужик рассказывал кюре какую-то долгую историю.

Что же делать? Сказать все как есть? Рычащий вспомнил звонкий от злости голос Реми. Луньеры для парнишки — проклятые выродки из чащобы. Рычащий не хотел встретить

испуганный и брезгливый взгляд щенка. И не собирался больше оправдываться за свой народ.

Рычащий прикрыл ставни. Он. уйдет ночью. Без объяснений. Без разговоров. Пусть лучше думают, что он неблагодарная тварь. Пусть что хотят, то и думают.

Дрова в печи потрескивали, догорая. Рычащий прислушался. Ровно дышал кюре, за перегородкой посапывал Реми. Пора. Он принялся бесшумно одеваться.

— Уходишь...

Луньер, вздрогнув, обернулся. Отец Кристоф приподнялся на локте и спокойно рассматривал беглеца.

Рычащий передернул плечами.

— Да, пора.

Странно, голова не кружилась, но пальцы отчего-то подрагивали, и он никак не мог застегнуть крючок на рубашке.

Отец Кристоф сел на постели, потянулся за костылем. Морщась, оперся на «дубового друга» и с резким вздохом поднялся на ноги. Костыль скорбно скрипнул, но в который раз выдержал.

— Безобразие! Где башмаки? Были же здесь. А, вот они.... Ну что ж, раз пора, то доброго тебе пути.

Готовый застегнуться крючок рванулся в сторону, оцарапав палец. Рычащий не заметил.

— Зачем вы это сделали? — проговорил он едва слышно. — Зачем?

— Что зачем? — удивился священник. — Пожелал тебе доброй дороги? Ну, во-первых, таков обычай, а во-вторых, я и вправду желаю тебе...

— Зачем вы спасли меня?

— Ну, это просто, Жак. Помогать нуждающимся в утешении, телесном ли, духовном ли, — долг священника. По-другому нельзя.

Да, он подобрал раненого в лесу, беспамятного и истекающего кровью. Он думал, что помогает собрату по стае, такому же человеку, как сам. Но потом, потом...

— Вы солгали сержанту. Про меня. Про падучую. Отдали ему этот ваш, как его... санктор. Почему?!

Последнее слово Рычащий почти выкрикнул. Отец Кристоф шагнул к печи. Всмотрелся в угли.

— Тише, разбудишь мальчика. Не знаю почему. Жалко тебя стало. И с Реми ты подружился. А санктор... жизнь дороже серебра. Разве не так?

Они помолчали.

— У тебя кровь на ладони, — проговорил отец Кристоф. — Дай я смажу настойкой.

Рычащий, словно очнувшись, поднес пальцы к глазам. Кровь алыми каплями сочилась из пореза.

— Не надо, — сквозь зубы произнес Рычащий. — Заживет... как на звере. Я пойду.

— Как знаешь, — отозвался священник. — Хотя... Подожди.

Он зашарил свободной рукой по карманам. Извлек какую-то вещицу, бережно положил на стол.

— Вот. Ты вроде бы потерял.

Рычащий протянул руку, уже зная, что это. Осторожно, стараясь не замарать кровью, связал разорванную бечеву. Надел на шею. Закрыв глаза.

Оберег жил. Забытое тепло заструилось по груди, сердце забило сильнее, и он даже сквозь соломенную крышу почувствовал, как крадется за облаками луна, как молочно-белый свет прорывается, стремясь приласкать уставшую от солнечной яркости землю. Ночь растущей луны. Его время.

— Вы тогда его нашли? Когда пошли в Бринньи?

Отец Кристоф кивнул. Рычащий снова коснулся оберега.

— Я же мог убить и вас, и мальчика, — прошептал он. — Перегрызть спящим глотки.

Кюре повернулся. И посмотрел в глаза Рычащему. Долгим взглядом.

— Разве? — задумчиво произнес он.

Он еще сомневается... смеет сомневаться в ненависти луньера к человеку... Да, мог бы.... Ну, пусть не перегрызть, просто убить... Или не мог?

Рычащий потупился. Спросил, замаявшись:

— И все же...

Священник усмехнулся уголками губ. Простучав костылем, добрался до сундука у своей постели. Звякнула замком откинута крышка.

— Иди сюда, Жак. Или как тебя зовут на самом деле.

— Я — Рычащий, — проговорил Рычащий, нагибаясь над сундуком.

Там, на дне, лежала свернутая лазурная ткань с черной вышивкой — раскинувшей крылья хищной птицы.

Рычащий сглотнул. Когда-то давно, еще щенком, он вместе с отцом бродил по людской ярмарке в каком-то городишке. Вождь клана наклонился к сыну, указывая на воина в плаще цвета неба. Он из Ордена, сказал тогда отец. Старого братства, созданного для войны со всем, что угрожает роду людскому. Говорят, они даже переплыли море и в знойном краю песка дрались с не верящими в Сына Божьего. Опасайся встречи с ними, малыш. Обегай стороной лазурный плащ с черным ястребом.

Отец Кристоф покачал головой, наблюдая за ошеломленным луньером.

— Меча нет. Пожертвовал аббатству, когда принимал сан. А ножи остались. — Он вытащил из сундука боевой нож, подкинул на ладони. — У меня бессонница, Жак.

Рука сделала почти незаметное движение. Над ухом Рычащего коротко свистнуло. Луньер обернулся. Нож торчал в дверной притолоке на высоте его глаз. Лезвие до половины вошло в косяк, рукоять еще подрагивала.

— У меня бессонница, — повторил кюре.

4

Сон был странный, в него проникали голоса, тревожили, мешали. А потом Реми проснулся, будто кто-то толкнул его в бок. Выполз из-под теплого одеяла, прошлепал босыми ногами из своего закутка в общую комнату.

Отец Кристоф не спал, сидел, ссутулившись, перед печкой. Угли слабо мерцали, но Реми тотчас заметил: лежанка найденыша пуста.

— А где Жак? — спросил он. Священник поворошил кочергой золу.

— Ушел, — отозвался он. — Просил за него попрощаться с тобой.

— Как ушел? — переспросил Реми. — Совсем?

— Совсем, — буркнул отец Кристоф. — Иди спать.

— Как же так, — прошептал Реми. — Я же...

Мальчик сердито свел брови. И метнулся в свой угол.

— Отец Кристоф, — донеслось оттуда. — А он давно

— С полчаса, — ответил священник.

Реми снова появился. Он успел надеть штаны и башмаки и теперь натягивал через голову вязаную фуфайку.

— Куда это ты собрался?

Реми справился с одежкой, не утруждая себя шнуровкой ворота. Сунул под мышку сверток мешковины.

— Он пойдет по дороге к парому, — выдохнул мальчик. — Я обещал ему кое-что. Догоню, отдам подарок и вернусь. Я быстро.

— Ты с ума сошел, ночь на дворе, — рявкнул отец Кристоф, поднимаясь. — И думать не смей!

Но Реми уже распахнул дверь. Оглянулся на пороге, блеснув глазами. И бросился по тропинке через огород.

— Реми! Реми, стой! — крикнул священник. — Вернись! Вернись сейчас же!

Мальчик добежал до плетня. Перемахнул на ту сторону и скрылся в ночи.

— Отец Кристоф... не волнуйтесь... я... скоро...

Священник, не сдержавшись, выругался. Сорвал с крючка плащ, перехватил поудобнее костыль. Выдернул из косяка нож и шагнул прочь из дома.

Поначалу темнота не пугала.

Дорога к переправе тянулась сразу за деревенскими садами. Реми с резвостью зайца пробежал меж низкими яблоньками, заботливо укутанными у земли в солому, споткнулся о корень старой груши, чуть не выронив ношу, перелез еще через пару плетней. Он торопился, нисколько не опасаясь окружающей ночи: по деревне брехали собаки, а за деревьями приветливо светились окна домов. Жак вряд ли ушел далеко. Он нагонит его, надо только бежать чуть быстрее!

Реми едва ли не взлетел на изгородь, отделявшую сады от дороги. Спрыгнул вниз. Под ногами захрустели жухлые стебли репы и моркови: селяне выбрасывали за забор гнилую ботву. Вот и дорога! Реми перескочил канаву и оказался на неширокой полосе утопанной земли.

Дорога, насколько видел глаз, была пуста. По обеим сторонам ее расстилались вспаханные поля, освещенные бледным сиянием луны, а еще дальше поднимался полосой тьмы лес.

И ни единой души вокруг, только свист ветра и неверное мерцание звезд.

Реми впервые почувствовал тревогу. Он остановился, набирая в грудь холодного воздуха.

— Жак! — крикнул он. — Эй, Жак!

Мир молчал. Ветер дунул сильнее, по разгоряченному погоней телу побежали мурашки.

— Жа-а-а-ак!

— ...ак!..ак! — отозвалось эхо. Реми на мгновение показалось, что вдалеке, почему-то не на дороге, а на пашне, у самого леса, появилась и исчезла высокая темная фигура.

— Жак! — обрадовался Реми. И осекся. Лес — это много дальше, чем он надеялся зайти. Отец Кристоф будет переживать, если он не вернется быстро.

Силуэт на границе поля и леса показался снова. Жак ждал его, и Реми отбросил сомнения. Он мигом, туда и обратно.

Огоньки деревни удалялись. Мальчик несся по скованной заморозками дороге, и шуплая тень его скользила следом.

Отец Кристоф прислонился к грушевому дереву, переводя дыхание. Казалось, сердце колотится не в груди, а где-то в горле. В голове гудело. Старый калека, выругал он себя, тебе ли гнаться за быстроногим парнишкой. Как еще не повредил и здоровую ногу, когда, не увидев в тени изогнутый корень, зацепился костылем и растянулся посреди сада.

Груша над головой качала голыми ветвями, точно жаловалась на что-то ветру. Реми, наверное, уже выбрался на дорогу. Куда он пойдет, когда не найдет Жака? Может, вернется? Творец, пусть он повернет к дому.

А если нет? Кого он встретит?

Отец Кристоф нагнулся и проверил, не потерялся ли упрятанный за голенище нож. Тот был на месте.

Волосы на лбу взмокли от пота. Мальчик пнул ногой комок мерзлой земли и выбрался с пашни на опушку.

Реми никогда раньше не бывал один ночью в лесу. Он остановился, всматриваясь в черные колонны сосен, уходившие ввысь, к бездонному небу. У подножия деревьев лежала мгла, кое-где прорезанная, словно мечом, лучами лунного света.

— Эй, Жак, — позвал Реми.

Ответа не было. Здесь вообще царила тишина, лишь сосны покачивали кронами, точно убаюкивали смилившуюся с наступлением стужи природу.

Реми сделал несколько шагов под своды леса. Трава и опавшая листва покрылись инеем, и мальчик ступал по ним, как по искрящемуся серебром ковру. Но дальше стволы стояли плотной стеной, и мрак между ними был совсем непроглядным. Реми стало очень неуютно и, честно говоря, страшно.

Нужно возвращаться. Если Жак и был здесь, то ушел, не дождавшись его. А может, он где-то близко. Надо окликнуть еще раз. Реми открыл было рот, но не издал ни звука. В этой серебристо-черной тишине он *боялся* кричать.

Треснула ветка. Реми, вздрогнув всем телом, обернулся в ту сторону. И время замерло, потому что он увидел.

Они вышли на поляну из чащи, свободно, не таясь. Трое, почти такие, как он и представлял: мощные звери, куда крупнее обычного лесного волка. В один миг Реми разглядел широкие загривки, покрытые короткой блестящей шерстью, мускулистые лапы, способные убить одним ударом, острые настороженные уши. И еще глаза. Узкие щели, вспыхнувшие багровым светом. Глаза, заметившие *его, Реми*.

Мальчик застыл, словно ноги вросли в землю. Те трое тоже замерли. Несколько мгновений длилось застывшее молчание. Потом тот, что был ближе всего к Реми, шумно принялся, ощерил пасть и гортанно зарычал.

Этот рык послужил сигналом. Реми стряхнул оцепенение. С коротким писком он бросился прочь, не разбирая дороги. Сзади под тяжелой поступью дрожала земля и с треском лопались сучья. Луньеры начали погоню.

Реми продрался сквозь сосновый подлесок. Колочая ветка хлестнула по лицу, до крови разодрав кожу. Иглы впились в щеку. Шум позади нарастал. Только бы выбраться из леса — полоснула изломанной молнией мысль. Только выбраться!

Хриплый вой прорезал ночь. Реми уже не понимал и не чувствовал ничего, кроме всепоглощающего ужаса перед гонящими его порождениями мглы. Бежать, бежать, бежать. Без оглядки.

Меж молодыми сосенками мелькнуло поле. Реми из последних сил рванулся вперед, но тут наперерез вылетели еще несколько тварей. Мальчик дернулся в сторону, но было поздно. Спину обожгло жаркое дыхание, сильный удар обрушился на плечо, и Реми кубарем покатился по седой от инея траве.

Сознание померкло.

Когда донесся многоголосый вой, в душе отца Кристофа будто что-то оборвалось. Он, столько раз слышавший и более страшные звуки, вдруг ощутил, как леденеет в груди сердце. Он богохульствовал. Он проклинал.

Он проклинал все и вся, но беспощаднее всего себя: свои заблуждения, свою гордыню, свою безумную веру в добро и благородство. Всю свою жизнь, что привела к гибели Реми.

И он знал, что жить с этой ношей не сможет. Не посмеет. Но сначала...

Костыль стучал и стучал по дороге, свободная рука крепко сжимала нож. А лес приближался так медленно.

— Что вы здесь делаете? — Рычащий старался говорить твердо, но голос дрогнул, выдавая его растерянность.

— Мы-то, — недобро ухмыльнулся Сломанный Клык, — мы охотимся... вожак.

Луньеры собрались вокруг. Половина клана, в основном приятели Клыка, но были и другие, раньше с ним дружбу не водившие.

— Охотитесь? — как можно небрежнее спросил Рычащий. — А разве Совет не запретил приближаться к людским селениям?

Кто-то фыркнул, будто Рычащий сказал что-то веселое. Сломанный Клык поморщился.

— Совет нам не указ, — угрюмо произнес он. — Мы луньеры вольные. Так ведь?

Раздалось одобрительное ворчание.

— Вы что задумали?!

— А то и задумали, — с вызовом ответил Клык. — Сколько можно меж двумя елками кружить? От Богиней данного отречься? Они говорят, — он мотнул мордой в сторону

невидимого за деревьями селения, — мы волки. Так и есть. И мы им покажем, какие мы волки!

Рычащего прошиб холодный пот.

— Нельзя, — пробормотал он. — Есть закон... Разум потеряете...

— У зверя свой разум, — хмыкнул Клык. — И закон тоже свой. Вот что, Рычащий. Мы по округе третью ночь бродим. То венаторы путь перейдут, то еще что. А здесь чисто, ночь сегодня ясная. Самое оно. Будет веселье. Давай с нами... ты же вожак! Пока что.

Рычащий переводил взгляд с морды на морду, и в каждом глазе, в готовых к оскалу ртах, в рыкающем перешептывании ощущал одно: прикажи! Скажи только слово, вожак, и мы серыми тенями потечем по полям, ворвемся в это смрадное место, которое они избрали для своего жалкого житья, и вонзим клыки в ничтожную плоть. Скажи только одно слово, и утром вороны слетятся клевать падаль. Ну же, прикажи. А не то мы сами...

Рычащий медлил. Любые уговоры бессмысленны. Они уже не клан — стая. Они не услышат. Ночь, луна, жажда сильнее разума, сильнее и беспощаднее.

Стылый ветер ерошил шерсть на загривке.

— Где остальные?

— На вершине, — сплюнул Клык. — Слабаки... Так что скажешь?

С опушки провыли дозорные. Человек — различил Рычащий. Человек! Мы гоним человека!

— Богиня послала добычу! — выкрикнул Клык. — Добрый знак, родичи!

Луньеры, мгновенно развернувшись, устремились на зов.

Сломанный Клык фыркнул: «Вот и ответ!» — и метнулся в заросли. Рычащий бросился следом. В облике волка каждое движение давалось легко, словно и не было раны, боли, словно ничего не было.

Гон длился до смешного мало, видно, добыча оказалась слишком слаба. Зов торжествующе взметнулся к зеленым кронам и смолк. Рычащий одним прыжком преодолел поваленное бурями дерево.

Узкая прогалина, пронзительное лунное сияние, стая, плотным кольцом обступившая жертву.

И запахи — смолы, железа, молока... Реми!

Рычащий рванулся сквозь толпу, толкаясь и отдавливая лапы. Луньеры переглядывались, но расступались, давая дорогу.

Реми лежал на земле, раскинув руки. Мучнисто-белое лицо исказилось гримасой ужаса, по щеке темной струйкой стекала кровь. Рычащий склонился над мальчиком. Сердце билось, грудь едва заметно поднималась и опускалась. Слава Луне, живой!

За спиной Рычащего послышалось ворчание. Он обернулся. Луньеры по-прежнему стояли кольцом, теперь вокруг них обоих. Угрюмые взгляды, сомкнутые челюсти. Пока сомкнутые.

Сломанный Клык, сминая тяжелыми лапами мох, вышел чуть вперед. Багровые глаза недобро блеснули.

— Порви щенка, вожак. Попробуй людской крови.

Рычащий покачал головой, ощущая, как шевельнулись, двигаясь, живые стены. Сломанный Клык ощерился:

— Что с тобой, Рычащий? Что тебе до человеческого выродка? Прокуси его глотку и веди нас в деревню. Или ты... испугался?

Стая зароптала. Вожак не может быть трусом, а трус не должен быть вожаком. Иначе Луна проклянет всех.

— Шкура продажная! — взвизгнул кто-то из толпы. Рычащий не понял кто.

— Бей его, Клык!

Рычащий опустил глаза. Не объяснить. Не достучаться до того, что люди называют душой. Силу умирят только сила.

Сломанный Клык презрительно харкнул на траву. Рычащий еще ниже склонил голову.

Клык шагнул вперед. Трус, проглотивший оскорбление, достоин смерти добычи.

Но коли в час крови труслив и неловок будет удар...

Ближе, Клык.

Что опаснее всего под луной? Пламя пожара и бешенство загнанного зверя.

Помнишь, Клык? Или позабыл?

Ближе, еще ближе. Вот сейчас...

Серебристо-серая молния пронеслась над поляной и обрушилась на Сломанного Клыка. Тот, не устояв, повалился навзничь. Стая отпрянула в стороны, и сплетенные тела клубком покатались по земле, ломая валежник.

Клык был опытным бойцом. Острые зубы то и дело клацали у горла Рычащего, но тот каждый раз чудом уворачивался, чувствуя, как сознание затопляет властная, пугающая ярость.

— Убью, — прохрипел Клык, и в тот же миг Рычащий изловчился и саданул его в челюсть.

Противник взвыл и ослабил хватку. Есть!

Рычащий рванулся на свободу, снова ударил и прижал поверженного к земле. Затрещали кости. Рычащий поднял верхнюю губу, показав знаменитую луньерскую ухмылку, и впился клыками в левое ухо, ставя сопернику метку побежденного.

Кровь была совершенно обычная на вкус. Горячая и солоноватая.

Сломанный Клык дернулся и обмяк. Рычащий поднял голову. Обвел взглядом отступившую стаю.

— Кто-то желает отправиться в Леса Предков до срока? — хрипло проговорил, нет, прорычал он. — Есть такие?

Луньеры молчали, переглядываясь. Тонкие струйки пара вырывались из ноздрей и таяли в морозном воздухе. Шумели сосны.

— Решили стать волками? — Рычащий подался вперед, и луньеры невольно попятились. — Дикими и свободными, да? А вы подумали, что будет с теми, кто остался там, в пещере? С женщинами, со щенками? Вот ты, Крепыш, — Рычащий в упор смотрел на молодого луньера, — почему ты здесь? Твой отец хворает, кто защитит его, если придут венаторы?

Крепыш ошалело пялился на Рычащего.

— Я... Рычащий... я... как все...

— А ты, Белолапый? У твоей матери еще пятеро, как она прокормит такую ораву зимой? Кто пойдет охотиться? Твои младшие сестры? Кто, я тебя спрашиваю?

Рычащий стиснул зубы. Ярость клокотала в горле, луньеры прятали глаза.

— Вы бросили на произвол судьбы свой клан, свою стаю. Вы все... не волки вовсе... вы... грязь...

Он замолчал. Вязкая усталость навалилась на спину, захотелось заплакать от злости и обиды. Как там Реми?

— И что ж нам делать? — угрюмо спросил кто-то. — А... вождь?

— Возвращаться в горы, — отрезал Рычащий. — Готовиться к зиме. Нужно выжить. Назло венаторам, назло безумцу из Ренна. Наша жизнь — и есть наша месть. Уходите домой.

Луньеры нерешительно переглядывались, наконец Крепыш произнес:

— А ты?

— Я догоню, — ответил Рычащий. — Скоро догоню. Идите.

Луньеры один за другим бесшумно скрывались во мраке. Сломанный Клык с трудом поднялся и, пошатываясь, побрел следом за остальными.

Вот ты и нажил смертельного врага, Рычащий. Сейчас он — побежденный, но пройдет время, и слабые снова прислушаются к его речам. Он еще попробует укусить.

Но все это потом. Главное — щенок. Сейчас, Реми, сейчас. Ты не должен видеть меня таким. Проклятье! Одежда! Она осталась там, в чаще...

Шуршание листвы, приглушенный стон. Рычащий обернулся. Реми сидел, глядя на

него широко распахнутыми глазами. Когда он очнулся?! Что видел?! И что теперь делать?!

Мальчик моргнул и чуть слышно выдохнул:

— Жак?!

— Реми... только не пугайся... да, я...

— Луньер, — проговорил Реми. — И как я сразу не догадался...

Он прикусил губу, потер плечо. Рычащий неловко топтался на месте, не зная, что сказать.

— Здорово ты его, — прошептал Реми. — Мой папаша так не смог. Ой, мамочки! — он скривился от боли.

Рычащий бросился к щенку.

— Очень больно? Ничего не сломал?

— Не-а, теткин муж и крепче бил. — Реми поморщился. — Синяк будет, так я привычный к синякам-то.

Он встал на четвереньки, ойкнул и плюхнулся обратно на траву.

Рычащий опустился рядом.

— Забирайся на спину. Отнесу тебя в деревню.

— Рехнулся?! Сам дойду, — возмутился Реми. — Щас голова перестанет кружиться, и пойду. И вообще, чего ты со мной возишься? С дурнем набитым? Ты ж меня ненавишь вроде должен, а?

Луньер повел острым ухом. Он сам задавал подобный вопрос этой ночью.

— Мало ли кто что должен, — хмыкнул Рычащий. И добавил тихо, с трудом подбирая слова: — Помнишь, ты читал книгу? Я все думаю, может, ваш Этьен прав? Всякой твари земной дано место под солнцем... ну или под луной. А особенно, — прошептал Рычащий, — вам двоим.

Реми несмело улыбнулся. Осторожно провел ладонью по мягкой шерсти.

— Я ж тебе подарок принес... охотник. Где-то здесь валяется.

Сверток отыскался неподалеку. Рычащий развернул ткань лапой, и лику Владычицы Ночи предстал еще один луньер. Статуэтка помещалась на ладони. Искусно вырезанный зверь вздымал к луне оскаленную морду с небывало длинными клыками. Огромные задние лапы, нелепые когти, даже не когти — когтищи.

Рычащий, не сдержавшись, фыркнул.

— Я ж раньше луньера-то и не видывал никогда, — сконфуженно признался Реми. — Думал: оберег от врага сделал, а оказалось — на друга.

— Да ладно, — Рычащий взъерошил мальчику волосы и подмигнул клыкастому чуду. — Все равно красиво. Спасибо, мастер. Только... мне ведь пора.

— Знаю, — грустно сказал Реми. — Ты не бойся, я дойду.

Он поднялся на ноги, слегка пошатнулся, но устоял. Покосился на непроглядную чащобу.

— Удачи тебе, Жак. С этими... и вообще.

— И тебе, мастер, — ответил Рычащий. — Под солнцем ли, под луной ли, и когда тучи закрывают и солнце, и луну. Всегда.

Реми словно собрался сказать еще что-то, но только шмыгнул носом.

Рычащий смотрел ему вслед, пока щенок не скрылся в подлеске. Вот перестали качаться потревоженные ветки, вот затерялись в шуме сосен звуки шагов.

Луньер глубоко вдохнул и покосился на деревянного собрата.

И есть время свое для каждого дара. А значит, и для дара изменять себя, не так ли, отец Кристоф?

Тишина, еще более глубокая, чем прежде, легла на леса. Рычащий вскинул голову. Луньеры не строят храмов. Зачем, если Белая богиня каждую ночь плывет над миром и глядит, как там, внизу, живут ее дети.

А еще луньеры не молятся — они поют. И только невежда может назвать эту песню обычным воем зверя.

Ночь явно требовала песни.

Отец Кристоф будто скинул с плеч невыносимую тяжесть: Реми, живой и вроде бы невредимый, шагнул по дороге, опустив голову и засунув руки в карманы.

Когда он приблизился, костыль в руке священника дрогнул: правая щека мальчика была покрыта засохшей кровью, да и поступь казалась нетвердой.

— Реми, — севшим голосом произнес отец Кристоф. — Что случилось? Прости меня, Реми! Не молчи! Что произошло?

Реми поднял голову, словно очнувшись от видения.

— Да не пугайтесь вы так, отец Кристоф! — Мальчик торопливо подставил священнику плечо. — Вот так, обопритесь на меня. А то вы бледный, будто привидение увидали. Ну, догнал я Жака, подарил одну вещицу. И зря вы переживали, за мной пошли. Ночь все-таки, луна в рост подалась...

— Реми, — как можно тверже произнес священник, — что произошло?

— Отец Кристоф, — улыбка Реми была усталой и слегка грустной, — я вам все-все расскажу, и вы мне, наверное, что-то расскажете. Только я озяб сильно. Пойдемте домой. Ой, слышите?!

Они стояли на дороге под острыми осенними звездами. Гасли в деревне огни, налетал, обжигая морозом лица, ветер. И одинокий голос волка, звавший в лесные дебри, таял вдаль, словно догоревшая к исходу ночи свеча.

И ВНОВЬ НА ВЕСНУ НАДЕЮСЬ

*Дни проходят. Рука много лет не касалась меча,
Ослабевшие пальцы забыли тепло рукояти.
Все сегодня не так. Зашипев, угасает свеча.
И теряются в памяти строки старинных заклиний.
Беспощадность зеркал не скрывает висков серебра,
Паутинки морщин так безжалостно временем свиты.
И, отчаянно скрипнув, ломается в пальцах перо,
А в камине беззвучно кричит недописанный свиток.
Ты сегодня вдруг понял, печальный стареющий маг,
Что всю мощь заклинаний, веков бесконечную мудрость
Ты охотно отдашь за такой драгоценный пустяк,
Как вчерашней зарей промелькнувшую дальнюю юность.
Все отдашь. Но не давнее утро и выжженный лес -
Что тебе и поныне ночами осенними снится, -
Когда слово твое, темным смерчем срываясь с небес,
Опрокинуло вражьи войска на подходе к столице.*

Данила Филимонов

Анастасия Панина
ОСЕННИЕ ЯБЛОКИ

В парке пахло осенней листвой. А в доме — яблоками.

— Яблоки свежие, яблоки сушеные, — притворно сокрушался хозяин, — яблочное варенье, яблочный сок, яблочное повидло, пироги с яблоками... Какая-то яблочная эпидемия. В доме уже ступить некуда.

— А сидр? — подмигнул гость.

Князь лишь развел руками и улыбнулся. Мол, как же без него!..

Генерал Ардо рассмеялся. Битву с яблоками князь Севера вел уже не первый год и пока безнадежно проигрывал. Старый, чтобы не сказать — древний, сад по всем законам природы должен был засохнуть еще лет двадцать назад. Вот только яблони об этих законах ничего не знали и каждый год исправно приносили богатейший урожай. А князь всякий раз демонстративно хватался за голову, сияя счастливой улыбкой.

* * *

— Что слышно в столице? — беззаботно поинтересовался князь.

С террасы друзья перебрались в гостиную, поближе к камину — северные ночи холодны в начале осени. Хозяин не стал звать слуг, он сам подогрел вино на миниатюрной жаровне и протянул гостю тяжелую керамическую кружку.

Георгий Ардо сделал маленький глоток и на мгновение прикрыл глаза. Вино пахло травами и, конечно же, яблоками. Если бы только можно было... просто пить вино, просто дышать, вбирая в себя этот запах покоя и тишины. Такой уютный, домашний запах.

Георгий взглянул на хозяина дома — тот не спеша пил вино и смотрел спокойно и вопросительно, ожидая ответа.

— В столице все тихо, — чуть пожав плечами, проговорил генерал. — Сплетни и политика, балы и интриги, дуэли и музыкальные вечера. Все как обычно.

— Как скучно. Ну хоть сплетни расскажи, что ли.

— Арсений, ты меня пугаешь. Неужто тебе и впрямь интересно слушать, о чем болтают столичные дамы, пока их мужья с глубокомысленным видом обсуждают международную политику?

— За неимением лучшего... — вздохнул было князь, но не выдержал и рассмеялся. — Уж всяко интересней глубоких мыслей их мужей.

Георгий невольно улыбнулся в ответ. Какой же у него заразительный смех... А вот момент, пожалуй, подходящий.

— Хотя одна занятная новость все же есть. Впрочем, может, ты уже знаешь... Генерал Ланских к тебе, часом, еще не приезжал?

— Ланских? — Арсений удивленно приподнял бровь. — Нет. А что, должен был?

— Ага, значит, еще не знаешь, — удовлетворенно протянул Ардо и как можно безразличнее продолжил: — Видишь ли, какое дело. Месяца два назад император повелел составить письменное описание последней войны. Глазами ее участников, так сказать. А для исполнения сего нелегкого труда он выбрал генерала Ланских. Означенный генерал принялся за дело со всем рвением. Я с ним уже беседовал, и беседы наши он записывал весьма тщательно. Побывал и у других...

— А давно ли у нас Константин страдает провалами в памяти? — В голосе князя звучало искреннее недоумение. — Или военные архивы более для императора недоступны? На что ему это?

— Нет, провалами в памяти его величество не страдает, — небрежно усмехнулся Георгий. — И архивы, насколько мне известно, в порядке и в полном распоряжении императора. Да только, знаешь... Уж больно много сказок про ту войну ходит. Легенды, понимаешь ли, доморощенные. Еще тогда, после Рябинок пошло... И с каждым годом все больше...

Главное, не сфальшивить. Ведь это все глупость, нелепость. И говорить об этом нужно соответственно. Мол, вот же чепуха какая. А что внимание императора привлекло — так это он старого вояку к делу приставить захотел. Крепкий же еще старик, да и не старик вовсе — подумаешь, седьмой десяток разменял! — а вот без дела чахнет на глазах. Да и слог у него отменный, про то давно известно, так почему бы не...

Георгий Ардо говорил и понимал, что говорит неправильно. Слишком много слов. Слишком торопливо. Слишком неестественной выходит снисходительная усмешка. Прорывается в голосе тревога. Ноющая, непонятная, ничем не объяснимая тревога, что поселилась в сердце еще тогда, перед боем у села Малые Рябинки. Поселилась и не отпускает вот уже четвертый год.

А Арсений улыбается. Спокойно так, безмятежно. Чуть удивленно приподнимает бровь. А глаза серьезные. Серьезные и понимающие.

— Все интересней и интересней, — тянет он и подливает другу вина. — Сказки, говоришь, легенды? Это что же, про то, что Линтеанский Лев колдуном был да знак черный повелел всей своей рати вздеть?

Арсений озорно усмехается, переходя на нарочито простой говор, и генерал Ардо почти верит этой усмешке.

— Так ведь ты и сам говорил, что знак и впрямь древний, колдовской, — напомнил он с чуть смущенной улыбкой.

— Конечно, древний. — Арсений уже откровенно захохотал. — Конечно, колдовской. Того, кто носит его, от смерти бережет, а супротивников хозяйских — прямо к Искусителю в пасть и отправляет. Само собой. Веков этак с десятков назад жрецы языческие в это крепко верили. Да, правда, у них тогда конечным пунктом для супротивников не Искуситель предполагался, а какой-то... не припомню, как звали. Чудище какое-то. Хромое. С клыками. И вроде бы одноглазое. Жуть страшная.

Георгий невольно рассмеялся, глядя, как князь старательно пытается лицом изобразить эту «жуть страшную».

— Вот только что-то я особой бессмертности за солдатами этого захватчика не замечал. — Арсений резко прекратил кривляться и посмотрел на собеседника в упор. — Скорее наоборот. Да и наши солдаты, прямо скажем, от одного вида вражеских войск замертво не падали. Так что данная легенда не выдерживает никакой критики. Даже на сказку — малышня пугать, чтобы спали крепче, — и то не тянет.

— Да я разве спорю? — Георгий смущенно пожал плечами. — Говорю же, глупости это. Чернь любит страхи всякие рассказывать...

— Чернь рассказывает, а слушает, оказывается, император. До того наслушался, что описание войны правдивое составить повелел. Дабы, значит, опровергнуть. М-да... Дожили.

Арсений замолчал, недовольно хмурясь. Молчал и генерал Ардо, ощутивший внезапную усталость. Ночь на дворе, а большую часть дня он провел в дороге. Резко захотелось спать, и, наверное, он все-таки задремал. А когда открыл глаза, кресло напротив уже пустовало. Георгий поднял голову, и его взгляд зацепился за фамильный герб, висящий над камином. Герб князей Севера — серебристо-белый желтоглазый волк на синем фоне. Желтоглазый... Георгий пристально всмотрелся в оскалившегося геральдического зверя. И закричал.

У твари на гербе были человеческие глаза. Темно-серые. Серьезные и понимающие.

Он дернулся и едва не вывалился из кресла.

— Георг?! Что?.. — Арсений вскочил со своего места и бросился к другу. — Что такое?!

Георгий уставился на хозяина дома, судорожно хватая губами воздух. В темно-серых глазах князя плескалась тревога пополам с изумлением.

Сон. Единый и Великий, это просто дурацкий сон...

— Сон... — хрипло пробормотал Ардо. — Я, похоже, уснул... Бесы тебя задери, Арсений, что за дрянь ты кладешь в вино?!

Арсений усмехнулся с явным облегчением.

— Корицу, гвоздику, мяту, лимонник, — послушно перечислил он. — Ну и яблоки, конечно.

— Твои яблоки вызывают у меня кошмары, — брякнул генерал первое, что пришло на ум.

— Ты не поверишь, — трагическим шепотом сообщил князь, выразительно округляя глаза, — но у меня — тоже.

Еще секунду друзья смотрели друг на друга, а затем дружно расхохотались. Георгий с силой потер ладонями лицо. Пережитый ужас прошел вместе со сном. Остались смущение и досада на собственную слабость. Это ж надо было так расклеиться всего-то с двух кружек слабенького северного вина! Пусть даже и с яблоками...

* * *

Неделя пролетела незаметно.

И если бы кто-то спросил Георгия Ардо, что именно он делал в тот или иной день, то боевой генерал, знавший поименно каждого солдата своего корпуса, едва ли смог бы ответить. Дни, проведенные в доме старого друга, слились в один длинный осенний день, заполненный теплым северным солнцем и неизменным запахом яблок. Там были ласковая улыбка княгини и звонкий смех юной княжны. Были жгучее любопытство княжича и жадные расспросы обо всем: «Дядя Георг, а расскажите...» Были верховые прогулки, озорные искорки в глазах князя и веселый оклик: «Генерал! До поворота?!» Были синее небо с пушистыми облаками и ворох уютно шуршащих под ногами осенних листьев.

Были радость и покой. И не было тревоги...

Георгий простился с княгиней, расцеловал в румяные щечки княжну, серьезно пожал

руку княжичу и сбежал по ступеням крыльца.

Арсений передал ему повод коня, и друзья медленно пошли по аллее.

— Когда в столицу-то соберешься?

— Да зимой, наверное. Юлитту пора уже в свет выводить... Вот к балам и поедем.

— Красавица выросла, — улыбнулся Георгий. — От женихов отбоя не будет.

— Ну, это мы посмотрим... — протянул Арсений, нарочито хмуря брови. —

Поглядим... что там за женихи.

— Бедные наши столичные юноши. Мне уже заранее их жалко.

— А ты их предостереги.

Парковая аллея закончилась, и они остановились.

— Ну, до встречи зимой.

— До встречи. Не забудь провести воспитательную работу среди столичных юношей.

— Арсений, ты страшный человек. Ох, не зря про тебя в народе говорят... Ты сам-то знаешь, что говорят?

— А как же, — смеется. Крепкое рукопожатие, теплая улыбка. И серьезный, понимающий взгляд темно-серых глаз. — Что предок мой, тот, что первым князем на Севере стал, из ведунов беглых был. В те самые времена, когда мрак язычества искореняли. А еще что герб наш фамильный — и не герб никакой. А вовсе даже портрет наш. Семейный. В ночном интерьере. Так что оборотень я и чернокнижник. Так и передай столичным юношам.

Оборачиваться — дурная примета, но у самого поворота Георгий не выдерживает.

Оборачивается.

Вздрагивает сердце, пропуская удар.

Генерал Ардо досадливо прищипривает коня. Что он, собственно, ожидал увидеть? Что, кроме знакомой фигуры, медленно удаляющейся по аллее в глубь парка?..

* * *

Жену Арсений нашел на террасе. Княгиня отложила книгу и с улыбкой подняла на мужа взгляд. Князь опустился на нагретый солнцем дощатый пол и положил голову жене на колени. Дина ласково провела ладонью по растрепавшимся русым волосам.

— Что?.. — негромко спросила она.

— Представляешь, о чем Георг спросил меня на прощанье... — задумчиво проговорил Арсений. — Спросил, знаю ли я, что обо мне в народе говорят.

— И что ты ответил?

— Сказал, что знаю. И перечислил, что именно знаю, — Князь усмехнулся. — Он, моему, как раз за тем и приезжал...

— Спросить, осведомлен ли ты о содержании ходящих о тебе сказок? — удивилась княгиня.

— Спросить, сколько в тех сказках правды, — пояснил Арсений. — В самый первый вечер, по приезде, он даже начал о чем-то таком говорить. Император повелел составить правдивое описание последней войны. Потому, дескать, что много про нее сказок ходит. Правда, я упомянул про предполагаемое колдунство Линтеанского Льва, и Георг тут же согласился. Да, именно про эти байки речь и ведется. Хотя глупость все это и мракобесие, разумеется. Спросить обо мне он так и не рискнул.

— А ты действительно уверен, что генерал Ардо тебя в чем-то таком подозревает?

— В чем-то таком... — насмешливо передразнил Арсений и уже серьезно продолжил: — Нет, Диночка, Георг не подозревает меня в принадлежности к оборотням и чернокнижникам — он для этого слишком образован и умен. Но он чувствует... Чувствует, а разумом понять не может. Противоречит это чувство разуму. Вот и мучается генерал уже четвертый год. А еще и сказок наслушался среди солдат из простых...

— Простые люди всегда знают больше, — усмехнулась княгиня. — Они твою темную натуру насквозь видят. Только истолковывают превратно.

— И это меня несказанно радует. Пусть уж лучше обратном считают. Так оно спокойней...

Император писал: «Мы ежечасно ожидаем нападения. С надеждою на Единого и Великого, готовимся отразить атаку неприятеля», а маршал Северной армии князь Арсений Балей читал между строк другое: «Возвращайся. Ты и твоя армия нужны здесь».

Но он не мог вернуться и не мог привести за собой армию. Война с северо-восточным соседом подходила к своему логическому завершению.

Победа.

Он должен был подписать мир — есть вещи, которые не сбросишь на плечи своих генералов, как бы хороши они ни были. Уехать сейчас и увести за собой армию означало заявить о слабости империи, о ее неспособности защищать одновременно ВСЕ свои границы. Этим не преминули бы воспользоваться.

И Арсений, сцепив зубы, оставался на месте. Константин понимал мотивы маршала, и прямого приказа оставить северо-восточную границу не было до последнего. Князь Балей подписал мир с султаном Хелигата и отбыл в свою ставку, где его ждало письмо.

Арсений вчитывался в знакомые названия городов, областей, рек и деревень и чувствовал, как внутри все холодеет. Маршалы первой и второй западных армий шли на соединение и отступали. Отступали к столице.

А маршал Балей высочайшим рескриптом назначался главнокомандующим империи — ему надлежало без промедления отправляться в столицу и принимать командование.

Утро следующего дня застало князя уже в дороге.

Он мчался к столице, меняя лошадей, не давая отдыха ни себе, ни сопровождавшему его отряду, и понимал, что безнадежно опаздывает. Принимать командование!.. Командование кем? Двумя армиями, которые то ли смогут сойтись, то ли нет? Глупость какая. Константин — блестящий политик, но в войне он не понимает ничего. Неужели император искренне рассчитывает, что присутствие одного человека сможет переломить ход событий? А северная армия присоединится к своему маршалу не раньше конца осени... То есть месяца через три. Ну хорошо, через два. Что за это время успеет произойти, один только Искуситель и знает...

По мере приближения к столице им все чаще встречались беженцы из захваченных, разгромленных западных провинций. Тогда-то Арсений и услышал впервые, как Александра Лайгара, прозванного Линтеанским Львом, называют колдуном и чернокнижником. И тогда же впервые увидел знак, изображенный на штандарте Лайгара и носимый всеми солдатами и офицерами армии захватчика. Им встретился обоз, перевозивший раненых, и кто-то показал князю прихваченный с одежды убитого врага «сувенир».

Арсений помнил, как держал в руках холодный кусочек металла, и тревога, уже почти месяц не отпускавшая его сердце, сменялась ледяной злостью. «Двойной» крест — две вертикальные полосы, пересеченные наискось еще двумя такими же. Древний знак, очень древний. И злой. Знак чужой смерти.

Много позже генерал Ардо посетует на мракобесие и темноту, свойственные черни, упорно называющей захватчика колдуном. И князь рассеянно объяснит другу про «злой» знак и его значение. К счастью, их почти сразу же отвлекут, и Георгий не успеет спросить Арсения, откуда бы черни знать про значение древних символов западных колдунов. Ведь на этот вопрос у князя не нашлось бы ответа. Действительно, откуда черни знать такие тонкости, про которые только в редчайших старинных книгах сказано?..

Да ниоткуда. Но для понимания того, что зло — это именно зло, а никак не наоборот, совсем не обязательно знать его правильное название.

С императором они встретились в двух днях пути от Маестаны, и это стало для Арсения настоящим ударом. Когда правитель покидает столицу, это говорит о многом... И это страшно.

Впрочем, хорошая новость все же была. Последняя попытка неприятеля помешать соединению двух имперских армий провалилась с треском. Хотя вернее было бы сказать «с

плеском». Рассказывая, Константин не скрывал недоумения.

— Он намеревался переправиться через Ниту в Нижнем Заречье. Удалось бы — и нам конец, это даже я понимал...

Половодье. Посреди осени. Всего-то после одного ливня. Нита — широкая, спокойная река, не намного поднимавшаяся даже во время весеннего таяния снега, — вышла из берегов и затопила пойму. Схлынуло через неделю, и Александр Лайгар все же перешел на восточный берег... Только к тому времени маршал первой западной армии Раич уже успел выпить на брудершафт за будущую победу с маршалом второй западной армии Новелем. Дорога к Маестане была перекрыта.

— Единый услышал молитвы нашего народа и сотворил чудо, — набожно проговорил император, осеняя себя святым знамением.

Арсений последовал его примеру.

Маршал Балеи прибыл в расположение армии и принял командование.

А спустя еще неделю произошло сражение у села Малые Рябинки, которому суждено было стать решающим.

И была победа...

Наверное, все-таки победа. Ведь враг так и не прошел, отступил, потеряв почти половину армии убитыми и ранеными. Вот только защитники империи потеряли не меньше.

И был военный совет. Полутемная изба деревенского старосты, низкий потолок над головой и вымотанные, двое суток не спавшие люди, неотрывно смотревшие на главнокомандующего.

И впервые прозвучало: оставить столицу. Сдать Маестану без боя, отступить, идти на соединение с северной армией, и вот уж тогда...

Арсений смотрел на сидящих перед ним людей и понимал: они уже готовы к этому. Они уверены, что это — лучший выход. Лучше потерять столицу, чем армию. А предпринять контрнаступление сейчас — потерять и столицу, и армию. Не хватит у них сил. До подхода северной армии — не продержаться. Князь Севера и сам все это понимал. Но...

Сдать город? Позволить захватчикам войти в Маестану?

Маестана... Он ведь здесь родился. Наследник Северного княжества появился на свет вдалеке от своей вотчины, в старинном родовом особняке. Здесь прошли его детство и юность.

Серебряные шпильки церквей, извилистые улочки, резные наличники на окнах домов, тенистые парки, ажурные перила многочисленных мостов, брусчатка набережной под самыми окнами...

Здесь он встретил свою будущую жену и здесь венчался — весной, махнув рукой на обычаи и суеверия. А город тонул в цветущей сирени.

Город, мой город... Любимый, исхоженный вдоль и поперек, до последнего закоулка знакомый и такой родной город. Самый красивый на свете. Маестана...

Маестана — столица, сердце империи. Живое сердце. Разве можно сердце — и врагу отдавать?..

Маршал Балеи поднялся со своего места. Ладони спокойно и уверенно легли на грубо выструганную столешницу.

— Приказываю наступление, — медленно произнес он и сам не узнал своего голоса.

— Арсений, ты уснул? — Дина щекотно потербила его ухо.

— Да нет. — Князь поднял голову и улыбнулся жене. — Задумался. Что бы было со всеми нами, если бы я тогда согласился отступить и сдать Маестану без боя? Земля не прощает предателей...

— Ты сам сейчас и ответил, — пожала плечами княгиня. — Все просто. Земля не прощает предателей.

Они выполнили его приказ. Но никто из них не мог понять, что движет маршалом и на что, во имя Единого, он рассчитывает.

А все было просто. Очень просто.

Земля — она ведь живая. Города, реки, деревни — живые. Любящие и преданные. Любящие тех, кто любит их. И преданные беззаветно тем, кто им предан. Тем, кто их защищает. Тем, кто умирает за них.

И вот поэтому нельзя просто прийти и занять чужую землю. Сама же земля воспротивится. Ведь она веками впитывает кровь своих защитников. Те, кто живет ради своей земли, и те, кто за нее умирает, — ведь они не уходят.

Они просто остаются на страже своей родины — навечно.

И страшно, когда чужаки захватывают твою землю. Если они пришли и взяли, а ты отдал, не удержал — значит, ты предал свою землю. Это значит: живые предали мертвых. Это значит: мертвые отреклись от живых. Это значит: ты потерял свой дом.

Волхвы в древности это очень хорошо знали. И твой далекий предок знал тоже. А здесь, сегодня, сейчас — знаешь и ты.

И поэтому ты сказал: «Приказываю наступление». И сам пошел впереди своего войска.

Сомнения... Они были, конечно. Откликнется ли земля сейчас, когда мало не половина империи уже в руках захватчиков?.. Но воспоминание о рассказе императора придавало сил. Нита... Широкая и спокойная река — давно, столетия назад, здесь уже шли сражения. И враг, чье имя затерялось в веках, не прошел. Канули в небытие и имена воинов, что полегли на берегах Ниты, защищая свой дом. Но сами они — остались. И пришли на помощь потомкам. Хранитель не призывал их, но они пришли. В посмертии защищать свою землю, как защищали ее при жизни. Сколько их еще на просторах империи, таких мест, где кто-то когда-то проливал свою кровь и умирал — не во имя великих целей, просто защищая свой дом? Даже ты, князь Севера, Хранитель ушедших и оставшихся, не знаешь их всех...

Выходя от императора, ты тихо прошептал «спасибо» — не далекому богу, которому молятся твои современники. И не еще более далеким языческим богам, которым молились твои предки. Ты благодарил навших — и оставшихся навечно.

Ты сказал: «Приказываю наступление». И сам пошел впереди своего войска.

Хранитель, ты пошел вперед, призывая ушедших, — и тебе ответили. Порыв теплого ветра скользнул по лицу и растрепал волосы. И на мгновение сквозь запах пороха и дым до тебя донесся аромат сирени и свежего хлеба.

Тебе ответили — да и могло ли быть иначе?

Ведь за тобой шли люди, готовые защищать свой дом до последнего — последнего удара сердца, последнего вздоха. И дольше, если потребуется. Измотанная в последнем сражении армия. Народное ополчение Маестаны и ее окрестностей... На военных складах оружия на всех не хватило, и многие вооружились чем пришлось.

Ты позвал — и они ответили. Мертвые ответили всем живым, которые шли умирать за свою землю. И что с того, что только ты услышал ответ?..

Услышал. Почувствовал. Увидел, как поднимались из земли бесплотные тени. Неслышные и неосязаемые, невидимые простому глазу, они поднялись навстречу врагам и встали стеной.

Арсений знал — когда окончится битва, этих теней будет больше. Намного больше.

И, быть может, он и сам станет одной из них... Князь Севера был готов к этому.

Не случилось.

А потом прискакал вестовой. Совсем мальчишка, он был безмерно потрясен тем, что умудрился разыскать маршала посреди битвы. Арсений только улыбнулся украдкой. Он уже знал, что услышит от посланника.

И не ошибся.

Авангард его армии входил в Маестану через северные ворота.

Потом, много позже, генерал от кавалерии Берест, давний сослуживец и близкий друг маршала Балея, будет удивленно качать головой, рассказывая главнокомандующему про их рывок к столице.

— Веришь, Арсений, уж как спешили, а все равно думали — не успеть. Но на дороге словно бесы ворожили. Земля под копыта сама летела, веришь ли...

— Ну какие еще бесы, Алеша? — смеялся Арсений.

Он верил. Конечно же, летела земля. Конечно же. Шелковым ковром расстилалась... А как же иначе? Северная армия нагнала своего маршала почти на месяц раньше, чем этот самый маршал смел надеяться. И бесы, само собой, были тут совершенно ни при чем.

Война закончилась только через полтора года — полной и безоговорочной победой империи.

И на протяжении всей церемонии подписания акта о капитуляции Линтеаны Арсения так и подмывало тихонько поинтересоваться у Александра Лайгара: случайно ли оказался на его штандарте тот «злой» знак? Или Линтеанский Лев все-таки знал, ЧТО выбирает в качестве герба? И если знал, то понимал ли, как сильно рискует, приходя с такой дрянью на чужую землю?

Но он так и не спросил. Да и какая, в сущности, разница?

А в Маестану победители вернулись в конце весны. И ликующая толпа забросала их ветками сирени.

Княгиня немного помолчала, а потом озадаченно взглянула на мужа и слегка нахмурилась, словно над чем-то размышляя.

— Кстати, а почему ты говоришь, что это спокойней — когда оборотнем считают? — недоуменно спросила она.

— А ты представляешь, кем они меня назовут, если узнают правду? — поморщился Арсений.

— Не представляю. Волхвом?

— Некромантом. Слышала такое слово?

— Читала... Гадость какая. Скажешь тоже!

— Точно тебе говорю. Ославят некрмантом и заявятся с вилами. — Арсений поднялся на ноги, с удовольствием потянулся всем телом и уверенно заключил: — Так что оборотнем слыть — лучше. Гораздо спокойней. Ну, пока скот в деревнях не пропадает...

— Мама, — у двери на террасу стояла княжна Юлитта. — Ты просила напомнить. Там твоё варенье...

— Ох, заболталась я с тобой, — спохватилась княгиня и поспешила в дом.

Арсений обреченно посмотрел жене вслед.

Варенье... Яблочное, разумеется. Княгиня сама варит. Собственноручно. А полки в погребах уже ломятся. Нет, с этим надо что-то делать.

Князь усмехнулся. Пожалуй, зимой в столицу он повезет не только дочку... Да, решено. Этой зимой весь высший свет Маестаны будет угощаться яблочным вареньем.

И пусть только кто-нибудь попробует отказаться от гостинца.

Евгений Белов ПАРОМЩИК

— Марек! Ма-а-а-арек! Ты где? Это... — Парень успел лишь широко открыть глаза от ужаса и удивления, прежде чем вонзившийся в сердце охотничий нож оборвал его короткую жизнь. Упасть в траву убитому не дали — крепкие руки подхватили падающего сзади и потащили в заросли кустарника на опушке небольшой рощи. Там труп бросили на землю рядом с еще одним телом, принадлежавшим мужику постарше.

— Кажется, тут их было только двое. Больше нет. Извините, мастер.

— Значит, надо поискать. Сам знаешь, для вечернего ритуала нам понадобится как минимум еще один. А лучше — два.

— Слушаюсь, мастер. Будем искать.

— Правее, правее бери, дурень ты слепошарый, не видишь, что там впереди, что ли? Тыфу, горе ты мое, чтоб тебя Бритые сожрали, все равно толку никакого! Эдакую корягу не заметить, это ж кем быть-то надо, а? Кротом, не иначе! Стой, да стой ты, хватит, давай-ка снова на течение выходим... погоди, я помогу тут... Сейчас пройдем, вон между корягой и островком-то, вроде не больно там узко, как думаешь? — Седой, одетый в простую рубаху и застиранные штаны старик с обветренным лицом и повязкой на правом глазу показал рукой вперед.

— Пройдем, как не пройти! Только ты меня прости дядь Ян, а дальше так плыть все одно не сможем. Я и тебя-то еле вижу, а уж что там впереди — хоть ты убей меня, не могу разглядеть! — голос Оттона звучал немного обиженно и вместе с тем испуганно, а потому чересчур высоко даже для шестнадцатилетнего парнишки. — Утром бы еще прошли, а теперь, в темень-то, — точно говорю, не пройдем! Давай у давешних пастухов опять заночуем, а? И молока заодно возьмем, в городе-то завтра пить пригодится, а? Дядь Ян, дело же говорю, ну чего ты молчишь-то? А?

— Да что молчу, правильно все думаешь, малой. Давай к берегу забирай, а я пойду пока этим, на корме, скажу. Нет, это ж надо было ему, борову старому, в такой туман копыта-то откинуть! Вот же зараза, и жил — не как все, и помер теперь — тоже не ко времени!

— Тише, тише, услышат еще господ-то...

— Да пусть слышат, чего мне скрывать-то! Как думаю, так и говорю, и пусть они со злости хоть полопаются! Особенно этот, хранитель наш, чтоб его! Тошка, слышь, вот будет работы-то, ежели у него пузо со злости тут прямо и лопнет. Это ж мы с тобой вдвоем неделю будем лодку драить. Чего ржешь, как конь, вперед давай смотри! Так я говорю, вот не пойму, где ж их, орденских, откармливают? Они через одного ведь такие, как этот наш, поперек себя шире! И морды ихние, как на подбор, аж лоснятся все от жира-то! А потом удивляются, почему их Бритые жрут. Да я б на месте тех Бритых, разгвоздить их во все дыры, чтоб они издохли со всем потомством, так вот, на ихнем бы месте я б только орденских и отлавливал, на обед-то. В нем одном сала больше, чем в пятерых таких, как мы с тобой. Ну чисто племенной кабан с герцогской свинарни! Уй, зла на них не хватает!

Ян Кривой закончил наконец обличительную речь в адрес святых воинов из Ордена Хранителей. Смачно плюнув в воду, он похромал сообщать неприятное известие одному из столь любимых им адептов Ордена. Тот восседал в компании еще двух пассажиров на скамье под навесом, который Ян смастерил на широкой корме своей лодки в прошлом году решив переделать ее в паром. С рассветом они отчалили от пристани в Полянке, зажиточной деревне на перекрестке торговых путей, и поздним вечером рассчитывали быть в Литтоне. Увы, добраться до столицы герцогства вовремя путешественникам не удалось — подвела погода. После обеда долину Тихой неожиданно накрыл туман, да такой, какой бывает в этих местах разве что раз-другой за год. Рваные молочно-белые хлопья казались живыми, они некоторое время танцевали в воздухе, чтобы затем слиться друг с другом, превратившись в совершенно непроглядную пелену. В такой вечер спускаться по течению Тихой на лодке — дело безнадежное. Если не сядешь на мель и не столкнешься с какой-нибудь корягой, то уж точно налетишь на торчащие тут и там из воды острые камни. А раз так — надо где-то остановиться на ночлег, переждать туман и продолжить путешествие утром. До столицы оставалось плыть совсем немного, при хорошей погоде к полудню следующего дня можно выйти в устье Тихой и причалить в знаменитой на все Пять Герцогств гавани Литтоны. А там, если повезет, застать финал церемонии погребения, на которую и стремились пассажиры парома.

Сам обряд, конечно, начинался ранним утром, как и предписывала традиция Церкви Создателей. К этому времени путешественники и надеялись добраться до столицы, потому и предпочли неудобный, но быстрый спуск по реке обходной дороге верхом или в карете. Теперь же, когда стало ясно, что к утру они в Литтоне точно не будут, у благородных господ

возникли серьезные причины для недовольства. Особенно огорченным выглядел преподобный Селен — Светлый Меч Ордена в Полянке и окрестных деревнях, а по совместительству — обладатель того самого пуза, о котором с таким чувством вещал Кривой. Слуга преподобного, Радек Рыжий, опасливо косился на хозяина — в плохом настроении толстяк был склонен к рукоприкладству.

Селену по должности было положено присутствовать на погребении — еще бы, ведь погребали не кого-нибудь, а Сиятельного Лартена Кинайского, Защитника Веры, Молота Падших, Высокого Магистра Ордена Хранителей и Старейшину регентского совета при юном герцоге. Самого обожаемого человека в государстве, не имевшего равных в могуществе, бесстрашного воина и мудрого наставника. Много, очень много успел сделать сильный маг и искусный дипломат за долгие годы своего нахождения у власти. Это он в неурожайный год добился от жадных помещиков уменьшения поборов с крестьян чуть ли не вдвое, чем спас многие семьи от голодной смерти. Это он первым предложил прекратить давнюю вражду и постоянные морские стычки с Ной-Траггаром и начать взаимовыгодную торговлю, приведшую к теперешнему пышному расцвету столицы и прибрежных городков. Это он железной рукой подавил мятежи и сохранил единство земель, когда бароны попробовали воспользоваться смертью старого герцога и раздрать страну на мелкие лоскуты. Это при нем Орден Хранителей превратился из захудалого сборища зануд-церковников в самый могущественный из орденов Пяти Герцогств, единственный, воинам которого разрешалось пользоваться магией, а также, ни на кого не оглядываясь, вести борьбу с ересью, в том числе и карать еретиков по своему усмотрению. Да что говорить — не перечислить всех заслуг и достижений Сиятельного Лартена! А главное — это ему по праву принадлежит слава победителя в долгой и страшной войне с внушавшими ужас Падшими и их бритыми последователями из секты Сынов Неистового, захватившими тридцать пять лет назад власть в соседнем Греншейнском герцогстве. При жизни Лартена мало кто мог предсказать его поступки, а уж смерть его предугадать и вовсе было невозможно. Наверное, Создатели так пошутили над своим избранником, а может, это Проклятые отомстили ему за все причиненные обиды. Как бы то ни было, в дождливый майский день Лартен со свитой поехал осматривать новый мост через Тихую. По дороге конь Магистра провалился копытом в ямку, грузный Лартен упал и разбил себе череп о камень. Его кончина была настолько неожиданной, что многие не сразу в нее поверили. Людям казалось, что такой человек просто не может так глупо погибнуть. Тем не менее погиб, и теперь огромное тело лежало в Соборе Четырех — главном храме столицы, дожидаясь намеченной на утро погребальной церемонии. Со всех концов герцогства стекались самые разные люди, чтобы проститься с Высоким Магистром. Некоторые даже пытались оторвать несколько волосков с его головы, веря, что мощи святого, коим Лартен непременно будет признан в ближайшее время, наверняка обладают чудодейственными свойствами.

По обычаю, выборы Магистра были назначены на следующий день после погребения, и все мало-мальски значимые орденские представители в городах и селах герцогства были по такому поводу срочно вызваны в столицу. Вице-магистр Эльдар Крейса уже готовился принимать бразды правления и раздавать назначения своим людям. Светлый Меч Ордена в Полянке преподобный Селен в их число отнюдь не входил, а даже, напротив, имел несчастье несколькими годами ранее навлечь на себя неудовольствие вице-магистра. Теперь же, после его опоздания на церемонию, он имел все основания опасаться, что ему припомнят прошлые прегрешения и лишат хлебной должности в Полянке, а то и отправят куда-нибудь подальше, добивать остатки Бритых. Такая перспектива светлую душу благородного Хранителя совершенно не грела.

Единственное, что радовало преподобного и внушало некоторую надежду, — он ехал в Литтону не с пустыми руками. С ним был наследник рода баронов Харве — владельцы богатых поместий недалеко от Полянки и к тому же собственники целой торговой флотилии на Тихой. Юный Эрик интереса к торговым делам не проявлял, зато отличался любовью к чтению разного рода философских и научных трактатов. Отец готовил сына в

гвардейцы. По достижении семнадцати лет, то есть уже через год, ему предстояло отправиться в один из полков начинать воинскую карьеру, но Эрику не очень-то хотелось тратить жизнь на охоту за остатками банд еретиков где-то у дальних границ. Молодой Харве мечтал о другом, видя себя в роли искусного политика, хитрого дипломата, ну или, на худой конец, летописца. Селену не составило особого труда убедить юношу в том, что Орден Хранителей — лучшее место для применения его способностей, и Эрик решил просить Магистра о даровании ему чести вступления в братство.

Старый барон Харве недолго любил Селена и вряд ли разрешил бы сыну вступить в ряды святых воителей, поэтому Эрик отправился в столицу без отцовского ведома. Там беглец рассчитывал при помощи Селена встретиться с Эльдаром Крейсой либо с другими высшими чинами Ордена, уговорить их принять его присягу и в итоге поставить отца перед свершившимся фактом. Перед глазами Эрика стояла картина будущей блестящей карьеры у Хранителей, венцом которой, разумеется, должен был стать пост Высокого Магистра. Уж Эрик Харве не посрамит славу Ордена, он будет достоин, он будет таким же, как великий Лартен, и даже лучше, если, конечно, такое возможно! А пока главное — добраться до Литтоны. Досадная задержка из-за тумана немного расстроила будущего Магистра, ведь он надеялся утром увидеть Лартена в храме, а теперь вряд ли получится посмотреть, разве что на портретах. Но стоит ли всерьез огорчаться из-за этого? Ведь жизнь только начинается, и сколько удивительных приключений ждет впереди!

* * *

Ян Кривой с долговязым Оттоном вытащили нос лодки на берег и привязали к молодой иве, росшей прямо у воды. Тропку, ведущую от берега Тихой к пастушьей стоянке, было почти не разглядеть, но Оттон эти места знал наизусть. Его родная деревня была совсем недалеко — за лесочком. Первые четырнадцать лет своей жизни парень провел здесь и переехал в Полянку отнюдь не от хорошей жизни. Ян Кривой — брат деда Оттона по материнской линии — забрал мальчишку к себе два года назад, после того как вся семья погибла во время мора, наведенного, как поговаривали, Бритыми. Родичи поладили, но Оттон все равно радовался любой возможности побывать в родных местах, вдохнуть знакомые с детства запахи трав, услышать местный говор. В пастушеской хижине на опушке он бывал много раз, пастухи рассказывали гостю местные новости, угощали парным молоком, иногда посмеивались над его неуклюжестью — для своих шестнадцати Оттон был слишком высок и худ и оттого казался нескладным. Парень по этому поводу не переживал, но все же сейчас, уверенно шагая знакомой тропкой, нет-нет, да и оглядывался на подтянутого, жилистого и невысокого Эрика. Вот уж кому, думал Оттон, не жизнь — малина. И работать не гонят, и в гвардию возьмут, да не за особые заслуги, а просто потому, что происхождение благородное. Да и воинскому искусству он с детства наверняка обучен. Случись какая драка между ними — Оттону бы крупно влетело, несмотря на преимущество в росте. А уж как девушки на этого Эрика глядят, а Оттона — будто и нет вовсе! А все почему? Да потому, что нет в этом мире справедливости! Родился сыном барона — и вот тебе все, что пожелаешь, а выпало родиться в деревне — так и будешь всю жизнь в поле горбатиться и помрешь там же, ну ровно скотина какая.

* * *

— Эй, есть кто живой? Марек, ты тут? Куда все подевались-то?

Оттон был удивлен. Дом пустовал, но походило на то, что пастухи оставили его совсем недавно. Котелок с остатками каши стоял еще теплым, а в очаге тлели угли. Коровы спокойно бродили на лугу неподалеку от хижины, но людей поблизости видно не было. Хотя кого тут увидишь, в такой-то туман?

— Наверное, Марек к зазнобе своей побежал, раз так спешил, что ужин не доел, —

рассуждал Ян, доставая из заплечной сумки бурдюк с брагой. — Ну что, расположимся тогда здесь пока что, но припасы ихние трогать не будем. А как придут они — а придут они быстро, стадо-то дневное, небось его уже надо обратно в деревню гнать, — так вот, как придут, надо будет у них спросить, делала ли в этот год жена старосты в Выселках свое яблочное вино. Вот коли делала — ты, Оттон, туда и сбегашь до ночи-то, ты молодой, ноги у тебя вон какие длинные, я тебе два бурдюка дам, их и наполнишь. А то брага эта — до отрыжки уже надоела.

Надоевшая Яну до отрыжки брага как раз занимала те самые бурдюки. Крякнув, паромщик разом осушил половину одного из них. Это послужило сигналом остальным для начала приготовлений к ужину. Путешественники воспользовались имевшимся в хижине хворостом и развели огонь в очаге, Радек сварил в котелке мясную похлебку с картошкой, которой хватило на всех пятерых. Ян, в свою очередь, не желая быть нахлебником у благородных, угостил всю компанию особыми лепешками, секрет приготовления которых знал пекарь в Полянке. Какое-то время в хижине слышался только стук деревянных ложек и причмокивания довольного Селена, да еще временами кряканья Яна, который и во время ужина не прекращал целенаправленной работы по опустошению своих бурдюков.

Когда все наконец наелись и Оттон вышел из хижины, чтобы почистить котелок, Ян уселся у очага лицом к двери и принялся греть над огнем руки. Эрик удивленно посмотрел на него — вечер был по-летнему теплым, а в хижине, прогретой очагом, и вовсе было жарко. Паромщик поймал взгляд юноши и криво усмехнулся:

— Холодно мне что-то здесь. Брага и та не греет. Старость — штука такая, высокородный, от нее никуда не деться. Ты не обращай внимания. Лепешку еще будешь?

— Спасибо, не откажусь. А кстати, скажи-ка, почтенный Ян, вот у тебя нож, которым ты лепешки сейчас резал, он откуда? Очень уж выглядит чудно!

— Хе, ты так и скажи: мол, богато слишком для тебя, дурака, такой нож выглядит! Думаешь, украл я его?

— Да нет же, — смутился молодой барон, — может, думаю, на пароме у тебя кто-нибудь оставил или еще какая история. Любопытно просто, кто им раньше владел. Приметная штука ведь. Камни там на рукоятке такие, сразу видно, что дорогая вещь.

— Ну, он у меня еще с тех пор, как ты, высокородный, на свет не родился. И был я тогда не паромщиком. И история у него есть, это да. А прошлому хозяину ножи теперь и вовсе без надобности. Помер, холера такая.

— А, ясно... Умер, значит. Вот жизнь ведь какая штука — например, кто бы мог еще три дня назад подумать, что Сиятельный... Преподобный Селен, я вот что думаю: приплывем мы в Литтону завтра поздно, погребение уже закончится, так я и не увижу Магистра. Расскажи мне о нем, а? Каков он из себя был? Что говорил тебе при встречах? Ты ведь встречался с ним, беседовал, вот про это и расскажи!

— Встречаться-то встречался, как же. Разговаривал он со мной, правда, один только раз. Мы три года назад в столице собирались, когда Бритые наш храм в Тройдене сожгли, со всеми прихожанами, вот нас после этого ужас-то пробрал. Хмур тогда был Сиятельный, хмур и зол. Гарред, однокашник мой, в Тройдене Мечом Создателей служил, а при нападении Бритых струсил и сбежал. Оправдывался он в тот день перед Магистром. А тот, выслушав, сказал: «Понимаю», а затем протянул ему кинжал и говорит: «Давай сам». Ох, Эрик, тяжело на это было смотреть. Долго Гарред решиться не мог, глядел на нас, как телок, которого резать ведут. Не знаю, как другие, а я взгляд отвел. Ну а потом он сам себя по горлу — хрясь! Видать, Сиятельного больше смерти боялся. А дальше стал Лартен с нами разговаривать, с каждым отдельно. До меня очередь быстро дошла, как сейчас помню. Спросил он меня, когда в последний раз еретики в Полянках объявлялись. Я говорю, уже лет десять не было, все спокойно, Сиятельный. А он тогда посмотрел на меня так пристально, до-о-олго смотрел и потом одно только слово вымолвил: «Хорошо». Я под тем взглядом, признаюсь тебе честно, вострепетал всем своим существом, такой уж он был... А Магистр — «хорошо», и все. Дальше пошел, других спрашивать, а с меня — пот ручьями, как в жару на

солнцепеке да в овечьем тулупе. Я тебе вот что скажу: оценивал он меня в тот момент. В душу заглядывал. Увидел бы там то же, что у Гарреда, — и мне бы тот же кинжал предложил. Так вот.

— В душу смотрел? Говорят, он насквозь людей видел. Воистину великий человек. Возможно, величайший правитель за всю нашу историю. Человек, составленный из одних лишь добродетелей и без единой крупинки порока! Счастлив ты, преподобный, что его знал. Много бы я отдал, чтобы хотя бы разочек, хотя бы немного поговорить с Сиятельным... А ты чего, скажи на милость, смеешься? — повернулся он к одноглазому Яну.

В голосе Эрика слышалось неподдельное негодование. Он был оскорблен в лучших чувствах: полная светлой грусти речь о величии Лартена Кинайского не только не нашла отклика в душе старого паромщика, но еще и вызвала у него неодобрительную усмешку.

— Прости, прости, высокородный, не удержался!

— Не оскверняй своим грязным смехом память того, чьего мизинца ты не стоишь! Впрочем, твой смех лишь доказывает, что люди в большинстве своем неблагодарны. Не всем дано понять и по достоинству оценить истинное величие. Говорят, даже и жена Магистра и та... Хотя вот уж кому повезло — прожить всю жизнь с великим человеком! Что тогда ждать от таких, как ты! Да если бы ты хотя бы раз увидел Сиятельного, ты бы сгорел сейчас со стыда за свой глупый смех!

— Нет, высокородный, не сгорел бы. Не сгорел. Прости еще раз великодушно за неуважение. И еще, ты вот только что спрашивал про нож этот. Позволь рассказать.

— При чем тут твой глупый ножик и светлая память Сиятельного Лартена?

— А при том, высокородный. Нож-то — его, твоего Сиятельного Магистра. Ну что, не хочешь узнать, как он ко мне попал?

— Да что ты брешь! Напился своей вонючей браги и сочиняешь теперь!

— Верить или не верить — дело твое...

— А ну-ка, дай посмотреть! — неожиданно серьезно приказал Селен. — Знаешь, Эрик, может быть, нам есть смысл послушать.

— Благодарствую, преподобный. Вот, смотрите, не порежьтесь только, острый же. Это я им хлеб кромсаю, а создан-то он для другого. Не лепешки, а горла людям резать. Уж я знаю. Я ведь в молодости-то не рыбачил и не катал господ по речке туда-сюда. И, кстати, в Полянках я не всю жизнь прожил. Сам-то я из Рябиновки, что на старой границе, знаете небось?

— Знаю. Та самая Рябиновка, которую в начале войны Бритые....

— Та самая. У меня там старики были, сестра младшая, брат. Тетка еще, отцова сестра, с двумя детьми. И невеста.

— Что за Рябиновка? Какая невеста? — Молодой барон до сих пор не мог остыть от гнева.

— Успокойся уже, Эрик. Продолжай, паромщик.

— Какая, говоришь, невеста? А такая, такая и не каждому высокородному во сне приснится! Ни до и ни после не встречал я такой красы. Семнадцать лет в нашем мире отвели ей Создатели, а я-то ее в последний раз живой видел, когда ей еще пятнадцати не было. Но уже тогда была она мне милее жизни и краше солнца. Так-то... «Какая невеста?» Тьфу!

— Ты прости, если я обидел тебя. Не хотел. Что же случилось-то с ними?

— Да хорошего — ничего не случилось. Беда случилась тогда, вот что. Рябиновка-то была на границе с Греншейном. Это потом уже, после войны, границу отодвинули, а тогда так было: на одном берегу Канавки — мы, на другом — Греншейн. В нашей деревне как-то гвардейцы останавливались, тогда еще их «соколами» называли. У них сокол был отличительным знаком, на шапках да на рукавах его носили. И вот командир того отряда и говорит старосте: так и так, в бою с ной-траггарскими пиратами пал наш лучший разведчик. А я у кузнеца подмастерьем был, как раз тогда подковы принес гвардейцам-то, ну и услышал это. Не будь дурак, говорю: «Возьмите меня к себе, не пожалеете!» Какой же тогда

мальчишка не хотел попасть в гвардейцы! Это сейчас благородных в гвардию палкой не загонишь, а тогда они... Эх, хорошо пошла, бражка-то!

— Ну и что они? Неужели так вот и взяли тебя?

— Они, может, посмеялись бы, да и дальше поехали, но у меня от Создателей с рождения дар был особый — глаза мои зорко видели и днем, и в сумерках. Ночью уже, правда, видеть далеко не мог, но все равно лучше других. За это и приняли меня в гвардию. Повезло мне служить вместе с высокородными да с отважными, многому научился у них. На южных границах беспокойно тогда было, там мы и стояли. Мало-помалу стали меня посылать на самые опасные задания, через три года числился я уже в полку первым разведчиком. Ну а жалованье в то время платили хоть и не как сейчас, но тоже приличное. Скопил я тогда себе денег, получил и боевое ранение — вот сюда, до сих пор видать! — Старик задрал рубаху, и путешественники увидели при неярком свете очага косой шрам, тянувшийся через весь живот. — Хотел уже в отставку проситься, да домой, жениться... А тут приходит приказ: срочно на запад, на границу с Греншейном. И нам в аккурат в мои родные места выпало ехать. Я тогда еще обрадовался, дурак. Думал, своих увижу, да и Тарью мою ненаглядную. Увидел, как же...

На этом старик замолчал, затем прикончил брагу в одном из бурдюков, поежился, потер руки, протянул их над очагом и хмуро уставился на огонь.

— Да что же произошло с ними? Погибли? — не выдержал первым Эрик. Он был уже настолько увлечен рассказом, что и думать забыл сердиться на паромщика. Наоборот, сейчас он искренне сочувствовал Яну.

— Рябиновка была полностью вырезана Бритыми в один из первых дней войны, потому что ее жители не захотели отречься от веры в Создателей, — тихо сказал Селен. — Да будет память о них вечной...

— Это уже после стали так говорить, преподобный, — Кривой покачал головой, — на самом-то деле все было еще страшнее. Тогда же никто не думал, что Бритые — это воплощение зла. Они в Греншейне пользовались тогда поддержкой герцогского сына, гада этого плешивого. Да и у нас многие церковники были с ними заодно. Бритые ведь не отрицали всех Создателей, просто почитали одного из них — Неистового — больше, чем других. И он им за это платил сполна. Болезни они лечили так, как больше никто не умел. Урожаи в деревнях, где священник был из Бритых, всегда были обильными. Люди им верили. А то, что вся их магия на жертвенной крови замешана, а не на обращении к Создателям, мало кого тогда волновало. Крови-то поначалу много и не требовали. Разрезал запястье, подержал немного над ихней чашей — вот и все, ничего страшного, а желание твое исполнится.

— А как же людоедство, ритуальные убийства, мучительства? Это что же, рассказы, по-твоему?

— Нет, какие уж тут рассказы, высокородный. Только это все позже началось, а тогда, в первые дни войны, — вот так было, как я говорю. Потому и не готов был наш герцог с ними воевать — не ожидал, что придется. Так вот, ты слушай дальше. В тот злосчастный год стал-таки Наркиз Бритый герцогом Греншейнским. Брата, говорят, старшего убил, чтобы в жертву принести. И началось. Бритые потребовали, чтобы все храмы в Пяти Герцогствах признали первенство Неистового перед четырьмя другими Создателями. Все, разумеется, отказались. Ну да это ты и без меня знаешь. А вот когда отказались, тут сразу и выяснилось, кто действительно умел пользоваться магией, а кто — прости, преподобный, — только притворялся.

— Да чего тут прощать, так оно и было, — сказал с угрюмым выражением Селен. — Бритые же сначала не армией нападали. Приходил один из Падших, они их Посвященными называли, заходил прямо в храм и там говорил что-нибудь эдакое: «Да покарает Неистовый отступников, не преклонивших главы перед его несокрушимой мощью!» И руку себе надрезал тут же. И, как результат его магии, кровь ударяла в голову жертв, они либо сходили с ума, либо тут же на месте падали замертво. Конечно, народ после этого не имел сомнений,

кто из Создателей самый могущественный и кому следует поклоняться.

— Да, точно. Так оно и в Рябиновке было бы, только местный священник — я его, заразу, хорошо помню — решил Бритого убить первым. Как увидел его, так сразу копьё схватил — и в брюхо гаду. А тот, пока дышал еще, успел прочесть свое заклинание. И, видать, от такого количества крови оно сработало стократ сильнее. Из тех, кто был в храме, выжили только четверо — стояли дальше всех от Бритого. А мои старики и сестренка — не выжили. И еще дюжины четыре сельчан. Брат у тетки гостил — повезло ему. Он два года назад помер, дед вот шалопая этого, — Кривой указал на Оттона, который незадолго до того вернулся с улицы и тихо уселся у огня.

— А невеста твоя, дядька Ян? Тоже там была? — робко спросил «шалопай».

— Нет. В ее смерти виноваты не Бритые. Ее убили верные служители церкви Создателей из Ордена Верности. Тыфу. Они, мрази, прискакали в Рябиновку на следующий день после бойни в храме. Выясняли, кто из жителей сочувствовал Бритым или принимал участие в их обрядах. Потом шли к ним домой и убивали. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. Отец моей Тарьи как-то обращался к Бритым за помощью, когда его жена с кишечной хворью лежала. Они вылечили ее, и с тех пор он был им благодарен, жертвовал что-то там. Ему отрубили голову прямо на пороге его дома. Тарья обезумела, схватила вилы, бросилась на убийц отца. Ее тут же и закололи... А наш отряд вошел в Рябиновку на следующий день. Я всех схоронил, сам рыл могилы, вот этими руками. А потом решил отомстить. Бритым — за смерть семьи. «Верным» — за невесту. Она ведь меня ждала все эти три года, старикам моим помогала, женихам другим отказывала, знала, что я вернусь к ней. Это мне тетка моя рассказала, она выжила тогда.

— И ты отомстил?

— Как сказать, высокородный, как сказать... Сначала я узнал имена. Того, кто отдал приказ убивать, и того, кто исполнял этот приказ в Рябиновке. Первым был Мейрат Литтонский.

— Святой мученик Мейрат???

— Он самый, твое преподобие, он самый. Как вы понимаете, ему я отомстить не успел. Когда я узнал, как он умер, мне даже стало его жаль. Я-то бы убил его быстро — заколол бы, так же, как по его приказу закололи Тарью. Но Бритые успели раньше, да. Это ведь был первый известный случай людоедства с их стороны, я не путаю, преподобный?

— Не путаешь. У тебя отличная память, паромщик. Они съели его сердце для приведения в действие одного из своих заклинаний, решивших исход битвы в Сорочьих Гнездах.

— Да, точно. Святой мученик теперь... А вот второй, тот, кто убивал сторонников Бритых в Рябиновке, кто лично отрубил голову отцу моей невесты, этот-то мучеником не стал. Он стал Сиятельным Высоким Магистром Ордена Хранителей.

— Лартен? Я уже не знаю, верить тебе или нет, старик! Я слышал, конечно, что Сиятельный начинал в Ордене Верности, но то, что ты рассказываешь...

— Я ж говорил тебе, верить или не верить — дело твое. Как было — так и рассказываю. Будешь слушать дальше?

— Буду. Продолжай. Так ты встретился с Лартеном?

— Ха! Трижды. И горько жалел о каждой из этих встреч. Потому и не смог удержаться от смеха, когда ты тут расписывал, как много дал бы за возможность увидеть его. Я-то, веришь ли, дал бы не меньше, чтобы не видеть твоего Сиятельного вообще никогда. А в первый раз я встретил его через три месяца после начала войны. Наши тогда драпали от грешейских, ровно мышата от голодного кота. Бритые уже показали свое настоящее лицо. Да какое лицо — гнусную людоедскую харю мучителей и убийц они показали! В каждой крупной битве магией крови убивали или калечили наших командиров и знаменосцев на расстоянии. Боевой дух у наших был — хуже некуда. Мало того, высокородные господа стали бояться командовать — оно и понятно, кто ж захочет стать жертвой убийственного заклинания. Гвардейцы-«соколы» держались лучше других, но и у нас уже опускались руки.

В общем, еще бы немного — сдались бы наши, так все было паршиво. И тут вечером вызывает меня и еще троих лучших разведчиков командир и говорит: «Пойдете ночью в гости к Бритым. Задача первая — взять хотя бы одного Падшего живьем. Задача вторая — с вами пойдет один блаженный из Хранителей, он должен выжить любой ценой». А надо сказать, тогда этих Падших боялись еще больше, чем сейчас. Чуть не бессмертными их считали. Ну, я и думаю, в живых остаться — шансов нет, так хоть побольше Бритых с собой заберу. Сижу, нож точу. Тут входит толстый такой, весь в сером — я тогда Хранителей-то еще не отличал от других орденов, — и говорит: «Сегодня ночью мы решаем исход войны. Наш Орден, возможно, нашел средство противостоять магии Бритых. Надо только его испытать и довести до ума. А для этого нам нужен живой Посвященный. И мы с вами сегодня его добудем. Бояться я вам запрещаю. Бояться будем после». А то его кто-то спрашивал, бояться нам или не бояться!

— Так это и был Лартен?

— Да не перебивай ты, дай рассказать спокойно! Так и пошли мы впятером. Видел я ночью лучше других, поэтому мне досталось снимать часовых, а потом первым лезть в избу, где спал Бритый. Толстый Хранитель — точно, блаженный — полез вторым. Бритый успел проснуться за миг до того, как я его оглушил. Ну, вытащили мы его, понесли, связанного, только не успели из ихнего лагеря выйти, как этот боров в сером ка-а-ак шлепнется в грязь мордой! И встать не может, ногу подвернул, зараза. Я сначала Бритого на себе тащил, и то тяжело было. А тут пришлось мне этого хряка на спину взвалить, а Кун, он похлипче был, Бритого понес. Двое других остались прикрывать отход. Не вернулись потом, не хочу даже думать, что с ними стало. А мы, когда уже почти дошли до своих, остановились отдышаться. И тут Кун предлагает: «Давай я Лартена понесу, я не так устал». Тут-то у меня рот и открылся. «Кого-кого ты понесешь?» — «Ну Хранителя нашего, зовут его так, Лартен Кинайский», — говорит Кун. У меня руки и опустились. Понял я, что не убью его. Не потому, что ненависти нет к нему, а потому, что, убив его, — убью надежду на победу. Но и простить за Тарью — тоже не могу. Так и стоял, только кулаки сжимал...

— Ох, паромщик, нелегкий тебе выпал выбор... А нож-то, надо думать, тебе Сиятельный подарил в благодарность после того рейда?

— Нет, с ножом история другая. Дарить он мне его не собирался. А получилось вот как: через три года после того случая свела меня судьба с дочерью одного богатого купца из Винтры. Мы тогда уже почти решили исход войны с Бритыми, во многом благодаря новой магии Ордена Хранителей. Лартен уже тогда был в Ордене вице-магистром, к тому же успел снискать уважение старого герцога. Все понимали, что там, где Лартен, — там и победа. А вот с женитьбой у него не ладилось. К нему льнула половина баронских дочек, а он увидел как-то раз Альси и вбил себе в упрямую тыкву, что только она достойна стать его женой. Чего уж он в ней такого нашел — не знаю. Разве что волосы у нее были необычные — серебряного цвета. Да еще кожа на лице — прозрачная такая, каждая жилка видна. Я-то с ней познакомился так: взяли мы с боем деревушку по ту уже сторону грешейнской границы, тут прямо на нас выбегает богато так одетый господин и орет дурным голосом, что Бритый сейчас убьет и съест его жену и дочь, если мы его немедленно не остановим. Ну, оно и понятно, были б у меня жена да дочь — я б, может, еще и не так орал. Жалко, конечно, его стало, но и к Бритым-Посвященным (а раз сожрать хочет, значит, точно Посвященный) соваться без Хранителей боязно. Все ж поборол я страх, влез через окно в указанный им дом, смотрю — точно, ритуал свой творит, мразь такая бритая. Рожа еще у него такая страшная — будто высушили ее. Овернулся он ко мне да как жახнет! У меня кровь из носу да из ушей пошла, перед глазами марево сплошное, меч я выронил, конечно, сам вот-вот упасть был готов, двигаться не мог. Ну, думаю, допрыгался. Тут он еще кочергу какую-то с пола хватает и как мне в морду ею ткнет! Попал прямо в глаз, так и окривел я. Но это-то меня и спасло: от боли, видно, чувства ко мне вернулись. Свернул я ему шею, твари поганой. Потом и сам упал, дальше не помню, что случилось. Очнулся уже в госпитале. Смотрю — рядом девица сидит. «Меня, — говорит, — Альси зовут, как я могу отблагодарить моего благородного

спасителя?» Так и познакомились.

— И как же она тебя отблагодарила? — заинтересовался Оттон.

— И не спрашивай лучше. Сидела она со мной все два месяца; пока я выздоравливал. Про себя рассказывала, про отца, про то, что сватается к ней один орденский, а она его, кабана жирного, терпеть не может. А потом, как пришло мне время снова в отряд возвращаться, она и говорит: «Люб ты мне. Женись, уедем с тобой отсюда, заживем, горя не зная». Вот так. Я-то после Тарьи ни о каких девках и не думал. Ну а тут — задумался снова. Не то что у меня к ней страсть какая была, нет. Но, думаю, почему бы и вправду не остепениться, начать семейную жизнь, завести детей. Так вот, подумал я хорошенько, да и решил согласиться. Да, говорю, любя и ты мне, только сначала надо войну закончить, Бритых добить. Дождись, говорю, меня, а прочим женихам давай от ворот поворот. На том и расстались.

— А дальше?

— А что дальше? Дай допью уж бражку-то, а то больно горько мне без нее рассказывать. Ах, хорошо пошла! А дальше, в самом Греншейне уже, аккуратно через неделю после подписания мира, неожиданно-негаданно прибегает она к нам в лагерь, разыскивает меня и заявляет: отец, мол, насильно ее заставляет идти замуж за нелюбимого, потому как у того отличное будущее и вообще отец от него в восторге. Я говорю, пусть тогда сам и выходит за него замуж, а мы — да хоть за море в Ной-Траггар подадимся. Привязался я к ней все же за те два месяца, очень был рад ее снова видеть. Да и, как сказать тебе, грела мне душу мысль о семье-то. Так вот, а с женихом, говорю ей, я могу и по-мужски разобраться. Тут она говорит: нет, этот Лартен — страшный человек, лучше убежим. Я так и взвыл. Опять этот гад мне дорогу перешел. Дай, говорю, подумать. Ну и подумал. Убежать с ней — куда от него убежишь. Тогда уже ясно было, какого полета он птица. От такого не скроешься, хоть ты под землю закопайся. Захочет — найдет. А он захочет, потому как обиды никому не прощает. Так что убежать не выйдет. Другое дело — убить его, пока он ни о чем не подозревает... Бр-р-р, что-то совсем холодно стало. Хворосту надо бы в огонь добавить.

Радек Рыжий, не дожидаясь прямого указания Селена, встал со своего места у очага и направился к двери. Открыв ее, он вдруг захрипел и осел на пол. Длинный охотничий нож, пробивший его грудь чуть левее солнечного сплетения, по рукоятку окрасился алым. Дверь осталась открытой, и ошарашенные путешественники увидели двух мужчин, стоявших в проеме. Один из них был коренастым и довольно плотным, другой отличался высоким ростом и тонкими чертами лица. Высокий держал в руках взведенный самострел, а коренастый вытащил из ножен короткий меч взамен ножа, так и оставшегося в груди Радека. Головы обоих были гладко выбриты.

— Та-а-ак, — скрипучим голосом произнес бандит с самострелом, — кто это у нас тут сидит? А не орденская ли это шавка? Хотя какая тут шавка — тут целый теленок из Ордена Палачей. Что же ты так побледнел, святой воитель? Боишься, а? Правильно делаешь, что боишься! А это еще что за щенки? — Бритый перевел взгляд на Эрика и Оттона, прижавшихся сейчас друг к другу и забившихся в дальний угол. — А ну-ка, встать! Ты, длинный, возьми вон ту веревку и свяжи вот эту орденскую свинью по рукам и ногам. Узлы двойные делай. А ты, одноглазый, чего сидишь? Помогай ему тоже!

Сиятельный Лартен Кинайский в свое время не ошибся в оценке преподобного Селена. Героем он не был, но не был и подлецом. Сейчас сердце служителя Ордена заходило от страха смерти, кровь отлила от лица, губы и пальцы дрожали. Живот свело мерзкой судорогой, а если бы он попытался встать, ноги бы не удержали его. И тем не менее Селен сделал то, что должен был сделать любой воин Ордена Хранителей, увидевший еретиков. Он прикусил губу и, почувствовав вкус собственной крови, ударил высокого Бритого магией. Обычно такого удара хватило бы, чтобы жертва потеряла сознание от боли или, во всяком случае, утратила способность к каким-либо действиям на минуту-другую. Но, к ужасу Селена, Бритый лишь скривился, как будто у него заныл зуб.

— Ты оказался смелее, чем я думал, — протянул он все тем же скрипучим голосом, —

что ж, это заслуживает уважения. Ты умрешь последним. Одноглазый, я, кажется, приказал тебе связать его!

— Да-да, конечно, высокородный, с удовольствием! — дребезжащий от страха голос Яна Кривого был просто-таки до тошноты омерзителен. — Сейчас-сейчас, где же веревка-то, а, вон она, я сейчас...

Дрожащими руками он потянулся к веревке, но по дороге неловким движением опрокинул котелок с водой, тот упал прямо на остатки хвороста в очаге и тут же залил огонь. В мгновение ока хижина погрузилась в кромешную тьму. Тут же в этой темноте раздались подряд несколько звуков: шипение углей, тонкий свист летящего металлического предмета, щелчок, раздающийся при спуске курка самострела, шум борьбы, короткий хрип, омерзительный хруст костей, удар падающего тела о земляной пол, тихий стон, всхлип, бульканье, снова стон. Затем наступила тишина, в которой можно было услышать лишь drobный перестук зубов двух испуганных шестнадцатилетних парнишек в углу хижины.

* * *

— Он пришел в себя, преподобный! — Эрик бесцеремонно толкнул Селена в плечо, невзирая на разницу в возрасте. — Хочет что-то сказать!

— У... у-у... убил? — Губы паромщика еле двигались, лицо его было бледным и казалось еще более скуластым, чем обычно. Тело его содрогалось в мелких конвульсиях, глаз блестел нездоровым блеском.

— Убил, почтенный Ян, обоих убил! — Как бы ища подтверждение собственным словам, святой воитель Ордена Хранителей посмотрел в сторону до сих пор открытой двери. Там друг на друге лежали три тела: его несчастный слуга Радек с ножом в груди, крепкий сектант со сломанной шеей и его высокий товарищ, до сих пор зажимавший мертвыми пальцами колотую рану на горле. — Как есть убил, не встанут теперь!

— Нет... Он — меня — убил?... Где... мои ноги...

— Мы остановили кровь, но рана глубокая, да и — врать не буду — внутри все разворочено у тебя. Оттон побежал в деревню за помощью. Сейчас придет знахарь, он обязательно тебя вылечит. Да ты и не в таких переделках бывал, держись!

— Ну вот. Все-таки... убил. — Неожиданно голос Яна обрел прежнюю силу. — Преподобный, слушай. Не говори. Только слушай. Возьми нож, отдай ей. Скажи, что... Что-нибудь ей скажи... Она, Альси-то, так и говорила: убью и его и себя в первую же ночь после свадьбы с ним. А я — не дал. Уговорил... Нож-то этот у нее отобрал... Знал, нельзя его убивать. Его жизнь — это счастье многих. А мое счастье — это только мое. И еще ее. Попроси у нее за меня прощения. Скажи, я не мог по-другому. Скажи, теперь жалею. Нет, не говори, это будет вранье. Я не жалею. Я знаю, ты бы поступил так же. А как же иначе? Иначе-то — нельзя. Иначе... холодно тут. Хвороста бы в огонь... Но я не жалею. Все равно... не...

Кровь пошла горлом, предсмертный хрип перешел в бульканье и быстро затих. На лице старого паромщика застыло выражение усталости и спокойствия. На мертвые щеки падали тяжелые капли. Это, ничуть не стесняясь присутствия молодого барона Харве, плакал Светлый Меч Создателей в деревне Полянка, а в будущем — могущественный вице-магистр Ордена Хранителей преподобный Селен.

* * *

Лейтенант гвардейцев Литтоны высокородный Бриссен уже собирался идти домой и насладиться приготовленным красавицей-женой ужином, когда в дверь его кабинета постучал ординарец.

— К вам два парня. Говорят, желают служить в гвардии, добровольцы то есть...

— Кто такие?

— Один вроде баронский сын, Харве-младший.
— О как! Я знал, что старый барон пришлет сына к нам, но не ожидал, что так скоро. Думал, через год или вроде того... А второй?
— Второй — сирота, родители были — крестьяне, даже и не знаю, что делать с ним.
— Ну, раз сирота, не выгонять же. Давай, что ли, посмотрим на них? — Бриссен встал из-за стола и вышел из кабинета в приемную.

* * *

Служанки в доме Сиятельного Лартена Кинайского настолько же не любили хозяйку, насколько обожали хозяина. По правде говоря, поводов для такой нелюбви госпожа Альсинора давала предостаточно. Чаще всего домашняя прислуга отзывалась о ней как о «старой мегере», «нашей стерве» или просто «этой дуре». Обсуждать за ужином ее поступки было у горничных любимым занятием. Вот и сейчас они предавались беседе о поведении хозяйки, но в кои-то веки в их голосах звучало не презрение, а сочувствие и удивление.

— Да, три дня держалась, наша-то, а тут, ишь, в голос завывла. Видать, есть у нее сердце все же.
— Оно конечно, должно ж быть. А я думала, что и слезинки не прольет. Ан нет, смотри-ка, разобрало ее.
— Главное, сколько крепилась, а? И на церемонии была, речи говорила, да с таким видом, будто и не супруга потеряла, а безделицу какую, и потом тоже.
— Это все тот толстый, из Ордена. Как он ушел — она сразу в рев.

— А чего он вообще приходил-то? Больно уж поздно для соболезнований, а? Аль он издалека?

— Вроде он говорил, что вернуть хотел ей какую-то вещь. А что за вещь? И расспросить-то толком я не успела — ужинать он не остался.

— Да при чем тут толстый? Просто осознала в конце-то концов дурища эдакая, кого потеряла! И в ней, видать, какое-никакое чувство к нему все ж проснулось. Хотя и поздно.

— Да, твоя правда, кума. Вот ведь что любовь с людьми делает! Кстати, а мой-то — опять вчера налился.

Вера Камша **СТУРНИЙСКИЕ МОЗАИКИ**

*Автор благодарит за оказанную помощь доцента
исторического факультета СПбГУ Игоря Юрьевича Шауба ²²*

БОГИ СМОТРЯТ

*Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.
Эдуард Багрицкий*

Невероятно до смешного: был целый мир — и нет его...
Георгий Иванов

*Часть первая
Эпокария
7777 год от знамения Стурнийского*

I

Мозаичник был худ, как жердь, а двое из троих его приятелей — полнотелы и румяны. От возбуждения и избытка вина. Напряженье третьего — гнедого кентавра — угадывалось по тому, как красновато отблескивала в чуть раскосых человеческих глазах недобрая лошадиная звезда. Кентавра Асон знал, хоть и не слишком близко, его сотрапезников видел первый раз в жизни и, очень на то походило, последний.

— Я не пью перед боем. — Асон решительно прикрыл ладонью достойный царя Эпокарийского кубок. — И вам не советую. Может, сперва вы и станете храбрыми, но потом вы станете мертвыми.

Сонэрг с силой стукнул кованым копытом о мрамор и засмеялся, вернее, заржал. Мозаичник торопливо выпил, сосед Асона справа, кажется, храмовый каллиграф, махнул красивой длиннопалой рукой.

— Осторожность нас спасет, если мы удерем, а удирать некуда. То есть нам некуда... Вот слюдяниц и голубей я выпустил...

— Ты выпустил слюдяниц?! — Разом подобравшийся кентавр принялся разглядывать пол. — Куда?

²² Автор и его консультант осведомлены как о том, что звук в вакууме не распространяется, так и о том, что фавны и кентавры проходят по разным ведомствам, прокуратор — всадническая должность, римское имя должно быть трехкомпонентным, ланг не является оружием легионера et cetera, но где Рим, а где — Стурн и тем более Эпокарийское царство.

— В водосборник, — успокоил каллиграф. — Может, выплывут.

— Или вылезут в Нижних храмах, — осклабился Сонэрг, — и поприветствуют иклутских ублюдков. У них это выйдет лучше, чем у вас.

— Я выпью и что-нибудь напишу, — вдруг заявил третий, до того сосредоточенно тарасившийся на сваленное в углу оружие. Оно тоже было бы достойно царя, будь царь достоин его. — Вот напишу, и все! Напоследок... От души и для души. Раз в жизни можно, а, «звездный»? И к горгонам форму! Судить будут не жрецы, а боги. Им вряд ли важны размер и рифмы.

— Богам ничто не важно, — фыркнул кентавр, и Асон вспомнил, как давным-давно пытался у старины Сонэрга, на кого ставить. Тот подсказывал с такой же брюзгливой миной. Разумеется, если не дрался сам. — Богам ничто не важно, — назойливо повторил гнедой. — Иначе б они кого-нибудь уже испепелили. Не вас, так иклотов, будь они прокляты, но боги, будь они прокляты тысячу раз, только смотрят!

— Сонэрг, — не очень уверенно попросил каллиграф, — не кощунствуй.

В ответ кентавр хрюкнул и выплеснул в свою кашу едва ли не бочонок красного, даже не подумав смешать его с водой. Случайные сотрапезники, бронзовые и мраморные изваяния, накрытый прямо в недостроенном храме стол — все это казалось бредом, но бредом последние годы было все, от взбесившихся людей до бросившего скипетр Ниялка. Сорок с лишним лет бреда — это слишком, но конец был очевиден и близок. Его оттягивали не из страха и даже не из ненависти к взбунтовавшейся глине, а по привычке. Драться до последней возможности, не складывать оружие, а упав, подниматься. Этому «звездных» учили всю жизнь, это и было их жизнью, которая принадлежала Небу и Царю, только Небеса молчали, а Ниялка вспоминать не хотелось. Царь свое получил, и в этом не было ни радости, ни горя, разве что извращенная справедливость. Отрекшийся владыка умер, и умер страшно. Некогда светлое царство, от которого он отрекся в надежде сохранить — нет, не жизнь, тогда ей ничего не грозило, — покой, еще билось в агонии.

— Ну и зачем я тебя привел? — Повеселевший Сонэрг отпихнул свой котел и опустил на плечо Асона покрытую почетными татуировками ручищу. Человек рухнул бы на пол со сломанной ключицей, титан лишь поморщился:

— Откуда мне знать? Может, память?

— Может. — Второй ручищей кентавр подгрел к себе мозаичника. — Помнишь, как я уделал белоногого?

— Это ведь был твой первый венок? — переспросил мозаичник. — Я тогда здорово просалился...

— Не ты один! Давай ключ — выйду. Храм все-таки...

— Зачем? — не понял каллиграф. — Все равно завтра эти...

— Вот потому и выйду. Не хватало, чтобы тут скотство нашли!

— А... Все равно скажут...

— Скажут — да. — Сонэрг зло сощурился. Именно с таким взглядом он выходил на ристалище. — Только это будет враньем! Я согласен на любое вранье, но не на правду, которая понравится иклутам. Они вас ненавидят, но вы для них все еще боги. Извольте таковыми и сдохнуть!

* * *

— Пора, друзья. — Идакл оглядел смотревших на него воинов и твердо повторил: — Пора. Хватит тянуть. Весной на месте их проклятых лабиринтов зазеленеют оливковые рощи. Земля и воды должны давать, а не брать!

— Зачем торопиться? — Невкр, сводный брат вождя, обезоруживающе улыбнулся и подул на горячую, только с огня, лепешку. — Каждый лишний день — подкрепление для нас и отчаянье для них. Оливы смертны, но живут долго, что для них одна весна? Она ничто даже для нас, а мы свои годы, в отличие от белобрысых, считаем. Глупо позволять им

забирать нас с собой.

— Ты ешь давай! — засмеялся вождь. Сегодня он ужинал у костров лекавионской фаланги. Значит, завтра лекавионцам выпадет самое трудное и самое почетное.

— Я ем. — Стратеги Идакла от простых воинов отличались лишь двойными плащами — алыми, скрывающими кровь, днем, белыми, указывающими путь, ночью. — Только у скольких из сидящих возле этого костра есть сыновья?

— Хорошо, если у трети, — негромко предположил Идакл. — Свобода — бог молодых, но ждать опасней, чем драться. Мы загнали титанов в нору и раздавили их гордость, но они могут опомниться. Или сойти с ума. И то и другое нам обойдется дороже штурма, ведь Линдеи даже не крепость. И не забывай: войску нужно есть, и есть хорошо. Земледельцы и пастухи и так отдают нам больше, чем могут, мы не вправе объедать их еще год. Война — это вытоптанные поля, необработанные сады, нерожденные дети... Сорок лет... Я старше большинства из вас, но и я не помню мира. Пора положить этому конец. Копейщик, с кем ты согласен? Со мной или с моим братом?

От неожиданности Тимезий вздрогнул. Он сражался с белобрысыми восьмой год и в свои двадцать пять по праву считался ветераном, но «говорить» с титанами было проще, чем отвечать вождю. Горло отчего-то перехватило, и этим воспользовался паршивец Клионт.

— У меня нет жены! — выпалил он и отчаянно покраснел. — Но у меня шестеро братьев. Младших... Если меня убьют, они останутся, и они... будут счастливы!

— И они, — очень серьезно подтвердил Идакл, — и тысячи, десятки тысяч других. Те, кто завтра умрет, умрут за них. И станут бессмертными. Память живущих и есть наш элизий! Иного вечного блаженства мы не ищем, да его и нет!

Я не раз говорил, что Линдеи должны быть разрушены, а Стурнон — сожжен. Мы для них ничтожные «иклуты», они для нас — мертвецы. Я говорил это, когда нас били, я говорил это, когда мы в первый раз устояли, я говорил это вчера у костров ионнейцев. Сейчас я говорю это вам. Впереди — победа. Окончательная. Истинная. Победив, мы, дети Времени, братья Свободы, мужья Гордости, создадим свое царство, царство людей, в котором все будет зависеть от нас: ведь наши боги всегда с нами. Их не нужно отливать в бронзе и переводить на них мрамор. Плодоносящая олива — вот наш бог. Память, которую мы передадим сыновьям, — вот наш бог. Свобода и гордость, дети и любимые — вот наши боги. Мы не строим им капищ, мы носим их в сердцах.

Мы — пчелы Времени Всемогущего, нам отпущен малый срок, но падающие звезды, сгорая, вершат судьбы мира и указывают путь. Пусть каждый из нас не так уж и силен, но кто одолеет Рой? Мы собираем мед для своих детей, и не отжившим свое титанам встать на нашем пути. Готовьтесь к штурму, друзья. Первыми заговорят тараны кентавров, вторыми — ваши копыта и пращи. Постарайтесь как следует выспаться и не забывайте — наша сила в плече товарища. Держите строй. Не отрывайтесь друг от друга, не торопитесь, не опускайте щитов... Воин, а ведь я вспомнил твое имя. Ты — Тимезий, один из уцелевших у Ионнейского брода. Ты еще добыл у титана копье, оно с тобой?

— Я переделал его под свою руку...

— Он его не только переделал. — Полусотник Арминакт гордился успехами подчиненных сильнее, нежели собственными. — Наш Тимезий объяснил троим белобрысым, что их Время пришло.

Вождь удовлетворенно кивнул, Невкр вновь светло улыбнулся: на счету брата вождя было не меньше дюжины титанов, а Идакл, пока стратеги не запретили ему видеть бой иначе, чем со спины коняги, прикончил десятка два. Что в сравнении с этим трое ополченцев, пусть и выше тебя на две головы?

— Я еще не встречался с мечеглазами, — честно признал Тимезий.

— И еще ты не ответил на мой вопрос. — Идакл, в отличие от брата, почти никогда не улыбался. — Тебя опередил товарищ, но ты видел больше его. Присмотри за ним в бою. Пусть у матери останутся все сыновья. Все семеро.

На этот раз Клионт промолчал и даже устоял на своих сандалиях. Тимезий ухватил

мальчишку за ухо.

— Я так и так это делаю, вождь. И я согласен: Линдеи должны быть разрушены. Войну пора кончать.

* * *

— Любуешься? — Сонэрг соизволил заговорить, когда Асон напрочь забыл об уединившемся на заваленном строительным хламом дворе кентавре. — Иклуты так не построят...

Вышедший подышать «звездный» не ответил, зачем? Ночь, как назло, выдалась безоблачной, и Линдеи тонули в лунном молоке. Пустота и резкие черные тени превращали еще живой город в зависший на границе небытия призрак, но галереи, статуи, храмы существовали, и их следовало защищать. Если позволить людям пройти до самого Стурнона без боя, они заподозрят ловушку, и потом, не бросать же все это просто так! Молчание богов и слабость царя смыли со щитов их имена, но сами щиты остались.

Сзади совсем по-лошадиному вздохнул Сонэрг. Он тоже смотрел. Кентавров, тех, кто сохранил верность, в Линдеях не набралось бы и сотни, и Асон уже перестал понимать, почему они здесь. Прежде это казалось в порядке вещей: титаны — избранные Небом господа, кентавры, фавны и горгоны — их ближайшие и вернейшие слуги. Мир вспыхнул сухой соломой, горгоны вспомнили о крыльях, фавны попрятались, кентавры приняли сторону людей, а Сонэрг со товарищи наплевали на мятежных сородичей, и теперь те спят и видят переломать по новой традиции «отступникам» все ноги. Почему кентавры изменили, Асон понимал, почему изменили не все — нет.

— Сонэрг. — Гнедой прожил достаточно много, даже больше, чем Асон, вдруг сможет объяснить? — Почему ты здесь?

— Потому что пока не сдурел. — Могучая нога одним ударом разнесла в щепки пустой бочонок. — Справедливости им хочется, как же! Справедливость — это когда первый — первый, последний — последний, и все знают цену всем. Я на ристалище первый уже третью сотню лет. Не случись этой дури, еще б столько продержался. Ну а всяким одрам это поперек горла, только в первые им не выйти, вот и бесятся. Думают, я мешаю, а дело — в них. Я, может, завтра околею, только навоз навозом от этого быть не перестанет, так и с иклутами. Ну перебьют они вас, а дальше? Все равно в сорок останутся без зубов, в пятьдесят — без девчонок, а в семьдесят сдохнут. И чтобы я такое на спину сажал?!

Всадников на кентаврах Асон помнил. С них поражение и началось, с них и с того, что у людей появился вождь. «Звездный» невольно потянулся к мечу. Отдав Небу положенное и выслужив личный клинок, он не думал когда-нибудь вновь войти в здешний Лабиринт. Носитель звезды мог жениться, зажечь собственным очагом, иметь ребенка... Они с Интис хотели сына. То, что пришлось встать между святынями и низкорослым визгливым сбродом, до сих пор казалось невероятным. Циклопы, вернувшиеся из-за моря изгои, драконы, наконец, — это было бы понятно, но люди?!

— Я понял, почему ты не с ними. Только это не повод подышать с нами. Ты мог просто уйти. Фавны так и сделали.

— Эти?.. — Сонэрг смачно фыркнул. — Привалившиеся спиной к стволу оливы... Со свирелями и козлиными задницами. Тоже вымрут. Скоро и пакостно. Вот на это я бы глянул. И на тех дураков, кому вы глаза застите. Так застите, что собственного дерьма не разглядеть... Ничего, наслаются еще. Царство радости, счастье для всех... Тьфу! Видал я такое в садке со слюдяницами. Есть кого жрать, жрут. Нет — жрут друг друга, вот и считай: вам, бессмертным, конец, а тут — мы. Понравится иклутам, что полускотам по тысяче лет отмерено? Вы нам с одного бока наподдали, они с другого врежут, с завистливого. А назад их не загнать, разве что боги наконец зачешутся. Пошли выпьем, что ли.

— Иди.

— А ты?

— Я — в Стурнон, — внезапно решил Асон. — Вряд ли я завтра до него... доживу.
— Пить и в самом деле хватит, а дрыхнуть не выходит. — Сонэрг как-то странно протянул руку. — Влезай!
— На тебя? — Отречение Ниалка и то было не столь невозможным. — Верхом?!
— А то, Время тебя за уши! Хочу сбежать на ристалище... В одиночку — тошно, наши... те, кто не сдурел, не поймут, а тут — ты.
— Я не «краснорукий».
— А где те «краснорукие»? Лезь! А в Стурнон успеем!

Больше Асон не спорил. Безумная ночь требовала безумств и боялась пустоты, а на линдейском ристалище он провел не худшие часы. Сонэрг принял с места коротким галопом. В Лабиринте проживший в Линдеях чуть ли не всю свою жизнь кентавр разбирался не хуже жрецов и стражи. Мимо проносились громады зданий, белели ребра галерей, желтыми звездами вспыхивали костры или распахнутые двери. Послышался звон струн, женский — Всесоздатель, тут остались женщины! — голос запел хвалу вечерней звезде и утонул в цокоте копыт. Следующая песня за следующим поворотом была мужской и пьяной. Ее тоже надолго не хватило...

II

Справа от почти полной луны догоняли друг друга две звезды — красноватая и ласково-голубая. Смерть и Жизнь. Дочери Времени Всемогущего. Сестры никогда не ссорятся. Смерть берет то, что не может удержать в горстях Жизнь. Жизнь собирает то, что потом отдаст Смерти. Завтра они поделят пришедших к Линдеям, а пока здесь властвует луна. И мешает спать. Тимезий ткнулся лицом в верный мешок, но ни плотно закрытые веки, ни потерявшая овчина не спасали от настырного светила. Копейщик сдался, перевернулся на спину и открыл глаза.

Луну медленно рассекало узкое облако, единственное на небе. Выше звездные Кони рвались из рук Колесничего, в ногах его валялся никому не нужный Венец. Ночь перевалила за половину, но до рассвета было неблизко. Последняя ночь перед последним штурмом... Тимезий слишком хорошо знал титанов, чтобы не понимать: бой будет страшным. Сломать церемониальные ворота, пусть и замурованные, для коняг — игрушки, но дальше придется туго.

Стараясь не шуметь, человек вытащил копье и кусок козьей шкуры — протереть наконечник. Это хоть как-то отвлекало от лезущей в душу луны и неуместных перед схваткой мыслей, а жить хотелось все сильнее. Отчаянно, иступленно, как, наверное, никогда раньше. Клионт тоже не спал, но иначе. Мальчишка и так ждал штурма, словно совершеннолетия, а тут его еще Идакл заметил! Как же после такого завернуться в плащ и засопеть? Как вообще спать под такой луной?!

— Тимезий, — прошипело у самого уха, — ты чего не спишь?

— Не хочу. А вот некоторым не мешало бы...

— И я не хочу. — Клионт перешагнул через Матрею, зацепился за мешок и почти свалился у погасшего костра, чудом не отдавив ноги спящему Арминакту. — Какое оно у тебя все-таки...

— Такое, — усмехнулся копейщик, — только не больно-то хватай. Грани — хоть брейся!

— Сам не порежесь!.. Хорошо тебе, а моим плащ не сразу пробьешь... Слушай, ты белобрысого вместе со щитом к дереву прищипишь?

— Я тебе не коняга! Пробить панцирь сил, пожалуй, хватит, но лучше изловчиться руку или ногу подрезать... Ты Невкра спроси, он — лучший.

— Брата вождя?!

— А что? С Идаклом вы теперь приятели...

Замолчал. Думает... А луна все пляшет. По плащам спящих и мраморным

восьмиугольным плитам. По краю разбитого фонтана, в былые годы поившего паломников. По наконечнику отложенного в сторону копья... Тимезий видел, как в руках опытных воинов-колесничих копья с такими наконечниками рубят людям руки и головы не хуже тяжелых секир, а при колющем ударе пробивают тела насквозь... Те, кто перемолол под Ионнеями две фаланги, наверняка теперь в Линдеях. За смешной стеной... За истончающейся ночью... В Лабиринте колесницам не развернуться, но мечеглазам они не нужны, да и «краснолапых» вряд ли всех выбили. Это только говорится «последний штурм», а после него еще добирать и добирать.

— Тимезий!

— Чего еще?

— А как ты у Ионней? Как ты того белобрысого?..

— А то ты не слышал! — Вспоминать о поражении перед боем — дурная примета. Перед боем вспоминают о победах, но... Но ведь ты, именно ты, тогда победил. Любой ценой выносить отбитые копья — приказ вождя. Прежде всего — оружие и раненые, а мертвые уже мертвы. Земля одна на всех, это титаны, пока могли, волокли покойников, что познатней, в свои некрополи, людям довольно памяти и победы.

— Расскажи... А то Арминакт всего не видел.

— Арминакт и не мог, он в это время пытался нашу полусотню к холму отвести... А получилось так — когда в первой же схватке удалось «краснолапного» прикончить, мы было решили, что белобрысые прыти-то поубавят, останятся, мы их на топкое место и загоним. Только не срослось. То ли вел их кто другой, то ли все у них навыворот, но озверели они совсем и так врезали, что коняги наши и те сплеховали, да... Не все, но нам хватило. Я с краю стоял, ну кентавры нас, удирая, и задели, человек пять с ног сшибли. Меня тоже. Пока поднялся, фаланга отступила, а белобрысые уже близко... Хорошо, Пифар, вожак, последним шел, вот я ему на спину и сиганул. Коняги такого не любят, но тут не до ссор было. Он за своими помчался, чтобы вернуть, ну а мне куда деваться, держусь. А тут белобрысый сбоку, и откуда только взялся?.. Меня в расчет не принял, на Пифара копьем нацелился. Ну, я с ходу со спины Пифаровой и прыгнул. Повезло, как раз в жизни везет, — мечом прямо в горло попал. Копье подхватил, Пифар ржет, довольный, сам меня на спину забросил и вперед.

— А меч, ну, который с камнем?

— Так то не мечеглаз был, обычный копейщик, таким длинный меч не положен. А даже и был бы — зачем он нужен...

— Я бы не бросил.

— Ты еще истукана с площади подбери! Ну выволок бы я эту красоту, а дальше что? Меч без своего мечеглаза хуже собаки без хозяина, та хотя бы сразу недохнет. Уж не знаю, как белобрысые это делают, только в чужих руках меч до первой крови живет, а дальше — все! Полклинка — в пыль, рукоять как из горна, а тебе — конец...

— Тогда еще больше надо... Ну, набрать таких мечей... Может, их переучить как-то можно. Кровь им свою для начала дать или еще что?

— А то без тебя никто не догадался! Нет уж, пусть сгинут вместе с хозяевами, а выплавлять железо не хуже мы научимся. Свое и по-своему!

— Тимезий?

— Ну?

— А почему они «краснолапые»?

— Наручи у них красные, — неохотно пояснил Тимезий, и дело было не в том, что не хотелось пугать мальчишку — Клионта нельзя было напугать. — Болтают, что первый «краснолапый» голыми руками разорвал кентавра в самом толстом месте. Царю белобрысых это понравилось, вот и стали лучшие мечеглазы «краснолапыми».

— Брехня! — убежденно объявил Клионт. — Кентавр — та же лошадь, а лошадь не разорвешь.

— Лошадь, может, и не разорвешь, — поддел проснувшийся Матрей. — А тебя —

запросто!

— А вот и нет! Ты его раньше заколешь!

— Эй, — хрипло пообещал разбуженный Арминакт, — заткнулись бы, что ли. Я вам не «краснолапый», но как раздеру!

Клионт прыснул первым, но полусотник с Матреем отстали ненамного.

* * *

Жрецов вывели еще вчера, но храмовый огонь горел, а в священном бассейне журчала вода. Асон чуть разжал пальцы, и зерна пшеницы тоненькой струйкой потекли в пламенную чашу. Обычная жертва воина перед битвой, но Асон принес еще и сорванные у входа мальвы. Плоды — Солнцу и Пламени, цветы — Луне и Воде... В память Интис, которую он назвал бы женой, не пойдя все прахом. Интис нашла иной алтарь. Кто-то шепнул, что Небо ждет настоящих жертв, и началось... Они это делали по доброй воле. Не все, разумеется, но делали. Женщины, старики, подростки убивали себя, чтобы те, кого они покидают, победили. Уцелевшие к тому времени старейшины не рискнули запретить жертвоприношения, возможно, тоже верили, что поможет. Не помогло...

Прощальные цветы тихо упали в священный бассейн, медленно, очень медленно закружились, отдаваясь от мраморной кромки. Война с людьми тоже была водоворотом: державу сносило к невидимому жерлу, но понимали это немногие. Ниалк их не слушал, а ведь можно было успеть... Выжечь, договориться, уйти, да что угодно, только не ждать грозы под деревом, заткнув уши. Время было — полыхнуло не сразу и не везде. Пока «звездные» гоняли иклутов по северо-восточным лесам, те ударили по земледельческому востоку. Ударили так, что вскоре спасать там стало нечего и некого. Первыми это поняли горгоны и исчезли. Их осуждали, но не слишком: летунам было нечего защищать, и хорошо, что они просто убралась за море. Кентавры, те припомнили запрет на жизнь в двенадцати городах, лишение права на вход в храмы, скачки и бои, наконец... Обида слуг, слабость жрецов и старейшин, молчание Небес, они все и решили.

Асон окунул пальцы в воду, смочил виски и поднялся к древней алтарной плите, узоры на которой вырезали еще те, с кем говорило Небо. Принесший жертву мысленно перечисляет тех, за кого просит. «Звездный» пытался вспомнить нуждавшихся в его молитве и не мог. Они все ушли раньше — оказавшаяся в центре резни родня, погибший почти сразу наставник, Интис и ее мать... Асон был согласен умереть, сражаясь, но прижать к груди слюдяницу, чтобы кто-то услышал и ответил?! Наверное, Интис любила сильнее. Наверное — потому что он ее почти забыл, а ведь не прошло и двадцати лет!

Он забывал, гоня лезущие из всех щелей людские стаи и убивая. Стоя на месте и убивая. Отступая и убивая. Хуже всего пришлось в осажденных Ниннеях, городе тысячи лиловых колонн. «Звездные» смогли вырваться и оттуда. И снова схватки, одна страшней другой, и все впустую... Когда в строю осталась едва ли треть, а пробиться к столице не удалось, командир, последний «краснорукий» их отряда, решил идти в Линдеи — там Стурнон, Благодатный и Небоугодный. Его надо защищать, а жрецы скажут, что делать. Пошли... На полдороге, у Ионнейского брода, угодили в ловушку. Копье несшегося галопом кентавра пробило щит и бедро командира, а секиры людей, скопом накинувшихся на упавшего, довершили дело. Вспыхнувшая в уцелевших ярость позволила не просто прорвать окружение, а изрубить большую часть ненавистных иклотов в куски. Остатки врагов бежали, позволив титанам добраться до берегов Стурна.

Новости, которыми встретили Линдеи, убили и гордость от одержанной победы, и надежду. Столица пала, когда они подходили к Ионнеям. Величайший из городов превратился в величайшую из могил — живых люди не оставляли. Теперь полчища двигались к Линдеям, а отступать было некуда. Кто-то, услышав такое, кинулся на меч, кто-то побрел куда глаза глядят, кто-то обрезал волосы и поднял паруса в надежде найти приют у извечных врагов. Асон не осуждал никого, но самоубийство, бегство и плен были ему равно

отвратительны. Он остался в Линдеях ждать последнего боя и их, ждущих, было не так уж и мало. Достаточно, чтобы превратить знаменитый Лабиринт в еще одну могилу. На этот раз для иклутов.

Вечный ветер Стурнона больше не охлаждал виски — вода высохла, теперь мысли паломника известны Всесоздателю. Отцу богов. Небу, которое лишь смотрит. Что ж, пусть знает... Прощаясь, Асон коснулся алтарной плиты и вдруг осознал всем своим существом: он в самом деле в Стурноне. Пустом. Ночью. Один. И это конец Эпокарийского царства и конец титанов, пусть разбежавшиеся и протянут по разным углам еще не одну сотню лет.

Путь назад был недолог, но цветов в бассейне уже не было — водоворот не мешкал. Завтра, послезавтра, через неделю воды великого озера возьмут больше, много больше... От ворот Свитков до Стурнона паломники доходили за час, но они шли по цветам, а люди пойдут по собственным трупам. Ну и по трупам «звездных», разумеется.

Последняя ступенька. Лунный прямоугольник двери и черный силуэт на пороге. Сонэрг, и как же хорошо, что он здесь!

— Не думал, что ты станешь ждать.

— Не на своих же двоих тебе тащиться — рассвет на носу... И потом... Вот.

Гроздь черного винограда, недозрелая, еще с листьями... Как же он пахнет, только что сорванный виноград!

— Отнеси туда... От меня и за всех наших.

— Но почему не ты сам?!

— Полускот, вошедший в освященный храм. — Сонэрг хохотнул и резко стукнул копытом о камень. Брызнули искры. — Да не в какой-нибудь, а в Стурнон! И «звездный» на карауле. Кому рассказать...

— Некому рассказывать. И мешать некому, нет там никого. Иди, я подожду.

— Не пойду! — Кентавр мотнул волосами, словно злющий жеребец — гривой. — Раньше, было дело, залезал. Служил тут один, за подсказку на ристалище не только полускота в храм пускал, сам бы кобылой стал... Я и требовал бочонок ниннейского, чтобы выпить у бассейна. Ничего, приволок, выпили... А сейчас иди ты!

— Да почему, приברי тебя Время?!

— А потому! Одно дело — дурачить жрецов, другое — лезть в Стурнон, когда все кувырком... Нет уж! Пока мне запрещали дураки, я на них плевал. Теперь запретить мне могу только я. И я запрещаю. Отнесешь?

...Бассейн принял виноградную гроздь, как часом раньше мальвы. Асон не отрывал взгляда от закружившей добычу воды до самого конца. Мысли о прошлом постепенно уходили, словно их вымывало из гудящей головы. Мысли о будущем приходить не желали, и понятно — будущего просто не было. Оставалось лишь осознание настоящего и места его, Асона, в этом настоящем: он — «звездный», и он будет защищать Линдеи и тех, кто не ушел. Просто будет, и все.

Часть вторая

I

Взошедшее солнце ударило в эгиду венчавшего колонну колосса, и Тимезий признал правоту вождя. Это надо снести. Пока над тобой высится золотой истукан, ярма с души не сбросишь, будь ты хоть сто раз победителем.

Таран мерно бил в ворота. Фаланга ждала своего часа в боевом строю, только копья пока упирались в землю, а щиты висели на своих ремнях. Ворота падут, и воины двинутся вперед извивами лабиринта, с каждым шагом приближая победу, с каждым шагом теряя своих... Тимезий завертел головой, всматриваясь в лица товарищей и встречая взгляды, повторявшие его собственный. Арминакт, Гистий, Матрей... Они не знали, не могли знать,

кто дойдет до победы, кто хотя бы до берега Стурна, кто — ляжет у самых ворот. Умереть в последнем бою казалось особенно обидным, а ведь, было дело, Тимезий боялся умереть, отступая. Те, кто учил его, храброго, но неумелого, выживать и побеждать, почти все погибли, а он учился, и ему, кроме того, везло. Вот и смог дойти до этого гиблого места.

Хрустнуло — дышавший в затылок Клионт раздавил какой-то черепок. Орудующих тараном коняг с места, где стояла полусотня, было не разглядеть, и парень тарашился на сверкающего истукана. Главный бог титанов. Небо, прекрасное и недостижимое. Бесплодное. Гордое. Неизменное и меняющееся. Что в сравнении с ним смертные муравьи? Все! Потому что изгой и бог изгоев Время оскотил надменного отца. Потому что дети Времени свободны и знают радость любви и победы. Пусть они смертны, зато они живут!

— Клионт! — окрикнул Тимезий. — Нашел куда смотреть...

— Что? — Дуралей не знал, что боги порой замечают и муравьев, а дожить хотелось. Дожить и увидеть то, за что не жаль сдохнуть, но лучше все-таки уцелеть.

— Ничего. Двинемся — от меня ни шагу. Понял?

Клионт кивнул и опять запрокинул голову. Пришлось врезать по курчавому теплему затылку.

— Сказано, не смотри! Вот когда вернемся...

— Ладно тебе. — Мальчишка широко улыбнулся, он не умел злиться на своих. — Здорово же! Надо вместо этой дуры наверх что-то затащить... Или огонь зажечь, чтоб как в порту, только больше. Пусть горит и не гаснет...

— Ишь ты! — присвистнул Арминакт. — Чтоб не гас, значит? А хворост наверх кто таскать будет?

Клионт насупился и притих. Придумывает какую-нибудь корзину на веревках или еще чего-нибудь. А маяк, как его ни назови, и правда не помешает. Оливы и огонь, Жизнь и Смерть, что волею Времени Всемогущего владеют всем, кроме душ человеческих.

— Хватит зевать! — Арминакт привычно перехватил копье. — Коняги свое отколотили, дело за нами.

* * *

Асон не видел, как погибал Сонэрг. Может, он еще и не погиб, но сердце словно бы сжало за мгновение до того, как сигнальные гонги принесли весть: враг на площади Свитков. С таранами управлялись кентавры, и они же первыми устремлялись в пробитую брешь. Разгоряченных, осыпанных каменной крошкой отступников встречали сохранившие верность. Битвы кентавров были страшны даже на ристалище, недаром туда пускали лишь совершеннолетних мужчин, что уж говорить про нынешние схватки, где конская ярость сплелась с человеческой ненавистью, а ненавидят люди лучше других. Ненависть начинается там, где кончается вечность, вот она и началась.

«Звездный» сидел на мраморной глыбе, которой так и не стать колонной. Щурился на солнце. Слушал растекающийся по улицам глухой рев. Ждал. В Лабиринте кентаврам-чужакам придется плохо. Таранчиков людскому вожаку не сдержать, но когда они лягут, вперед пойдут люди. Этих встретит ополчение. И не остановит. Ополченцы вправе отступить без приказа, они и отступят. Люди бросятся следом, растекаясь по Лабиринту, теряя строй, забираясь все глубже и глубже... Кто-то упадет у недостроенных храмов, кто-то найдет конец у ристалища, кто-то прорвется к озеру... Сонэргу следовало находиться там, но он пошел к воротам. «Я не желаю видеть иклутов в Линдеях и не увижу. Пока я жив, они не пройдут, когда они пройдут, не будет меня...» Гнедой знал, чем скоро станет Стурнон, и все равно сделал по-своему. «Стены Линдей святы...» Стены ли?

Родись Асон четвероногим, он бы дрался рядом с Сонэргом, но «звездные» будут исполнять приказы, хотя бы рушилось небо, а последний приказ был прост, понятен и не вызывал сомнений. Глупо умирать, забрав с собой десяток, если можешь забрать сотню, а повезет, так и больше.

— Все.

— Да, это уже не кентавры...

Люди тоже в бою кричат, но их крики после яростных хриплых визгов — почти тишина. Тишина, которая приближается, а перед ней прибоем катится стук копыт. Вот и они... Шестеро. В мыле и крови, но, кажется, не ранены. Сонэрга нет, а спрашивать — дурная примета. Отвечать, впрочем, тоже. Значит, просто встать и поднять руку.

— Уходящие в бой приветствуют вас.

— Мы к Стурнону, — кидает на бегу рыжий белоногий бородач. — Мы все помним.

— Мы скажем и за вас, — добавляет еще один, молодой и златокудрый. Асон видел его на ристалище. Или не его?

— Вы за нас, — подтверждает «звездный», но он, Асон, еще и за Сонэрга, Интис, троих вчерашних чудаков... За кружащие в бассейне цветы и огонь, который хотят погасить.

Снова гонги: ополченцы, удерживавшие Хранилища, просят помощи. Они продержались даже дольше, чем требовалось, но ремесленник или художник, пусть и в лучшем панцире, все равно не воин. Асон привычно коснулся меча, пробуждая заключенную в рукояти «звезду». В глубине полированного камня вспыхнул малиновый огонек, почти невидимый в солнечных лучах. Почему его «звезда» горит малиновым? Почему о таком задумываешься тогда, когда не остается времени ни на что?

— Половина — к недостроенным храмам, — велит начальник, пробуждая уже свой меч. — Остальные — здесь.

Половина «звездных»! Как звучит, если не пересчитывать...

II

Линдеи на памяти Тимезия были не первым взятым городом, но в опутавшем храмы лабиринте копеещик чувствовал себя юнцом почище Клионта. Пауки, те свою паутину знали, но гостям, да еще столь нежеланным, приходилось плохо. Белобрысые выскакивали из узеньких боковых улочек, прыгали с крыш, вылезали из вовсе непонятных укрытий и убивали, убивали, убивали, чтобы вновь исчезнуть в проклятом Временем лабиринте. То есть пытались исчезнуть, но удавалось это не всем и не всегда: люди умели учиться.

— Это последний бой, друзья! — не поймешь в который раз крикнул оказавшийся рядом Невкр. — Несколько часов, и — все... Победа!

Последний, но как же обидно за тех, кто уже не дожил... Упал Гелитат, и тут же — на него — Гистий. Отшатнулся, ткнулся лицом в трижды проклятый линдейский мрамор Детий. То ли ранен, то ли мертв. Последний бой... Последний! Платить дюжиной своих за одного титана горько, только что поделаешь — здесь по-другому быть не может.

Навстречу прохромал серый кентавр; он припадал на заднюю ногу, как обозная кляча, и то выл в голос, то ругался последними словами. Потом упал на бок, тоже по-лошадиному, и забил ногами. В боку торчал обломок стрелы, рана казалась совсем легкой...

— Не лезть внутрь! Улицы... Пока только улицы! — Другой кентавр, на нем — воин в плаще сотника.

— Только улицы, — подхватывает Арминакт. — В храмы не лезть — змеи... Только жечь!

Змеи! Их Тимезий боялся с детства. Больше стрел и клинков. Больше подползавших к самой деревне крокодилов.

— Гады, — топает ногой Клионт. — Гады прячутся за гадов! Но это же... Это...

— Это титаны! — зло бросает Тимезий, обходя затихшую тушу. Их полусотня вступала в город пятой, а теперь они идут первыми. Была лекавионская фаланга, осталось... Мало осталось, но золотой истукан не будет унижать людей, хватит!

Топот, яростный боевой визг сзади. Отскочить к стене, оттолкнуть дурака Клионта. Ну и что, что свои?! В бою коняги дуреют! Хриплый крик, ругань. Так и есть, кого-то зашиб! Гигантский гнедой кентавр даже не оборачивается на сбитого, заносит копьё! Кто-то еще

успевают заорать о предательстве.

Арминакт. Теперь еще и Арминакт!.. Гнедая смерть издевательски хохочет и исчезает в очередном отнорке. С крыш свистят стрелы, две находят свою цель...

— Вперед, Лекавион! Этот бой... последний! Вперед!..

Невкр уже без шлема, красный плащ мечется языком еще не вспыхнувшего пламени, зовет, приказывает, умоляет. Те, кто шагает рядом, — почти все чужие... Конец полусотнику, конец полусотне. Конец?! Они с Матреем живы! И мальчишка Клионт жив.

— Вперед, друзья, впе...

Ярость разгоралась с каждой новой потерей, потому они и кинулись на вынырнувшую из дыма блестящую троицу. Тимезий бежал первым, по сторонам не смотрел. Не смотрел и вверх...

— Вверху... зий!!!

— Стой!

Запоздавшее предупреждена заглушил треск валящихся глыб.

Товарищи остались позади, за мигом перекрывшим проулок завалом, но Клионт каким-то чудом проскочил сквозь камнепад и встал рядом. А впереди... Белобрысы. Трое. В своих проклятых панцирях, с гигантскими двухлезвийными секирами. Все преимущества за ними, но твари медлят... Растерялись?!

Чутье выжившего в десятках схваток воина бросило Тимезия к высившимся у золоченой оградки врагам. Копье с тяжелым, чужого металла наконечником змеей скользнуло мимо выставленной вперед секиры и с хрустом проломило панцирь. Скривилось не скрытое полумаской шлема надменное лицо... Точно так же открылся рот у прибитого к стене Арминакта. Точно так же!

Умиравший осел у ног торчащих столбами соплеменников. За плечом торжествующе завопил Клионт, а эти двое... Время Всемогущее — трусили! Швырнули свои секиры, повернулись и огромными шагами понеслись назад, туда, где в просвете между стен виднелась какая-то площадь. И еще что-то большое, с колоннами, на другом ее краю.

* * *

Асон даже не успел устать, он только разогрелся. Сначала бой у Хранилища, потом суматошная схватка на Фонтанной площади, несколько стычек с заплутавшими в незнакомых переходах сворами. Перед давешним храмом пришлось отбиваться от пары вконец обнаглевших кентавров, решивших, что справятся с одиноким мечником в ближнем бою. Не справились, конечно...

Пока все шло сносно, то есть сносно для тех, кто думает лишь о деле и живет единым мигом. «Звездные» большего и не хотели. Один Асон к полудню взял дюжины две иклутов, а бой еще даже не выплеснулся к ристалищу.

— Жив? Наших не видел?

Сосед из третьей сотни. Носитель бирюзовой звезды. Был весельчаком. Когда-то.

— Видел. Отходили к водосборникам.

— Сколько?

— Было... было девять!

— Спасибо... А я вот ваших не видел. Порадовать нечем. Как и огорчить.

Храм — нараспашку, наверняка после вчерашнего осталось и вино, и вода, а пить хочется! Всесоздатель, только этого и хочется!

— Проверьте, что там, — чужой десятник, пробегая, устало тычет мечом влево, — а мы — к перешейку! Гоните туда всех. Всех! Хватит тут...

* * *

— Клионт, стой! Стой, кому говорят, одному опасно...

Проклятое копьё удалось выдернуть из туши белобрысого лишь с третьего раза. Вот ведь тварь мясистая!.. И ты хорош, нечего было так стараться! Подсек бы ноги, и хватит, небось не коняга, чтоб одним ударом — насквозь, а теперь поди догони!

Несколько лишних мгновений, всего ничего, но приятели убитого почти доскакали до угла. Захлебывающийся от восторга Клионт неся следом, потрясая своим копьём. Дурак напрочь забыл про осторожность, и все же... Тимезий даже замер на пару ударов сердца, уж больно зрелище радовало душу: здоровяки-титаны, побросав оружие, удирают от одного — одного! — человеческого юнца, не достающего им и до плеча.

— Стой, осёл!

Мчится вперед, будто глухой! А кто бы на его месте слушал? Уж не ты ли?!

Копейщик торопливо оглянулся и с досады сплюнул. Улицы за спиной не было. Пара горящих домов, не вовремя рухнувшие истуканы, и они с мальчишкой оказались вдвоем в этой треклятой паутине, отрезанные от своих камнем и огнем. Невкр сейчас ищет путь в обход пожаров, а это не просто. Лучше выждать или пойти на шум, да куда там! Бегущие уже огибают рогатый выступ, ищи потом!..

— Клионт!!! Вот мелочь глухая...

Здоровенное блестящее тело лежит на пути, словно пытаюсь загородить дорогу. Нога встает на божественного титана, словно на зарезанную свинью. Вот и лежи... сын Неба. Трус, а два других труса уже скрылись из виду.

— У-лю-лю! — вопит Клионт и тоже исчезает. — У-лю-лю!.. Бей белобрых!..

* * *

Асон расстался с «бирюзовым» на крыше прилегающего к площади дома. Вдвоем было бы лучше, но раз приказано проверить... Сосед кивнул и помчался верхами к водосборникам, Асон, прыгая с крыши на крышу, рванул к соседней площади. Она была пуста — ни врагов, ни своих, желтые ромбовидные плиты блестели, словно их подмели заботливые фавны. Титан спрыгнул вниз и пошел вдоль стены, вслушиваясь в отдаленный гул, из которого вдруг вырвался топот и вопль... Боевой клич иклутов. Ну хорошо же...

Шаг в нишу, за увенчанный каменной вазой столб. Из чаши спадают плети настурций, кружат равнодушные, как само небо, пчелы. Топот все громче. Топот и какое-то бряканье. Двое или трое. Не больше. Значит, эта ваза не последнее, что ты увидишь, а вот и они...

Двое выскакивают из-за угла. Ополченцы. Безоружные, с одуревшими лицами и устремленными в никуда остекленевшими взглядами, они проносятся мимо. Своих ночных собеседников Асон узнал сразу: похоже, бедняга каллиграф уже погиб, но мозаичник с поэтом еще поживут. Немного.

Бегом через площадь навстречу иклутовскому визгу. Теперь беглецы за твоей спиной, крикнуть бы им... Не пойдут, а себя раньше времени выдашь.

— У-лю-лю-ю-ю!..

Первый преследователь уже на площади. Одиночка с копьём. Ни на мгновение не задержавшись, кидается на нового врага. Одиночка — это странно, до сих пор меньше чем десятками иклуты не бегали. Мысль эта пришла уже потом, а сначала «звездный» просто сделал шаг навстречу и ударил. Быстро и точно, как делал многие тысячи раз. Звякнуло о плиты выпавшее из руки человека копьё, и сам он, с разрубленным боком, рухнул следом.

* * *

Звонкое «у-лю-лю», с которым малыш гнал белобрых, оборвалось. Это еще ничего не значило, совсем ничего, но Тимезий побежал быстрее, проклиная жирного титана и собственную нерасторопность. Рогатый угол приближался чудовищно медленно, но человек его все же обогнул. И увидел.

Клионт скорчился на плитах отвратительно-желтого цвета. Темное пятно, быстро

растекавшееся под телом, не оставляло места надежде — если кровь так хлещет, все ясно. Убийца стоял тут же. Один из тех двоих, он больше не думал убежать. Крупный, надменный, в блестящем панцире и шлеме. Тварь, подстерег за углом и ударил, ах ты...

Ненависть швырнула Тимезия вперед, но совсем сознание она все-таки не затмила. И когда титан одним коротким движением перекинул из-за спины на левую руку овальный щит, а правой вскинул меч — проклятье, у него не секира, а меч! — человек успел среагировать. Ноги сами унесли тело вправо, подальше от смертоносного клинка.

Время Всемогущее, попался! Кем бы ни были те трусы, но этот... Навершие длинного меча полыхнуло малиновым, без слов сообщая, с кем Тимезия столкнула судьба. Шансов в поединке не было, это человек понял сразу. И простые титаны сильнее и быстрее людей, так захотели дурные боги, а уж мечеглазы! Что сделает бывший погонщик верзиле, начавшему убивать, когда Тимезия еще не было на свете?

Бежать? Бесполезно — догонит, и десяти шагов не сделаешь. Значит, драться! Драться и тянуть время. Если подоспеет Невкр, они управятся. И не таких страшил брали...

Стоит, молчит, а с меча капает кровь Клионта. Теперь у матери осталось шестеро, а этот стоит и любит... Ведь проиграл, проиграл же, вот и тянет за собой живое, свободное, юное. Ну что, тварь? Думаешь, твоя взяла? Думаешь, убьешь? Может, и убьешь, но тебе тоже конец, не сейчас, так к вечеру...

* * *

Второй оказался умнее и, похоже, опытнее. Почувствовал опасность, успел прыгнуть в сторону. Замер, расставив ноги, — оценивает... Ну и мы оценим. Для человека — высок, всего на полторы головы ниже титана. Широкие плечи, сносные мускулы... Доспех из простеганной холстины, на бедре короткий меч. Иклутская работа, таким только горло упавшим перерезать, зато копье! Древко паршивое, а вот наконечник знакомый. Широкий, зеленовато-золотистый, похожий на лист лилии. Трофей, значит, приспособил. И наконечник, и древко под ним — в алых пятнах. Кровь бедняги-каллиграфа? Другого ополченца?

Убить «звездного» будет потруднее, а, недомерок? Как просто резать тех, кто строил, пел, лечил. Как просто косить траву, а ты сруби громовое дерево. Своим поганым иклутским топором сруби!

Шаг вперед. Зов «звезды» успокаивает, помогая собраться. Воин без меча порой живет долго, меч без воина — до первой крови... Жаль «звезду», почти так же, как Стурнон, как мозаики, которых никогда не будет. Жаль?! Нет, мы еще живы!

А парень соображает. Не бросился бежать, понял, что глупо. Закружил влево, за щит, копье наготове. Хочет удержать на расстоянии, выиграть время, а там набегут остальные, возьмут в кольцо. Да, иклут, ты, сразу видно, прошел не один бой. Все делаешь правильно, но и сам ведь понимаешь, что это бесполезно. Ты молишься Времени? Время тебя и предаст!

* * *

Тимезий попробовал «танцевать», поводя копьем и угрожая сразу и уколом в горло, и секущим ударом по ногам. Если повезет, мечеглаз промешкает. Вбок, еще вбок... Золото бликов, злой малиновый луч, стук сердца. Конец? Если и так, то лишь твой. Невкр скоро будет здесь, Невкр и фаланга... Назад, чуть вперед, опять назад. Бережет ноги? Тогда на волосок вперед и сразу отступить. Влево. Пусть взглянет в глаза солнцу. Сперва солнцу, потом — смерти. Только бы продержаться! Перейти эту площадь, дойти до озера...

Не вышло. Мечеглаз тянуть не стал. Мгновенно, одним шагом, сократив расстояние, он краем щита отбил в сторону наконечник копья и обрушил на человека смертельный удар. Отскочить Тимезий не успел, но в последнее мгновение кувыркнулся в сторону и вниз, лезвие с тонким свистом пронеслось над самой макушкой. А вот подняться на ноги уже не

удалось — проклятый титан развернулся гораздо быстрее. Стоящий на одном колене Тимезий даже не пытался уклониться от падающего ему на голову клинка, вместо этого он ударил сам, надеясь достать врага в бедро. Надежда оказалась тщетной — мечеглаз словно того и ждал. Он лишь немного качнулся, и золотистый тяжелый листок, предав человека, ударил мимо. Все... Проклятье... Но другие будут жить! Счастливо. Долго... Будут...

* * *

Каллиграф может спать средь лазурных небесных маков. Его кровь смыта, и не только его, но держался иклут неплохо. А, пустое... Это все уже неважно. Теперь вперед, пока на площадь не вывалилась отставшая толпа. Теперь все просто. Пока есть силы, он будет убивать, силы иссякнут — умрет! Пусть остальные отходят, он останется здесь, у недостроенного храма, в который его вчера занесло. Думать поздно. И искать виноватых. Так вышло, так выпал жребий... Топот за спиной. Кентавр, только чей?

— Нашелся! Нашелся, морда твоя «звездная»!

— Ты кого-то потерял, Сонэрг?

— Тебя и этих... Думал вытащить хоть до вечера... Не идут, а старину Эрсана убили... Каллиграфа... Где-то здесь.

— Я так и подумал. Похоже, вот этот и убил. Слышишь? Кажется, пролезли...

Приятели покойной парочки? Другие? Неважно. Они идут сюда. Идут умирать.

— Встретим-ка их у колонн, «звездный». Там удобней.

Бегом, положив руку на лоснящуюся гнедую спину. Так он бегал в школе воинов. Так он бегал в восточных горах, так бежит сегодня, в свой главный день. Почему он почти счастлив? Потому что жив? Потому что отомстил за нелепого, от безысходности влезшего в панцирь бедолагу? Потому что рядом друг? А может, дети Неба просто не могут умирать в страхе и боли, пока светит солнце и горит их «звезда»?

— Забыл вчера спросить, ты не из Нинней?

— Нет. Я с востока, а что?

— Ничего... Уже ничего.

Вот они, иклуты, прут навстречу. Сомкнули щиты, два ряда копий уставились прямо в глаза. По давно заведенной привычке бросить взгляд на «звезду», прося немного удачи, перемигнуться с посланным Небом другом, и вперед!

— Пожалуй, эти, слева, не слишком уверены в себе, а, «звездный»? Копья в ручонках дрожмя дрожат. С них и начнем?

— Да, Сонэрг. С них.

Двое еще не побежденных. Сотня еще не победителей. Два десятка шагов до смерти. До победы. До вечности. А боги смотрят. Они могут так мало, эти боги. Только зажечь звезды в душах и смотреть в огонь.

ИМЯ ИМ — ЛЕГИОН

Максиму Максимычу

*Мы несем едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.
Денис Давыдов*

*Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...*

Михаил Лермонтов

Часть первая Стурнийская империя 1102 год Счастливой Эры

Чахлые померанцевые деревца в огромных кадках по обе стороны входа в резиденцию прокуратора напоминали, что ты не на юге, где решается спор Роя и Грифа,²³ и не на севере, где границу прикрывает Октавианов вал и где тоже кипит жизнь, а в самом что ни на есть захолустье. Сухом. Пыльном. Скучном и неизбежном, если хочешь сделать военную карьеру. Сенаторы начинают писцами, военачальники — младшими командирами в забытых Временем крепостях на краю варварских степей. Выдержишь три года, и тебя отправят туда, где ты либо умрешь, либо пойдешь в гору, а пока закаляй волю и пиши стихи. Или читай те, что накорябали другие. Не хочешь творить — охоться, пей, таскайся к местным девкам — в свободное от гарнизонного ярма время. Другой дороги наверх в Стурне нет, разве что присосаться к кому-то из уже поднявшихся, но Тит принадлежал к дому Спентадов, а значит, должен был карабкаться на имперскую гору сам.

— Прокуратор ждет! — возвестил тучный домоправитель, слишком угодливый для свободнорожденного и слишком самодовольный для раба. Вольноотпущенный, надо полагать.

— Иду к прокуратору. — Воин входит с мечом даже в Сенат. Дважды этим пользовались убийцы, но убивать прокуратора Отрамы Тит не собирался. Убивать всех, кто неприятен, — это для варварских царьков.

— Кого я вижу! — Плотный бровастый человек с распростертыми объятиями устремился навстречу гостю. Гость выдавил из себя улыбку и продолжал улыбаться, пока его плечи сжимали начальственные руки. От благородного²⁴ Нуммы пахло кожей, дымом и слегка — кипарисовой водой для бритья. Прокуратор честно выслужил свою должность, пройдя и юг, и север, и все же было, было в нынешнем хозяине Отрамы что-то от толстого вольноотпущенника. Эта нарочитая радость от приезда в его — *его* провинцию наследника Спентадов, эта торопливость, смешанная с ненавистной Титу фамильярностью...

— Я — младший трибун Тит Спентад, — четко доложил молодой человек. — Прибыл в распоряжение прокуратора Отрамы. Воля Сената.

— Спентады могут быть лишь в распоряжении Стурна! — усмехнулся рекомый прокуратор, и Тит вспомнил, что отец подозревал Нумму в доносе на старшего Фертара. Впрочем, заговор существовал на самом деле; на редкость глупый, к слову сказать.

— Прокуратор прав — мой дом служит Стурну и порфиноносному Агриппе, но сейчас я в распоряжении прокуратора. Готов отправиться в самую захолустную из крепостей под начало грубейшего из комендантов.

— Второе — к твоим услугам, первое — нет. — Нумма пригладил роскошные, с проседью кудри, и Тит не к месту вспомнил, что Спентады к сорока становятся лысыми как колено. Самому Титу, впрочем, было лишь двадцать четыре. — Я pošлю тебя в Скадарию. Тебе что-то говорит это название?

— Крепость. Защищает самый удобный из бродов через Перонт. Заложена сто десять лет назад, в начале нынешнего правления перестроена. Работы окончены в 893 году.

— Узнаю школу Тита Спентада-старшего. — Прокуратор гостеприимно кивнул на накрытый возле окна стол. — Скадария — хорошая крепость. Настолько, насколько

²³ Золотой Рой («Идакловы пчелы») и Улей — символы Стурнийской империи. Сжимающий молнии гриф — символ вечного ее соперника Велонской республики.

²⁴ Благородный — в Стурнийской империи титул, означающий принадлежность к одному из трехсот двадцати девяти семейств, ведущих свой род от легендарного вождя людей Идакла и его братьев.

восточная крепость вообще может быть хороша... Это вино тебе должно быть памятно. Не могу отказать себе в маленьких удовольствиях, разумеется, в счет жалования, тем паче больших удовольствий здесь не найдешь. Театры, карнавалы и бега остались в Стурне.

— Я знаю, — улыбнулся в ответ на намек Тит и отпил. Нумма был неприятен, но если хочешь умирять врагов — начни с себя, а значит, к грифам неприязнь! — Я хотел бы услышать от прокуратора о коменданте.

— Я назначил его в Скадарию в конце весны. Приск груб и навязчив в той же степени, в какой предан и честен. Это не тот человек, с которым приятно обедать, но научить он может многому. Раньше он присматривал за Южным бродом. Засиделся. Император не любит, когда вояки пускают корни, и император трижды прав. Я не выявил в Южной ни недочетов, ни злоупотреблений и с чистой совестью отправил Приска в Скадарию, а его предшественника — в отставку. Ты так ничего и не сказал про вино.

— Оно выше любых похвал. — Тит не кривил душой, он в самом деле помнил и любил ниннейскую лозу. Любопытно, каким вином Нумма потчевал Фертара.

— Да, имей в виду, в Скадарии тебя ждут две неожиданности. Одной ты будешь доволен.

— Другой, видимо, нет?

— Трудно сказать, но твое появление эту... м-м-м... неожиданность не обрадует точно. Боишься захмелеть? Приск разбавляет вино водой.

— Это варварство, прокуратор.

— Совершенно верно, но Приск во многом — истинный варвар. Но хоть он и трезвенник, неразбавленное при нем можешь пить смело. Служака слишком плохо ладит с чернильницей, чтобы писать в Стурн, и слишком плохо ладит со мной, чтобы доносить лично, хотя...

Тит молчал, дожидаясь продолжения. Нумма пригубил вино и закончил:

— Хотя я не доношу Сенату о невинных шалостях тех, кто душой и телом предан императору. Да хранит его само Время!

* * *

Скадария встречала вернувшуюся конницу запахом луковой похлебки, вылизанным двором и довольными — убил бы! — рожами. Стараясь не хмуриться, Приск слез с покрытого степной пылью мерина и выслушал доклад. Столь же вылизанный, как и замощенный местным песчаником двор. Придаться было не к чему, хоть умри! Махнув добросовестному Сервию рукой, комендант залпом выпил услужливо поднесенную воду и, шагая через две ступеньки, поднялся на стену — думать. Он почти привык к Скадарии, но признать ее лучшей крепостью степного рубежа мешали девять отданных Южной лет.

Приск понимал, что недавний перевод — повышение, причем, скорее всего, последнее в его карьере; отдавал он должное и проныре-прокуратору, не взвешиваясь на настырного ветерана, но свежештукатуренные стены и просторные казармы нет-нет, да и вызывали ревность. Крепость приводили в порядок без участия Приска, зато стремительный бросок за реку был уже на его счету. Все прошло безупречно! Можно садиться и кропать донесение о том, что жизнь и имущество граждан священного Стурна под надежной защитой, и испрашивать наградные. Дадут. Погладят по шлему и дадут. За Нуммой не заржавеет — прокуратор превратит вылазку в великий поход и вытрясет из столичных чинуш корову для себя и курицу — для Скадарии, а большего от начальства не добьешься. Уж в этом-то Приск, оттрубивший под «пчелками» без малого тридцать лет, убеждался не раз. Небе ц ушастый, отличная крепость и сносный прокуратор — что еще нужно, чтобы дотянуть до отставки?

Комендант топнул ногой в тяжелом, подбитом гвоздями сапоге, шумно втянул воздух и для успокоения уставился на молочную от глины реку. Надо радоваться, радоваться, а не беситься! Гарнизон не подкачал. Не прошло и получаса, как в крепостные ворота заколотил взьерошенный племянник скототорговца, а Приск уже выводил своих всадников. След взяли

сразу — скераты и не думали хитрить, а коровы еще не выучились порхать. Шесть часов погони, короткая схватка, медленное — со стадом не побегаешь — возвращение...

Ночью степняки попытались вырезать спящих «пахарей» и вернуть добычу, только «спящие» не спали. Разбойники угодили в ловушку и теперь отправятся в каменоломни, так что империя оказалась пусть и в невеликих, но барышах. Двое легкораненых и одна захромавшая лошадь — это даже не потери, только вот избегавшие даже приближаться к Перонту скераты не просто перешли его по низкой воде, но забрались на два дневных перехода от границы! И ведь докладывал же, что у Кривой косы нужен постоянный пост, куда там! Вот тебе, старый дурак, твоя крепость, вот тебе твой брод, вот тебе твой гарнизон, и не лезь, куда не просят! Он не полез — полезли лохмачи. Хорошо, наглецы охотились за скотом, а не за головами граждан хранимой Временем империи. Плохо, что Стурн переваливает на Время то, что следует делать самим, а в Скадарии втрое меньше солдат, чем нужно, чтобы повесить на границу хороший замок.

«Пока варвары пугают детей великим Октавианом, на востоке не случится ничего страшнее угнанных коров»... «Держать за Перонтом многочисленную кавалерию — излишняя роскошь»... «Лошади жрут даже больше городского сброда, а добывать золото из навоза в казначействе не умеют...» Тьфу, уроды столичные!

— Уроды! — от души рявкнул Приск и потер разнывшуюся к вечеру спину. Ветеран всегда успокаивался, поняв, где в сапоге гвоздь, а сейчас он как раз это понял. Скераты! Косматые мерзавцы держались нагло даже в сравнении с прошлой осенью. Они и раньше-то мало походили на с детства запуганных страшным соседским императором, а уж теперь!

Жаль, Октавиан уже восемнадцать лет как обосновался в семейной усыпальнице. Нынешний Агриппа воздвигает в честь отцовских побед арки и колонны, но кормить предпочитает не армию, а столичных бездельников. Можно подумать, мухи заменят пчел, а охочая до дармовщины шелупонь сумеет отбиться хотя б от лохмачей, не говоря о северных здоровилах и чующих падаль «грифах». Великий Стурн начинает смердеть, и что с того, что благородный Нумма сдохнет сенатором, а Приск выйдет в отставку, купит виноградник и доживет оставшиеся годы по-человечески? Что с того, что комендант Скадарии чует вонь, если в Сенате обнюхались померанцев?!

— Доклад коменданту.

— Ну?

— В распоряжение коменданта прибыл новый офицер. Ждет во дворе.

— Кто таков?

— Младший трибун Тит Спентад.

Небец ушастый, только второго «благородного» в Скадарии и не хватало!

* * *

Грубого коменданта пришлось дожидаться дольше, чем прокуратора. Гарнизонные штучки, о них Тит был наслышан. Провинция не любит столицу, а провинциалы не переносят столичных цац. Провинция, столица, благородные, сброд... Как вспомнишь, что смахнувшие с лица земли великие царства козопасы и коняги собирались владеть миром всей толпой и при этом друг друга любить! Теперь это даже не смешно... Спентад решительно подавил зевок и неторопливо зашагал вокруг двора. Он не собирался заискивать, но и начинать знакомство со свары не хотелось. Три года унижительной мелочной войны с одуревшими от безделья провинциалами стали бы еще тем удовольствием.

В том, что на него таращатся из всех щелей, младший трибун не сомневался, но вертеть головой, выискивая любопытных? Он не ворона, а комендант когда-нибудь да объявится. Отец ждал своего «приска» четверть часа, но с тех пор приграничники стали еще ранимее. Чем больше Сенат урезает армейские расходы, тем сильнее задираются в дальних гарнизонах, хотя Спентады уже лет шесть выступают против сокращений. Солдаты предпочтительней горлопанов, которых надо не только кормить, но и забавлять...

— Кого я вижу! — Рев раздался за спиной, облетел вокруг двора, отразился от опрятно унылых стен и устремился к выцветшим небесам. — Чтоб я сдох, благородный Тит! В нашем стойле!..

— Медант! Ты?!

— А то нет?! — Обещанная прокуратором ворона неожиданность залихватски подмигнула. — Значит, к нам?

— Значит, к вам. — Тит обнялся с кентавром, напрочь позабыв, что на них смотрят. Завсегдатай бегов, он не только не чурался конюшен и их обитателей, но и ездил сам. Пока император не запретил благородным участвовать в состязаниях, ибо сделанные плебеями ставки низводят знатнейших граждан до уровня полускотов. Никогда еще младший Спентад не был столь близок к государственной измене, но тут подвернулась капризница Фагния... Вернее, ее «подвернул» отец, и Тит немного остыл.

— Тут смешно, — обнадежил Медант. — Как там Стурн? Плещется?

— Что ему сделается? Слушай, тебя-то как сюда занесло? Про возничего твоего слышал, так ему и надо, ублюдку!..

— А что ты слышал? — оживился кентавр, и прежде не чуждый тщеславия. — Представляю, что тебе наболтали...

Болтали и впрямь много, но Тит слишком рано поднялся в беговую повозку,²⁵ чтобы верить ерунде. Все было просто и очевидно. Доставшийся Меданту возничий, считая, и не без оснований, «своего» кентавра существом строптивым и неблагонадежным, решил его поторопить, ткнув длинным острым стрекалом в человеческую часть спины. Не ожидавший такого коварства Медант потерял равновесие и сбился с рыси, лишившись тем самым победы. Что хуже всего, стрекало сломалось, и обломок застрял под кожей, причиняя кентавру сильную боль. Медант вскинулся на дыбы, опрокинул повозку, сломав оглобли, и от души врезал по обидчику обеими задними ногами.

Покойный, конечно, был дураком, но слава убийцы закрыла для Меданта путь на беговую арену. Нет, ему не запретили выступать, императорский попечитель даже признал его невиновным, но желающих связываться со столь опасным конягой среди заполонивших ипподром плебеев не находилось, и норы Меданта, и раньше непростой, испортился окончательно. Свой хлеб, то есть кашу, кентавр честно зарабатывал ковкой — о, в этом ему не было равных! — в остальное же время пил как лошадь, затевал драки с себе подобными и приставал к хвостатым девчонкам, а потом исчез. Завсегдатаи бегов решили, что бесполезного задиру кто-то наконец прикончил и с попустительства попечителя замел следы. А Медант, выходит, подался на границу. Лучший беговой кентавр стал простецким армейским конягой! В Стурне это наделает шуму. Наделало бы... Тит залихватски махнул рукой:

— Сплетни я на трезвую голову не пересказываю, давай после... Явится же когда-нибудь этот комендант.

— Не «когда-нибудь», а сейчас!

Медант легонько — устоять на ногах удалось почти без усилий — хлопнул бывшего возничего по плечу, в несколько прыжков преодолел двор и грохнул коваными передними копытами в сигнальный гонг. Тит не выдержал и расхохотался — служба в Скадарии начиналась, мягко говоря, своеобразно.

²⁵ Беговой повозкой управляют следующим образом: первая пара широких вожжей, служащая для поддержки возничего, крепится за массивные кольца, ввинченные в седелку. Седелка подпругой фиксируется на спине кентавра, а боковыми ремнями прикручивается к оглоблям экипажа. Концы оглобель приблизительно на локоть выступают впереди корпуса кентавра и оканчиваются вертикальными «рычажками», дабы кентавр мог опираться на них руками для улучшения баланса (бежать быстрой рысью, не сбиваясь на галоп, нелегко). Вторая пара вожжей, идущая от рук возничего через седельные кольца, крепится к ремennому кольцу за руку кентавра чуть повыше локтевого сгиба. Через эти вожжи возничий может подавать кентавру сигналы (вправо — влево, потише — порезвее, остановиться). Пользоваться бичом не только бессмысленно, но и опасно. Тем не менее некоторые возничие иногда хлещут своих «партнеров», особенно достается молодежи и «кобылам».

* * *

Молодчик трепался с Медантом, словно знал конягу сто лет, высыпавшие во двор солдаты весело переглядывались, а растерянный сигнальщик переминался с ноги на ногу, глядя то на свои колотушки, то на дверь, из которой, по его мнению, должно было появиться начальство. Приск подавил невольную усмешку: Медант был незаменим за Перонтом, но от его выходок за тысячу шагов несло столичной дурью. Впрочем, коняга хотя бы не гадила где попало, как его предшественник. Комендант без особой спешки раздвинул утративших бдительность балбесов и резко спросил:

— Что это значит?

— Что вам в бошки набилась солома! — отрезал Медант. — Кого ждать заставили? Хорошего человека, ездока!.. Скоро меня с мулом спутаете. Провинция...

— Доклад коменданту. — Спентад не собирался прятаться за кентавра. — Младший трибун Тит. Определен в Скадарию прокуратором Нуммой. Военного опыта не имею. Владею мечом, копьем и пращей. Езжу верхом.

— Врежет, мало не покажется, — Медант был откровенно доволен, — хоть мечом, хоть чем. Было у нас на бегах дельце...

— Имею некоторый опыт уличных схваток, — спокойно уточнил новичок. Эх, не уродился б он Спентадом...

— Тит, значит? Отцовское имя забыл?

— Мой отец остался в Стурне. Я увижу его через три года.

— Хочешь сказать, что явился не за подорожной к «грифам»?

— Я ее получу через три года.

— Получишь, потому что ты — благородный. Получишь и уберешься, а вот он, — Приск кивком указал на Сервия, — будет вялиться здесь. Вы прыгаете, мы тянем, и нечего чистить драные сапоги!

— Комендант прав, — Спентад все еще был само спокойствие, — драные сапоги надо выкидывать. Я знаю, какое место займу, если меня не убьют на юге или на севере. Вы уже уйдете в отставку, но комендант Скадарии, новый комендант, вряд ли обрадуется, если у него отберут даже ту кавалерию, что есть у вас. Он сможет только жаловаться и браниться, а я буду спорить. С Сенатом и императором, но для этого мне нужно забраться наверх. Ваш помощник этого не может, я — могу.

— Он залезет! — подтвердил Медант, хотя его никто не спрашивал.

Приск сощурился, он не собирался сдаваться.

— Ты пока не в Сенате, — отрезал комендант, — а в моей крепости. Посмотрим, что ты за птица... Кукарекать один тут уже кукарекает, а ты полетай!

Часть вторая *1104 год Счастливой Эры*

I

Приск любил те короткие недели, в которые глаз отдыхает и от зимней серятины, и от летней сухой желтизны, только в нынешнем году было не до цветочков. Долгожданная весна принесла те самые пакости, что ветеран пророчил начальству и подчиненным уже лет пятнадцать.

Первыми вестниками грядущих бед стали промышлявшие за Перонтом торговцы. С их слов получалось, что у скератов сменились вожди, и не просто сменились, а с большой кровью. Празднества, которыми лохмачи отмечают весенний солнцеворот, завершились резней, и теперь по приграничным становищам бродили слухи один гаже другого. Напуганные этими слухами купцы не рисковали забираться далеко в степь, так что толку от

их рассказней было мало.

Не на шутку встревожившийся Приск отрядил за реку три десятка разведчиков. Соседство есть соседство — у стурнийцев за Перонтом водились и знакомцы, и торговые партнеры, и даже друзья. Ну, или почти друзья... От них комендант и надеялся получить объяснения. Надежды оправдались в полной мере, только веселей от этого не стало — новости отчетливо отдавали войной.

Купцы не врали — встреча Весны в самом деле обернулась бойней. Семь племен из тех, что кочуют вдоль стурнийской границы, как водится, стянулись к священным курганам. Туда же явились трое почетных гостей из «дальних», каждый с изрядным отрядом. Неделя скачек, состязаний, молитв с жертвоприношениями — и всеобщая пьянка, завершившаяся убийством большинства родовых старейшин и пяти вождей из семи.

Весенние драки между перепившимися степняками были делом привычным, но здесь по всему выходило, что резня — не случайность. Ее готовили загодя, и оба уцелевших явно участвовали в заговоре. Да и гости, хоть и не ввязались в это безобразие сами, новых вождей немедленно поддержали. Все это наводило на нехорошие мысли. Настолько нехорошие, что Приск решился на то, чего никогда раньше не делал и делать не желал. Запечатав должным образом составленное донесение, комендант тщательнейшим образом занес на покрытую воском дощечку то, что требовалось внушить начальству, и послал солдата за прокураторским дружком.

Спентад, надо отдать ему должное, нашелся сразу — гонял во дворе своих пехотинцев. От службы парень не отлынивал, нос особо не задирает, а цапался все больше со своим же, столичным... Вот уж кого Приск мечтал сплавить если не лохмачам, то хотя бы в другую крепость. Увы, Аппия Фертара приписали к Скадарии пожизненно и, небец сожри сенаторские штучки, в офицерском чине.

— Младший трибун Тит. Приказ коменданта.

— Садись. — Будь вина Тита лишь в рождении на берегах отца-Стурна, комендант простил бы паршивца еще прошлой зимой, но сенаторское отродье... Это для Приска было слишком. И именно это давало шанс пробить медный начальственный лоб. Ветеран отодвинул табличку-подсказку так, чтобы привыкшие к заречным далям глаза разбирали буквы. — Тут вот какое дело...

Объяснять пришлось долго — от выходящих за пределы обязанностей младшего трибуна дел комендант отпихивал умника самолично. Как оказалось, себе же во вред. Горло пересохло, Приск хлебнул водицы и поднял взгляд от исписанного воска. Сенаторский сынок сосредоточенно хмурил брови, думал, надо полагать.

— Говори, — разрешил ветеран и закашлялся.

— Говорю. Комендант подтвердил возникшие у меня опасения. Медант много знает о скератах. Кроме того, я расспрашивал торговцев и сравнивал с тем, о чем читал. Степной молодец всегда был горяч и жаден до грабежа, но теперь он еще и уверен в себе. Урок, преподанный Октавианом, их больше не пугает — это было давно и не с ними. Новым царькам надо укреплять свою власть. Думаю, они сделают это привычным способом — поведут своих головорезов на наши земли.

Да, башка кое у кого на месте, чего доброго, в самом деле в прокураторы выбьется! В солдатские прокураторы, не в сенатские, но пока что в Отраме жирует Нумма, а за Перонтом набивают колчаны семь племен, а то и все десять!.. Если орава двинется разом, прокуратор запросит помощи, и помощь будет, при такой-то напасти как не прислать, только ее еще надо дожидаться. И потом, легионы не лютики, сами не вырастут. Появятся у Перонта, значит — откуда-то уйдут...

— Надежды на то, что новоявленные царьки передерутся, немного, — напомнил о себе Спентад. Он думал о чем-то похожем.

— «Немного»! — передразнил Приск. — Небес ушастый, да нет никакой надежды! Слишком дружно ублюдки провернули свое дельце, видать, всю зиму готовились, должны были сговориться и о том, что дальше делать. Да еще эти их родичи... Ох, не зря они

заявились! Воняет нынче степь, и воняет «грифами». Только вонь в мешок не сунешь и прокуратору не доставишь...

— Я доставлю, — не дожидаясь то ли просьбы, то ли приказа, произнес Тит. Парень все понял, и понял, залягай его коняга, правильно! — Доставлю, и Нумма отправит ее дальше. Императору и Сенату. Сколько у меня времени?

* * *

Лишь Время Всемогущее знало, сколько оно отпустило Приску, но комендант мог гордиться — впустую не пропало ни единого часа. Въехав на показавшийся родным крепостной двор, Тит понял: все, что можно сделать, сделано, а уж чего нельзя... Хотелось бы, конечно, поднять стены хотя бы на длину копья, да чтоб запас смолы стал раза в три побольше... И метательных машин бы еще, и вторую когорту в казармы — как раз разместились бы. Увы, это было за пределами возможностей паршивого коменданта ненужной крепости. Тут уж чем Сенат с императором обеспечили, с тем и воюй.

Приск и готовился воевать, и не он один: вести поступали со всей границы, и были они хуже не придумаешь, так что уговаривать Нумму не пришлось. Прокуратор головы под крыло не прятал, к угрозе относился всерьез, но прокураторским беспокойством дыры не заткнешь. По крайней мере, сразу.

— Нумма обеспокоен. — Тит не выдержал, злобненько усмехнулся. — Нумма *крайне* обеспокоен. Войска провинции спешно стягиваются, ну или должны стягиваться, к Отраме. Приграничным гарнизонам именем императора велено стоять до последнего, сдерживая продвижение варваров, а помощь будет. Это прокуратор обещал твердо.

Прокуратор не просто обещал, он клялся, призывая в свидетели собственного отца, отца Тита, порфириносного Агриппу и само Время со чада и домочадцы, вздыхал, сетовал и уговаривал, уговаривал, уговаривал остаться при своей особе. Не навсегда, а лишь пока не сползутся «черепахи»,²⁶ после чего взгромоздиться на самую белую и отправиться... нет, не выручать своих — очищать Отраму.

В последнем Нумма был прав: кочевникам нужны не взятые крепости, а добыча. Они не задержатся на границе, а рванут в глубь провинции, откуда их и придется гнать, а гарнизоны — это уж когда руки дойдут или дальние легионы подтянутся. Нумма опускал глаза и отводил на подтягивание месяц. В лучшем случае, а в худшем... В худшем спасители провозятся до середины лета и успеют разве что всплакнуть на погребальных курганах, в которые превратятся «столь дорого обходящиеся империи крепости».

— Прокуратор не знает, когда подойдут подкрепления, — уточнил Тит, — но он не пытается врать. Это хороший признак — о нас не «забудут».

Приск махнул рукой, и Тит ушел, так и не сказав, что его удерживали в Отраме. Может, удивись комендант возвращению столичного молодчика, молодчик бы и не выдержал, но ветеран лишь выразил удовлетворение скоростью, с которой пришел ответ. Поташивший едва отдышавшегося приятеля в степь Медант выразил кое-что другое и выражал долго. Тит слушал вполуха, привычно вынуждая коня на полкорпуса опережать бушующего кентавра. Если б не сухой ветер и не тень «грифа» над утратившей былую прыть империей, можно было вообразить себя дома на прогулке.

Сколько раз наследник Спентадов и кентавр, обсуждая ставки и забеги, перемывали кости двуногим и четвероногим! Медант тогда любил выпить и подраться, возникших считал за дерьмо, но бегал хорошо. Если зачесется правая задняя нога... А чесалась она постоянно, так как созерцать впереди себя чужой хвост строптивец не мог. Себя столичного Тит помнил хуже, то есть не помнил, а понимал. Неужели это он орал, что императора за запрет на участие в бегах надо гнать? А что делать с императором, повернувшимся спиной к

²⁶ Черепахами в стурнийской армии называют легионы.

отрастившей когти степи? С императором, строящим цирки и триумфальные арки за счет отпуска легионов?

— Медант, — зачем-то окликнул Тит, — что нам делать? Что нам теперь делать?

Кентавр остановился, и человек натянул поводья. Он не ждал никаких откровений. Вопрос был глупым и беспомощным, а ответ единственным — драться. Там, где застигла беда, и пока хватает сил. Границы Стурна священны, но это — для Сената, а на деле, если что и вправду свято, так это жизни дурней, которых угораздило поселиться вблизи беды, и твое слово — защитить их. То есть не только твое, много ты один назащищаешь...

— Что делать, говоришь? — Лапища Меданта растрепала лошадиную гриву, и не терпевший кентавров жеребец прижал уши. — Почему бы нам вечером не выпить и не пристукнуть Фертара? Некоторые пасти перед войной лучше заткнуть, а завтра... Ты как хочешь, а я пробегусь за реку, разъезды разъездами, а самому глянуть не помешает.

II

Война стала явью утром. Славным весенним утром, когда по небу бегут розовые облака, пахнет расцветающими травами и ты не ждешь, не можешь ждать ничего дурного. Никто и не ждал, пока из зеленого, сбрызнутого маковой кровью моря не вынырнула темная фигура и неповторимой, знакомой всем завсегдатаям бегов рысью полетела к броду.

— Скераты идут! — крикнул Тит стоявшему парой ступеней ниже Сервию, не дожидаясь, когда вороная буря ворвется во двор.

— Идут... — подтвердил спустя четверть часа Медант, поводя блестящими от пота боками. — К нам — тысяча семь, не меньше. Остальные — кто куда, но все больше вниз по течению. «Наши» к вечеру будут здесь, а их дозоры — и того раньше...

— Значит, — припомнил Тит пророчества Нуммы, — будут переходить Перонт вплавь и в разных местах.

— Часть отправится грабить, часть останется брать крепость. — Первый помощник коменданта говорил о скератах, как о паводке, озабоченно, но не больше. — Броды и переправы им нужны позарез. Вozy с добычей и рабов иначе не уведешь.

— Да, без добычи набег и потери станут бессмысленными. — Тит очень надеялся, что его голос столь же будничен, как у Сервия. — Что ж, если отправлять гонца в Отраму, надо поторопиться.

Он не собирался советовать подоспевшему коменданту, просто так вышло, но Приск то ли не расслышал, то ли...

— Поедешь?

— Нет. — Спентад уверенно выдержал цепкий взгляд. — Я сказал прокуратору все. Мне нечего добавить.

— И мне нечего. — Комендант потер лоб и вдруг усмехнулся. — Разве что передать: если Скадарию кончат, я, дохлый, не к лохмачам заявлюсь и не к Нумме, а повыше. Чтоб других так же...

Каких «других», Приск не уточнил. То ли слов не нашел то ли, наоборот, счел, что сказал все. Тит с молчаливого согласия начальства торопливо набросал короткое донесение. Время, место, примерное число идущих варваров, напоминание о том, что Скадария располагает едва ли половиной требуемых для обороны солдат, — и все. Гарнизон не клялся в верности императору и Сенату и не обещал достойных Октавиана побед. Впрочем, не спешил и с завещаниями: крепость могла выстоять, а помощь — успеть.

— Медант, — теперь Приск смотрел на кентавра, — ты Мезия встретил?

— Ночью разбежались. Мезий лохмачей на самом хвосте притащит. Часа через два.

— Как бы не зарвался, — высказал Сервий то, о чем Тит из суеверия промолчал.

— Не зарвется! — отрезал Приск. Бойтся накликают или просто верит десятнику? — Медант, ты как? С ног не валишься?

— С этакой прогулочкой?! Да я даже не разогрелся, Тит, скажи ему, как...

— Отлично. — Слушать о Медантовых беговых триумфах Приск не собирался. — На стенах тебе делать нечего, во дворе — тем более. Доставишь в Отраму донесение и будь здоров. Назад лезть не вздумай — лишние копыта мне тут не нужны, а Стурну и тебе, глядишь, пригодятся.

— А то! — Кентавр быстро глянул на передние ноги. Он всегда так делал, собираясь бежать. — Еще встретимся. Не тут, так там, где нет Времени...

* * *

В степи видно далеко, особенно с холма или башни. Какое-то время Тит, стоя меж зубцов, следил за гонцом, мчавшимся пустой — ни купцов, ни крестьян — дорогой; потом ставший точкой кентавр растворился в солнечном блеске, а человек прошел по стенам в сторону реки и стал ждать.

Медант не ошибся: когда через брод промчался стурнийский разъезд, полдень еще не наступил. Варвары отстали ненамного. Чуть более сотни всадников на разномастных невысоких лошадях остановились на дальнем берегу. Полюбовались оседлавшей приречный холм крепостью и опустевшим поселком, погалдели и двинулись берегом в обе стороны, вверх и вниз по течению. Против Скадарии осталось десятка три, эти вели себя тихо: постояли чуток на пригорке, потом развернулись и неспешной рысью убрались.

— Именно так смотрели титаны со стен Нинней, когда к ним подступали полчища Идакла. И точно так же...

Аппий Фертар! Явился... Порой Тит сыну заговорщика сочувствовал. Как столичная цаца столичной цаце и как будущий прокуратор безвредному болтуну, но сегодня Фертар откровенно бесил. Всем: напористым голосом поэта, запахом померанцевой воды, двумя родинками, кольцом с дурацкой загогулиной, которую величал Небесной спиралью... Даже заговори поэт о погоде, и то Титу захотелось бы его придушить, но Фертар, пользуясь случаем, излагал свое, то есть отцовское, мнение о том, как обустроить все. Не обошлось и без пророчеств грядущих бедствий и обвинений в оных ненавистного Идакла со всеми его отродьями, к которым до недавнего времени относили себя и Фертары. Пока с «грифьей» помощью не решили, что быть «благородными» не так вкусно, как потомками бессмертных. Единственными. Над ними ржал весь Стурн, а они не только завели фавнов, но и готовили заговор, не соображая, что это...

— ...безнадежно и преступно. Мы видим начало конца, и ваше счастье, счастье нерассуждающих выючных ослов, что вы издохнете раньше изжившей себя империи. Будь у вашего Сената хоть капля разума, вы бы оставили степи тем, кому они были дарованы Небом...

— Будь у нашего Сената хоть капля разума, тебя бы приписали не к гарнизону, а к лупанару! — Влезать в спор с сосланным придурком было не ко времени, а бить офицера — любого! — на глазах солдат нельзя, как бы ни хотелось. Спентад сжал чесавшиеся кулаки и отправился проверять своих людей.

Время, только что несшееся горным потоком, тянулось застывающей смолой. Спентад спускался во двор, вновь поднимался на стены, шутил с солдатами, переговаривался с офицерами, даже что-то съел. Очередной раз столкнулся с Приском, пошел рядом. Комендант не возражал. В парадном, заколотом фибулой-Ульем плаще и шлеме с гребнем конского волоса ветеран казался ходячей мозаикой со столь любимых императором триумфальных ворот, только в честь Скадарии еще ничего не воздвигли.

— Что смеешься? — После появления скератов, а вернее, после отказа Тита уехать комендант словно бы выплюнул проглоченное копьё.

— Представил, как в нашу честь строят триумфальную арку, — признался Тит. — С мозаиками.

— Лучше пусть крепость отстроят, — не понял шутки Приск, — и надо б еще одну... На левой излучине или у Кривой косы. Станешь прокуратором, не забудь.

— Приказ коменданта.

Все-таки Приск улыбнулся. И занялся делами, словно за Перонтом собирались на свою ярмарку торговцы скотом. Время ползло, степь по-прежнему была пустынна и по-весеннему красива, только взгляд этой красоты больше не замечал. Глянешь со стены: «Нет еще», и снова о своем — так, часовые на местах, ворота — на запоре, укрывшихся в крепости местных из тех, что не захотели убираться, разместили и пристроили к делу. Бегаешь, проверяешь, а на дворе и за стенами — тишина и покой. Странное чувство. Похоже на последние минуты перед бегам, только более остро и невыносимо долго.

...Медант и второй раз угадал: солнце еще не коснулось своим краем земли, как равнина зашевелилась. Сразу с нескольких направлений к Перонту потянулись плетенные из людей и коней цепочки, они на глазах толстели, превращаясь в длинные неровные колонны, а впереди катился нарастающий неприятный шум. Вот первая тысяча достигла реки, вот первые лошади взбаламутили воду. Визгливые крики, перебранка сигнальных рожков, ржание... Тишина ушла, и вместе с ней — травившее душу ожидание. Все стало просто и... светло, что ли.

Свершилось. Вот он, враг. Явился. Теперь будем драться и, если не повезет, умирать. Дело, как ни смешно, обычное... Важное, главное для тебя, для тех, кто с тобой, но обычное.

— Дело вообще-то обычное, — вслух произнес Тит, проливавший кровь разве что на охоте, ну и пару раз в драках с грабителями. Приск согласно кивнул и поправил надраенный до звездного блеска шлем.

Часть третья

I

...Безносый скерат оказался совсем легкой добычей: неуклюжий замах, корявая палица еще не начала опускаться, а меч Тита уже вонзался дикарю в живот. Больше впереди живых врагов не было, и младший трибун поспешил обернуться. Как раз вовремя — прикрывавший командиру спину десятник в запале боя сделал глупость: отшагнул к краю стены как раз между зубцами и тотчас поймал в правое плечо стрелу — степные лучники только и ждали такой удачи. Тяжелый ланг²⁷ вывалился из раненой руки, пара наседавших на ветерана лохмачей тут же кинулась добивать. Топор первого десятник успел принять на щит, а второй точно бы выпустил бедняге кишки, но тут уж вмешался Спентад. Лохмач с разрубленной башкой полетел во внутренний двор. Приятель покойного боя не принял. Вонючке повезло: совсем рядом вгрызались в камень осадные крючья. Бросив осевшего на камни стурнийца, степняк крысой метнулся к спасительной веревке и, вцепившись в нее, скользнул вниз. Кожу на ладонях стесал, но голову, похоже, спас.

Не утерпев, Тит прикрылся щитом и глянул меж зубцов. Скераты отходили — уцелевшие, те, кто успел спуститься или не успел подняться, торопливо откатывались от недобрых рыже-серых стен. Доставлявшие чуть ли не больше всех хлопот лучники убились вместе со всеми. Следом за здоровыми ползли или ковыляли раненые. Скадария снова отбилась.

Напряжение боя ушло, уступая место боли. Только что исправно служившее тело заныло и зажаловалось сразу в нескольких местах: правое плечо и бок, левая рука, голень, по которой успел пнуть тот, с желтой лентой в бороде... Голова тоже гудела, пусть не сильно, но надоедливо, хотя кто и когда успел приложить его по шлему, Тит не помнил — желающих было хоть отбавляй.

Где-то слева хлопнула тетива. Хромавший за своими скерат выпустил копье, на

²⁷ Длинный однолезвийный меч.

которое опирался, и покатился вниз по склону. Со стрелой под лопаткой. Больше со стен не били — запас стрел и так уменьшался слишком быстро, изводить его на покалеченных врагов было глупо, чтобы не сказать больше. Подранки — не угроза для осажденных, а обуза для осаждающих, в крепости же хватает своих дел, невеселых, но необходимых.

Тит вытер меч об овчину на спине ближайшего трупа, осмотрел клинок и вложил в ножны, а на стену уже взбирались определенные Приском разбирать раненых и мертвых поселяне. Своих раненых — в барак к паре измотанных лекарей, убитых — в отведенный для могил угол за конюшнями; ну а степнякам одна дорога — на надречную стену и вниз, под обрыв. Спентад посторонился, пропуская носильщиков, и принялся растирать занемевший локоть. Рухнуть бы прямо тут, на грязные камни, да какое там! Второй помощник коменданта — как же быстро настигают должности на войне! — должен обойти свою стену, выслушать доклады, понять их, как бы ни звенело в этой треклятой башке, и доложить «самому». И чем быстрее это сделать, тем лучше, значит, нужно идти. Три сотни шагов и две лестницы... Время Всемогущее, как же это много!

* * *

Этот штурм обошелся куда дороже предыдущих. В первый раз скераты лишь пробовали Скадарию на зуб, проверяя, не струсят ли защитники от одного воя и визга. Не струсили, а несколько десятков удалцов, среди бела дня вздумавших забраться в крепость с помощью арканов, удалось положить полностью и без серьезных потерь.

Лохмачи подумали и решили проверить, не спят ли стурнийцы по ночам беспробудно, как сурки; дождались темноты и полезли на стену по обрыву, со стороны реки. Выдрессированные часовые не подвели — короткая схватка, и ублюдки отправились напрямик к своим рогатым божкам. Вот тогда-то скераты и взялись за дело как следует. Два дня готовились, на третий вооружились лестницами и веревками с крючьями и поперли. Приступ отбили, а за конюшнями у западной стены появились первые могилы. Первые, но не последние. Большинство погибало от стрел, которыми привычные к луку степняки осыпали любого хоть на миг высунувшегося из-под прикрытия стен. Зато в рукопашных схватках наверху преимущество оставалось за стурнийцами. Второй штурм, третий, четвертый... Сегодня нападавшие были особенно настырны. Трижды вожаки гнали толпу на стены, и трижды она убиралась ни с чем, хотя какое там «ни с чем»! Гарнизон таял, как весенний лед.

— Восточная стена, — отрывисто доложил измотанный Спентад. — Семнадцать убито, сорок два ранено, из них серьезно — десятка три. Остальные будут завтра драться.

Приск только сплюнул с досады: из двух державших восточную стену сотен в строю осталось едва ли две трети, а судя по физиономии явившегося с северной стены Сервия, там вряд ли веселее.

— Младший трибун Руфин поймал стрелу в горло, — подтвердил тот худшие опасения. — И еще полтора десятка полегло...

Хвала Времени и тому, кто выбирал место для крепости. Две стены из четырех идут краем обрыва, и кочевники лезут только с востока и севера, но пара таких дней, и будет не закрыть и этого...

— Возьмешь Фертара, — велел помощнику Приск. — Не Руфин, но...

— Приказ коменданта. — Пятнистая от копоты физиономия сморщилась, словно от кислоты. — Но Скадария отвечает за жизнь Аппия Фертара перед императором и Сенатом.

— Ну уж нет! — громыхнул Приск. — Скадария отвечает за брод! За брод, а не за столичн... Не за всяких придурков! Мне прислали офицера, а офицеру место на стенах. Пристрелят, и небец с ним. Туда и дорога.

Больше Сервий не возражал.

* * *

Поселяне очистили стену от трупов, а солдаты подтащили к камнеметам новый запас булыжников. Отстоявший над душой у подчиненных положенное Тит счел, что честно заслужил ужин и сон, но намерения смертных лишь веселят дочерей Времени. Не успел младший трибун ополоснуть руки и лицо, как от лагеря скератов донесся надсадный вой. Сигнальный рог выводил нечто особенно заунывное, словно ему тоже намяли бока. Тит с тоской глянул в сторону кашеваров и потянулся к снятому было нагруднику, но лучше знавшие степь ветераны закачали головами: ха, поговорить решили.

Может, и так, но отдых все равно откладывался. Спентад накинул плащ и под повторный вой поплелся к коменданту. Тот подтвердил: да, таким образом скераты сообщают о мирных намерениях. Тит тоскливо выругался. Словно в ответ, вновь загнусавил чужой рог, пришлось возвращаться на стену. Они поднялись как раз вовремя, чтобы увидеть, как от скопища шатров отъезжает десятка полтора всадников.

— Вчера и сегодня лохмачи потеряли много людей. — Приск смотрел не на приближающуюся кавалькаду, а на разрезающих небо стрижей. Словно считал. — Гибель воинов — ослабление племени. Вождь мог додуматься до того, что класть своих и дальше ему невыгодно.

Стрижи летали, комендант молчал. Похоже, ждал ответа, и Тит ответил:

— По всей вероятности, они предложат нам...

— Либо сдаться им на, тьфу... милость, — а вот Сервий глядел на всадников и только на всадников, — либо, если мы упрямся, отдать им Скадарию. В обмен на жизнь и свободу.

— Которые они тут же постараются забрать, — буркнул Приск. — Весны своей не побоялись, дедов на празднике перерезали, а уж «пахарей»...

— Это да... Нас одурачить им как конопли накуриться.

Скераты остановились на расстоянии двойного перестрела и опять протрубили. Комендант велел ответить обычным «Мир и покой», степняки поняли. Некто на мышастой лошади выехал вперед и затряс копьём со светлым конским хвостом и красными лентами. Затем последовал вопль на стурнийском, корявом, но вполне понятном: отважный вождь, имени коего Тит не разобрал, желал говорить с главарем пахарей. Проорав что положено, посол шустро развернул своего мышастика и галопом помчался назад. Приск с минуту подумал:

— Я к нему не выйду, — решил он. — Глупо. Скадария на мне, а совести у этой образины — что пяток у Меданта. Но ответить надо... Сервий, пойдешь ты, как второй по рангу. Выслушай. Получится тянуть время, тяни, нам каждый день на вес золота; ну а если ответ нужен немедленно — сам понимаешь... Мы не сдадимся и не уйдем, пусть не надеются.

— Приказ коменданта, — подтвердил Сервий и принялся расправлять смятую тунику, Тит поморщился и в сотый раз повел плечами. Избитое тело продолжало болеть, а желудок требовал хоть чего-то, но дух возобладал над плотью, или не дух, а спевшаяся с гордыней совесть. Спентад вскинул руку.

— Слово для коменданта. Трибун Сервий опытен. Он может заменить выбывшего коменданта, я — нет. Зато на переговорах я могу заменить трибуна. Сказать «нет» легко.

— Так! — Приск свел брови, Сервий потер плечо точно так же, как сам Тит минутой раньше, и младшему трибуну стало почти смешно. — Так... Для Скадарии лучше всего отправить Фертара, но лохмачи стихов не оценят. С варварами и убийцами надо говорить по-варварски и с мечом в руке. Хорошо... прокуратор, пойдешь ты.

* * *

От облитой лучами низкого солнца группы отделилось двое всадников. Проскакали с полсотни шагов, красиво вздыбили лошадей, спешились и, сверкая нашитыми на куртки бляхами, направились к крепости. Выезженные кони шли за хозяевами, словно их вели в поводу. Колчаны, луки и щиты смиренно висели у седел — вождь и его спутник оставили при себе лишь сабли да ножи.

— Видать, приспичило, — решил Сервий. — На стены лезть — не коров воровать.

— Да, — согласился Приск, — умирать никто не хочет: ни мы, ни они. Мезий, пойдешь с младшим трибуном. По двое так по двое.

Скераты не спешили и на лошадей не оглядывались. Надевший под не очищенный от крови панцирь свежую тунуку Тит гадал, где степняки остановятся, а те все шли. Осталась позади похожая на змею трещина, затем — доцветающий кустик. Два белых камня, еще один куст... Все. Встали.

— Разумно. — Нужно было что-то сказать, вот Тит и сказал: — Там их со стен не достать.

— Будут хвататься за сабли — врут и испытывают, — тихо напомнил Приск, — схватятся за поводья, бей не дожидаясь... Спешенный степняк — треть степняка.

— Я знаю.

А теперь вниз по веревке. Вслед за изукрашенным шрамами Мезием. Уставшие руки с неохотой перебирают узлы, но не открывать же ворота. Слезли. Сапоги утонули в еще свежей траве, даже цветок попался. Желтый и маленький, а ведь цветет...

— Я иду первым, — заявляет кавалерист. Тит не спорит, степь Мезий пока знает

лучше, хотя угадать, как пойдет разговор, столичный умник, пожалуй, возьмется. Скераты не «грифы», они еще не вкусили сладости политики — сладости игры змей со змеями, у них все просто и грубо, хотя это же у нас Приск груб... Зато Аппий Фертар — сама утонченность! Нужна она здесь, в захолустье, как Меданту рыбий хвост.

Ржет лошадь, обычная, с обычным хвостом. Ее хозяин свел брови и задрал подбородок. Не сто ит принимать гордую позу перед теми, кто выше ростом, ох не сто ит! Кожа, бляшки, ленты, косицы, борода. Сколько лишнего... Лишнее на варварах, лишнее — на сенаторах, и только солдаты таскают на себе то, что нужно, и ни перышком больше.

— Ты не вождь пахарей, — объявляет на стурнийском загорелый варвар. Если он и старше Тита, то на пару лет, не больше.

— Наш вождь там, где ему следует быть, но он услышит твое слово.

— Ваш вождь труслив, как трусливы старики. Вы глупы, ходя за ним. Зачем? Вас мало и каждый день бывает меньше. Пока все не умирали — уходите.

— Чтобы нас перестреляли в поле? — пожал плечами Тит. — Мы не дети, чтоб верить сказкам.

— Я не хочу обманывать. — Вождь смотрит прямо. Красная лента в бороде напоминает о крови. — Зачем мне обманывать? Я даю залог. Даю своего брата и коней везти раненых. Вас не будут загонять. Если захотим, договоримся. Отвечай — да. Сейчас отвечай.

Такие переговоры не затянуть. Лохмач молод, но не глуп, он не станет вертеть круг без точила, и он торопится: Скадария не должна помешать вывезти добычу, а добыча будет у брода уже скоро.

— Не можешь решить сам, иди назад. Быстро. Пусть решит старый вождь, но решит, пока солнце здесь.

— Нет. — Вот так, спокойно и коротко, но скерат не договорил. Он готовился, он думал... Начал с обещаний, теперь в ход пойдут угрозы.

— Завтра снова будем вас убивать. — Светлые наглые глаза, светлые лохмы, прямой нос... Не зверь, не урод даже в своих лентах. Обрей и отмой — будет человек как человек...

— Ты не отвечаешь, пахарь.

— Я слушаю.

— Слушай. Завтра я снова буду давать вам жизнь, но свободы уже не дам. Снова будете глупыми — все на своем холме сдохнете.

— Время решит, кому сдохнуть раньше.

— Я — Артайт, сын Банурта. Я возьму вашу крепость и перережу глотку вашему трусливому вождю, как барану. Я выгоню из-за стен глупых пахарей и запрягу в телеги. Я...

Значит, Артайт... Тит зевнул. Это было оскорблением, хоть и случайным — младший трибун в самом деле устал до невозможности.

— Запряжешь? — Дипломатии здесь места нет, но и площадной перебранки не будет. — Лучше выпей Перонт. Это проще.

Стоявший за плечом Мезий одобрительно крякнул, а Спентад повернулся и мерным шагом легионера пошел к болтавшейся на стене веревке. Стрелы в спину он не опасался, зато предстоящий подъем казался кошмаром.

II

Конец ночи ознаменовался переполохом. Судя по громкому многоголосому ржанию, конскому топоту, гаму и суматохе в скератском лагере, один из табунов взбесился и помчался прямо на шатры. Велики ли были потери, из крепости понять не удалось, но на штурм в тот день кочевники не пошли.

Зато пошли на следующий, и день этот стал самым жестоким из всех. Шесть раз степняки, буквально засыпая стрелами стены, лезли вверх, шесть раз их сбрасывали. Последний приступ мог кончиться плохо. Очень. Спасла резервная полусотня, которую Приск повел в бой лично. Скадария устояла благодаря коменданту и наступившей темноте

— скераты не решились на штурм без поддержки лучников, а штурм этот мог оказаться успешным. Не оказался.

Титу снова повезло. Стрела ударила в кладку возле самой щеки, стрела сломалась о нагрудник, стрела отскочила от подбородника шлема, стрела впилась в глаз стоящему рядом мечнику, а Спентад мог жаловаться разве что на ломоту в уставших костях и на нехватку людей на «своей» стене. Последнее было бессмысленно: Приск и так знал о потерях, знали это и уцелевшие офицеры. Все шестеро, считая натершего ноги Фертара и двоих раненых, вернувшихся на стены в разгар свалки.

— Сенат бы сюда! — проворчал Мезий, после «переговоров» ставший помощником Тита, в свою очередь ставшего помощником коменданта. Первым — Сервий погиб, и его утащили за конюшни вместе с доброй сотней солдат. К ночи на ногах осталось меньше половины гарнизона, три из пяти камнеметов были разрушены, а оба уцелевших без толку торчали на приречной стене. Смола кончалась, запас стрел можно было растянуть на пару дней, но одними стрелами жив не будешь...

— Сенат, говоришь? — Тит представил значительные морды и роскошные тоги на песчаниковых стенах и не плюнул лишь потому, что устал. — Меняю Сенат на солдат... Еще один такой день — и все. Драться будет некому.

— Если б мы могли обрушить Скадарию на головы скератам, как титаны обрушили Стурнон! — завел свою песню Фертар. — Наша смерть стала бы победой, и даже враги склонились бы перед нами...

Поэт был и оставался придурком, но меч держать, как оказалось, умел, а под стрелами и вовсе расхаживал, как под дождем. Нарывался Фертар, а стрела досталась Сервию. Так бывает... Смерть брезгует дураками, а Жизнь, утешая, отдает младшей сестре лучшее. То есть лучших.

— Мы не последние в Стурне, — заткнул расходившегося болвана Тит. — И мы здесь не для красоты подышаем и даже не скератов режем... Мы держим брод, вот и все.

И удержим!

Последнее можно было и не говорить. Последнее не следовало говорить. Это Фертар с его набитой сказками башкой считает, что крепости и царства спасают красивые слова и красивые смерти. Чушь! Их спасают люди, и люди эти должны быть живы, на ногах и знать свое дело... И они должны хотеть спасти свою крепость, свой город, свою империю, так хотеть, чтобы все остальное сделалось неважным.

— Удержим... не удержим... — Приск заговорил, словно черту подвел. — Время рассудит... Но завтра к ночи скераты будут за стенами, а мы — на стенах.

* * *

Утро началось как обычно: проснулись, размялись, позавтракали, еще в полутьме разошлись доделать неотложное. У скератов в лагере гасли костры, ветер доносил обычный деловитый гул — степняки тоже занимались обыденным. Не поешь как следует — не повоюешь...

Время было: в крепости уже разобрались, как скераты готовятся к штурму. Оставшиеся минуты Тит потратил на письмо отцу, вернее, на завещание. Он писал для очистки совести, понимая, что запечатанный фамильным перстнем свиток вряд ли доберется до берегов Стурна, и все же долг есть долг, а злость есть злость.

«Если ты прочтешь это письмо, знай, что я умер за Стурн, но не за дураков, обескровивших восточный рубеж. Я хочу, чтоб за наши смерти спросили не с «лохмачей», а с Сената и императора. Я хочу, чтобы спросил ты. Свой долг младший трибун Спентад исполнил, исполни и ты, сенатор и отец младшего трибуна. Прощай. Сын».

Свиток лег на стол, на видное место, рядом легло запечатавшее его кольцо. Тит выпил воды и покинул казарму, почти не сомневаясь, что навсегда. Рога скератов уже собирали воинов, горны Скадарии молчали, все всё знали и так. И свое место, и свой долг.

Они столкнулись на лестнице — сын сенатора и сын заговорщика. Пальцы Аппия тоже были в чернилах, но Аппий мог писать и стихи. Не здороваясь и не разговаривая, двое поднялись на стену. Роса еще не высохла, но небо стало совсем светлым, выкатилось солнце. Скоро полезут.

Тит дал себе слово не суетиться и не выдержал — прошел вдоль обеих стен. Приск согнал наверх всех, кого мог. Здоровые вперемешку с ранеными, теми, что могли делать хоть что-то, обслуга, конюхи, поселяне, даже оба писца и старенький жрец... Как же безнадежно мало их было, а от лагеря скератов уже катилась темная визжащая волна.

Первыми под прикрытием больших плетеных щитов перли лучники. Сперва на Скадарию прольется свистящий ливень, потом Артайт бросит на стены воинов, и сегодня у него может получиться... Может... На последней отгроханной Агриппой арке начертано «Должен — значит, могу!», только «может» отнюдь не значит «будет». Степняки не пройдут и сегодня. Воздух вспороли первые стрелы. Началось.

Стук наконечника, впивающегося в поднятый щит, знакомый злобный свист у виска, короткий хрип за спиной, вой скератских рогов, гудение гонгов... Всё, двинулись к стенам, но обнажать меч рано, сейчас время стрелков и пращников. Скадарийских, да поможет им Смерть!

Гонг от шатра вождя теперь бил непрерывно, причем в два раза чаще, чем обычно. Артайт выполнял свою угрозу, Артайт торопился. Тит облизнул прокушенную вчера в горячке боя губу и шагнул к «своему» зубцу, готовясь рубить веревки. «Обычное дело»... В самом деле обычное.

— Трибун, что это с ними?

— С ними? — Спентад уставился на лупоглазого пращника. — Ты о че... Точно!

Подававшие голос с дальнего края лагеря рожки и рога воют непривычно и тревожно. Человеческая волна, уже готовая захлестнуть стены, замедляется, будто в нерешительности, и... откатывается. Не просто отступает, несется назад. Толстый парень из поселян судорожно сглатывает, опускает тяжеловатое для такого увальня копьё, недоуменно вертит головой, а раненый десятник с жутким, наполовину багровым лицом расплывается в беззубой ухмылке:

— Тгибун, я бы так гванув, повучив ховофый пинок под зад!

Не может быть! Этого не может быть, но скераты бегут, удирают, улепетывают, несутся сломя голову назад, и в душе расправляет крылья дура-надежда.

— Иногда Время бывает к нам благосклонно, а, приятель?

— А то! — усмехается во весь изувеченный рот десятник, а надежда приобретает отчетливый, прямо-таки железный облик тяжелой имперской конницы, и конница эта атакует! Всадники на рысях выходят из-за западных холмов и разворачиваются «крыльями», охватывая скератский лагерь. Сигнальщики гордо вздымают свои «ульи»! Один... Второй... Пять! Почти два бинара!²⁸ Хватит, чтобы втоптать в речной песок всех степняков до единого!

* * *

— Ха, а вохмачам-то без своих вофадок пгидется дгаться!

— Какое драться?! Сдурел с радости? Они же к броду сейчас рванут... К броду!

— Вевно... О, нафы пофли!

Конная масса, постепенно ускоряясь, движется вперед. Как же это красиво, Время всемогущее, как же это красиво! Как прекрасен этот день, эта река, это поле, эта жизнь!

— Приказ коменданта! Стрелков — на приречную! Всех!!! Два десятка — к камнеметам!

— Приказ коменданта! Живо!!! Устроим вонючкам прощание!

²⁸ Тяжелая стурнийская конница делилась на бинары, в каждом из которых было две полутысячи всадников.

— Приказ коменданта!

— Приказ...

— За мной!

Короткий взгляд на победно сверкающую в солнечных лучах лавину, и бегом по стене — Скадария еще не все сказала! Скераты бегут, и, естественно, бегут к броду. Не успевшим добраться ни до своих лошадей, ни до лагеря, не способным драться в поле в пешем строю, что им еще оставалось? Разве что кучка конных в центре пыталась сражаться, но судьба храбрецов была предreshена, да и не занимала она Тита. Пусть умирают как хотят, а вот беглецы... Дорога к спасению шла вдоль обрывистого склона холма, на котором высилась крепость, и Приск сгонял на приречную стену всех, кто был в силах натянуть лук или поднять камень.

Гарнизон Скадарии брал с врагов последнюю плату. Кровью. Оба уцелевших камнемета посылали один камень за другим в тех, кто добрался до реки и по шею в мутной быстрой воде пробивался к дальнему берегу. Метательные снаряды без жалости били по барахтающейся толпе, промахнуться было невозможно.

Плавали степняки скверно, сбитых с ног и уносимых течением можно было смело зачислять в покойники. Жаль, утопленники не доберутся до «грифов», но какие миноги будут этим летом в низовьях. Какие миноги...

— К коменданту! У ворот императорская конница...

— Камни несите, камни! — Командовавший камнеметом десятник чуть не выл.

— Небец ушастый, да хоть дрова тащите! Стрелки, гуще бить, гуще! — Приск — чудо чудное! — сорвал с головы шлем и не глядя отшвырнул. — Младший трибун Спентад, открыть ворота. Стрелки, гуще!..

* * *

Отпирая наглухо заваленные ворота, пришлось повозиться. По ту сторону ждали, весело покрикивая, затем створки со скрежетом распахнулись, давая дорогу незнакомому трибуну на рыжей кобыле. За спиной начальства пересмеивались кавалеристы, Тит на всякий случай поискал глазами Меданта, но кентавр, если и пристал к имперской коннице, вряд ли отказал себе в удовольствии как следует подраться. Тит вскинул руку.

— Скадария с радостью приветствует желанных гостей!

— Хвала Времени и великому Стурну! — Желанный гость широко улыбнулся. — Как вы провожаете нежеланных, мы видели. Трибун Авл. Третий Отрамский бинар легата Валюция.

— Младший трибун Спентад. Мы не ждали вас так рано.

— Приказ прокуратора. — Похоже, трибун Авл не улыбаться не мог. — Ускоренным маршем идти к Скадарии. Пошли. По дороге встретили конягу. Он уговорил легата поспешить, мол, больше декады вы не продержитесь.

Медант всегда знал, кто и когда сойдет с круга. Угадал и сейчас: до вечера они могли и не дотянуть, а дотянули бы, сколько б лежало у конюшен...

— Вы появились вовремя. Куда...

— Почему первыми — к нам? — Подоспевший Приск стоял у лестницы, и счастья на его лице не было. — Почему Скадария, а не Южная и не Нижняя? Или туда тоже пошли?

— Нет. Кроме нас, свободной конницы не осталось. Все отрамские бинары заняты внутри провинции. Двадцать тысяч скератов — это...

— Я знаю, что это такое. Какой приказ вы получили?

— Отбросить степняков от брода, оставить в Скадарии припасов и две сотни конных лучников, после чего двигаться к Южной. — Авл больше не улыбался. — Если дождутся, значит, Время к ним милостиво.

— Вряд ли успеете, — каркнул комендант и ушел. Просто ушел, устало загребая ногами, и Тит вспомнил, что Приск командовал Южной. Стены там были ниже, а гарнизон

меньше, но конница первой выручила Скадарию, и благородный Спентад понимал почему.

— Приск служил в Южной. — А ведь Нумма упоминал, точно упоминал, сколько комендантских лет забрала крепость, на перестройку которой так и не нашлось средств! — Долго служил... Я хотел спросить о Меданте. О кентавре.

— Ваш коняга передал что хотел и умчался. Сказал, что ночью погуляет у скератов.

— Он не вернулся?

— Нет.

Вот тебе и ответ, что за шум был ночью у лохмачей. Это «гулял» Медант, так гулял, что Артайту стало не до штурма. Целый день передышки... Не будь его, Приск вряд ли успел бы пожалеть о Южной.

— Может, он еще найдется. Коняги, они живучие.

— Да, конечно... Мезий, позаботься о наших спасителях. Мне нужно доложить коменданту.

Ничего ему не нужно, только постоять на странно пустой стене и отдышаться. Медант не вернется, а гарнизон Южной умрет, потому что в крепости не нашлось столичной цацы, за которую прокуратор «отвечает» перед друзьями-сенаторами. Гарнизон Южной умрет, чтобы в империи было спокойно, а империя так и не узнает. То есть узнают родичи, у кого они есть, узнает начальство, а остальные будут жить, как жили. Разве что в харчевнях станут больше болтать про глупых степных варваров. Или, наоборот, про страшных, но все равно побежденных великим Октавианом и еще более великим Агриппой, ведь правящий император всегда велик...

Тит наклонился, поднял обломанное перо. От стрелы. Перья, несущие смерть, перья, которыми сподобившиеся грамоте пишут... Гусю все равно, зачем его ощипали. Захотелось немедленно пройти в опустевшую комнатушку, разорвать ставшее глупым и напыщенным письмо и вместо него написать императору... Не доклад, не оду и не сатиру, а два слова. Два грубых слова из арсенала неотесанного коменданта захоластной крепости.

— Небец ушастый, чего сюда забрался?

— Думаю...

— Вот и я думаю. Конец Южной, а мы б день продержались, а может, и все два. Дурак прокуратор.

— Не дурак. Политик.

— Значит, сволочь. Ладно, пойдем, люди ждут. И вот что. Не надо при них о Южной, они не виноваты, что живы. И ты не виноват.

— Приказ коменданта. — Ни слова о Южной. Здесь и сейчас ни слова, но не завтра и не в Сенате.

Тит не думал, что сумеет улыбнуться, но сумел. Сумеет и больше. «Должен — значит, можешь», а он должен. Приску, Сервию, Меданту, парням из Южной, трибуну Авлу, даже Нумме с его померанцами, даже болвану Аппию. И только императору и Сенату Тит Спентад-младший отныне не должен ничего. *Ни-че-го.*

РЫЖИЙ ВЕЧЕР

*Все богатство мое — песня да гитара,
Ласковые струны да вечер синий,
А еще есть заветная молитва:
Чтоб грехи забылись да сбылись надежды.
А надежд у меня всего четыре:
Летом я живу в надежде на осень,
А когда от зимы я устану,
То вновь на весну надеюсь...*

Юрий Борисов

*Кабы мне такие перья
Да такие крылья,
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я...*
Николай Заболоцкий

***Часть первая
Стурнийская империя
1256 год Счастливой Эры***

I

Небо было иссиня-лиловым, а на западе рыжим-рыжим, как цветки календулы, и по нему, низко наклонив рогатые головы, мчались свинцовые быки с мощными загравками. Их кусали за ноги юркие гончие, над ними кружили совы, и все — и псы, и быки, и птицы — были облаками, летящими сквозь закат, а он догорал. Догорают все — день, лето, молодость, человек, империя, звезда... Даже само Время когда-нибудь да сгорит.

— Время тоже когда-нибудь сдохнет, — сказал фавн и с хрустом раскусил рыжее — тоже рыжее — яблоко. — Да и шут с ним! Не жалко.

— Не жалко, — согласился Марк Карменал и подкинул в огонь пару шишек.

Костер горел, и небо горело. Оно казалось таким огромным, не то что огонек на краю чернеющего поля, только костерок будет жить и в ночи.

— Уплываешь? — Козлоногий зевнул и погладил свирель. — Нет бы налить, а то я весь язык отболтал с твоими титанами. Ну, жили, ну, не живут больше, тебе-то что?

— Любопытно, — соврал Марк и потянулся за плащом. Его ждала девушка. Странная девушка, которой не место в придорожной харчевне, но Агапе отыскалась именно там. Юная золотоволосая богиня, дочь радушного толстяка и жадной стервы. Богиня и фавн — не многовато ли для полного кур, сплетен и пыли местечка?

— Ты только при козулечке своей не сплхуй, — хмыкнул козлоног. — Девчонки, они такие, злятся, когда на луну таращатся, а не на них. Или давай я за тебя схожу, небось не напутаю...

— Нужен ты ей!

— А ты? — Фавн поскреб за ухом. — Ходят тут... Зарятся на цветочки.

Человек отмахнулся и растворился в темноте. Козлоногий знал много и еще больше выдумывал, но других готовых говорить о павших царствах Марк не нашел, сколько ни искал. Люди не помнили, кентавры злились, и немудрено — то, о чем стыдно и страшно вспоминать, забывают. Из всех сил. Вырубая рощи и виноградники, придумывая новые имена, срывая до основания храмы и башни... Странно, что люди с конягами не попытались засыпать Стурн, разве что поняли, что убивать озера и горы дано лишь Времени. Убивать, размывать, уносить, что угодно...

Время не создает, не порождает, а рушит. Люди, что б ни плели жрецы, такие же дети Неба, как сгинувшие титаны и вымирающие полускоты. Бесплодное, полное зависти божество лишь натравило смертных на вечных, только это не повод возносить ему хвалы! Марк и не возносил, как не кланялся натыканным по всему Стурну императорским истуканам и не давал взятку императорским чиновникам; впрочем, давать было нечего — певец был бедней ящерицы. Обычно это его не заботило, но сейчас Марк не отказался бы от пары монет — купить Агапе опаловый — именно опаловый — убор. Колдовской камень как нельзя лучше подходил светлоглазой волшебнице, вчера потеснившей в душе Марка прежний мир и нынешние дороги. И ведь видел лишь дважды, а говорил и того меньше!

Отец засел за кувшин с очередным «лучшим другом», мать и бабушка были заняты в харчевне, сестры и брат спали. Оставались вечно торчащий у окон судья Харитон и сплетницы у источника — этих точно улицей не обойдешь. Агапе воровато оглянулась, раздвинула похожие на бурьян отцветшие мальвы и, рискуя порвать платье, перелезла через забор. Ни домашние, ни соседи не заметили, а на дороге никого не было: Кробустовы овраги путники предпочитают миновать засветло. Девушка снова огляделась, метнулась за стерегущие деревню тополя и замерла, прижавшись спиной к морщинистому стволу. Она ни разу не выходила ночью со двора и ни разу не встречалась с парнями. Старшие называли дочку харчевника послушной, подруги — трусливой, а ей просто не хотелось.

Сыновья соседей Агапе не нравились, может быть, потому что мать с бабушкой, выбирая жениха, пересчитывали чужое добро со сноровкой мытарей. «Невеста» молчала и думала о чем-то ей самой непонятном, а вчера это непонятное вошло в дом и улыбнулось.

Было слегка за полдень, и девушка срезала с обвивавших веранду лоз поздние гроздья... Нет, тогда она ничего не поняла, мало ли кто заворачивал в харчевню. Агапе просто стало любопытно, что за песни принес загорелый бродяга с китарой. Она услышала их вечером, услышала и рассмотрела певца. Тот, почувствовав чужой взгляд, обернулся. Их глаза встретились, и все вышло, как в песне... Гости стучали кубками и стаканами, смеялись, грустили, приосанивались, но струнный звон и нежные слова принадлежали Агапе.

По улицам прогнали коров, звякнул вечерний колокол, и бабушка отправила внуков спать. Лечь казалось невыносимым, и девушка устроилась на окне, не зная, что делать, куда бежать, кого и о чем просить. Песни стихли, гости утихомирились, поднялись к себе, как всегда переругиваясь, родители, а она смотрела на вдруг приблизившиеся звезды и повторяла слова чужой любви, ставшие ее собственными. Потом Агапе все же легла и даже уснула. Сон был светлым и тревожным, как ранняя весна, а утром девушка столкнулась с певцом. Разговор вышел коротким... Единственный их разговор, прерванный бабушкой с ее половиками. Марк просил, и она обещала вечером выйти. Она вышла. Она ждала...

— Вот ты где!

— Я... Я тут.

— Вижу. Разве можно не увидеть звезду?

— Не говори так...

— А как мне говорить? Я никогда еще не держал звезду за руку. Странное чувство.

— Я не звезда!

— Врешь... Ты звезда-врунишка, вот и врешь...

Он не верил, а Агапе верила. Каждому слову, взгляду, улыбке. Она, всю жизнь слушавшая про похищения, изнасилования, обманы, не боялась и не сомневалась. Вспыхивали у горизонта синеватые искры, шелестели сухие травы, важно плыл по небу лунный щит.

— Раньше на нем проступали лики богов, потом люди подняли руку на бессмертных, и боги отвернулись. Нам остались лишь пятна.

— Это сказка?

— Нет, потому что я знаю только одну сказку. Это — ты.

Сказкой была не Агапе, сказкой была эта ночь и двое, бредущие рука об руку по ставшему небом полю. Он спрашивал, она отвечала, она спрашивала, он рассказывал. О великом озере и великом городе. О канувшем в воду храме. О прекрасных титанах, что когда-то ходили по земле. Они были светловолосы и светлоглазы, как Агапе, они не знали старости и болезней, а потом проснулась зависть, и красота иссякла...

— Это трудно понять, — сказал Марк. — Как бы я хотел их вернуть и показать тебе...

— Трудно понять? Почему? Они... эти золотые были другими... Не такие, как, как... — Понять легко, трудно высказать, объяснить, как не хочется слушать про женихов, налоги, шерсть и муку, как тошно глотать уличную пыль и улыбаться судьбе Харитону...

— Они были такими, как ты, Агапе. А может, ты из них? Я состарюсь и умру, а ты будешь срезать виноград, улыбаться и ждать своего золотоволосого и вечно юного...

— Я буду ждать только тебя. Всю жизнь!..

* * *

— Где ты шлялась? Где, я тебя спрашиваю?! Дрянь! Дура неблагодарная...

— Постой, Хриса! Может, еще ничего...

— А то не видно!..

— Хоть бы и видно, нечего орать! Услышат еще... Живо в дом!

Мать послушалась, схватила Агапе за руку, так что девушка едва не закричала, и потащила к кухонной двери. Бабушка переваливалась следом, отца видно не было. Дом и улица спали, небо было полно звезд, но они стали тусклыми, как стекляшки, к которым пристало мыло. Бабушка закрыла дверь, мать, больше ничего не стесняясь, ударила дочь по щеке. Это было не больно, не так больно, как впившиеся в запястье ногти, но Агапе заплакала. От обиды, от того, что полет кончился в пропахшей вчерашним соусом кухне.

— Плачешь? — прошипела мать. — Раньше надо было! Кто?! Судья или кобель этот захожий?..

Отвечать было нельзя. Слова бы добили то, что еще трепетало на краешке души, что нельзя было отдавать. Мать с бабушкой зло спорили, но они не спорили и не ссорились, только ругаясь с отцом. Ей повезло, что бабушка не спала. Наверное, повезло...

— Ты дала?! — Они с Марком стояли так же близко, только там были любовь и небо, а здесь — злоба и доски над головой.

— *Мне пора.*

— *Уже?*

— *Ох, я и так...*

— *Звезды утром меркнут, я знаю...*

— Ну?! Молчишь?! — Как кривится материнский рот, как уродливо кривится! — Ты только глянь на нее...

— Я гуляла, — вдруг сказала Агапе, — я ходила к оврагам...

Мать опять зашипела, а бабушка вдруг толкнула Агапе на скамью. Ее осматривали, как какую-то овцу. Девушка не кричала и не отбивалась, только стиснула кулаки и поняла, что до сих пор сжимает сорванную Марком веточку бересклета. Все, что осталось от счастья.

— И чего орать было? — Бабушка отобрала зеленый пруттик, зевнула и вытерла руки прямо о платье. — По себе судишь, коза гулючая? Не видишь, что ли, гадать она бегала. Наслушалась, не без того, так все уши развесили, даже мордоворот твой, а уж девчонка-то! Да еще и луна полная...

Ей все-таки повезло и с бересклетом, и с луной. В полнолуние у оврага срезают ветки и кладут под подушку — увидеть жениха. Только она никогда не искала женихов, а гадать... Она все знает и так!

— Выпей горячего и ступай спать. Может, и впрямь кого увидишь. Только не сукновала...

— А чем он плох?! — вскинулась мать. — Сейчас за одно одеяло больше дадут, чем за...

Сукновал, мукомол, племянник мытаря... Хорошо, судья Харитон женат, уж его-то родители не упустили бы.

Девушка сбежала под спор о ценах на перо. Знай Агапе, где сейчас Марк, она бы бросилась за ним в чем была, но певец ушел, то есть это она ушла, потому что спешила домой. Время Всемогущее и дочери его вечные, ну почему, почему она вернулась?!

* * *

Если не уснул ночью, на рассвете не уснешь и подавно. Позже — запросто, но когда тьма становится дымчатым хрусталем, просыпается богиня дорог и зовет. Ее зов слышен не

всем, но властен над всеми слышащими. Марк слышал, и еще он все равно уходил. У певца две жены — дорога и китара, третья ему ни к чему.

— Так я и знал! — подал голос фавн, которого пришлось растолкать, ибо козлоног дрых на дорожном мешке. — Врал ты все. Гулял он... Лежа тоже гуляют, когда гулящие.

— Подвинься! — не стал вдаваться в подробности певец. — Или вставай, если жрать будешь.

— И кушать, и пить. — Козлоног уже сидел на корточках, раздирая пальцами кучерявые лохмы, из которых лихо торчали рожки. — Ты меня разбудил, ты меня и корми!

— Доставай. — Марк кивнул на мешок, который был слишком тяжел, чтоб его волочь до следующей харчевни, где будут песни, а значит, и хлеб, и мясо, и вино. — Что найдешь съедобного — твое.

Фавн и не думал церемониться: поест он любил почти так же, как поболтать.

— Не приспичило б тебе девулю валять, — объявил он, — я бы к вечеру еще чего припомнил... Нет, ну какова! Один вид, что недотрога, хотя от козы — козленок. Хриса-то...

— Заткнись и жуй. — Марк красноречиво тронул дорожный посох. — Я, к твоему сведенью, ее ни разу не поцеловал!

— Тогда какого... — ошеломленный фавн аж выронил головку сыра, — какого... ушастого уматываешь?

— Про одно дело вспомнил. — Не окажись Агапе столь пуглива, он бы уже заработал счастье на ночь и ярмо на всю жизнь. Что бы он стал делать в этой деревне? Что бы делала Агапе на дороге? Она не канатная плясунья, ей нужен дом, ему — нет.

— Ты не вернешься, — изрек фавн, вздохнул и занялся сыром. — У нас есть дар предвидения... Время его не отобрало, просто мы почти передохли...

— Что ж тогда ерунду несешь, провидец?

— А прошлое мы не видим, — выкрутился козлоногий. — Откуда мне знать, спал ты с девой или нет. Вот что не выйдет у вас ничего, знаю. Вино тоже мое?

— Твое. А что ты еще видишь?

— А ничего не вижу! — сощурился фавн. — Ни дома тебе не вижу, ни жены, ни денег, пыль сплошную... Ну, и вино. Догонит оно тебя, и правильно. Что ищешь — не найдешь, так хоть пьян будешь, а пьяному умирать и то весело, хотя тут с тобой что-то не то... Не людской твоя смерть выходит, то есть совсем она не выходит!

— Без смерти я как-нибудь обойдусь. Ладно, прощай, раз не свидимся.

— А может, и свидимся, — сменил гнев на милость фавн. — Вот брошу свои овражки и подамся... куда-нибудь. Полтора ста лет здесь сижу, надоело... Может, своих найду. Ну не переели же их, в самом деле?!

— Тогда ищи меня в пыли! — Марк привычно подхватил полегчавший мешок и приладил поверх него китару. Ему уже хотелось шагать под светлеющим небом, глядя, как меркнут звезды и черные силуэты распадаются на деревья и дома. Он уже шел, напевая что-то пока непонятное, радуясь утру и вспоминая вечер. Рыжее небо, облачная охота, ожидание... Хорошо, что ничего не случилось: выпитая любовь становится головной болью, недопитая — песней. Песни так и приходят, проступают сквозь скрип дорожной пыли, обрастают словами, бережат душу, пока не стекнут с языка и пальцев, став чем-то сразу твоим и чужим.

Тот закат не твой, ты же вечен,
Та звезда — не твоя предтеча,
Та мечта не тебе под силу,
Та Она не тебя любила.
Не любила и не полюбит...
Черный бык, черный пес, лунный бубен...

За спиной кричат петухи, восток наливается розовым, шелестят еще не облетевшие

ветви. Холодно, радостно, и как же много дарит дорога, если ей служить и молиться, если вверить себя ей и только ей. Уходить от несбывшегося в рассвет — это как срываться с тетивы и лететь к солнцу, просто к солнцу, никого не убивая...

Утро пей, уходя от ночи,
Чтобы вечности стать короче...

II

Снежинки отрывались от серых туч, чтобы найти свой конец на раскисшей земле. В полете они казались серыми, но на заборах и крышах высились белые подушки. В такую пору по дорогам разъезжают разве что гонцы и самые жадные из купцов, ну или если у кого-то неотложные дела. Ждать певца мокрой ветреной зимой глупо, только Агапе все равно ждала. Жила и ждала, иногда чему-то улыбаясь, иногда плача.

Девушка закусила губу, прогоняя навязчивые слезы, и вернулась в дом. В углу судья Харитон все еще договаривался с матерью и бабушкой о жертвенных курах. Больше в зале не было никого — харчевня поутру пустовала, это позже в нее набивались переделавшие дневные дела мужчины, но ими занимались старшие.

Мать быстро обернулась на скрип, увидела Агапе, ничего не сказала. Судья неторопливо поднялся, оправил отороченный мехом плащ и прошествовал к выходу, одарив Агапе милостивой улыбкой. Девушка заученно поклонилась. Бабушка пошла провожать важного гостя, мать принялась убирать со стола.

— Агапе, — вдруг спросила она, — помнишь старшего писца Карпофора?

Агапе помнила. Мать вытерла руки и велела сесть.

— Судья будет доволен, если ты выйдешь за него замуж. Судья очень ценит усердие Карпофора и хочет поселить в своем доме, но живущий в доме писец не может быть холостым.

Почему Харитон ходит в харчевню сам, а не присылает домоправителя, Агапе понимала. На это ее невеликого опыта хватало, да и подружки постарались — объяснили. Судья был немолод, богат и имел родичей в столице. Он привык получать, что хотел, и восемь лет назад взял в жены первую местную красавицу. Елена все еще была хороша, но Харитону жены было мало, в деревне об этом судачили на каждом углу...

— Опять молчит! — Мать с силой шваркнула на стол медный поднос. — Ох и удружило мне Времечко со старшенькой! Истукан ходячий... Может, ты еще и оглохла? Судья Харитон хочет...

— Хочет-перехочет! — Отцовский рев раздался неожиданно, так неожиданно, что мать вздрогнула. — Скот безрогий!.. Моя дочь ему не подстилка... Расторговался тут! Да кто он такой, чтобы пасть вонючую разевать?! За Перонт бы его, поглядел бы я... А ты, ты чем думаешь?! Дочкой торговать собралась! Дочкой!!!

— Заткнись! — Подоспевшая бабушка загородила мать. — А ты сам? Не купил мою Хрису, скажешь?! Свалился тут нам на голову... Орясина приграничная. Небось тогда деньгами в нос тыкать не стеснялся!

— Судья почище тебя будет! — Мать уперла руки в бедра. — Харитон не воняет хотя бы... Вiniщем не воняет...

— А ну заткнись! Обе заткнитесь!!! — Отец ухватил скамью, мать с бабушкой шарахнулись к стене. Раздался грохот, скамья врезалась в стену. Другую. С полки рухнул и разлетелся вдребезги цветастый кувшин, мерзко заголосила в своей клетке учная птица, и, словно в ответ, зашлась слезами мать.

Отец топал ногами и орал, что отдаст дочку тому, кому не медяк цена... И кто не дерьма кусок, хоть бы и в золотой миске... Он напишет друзьям... Они приедут. Это такие молодцы, не то что... Ага, молодцы. Толстые, вечно пьяные, крикливые. Зачем, ну зачем это

все?.. Зачем мать вышла за отца? Зачем у них родилась она, Агапе? Зачем она сама...

Хлопнула дверь — мать, закрыв лицо, выбежала на двор. Отец с бабушкой продолжали кричать, загородив проход. Выйти, не зацепив их, было невозможно, и Агапе сидела, где ее посадили. Сложив руки на коленях и глядя в оставшуюся открытой дверь. Снег все шел, было очень холодно.

* * *

— Хуже женщины на шее только колодка! — засмеялся Марк и прижал ладонью струны. В таверне загоготали, и Марк запел снова. О фавне и вдове. Песенка была новой — в последнюю осень богиня дорог послала ему много песен — смешных, странных, тревожных, нежных... Сегодня он пел глупые и веселые, пел и пил. На улице дождь мешался с несчастным в столице снегом, но от этого лишь становилось веселее.

Зима начиналась замечательно, деньги и те появились, Марк подумал и пошел в Стурн. Отец городов певца тянул давно, но на сей раз Марк думал не о состязаниях поэтов, где ему с его виршами делать нечего, и не об умных столичных красотках, для которых удачная ночка не повод для утренних слез. Певец решил наконец увидеть то, что осталось от все сильней занимавших его мысли бессмертных. Он даже был готов заплатить караулившей Черный мыс императорской саранче, но вмешались увязавшиеся следом тучи.

Стурн утонул в серой пелене, воды озера стали тяжелыми, словно их покрыл слой сала, а день сжался в короткую полутьму. Красть и блудить в такую погоду — одно удовольствие; красть и блудить, но не искать осколки вечности. Марк ждал высокого неба, пел и копил деньги. Завсегдатаи харчевен были щедры, еще щедрей, чем в провинции.

— Ха! — Подвыпивший дядька в зеленом хлопнул Марка по плечу. — Давай про лысую башку и лысую задницу!

— Я знаю только свои песни! — отмахнулся Марк. — Задницу я еще не воспел, но могу про голову. С рогами.

Зеленый на рога согласился, Марк ударил по струнам и скорчил рожу, вокруг с готовностью заржали. Над обманутыми мужьями всегда ржут, но сколько из ржущих сами рогаты?

И в самом деле я в хлеву,
И кто бы мог сказать?!
И кто кричит — не разберу,
Жена или коза?

Обреченная на успех песенка летела к закономерному концу. Глупый пьяный муж раньше времени проснулся и вполз в спальню. Умная жена и молодой любовник ткнули ему в нос козий мех и заблеяли.

Опять орет, опять бурчит!
Проклятье, как я зол!
И рог откуда-то торчит.
Так, значит, я козел?!
Да, я — козел, да, я козел,
Слипаются глаза...
Подвинься, дура, муж пришел.
Ну, живо, ты, коза!

Марк подмигнул слушателям, и те радостно взревели, подхватывая припев. Сопрет кто-нибудь! Точно сопрет, и ладно... Козу не жалко, а то, что жалко, он где попало петть не станет.

— Тебе *это* нужно? Именно *это* ?

Чисто выбритый, высокий, лобастый. Одет не то чтобы богато — с придурью. Не для простецкой харчевни.

— Что мне «не нужно»?

— Я пришел в этот вертеп, чтобы тебя услышать, — лобастый говорил очень тихо и очень четко. — Мне рассказывали о тебе, я решил проверить, так ли хорош этот неуловимый Марк Карменал в самом деле. Все мои ожидания были превзойдены. Твое место не здесь, певец. Тебе слишком много даровано, чтобы за гроши орать про коз.

— Вот как? — О том, что ему дадено, Марк и сам знал, но это было его дело. Его, а не лобастого шептуна! — А кто ты такой, чтобы меня поучать?

— Я не назвался? Извини. Мое имя Спурий Физулл.

Это наверняка что-то значило, тем более в столице, но узнавать подробности певец не спешил.

— Ты можешь быть кем хочешь, а я пою то, что хочу и кому хочу! — Марк осушил далеко не первую кружку и стукнул ею по столу, привлекая внимание. — Друзья, хотите песню о двенадцати конягах и одной кобыле или о двенадцати кобылах и одном коняге?

* * *

Под ногами дразняще поскрипывал снег, в небе не было ни облачка. Зима, шестнадцатая зима Агапе, металась, словно тоже была влюблена и покинута. Хмурые оттепели сменял ясный холод, дразнил негреющим солнцем и сбегал, укутавшись в полные мокрого снега тучи. Бабушка твердила о дурных приметах, отец пил, мать ко всем придиралась, но уходить из дома, каким бы постылым тот ни был, девушка боялась. Одинокая путница на дороге — легкая добыча. Выдать себя за мужчину она не сумеет, а женщину со стриженными волосами наверняка сочтут беглой рабыней. Оставалось навязаться кому-то из постояльцев, но подойти и попросить взять с собой? Что она скажет, чем расплатится? Ничего своего у нее нет, а обобрать родных Агапе не могла.

Конечно, ее всегда возьмут в храм, но про младших жриц судачили не меньше, чем про ловцов женщин. Судья Харитон пожертвует Времени пару телок и получит что ему нужно. А не Харитон, так другой или другие... Агапе тоскливо вздохнула и свернула к оврагам, к вцепившемуся в край обрыва бересклету, у которого ей перепало немного счастья. Она убегала туда всякий раз, как позволяли домашние дела и погода. Постоять у тоненького деревца, на котором до сих пор уцелело несколько похожих на цветы плодов-коробочек. Агапе даже не пыталась их сорвать — у нее уже был подарок Марка.

Веточка с одобрения бабушки стояла у изголовья кровати вместе с восковыми цветами, которые Агапе мечтала выкинуть. Толстые лоснящиеся розы напоминали о том, что это спальня невесты. Неважно — чьей, но невесты, и к осени ее продадут. Родители ссорились, покупатели тоже ссорились, спастись можно было лишь бегством. Если Марк не вернется, придется бежать, только как и куда?..

Что ее с силой толкнуло в спину, девушка не поняла и еще меньше поняла, как она не сорвалась вниз. Тело как-то удержало равновесие, закачались зеленоватые пруттики, с них посыпался снег. Все еще ничего не соображая, Агапе попыталась повернуться, ей не дали — навалились на спину, обхватывая шею. Напавший пытался спихнуть жертву в овраг, но Агапе повезло — левая нога встретила вросший в землю валун. Девушку дернули в сторону, щиколотка подвернулась, Агапе упала на четвереньки, увлекая с собой неведомого врага. Перед самыми глазами дрогнули высохшие зонтики фенхеля, ладони обожгло снегом. Тот, на плечах, взвизгнул, завозился, раздался снежный скрип, хватка ослабла.

— Эгей, — потребовал звонкий мужской голос. — Эгей... Не дури! Пусти девулю... Пусти, знаешь ведь...

Пустили. Агапе кое-как поднялась, коснулась щеки рукой. Мокрой, холодной, и сразу стало холодно везде. Девушку бил озноб, но она заставила себя обернуться. Кто-то

кудлатый, блестя зубами, удерживал женщину в богатом плаще. Елену!

— Эгей! — Лохматый рывком развернул добычу лицом к себе. — Опомнилась?

Жена судьи злобно рванулась. Не вышло — кудлатый знал, что делает.

— Нет еще? Ну, подури, подури, а я подержу. Не жалко.

— Пусти!..

— А лягаться не станешь?

— Пусти, скот!!!

— Только снизу, моя радость. И разве это тебе не нравится?!

Кудлатый со смешком разжал руки, Елена отпрянула и застыла, хватая ртом воздух. Покачнулась, отшагнула от оврага и вдруг побежала. Наверное, быстро, но Агапе казалось, жена судьи топчется на месте, только желтый плащ мечется, как простыня, которую повесили сушить.

— Эй, — раздалось под ухом, — хочешь песенку?

— П-песенку? — переспросила Агапе. — К-к-какую?

— Такую. На, хлебни...

Агапе хлебнула и узнала отцовское вино — не по вкусу, она вина не пила, по острому полынному запаху. Девушка вздрогнула и торопливо глотнула, а облетевший бересклет вдруг запел о весне, которая вовсе не была страшной.

* * *

Это Физулл сочинил песенку про лысых, которую распевали на каждом углу!

Распевали громко, весело, нагло, не оглядываясь на «ос» и «трутней».²⁹ Кто сказал, что это у императора не отличишь голову от задницы? Мало ли в Стурне безволосых? А что это вы так смотрите? Уж не думаете ли, что наш великий, наш обожаемый Постум выжил из ума?

Постум Марка не волновал, мало ли кто сидит на троне, и вообще какое певцу дело до императоров? Хочется Спурию Физулла задираться — его право, только песни о козах ничем не хуже.

— Как сказать. — Физулл был упрям, но за этот ужин платил он. И он же обещал рассказать о фертаровских фавнах. — Как сказать, певец. Ты смеешься над тем, над чем смеются все, кроме обманутых мужей. Подобный смех не делает людей умней и смелее. Я смеюсь над властью, а осмеянная тирания перестает быть страшной. Стурн гниет с головы, я объясняю это телу, пока оно смертельно не поражено. Нам нужна другая голова...

— Мне и эта сгодится! — Есть Марк больше не мог только пить. — Оторвать голову можно, но как ее прирастить хотя бы курице? И вообще новое начальство всегда хуже предыдущего, поэтому пусть живет и пасется нынешнее. Да здравствует император!

Физулл поморщился. Он чего-то хотел, иначе б не прицепился.

— Я сужу о тебе по песням. По лучшим твоим песням. Как можешь ты, певец великого, ясного прошлого, мириться с настоящим?! В Стурне невозможно дышать. Чиновники позабыли слово «честность», мытари готовы обобрать каждого, жрецы сами не верят своим словам, а глупцы, которых стригут, только блеют... Волки и овцы — это и есть Стурн. Империя, где вольготно лишь мерзавцам, а спокойно только дуракам и спящим, но заснувших среди ядовитых испарений нужно будить! Даже если это им не нравится. И делать это некому, кроме нас! Это наш долг, твой долг...

— У меня не бывает денег, — не согласился Марк. — А нет денег, нет и долгов.

— У тебя есть долг перед одарившим тебя Небом, а деньги... Они тебя отыщут. Не сразу, а когда будут нужны. Старость приходит ко всем людям, Марк Карменал, а ты — человек, хоть и поешь о титанах. Я слышал, у тебя есть песня о защитниках Стурнона, спой ее мне.

— Я оставил китару в своей харчевне. Спасибо за обед, он пришелся кстати, но я его не выпрашивал, так что это не долг.

— *Это* не долг, ну а китара... Она есть не только у тебя. Лучшие инструменты делают в Велоне. Попробуй.

Марк попробовал. Чужестранка ответила звуком дивной глубины. Певец любил свою неизменную спутницу, но жене не сравниться с богиней!

— У нее хороший звук. — Марк пытался быть спокойным, но владелец богини теперь казался неуместней худшего из мужей. — Только вряд ли такая красotka будет рада моим дорогам.

— Она боится дождей меньше стурнийских ухoderок. Тебе надо обзавестись велонской китарой, но мы к этому еще вернемся. После песни.

— Эта песня не закончена. — Петъ не тянуло, но отказать уже было нельзя. — Может, Стурнон отдаст мне ее до конца. Даже из-под воды...

— Может. — Физулл и не подумал улыбнуться. — И, может, он пробудит твою совесть, совесть гражданина, а пока пой как есть. Я, знаешь ли, шесть раз судил состязания поэтов в надежде открыть в ком-то священный огонь. Бессмысленно. На императорскую сцену идут продавать себя, это тот же лупанар! Гимны императорам, оды императорам, статуи императорам... Ты хочешь видеть священный мыс титанов? Ты его увидишь вместе с мраморным уродством в честь побед императорского предка. Побед!.. Тогда и войны-то никакой не было, но разве подхалимам нужна правда? Они целуют задницу и гребут из этой задницы золото. Говорят, деньги не пахнут, и это правда. Смердят стихи, написанные за деньги! Тот, кто опустился до такого, потерян и для богов, и для искусства. Достаточно

²⁹ В Стурне городскую стражу в шутку называют «трутнями», а шпионов — «осами».

вспомнить Аппия Фертара. Как он начинал и как кончил... Глупец, предавший совесть, память, семью за возвращение в столицу, за возможность читать свои вирши одержимым войной мерзавцам... Мерзость и предупреждение всем нам!

Я стал искать тех, кто чурается властей предержажих, и узнал, что некий Марк Карменал расспрашивает про фавнов и что песни этого Марка звучат по харчевням. К сожалению, не те песни, что нужны Стурну. И это не те песни, что нужны Небу.

— Я пою, что поется. — Сколько можно трепаться, но китара хороша! Она хочет петь, она требует настоящего. Главного... — И я не молюсь никому. И не собираюсь. Ты хотел про бессмертных? Это не та песня, что я хочу; пока не та...

Не останется нас — ни в крови, ни в молитвах, ни в песне.
Не останется храмов, мозаик, мечей и могил.
Мы уходим дорогою вечно тревожных созвездий,
Торжествуйте! Делите добытый предательством мир!
В нашем мире кружили над скалами птицы,
В нашем мире звук сплелся со словом и с летом лоза.
Мы уходим, и кто-то последней зарницей
Уходящей грозы...

Вломившимся стражникам был нужен не он — это Марк сообразил до того, как балбес с ликторским Ульем на шее сунул под нос Физуллу свой перстень. Можно было отступить к стене и выждать, чем кончится. Или рвануть к черному ходу. Вместе с китарой, враз ставшей не нужной хозяину, но Марк отбросил жалко звякнувшее велонское чудо, ухватил остолбеневшего Физуллу и поволок за собой, потому что... Потому что лобастый дурак доболтался! Тревожить императорскую задницу в Стурне и в самом деле не следовало. Если ты, разумеется, не хочешь на галеры.

* * *

Елена обещала деньги. Много. Пятьдесят стурниев, если Харитон не узнает про то, что было у оврага. И еще столько же, если Агапе выйдет не за Карпофора... Жена судьи говорила тихо и быстро, от нее пахло благовониями, она была еще красивей, чем всегда, она просила. Агапе стало ее жаль, но девушка только и сумела, что покачать головой. Она сама не понимала, почему не может взять эти деньги, ведь это не было кражей: Елена предлагала сама, но, увидев бабушку, торопливо распрощалась и прошла в харчевню, а на обратном пути глянула так, что девушка едва не кинулась бежать.

— Чего ей понадобилось? — Мать тоже все видела. Наверное, из окна.

— Так...

— Что «так»? Я должна знать.

Слова липли к горлу, но мать как-то догадалась. Не про все, но хватало и половины.

— Деньги совала? Чтоб Карпофора отвадила? Сколько?

Агапе сказала, сама не поняв как. Она всегда признавалась, когда ее спрашивали, почти всегда... Только про Марка молчала и про овраг...

— Полсотни! — хмыкнула вернувшаяся бабушка. — Совсем совесть потеряла! Да на ней самой в пять раз больше навешано! Что ты ей сказала?

— Ничего. Мне ее денег не надо!

— Полсотни не надо, а полтысячи... Заплатит, куда денется! Пожалуй, и тысячу найдет...

— Харитон не уймется, — перебила мать, — ни за тысячу, ни за десять. И эта стервь тоже... Со двора больше ни ногой, с Елены станется прибить.

Агапе кивнула. Она бы рассказала про оврага, но там жил фавн, а у фавна было вино. То вино, что приносила мать... Бабушка поджала губы и быстро пошла в дом — что-то

вспомнила, мать задержалась.

— Выйдешь за Фотия, — объявила она. — Лучше свой осел, чем чужой конь, а с Еленой тебе не сладить... И в кого ты такая снулая?! Я бы знала, и что с судьей делать, и как гадюке зубы повыдергивать.

— Не хочу. Не хочу ничего делать ни с кем...

Агапе знала: сейчас случится что-то страшное, но говорила. Торопливо, путано, понимая, что ничего уже будет не исправить.

— Не хочу, как вы с отцом... Ненавидеть, кричать, и все равно... в одной постели. И в овраг к козлоногому не пойду! Понимаешь, не хочу как ты! Пусть убивает... Но я не стану как ты, как вы все! Бабушка, отец, Елена эта... Вас даже мертвецы не заберут, вы уже — тени несытые, а я... я не могу так! К судье... к сукновалу... в овраг с отцовским вином... Не могу!

— Я тоже думала, что не смогу, — сказала мать и заплакала.

* * *

Стурна Марк не знал, но у него было чутье, не раз выручавшее хозяина, когда приходилось удирать, а удирал певец частенько. Он мало кому желал зла, но мужья бывали слишком подозрительны, трактирщики — корыстны, а стражники и мытари исполнены излишнего рвения. Дратся Марк умел, но не любил — берег пальцы, вот и полагался на ноги и богиню дорог. Она не подвела своего баловня и сейчас, хотя Физулл в длинных, сразу намокших одеждах был еще тем спутником... Марк тащил вольнодумца за руку, подпихивал под зад, помогая перелезть заборы, толкал в канавы, но уйти им удалось.

На всякий случай Марк загнал Физуллу в закуток между двух сараев и прислушался. Топота и криков, сопровождающих охотящихся стражников во всех городах, слышно не было. Певец перевел дух и наскоро проверил кошелек и нож — они были на месте. Оставалось покончить с оказавшимся отнюдь не удачным знакомством, выручить старушкукитару и отложить припадание к истокам до лучших времен. На галеры Марк не хотел, а в рудники и того меньше.

Рядом вздрогнул мокрый Физулл, и певец не выдержал — ругнулся. Куда девать лобастого умника, Марк не представлял, но бросать его, такого, под забором, было сразу и подло, и глупо: мокрые тряпки в разгар зимы сведут в могилу надежней вольных мыслей, проще было не мешать ликтору.

— У тебя есть подружка? — деловито осведомился певец. Физулл возмущенно затряс породистой головой. Подружки у императорского врага не имелось, что в некоторой степени оправдывало высоту помыслов, но лучше бы помыслы были пониже. Не так больно падать.

— Нам надо покинуть этот город и эту страну, — объявил спасенный и чихнул.

— Сперва найдем харчевню поплоче. Ты посидишь, а я сбегая за своим добром...

— Нет! — замахал пальцем Физулл. — Нет, нет и нет! Тебя уже поджидают и схватят, как только ты появишься. Я знал, знал, что придет день, когда придется бежать, спасая... нет, не жизнь, те ростки свободы и совести, которые еще остались в Стурне. Есть человек... Купец из Нинней... Он нас спрячет и переправит в Велон. Идем к нему.

— Ну уж нет! — С таким спутником не только в Велон, до перекрестка не доберешься! — Ты слишком мокрый, чтобы таскаться по холоду, и слишком грязный, чтоб гулять по приличным кварталам. Я схожу к твоему купцу сам, но купцы любят деньги и не любят ссориться с властями.

— *Этот* купец — друг. — Физулл на глазах обретал былую уверенность. — Он не возьмет денег, от нас не возьмет... И не жалеет о старой китаре. К нашим услугам будут лучшие мастера Велона. Там умеют ценить и слово, и сердце...

— И там ты напишешь про задницу велонского императора, или кто там у них?

— В Велоне — сенат. Настоящий сенат, не то что наша конюшня... Извини, я в самом деле начинаю замерзать. Ты уверен, что найдешь поблизости безопасное место?

— Уверен, если будешь только пить вино и чихать. «Трутни» по такой погоде плохо летают. Если я что-то понимаю в харчевнях, мы совсем рядом. Винные бочки где попало не валяются.

Марк угадал, или это богиня дорог не желала для певцов дурного конца. Харчевня была жарко натоплена и полупуста. Разомлевшие возчики, а гостями были именно они, на двух промокших до нитки чудаков даже не обернулись. Певец устроил спутника в дальнем углу, бросил хозяину пару медяков, велел подогреть вина, и для отвода глаз спросил, где отыскать девчонку пожарче. Хозяин объяснил, певец расстался еще с одной монеткой и, насвистывая, вышел в дождь.

Часть вторая

I

Агапе подрезала оплетающий веранду виноград и пела, потому что не петь не могла. Серенькое утро непонятно почему было прекрасным, а песенка ни о чем сама текла с губ. Вечером девушка долго не спала — думала, что делать с Карпофором и судьей, а сегодня распелась, будто какой-нибудь воробей. Воробей оказался тут как тут — слетел с крыши и зачирикал, Агапе счастливо рассмеялась и заметила у ворот гостя. Марка! Опомнилась девушка уже внизу, настолько опомнилась, что сумела оглянуться. У сараев совещался с конюхом отец, сквозь распахнутую дверь харчевни слышался голос бабушки.

— Я пела, — сказала Агапе, — а ты пришел... Я тебя слышала и запела.

— А ведь я молчал, — улыбнулось вернувшееся счастье. — Весна тебе к лицу больше осени. Ты всегда калечишь виноград?

— Нет. — Агапе опять рассмеялась. — Только... когда ты должен прийти.

— Привет, приятель! — прогремело от сараев. — Молодец, что завернул! Может, удержишься? Не пожалеешь — ко мне друзья собрались... Лучший винодел Стурна с семейством. Агапе, а ну живо кормить гостя! С недожора только на марше петь. Стой! Матери скажи, чтоб не жалась... А бабуку сюда гони, у гримзы руки золотые, как до живности доходит. У Ночки началось...

Это был их день! Тот самый день, когда удачи нижутся ягодка к ягодке, словно бусы. Отцовские приказы, умница Ночка, то, что мать с бабушкой были в доме, а она — на веранде... Сестра-Жизнь протянула их с Марком любви руку и улыбнулась.

— Иди в дом, — велела Агапе, — быстро! И садись...

Певец кивнул и вошел, Агапе просчитала до дюжины и вбежала в боковую дверь.

— Отец зовет, — выпалила она. — Он с Ночкой! Там уже...

Конечно, они пошли вдвоем — бабушка и мать. Марк уже сидел в углу за столом, китара и мешок лежали рядом. У окна доедали свое мясо отрамские купцы, они заплатили за стол и ночлег еще вечером. Агапе схватила кувшин и миску. Если что, она льет гостю молоко.

— Ненавижу молоко, — признался Марк, — но из твоих рук хороша даже цикута. Выйдешь вечером? Осенью звезды — яблоки и падают, а сейчас они цветут.

— Выйду!.. Марк, ты... Я подам мясо, холодное, и... Мне надо уйти, только ты подожди. Я...

— Ничего не понимаю, но я в самом деле голоден как собака. И хорошо, что ты уйдешь. При тебе я могу только любоваться, так что умру. С голоду.

«При тебе»... Они больше не расстанутся, второй зимы, второй пустоты не будет, значит, она возьмет деньги Елены. Прямо сейчас пойдет и возьмет! Подло? Нет, ведь всем будет хорошо, кроме Харитона, ну и пошел он к грифам! Елена сама предложила... Сама...

— Эгей, ты чего?

— Потом расскажу. Все-все...

* * *

Это ж надо было! Влюбиться, удрать, забыть, вернуться и вновь захмелеть. Никогда не надо возвращаться весной, или только весной и надо? Ведь ждала же, так ждала, что за десяток здешних стадиев почуяла, а сам он?

— Даже не знаю, — признался Марк. — Соврал, а потом вдруг подумалось, что оно и не вранье. Не совсем вранье.

— А что ты наврал? — сварливо уточнил фавн и почесал ногу, вырвав клочок зимнего пуха. — И что ты мог наврать?

— Не хотел в Велон тащиться! Помог тут одному... умнику. Он сдуру с императором заелся, вот его за жабры и ухватили. Хотя, знаешь, от мужей удирать труднее.

— Истинную страсть не подделаешь, — сообщил козлоног, — мужья бесятся всерьез, а стражники — за деньги. Меня тоже не поймали, лень стало... Тех, кто на Фертаровой вилле остался, забрали, не без того. Ну так нечего сидеть было... Чего в Велон-то не пошел? Там в горах, говорят, горгоны еще водятся, про титанов бы своих спросил.

— Нет там никаких горгон, а грифы — не цветочки, пчелкам без надобности. Вот китары у них хороши...

— Ну так за китарой бы сходил. Не даром же всяких спасать!

— А потом куда? На галеры?

— Там бы остался. У моря, с должником, с китарой... Песенки бы пел... В Велоне хорошо, даже зимы нет.

— А петь кому прикажешь? Макрели? Физулл этот скучней мидии. Все ему не так и будет не так, пока подружку не заведет... Вот я и ляпнул, что не могу идти — невеста у меня. Даже имя назвал. Агапе. Сам не знаю, как в голову пришло, ведь не было с ней ничего! После — было, и как лихо, а тут только звезды и пособирали...

— Ну и шел бы к тем, с кем было, сюда-то зачем?

— Спроси что полегче. Болтаться в Стурне я не мог; с Физуллом мы не первый день пили, не прятались, а страже мышей ловить надо. Убрался от греха подальше, а как сюда занесло, сам не понял. Красивая она все-таки...

— Красивая, — подтвердил фавн, — потому и жалко... Угробишь ты ее.

— Не люблю предсказаний, особенно таких, — прикрикнул Марк. — Совсем не люблю, да и врешь ты... Все фавны врут.

— Много ты фавнов видел.

— Ты — третий, и все врут.

— Ну так вали к конягам! Они врать не умеют.

— Зато дерутся. Когда про титанов слышат... И про вас.

— Ясное дело! Хотели во дворцы, а угодили из царской конюшни в мужичью, вот и бесятся. А не предавай!

— Вы лучше, что ли?

— Мы не лезли в чужие дразги, — с достоинством объявил фавн. — Мы были, как ты сейчас, потому я с тобой и вожусь. Так точно женишься?

— Точно. Девушки любят свадьбы, так что будет Агапе свадьба.

— А счастье будет? Ей ведь счастье нужно, а из тебя счастье, как из меня коняга! Шел бы ты лучше отсюда.

— Шел бы? Вот заладил — «шел бы к тем», «шел бы к этим»... И что это ты меня все время выпроваживаешь, а? Никак слезки утирать собрался?

— Дурак ты! — Фавн опять принялся рьяно чесать ногу. — Тебе назло она со мной не станет, а не назло не станет еще больше... Говорю же, жаль мне ее. Очнется на соломе, рядом — ты. Без песен, без штанов, и лето кончится. Выпьем?

— Выпьем. А лето как кончится, так и начнется. Не бойся, я ее не обижу.

Карпофор предлагал за невесту семь сотен стурниев, Марк положит перед отцом семьсот пятьдесят. Двести пятьдесят останется на свадьбу и дорогу — или просто на дорогу, если певцу откажут. Тогда они уйдут, передав выкуп через храм и уплатив пошлину, как делают все, кто женится без согласия родителей, назвав себя «детьми императора». Это дешевле свадьбы: за «пчелок»³⁰ писцы берут не больше пятидесяти, но Агапе не хотела ссоры, она так и сказала Марку, провожая его на ярмарку за подарками. Дома пока ничего не знали, но девушке казалось, что ее отпустят. Наверное, из-за Ночки, родившей лучшего в мире жеребенка, и потом, когда Марк пел, мать с бабушкой плакали, а отец... Отец тер глаза и клял чадающий очаг, а тот совсем не чадил...

Что-то шлепнулось на кровать. Абрикос. Зеленый и жесткий... Агапе вскочила и высунулась в окошко. Марк! С ума сошел!

В доме спали, так спокойно спят лишь перед рассветом, Агапе тоже бы спала — мешало счастье. Тормошило, нашептывало что-то странное, тянуло в поля и дальше к заветному бересклету. Марк здесь, они могут встретить рассвет, но если впереди сотни рассветов, один можно и отдать. Сейчас нужна осторожность... Девушка приоткрыла дверь в летнюю кухню. В углу сверкнули желтые глаза — кошка караулила крысу.

— Быстро же ты проснулась! — Марк чмокнул Агапе в щеку. — Опять подслушивала? За сколько стадиев?

— Нет, — невольно рассмеялась Агапе, — не подслушивала, просто не спала... А потом упал абрикос.

— Абрикос, виноград... Завтра обстриги, что хочешь, и соберись. Вечером я тебя уведу.

— Почему? — не поняла Агапе. — Мы же...

— Не выходит у нас как у людей. Делай со мной что хочешь, но твой кошелек я потерял.

— Потерял? — переспросила девушка и почему-то села. — Как?

— Спер кто-то, а может, я сам посеял. То ли деньги дурные, не впрок, то ли богиня дорог вранья не хочет... Ничего, хлеб и мясо я всегда добуду! И голой ты у меня тоже не останешься.

— Значит, потерял...

— Сказать, что счастье не в деньгах, или сама догадаешься?

— Не в деньгах... Конечно... Ты хочешь, чтобы я ушла с тобой?

— А ты думала! Пойдем в Ионнеи, давно хотел там побывать... Быстро пойдем, нас не найдут, что-то у меня есть, на мулов и еду хватит, а петь поблизости я не буду.

— Марк, — сердце провалилось куда-то вниз, но она должна это сказать, — так нельзя... Я уйду, они останутся... Отец с матерью тогда совсем... А сестры... Скажут, что они такие, как я, а бабушка... Она хочет, чтобы все было хорошо, она не понимает, что мне не надо как у них! И как у Елены — не надо... Пусть дома думают, что мы, как положено... Это ведь не ложь, когда от нее всем лучше... Мы должны пожениться и уехать в повозке хотя бы до поворота, чтобы... Чтобы на сестрах не повисло, что... Что я сбежала с бродягой!

— Ну и что? Ты любишь бродягу, бродяга любит тебя. Мы ничего не крадем и никого не обманываем. Пусть сидят в своем курятнике, пусть им будет хорошо...

— Да не будет им хорошо! Понимаешь, не будет! Я уйду, а они... Это хуже заразы... Больной не виноват, беда и беда, а тут все из-за меня... Сестрам замуж не выйти, разве что отец друзей вызовет, таких, как он... Старых... Пьяниц...

— У тебя никакая сестра не сбежала, тебе весело жилось? Станет плохо, улетят... Как ты, как я... Думаешь, у меня родни нет? Как бы не так! Полдеревни родственников, один

³⁰ «Пчелками» в обиходе называют скрепленный печатью с императорским Роем документ, что-либо официально удостоверяющий.

другого почтенней... Ничего, ушел!

Марк не понимал! Не понимал, и все, а она не могла объяснить. И подлой быть не могла... Осенью, когда ее трясли и раздевали, она бы все бросила, но потом была Елена у оврага, козлоногий с его песенкой и отцовским вином, правда о матери... Мать стала такой не по злобе, она была несчастна, потому и плакала у ограды, и отец... Как он кричал, что не даст продать дочку, а дочка возьмет и сбежит... На радость Елене и сплетницам у источника, а ведь сестренки уже вовсю крутятся перед зеркалом. Бабушка ворчит, что дурехи лицом в отца, и это так и есть...

— Я... Меня берут замуж и так, а вот сестры...

— Еще б тебя не брали! Занеси к вам императора, он бы шмякнулся к твоим ногам. Даром что лысый.

— Ты не хочешь понять...

— Да понимаю я все! Свадьба, наряд, цветы в косах... Я тебе цветы каждую ночь рвать стану. Знаешь, какие в Ионнеях розы?

— Не знаю. Марк, я не пойду с тобой. — Обычно слезы текли из глаз сами, а сейчас как отрезало. Вот грудь чем-то сдавило и виски тоже.

— Ну, было бы предложено. Умолять не стану, только вором не считай. Не брал я твоих денег.

Теперь еще и в горле горит, или не в горле, а ниже? Агапе вздохнула, но словно бы не до конца.

— Уходи. — Она будто тонула изнутри, но глаза оставались сухими. — Увидят.

— Пусть. Вот ведь... Говорил же козлоногий, что не сладится, и не соврал. Предсказатель...

Агапе не дослушала.

II

Внизу орали песню. Громко и фальшиво — отец принимал друзей, они в самом деле приехали. Двое таких же харчевников и винодел, все с сыновьями. Агапе им показали, и теперь старики о чем-то сговорились, иначе бы не орали и мать с бабушкой не остались бы за столом. Мать все-таки зашла, сказала, что какой-то Публий поставляет красное ниннейское самому императору, и велела еще раз сменить платье. Агапе кивнула, ей было все равно, лишь бы уехать. Куда угодно. Она согласна жить без любви, без надежды, она так уже живет, но чувствовать себя враньей и воровкой?! А оставшись дома и не вернув Елене ее тысячу, кем она будет? То, что жена судьи вынуждена молчать, ничего не меняет, так даже хуже. Взять у того, кто не может не дать, и обмануть...

Харитон не отступался, лето кончалось, Елена несколько раз заходила в харчевню, но Агапе удавалось прятаться за бабушку и гостей, а со двора девушка не высывалась. Поля и овраг стали самым страшным местом на земле, и не потому, что ее там пытались убить.

Вернулась мать, заставила пройтись, расправила пару складок и велела сменить серьги на те, которые принесла. На тонких золотых цепочках качались камни, вобравшие в себя сразу росу, звезды и туман. Это было красиво, несмотря ни на что, это было так красиво...

— Вдевай, и идем.

Агапе послушалась; серьги не были тяжелыми, но они так непривычно качались. Закрылась дверь. Скрипнула лестница. Девушка знала, что ее просватали, не знала за кого, но значения это не имело. Мать живет с отцом, Елена — с Харитоном, выживет и она... с мужем. Наверное, у них родятся дети, дочери... Она не будет бить их по щекам, но и плакать при них тоже не станет. Она выбрала такую судьбу сама. Не из-за свадьбы и не из-за семьи... Из-за того, что Марк оказался не тем.

— Дочка! — Отец, пошатнувшись, поднялся из-за стола. — Дочка... Эт... Гай... С-сын моего друга П-публия... Лучшего друга. Д-двенадцать лет рядом под Ид-дакловым роем... и под ст-трелами... Эт... тебе не судейская шкура... Каким с-сотником он был! К-к-каким

сотником...

— Я знаю твоего отца тридцать лет. — Утром Агапе не запомнила всех лиц, но этот загорелый с проседью мог быть только Публием. — Хорошо, что в наш дом войдешь ты, а не... девица из «благородных». Гай не слишком хотел ехать, но тогда он не видел тебя...

— Теперь видит! — засмеялся губастый харчевник. Он был пьян, хоть и не так, как отец. — Хорошо, мы не взяли с собой баб... От баб такую п-прелесть нужно прятать... Разорвут. Я б твою Агапе взять в дом не рискнул... нет, не рискнул бы...

— У тебя не будет свекрови, девочка, — перебил Публий, — но Басса, останься она жива, была бы тебе рада. Гай, подойди к невесте. Пусть дети посмотрят в глаза друг другу. При нас посмотрят!

Гай — сын виноторговца Публия, а Публий богаче Харитона... Для матери и бабушки главное это. Гай — сын сотника, это главное для отца. Ну а ей нужно исчезнуть. Навсегда, и будь что будет!

— Да не смотри ты в пол! — потребовал отец, и Агапе заставила себя поднять глаза. Сын виноторговца был старше Марка, но не слишком, высокий, смуглый, курчавый, он мог нравиться девушкам, он наверняка им нравился...

— Да не смущайте вы ее! — раздалось из-за стола. — Диконькая она, сразу видно... Тем и хороша.

Диконькая? Агапе быстро повернулась, позволяя застегнуть на шее ожерелье из туманно-звездных камней. Когда крохотный замочек защелкнулся, девушка вздрогнула. Сидящие за столом захохотали и подняли кубки.

* * *

Недостроенный храм напоминал гигантский рыбий садок, а может, Марка бесила императорская наглость. Стаскивать непонятно чьи кости на Черный мыс было кошунством, но нет худа без добра: когда в залятое место пригнали каменотесов и дровосеков, стража убралась восвояси. Теперь среди пощаженных топором гоферов мог бродить кто угодно, но желающих было немного — о последней битве титанов не то чтоб забыли, просто живым это стало неважно. Тысяча двести пятьдесят семь лет — слишком не только для людей, но и для большинства деревьев, не потому ли на месте срываемых храмов Идакл велел сажать именно гоферы? Если б только они говорили, но разменявшие вторую тысячу великаны не снисходили до ползавшей у корней мелочи, даже когда их рубили. Титаны умирали так же, вот на этом самом берегу.

Марк пытался представить, каким был мир *тогда*, но воображение отказывало, разве что певец не сомневался: города побежденных превосходили города победителей, как истинный жемчуг превосходит поддельный, потому-то первые людские цари и запрещали подражать бессмертным. У наследников Идакла хватало то ли гордости, то ли ума отказаться от захваченных домов и сокровищ, мечи титанов и те отправились на дно Стурна... Потом их искали — не нашли. Запреты истончались, выцветали вместе с памятью; тянулись к небу гоферы, вымирали кентавры и фавны, дрались и мирились люди... Марк пытался написать об этом, иногда ему даже казалось, что получается...

Мы останемся страхом пред тем, что навеки исчезло,
Непонятной тоскою при виде забытых руин,
Вечной горечью твари бескрылой, замершей у бездны,
Ложью ваших преданий, правдивостью ваших морщин...

Еще утром строчки, пришедшие в голову на постоялом дворе, певцу нравились, здесь, среди гигантских темнохвойных колонн, за них стало стыдно. Марк, словно кому-то отвечая, с досадой махнул рукой и пошел вдоль обрыва. Мыс кончался обрубком — борода дикого винограда укрывала будто срезанные мечом скалы, внизу плескалась озерная вода, слишком

мутная, чтобы разглядеть неблизкое дно. Марк добрался туда, куда хотел, и нашел камни, воду, багрово-зеленые предосенние лозы — и все. Странно было рассчитывать на иное, все это было глупостью, детской мечтой о прекрасном исчезнувшем мире, мечтой, превращавшей в сон настоящее, а ведь в настоящем тоже случается счастье. Любовь, дом, мастерство, признание, деньги, наконец, — глупо жертвовать этим в обмен на пустоту. Золотоволосые полубоги, сказочные дворцы, смолкнувшие песни, полно, да были ли они?

Человек лег на живот и, вцепившись в нагретый солнцем камень, свесился вниз. Тот же дикий виноград, тот же белый блестящий скол, та же словно бы дышащая вода. Вдох. Волна заливает плоскую, зеленую от озерной травы плиту... Выдох. Стурн возвращает добычу солнцу. Снова вдох, снова выдох... В странно знакомом ритме, в ритме шагов, в ритме сердца, в ритме дороги, той самой, на которую вступаешь в юности и с которой в любой миг можешь сойти, да не сходишь. Так дорога становится жизнью, так жизнь вытекает песнями...

С этих пальцев стечет бывшее
Чтобы стать звездой и судьбою,
И в груди непонятной болью
Дрогнет сердце уже чужое...

Это было не то, что он хотел сочинить, но пришло именно оно и оказалось правильным. Марк не выдумывал, не пытался представить разрушенное, не подбирал рифмы к заученным странным словам — это было не нужно. Озеро тяжело дышало, и человек дышал вместе с ним.

Обожжет тебя холод неба,
Станешь тем, кем ты сроду не был,
Пропоешь не свою дорогу
От богов к себе и вновь к богу,
От веков к себе и вновь к веку,
Ты войдешь не сам в ту же реку...

* * *

Агапе уезжала. Было немного жаль — нет, не немного, до почти осязаемой боли, только жалость эта не держала, не возвращала, а гнала вперед. Агапе помнила то хорошее, что было — а ведь было же! — но жила уже другим. Парусниками, скользящими по глади великого Стурна, ниннейскими виноградниками, ионнейскими желтыми розами... Она и раньше чуть ли не вживую видела, как уходит навстречу разгорающемуся дню; этот день пришел, и стало больно и счастливо. Так бывает на самом пороге любви, но любовь от Агапе отшатнулась, а счастье почему-то нет.

Во дворе сутились — таскали вещи, спорили, в который раз обсуждали дорогу и лошадей. Место молодой женщины было там, а она стояла на золотисто-красной от виноградных листьев веранде и смотрела на улицу, которую видела в последний раз. Все кончалось, и кончалось бы хорошо, если б не Еленина тысяча... Голоса на дворе стали тише — отец с бабушкой и Гаем вернулись в дом, Публий остался следить за слугами, если просить, то сейчас...

Свекор не удивился, он вообще ничему не удивлялся, а тысяча для него деньгами не была. Агапе торопливо накинула плащ — имеет же она право попрощаться с... подругой. Мать рассеянно кивнула, бабушка усмехнулась, словно что-то поняла, и молодая женщина в первый и последний раз вошла в дом судьи. Харитон не появился. Елена удивилась, но улыбнулась. Агапе торопливо положила на стол кошелек.

— Здесь все.
— Сглазить счастье боишься? Не бойся, я тебе зла не желаю.
— Я не боюсь, просто... они не понадобились. Я собиралась... уехать, но... испугалась.
Гая нашел отец, это совсем другое. Не то, за что ты платила...

— Я платила за любовь, за свою любовь... И еще заплачу. — Лицо женщины стало злым. — Харитон на кого-нибудь глаз все равно положит, не на тебя, так на другую, а мне... Мне моложе уже не стать. Когда-нибудь я его убью. Или ее... Хорошо, что не тебя, ты хоть и от Хрисы, а не сука. Езжай и будь счастлива хоть с сыном, хоть с отцом... Бери свое и не бойся!

— Что?! Что такое ты говоришь?!

— Правду и не со зла. Не губи себя, красивая. Люби, кого любитесь... Кто один на двоих, тот и выбирает, а троим счастливыми не бывать. Либо двое счастливы, либо никто.

— Как же ты меня ненавидишь!

— Уже нет... Потому и говорю.

— Госпожа, — худющая, других Елена не держала, рабыня неуклюже поклонилась, — за госпожой Агапе пришли...

Жена судьи холодно улыбнулась.

— Мы уже поговорили. Не правда ли, дорогая?

— Да, — подтвердила Агапе.

Она вернулась на уже чужой двор и перецеловала родных. Отец, шмыгая носом, посадил дочь в повозку, свекор помог устроиться поудобнее, Гай тронул лошадей — он никому не доверял править ими. Застоявшиеся рысаки рвались вперед, дорога была ровной и почти пустой, и у последних домов Гай отпустил вожжи. Замелькали золотистые поля, поднялась, застилая прошлое, пыль. *Троим счастливыми не бывать, либо двоим, либо никому...* Что это? Проклятие? Благословение? Искушение? Пророчество? Она же никого не любит, не может любить после того, что было... А было ли? Спутать чужие песни со своей жизнью — еще не любить.

— Что притихла, дочка? Боишься?

— Нет!.. Сейчас будут Кробустовы овраги. Там гадают, я тоже гадала...

— Сбылось?

— Нет...

— Сбудется.

Поворот был крутым, и Гай чуть придержал гнедых, Агапе успела рассмотреть желтый обрыв и пену зарослей. Где-то там зеленел незаметный среди чужой листвы бересклет, под которым она видела смерть и слышала свирель. Женщине показалось, что свирель поет и сейчас, но, конечно, только показалось.

III

Сумерки почти стали ночью, деревья превратились в силуэты, за которыми озеро пыталось слиться с небом и не могло из-за облаков. Розовые с сиреневой, узкие и длинные, они легли на холодную синь тремя мечами, и к ним от невидимого дальнего берега стремились такие же узкие сиренево-розовые облака-лучи, образуя кривую решетку. То, что творилось на небесах, вполне тянуло на знамение, но Марк знамениям не верил. Старым сказкам о бессмертных верил, гонялся за ними по всей империи, а пророчествам и приметам — нет, хотя с Агапе фавн и впрямь напроорочил... Как и новую встречу.

Певец поморщился — воспоминания были не из приятных, даже не воспоминанья — предопределенность. Загадываешь, ищешь, надеешься — а все уже предрешено, пусть к лучшему, но не тобой. Марк поднялся и занялся костром — свалившийся на голову фавн до такого не снисходил, сидел, витийствовал и чесался. Закат совсем обезумел, облачная решетка стала тьмой, тьмой стало и поле с гребнем леса, а меж ними текло червонное золото.

— Эгей!

Что-то шлепнулось рядом, что-то тяжелое.

— Что это? — не понял Марк.

Фавн не ответил — усиленно, даже слишком усиленно жевал, но певец уже узнал кошелек Агапе. Нашелся, дрянь эдакая!

— Надо же, — Марк поднял предательский мешочек, — ремень перетерся.

— Нет, — покачал головой козлоног, — не перетерся. Это я его взял. Из-за нее. Другие ко мне за козлиным приходят. Они мне покушать, я им — сам понимаешь, и все довольны. А Агапе не такая, она меня понимала...

— Тебя?!

— Меня. Ее ведь убить хотели, дура одна... Я не дал, а потом я ей играл... Небеса всемогущие, как же она слушала и *как* я играл! Я заставил ее увидеть весну, виноградники, розы, даже твоих титанов... Я сам стал титаном!

— Опять врешь, — попытался усмехнуться Марк.

— Нет. — Фавн отпихнул сыр и заплакал. — Я... Она больше не приходила... Ни разу... Эта дура сказала: уехала... Далеко. Насовсем... И не простилась! Так слушала и не простилась... Обидно!

Обидно ему!.. Скотина ревнивая, но судьбы нет, не считать же судьбой влюбившегося фавна! Сперва врал, потом крал, теперь приперся невесть куда и ревет... Веселая из такой любви песенка вышла бы, веселей не бывает.

— Другие — те все время лезли... — Поганец хлюпнул носом: себя жалеть он умел. — Надоели... Не хочу быть скотом! Пошел искать тебя, я ведь тебя слышал, а раз услышавши... Эхо, оно такое, не глохнет.

— Ну и что ты от меня хочешь?

— Найди ее, а!

— Вот так вот и найди! После всего...

— А что? — не понял козлоног. — Ее этот увез... Который вино продает... Хорошее вино вроде, многие пьют. Ты найдешь! Я имен не помню, мы ведь отказались от них, от имен-то, когда из чужой войны ушли. Нет имени — нет слова, нет слова — значит, свободен... Только одно имя и застряло — Агапе... Найдешь?

— Нет.

Искать Агапе? Для чего? Увидеть счастливой? Несчастной? Любой? Вернуть деньги и стать в ее глазах вором? Нет уж, что кануло, то кануло. И хорошо, кстати говоря.

— Не хочешь? — наседали козлоногое существо. — Почему? Обиделся? Так не вышло бы у вас ничего... Я ж говорил тебе, не твоя она...

— Так ведь и не твоя.

— А кто говорит, что моя? Я бы просто... Она бы плакала, а я б ей играл. Всем бы было хорошо...

— Ей особенно! — Певец поднялся. — Когда хорошо, всегда плачут.

— Так найдешь?

— Нет.

— Тогда отдавай... Деньги отдавай, сам буду искать.

— Нет.

Тысяча монет. Выкуп за невесту... Цена велонской китары. Чем тебе не жена? Дорога да китара, а большего ты никогда не хотел и сейчас не хочешь, просто обидно за обман. Да и за отказ, хотя такие, как Агапе, по дорогам не бродят. Они на дорогах чахнут, пусть уж лучше живет со своим виноторговцем, и ты живи.

Небо больше не будет легким.
Хрипом в сгубленных песней легких,
Кровью песней резанных пальцев
Метит Небо своих скитальцев...

Несколько догорающих веток или последний клочок небесного буйства? Не поймешь, как не поймешь, что же досталось смертным — жалкие, ненужные богам крохи или же нечто, недоступное тем, кто не познал неизбежности конца.

Это Небо тебя назвало,
Это Время тебя украло,
Это ты, что прощаешь Время.
Это ты. Ты один. Со всеми.

— Эгей! Ты чего?

— Ничего... Помолчи, дай записать...

Это ты, что прощаешь Время...

И ВНОВЬ НА ВЕСНУ НАДЕЮСЬ...

Памяти А. Н. Котельникова

*Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!..
Александр Галич*

*Но не правда ли, зло называется злом
Даже там, в добром будущем вашем?
Владимир Высоцкий*

*Часть первая
Стурнийское царство
1389–1390 годы Счастливой Эры*

I

Шагая людными улицами, Гротерих глядел только вперед и никогда — по сторонам. Эту привычку рётский наемник приобрел месяцев через пять после своего появления в Стурне и с тех пор от нее не отступал. Кому нравится ловить на себе косые взгляды и кто виноват, что стурнийцы не желают служить своему царю, а царь не настолько доверяет стурнийцам, чтоб оставлять принявших от него меч в столице? Город охраняют рёты, им за это платят хорошие деньги, а горожане эти деньги считают и злятся. Последнего Гротерих не понимал: если тебе что-то не нравится, исправь или уходи, как ушел он сам. Не захотел сидеть дома, стал воином тана, тан оказался тупым ублюдком — что ж, в мире много дорог, и половина из них ведет в Стурн. Туда Гротерих и направился.

Фенгл-громовержец любит беспокойных; молодому воину повезло занять место возвращавшегося в родные горы земляка и попасться на глаза Публию Фульгру. Знаменитый зодчий и скульптор искал, с кого лепить варвара, раздирающего пасть льву. Сперва Гротерих оскорбился, потом приказ десятника, пара лишних монет и лучшее в Стурне вино примирили его с необходимостью таскаться через весь город и часами в голом виде торчать на каменном обрубке, а затем все изменилось, потому что рёт полюбил Стурн. Неожиданно, ну так Фенгл неожиданностями и славен.

Пережив первую на чужбине зиму, слякотную и хмурую, северянин в один прекрасный день вышел к озеру и замер, покоренный сияющей синевой. И ведь не первый раз видел

облицованный мрамором берег, Скадарийский мыс с его темными гоферами и белым храмом, упавшую в озеро облачную гряду; видел, да не замечал, а тут будто под дых садануло. Тогда Гротерих и понял, что жить можно только в Стурне. Или если не жить, то раз за разом возвращаться туда, где узкий мыс рассекает надвое то ли озеро, то ли небо.

С тех пор северянин не отказывал себе в удовольствии полюбоваться неоглядной лазурью, прежде чем отправиться в ставший ему почти родным дом. Сын Фульгра хотел управляться с мечом не хуже, чем с резцом и кистью. Гротерих согласился обучить стурнийца воинским премудростям, и уроки обернулись дружбой. За два с лишним года Гай стал неплохим бойцом, а заговоривший по-стурнийски северянин выучился читать и писать.

Время шло, а стурнии копились, Гротерих все чаще подумывал о женитьбе, а сегодня понял, какой будет его жена. Тоненькой, большеглазой и обязательно с черными завитками надо лбом... Такой, как девушка, с которой разогнавшийся северянин едва не столкнулся у старого рынка. Незнакомка, опустив глаза, шла рядом с матерью и вдруг улыбнулась встречному чужаку. Неудивительно, что в дом Фульгра рёт влетел в самом радужном настроении, которое никоим образом не разрушил громоподобный хозяйский рык. Не будь Фульгр величайшим скульптором, он со своим голосом стал бы отменным десятником.

— Урод! — бушевал хозяин, судя по всему, обосновавшийся во внутреннем дворике. — Вздвешая бармы узконосая обезьяна! Ходячее доказательство слепоты богов, сколько бы их ни мешало нам жить... Будь хоть Время, хоть Небо в своем уме, Мирон бы родился шакалозубым ослом, ибо это и есть его суть!

— Тише, — зажурчал голосок хозяйки, — тише, дорогой... Мы все тебя слышим...

— Слышат они... Нашлись небожители! — Знакомо грохнуло: скульптор расколотил что-то глиняное — горшок или кувшин. — Нет, предложить мне! Мне! Поднять руку на величайшее из творений величайшего зодчего! И ради кого...

— Слышишь? — Гай, в отличие от отца, голоса никогда не повышал. — Уже второй час так... И еще Стультия принесло.

Стультия Гротерих видеть не хотел, разве что темным вечером на пустой дороге. Рёт был далек от того, чтобы промышлять грабежом, но двинуть раз-другой пузатое трепло не отказался бы. Гай, к слову сказать, тоже.

— Может, к «Трем конягам» сходим? — предложил северянин. — Перекусим и вообще...

— Нельзя отца бросать, он вот-вот кусаться начнет! Я за дедом послал, но пока придет...

— Эгей! — прогремело со двора. — Кто там?!

— Гротерих...

— Давай его сюда! Ты твердишь, что каждый варвар... Ну вот тебе варвар! Спрашивай, но я и так знаю, что он ответит... У рётского молодчика — любого — в одном сапоге больше вкуса, чем у Мирона в башке...

* * *

— Больше я не потерплю проволо чек! — Царь приложил печать к свитку. — Никаких!

Плисфий Нумма перевел взгляд с драгоценного свитка на собратьев-консулов. Довольны были все: затея Мирона оборачивалась ощутимой прибылью, а большего по нынешним временам не приходилось и желать. Тех, кто этого не понимал, было слегка жаль, но лучше жалеть, чем завидовать.

— Стурнон будет возрожден на прежнем месте, — заверил Плисфий, глядя в обрамленное темно-рыжей бородкой лицо внука вольноотпущенника, а ныне — божественного титанида, — но я бы предложил использовать стены и фундамент Скадариона. Пресловутый Клифагор был велик лишь одним: хитрец вовремя украл чужое и выдал за свое.

— То, что восходит к бессмертным, оставляйте. — Мирон был предсказуем, потому,

когда перегрызшемся Сенату потребовался царь, и оказался царем. Правда, более опасным, чем думалось вначале. — Все, что напоминает Идаковых пчел и лысых уродов, выбросить вон! Я сказал.

— Воля божественного.

— Что говорят звезды?

— Астрономы назвали наконец день и час! — Консул Менодим торжественно развернул пергамент. — Ближайший «триумф Небес» придется на одиннадцатый день месяца априоса будущего года. Луна и все пять блуждающих звезд сблизятся друг с другом и выстроятся в ряд по одну сторону от Солнца. При этом каждая из них соединится с неподвижной звездой. Подобное случается не чаще одного раза в тысячу лет. Божественные титаны особо чтит подобные дни и отмечали их пышными торжествами!..

От титанов и титанидов Нумму тошнило, хотя консулу, дабы не отстать от других, и пришлось отказаться от привычного имени Луций и возвести свой род к бессмертным, заодно убрав с глаз долой все, что напоминало о временах не столь древних. Гнева Неба Всевидящего свеженареченный Плисфий, само собой, не страшился, да и мозаики с пращуром Невкром красой не блистали, но возня вокруг титанов раздражала при всей своей необходимости. Без богов и предков не бывает императоров, тьфу ты, царей, а без царей начинается свистопляска, в которой все преимущества — за молодыми и наглыми. В свое время Нумма таким и был. Тридцатилетний секретарь старика-сенатора не просто уцелел под обломками империи, но и отхватил от бесхозного пирога немалый кусок; другое дело, что теперь, на седьмом десятке, он не желал ничего, кроме здоровья и денег. Некоторым еще требовалась власть, но власть слишком опасна для здоровья и ненадежна. Плисфий повидал многих старавшихся пролезть на самый верх, и где они сейчас? Яд, кинжал и удавка равно хороши и в империи, и в республике, и в царстве. Не стоит вытягивать шею дальше всех. И врагов без особой необходимости плодить тоже не сто ит. Хочешь жить — умей делиться, и консул Нумма не стал возражать ни собрату Менодиму, когда тот вылез со своими каменоломнями, ни зануде Бротусу, взявшемуся за поиск уцелевших древностей...

— Этого мало! — Бархатистый, хорошо поставленный голос, голос не царя, но лицедея, отвлек Плисфия от подсчетов уступаемого. — Мало просто отстроить Стурнон... Я сделаю больше! Я зачеркну эпоху козопасов и полускотов. В день освящения Стурнона мы вернемся к летосчислению бессмертных.

— Но... — Бротус нерешительно огляделся и все же сказал: — Воля божественного, но Стурнон разрушили ближе к осени, а звезды должным образом встанут весной...

— Чушь! — Белокожее, как у большинства рыжих, лицо начало багроветь. — Пора наконец избавиться от Идакла с его ублюдками. Их не было! Не было, и будь проклято Время с его вонючими рабами! Титаны не затопили Стурнон. Обнаглевшая чернь не срыла Лабиринт! Вышвырнутому с Небес за уши ублюдку не строили храмов! Мне не нужен Идаклов календарь! Я возвращаю в Стурн календарь своих предков!

— Повиновение царю! Но мы не знаем, как называли месяцы титаны...

— Тогда их назову я! Заново. Стурнон возродится в первый день месяца Мирона!

* * *

— Не вижу причин для возмущения. — Стультий победоносно возвысил голос, и Гротерих с трудом вспомнил, что он в гостях и не может поднять руку на хозяйского родича, как бы тот ни квакал. И Гай не может — он сын хозяина, а хозяин слушает квакуна. Молча слушает, спокойно, только желваки на скулах играют. Рёт тоскливо отпил вина и вспомнил, как, впервые увидев Стультия, был потрясен не только его ученостью, но и огромным брюхом при худом лице и руках. Как можно быть толстым в одном месте и тощим во всех остальных, Гротерих не понимал, разве что шурин Фульгра слишком много знал, и знания эти требовали места.

Северянин с благоговением внимал мудрецу, пока тот не заговорил о рётах. Стультий

утверждал, что северяне к ночи выносят новорожденных на мороз и утром подбирают выживших. Почтительное возражение было с презрением оборвано. Еще не слишком хорошо разбиравшийся стурнийский Гротерих решил, что неправильно понял умного человека, но Гай, оттащив рёта в угол, объяснил, что Стультий — дурак, хоть и ученый. У дураков же голова переводит науку, как брюхо еду: чем больше лопают, тем больше навоза. Гротерих с облегчением расхохотался, но от мысли, что в брюхе Стултия бродят, превращаясь в навоз, знания, так и не отделался. И еще он не представлял, почему Фульгр, соглашавшийся с шурином не чаще, чем скворец с лягушкой, пускает болтуна за стол, но стурнийцы часто поступали странно и неосторожно. Иногда Гротерих их понимал, чаще — нет. Как можно сидеть за одним столом с тем, кого презираешь? Как можно прогонять богов и разорять могилы?

— ...да кто они такие, чтобы держать их здесь? — возопил Стультий и осушил очередную чашу. — Весь их подвиг в том, что они прятались в той же крепости, что и дед Приска Спентада. Узурпатора и тирана, превратившего Стурн в могилу совести... Скажу больше — все эти приски с сервиями, имена которых нас заставляли зубрить, уцелели за счет других. Брошенных на произвол судьбы, потому что подошедшие легионы отправили спасать Спентада! Десять легионов спасало одного мерзавца, пока оставшихся без защиты женщин, детей и стариков резали и сжигали заживо... Трибунов же, осмелившихся оспорить приказ, разрывали лошадьми. Вот величайший из подвигов подлейшей из империй! Вот о ком накатал насквозь лживую оду Аппий Фертар! Вот во имя чего, обобрав всех нас, лжецы и подлецы возвели мраморного уроды, из-за которого ты разоряешься... Да меня оскорбляет сам вид этого склепа!

— Сильно сказано! — донеслось из-за увитой диким виноградом решетки. Квинт, отец Фульгра, все-таки пришел. — Выходит, все справедливо? Покойников — на помойку вместе со Временем, и хвала великому Небу и еще более великому Мирону? Так? Я тебя правильно расслышал?

— Само собой! — Стультий напоминал пса, который ощерился и тем не менее поджал хвост. — Лжегероям и прославлявшей их сволочи место на помойке! Мирон восстанавливает справедливость, как бы это некоторым ни вставало поперек горла... некоторым, евшим из рук Спентадов! Пришло время вспомнить истинных героев, вернув долг...

— Возвращай, — спокойно предложил Квинт. — Две тысячи восемьсот шестьдесят стурниев, если я не ошибаюсь.

— Отец! — Рядом с невысоким седым Квинтом огромный скульптор казался... не таким уж и огромным. — Стультий сейчас не...

— Стультий решил для простоты довести долг до трех тысяч? Разумно. С его стороны — не с твоей. Я запрещаю тебе кормить этого человека. Подлая империя скоро уже тридцать лет как не лезет в чужие дела, так что каждый за себя... Когда ты отдашь долг, Стультий?

— Я не должен... Фульгр помогал мне как муж Ларисы...

— Ты при мне клялся отдать.

— Я не давал расписок...

— Верно! — усмехнулся дед Гая. — Зато, помнится, в день свадьбы Ларисы ты всучил мне оду, чтобы я довел ее до Андрона Спентада. Или хотя бы до Сената... Хорошая ода и так напоминает Фертара... Достаточно заменить Андрона на Мирона, и она вновь станет верноподданной, но мне старый список милей. Надо будет его поискать.

— Я... Я отдам долг... Не сегодня, мне нужно...

— Раз не сегодня, пошел вон! Лариса, сядь. Сядь! Если вздумаешь дать ему денег, мы поссоримся. Гай, проводи дядю.

Вот это было правильно! Квинт, хоть и не держал никогда в руках оружия, напоминал Гротериху старого Френга, лучшего из воинов Рётланда, останавливавшего глупцов не мечом и не кулаком, а взглядом, хотя для Стултия и это было слишком. Старый виноторговец повернулся к уходящим спиной и опустил в плетеное кресло. Не то, в котором сидел Стультий.

— Не понимаю, зачем ты раз за разом наполняешь эту дырявую бочку... Ну да грифы с ней! Это правда, что хотят снести Скадарион?

— Не снести, изуродовать! Мирон спешит и готов сохранить остов здания, но остальное... — Фульгр воздел руки, словно в мольбе, и вдруг сжал кулаки. — Время Всемогущее, что эти невежды задумали! Два ряда разноцветных — разноцветных! — витых колонн в центре зала, желтый пол, ступенчатая пирамида для Мирона, два новых алтаря, а на месте старого — бассейн с секретом... «Возрожденный Стурнон»! Безмозглая смесь собственной безвкусицы с совсем уж дикими представлениями о том, как оно было «при титанах»...

— Какой царь, такой и Стурнон... Чем хуже дела, тем больше пыжятся дураки и воруют мерзавцы. Чего хотели от тебя?

— Чтобы я сделал этот горячечный бред явью! Я, выросший на трудах Клифагора! Разумеется, я сказал все, что об этом думаю.

— Ну и дурак! — припечатал Квинт и вдруг подмигнул Гротериху. — Парень, у тебя в начальниках все еще Ульвинг ходит?

— Он.

— Приведи его завтра вечером к «Трем конягам». Одного.

II

Три получеловека-полуконя на вывеске вздымали гигантские пенящиеся чаши и смеялись. Гай говорил, что кентауры в Стурне водились на самом деле, и даже не так уж давно, но Гротерих не верил. Если ты ниже пояса лошадь, то и жрать должен то же и столько же, что и лошадь, а такое людской глотке не под силу. То ли дело оборотень: в волчьей шкуре честь по чести ест сырое, в человеческой — вареное и жареное... Северянин думал о полускотах и жевал зажаренную на решетке козлятину. В разговоры старших не вмешиваются, а уж в разговоры начальства... Зачем Квинту понадобился Ульвинг, северянин так и не понял. Пока беседа прыгала с достоинств вина на рётские обряды и с рётских дел на дела стурнийские. Обычный такой разговор, только сотрапезников обычными не назовешь.

— Я доволен своей платой и своими парнями. — Ульвинг сунул пробежавшему мимо слуге опустевшую кружку. — Мы делаем свое дело, и делаем хорошо, но вы нас не любите. Не меня, не его — нас... Раньше было не так, я помню.

— Когда ты пришел в Стурн, сотник?

— Тридцать шесть лет назад, у вас еще был Андрон... Еще четыре года, и я вернусь в свою долину. Раньше думал остаться греть свои кости здесь, теперь передумал. Я честно жил и не хочу, чтоб ваши мальчишки швыряли в меня камнями, когда я не смогу поднять свой топор. Мне нужна могила, которую не тронут.

— Она нужна всем. — Квинт пригубил вина и чуть заметно скривился. — Мертвые львы беззащитны перед стервятниками, мертвые герои — перед живыми трусами.

— У вас, — сощурился Ульвинг, — не у нас. Мы бережем покой предков.

— Тогда ты меня поймешь. Я хочу выкупить мертвых. Тех, кого собрались выбросить из Скадариона.

— Ты умеешь удивлять. — Сотник отодвинул недопитую кружку. — Там твой родич?

— Нет, хотя мои предки и защищали восточный рубеж... Перонт изобилует бродами, там много крепостей. *Было* много, пока мы не оставили Отраму... Двое моих прапрадедов служили на Кривой косе, но это тебе мало что скажет.

— Главное я понял. Мы ставим в память тех, кто погиб на чужбине, каменные столбы, у вас был храм... Что думаешь делать?

— Вскрыть урны, вынуть хранящийся в них пепел и заменить другим. Мирон решил опорожнить урны в ямы у боен. Что ж, пепел гоферов не оскорбится... Если ты согласен помочь, назови цену.

— Тебе потребуется помощь воинов?

— Разве что Гротериха. Главное, чтобы нас впустили, выпустили и не увидели.

— Хорошо. Я не отказываюсь от того, что заработал, но если я возьму твои деньги, Фенгл разозлится. Он не любит могильных воров. Если мне придется раньше времени покинуть Стурн, ты вернешь мне то, что я недополучу. Если я уйду как собирался, ты мне не будешь должен ничего. Когда придете?

— Сегодня. Хозяин, ниннейского!

* * *

На желтоватом песчанике были тщательно выбиты имена. Множество имен. Мерзавец Клифагор приволок из Скадарики здоровенные каменные блоки и намертво вмуровал в несущую стену. Выковырять их быстро и без больших затрат было невозможно. Как и оставить.

Плисфий не пойми в который раз прошелся верхней из опоясывавших храм галерей и в раздумье забарабанил пальцами по зловредному песчанику. Терять там, где намеревался сорвать хороший куш, всегда обидно, но кто же знал, что Мирон потребует не просто набить «возрожденный Стурнон» истуканами и курильницами, но и примется уничтожать «Идаклову вонь». Само по себе это было правильно — слишком уж много развелось в отпавших провинциях потомков Идакла и родичей Спентадов, но царь объявил свою волю, когда деньги на Стурнон были не только получены, но и разделены. Оставалось либо вбухать в треклятый храм собственные средства, либо как-то извернуться. А ведь вначале мысль продать Мирону Скадарион казалась беспроницаемой!

Как строили титаны и где стоял Стурнон, благополучно забыли, так почему бы не объявить, что озеро отступило и Клифагор возвел свое детище на фундаменте Стурнона и по его образцу? Плисфий проверял: какой-то фундамент в роще и в самом деле был, а перерывший окрестности Скадариона Бротус нашел странные постаменты, почти целую мраморную вазу и пару десятков янтарно-желтых плит, вряд ли сделанных людьми. Ну а то, что храм недостаточно «древен» и внушительен изнутри, не беда! Консул несколько раз прикидывал, сколько уйдет на отделку и сколько урвут Менодим с Бротусом, умножил конечную сумму на пять и доложил результат царю. Мирон подмахнул смету, даже толком не прочитав. Нумма согласился взвалить на усталые плечи еще одну обузу, собраты-титаниды выразили готовность ее разделить, Плисфий от благодарности едва не прослезился. Все шло отлично, и тут царь вздумал начать новую эру. По старой цене. Это было не смертельно, но обидно, тем паче Менодим с Бротусом оставались в прежних барышах — работы внутри храма оплачивали не они.

Плисфий кончил отбивать дробь по камню, напомиавшему о каком-то Меданте, и задрал голову к опоясанному пальметтами куполу. Тут его и осенило. Не нужно разбирать стену — поганый песчаник можно спрятать под ложный мрамор, а поверх, скрывая обман, пустить что-то «древнее». Точно так же нужно обработать испакощенные Идакловыми пчелами колонны и старый алтарь... Конечно, придется делиться с Менодимом, но тот не настолько глуп, чтобы отказаться продать пустоту по цене мрамора... Плисфий уже без злости шлепнул по скадарийской плите и вытащил дощечку для записей. Не стоит предлагать Менодиму полную цену, лучше начать с трети и сойтись на половине... И эту половину возместить за счет Бротуса! Даже перекопай старый плут все Ниннеи, он не нарыл бы столько «древностей», значит... Значит, пусть платит за доверие Плисфия, ни на мгновение не поверившего доносу на благородного... то есть на титанида Бротуса, якобы продающего царю подделки. А донести может... тот же Фульгр, чей родитель владеет ниннейскими виноградниками и кого никак не заподозришь в сговоре с титанидом Плисфием.

* * *

Горный лес днем — это просто горный лес, он же звездной ночью — святилище, где хочется преклонить колени. Чужой храм, если тыходишь в него как наемник, — не больше чем набитое вельможами и статуями здание. Тот же храм в ожидании своего конца становится великим и непонятным, будто замерший в ожидании зимы ночной лес. Гротерих попытался объяснить это Гаю и не сумел. Дело было не в языке — стурнийский рёт знал отлично, просто если нет слуха, не запоешь, как бы ни мучила слышная лишь тебе песня.

— Смотришь? — Рука Фульгра обрушилась на плечо рёта. — Что ж, смотри и запоминай... Потом расскажешь, как провожал Скадарион в последний путь...

— Потом будет потом, — негромко напомнил Квинт. — Никто из нас не забудет. Идем, они на галерее.

Отчего-то старик свернул не к главной лестнице, а к одной из узких, боковых. Поднимаясь, Гротерих глянул вверх и столкнулся взглядом с мраморным воином. В потесненном фонарем мраке лицо статуи казалось живым, но смертельно измотанным.

— Крастус! Это же Крастус... «Усталый победитель»... — По щекам Фульгра катились слезы, и скульптор не собирался их утирать. — Позволить... Позволить его уничтожить — это хуже надругательства над могилами! От нас остаются прах и память; если память жива, плевать, что с прахом, а искусство... Оно бессмертно, но как же оно уязвимо!

— Ты сюда рыдать явился? Нет? Тогда прекрати. Инструменты у тебя?

— Да, отец.

— Начинай. Я подержу фонарь, а парни покараулят.

Скульптор шумно всхлипнул и шагнул к стоящей в угловой нише урне. Гротерих посветил вслед: в свете факела выбитые на камне надписи казались черными. Можно было подойти и прочесть, но рёт постеснялся. Караулить было некого. Если кто-то захочет войти, его задержат Ульвинг и четверо северян, знать не знающих, зачем они здесь. Гротерих перевесился через балюстраду; на миг показалось, что он глядит в пропасть, только в пропасти клубился бы туман.

— Они все тут? — спросил рёт, не в силах слушать здешнюю тьму. — Про которых написано на стене?

— Нет, конечно... — Гай откликнулся немедленно, видно, ему молчать тоже было невтерпёж. — На камнях из Скадари выбиты имена погибших во славу Империи, от Приска Спентада до Андрона, но мертвых сюда не свозили. Кроме убитых во время той осады... Их прах, если все сделали честно, поместили в двадцать больших урн... Две малые урны в центре — тогдашний комендант крепости, он через год после осады погиб, и Тит Спентад. Сенатор, дед первого Приска... Он, то есть Тит, завещал развеять свой пепел со стен Скадари, только его не послушали, похоронили в семейной усыпальнице... Потом Постуму взбрело в голову исполнить волю предка, только по-своему. Правду сказать, это многих разозлило...

— Зря. — Мысли опять не желали становиться словами, но Гротерих их как-то запряг. — Этот Тит хотел вернуться в молодость... К тем, кто для него важнее всего. Он был одним из них, они честно дрались... Воины заслужили почести, а Тит — возвращение... Не знаю, как сказать, только ваш Постум сделал правильно, а Мирон — нет! Это не его слава и не его дом!

— Слава не его, а сила пока за ним... Что противно, так это то, что ему были рады. После того, что начудил Сенат. А уж как радовались Сенату, когда Андрон умер без наследников... Захотели жить как в Велоне, как в Велоне и огребли; как в настоящем Велоне, не в том, что стульбиям снится.

— Ульвинг говорил, — припомнил рёт, — когда Сенат решил не брать императора, на улицах всю ночь плясали.

— Отец тоже плясал. Дед — нет, хотя Спентадов и не жаловал, а отец плясал... Он Сенату на радостях статую подарил, только ты лучше ему об этом не напоминай.

Празднества обещали быть хлопотными и утомительными, но Плисфий заставил себя подняться даже раньше обычного. Следовало переговорить с Менодимом *до* начала церемоний — кое о чем напомнить, кое на что намекнуть, кое о чем условиться. Консул при помощи пары слуг облачился в тяжелое парчовое одеяние, представил, как к вечеру заболят плечи, и разозлился. Бротус с его древностями и Мирон с его дурным вкусом порой делали жизнь невыносимой. Возможно, вымершие бессмертные и таскали на себе по таланту золота, а в храмах проводили больше времени, чем театрах и банях, но консул Нумма уподобляться титанам не желал. Разве что в обмен на десяток лишних лет.

Явился гонец. Комендант Стурна доносил консулам, что вход на мыс Титанов надежно перекрыт и что в столице почти спокойно. Плисфий позволил себе усмехнуться. «Почти» означало намалеванные на стенах гадости, разбитие о свежесводруженные календари и царские статуи горшки с нечистотами и вопли расплодившихся в последний год пророков и прорицателей. Упустить смену летосчисления они, само собой, не могли. Мирона это лишь заводило, а для стоящих в караулах варваров оборачивалось лишними хлопотами, за которые приходилось платить. Что до Небес, то, судя по зарядившей с вечера мороси, возвращенное на пьедестал божество не испытывало к новоявленным наследникам ни малейшей признательности. Плисфий зевнул, выпил поднесенный лекарем бодрящий отвар и спустился к носилкам. Разумеется, на первом же перекрестке пришлось ждать, когда рёты разгонят зевак, собравшихся вокруг очередного предсказателя — молодого парня в тунике с желтой риторской полосой.

Вопящему про казусы Времени-Движения и Неба-Вселенной придурку всыпали с десяток палок и швырнули в ближайшую лужу, слушатели разбежались сами, но настроение стало окончательно дождливым. Нумма все сильнее ощущал себя бегущей в колесе престарелой собакой. О том, чтобы перебраться в загородные поместья, не приходилось и думать: Мирону вечно не хватало денег, и он повадился обирать как тех, кто проявлял излишнюю прыть, так и утративших резвость. Покинуть Стурн тоже не выходило — в варварских землях к чужакам относились по-варварски, а велонцы, поняв, что «пчелы» нынче без жала, перестали привечать беглых стурнийцев. Уйти на покой не получалось, оставалось, пока хватит сил, бежать в колесе или... отправить Мирона проверить, так ли уж божественны его предки. При мысли о том, что сказали бы титаны при виде «потомка», консул рассмеялся. Он все еще улыбался, приветствуя Менодима. Важный разговор начинают с ерунды, и Плисфий рассказал про свихнувшегося умника. Менодиму тоже нашлось чем повеселить друга и соратника.

— Помнишь «Завет титанов», втридорога выкупленный Бротусом у наследников Спурия Физуллы? Тот, что так понравился Мирону?

— Его трудно забыть... По крайней мере, до конца празднеств.

— Оказалось, Физулл обокрал умершего чуть ли не под забором бродягу. Смысл, размер, даже многие рифмы — все взято у него! Не следовало Бротусу мешать делам виноторговца Квинта, а он попробовал... Вот и всплыл список настоящего «Завета» и иных песен, приобретенный у означенного бродяги предком Квинта. Так некстати... Бротус вне себя! Он привык доить, а не доиться.

— Зато как будет счастлив Гней Нерониск!

— Не думаю... Это и есть самое смешное. Из списка Квинта следует, что якобы найденную и восстановленную Нерониском «Песнь тьмы и тьмы» сочинили не титаны, а все тот же бродяга. Гней ее подпортил, не без того, но сомнений нет никаких. Наследникам великого изгнанника и нашему не менее великому стихотворцу насыпали гору серебра за то, что валялось на дороге...

— Бротусу придется оплатить еще и молчание Квинта... В этом доме всегда знали, какая пыль станет золотом. Хотелось бы знать... — Плисфий сделал небольшую, но многозначительную паузу. — Хотелось бы знать, *сколько на самом деле* стоят все добытые нашим другом древности. Хотя бы извлеченная из озера плита и ниннейские урны. Спрошу

при случае сына нашего мудрого Квинта, раз уж он не желает превращать движение в пространство.

— Движение в пространство? — самым честным образом не понял Менодим, и Плисфий с готовностью пояснил:

— Так давешний умник называл низвержение Времени, вознесение Неба и столкновение оных. Дескать, это опасно...

— Пророки совсем обнаглели... — заметил Менодим и посмотрел со значением. — Как и звездочеты. Вчера какой-то мерзавец пугал «триумфом светил» и кричал, что оскорбленное Время отомстит оскорбителям. Он был глуп, и его схватили.

* * *

Гротерих в новом доспехе стоял между Арзульфом и рыжим Фрамом, глядя на растекающуюся по храму толпу. Рёт был сразу и зол, и спокоен, спокойней, чем декаду назад, когда вместе с отобранными консулом Бротусом воинами впервые увидел «возрожденный Стурнон». Сотню северян вырядили в золоченые доспехи и назвали Вечнозвездными. Все это было глупо, но Гротерих явился в Стурн за деньгами, а деньги наемникам платили исправно. Получив свои стурнии, рёты отправились к «Трем конягам» и выпили по половине чаши, выплеснув вторую половину за плечо — откупились от увязавшегося следом зла.

Ульвингу не нравилось все от начала до конца, Гротериху тоже, но их дело было сверкать позолотой, пока товарищи в простых доспехах патрулируют город и сторожат ставший запретным мыс. Городской страже тоже стали больше платить, но работы прибавилось не слишком. Стурнийцы шипели по углам, порой, напившись, орали хулительные песни, но дальше дело не шло. Эти люди разучились защищать хоть богов, хоть границы, хоть себя, но Гротерих все равно собирался остаться, ведь Фенгл послал ему новую встречу со смуглянкой. Девушка была с матерью и еще двумя женщинами, но северянин на сей раз не сплеховал — прошел следом до самого дома, а дальше за дело взялся Гай.

Смуглянку звали Лара, она вместе со вдовой матерью жила в доме замужней сестры и часто подолгу сидела в саду. Оставалось войти и заговорить. Гай брал это на себя, но друзья решили, что нужно переждать празднества. Не утерпев, рёт отвернулся от переминающихся с ноги на ногу сенаторов и младших жрецов и глянул на боковую галерею, где прятался Гай. Сын Фульгра хотел видеть все собственными глазами, а вот Гротерих предпочел бы оказаться от испакощенного храма подальше. Это были не его боги и не его царь, но спокойней от этого не становилось.

Взгляд наемника скользил по ставшим разноцветными колоннам, толпящимся на галереях золоченым статуям и изрезанным непонятными завитками вазам, в которые они с Гаем за пару ночей перенесли прах скадарийцев. Раньше мысль Квинта оставить воинов в их усыпальнице, как бы ее ни изуродовали, казалась верной, теперь, когда в Скадарион ввалилась толпа, Гротериху стало тошно. Как будто это он, мертвый, видит, как в рётских горах рушат столбы памяти и разрывают могилы...

Удар гонгов. Короткий базарный шум и тишина. Сенаторы и придворные замерли, ожидая владыку. Вечнозвездные вскинули мечи, приветствуя Мирона и следовавших за ним старших жрецов и консулов. Последним на ярко-желтые плиты ступил толстый Бротус, и Вечнозвездные перестроились, отсекая титанидов от безродной мелочи.

Первосвященник в ярко-синем облачении остановился меж двух алтарей — Солнечного и Лунного — и воздел руки, Мирон прошествовал дальше, поднялся по пологим ступеням на огороженную кованой решеткой площадку и поднял жезл. Жрецы что-то бросили в курильницы; сперва еле слышно, а потом все громче запел хор. Началось.

* * *

В начале церемонии Плисфий еще радовался утреннему договору с Менодимом, потом ноги, сердце и голова вынудили позабыть и богов, и политику, а хор все пел, к куполу возносился сизый горько-сладкий дым, от которого першило в горле, и до благодатных носилок было дальше, чем до ныне скератской Отрамы, — Мирон в своем пристрастии к театру сочинил целое представление.

Консул с ненавистью посмотрел на царское возвышение. Божественный вдохновенно размахивал увенчанным лунным диском жезлом. Дирижировал. Как всегда, когда слушать не хотелось, тщательно выпеваемые стихи лезли в уши с настойчивостью докучливых родичей.

В этом мире бросались на стены живые,

— тянуло множество уже не мужских глоток, -

Красным пеплом взметая горящую плоть,
В этом мире впервые сражались и пели впервые,
В этом мире стояли у...

Вступившие флейты окутывали словеса, словно одежды — вылезшего из бассейна толстяка. Плисфий не утерпел, вздохнул поглубже и тут же был наказан кашлем. Увенчанная венком из белых мальв башка досадливо дернулась. Царь не глядя подмахивал счета и приговоры, но малейшее пренебрежение к своим талантам помнил долго. Плисфий не раз растравлял в своих целях самолюбие Мирона, а теперь наглотался подлого дыма и сам оплошал...

— Верному слуге вечных Небес! Прими кувшин сей.

Поданный младшим жрецом кувшин был много тяжелей, чем хотелось. Мастер не рискнул украсть царское золото, но лучше б он оказался вором, да и прислужники могли расплескать хотя бы треть набранной в озере благодати. Не расплескали.

Мы не вы.

Теперь прорывающиеся сквозь аккомпанемент слова казались издевкой. -

Никогда вы не станете нами;
Вы смогли победить, но и только. И вам никогда
Не схватить под уздцы золотое предвечное пламя...

Первосвященник ударил посохом о выуженную из озера плиту, и самый юный из прислужников двинулся к священному бассейну. Наполнение началось. Сперва прислужники, затем — младшие жрецы, потом старшие и, наконец, консулы. Все они опрокинут свои кувшины, но вода уйдет в мрамор, как в песок. Тогда наступит черед божественного Мирона. Высочайшая чаша будет принята Отцом-Стурном, священные воды наполнят бассейн, и служба закончится...

Хор по-прежнему предрекал покусившимся на титанов смертным *век за веком уныло брести по своим же следам*, курения тлели и нещадно дымили, вереница жрецов синим хвостом тянулась меж алтарей Солнца и Луны. «Сочинение» Физулла иссякло, «находка» Нерониска звучала не столь уныло. Пожалуй, она была даже красива, хоть и мрачновата, но наслаждаться песнопениями, когда ноги спорят с головой о том, кому хуже?! Увольте.

Черное небо, черное поле.
Алою раной прорезь —
Лента заката.
Меж гребнем леса, что нынче черен, и черным небом...

Берег Сегодня — черен;
Тень Завтра еще черней —
Да будет проклято Время...

Стоять становилось все труднее. В храмах ныне прокливаемого Времени подолгу не задерживались; это бессмертные никуда не спешили, но у них вряд ли отекали ноги... Как он продержится оставшиеся минуты с тяжеленным кувшином на больном плече, Плисфий представлял смутно. Консула подташнивало — верный признак полнокровия, а до лекаря с пиявками еще требовалось дожить. Требовалось, не расплескав, дотащить проклятый сосуд и опуститься на колени, когда случится «чудо». На желтый камень, который скотина Мирон не позволил застелить хотя бы ковром. Еще бы! Божественный преклонять колени не станет...

Прощай...
Черный от черного
Не отличай...

Синие жрецы прошли, двинулись серебряные, «лунные», за которыми уже перебирали ногами «солнечные»... Теперь главное — не споткнуться.

Я забываю, ты забываешь.
Мы не уходим, мы рядом с вами,
Алой рекой меж тьмою и тьмою...

Звякнуло. Один из жрецов не удержал кувшин и отшатнулся. Плисфий взгляделся: меж алтарей с пола поднимался, словно просыпаясь, мальчишка в рубище, его движения были неуверенными и нелепыми. Мирон не был бы Мироном, если б представление обошлось без неожиданностей; спасибо, что выпустил «очарованного пением пастуха», а не пару голодных львов. С краснобородого стало бы...

Парнишка поднялся на якобы дрожащих ногах. При всей своей смазливости он был дурным актером, подобранным, без сомнения, на очередной помойке, потому и растерялся при виде золота, синевы и серебра. Нищета, ввергнутая в кричащую роскошь, — в этом был весь Мирон. Паренек, заученно качнувшись, шагнул вперед, растерянность на старательно заляпанной бурой краской мордашке сменилась яростью — юнец подхватил с пола что-то похожее на копье и с воплем кинулся вперед.

Часть вторая
Стурнон Возрожденный
1 день месяца Мирона 7711 года Истинной Эры

I

Муть в голове, муть вокруг и крик Клионта. Отчаянный, обиженный... Время Всемогущее, где они?! Где фаланга, где площадь с ее раскаленными желтыми плитами, где белобрысый убийца? Убийца?! Но Клионт жив, и он, кажется, тоже... Тимезий принялся ощупывать вроде бы разрубленный мечеглазом бок и не закончил — схватился за голову. Мерный, невыносимо громкий стук отдавался сразу в висках и в груди, словно быющее где-то поблизости гигантское вечное сердце требовало ответа от молчащего человеческого. Требовало и получило. Копейщик отнял руки от висков и снова открыл глаза. Вода. Вокруг и сверху, а внизу то ли небо со звездами, то ли дальний лагерь с кострами, и они гаснут, бледнеют, сливаются, становясь камнями... Выходит, он в озере и не тонет?

Холод под руками, пальцы скребут нежданно гладкую поверхность, из небытия

возникают отражения пестрых колонн, кривляются, дрожат... Закрыть бы глаза, заткнуть уши и свернуться калачиком, но Клионт! Паршивец опять куда-то ввязался...

Встать, опереться на камень и встать! Рука соскальзывает с выступа, пальцы сами на чем-то сжимаются. Тепло дерева. Холод металла. Копье, его собственное копье, все еще во вражеской крови. Воды Стурна ее не смыли? Или он не в озере? В озере... Придет же такое в голову, хотя в ней-то все и дело! Мечеглаз врезал плашмя и удрал. Даже добивать не стал, сволочь...

— Клионт! Где тебя...

Не слышно! Себя не слышно, а мальчишка опять кричит, куда ж его на этот раз занесло?! Ноги тряпичные, оказавшаяся дымом вода кривляется вместе с колоннами. Что наверху — не разглядеть, но внизу в самом деле каменные плиты. Пронзительно-желтые, скользкие и... знакомые... Плиты блестят, будто зеркала, в них корячится темная фигура с копьем; пахнет чем-то сладковато-пряным, чудовищное сердце стучит тише, зато где-то рядом поют. Странные колонны, как деревья... Разноцветные ребристые стволы прячутся в клубах дыма, словно в листве, и меж них кто-то бредет... Темноволосые, седые, плешивые, с бородами... Люди? В золоте?! А вот сзади точно — *они* ! Белобрысые! В своей треклятой броне, с копьями, с длинными мечами! Мечеглазы, целая толпа мечеглазов, а Клионт там, один! Время Всемогущее, где Невкр с ребятами, где... все?!

— Вперед, Лекавион! — вопит Клионт, и Тимезий его видит. Четко. Словно кто-то содрал с глаз тряпку тумана. Шатаясь, мальчишка наступает на раззолоченного толстяка. На глазах закованных в броню титанов! Что для них человеческий мальчишка? Пылинка!

— Назад! Назад, дурень!!!

Ноги заплетаются, будто у паршивого тельца, дымы норовят скрыть невиданные колонны, бородачей, мечеглазов, Клионта с его копьем, но под ногами — твердый камень, а в руке — привычное древко.

— Клионт!!! — Проклятье, он опять не успевает...

* * *

Было тихо, только сбоку что-то мерно и мерзко капало. Консулы, жрецы, сенаторы торчали столбами. Стража тоже торчала — царь любит шутить, это знает последний здешний воробей! Мирон шутит, одной дуры больше, одной меньше... Пьяненький оборвыш в Скадарионе — такая же пакость, как и скератские куренья и непристойные тряпки на царе и консулах... Одно к одному, но когда-нибудь Мирон нарвется!

— Аы... и... йя... ф...! — Что прокричал мальчишка, Гротерих не разобрал, но смешной наконечник метнулся к брюху Менодима. Не просто метнулся — пропорол шитую золотом ткань, только под ней было железо. Консул отшатнулся и завизжал резаной свиньей. Подавился своим вытьем хор, царь обернулся, но не расхохотался, а недовольно топнул ногой. Выходит, не он?!

Оборванец опять завопил и, заноса копье для удара, рванулся наискось, обходя заслонившего консула Вирна.

— Взять! — громыхнул Ульвинг. — Без крови!

Правильно, храм все-таки... Кто их знает, стурнийских богов, хоть старых, хоть новых... Гротерих с удовольствием пихнул вопящего консула плечом и вышиб из рук парнишки его тыкалку. Второй удар древком отбросил щенка в сторону. На здоровенную, изукрашенную узорами плиту сбоку от Лунного алтаря. Проливать в Скадарионе кровь и впрямь не дело!

— На меня покушались... На меня!.. Слово царю... это загово...

А мальчишка не так уж и пьян. Вскочил, выхватил какое-то несчастье. То ли нож-переросток, то ли меч-недомерок, и глаза как у волчонка! Откуда он тут такой?

— Взять!

— Это покуше...

— ...Кхл... ы... нт!

Еще один, постарше! Опирается на копьё у алтаря... Тоже пьян? Не многовато ли?

— Обоих, — невозмутимо велит сотник. И опять верно. Кто бы ни были эти ребята, их сюда не звали! Проскочить вдоль алтаря за курильницу, чтобы сзади...

— Мои Вечнозвездные! — До отвращения бархатный голос принадлежит Мирону. — Убить. Обоих.

Царь доволен, царь развлекается, но приказ есть приказ. Что ж, займемся старшим, не так... тошно.

— Я сказал, обоих.

— Повиновение царю. — Бротус... Вот же ублюдок, но так всегда. Одни мечом, другие — языком...

Вирн оборачивается, кивает — да, мелкого он берет на себя. Смотреть не хотелось, и Гротерих шагнул к тому, у кого хотя бы копьё было пристойным. Северянин как раз огибал ближайший алтарь, когда сбоку раздался яростный незнакомый клич, и под ноги намеченной жертве кубарем подкатился юнец. Вирн не успевал: с ног мальчишку сбил кто-то другой!

* * *

Асон взмахом левой руки смел с дороги человеческого щенка и шагнул к святотатцам. В голове еще клубился туман, тело болело и плохо слушалось, но отлеживаться было некогда — краснобородый недомерок посмел нацепить венок из белых храмовых мальв... В таком венке умирала Интис! И не только она...

Звезда в рукояти вспыхнула родным малиновым светом, придавая хозяину если не сил, то решимости. Ярость оказалась сильнее слабости, и Асон рванулся к забравшемуся на пирамиду ублюдку. Более поганого зрелища «звездный» себе представить не мог. Кучка разряженных, с обезьяньими бородами, иклотов в гигантском безобразном храме, где извращено все — от священных символов до запахов и пропорций. Неужели его звали *сюда*, а ведь звали!

От веков к себе и вновь к веку,
Ты войдешь с мечом в ту же реку...

Пара иклотов, один толстый, другой тощий, будто горгон, шарахнулась в стороны, титан успел отвесить тощему хорошего пинка и, не оглядываясь, пошел вперед. Навстречу заступающим краснобородого святотатца... своим?! Нет, людям, не желавшим быть людьми! Или переставшим ими быть...

* * *

Такого Гротерих еще не видел... И не хотел видеть. Огромный, на голову выше самого высокого из рётов, этот сумасшедший играл тяжелым мечом, как ромашкой. Чужака успели взять в полукольцо, но четверых оказалось мало, как и восьмерых... То есть уже семерых... Все, что могли северяне, — это не пускать бесноватого к царю, едва успевая за непонятым противником.

Сизый клинок перерубил копьё Арзульфа под самым наконечником, вскользь достал по ноге Фрама. Рыжий ощерился, но из боя не вышел. Кровь, своя кровь на мраморных плитах, настроила на серьезный лад. Навалившись разом, рёты оттеснили чужака от раненого и заодно от консулов. Это было дело, настоящее дело, не то что пастух и мальчишка...

Меч Ульвинга споткнулся о меч бесноватого и отпрянул. Гигант тряхнул башкой и что-то сказал. Что? Ульвинг вряд ли понял, но отшагнул, опуская свой ланг. Передышка. Изготовившись к драке, что зверь, что человек пытается оценить врага, но сейчас слишком быстро все началось... Взгляд ловит взгляд, враз пересохшие губы глотают откуда-то

взявшийся ветер, и капает, капает то ли кровь, то ли вода...

— Фенгл... — начал Арзульф и замолчал. Кто-то сейчас не выдержит — на волос подвинет ногу или шевельнет рукой, закружив смертную карусель, из которой волку не выскочить, но скольких он заберет?! Подобного зверя северянам брать еще не приходилось. Таких вообще не бывает, не может быть, им место в сказках, рядом с каменными чудищами и выдыхающими пламень драконами...

— Спокойно, парни!.. Стоять!

Звенела железом спешащая от дверей подмога, издевательски мерно и равнодушно падали капли, словно боги отсчитывали оставшиеся до смерти мгновенья. Проклятый звук пропитывал топот, шорохи и скрипы, словно кровь — парчу и шелка... Это становилось невыносимым, и Гротерих понял, что сейчас сорвется.

— Стоять, кому сказано!.. Стоять!!!

* * *

Два десятка *таких* иклутов — это будет тяжело... Копья у них на удивление. И доспехи серьезные где-то нашли, и даже мечи... Откуда они здесь, такие? В первой сшибке Асон с большим трудом сохранил шкуру целой, биться в полную силу он еще не мог, хорошо хоть эти не поняли... А сейчас понимать становилось поздно: мышцы наливались привычной силой, от слабости остался лишь тягостный след, тело вновь служило как должно.

Титан не думал, как пробьется к краснобородому, хоть и не сомневался, что сделает это. Он не забудет про святотатца, нет, но странные иклуты с мечами — они все же научились делать мечи! — были куда большей загадкой. Краснобородый крал, эти — *походили*. Всем, даже светлыми длинными волосами и священными спиралями на щитах. Светловолосые были много лучше всех, с кем Асон имел дело раньше. Решительные и опытные, с оружием отличной стали, они действовали умело и согласованно, и все же «звездный», даже дерущийся вполсилы, был им не по зубам...

Второй слева иклут даже не моргнул, но Асон понял: передышке конец. Ничего, он почти готов! Движение в строю врагов, недовольный окрик старшего. И язык у этих иклутов тоже другой!.. Выходит, не зря «звездным» обещан вечный бой и в жизни, и в смерти. А смерть была, теперь Асон ее вспомнил, как и свою кровь, хлынувшую на полные солнца плиты. Он умер в полдень на пороге недостроенного храма... Умер, и прикрывать Сонэрга стало некому.

Закованные в золоченые доспехи враги плечом к плечу шагнули вперед, целя в грудь копьями. Да, это будет непросто... Но он доберется до труса на пирамиде... Белые мальвы на иклутской башке — это даже не оскорбление... Такое стирают с лица земли любой ценой.

— Время тебя за уши, опять один полез?!

Перед глазами — ряд широких, длинных лезвий, все, кроме боя, — вон из головы, но этот голос за спиной...

— Сонэрг?!

— Проклятье копытам!.. Разъезжаются...

Прыгнуть назад, чтоб обернуться, чтоб хотя бы одним глазом...

Старый друг неуклюже ворочался на том самом месте, где чуть раньше приходил в себя Асон. Бедняге было не лучше, чем самому «звездному», но кентавры упрямы... Что ж, прикроем, пока не поднимется!

— Я сейчас, «звездный»!.. Сейчас...

II

Все было будто в пакостном сне, где ничего не понимаешь и ничего не можешь! Ухваченный за плечо Клионт шумно дышал, но вырываться не пробовал. Из носа паршивца

Кентавр едва не пришиб оказавшихся за спиной иклотов — давешнего мальчишку и второго, с краденым копьем. Вторая ваза рухнула на одну из алтарных плит и разлетелась вдребезги. Асон успел вскинуть щит, закрывая не столько себя, сколько не столь расторопных соседей... Тут оно и накатило малиновой звездной вспышкой. Понимание, что, почему и зачем. И это же понимание отразилось в глазах бородатого Тимезия — его, оказывается, звали Тимезий!

* * *

Это они, которые должны быть счастливы! Это они, за счастье которых ничего не было жаль. Это они!.. Потомки... Те, за кого он убивал. Те, за кого он умер. И не те! Подросли за прошедшие века, как же они подросли... и как же... измельчали.

Капает вода, кружится пепел... Меж рыдающим в голос Клионтом и... людьми стоит титан. Тот самый, не ошибешься! Тимезий вспомнил и этот взгляд, и этот клинок! Полыхнул недобрый каменный глаз. Зло осклабился кентавр, ударил кованым копытом, высек искры. Кентавра Тимезий тоже видел...

— Это!.. — кричит Клионт. — Тимезий, это...

Время Всемогушее, парнишка тоже вспомнил *все* ! Вспомнил и понял, что они... что все было зря... зря для людей так же, как для титанов. Что не осталось... ничего!

— Мы больше не враги, копейщик. Нет, больше не враги.

Тимезий не знал языка белобрысых, не желал знать, чем и гордился. Не разбирал он и языка новых людей, но как-то понимал и их, и мечеглаза с кентавром. Только, когда перехватывает горло, не ответишь.

— Хватит! — рычит гнедой. — Пусть я еще разок сдохну, но *этих* здесь не будет!

— Да, — повторяет раздельно титан. — Этих. Здесь. Не будет.

Клионт больше не плачет. Задирает подбородок возле белобрысого. И когда только успел?! Трое готовы, а ты? Неужели трусишь? Но это еще не конец, копейщик! Поудобней перехватить древко, встать рядом. Сколько лет ушло в песок, а они сошлись вновь, чтобы напоследок стать единым целым! Вот так. Спина к спине против оскорбивших и Время, и Небо! Против ублюдка с красной бородой, против золотых истуканов, чужих имен и чужих потомков... Не за них все было и не для них. Не для вас, предатели! Вчетвером они тут... Они тут...

— Меня зовут Асон, — говорит белобрысый. — Он — Сонэрг. Становись справа. Тимезий кивает. Асону видней: он лучший боец. Это будет еще один последний бой, только и всего.

III

Так, и что же это?! Здоровенный, стоящий с десяток Скадарий храм, а на полу — покойники, кровь, осколки... Рослые вояки, судя по раззолоченным нагрудникам — охрана разряженных недоносков, сомкнув щиты и выставив копья, отжимают к широкому постаменту конягу, светловолосого верзилу и двоих в чем-то вроде кожаных скератских доспехов. Валяется оружие, вопят и мечутся сами недоноски. Сквозняки кружат пепел, но паленым не пахнет...

Как его занесло на боковую галерею непонятного храма, Приск не думал — коменданта полностью поглотила разворачивающаяся внизу схватка. Не оценить чужой выучки и умения биться в строю ветеран не мог, но и коняга с гигантом выглядели отменно: меч и тяжелое копье двигались так согласованно — иззавидуешься!

Коняга с удивительным искусством заплел и отбросил в сторону сразу три нацеленных на него копья, а в образовавшуюся брешь грохнул передними копытами. Успевшего подставить щит счастливчика снесло под ноги напивших сзади, а вот получивший удар в грудь...

— Не жилец, — пробормотал так и не разобравший что к чему Приск, глядя, как «золоченые» смыкают строй над упавшим, прикрывая товарища щитами. Слаженную ответную атаку сразу с двух сторон кентавр отбил, но бок ему, похоже, зацепили. Гигант

закрутил своим мечом что-то невообразимое, снес копейный наконечник, разрубил роскошный — кому она нужна, эта роскошь — наплечник.

Да, бойцы внизу собрались отличные, но сама драка коменданту нравилась все меньше. Расфуфыренные столичные цацы одурели и только квохтали, а безобразие следовало прекратить. Приск так и скомандовал:

— Пр-р-рекратить!

Окрик вышел так себе, не сравнить с обычным. Внизу не услышали.

— Вы у меня остановитесь, — пробурчал ветеран, выискивая что-нибудь похожее на гонг. — Умники...

— Приказ коменданта! — со смешком откликнулся знакомый голос. Как же, найдешь тут своих! У балюстрады торчал лысый сенатор лет на десять постарше самого Приска. В церемониальных одеждах и при всех регалиях, хоть сейчас к императору. Изломанные брови, родинка на виске... Знакомое лицо, даже слишком. Папаша Тита, надо полагать!

— Какое зрелище! — Спентад-старший нависал над перилами. — Судя по декорациям, не обошлось без Фертаров, только при чем здесь эти оборванцы?

— Я было решил, «лохмачи», — признался Приск, — но морды не скератские.

— Больше похожи на стурнийцев...

— Они-то похожи... А задницы в раззолоченных мешках откуда?..

— Поняття не имею. — Сенатор до невозможности знакомо пожал плечами. — Скорее всего они нам снятся, вернее, мне... Но я рад такому сну. Что до задниц, это, видимо, предупреждение, ниспосланное свыше. Если Агриппа не соизволит наконец...

Спентад прервал сам себя. Одна из «задниц», бесновавшаяся на ступенчатом возвышении, ткнула дурацким жезлом вверх, и копейщики попятнулись, давая четверке у постамента больше простора. Заскрежетало. Орудовавшие на нижней галерее золоченые переваливали через балюстраду большие каменные вазы. Приск видел, как те наклоняются и валятся вниз, как следом тянется светящийся звездный хвост. Грохнуло, но как-то странно, будто дальний гром зарычал. Веером взлетели осколки. То ли «золоченые» не рассчитали, то ли постамент, у которого шла драка, тянул к себе камни, как чинуши — казенные деньги, но странную четверку даже не зацепило, только чудной, налетевший сразу со всех сторон ветер подхватил обернувшийся желтой отрамской пылью пепел. Мальчишка внизу вздрогнул и запрокинул голову. Приск поймал полный ярости и надежды взгляд...

— Небец ушастый!

— Время Всемогущее!..

Тит!.. Дослужился-таки... Дослужился и умер своей смертью... А теперь встал как миленький! Потому что нужно...

— Комендант... — Тит провел рукой по лицу. — Это же наши...

Галерею наполняли такие знакомые звуки: приглушенный шорох, стук дерева и лязг железа — когорта строится в боевой порядок. Не вся когорта, не больше половины. Знакомые лица, боевые доспехи, только раны исчезли вместе со смертью. Вот мы и встретились, ребята... Вот и встретились там, где нет Времени... Или есть?

— Эгей! — сжимает кулаки Медант. — Чего ждем?..

А нечего ждать! Гарнизон Скадарии готов выполнить приказ, и комендант знает, что приказывать. Внизу шум и крики, внизу — бой, надо спешить.

— Мы идем, ребята! Мы уже идем! — Приск больше не оборачивался, он и так знал: и Сервий, и Руфин, и этот неумный коняга — они здесь, в строю, и им тоже все ясно...

* * *

Гротерих отчаянно старался оживить онемевшую руку. Рёту случалось принимать на щит всякие удары — и секир, и палиц, и боевых молотов, но это копыто было пострашнее всего. Затылок, которым «Вечнозвездный» приложился о каменный пол, тоже болел, но меньше — крепостью черепа северянин гордился заслуженно.

Сбитого с ног и оглушенного, его отволокли в сторону. Откуда-то взялся Гай, но чем он мог помочь? Когда сверху снова полетели вазы, Гротерих сидел, привалившись к стене, разминал руку и пытался понять, что же такое в проклятом храме творится. Невозможно быстрый и ловкий великан — прямо тебе отродье Фенгла, а уж коняга... И ведь видел же рисунки, да не верил, думал — выдумки. Только раньше не вдали, не то что сейчас...

— Управляется с копьём лучше старого Френга, — нехотя признал северянин, хотя Гаю что Френг, что не Френг...

— Ты видел, откуда они взялись?

— Вылезли прямо из ничего... Ну то есть совсем из ничего. — По крайней мере, в этом, как его, «кентауре» рёт не сомневался. Он прикидывал, как обойти великана, вот и смотрел в нужную сторону. — Там, понимаешь ли, зарябило, ну, как... Одним словом, вроде...

— Сволочи! — Вскочивший Гай не слушал. — Разбили... И эти тоже... Не вышло у нас ничего...

— Да ладно, не в могиле слава!.. Фенгл все знает, и это тоже...

Рёт поднялся на ноги; голова уже совсем не кружилась, а стоя было видно не в пример лучше. Парни снова смыкали строй, к ним присоединилась большая часть тех, кто стоял у входа в храм. Значит, сумасшедшие у алтарей держатся.

— Останови их! — вдруг заорал Гай. — Останови своих! Вы... мы не должны их трогать!.. Никого!

— Наше дело наемное, — не слишком уверенно откликнулся Гротерих. — Приказано.

— Кем?! Сволочью этой краснобородой? Сенатом? Да кто они такие, чтобы... Время Всемогушее!..

Из-за окольчуженных спин вновь прогремел тот самый чужой клич. С верхней галереи полужнакомым сигналом откликнулась боевая труба, и тут же над балюстрадой поднялась и закачалась огромная вызолоченная статуя из тех, что обожал Мирон. Под дружный вопль жрецов и сенаторов истукан рухнул вниз, заставив рётов попятиться.

— Гротерих! — Гай в восторге сжал плечо ошалевшего северянина. Хорошо хоть здоровое. — Даже если здесь все разнесут, я это... нарисую!

— Нарисуешь, нарисуешь... Этих уродов и вчетвером не поднять, разве кто-то вроде... Слушай, кто же там, наверху?! И сколько их?!

Ульвингу тоже это хотелось знать, и он с пятеркой мечников уже мчался к лестнице. Не успел. Сверху пятились поднявшиеся раньше. Пятились, выставив копья навстречу какой-то угрозе.

* * *

Прояви раззолоченные задницы твердость и вели страже сразу же атаковать, та бы подчинилась, так ведь нет... Насвятотатствовали, голубчики, дождались божьей кары и обделались, а охрана затевать новую драку не рвется — смотрит себе на начальство и ждет. Задницы видят, что стража — в сомнениях, и трясутся еще сильнее. Так все и стоят — легионеры у лестницы, а напротив эти... храмовые.

— Что делаем, сенатор?

— Знакомимся, комендант!

— С этими? Золочеными?

— Нет, с четверкой у алтаря.

Приск поискал глазами Сервия. Тот был там, где должно. Как и прежде.

— Знаешь, что делать? — Помощник кивнул, комендант привычно расправил плащ и лишь сейчас понял, что плащ — парадный. Значит, *тогда* его переодели? Это ж надо умудриться — умереть и не заметить...

— Идем, комендант?

— Идем, сенатор!

Вперед, меж двух застывших шеренг — высокой, раззолоченной, и стальной, пониже. Чеканя шаг, словно во время триумфа. Странно они, должно быть, выглядят... Шальной неотвязный коняга, ветеран в начищенном доспехе и сенатор с имперским Роем на груди. Сенатор... Едва не зарывавший на стене отбившейся Скадарии мальчишка. Твой, без тебя постаревший, не тобою зачатый сын, и плевать, кем он послан — Временем, судьбой, этим их Небом...

— Убить! Убить их! — не выдерживает ублюдок на верхотуре. — Его... этого лысого, с пчелами... Тысяча... три тысячи золотом и виноградники!

— Отправляйся в свой балаган, — бросает на ходу бывший младший трибун. — Фигляр...

Легионеры готовы к бою, но стража не нападает. Старший, седоусый здоровяк, смотрит то на ублюдка в венке, то на чужаков, думает... А ты бы на его месте не думал?! К ветерану, придерживая руку, подбегает воин помоложе, что-то быстро говорит. Тит не смотрит, идет дальше. К тем, с кого все началось. Молча идет. Пустая болтовня — это для в который раз опаскудившегося Сената. Вечность, богов, империю или носят с собой, или нет.

Это Время тебя назвало... Это Время... Время... Время...

Стучат, точат камень капли. Стучит в висках кровь... Стучат копыта. Кружит пыль пахнущий степью ветер. *Это Время...*

Кто метнул нож, Приск не заметил, а Медант не успел... Только подхватил на руки падающее тело. Белая тога, красная кровь, золотой имперский Рой...

— Как же... не к месту.

Это Время... Время... Время...

Медант, держащий Тита на вытянутых руках. Опустившие копыта шеренги. Чужой темноволосый парень с явно не своим мечом. Издевательский блеск алмазов на рукояти ножа. Подлого, придворного — вояки с такими не ходят.

— *Приграничным гарнизонам... стоять до последнего... а помощь будет... Прокуратор обещал... твердо.*

Он слышит это? Слышит *оттуда* ! Или это бредит Тит? Но при таких ранах не бредят!

— Повиновенье... — выговаривают губы Приска. — Повиновение сенатору!

— Нет, — успевает поправить Тит Спентад. — Гарнизон... Приказ коменданта...

Тогда тоже был нож или все же стрела? Не запомнить своей смерти и увидеть ее снова. Не в степи, здесь... Не свою, больше, чем свою.

— Я — Гай, сын Публия Фульгра. — Давешний чужак. Чего-то хочет... — Я с вами... Я владею мечом!

— Давай в строй.

Неполная когорта против гарнизона, армии, целой империи, или что там осталось от Стурна, — это меньше чем ничто. Но не когда она там, где должно. Неполная когорта... Только одна. И еще этот Гай, и четверка, продержавшаяся до прихода нежданной подмоги. Нежданной, но так бывает. У каждого — своя Скадария, не отдавать же ее... всяким задницам!

— Да поможет нам... — А кто? Время Всемогушее, допустившее такое, или этот самый Небец... то есть Небо... — Эгей, трубач, «Во славу Стурна»!

Боги смотрят. Боги плачут. И еще иногда они гордятся.

Ирина Барковская
ВСЕХ ПОИМЕННО

Звонкий голос малого колокола разносился по всему Храму, настойчиво напоминая обитательницам о том, что ночь прошла и их ждут утренние дела и заботы. Найка сладко

потянулась, выскочила из-под шерстяного одеяла и принялась расталкивать соседку. Магра — настоящая соня, без посторонней помощи ей в такую рань не проснуться. Ну, то есть это для нее рань, сама-то Найка привычна к еще более ранним пробуждениям. И то сказать, в деревне просыпаешься, когда небо только-только серым станет, и сразу за работу, а тут вон и солнце уже выглянуло из-за горизонта. Но Магра — городская, да не из самой бедной семьи, привыкла валяться в кровати. За полгода жизни в Храме она так и не рассталась со старыми привычками. Да и к чему? Через год родители заберут домой подучившуюся наследницу, и будет Магра снова допоздна отсыпаться на мягких перинах. Третья обитательница их комнаты, новенькая Джанна, уже склонилась над тазиком для умывания, старательно намыливая лицо и руки.

Найка была из них трех самой опытной, она жила в Храме уже третий год, с тех пор как новая отцова жена родила ему двойню и уговорила мужа отдать старшую дочь в Храм, мол, годы пошли неурожайные и троих им не прокормить. Найка, конечно, скучала по отцу, по дому, но зла на мачеху не держала — чего уж тут, кому охота с чужим ребенком возиться, когда свои есть. Тем более что после деревни жизнь в Храме казалась ей просто сказкой: еды в избытке, работы немного, даже свободное время остается. Правда, приходится еще учиться грамоте и прочим храмовым премудростям, но и это оказалось не таким сложным, а то и интересным. Единственным действительно скучным делом было ежедневное заучивание наизусть длиннющих Списков ангелов. Это и впрямь было тоскливо — сидеть два часа подряд и нараспев повторять вместе с остальными девочками: «Алеций, Болеций, Гонзаций, Дедоник, Феброник, Аспигрис...» — словно считалку на незнакомом языке. К сожалению, знание имен всех трехсот ангелов было одним из главных требований в Храме, старшие послушницы могли рассказать весь Список с любого места, хоть их посреди ночи разбудили.

Найка умылась и принялась заправлять постель — времени до завтрака оставалось всего ничего. А вот Джанна, еле расправив одеяло, разложила на нем исписанный пергамент и напряженно уставилась в него, быстро шевеля губами и пытаясь одновременно заплести косы. Списки повторяет, поняла Найка. И тут ей стало интересно.

— Джанка, слушай, как же это? Ты говоришь, что в Храме старом два года прожила, а Списков до сих пор не знаешь. Ты небось лентяйничала там, да?

— Вот еще! — новенькая обиделась, даже щеки вспыхнули. — Я, между прочим, была лучшей ученицей.

— Ага, из двух лучшей. Сестра Тара говорила, в вашем Храме всего две послушницы осталось, вот его и закрыли.

— Вовсе и не две! — вскинулась Джанна. И поспокойней уже добавила: — Ну, нас, конечно, поменьше было, чем тут. Пять послушниц да сестры. Но все-таки хватало. А потом, когда мать Марисса умерла... все не так пошло. Сначала Нала с каким-то наемником сбежала, а ведь уже посвященная была! Потом Верну с Аммой тетка забрала. У тетки-то своя дочь померла, вот она тогда о племянницах и вспомнила. Сестра Велла и раньше больная была, всегда, как весна — одними отварами питается. Ну вот... Новых девочек к нам уж год как не приводили, подношений, как тут, не возили и даже торговать с Храмом отказывались, а самим нам было уже не управиться с хозяйством. Ну вот Храм и закрыли. А нас, оставшихся, по другим разобрали.

Найка покачала головой. В их краях Храмы пользовались уважением, все знали — сестры ежечасно заботятся, чтобы ангелы не оставили людей без защиты. Многие деревни на праздники снаряжали в ближайший Храм гонцов с подношениями, крестьяне и горожане победнее нередко отправляли туда младших дочерей: кого просто учиться, а кого и насовсем. Она слышала, что так делается далеко не везде, что на севере люди стали Храмов сторониться и бояться, но до сих пор об этом не задумывалась. Впрочем, и сейчас ее интересовало другое.

— Ну так все-таки, как же вышло, что ты в своем Храме лучшей была, а тут сразу все Списки позабывала?

— Ничего я не забывала! Хочешь, прямо сейчас расскажу, с начала до конца. Только

они-то другие были, не такие, как у вас.

— Как это другие? — Найка недоверчиво уставилась на новенькую.

— А вот так! Совсем другие. Вот, слушай, — Джанна выпрямилась, словно на уроке, и, заложив руки за спину, затараторила: — Гленнаред, Архиред, Имморн, Даллер, Карморед...

Найка аж головой потрясла. Имена эти она слышала впервые.

— Но как же так? Разве могут ангелов в одном месте звать так, а в другом — по-другому?

— Может, это другие ангелы? — робко предположила прислушивавшаяся к разговору Марга. — В каждом Храме — свои?

— Не может быть! — авторитетно заявила Найка. Оттарабанила, повторяя выученный наизусть урок: — Сказано в старых книгах, что когда Проклятый хотел покорить весь мир, на защиту людей встали ангелы, и победили они Проклятого, и изгнали из нашего мира, и стали на страже его, за что и поминаем мы доселе их имена. Так если везде разных поминают — кто ж из них Проклятого победил, кто сторожит? Не, не может быть...

— Может, и не может быть, — протянула Джанна, — а только мне теперь вдвое больше помнить придется. Мать Илена сказала, что я должна здешние Списки выучить, но и старые тоже не забыть.

Марга вздохнула сочувственно, Найка — удивленно, но тут прозвонил колокол к завтраку, и девочки поспешили в трапезную. Любопытство любопытством, а голод сильней.

После завтрака были занятия, потом работы по хозяйству, и утренний разговор вылетел из голов послушниц. То есть у двух вылетел, а вот Найка никак не могла перестать размышлять. С ней всегда так было, как втемяшится что в голову — будет думать да копать. Хотя сама тут много не надумаешь. Может, спросить сестру Тару? Так она почти на все вопросы о Храме отвечает одно и то же: узнаешь, мол, после посвящения. А до посвящения еще три года ждать... долго, так можно от любопытства помереть. Заглянуть в храмовые книги? Но хранилище закрыто, и ключ только у матушки Илены.

Зал Служения! Эта мысль мелькнула так быстро, словно испуганно, и Найка даже замерла над грядкой, которую пропалывала, ужаснувшись собственной наглости. Зал Служения — самое запретное место в Храме, послушницам туда вход заказан. Зато именно там проводятся посвящения, а значит, наверняка там найдется ответ на ее вопрос. И ведь дверь Зала никогда не закрывается. Оно и понятно, без нужды туда никто не сунется под страхом... хм, вообще-то никто не знает, что будет, если в Зал проберется послушница. Сестры всегда пугают чем-то ужасным, но чем именно... Найка задумалась... нет, что грозит нарушительнице, никто никогда не говорил. Конечно, это может означать нечто ужасное. Но может и... Найка вспомнила, как вся детвора в деревне боялась старого деда Наддима. Про него говорили, будто умеет он что-то страшное, но не говорили что, и малыши представляли себе ужасы один хуже другого. А Найка тайком бегала к деду менять собранные в лесу ягоды на вырезанные им свистульки и знала, что слухи эти распускает сам дед, чтоб малышня не лазила в его сад за самыми сладкими в деревне яблоками. Конечно, Зал Служения — не сад деда Наддима, но все-таки... Любопытство зудело у нее внутри хуже любой чесотки, и наконец девочка решилась.

Улучив момент, когда коридоры были пустыми, Найка подкралась на цыпочках к заветной двери. Чуть дыша, толкнула тяжелые створки. Они подались на удивление легко, и послушница поспешила проскользнуть внутрь, чтобы закрыть дверь за собой. Испуганно перевела дыхание, огляделась. Зал был небольшим, круглым, совсем без окон, зато в потолке, в самом центре, было круглое же отверстие, и лучи высоко еще стоящего солнца попадали в него, освещая все вокруг. Посреди зала в полу было углубление, выложенное корисским красным кирпичом, на нем — куча дров и щепок, словно в очаге, готовом к растопке. Стены покрывала полустертая резьба, вдоль них стояли высокие подсвечники витого металла с десятками толстых свечей, между ними — старинного вида сундуки. Найка уже было шагнула к одному из них: там точно должны быть все ответы, но тут ее взгляд упал на Колокол. Девочка замерла. Вот она — главная загадка, святая святых каждого Храма

— сторожевой Колокол. Тот самый, что призывает сестер на Служение. К нему никто не может прикоснуться, никто не может сдвинуть его с места, но он начинает звонить сам, когда Проклятый рвется в мир, из которого изгнан, и тогда посвященные сестры собираются в этом Зале, чтобы взывать к ангелам, просить их о помощи.

Найка сама не заметила, как оказалась рядом с Колоколом. Осторожно опустилась на колени, чтобы рассмотреть его получше. Небольшой серебристого цвета колокол был намертво закреплен на каменных подпорках. Девочка наклонилась ниже, присматриваясь. Ни веревки, ни молотка, ничего, и даже... странно — языка у колокола тоже не было. Почему-то стало совсем не по себе. Найка поднялась на ноги, попятилась, уже жалея о своей смелости и размышляя, а не сбежать ли поскорее отсюда, сбежать и забыть про все загадки. Вдруг пол под ногами мелко задрожал. Затем затряслись стены, издавая низкий гул. Девочка испуганно заметалась по Залу, и тут в воздухе повис чистый пронзительный звук. Найка не сразу узнала его, ведь раньше ей доводилось слышать его лишь издали, но звук повторился, и все сомнения отпали. Звонил сторожевой Колокол.

Смешно сказать, но первым ее порывом было посмотреть на колокол, потрогать его — как это он звучит, не двигаясь? Но в следующий же миг Найка спохватилась. Колокол! Звонит! Это значит, сейчас все сестры, где бы они ни были, кинутся сюда, в Зал Служения. Ее увидят, и даже представить страшно, как рассердится мать Илена. Найка бросилась к дверям, но за закрытыми створками уже слышались голоса сестер. Оставалось только одно — ужом скользнуть в узкую щель за ближайшим сундуком и надеяться, что везение ее окажется не меньше заведшего в беду любопытства.

Она еле успела. Сестры вбегали в Зал и усаживались на колени вокруг центрального углубления, две из них торопливо поджигали сложенные там дрова. Огонь уже начал потихоньку разгораться, когда в Зал вошла мать Илена. Она заняла место напротив Колокола, который все звонил, и быстро скомандовала: «Начнем!» Десять пар глаз уставились в огонь, десять пар губ шевельнулись одновременно, произнося первые имена из Списка.

Найка скорчилась за сундуком. Никогда в жизни ей не было еще так страшно. Пол мелко дрожал, звон заполнил всю голову. Свет в зале начал меркнуть, вдоль стен сгущалась мгла, странная, серая, бесцветная. Не в силах даже зажмуриться от ужаса, девочка, словно за спасительную нить, цеплялась за привычный шепот, сама не замечая, как повторяет вслед за сестрами знакомые слова: «Артомед, Деодарх, Лидигон...»

Сестры добрались до конца списка и начали повторять его с начала. Стены совсем уже исчезли, словно их и не было, откуда-то взявшийся ветер пригнул к полу пламя, а из серой мглы стали выступать лица: молодые и старые, бледные и загорелые. Люди в старинных одеждах, с оружием в руках, один за другим подходили к огню, становясь кругом за спинами сестер. Те наконец закончили называть имена, мать Илена поклонилась подошедшим и устало произнесла:

— Я благодарю вас, воины, и приветствую.

— Вы звали, мы пришли. Так и должно быть, — ответил ей голос из толпы.

Следом за матушкой поднимались остальные сестры, странные люди приветствовали их, как старых знакомых. И тут прямо за спиной Найка услышала удивленный мужской голос:

— А эт-то что такое?

Над ней, опираясь на копье, стоял высокий темноволосый мужчина. Как и другие, одет он был в странную кожаную тунику с металлическими нашивками, в темный плащ, отброшенный сейчас за спину. Серые глаза, широкое лицо, наметившиеся уже морщины говорили о привычке часто улыбаться.

— Это что же тут за чудо? — спросил человек, легко поднимая девочку на ноги.

— Я н-не чудо, я Найка, — пробормотала послушница, все еще вздрагивая от страха, но чувствуя, что любопытство уже побеждает. — А в...

— Найрина! — Да, мать Илена и впрямь рассердилась. Найка втянула голову в плечи.

Ой, попадет ей, ой попадет... — Найрина, что ты тут делаешь?! Как ты попала в Зал? Как ты осмелилась...

— Я... я просто... я только хотела узнать... Только на минуточку, я же не думала, что Колокол зазвонит, я нечаянно, правда!

— Я тебе...

Но тут за Найку вступился тот самый человек, что ее нашел:

— Ладно вам, матушка, уж не ругайте ее так. Вон, видите, она и так уже раскаивается. Правда же? — Он подмигнул Найке. — Ничего плохого ведь не случилось.

Мать Илена собралась сказать что-то еще, но взглянула на говорящего и лишь покачала головой. Бросив Найке: «Никуда не отходи от костра», она поспешила в толпу.

Высокий человек рассмеялся, потрепал девочку по волосам:

— Не бойся, малышка.

— Я и не боюсь, — буркнула та и не выдержала, расплылась в ответной улыбке. — Я уже не малышка.

— Сколько же тебе лет... Найка?

— Двенадцать уже.

— Уже-е, — протянул человек. — Моей младшей вот тоже...

Лицо его дрогнуло, и он резко замолчал. Потом улыбнулся снова — но Найке показалось, что ему совсем не весело.

— А вас как зовут? — полюбопытствовала она.

— Меня-то? Дедоник.

— Как? — ахнула Найка. — Так вы, значит... этот... ангел?

— Что, не похож? Да нет, малышка, не ангел я. Просто солдат. Да и то...

Но тут стоящий у костра человек поднес к губам что-то вроде рога, и над толпой взлетела мелодия сигнала.

— Ну вот, мне пора, скоро бой. Не отходи никуда от костра, слышишь, Найка?

Мужчина коснулся широкой ладонью ее щеки, резко повернулся и поспешил туда, где строились в шеренги остальные воины. Найка проводила его взглядом. Сестры отходили от строя посерьезневших мужчин, махали руками, желали удачи. Одна даже обняла стоявшего впереди паренька, ткнулась губами в щеку и, отскочив, спряталась за спиной подруги. Выглядело это как... ну, Найка никогда не видела, как провожают на войну, но вот так оно и должно было быть в ее представлении. Но ведь если Колокол звонил... и если сестры читали Список... значит, все эти воины — те самые ангелы? И идут сражаться с Проклятым? Картина перед глазами была такой... такой простой, человеческой, что никак не вязалась с ангельскими силами и священной битвой.

Вновь протрубил рог, и построившийся отряд зашагал прочь от костра, быстро скрывшись в серой мгле. Сразу стало как-то неуютно. Найка поспешила поближе к огню, покосилась было на мать Илену, но та лишь махнула рукой:

— Не бойся, не буду я тебя ругать. Раз уж оказалась тут — садись к огню поближе, ждать будем.

— Чего ждать, матушка?

— Конца боя, Найрина. Ждать возвращения воинов.

Остальные сестры тоже рассаживались вокруг костра, кто-то шептался с подругами, кто-то молча смотрел в огонь. Найка устроилась на большом камне, но любопытство снова взялось за свое, заставляя ее ерзать и вертеть головой. Мать Илена, глядя на девочку, вздохнула с улыбкой:

— Ну, давай уже, задавай свои вопросы. Лучше я сразу на все отвечу, чем ты снова влезешь куда-нибудь без спросу.

От неожиданности Найка даже растерялась — слишком уж много вопросов у нее было, и не сообразишь, с чего начать, а потому ляпнула, не думая:

— Матушка, а почему они совсем на ангелов не похожи?

Сестры вокруг захихикали, но мать Илена ответила очень серьезно:

— Да потому, что они люди, девочка. Обычные люди, — и, видя Найкино изумление, продолжила: — Давай-ка я расскажу тебе все по порядку, так проще будет. Слушай, девочка... Давным-давно, много веков назад, был в одной стране король, который захотел завоевать весь мир.

— Проклятый? — не удержалась Найка.

— Да, сейчас мы зовем его так, но раньше у него было имя. И была армия, огромная армия, которой не могло противостоять ни одно королевство.

— Но ведь... он же был демоном, да?

— Нет, девочка. Не бывает никаких демонов. Как и ангелов, впрочем. Есть только люди и их поступки. Страшные поступки, и прекрасные, и героические... и это все — только люди.

Тот король очень хотел владеть всем миром. Он был жестоким и бесчестным, и люди во всех землях проклинали его. Потому и зовем мы его Проклятым, а имя его предано забвению. Но тогда... тогда он чуть не добился своего. Его солдаты шли вперед, разрушая все вокруг. И вот на их пути встала последняя преграда — объединенные остатки армий всех королевств. Там были не только воины. Крестьяне, торговцы, мастера — все взялись за оружие, чтобы защитить свои семьи от проклятого короля. Много было битв, много сражений, но в конце концов король был побежден, а армии его — рассеяны и уничтожены.

Тяжкой ценой далась та победа, много появилось могил на нашей земле. Вот тогда-то и возникли первые Храмы. Они ведь изначально были поминальными, их строили возле полей сражений, там, где хоронили погибших, строили чтобы поминать в них ушедших воинов, и

имена их выбивали на стенах Храмов.

— Имена?.. Списки! — Найка чуть не подпрыгнула. — Значит, эти Списки...

— Да, девочка. Те Списки, что вы учите наизусть, — это имена воинов, павших в сражении возле нашего Храма. Раньше это знали все люди, но ведь и камень крошится, и книги истлевают, а человеческая память еще более хрупка. То, что было памятью, постепенно превратилось в легенду... в сказку... И злой король в ней стал демоном, а простые воины, защитившие свою землю, превратились в могучих ангелов. Только в Храмах хранят еще настоящую память.

— Но почему?

— Слышала ли ты когда-нибудь такую пословицу — человек живет, пока его помнят?

— Д-да. — Найка насупилась. — Дед Наддим... он сказал мне это, когда... когда мама умерла. Он сказал, что, пока я ее помню, мама всегда будет со мной.

— Мудрый человек твой дед. Но вряд ли даже он знает, что это не просто пословица, а часть древнего знания. И умершие, которых помнят в мире живых, действительно не исчезают, не уходят в небытие, а остаются существовать как бы между нашим миром и ничем. И их можно призвать, совершив обряд, назвав их имена.

— Как вы сейчас?

— Да, как мы. Мы призывали ушедших, чтобы они помогли нам, чтобы защитили мир.

— От кого?

— Понимаешь, Найрина... Человеческая память — действительно странная вещь. Люди забывают предательство и боль, но помнят могущество, славу и власть. Такие люди восхищаются Проклятым, поклоняются ему. Такие люди сохранили его имя, чтобы оно не исчезло. И чем дальше уходят дни той войны, Найрина, тем больше становится таких людей. А чем больше людей помнит о нем — тем сильнее Проклятый, тем прочнее он привязан к нашему миру. Постоянно то тут, то там находятся такие почитатели, которые, используя древнее знание, пытаются призвать Проклятого, вернуть его в мир живых. Да, девочка, вернуть мертвого возможно, есть такие средства. Но последствия будут ужасными, ведь он будет уже не просто человеком. Однако его почитателей это не пугает. Снова и снова вызывают они к Проклятому, и тот становится все сильнее и рвется в наш мир. И тогда во всех Храмах звонят сторожевые Колокола, специально созданные когда-то, чтобы предупреждать всех помнящих. Вот только... живые не могут сражаться с ушедшим. Пока Проклятый не проник в наш мир — мы бессильны, а когда проникнет — будет уже поздно. И потому, девочка, мы обращаемся к тем, кто однажды уже победил Проклятого. Мы называем их имена — и они снова приходят на помощь, снова сражаются с ним, снова останавливают его.

— Но разве нельзя найти и остановить тех, кто вызывает к нему?

— Конечно, те, кто понимает всю опасность, пытаются бороться с этими безумцами. Мы не сидим сложа руки, Найрина, мы тоже сражаемся по-своему, каждый день. Но зло хитроумно, оно умело прячется, оно наносит удары исподтишка. Зло отравляет умы неграмотных людей, затмевая им глаза мнимым величием. И всегда оно противостоит Храмам, обманом, хитростью и силой пытаюсь избавиться от тех, кто еще помнит.

— Как на севере? — вспомнила Найка.

— Да, девочка. Сейчас они убедили правителей и людей севера, что Храмы вредны и опасны, потому что не подчиняются никому. Нашим сестрам приходится тяжело в тех краях, Храмы пустеют, а зло... зло радуется и распространяется все шире.

Посмотри вокруг, Найрина. — Мать Илена повела рукой, и Найка послушно огляделась, хотя серая мгла была почти непроницаемой. Только кое-где в ней проглядывали далекие огни. — Видишь? Каждый огонек — это костер в одном из Храмов. Возле каждого собираются сестры, чтобы позвать тех воинов, чьи имена хранят в их Храме. А потом все эти отряды отправляются на бой с Проклятым. Но он силен и с каждым годом становится все сильнее...

— А мы? — шепот получился испуганным.

— А мы... — Мать Илена помолчала. — Даже во времена моей молодости этих огней

было больше, а когда-то, говорят, их свет разгонял здешнюю мглу. Но с каждым годом все меньше становится Храмов, все меньше огней зажигается во тьме, все меньше имен, все меньше сил. Когда-нибудь, Найрина... когда-нибудь исчезнет последний Храм, будет забыто последнее имя, и Проклятый сможет вернуться в мир живых.

— И что тогда?

— Война. Будет война, и она будет куда страшнее той, прошлой.

Мать Илена взглянула в широко распахнутые глаза Найки и улыбнулась ей:

— Не грусти, девочка. Это случится еще не скоро. Мы постараемся, чтобы это случилось не скоро.

Вокруг костра воцарилась тишина. Найка смотрела в огонь, пытаясь представить, каково это — сражаться с тем, кого однажды уже победил, сражаться вновь и вновь, не зная покоя даже после смерти. Сражаться и понимать, что раз и навсегда победить невозможно.

Она, наверное, задумалась очень глубоко, потому что не сразу заметила человека, медленно вышедшего из серой мглы. Заметили сестры — вскочили, кинулись к воину, чье лицо было залито кровью. Следом начали появляться другие фигуры — окровавленные, грязные, сгорбленные, опирающиеся на копья, поддерживаемые товарищами, они медленно добирались до костра и устало опускались на камни. Воины возвращались из боя.

Найка тоже вскочила, пытаясь найти среди одинаковых, серых от усталости и боли лиц «своего» воина. И нашла. Два солдата принесли его на плаще и осторожно положили на землю. Глаза его были закрыты, дыхание вырывалось из груди со страшным хрипом, лицо, руки, все тело были залиты кровью. Найка кинулась на колени, не зная, что делать, как помочь, неумело попыталась зажать страшную на вид рану ниже ключицы. Воин со стоном открыл глаза, но, увидев всхлипывающую девочку, постарался улыбнуться.

— Эй, ну что ты, — выдохнул Дедоник. — Не плачь, малышка. Это все пустяки... нас ведь нельзя убить, слышишь? Больше нельзя... мы ведь и так...

— Но вам же все равно больно? — тихо спросила Найка.

— Это пустяки, — повторил он, — это скоро пройдет.

И закусил губу, чтобы не пугать девочку стонами.

Вот тут Найка и разревелась.

— Это нечестно! Нечестно! — всхлипывала она. — Все говорят, будто смерть — это покой. А вам... вам даже тут не дают отдохнуть, даже тут все время зовут! Никакого покоя... только умирать... умирать... опять и опять. Это же ужасно! Кто это придумал?

— Нет, — очень твердо сказал вдруг Дедоник. — Не надо... не вини никого, малышка. Мы ведь сами приходим, слышишь? Нас не заставляют. Мы ведь можем и не отвечать на зов. Мы приходим, сами.

— Почему?!

Воин попытался пожать здоровым плечом, скривился от боли. За него ответил сидящий рядом бородатый солдат, прижимающий к телу раненую руку:

— А как же мы можем не прийти, девочка? Что же тогда будет? Такое, значит, наше дело.

Когда догорел костер и серая мгла вновь сменилась каменными стенами Зала Служения, мать Илена обняла Найку ласково, как не обнимала никогда раньше.

— Иди к себе, девочка, отдохни. Но помни: то, что ты видела сегодня, остальные узнают только после посвящения. Не нужно рассказывать другим послушницам об этом, сами все узнают в свое время.

— А я? Я ведь не смогу как раньше... я же теперь знаю. И я хочу помочь, очень хочу! Что же мне, еще три года ждать?

— Может быть, и не три. Для посвящения главное не возраст, а решимость. А решимости у тебя даже с избытком, верно? — улыбнулась матушка. — Но до тех пор, прошу, сохрани тайну. Ну, иди...

Девочка кивнула и побрела в свою комнату, провожаемая задумчивым взглядом матери Илены.

К удивлению подружек, Найка промолчала весь вечер. Молчала она и за ужином, и после, и только когда были погашены все огни и послушницы уже ложились спать, она попросила соседку по комнате:

— Джанка... Ты, знаешь... ты завтра перепиши мне Списки, которые учили в твоём старом Храме, хорошо? Обязательно перепиши.

СОКРОВИЩА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

*Собрался воевать, так будь готов умереть,
Оружие без страха бери...
Сегодня стороною обойдет тебя смерть
В который раз за тысячи лет.
Не станет оправданием Высокая Цель,
Важнее, что у Цели внутри...
И если ты противника берешь на прицел,
Не думай, что останешься цел.
Добро твое кому-то отзывается злом,
Пора пришла платить по долгам...
А истина, обманищица, всегда за углом -
Бессмысленно переть напролом.
Пусть кто-то гонит толпами своих на убой,
Свои же и прибьют дурака...
Но можно дать последний и решительный бой
Тогда, когда рискуешь собой.
Собрался воевать, так будь готов умереть -
Мы смертными приходим на свет...
Судьба дает победу обреченным на смерть
В который раз за тысячи лет.
Но если чья-то боль на этой чаше весов
Окажется сильнее твоей -
Судьба, приняв решение большинством голосов,
Отдаст победу именно ей!
Алькор*

Вук Задунайский

СКАЗАНИЕ О СЕСТРЕ СОФИИ И ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

23 мая 1453 года

Когда же было подготовлено место, собрал цесарь вельмож, и мегистанов, и магистров и начал обсуждать, где стоять стенам, и башням, и воротам городским. И велел измерить место на три стороны, и каждая сторона длиною в семь верст, так как было то место между двумя морями — Черным и Белым. И вдруг выползла из норы змея и поползла по земле, но тут ниспал с поднебесья орел, схватил змею и взмыл ввысь, а змея стала обвиваться вокруг орла. Цесарь же и все люди смотрели на орла и на змею. Орел же на недолгое время скрылся из глаз, и, показавшись снова, стал снижаться, и упал со змеей на то же самое место, ибо одолела его змея. Люди же, подбежав, змею убили, а орла у нее отняли. И был цесарь в великом страхе, и, созвав книжечеев и мудрецов, рассказал им об этом знамении. Они же, поразмыслив, объявили цесарю: «Это место «Седьмохолмый» назовется, и прославится, и возвеличится во всем мире больше

всех городов, но поскольку встанет город между двух морей и будут бить его волны морские, то суждено ему поколебаться. А орел — символ христианский, а змея — символ мусульманский. И раз змея одолела орла, то этим возвещено, что мусульманство одолеет христианство. А так как христиане змею убили, а орла отняли, явлено этим, что напоследок снова христиане одолеют мусульман, и Седьмохолмым овладеют, и в нем воцарятся» ³¹.

- Утро доброе, сестра Мария.
- Доброе, сестра София.
- Как почивали, брат Иоанн?
- Благодарствую, сестра. Не жалуемся.
- Не мешал ли кто, сестра Ирина?
- Нет, сестра. В Акрополисе было покойно.
- У Харисийских ворот всю ночь соловьи пели.
- И что же, брат Георгий? Они нарушили твой покой?
- Нисколько, сестра.
- Спокойно ли на Триумфальной дороге, брат Андрей?
- Спокойно, сестра София.

³¹ В качестве эпиграфов здесь и далее использованы отрывки из «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году».

— Во Влахерне на заре распустились розы...

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день...

Так молился инок. Бессчетное число раз слышала Она слова эти на заутренях и вечерах, в ектеньях и акафистах, в литургиях и песнях херувимских. Все люди были похожи друг на друга, как братья единоутробные. Впрочем, разве не братья они? Разве не одна и та же кровь течет в них, в людях? И вина ли братьев в том, что так жестоки они друг к другу? Все они равно молятся Богу, уповая на облегчение страданий своих и усугубление страданий ближнего. Как будто слышит Он их. Да и нужно ли Ему это слышать?

Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой...

Многие молились здесь, и все они походили друг на друга. Перебирая бесценные сокровища из самых дальних тайников своей памяти, Она не могла припомнить, чем один из приходивших к Ней отличался от другого. Хотя нет, этого инока Она уже не забудет. Был он молод, огонь истинной веры горел в его глазах, хотя и был он увечен на ногу. Подобных ему Она знавала и прежде, но времена нынче наступили такие мрачные, что любой светлый лик сиял, как солнце, навечно врезаясь в память. Он молился ночью, один, в темном Храме, не для кого-то — для себя, и было Ей слышно биение его сердца. Ну что же, пусть оно согревает долгой холодной ночью то, что подарит Она иноку — вернее, даст на сохранение.

Во всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня...

Сильно хромал инок, с самого рождения, потому и молился он нынче во Храме да менял свечи, а не копал рвы и не мешал раствор на стенах. Иные — да и сам он — считали, что такие нынче Городу без надобности, ибо какая польза от калеки в бою? Однако не покинул инок столицу, когда была такая возможность. Был он родом из Дечан, с берегов Белого Дрина. О чем думал он в час молитвы? Вспоминал ли поросшие лесом предгорья да чистые горные ручьи страны своей? Или лица родичей своих, опаленные горячим солнцем? Недобрые ветры занесли его в Город меж двумя морями — Черным и Белым в такое страшное время. Тяжко было ему жить в каменном мешке, но еще тяжелее было вспоминать о том, что оставил он там, на берегах Дрина. Он никогда ни с кем не говорил об этом, но Она читала мысли его, ибо были души людские для Нее раскрытой книгой. Целый год присматривала Она за ним — сгодится ли, справится? Достанет ли сил? Но время торопило, сроки были на исходе, а черная туча накрыла уже своим крылом Великий Город. И Она решилась.

— Покоя просил ты, брат Димитрий, дабы достойно встретить то, что несет тебе день грядущий? Он дарован тебе.

Умолк инок, осмотрелся по сторонам, однако же вскорости вернулся к молитве своей. Почудилось ему, что тихий женский голос вроде бы доносится откуда-то из-под темного купола, но на самом деле нет ничего этого, просто он, брат Димитрий, переусердствовал в посте и молитве. Людям всегда хочется быть не такими, как все, быть особыми и избранными. А уж как сладки эти мечты в годину суровых бедствий, когда так хочется одним махом спасти свой народ и выехать вперед на белом коне, подобно святым воителям! Как хочется верить, что уж кто-кто, а ты-то не по зубам всякой там нечисти, обломает она об тебя ядовитое жало. Только все это мечты, пустые мечты... Инок уже смирился с тем что он самый обычный смертный — за исключением, пожалуй что, кривой ноги, из-за которой не брали его на стены. Сам калека, а туда же, в святые Георгии ладится! Жил он как все, и умрет, как все, когда турки захватят Город. И схоронят его в общей могиле, куда свалят все тела, не разбирая рода-племени. И ничего не случится из того, что указывало бы на избранность его. Уже почти убедил себя в этом инок Димитрий, а тут...

— Хотел ты всецело предаться высшей воле? Тебе дано это право.

Оторопел инок. Встал на ноги — криво и косо, уж как умел — и поднял глаза, всматриваясь в темный купол Храма, порой отвечавший на язычок свечи в руке его золотыми мозаичными всполохами. Почудилось иноку, что слышал он глас свыше. Привидится ж такое! Похолодело внутри у него — не из страха пред гласом неизвестным, а

из боязни, что нет его, этого гласа, что это только ветер завывает в пустых хорах, где некому стало петь нынче — все певчие ушли на стены, а он, инок, опять ошибся, приняв желанное за сущее. Более всего страшился он потерять последнюю надежду, что так неожиданно осенила его. Она ведала о том и была покойна — выбор Ее оказался правильным. И промолвила Она вновь:

— Во всякий час наставлю и поддержу тебя, брат. Не бойся. Верь мне.

Рухнул инок на колени и осенил себя крестным знамением. Глаза его, потемневшие от ужаса и нечаянной радости, смотрели ввысь с надеждой.

— Не бойся меня, брат. Ты избран.

Сколько раз говорила Она эти слова! И все они смотрели одинаково, тщась различить Ее черты в золотом мерцании мозаик, но так ничего и не видели пред собой, ибо нельзя было узреть Ее внешним взором, только внутренним.

— Что хочешь Ты от меня? Что должен я делать? Что? Подскажи!

Нет, он и впрямь был другим, не таким, как все. Быстро понял он, чего от него ждут! Видать, давно предчувствовал что-то. Не следует низко оценивать людей — среди них всегда найдутся такие, кто по праву поднимает главу свою выше других и кому открыто больше, нежели кажется на первый взгляд.

— Главное, брат, — это хранить тайну. А тайна эта в том, что ты знаешь обо мне и слышал мой голос. Об этом никому нельзя говорить, никому. Тайну сию хранили все, кто был избран до тебя. Сохранишь ли и ты ее?

— Всеми святыми клянусь, что сохраню, Божественная Премудрость!

Если бы мог он видеть Ее, то узрел бы улыбку на ее тонких устах.

— Сестра, просто сестра.

— Клянусь, сестра!

— Но это еще не все, брат...

— Если потребна Тебе жизнь моя — забирай! Скажи только — зачем? Зачем все это? Почему агнцы побиваемы, а душегубы благоденствуют? В чем смысл того, что зрим мы каждый божий день? И есть ли он, этот смысл? Дай мне знать!

Изумилась Она. Пришли в движение потоки эфира под куполом, затрепетало пламя одинокой свечи. Был инок сей готов к тому, что уготовила ему судьба.

— Я дам тебе смысл, брат. А пока — ступай, отдохни от трудов своих праведных. Доброй ночи тебе.

Он молчал, не решаясь двинуться с места. О нет, без надобности была Ей жизнь его. Она никогда не брала их жизней. Ныне намеревалась Она забрать не жизнь, но смерть его — так зачем ведать ему о том прежде срока?

— Ступай, брат Димитрий, ступай. Если пожелаешь говорить со мной — приходи в Храм, я отвечу тебе.

Встал инок с колен и пошел к выходу, прихрамывая. Но громом отдавался каждый шаг его под могучими сводами Храма, приближая неизбежное.

24 мая 1453 года

Через несколько дней цесарь с патриархом и архиереями, снова собрав весь клир церковный, а также весь синклит царский и множество народа на богослужение, вознесли молитвы, славя и благодаря в них всемогущую и живоначальную Троицу — Отца, и Сына, и Святого Духа, и пречистую Богоматерь. И предали город и весь народ в руки святой Богородицы Одигитрии, говоря: «Ты же, непорочнейшая владычица и Богородица, человеколюбивая по природе своей, не оставь город этот милостью своей, но, как мать христианскому роду, защити, и сохрани, и помилуй его, наставляя и поучая во все времена как человеколюбивая и милостивая мать, да прославится и в нем и возвеличится имя

великое твое вовеки!»

— Утро доброе, сестра Мария.
— Доброе, сестра София.
— Как почивали, брат Иоанн?
— Благодарствую, сестра. Не жалуемся.
— Не мешал ли кто, сестра Ирина?
— Нет, сестра. В Акрополисе было покойно.
— У Харисийских ворот ночью трудились строители — углубляли рвы, чинили стены...

— И что же, брат Георгий? Это нарушило твой покой?
— Нисколько, сестра.
— Спокойно ли на Триумфальной дороге, брат Андрей?
— Спокойно, сестра София.
— Ах, как пахнут розы во Влахерне...

Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Твоя Святая воля...

На другой день люди пришли в Храм на литургию. Давно не видала Она в стенах этих так много народа. Светило по-летнему яркое солнце, и купол, изукрашенный мозаикой с Богородицей Перивлептой, будто воспарял над сиянием, льющимся через сорок окон. «Подвешенный с неба», «небо на земле», «второй рай» — так нарекли этот купол смертные. За тысячу лет Она привыкла к их изумлению и восторгу. В сей же час все они стояли с непокрытыми головами — друзья и недруги, православные и латиняне, старики и отроки, динаты и простолюдины, севастократоры и стратопедархи — и молились бок о бок, чего прежде не бывало, ибо никогда еще не сгущались вокруг Великого Города столь черные тучи.

Во всех словах и делах моих — руководи моими мыслями и чувствами...

Впереди стоял император Константин, базилевс базилевсин, в тяжелых златотканых одеждах. Талар его был богато шит жемчугами и самоцветами. Пурпурная мантия, изукрашенная золотыми тавлионами, с драгоценной фибулой на правом плече, устилала мраморные плиты, будто была на них кровь. Адамантовая стемма сияла на челе базилевса, двуглавый орел Палеологов расправил на ней свои крыла. Величественен и тверд был Константин, как скала, и мало кто знал, что поутру лишился он чувств от черного отчаяния, когда прознал, что христианские государи не придут на помощь осажденному Городу. Отправил он послов к наихристианнейшим престолом — но не получил от них ответа, а турки меж тем уже обложили Город с суши и с моря, и крепко заперли Босфор крепости их Анатоли и Румели.

Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою...

Немало автократоров повидала Она. Были среди них и хорошие, и плохие. Были и вовсе никакие. Но невесело стали жить в великой некогда империи в последние годы. Зело нагрешили базилевсы, упокой Господь их души. Предавались они всем грехам — ублажали плоть преизобильными яствами, и прекрасными женщинами, предавали отцов и убивали братьев своих, увешивали себя золотом так, что еле могли подняться с носилок, предавались праздности и блуду. Тратили они свое бесценное время на пиры и застолья, часами обсуждая, как правильно готовить те или иные блюда и в каком порядке подавать их к столу — про подробности сии застольные составлялись трактаты столь могучие, что отцам вероучителям впору.

Под ласкающий аромат благовоний вкушали правители великой империи запеченных целиком фазанов, обсыпанных корицей и начиненных оливками и бараньими языками, жаренных на углях пулярок, фаршированных устрицами и айвой. Жир лился с августейших пальцев на тончайшие шелка. Куропаток подавали с цикорием, а цесарок — с миндалем и тмином, и повар, нарушивший сей закон, претерпевал немалые поношения. Едали ли вы

журавля в соусе из пафлагонского сыра? А истекающую нежнейшим соком зайчатину с ароматическими травами, привезенными из Индии, за которые на рынке давали золото по весу самих трав? А молочных поросят с фригийской капустой, плавающих в густом пряном жиру? А жаркое из медвежатины с тыквой?

Нежную лиманду принято было вкушать в вареном виде, с гвоздикой, осетрину — в копченом, таврийскую берзитику начиняли истолченной в порошок макрелью, а кефаль — дольками лимона. Омары щедро приправлялись майораном, а каракатицы — чесноком, хотя некий повар родом из Трапезунда имел наглость при дворе самого императора подать их с медом и горчицей, чем навлек на себя немилость августейшую. Завершались пиршества великих сладостной мусталеврией с лепестками роз и персиками в гранатовом сиропе, игравшем на солнце, как рубин.

После трапезы вкушали пирующие плоды из золотых и яшмовых ваз, кои вследствие непомерной тяжести своей спускались с потолка на увитых позолоченной кожей канатах. Вино самых лучших лоз рекой текло в кубки, выточенные из цельных кусков оникса и горного хрусталя. «Холмы хлеба, леса зверей, проливы рыбы и моря вин», возмущавшие святых отцов (впрочем, далеко не всех), затмили разум многим базилевсам, и не только им. Доваров назначали стратегами, а повара — архонтами. Аристон плавно переходил в дипнон, а тот, в свою очередь — в вечерю, коя завершалась далеко за полночь, сменяясь предрассветными любовными утехами в благоухающих розами влахернских садах, под соловьиные трели.

Жили в просторных светлых дворцах из мрамора и порфира, украшенных бесчисленными статуями, фресками и мозаиками, с тончайшими, колышимыми слабым морским ветерком занавесями. Давали расслабление своим холеным и изнеженным телам в бассейнах с розовой водой. Возлежали на широких ложах, устланных атласными подушками лебяжьего пуха и ценными мехами, кои у европейских варваров шли на королевские мантии. Надевали на себя одежды из узорчатой парчи и цельнозолотного алтабаса. Ездили в золоченых колесницах — из-за их верениц во время больших празднеств в Городе нельзя было проехать по улицам. Их жены и наложницы облачали свои умащенные благовониями тела в расписные шелковые туники и водружали на головы венцы с расходящимися во все стороны лучами, что блистали на солнце жемчугами и камнями драгоценными. Били копытами в их конюшнях (отделанных хоть бы и храмам впору!) лучшие скакуны — с упругими боками и вьющимися гривами, куда вплетались ленты, цветы и маленькие серебряные колокольчики.

Базилевсы жили как боги, динаты — как базилевсы, купцы — как динаты, а простые люди могли позволить себе почти то же самое, только через день. Даже нищие — те, кто палец о палец не ударил за всю никчемную жизнь свою, — всегда имели в пропитание хлеб, рыбу и фрукты, а уж в праздники для них по всему Городу накрывались столы, на которых громоздились туши жареных поросят, а вино выставлялось на площадях в огромных бочках. Последние гистрионы в цирке и актрисы с улицы Наслаждений облачались в пурпур — до тех пор, пока базилевсы не запретили им это под страхом смерти. Не было в Городе лачуг и развалюх, все сплошь дворцы да дома добротные, улицы же мощены были гранитной брусчаткой. Некий эпарх так усердствовал в возведении по всему Городу больших домов, что базилевс указом своим запретил ему строить здания выше десяти этажей. Повсюду журчали фонтаны и благоухали цветы, среди которых вальяжно вышагивали походкой, сделавшей бы честь императору, жирные пышнохвостые павлины.

В бесчисленных лавках крытой имполы на Средней улице можно было купить все на свете: были здесь шелка и фарфор из Китая, янтарь с берегов далекого Балтикума, тончайшее венецианское стекло, дамасские клинки, прочные стальные панцири из Страсбурга, персидские ковры, благовония из Индии, слоновая кость из Эфиопии и златотканые сирийские материи. Со всего подлунного мира везли купцы в Город Константина все самое лучшее. Столы торговцев на форуме Быка ломились от фруктов, свежих и сушеных, от белоснежной валашской брынзы, густого и терпкого египетского меда, диковинных

сладостей восточных. В бочках дожидались своего часа изысканные критские вина, киликийский мускат и дешевый мареотик. Из открытых дверей таверн сочились неземные ароматы, заставлявшие ноги путников и моряков сворачивать по направлению к застеленным белыми скатертями столам. Нельзя было пройти мимо бесчисленных пекарен, где румянились в печах рассыпчатый белый с золотистой корочкой силигнитис и сладкие крендели на меду. И даже крибанон — черные лепешки для бедняков — были чудо как вкусны! А уж про константинопольские термы и ипподром так и вовсе ходили легенды.

Не было такого изобилия и процветания ни на диком, вечно кочующем Востоке, ни на грязном и нищем Западе, ни на обдуваемом холодными ветрами Севере, ни на жарком, ссохшемся Юге. Но куда подевалось все это? Бог ли плохо хранил империю ромеев или люди не уберегли ее? Осетры и фазаны были съедены, вина — выпиты, золото — истрчено да украдено, драгоценности — проданы или заложены генуэзцам (а это еще хуже, нежели украдены). Дворцы никто не чинил, плющ да дикие розы увили беломраморные колоннады. Юные прелестницы постарели, мужи поседели, стали слабы их десницы, и некому было взять в руки оружие. Пока жили-поживали себе автократы великой империи, тратя накопленное, то мирно, то воюя друг с другом и с соседями, приходила в упадок благословенная страна, дичал народ. Заброшен был дивный сад, заколочен старый храм, и некому было зажечь там лампаду. Редко звучали в пышных чертогах детские голоса.

Как-то само собой вдруг вышло так, что жителей в Городе стало вдвое меньше, чем в прежние годы, да и то — было среди них немало магометан и латинян, коим все равно, кто восседает на древнем престоле — потомок благородных базилевсов, султан или черт лысый, главное — чтобы торг шел хорошо да наполнялась мошна. Многие окрестные земли давно уж отложились от столицы в поисках лучшей доли — правда, обрести ее никому покамест не удалось. А ведь когда-то все племена окрестные, все провинции страждали слиться с империей, стать частью ее. Не покоряла их империя огнем и мечом — сами они очарованы были красотой ее и мощью. Но потом вдруг оказалось, что столица высасывала из них соки, а они терпели, маялись, и восторженность однажды сменилась разочарованием.

Были времена, когда жизнь была понятной и размеренной и всегда можно было узнать, что и кого ждет на многие годы вперед. Нынче же все изменилось. Все бурлило и менялось каждый день, и, ложась спать, нельзя было быть точно уверенным, что проснешься. Если прежняя жизнь походила на прямую, ровную, мощенную камнем дорогу, то нынешняя все более напоминала болотную тропку: одно неверное движение, и угодишь в трясины. Мелкие случайности, на кои раньше и внимания не обратили бы, теперь стали превыше законов. В базилевсовой казне не осталось ничего, кроме воздуха, пыли да эпикуровых атомов. Богачи ходили подобно нищим, а уж нищие... Это только наживается добро столетиями — проедается оно быстро, за пару поколений, и случилось это задолго до Константина и отца его, императора Мануила. Начиналась когда-то великая империя с Города — Городом ей и завершаться.

Но последний император... Он был не таким, как его предшественники. Порода древних властителей проявилась в нем, хоть и мнилось Ей, что не будет уже у Византии достойного правителя. Но вот он, родился — не для того, чтобы начать, но для того, чтобы завершить начатое. Отец его, базилевс Мануил, слыл благородным и праведным государем. Один только был у него порок — слабость. Всю жизнь колебался базилевс, как щепка в море, — то на Запад глядел, то на Восток озирался, то латинской прелестью умилялся, то полумесяцем, то в Лондон наезжал, то к султану. Но сколько бы ни колебало его злыми ветрами, а все одно концы с концами не сходились: прибрали генуэзцы к рукам всю торговлю византийскую, губили они державу исподтишка, а что до турок, так те просто брали дань немалую — все равно что грабили среди бела дня. И те и другие убивали империю, но не было у императора сил, дабы помешать им.

Нет, не повезло базилевсу Мануилу с эпохой. Надо было родиться ему на пять веков ранее. Зато повезло базилевсу с женой. Красива была Елена, княжна благородного сербского рода Драгашей, красива и умна. Текла в ней кровь славных родов Неманичей и Деяновичей.

Единственной из племени своего взошла она на престол константинопольский, да еще и в столь грозную годину. И почему не родилась базилисса, подобно супругу своему, прежде, когда блистала Византия под стать достоинствам ее? Блеск сей так подошел бы к ее тяжелым золотым косам и ясным, как лазурь Мраморного моря, глазам. Но выпала императрице иная доля — ежечасно умиротворять страну, укреплять супруга своего, дабы не предался он черному отчаянью, да провожать туда, откуда не возвращаются, тех, кто дорог.

Родила базилисса восьмерых сыновей. Старший сын Иоанн наследовал отцу престол. Был он благочестивым базилевсом, даром что Унией опозорил империю православную — за то и прибрал его Господь. Второй сын умер во младенчестве. Третьим сыном был Константин, что ныне носил адамантовую стемму с орлом Палеологов. Потом родился Феофил — всем братьям брат, математик и философ, да только и от него не жди подмоги в трудное время — не приведет философ к стенам осажденного города войско, не пришлет флот отогнать захватчиков от стен. Андроник тоже хорошим был братом, да только постригся он в монахи, и помощь теперь от него — токмо для укрепления духа. Шестого сына — Михаила — тоже прибрал Господь прежде времени. Димитрий и Фома, деспоты морейские, не сказать чтобы плохими были братьями, да только и от них не ждать базилевсу подмоги — перессорились братья, друг на друга ножи точат, да так увлеклись сим занятием, что турок проспали у границ своих.

Остался император Константин Драгаш один-одинешенек во всем большом доме Палеологовом. Некому было помочь ему в трудный час, некому было дать верный совет, некому было подставить плечо, дабы оперся на него уставший базилевс. Потому и молился он всегда по-особому, вкладывая в слова смысл, коего не было у иных. Потому и не надеялся он боле на помощь, что вдруг нежданно-негаданно свалится к нему с неба. Потому и подписывался он сразу двумя именами — отцовским и материнским, ибо любил свою мать и почитал род ее славный, хотя и от него тоже помощи особо ждать не приходилось — хоть сами бы от турок проклятых отбились!

Подле базилевса молились брат его Феофил и верный отрок Иоанн. Здесь же в скорби стояла инокия Ипомони, некогда сама императрица Елена Драгаша, мать Константина, правительница Византии, постригшаяся после смерти супруга своего. Когда-то носила она scarlatu, багряную атласную столу, пурпурную мантию и золотистый лорум, шитый богато жемчугами да самоцветами. Диадема базилиссы сияла на челе ее, тяжелые ожерелья и браслеты украшали лебединую шею и изящные руки. Златовидные косы ее, блестящие на солнце и мерцающие при свечах, кольцами вились вокруг головы. Но сменила императрица оперение райской птицы на простую белую фелонь, белое покрывало легло ей на голову и плечи, и не снимала она отныне траура до конца дней своих. Выпала ей горестная доля — быть последней императрицей и пережить многих из тех, чья смерть была для нее хуже собственной. Косы ее давно уже стали седыми, а глаза — мутными, как Черное море в бурю. И куда девалась их ясная синева?

Поодаль, среди латинян, стоял кондотьер Джустиниани. Был он предводителем генуэзцев и венецианцев, пришедших-таки на помощь братьям во Христе. Правда, не за спасибо пришли рыцари с Запада защищать Град Константина от османов — немало утвари церковной и драгоценностей Дома императорского пошло на переплавку, дабы заплатить благородным рыцарям за дело святое. А сверх того, по снятии осады с Города обещан был Джустиниани остров Лемнос. Намедни на совете увещевал он базилевса либо принять веру латинскую и уповать на помощь папы да государей христианских, воинство коих готово было при таком условии сразу прийти на помощь осажденному Граду, либо же сдать его без боя. Умным и своевременным был сей совет, но не лежало к нему сердце. Возблагодарил базилевс мудрого воителя, но к совету его не прислушался.

По другую руку от алтаря, в окружении соплеменников своих, молился и другой гость — Георге, князь сербский, деспот Косовский из славного рода Бранковичей, родич императрицы Елены. Высок был Георге и широк в плечах, глас его был громок, а нрав — тяжел. Как стукнет кулаком по столу — так стол и рушится, а ведь разменял князь уже

седьмой десяток. И при Варне меч свой обнажал, и в крепости Шабак, и у Железных врат на Дунае — не брала его покамест сталь турецкая. И ныне пожаловал князь не с пустыми руками. На золото его залатаны были прохудившиеся стены Города — только б выдержали они! — углублены рвы да укреплены ворота. Привел он и войнство свое — пусть не столь многочисленное, зато не раз бывавшее в деле, а в Городе каждая пара рук была на счету. А еще привез князь хлеба в осажденный Город. Не забыл косовский деспот союзного долга, хотя и мог столкнуться в грядущем бою с соплеменниками своими, ибо немало было в войске османов нынче христиан. Когда-то гордые византийцы почитали сербов за варваров, но прошло время, и глядь — а они уже чуть ли не единственные, на чью помощь можно рассчитывать. Слишком многое изменилось в этом мире.

Молился в окружении семейства своего многочисленного и мегадука Лука Нотар, богатейший династ византийский и стратег флота имперского — в алом плаще и раззолоченных узорчатых доспехах, которые ему, впрочем, были без надобности, ибо ни разу не видала мегадуку в бою. Зато громко раздавался глас его в собраниях высоких, и не забыл еще никто, как накануне громогласно вещал он, что предпочтет скорее, чтобы в Городе господствовала турецкая чалма, нежели папская тиара. Золото же, добытое базилевсом такой ценой и отпущенное на флот, чудесным образом затерялось в бездонной мощне мегадуки. Говорили злые языки, что нечист князь Лука на руку, а золотом от турок откупиться хочет. И были они правы — хотя как может быть правым злое? Не за спасибо выгораживал мегадука турок в глазах базилевсовых — а и много ли поймет он от своих новых хозяев? Намедни на совете увещевал он базилевса принять веру магометанскую и склонить главу пред султаном, войнство коего готово было при таком условии уйти из-под стен константинопольских. Если же базилевс не желал делать это, то Город следовало сдать без боя. Умным и своевременным был сей совет, но не лежало к нему сердце. Возблагодарил базилевс храброго мегадуку, но к совету его не прислушался.

Молился подле базилевса на свой, латинский, манер и Франциск, рыцарь испанский. Прибыл он в Град Константина вместе с генуэзцами, кои объявились здесь для защиты его от османов, но пока все больше защищали негоциантов своих да торг их. Только все реже видели Франциска среди братьев по вере, в тавернах сидящим, и все чаще — во дворцах влахернских. Изумило рыцаря благородство базилевсово, покорило оно его сердце, ибо мнилось ему прежде, что не может быть в Византии достойных властителей, а те, что есть, — погрязли во лжи да в грехе. Вот до чего дошла великая некогда империя, что так думали о ней! Стал Франциск все чаще бывать подле императора во всех делах его, а после и вовсе стал тому другом — а и не бывало у императоров византийских друзей уже много поколений, не приживались они во влахернских хоромах.

Тихонько стоял за колонной человек в простом скаранике. Он не плакал и не молился — он смотрел. Нет, не латинский прознатчик то был и даже не османский. То был Лаоник Халкокондил, летописец. Жадно внимал он всему, что видел, ибо именно ему выпала честь описать падение Града Великого.

Был в Храме в тот день и апокрисиарий Фома Катаволинос, облаченный в богатый зеленый скарамангий, подпоясанный золотым поясом с большими изумрудами. Верой и правдой служил Фома базилевсам византийским. И к латинянам с посольствами ездил, и к османам. И верил ему Константин как самому себе — да напрасно. Давно уже переметнулся Катаволинос на сторону врагов, ждал только времени, когда выгоднее ему обнаружить измену свою. Отрекся от Христа дьяк Фома, тайно принял магометанство и стал верой и правдой служить султану Мехмеду под именем Юнус-бея. Она давно все знала, но не говорила, ибо никто не спрашивал.

Не все явились нынче в Храм. Не было многих воинов, ибо стояли они на стенах, вглядываясь в туманную утреннюю дымку, в которой шевелилось, как огромный дикий зверь, войнство османское. Не было генуэзцев из крепости Галат, что на том берегу Золотого Рога, — ожидали они вроде бы внезапного нападения турок с моря, посему и не оставили постов своих. Не было многих горожан и купцов, ибо покинули они Город. Не было в Храме

и мастера Урбана. Сей искусный муж родом из Венгрии служил немало лет базилевсам в деле пушечном, да только оставил службу и к нехристям переметнулся. Говорили, что посулил ему султан вдвое больше золота, а мастер не стал раздумывать. Не было в Храме и патриарха Георгия Мамми, бежавшего в Рим, папскую туфлю лобызать — то ли со страху, то ли преисполнившись благодати латинской. Вместо него вел службу митрополит Геннадий Схоларий, ученик неукротимого Марка Эфесского. Уж таких-то противников Унии еще поискать надо было, да только одна беда — страдал митрополит более всего занять престол патриарший, от того все беды его и приключались.

В этот день все они стояли с непокрытыми головами — друзья и недруги, православные и латиняне, старики и отроки, динаты и простолюдины, севастократоры и стратопедархи — и молились бок о бок. У всех были свои помыслы да дела свои. И настолько увлеклись люди бранным, что позабыли о вечности. А вечность такого не прощает.

Прислуживал митрополиту Геннадию инок Димитрий. Когда же завершилась литургия и покинули люди Храм, поднялся инок на солею и долго всматривался в сияющий купол. Видел он там одну лишь мозаичную Перивлепту, ничего более, но продолжал беззвучно звать, пока не услышал ожидаемого:

— Чего тебе надобно, брат Димитрий?

— Я пришел к тебе, божест... сестра, дабы спросить — не будет ли ко мне обращено каких твоих пожеланий?

— Нет, брат, ступай, укрепляйся духом. Доброго дня тебе.

Опустил инок голову и побрел вон из Храма, но уже у самых дверей окликнули его:

— Пстой, брат! Слыхала я, во Влахерне расцвели розы... Хотелось бы мне... почувствовать запах... Ежели принесешь цветы, просто положи их на алтарь. Я буду благодарна тебе за это, очень благодарна.

25 мая 1453 года

Поэтому и непорочная владычица, мать Христа, Бога нашего, во все времена царствующий град хранила, и берегла, и от бед спасала, и избавляла от тяжких напастей. Вот таких великих и неизреченных благодеяний и даров пресвятой Богородицы удостоился город сей, с которым, думаю, и весь мир не может сравниться. Но так как по природе своей мы грубы сердцем и нерадивы, и, словно безумные, отворачиваемся от милости Бога и щедрот его к нам, и обращаемся на злодеяния и беззакония, которыми гневим Бога и пречистую его мать, и славы своей и чести лишаемся, как писано: «Злодеяния и беззакония разрушат престолы могучих», и еще: «Источат гордые мысли сердца их, и низвергнут могучих с престолов», — так и этот царствующий город бесчисленными согрешениями и беззакониями лишился стольких щедрот и благодеяний пречистой Богоматери и в течение многих лет страдал от неисчислимых бед и различных напастей.

— Утро доброе, сестра Мария.

— Доброе, сестра София.

— Как почивали, брат Иоанн?

— Благодарствую, сестра. Не жалуемся покамест. Ночью, говорят, галеры турецкие вышли в море...

— Не мешал ли кто, сестра Ирина?

— Нет, сестра. В Акрополисе было покойно.

— Подле Харисийских ворот ночью шумело воинство латинское.

— И что же, брат Георгий? Это нарушило твой покой?

- Ну... латиняне — это ведь не турки, правда?
- Спокойно ли на Триумфальной дороге, брат Андрей?
- Спокойно, сестра София.

— Сестра! А правду ли говорят прихожане, что Мехмед обложил Город ратью бесчисленной, как песок на берегу моря Мраморного? И что переволокой затащили турки в Золотой Рог корабли свои, а генуэзцы из Галата перешли на их сторону? Правда ли, что ни один из христианских государей не пришел нам на помощь? Что делать нам, сестра?

- Что делать? Что всегда. Стоять, братья и сестры! Стоять!

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая...

По обыкновению стоял инок на коленях в пустом Храме и молился. Поутру пришел он с охапкой влахернских роз — кроваво-алых и девственно-белых, чуть тронутых розовой дымкой восходящего солнца и багрово-пурпурных, нежных и величественных. Они распустились на рассвете, капли росы еще сверкали на лепестках, подобно алмазам. Она издала почуяла их аромат, аромат еще не умерших цветов. Он отличался от того еля, коим потчевали Ее каждый божий день. Запах роз... Она чуть не забыла, как он прекрасен. Инок положил цветы на алтарь и ушел, а когда вернулся к обедне — их уже не было. Тогда обратился он к Ней:

— Возлюбленная сестра моя! Раз владеешь ты сокровенным знанием — скажи, как случилось так, что вечная и непоколебимая империя, простоявшая тысячу лет, подобно скале, вдруг рушится в одиночасие?

Она задумалась. Непросто было объяснить ему то, что не имело объяснения. Все беды одновременно обрушились на империю. Перевелось в ней золото, не стало хлеба, нечего стало есть, нечем платить за еду. Плохо управлялась империя — то одни базилевсы приходили, то другие, перстами водили все в разные стороны. Не было порядка должного, осмелели динаты с деспотами, каждый делал что хотел, ни на кого не оглядываясь. А тут с Востока да с Запада тучи ветром нагнало. Но такое бывало не раз, почему же только ныне начало рушиться здание тысячелетнее? Не потому ли, что не менялось оно со дня своего основания — хотя мир вокруг ох как изменился? Не потому ли, что не могло оно меняться, ибо были крепко-накрепко сложены его стены из глыбин гранитных, залитых густым раствором? Когда трясется земля, рушатся дворцы да колокольни высокие. Не могло сие здание быть перестроено, могло оно только рухнуть. А те люди, что возводили его, устали и выдохлись, не построить им теперь нового. Подумала Она так — и ответила:

- Она просто состарилась, брат мой. Империи старятся так же, как и люди.

— Но что делать нам, простым смертным? Как противостоять той черной мгле, что окутывает сердца наши? Поглотит ли она их? Или свет однажды пробьется сквозь тьму?

- А как бы ты хотел, брат?

Непривычно было иноку. Впервые слышали его там, наверху, — прежде-то все молитвы уходили под сияющий купол, как дым в облака.

— Я хотел бы, чтобы после долгой ночи наступило утро и солнце, вставая над Босфором, золотило бы кресты на куполах.

- А ежели ночь будет долгой, очень долгой?

- Да пусть хоть сто лет она длится — главное, увидеть рассвет!

— Сто лет, говоришь? А двести, триста, пятьсот? А целую тысячу? Согласен ли ты тысячу лет ждать рассвета?

- Я согласен на все, лишь бы это было не напрасно.

Она помедлила, хотя медлить было уже нельзя.

— Брат мой... Мнится мне, что готов ты постичь предназначение свое. Так слушай же. Есть в Городе святыня нерукотворная. В ней заключена частичка души всех живущих. Слышал ли ты, брат, про Одигитрию?

— Да кто ж не слышал о ней! — воскликнул инок. — Чудотворная икона Пресвятой Богородицы, небесной покровительницы Града нашего. Исполнена она, говорят,

евангелистом Лукой, привезена со Святой земли императрицей Еленой, матерью императора Константина, который основал наш Город. Сейчас на сохранении она во влахернском храме Святой Марии. И вправду — нет у нас святыни более ценной и хранимой.

О да! Не было в граде Константина того, кто хоть раз не слышал бы об Одигитрии! Ей молились, оклад ее покрывали поцелуями, до блеска отполировав драгоценный металл. Но никто не знал о ней того, что знала Она. Великая сила сокрыта была не в самой иконе, а в хранящейся в ней Омофоре — куске белой ткани, что была, по преданию, нерукотворным покровом Богородицы. Стоило омочить полы Омофоры в волнах Золотого Рога и воззвать к высшим силам о спасении, как откликались они, поднималась страшная буря и сметала все, что угрожало Великому Городу, — но сам Город обходила сия буря стороной. Никогда не пыталась Она объяснить людям, что такое Омофора, откуда сила ее. Люди верили в Богородицу, им проще было думать, что Дева Мария защищает их. Она с этим смирилась, да и Ей так было покойнее. Но была Омофора не всесильна — могла она спасти только трижды. Дважды бушевала уже буря, вызванная ею. Теперь мог спастись Город всего один, последний раз.

Когда-то давно осадили Константинополь русы-язычники, приплывшие с Севера на ладьях, — все море вокруг, насколько хватало взгляда, было заполнено ими. Страшно бесчинствовали варвары у стен Города, грозясь превратить его в руины, жгли дома и истребляли люд ромейский. Вышел тогда на берег Золотого Рога крестный ход, и впереди патриарх Фотий нес Омофору в руках. Омочил он полы ее в волнах морских и воззвал к Богородице. Говорят дальше, что услышала его Богородица и накрыла город белым своим покровом. И пошел вдруг сильный снег — да такой, что в двух шагах ничего не было видно, а было то в летнюю пору. Говорят еще, что видели в тот день над заливом женщину со светящимися крылами за спиной и царским венцом на челе, всю преисполненную небесным светом, с белым платом в руках, что шла будто бы по воздуху. Ну и порешили с тех пор, что защитила Город сама Богородица. Она с людьми не спорила, для нее главным было, что был Город спасен. На спокойном дотоле море поднялась вдруг страшная буря — ладьи русов тонули, как скорлупки, раздавленные стеной воды. Не выдержал такой бури Скъельдольф, безжалостный конунг русов, и отдал приказ ладьям своим отойти восвояси. В священном ужасе повернул великий воитель свой непобедимый флот. Он, никогда и ничего не боявшийся и ни пред кем не отступавший, ушел вдруг обратно на Север, никем не гонимый. Так спасен был Город в первый раз.

С тех пор хранили бережно святыню, глаз с нее не спускали. Когда захватили латиняне Константинополь и бесчинствовали в нем, посадив на престол нечестивого Балдуина, Одигитрия чудотворная сокрыта была иноками, исповедовавшими истинную веру. А когда первый император из рода Палеологов, Михаил, снова занял дворец во Влахерне, вернулась Одигитрия в свой Город, чтобы уже не покидать его. Тогда и построили для нее церковь — Святой Марии во Влахерне, — дабы нерукотворный образ лучше сохранился в рукотворном, и никто об этом не ведал. Только блаженных изредка посещали видения, в которых преисполненная света крылатая женщина, принятая ими за Богородицу, протягивала к ним руки свои с развевающейся по ветру белой Омофорой. Она улыбалась, ибо блаженные, подобно другим, тоже ничего не ведали.

Прошли годы — и вновь сгустились черные тучи над Градом Константина. Почти полвека назад турки впервые вторглись в пределы благословенной империи и одолели союзное ромеям воинство царя сербского Лазаря на поле Косовом. Поклялся тогда нечестивый султан Баязид, прозванный подданными своими Молниеносным, всем чародейством своим, что возьмет Константинополь и воссядет на троне базилевсовом. И не только поклялся — осадил Город с моря и суши. Купцы генуэзские да венецианские пошли уже к султану на поклон — как мало изменились они с тех пор! Прямой и короткой была дорога Баязида на Град Константина — да только не судьба была ему пройти по ней. Вынес патриарх тогдашний во второй раз Омофору к берегу Золотого Рога, омочил полы ее в волнах морских и воззвал к Богородице. Ничего не случилось в тот миг — не пошел снег

сплошной стеной, буря не разыгралась. И даже помыслили маловерные, что потеряла Омофора силу свою. Да только ошибались они.

На другой день ушли вдруг турки из-под стен городских, растаяли галеры их в дымке морской. А через некий срок узнали в Городе — поднялась большая буря далеко-далеко, на Востоке, поднялась — и накрыла поганое царство турецкое. Пришел по душу османскую великий и страшный воитель Тамерлан, прозванный Железным Хромцом. Не оставлял он после себя в захваченных землях ни одного живого человека, будь то муж, жена или ребенок.

Перед битвой при Анкаре встретились Тамерлан и Баязид на поле брани. Едва взглянул султан на пришельца с Востока, как смертельная тоска охватила чародея. На черном знамени Тамерлана расправил крылья свои золотой дракон, как бы попирающий когтистыми лапами весь мир. На зеленом же знамени Баязида красовался полумесяц. Не хотел Баязид верить в судьбу свою, хотя давно уже была она ему предначертана. Оглядывая знамя врага своего, сказал султан надменно: «Какая наглость думать, что тебе принадлежит весь мир!» В ответ, показав рукой на знамя султаново, произнес Тамерлан: «Еще большая наглость думать, что тебе принадлежит луна!» Ошиблись две рати, взял золотой дракон верх над полумесяцем. Поглотила черная буря с Востока Баязида со всем воинством его — и будто бы растаяла. А самого султана Тамерлан держал в клетке, разговаривая с ним подолгу, пока тот не испустил дух в страшных мучениях. Не помогло Баязиду его чародейство. Ему ли было идти против судьбы?

И не ведал никто, отчего это вдруг объявился Железный Хромец в такой дали от степей своих, почему шел он на Север — но свернул вдруг с проторенного пути. Только Она знала, в чем дело. Там, на Севере, почти дойдя до богатых сарматских земель, взял и сжег по обыкновению Тамерлан безвестный город, а в ночь после этого явилась пред войском его крылатая женщина с царским венцом на челе, идущая как бы по воздуху, вся в лучах солнечных, и держала она в руках белое покрывало, как бы простирая его над землями сарматскими и закрывая путь. Узрев ее покрывало, в священном ужасе повернул великий воитель свое непобедимое воинство. Он, никогда и ничего не боявшийся и ни перед кем не отступавший, вдруг ушел обратно в свои степи, никем не гонимый. И присыпал следы от копыт скакуна его снег, неожиданно выпавший летом.

Погнала Омофора бурю туда, где не ждали ее, и обрушила ровнехонько там, где нужно было. И хотя не ведали ромеи про то доподлинно, но сходство жены, явившейся Тамерлану, с той, что показалась когда-то над Золотым Рогом, было несомненным. И укрепились тогда в Городе вера, ибо поняли люди, что и на сей раз спасла их Одигитрия, укрыла своим покровом, подняла бурю на Востоке, сокрушившую врагов на Западе. Возносились в Храме похвалы Богородице, и Она была рада.

Но прошли годы — снова окутала Город черная туча, и посвященные тогда вновь обратили взоры свои на Одигитрию. Последний раз предстояло ей укрыть Город, последний раз сокрушить врагов... И спросила Она инока, помедлив какой-то миг:

— Только ли иконой славна Одигитрия? Не припомнишь ли, брат Димитрий?

— Конечно же, образом чудотворным! А чем же еще, сестра?

— Значит, не ведаешь ты... Ну так слушай. Сила заключена не в иконе. Икона — это только вместилище. Сама же святыня сокрыта внутри нее от жадных глаз людских. Это — Омофора, которую почитают как нерукотворный покров Богородицы. Обрели мы реликвию сию давно, очень давно. Императрица Елена, благословенная мать императора Константина, по основании Города привезла ее со Святой земли, а уж как она ее там добыла, то долгий разговор. И настрого наказала всем перед смертью императрица — не отдавать Одигитрию в чужие руки, ибо сила в ней страшная и не всякому под силу совладать с ней. Понимаешь ли ты меня, брат?

— Понимаю, сестра. Должен ли я укрыть святыню от поганых?

Он не видел, как Она торжествует.

— И такая сила в Омофоре, что горы разгладит равниной, а равнину вздыбит горами, поворотит русла рек, небо опустит на землю, а море поднимет до самых облаков. Негоже,

чтобы попала она туркам в лапы. Не миновать тогда беды. А время пробудить силу ее не настало еще. Не настало... Так слушай. Завтра пойдет крестный ход с Одигитрией. Поднимут ее на носилки пышные, вынесут из храма Святой Марии и двинутся по всему городу — по Влахерне, мимо Харисийских ворот и церкви Святого Георгия, по Средней улице, мимо форума Феодосия, до самых Друнгарийских врат, а оттуда — к берегу Золотого Рога. Там извлечет митрополит Геннадий из иконы Омофору, и полы ее омыты будут в воде с молитвою. Много людей прошествуют вслед за иконой, бережно будут иноки нести ее по Городу. Тебе же предстоит незаметно для всех взять икону, сдвинуть оклад, вынуть оттуда реликвию и сокрыть ее, а икону возложить на место прежнее, как стояла, дабы никто не заметил пропажи. Возьмешься ли за такое, брат?

Опешил инок. Впервой ему было думать о том, как украсть, да не кошелек у купца какого, а такую святыню.

— Но как можно сотворить такое на глазах у толпы?

— Ты ответствуй сперва — возьмешься или нет. А ежели возьмешься, то будет тебе от меня помощь.

Изумился инок:

— Если во власти Твоей сделать видимое невидимым, то почему Тебе, сестра, не сокрыть сию реликвию? Ведь тогда не нужно будет Тебе полагаться на хромого и недостойного...

— Так ты отказываешься, брат?

— Нет! Как можно, сестра? Я сделаю все, что Ты пожелаешь. Разум мой слаб, как и любой разум человеческий — не может он постичь промысел высший, но должен только следовать за совестью, а маяк сей отныне ярко светит мне.

— Итак, ты согласен?

— Да!

— Так слушай же. Нет у меня ни рук, ни ног, не могу я взять Омофору и сокрыть ее. Но могу я сокрыть тебя вместе с ней. У всякой святыни должен быть хранитель. Святыня без хранителя все равно что книга без букв. Без хранителя Омофора — кусок материи, не слишком белой, не слишком чистой, в коей нет ни силы, ни ценности. Как хранитель мыслит о святыне — так и пребывать ей вовеки. Я не смогу быть хранителем — мне скоро покидать эти края...

— Навсегда?

— О нет, брат! Не бойся. Я вернусь. Правда... будет это не скоро. Тебе выпало дожидаться меня и сохранить реликвию к моему приходу. Но теперь слушай внимательно. Слушай и запоминай. Нынче ночью захворает инок в церкви Святой Марии. На рассвете придешь ты к отцу-настоятелю и попросишься у него нести носилки с иконой. Возрадуется он приходу твоему и сразу позволит то, что просишь, на хромоту твою даже не посмотрит. Когда будете с другими братьями нести икону по Средней улице, жди удобного случая — как выпадет он, сразу поймешь. Едва случится это, незаметно для других возьми икону и достань то, что внутри нее спрятано. Укрой это под фелонью и не оставляй ни днем, ни ночью. А теперь — ступай...

Склонился инок в поклоне и тенью скользнул мимо мозаичных стен — хромота уже не мешала тому, кому был открыт смысл.

26 мая 1453 года

Так вот и ныне, в последние времена, по грехам нашим, — то из-за нашествия неверных, то из-за голода и болезней, то в междоусобных распрях, — утратили могущество свое сильные, и обнищал народ, и в уничижение впал город, и ослабел безмерно, и стал точно шалаши в саду и словно амбар посреди цветника. Узнав обо всем этом, властвовавший тогда турками безбожный Магомет, Амуратов сын, который жил в мире и согласии с

цесарем Константином, поспешно собрал множество воинов на суше и на море и, неожиданно приступив к городу, окружил его большими силами.

— Утро доброе, сестра Мария.

— Доброе, сестра София. Только не такое уж оно и доброе...

— Что-то встревожило тебя, сестра?

— Непокойно было ночью, я глаз не сомкнула. И слышала все время — турки били в свои барабаны...

— Я тоже слышал, сестра! Их неисчислимое множество! Мне слышны были даже говор чужой и ржание лошадиное! Прихожане слезами заливаются — жечь и убивать идут поганые. Вроде потребовал султан сдачи Города и посулил свободный выход из него жителям, но базилевс отказался...

— И что же, брат Георгий? Ты полагаешь, ошибся базилевс?

— Разве базилевсы ошибаются, возлюбленная сестра? Только чует мое сердце... Говорят еще, что турки взяли приступом две крепостицы в предместьях — Ферапию и Студиос — и всех пленных оттуда вздели на колья прямо пред стенами городскими...

— Богородица, сохрани и помилуй!

— Ох, что же будет-то?! Море все заполонили галеры турецкие. Узрели поутру парус белый на горизонте. Подумали было, что вот он, флот долгожданный, посланный нам на подмогу государями христианскими. Да только оказалось, что наш это корабль, и плавал он на Запад за помощью да вернулся ни с чем...

— Что поделаешь, брат Иоанн. Разве должен Запад помогать нам? Разве не самим нам отвечать за себя? Спокойно ли на Триумфальной дороге, брат Андрей?

— Всю ночь воины шумели, ходили туда-сюда, под утро громыхали повозки с камнями. Непокойно было, сестра.

— Не мешал ли кто, сестра Ирина?

— Нет, сестра. В Акрополисе было покойно. Слишком покойно... Опустели дома и улицы, не слышен детский смех...

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и всех событий его...

На другой день случилось все так, как и предрекала иноку Димитрию новоиспеченная сестра его. Едва поутру пожаловал инок в церковь Святой Марии во Влахерне — а отец-настоятель уж встречает его с распростертыми объятиями. Всю ночь трудились иноки на стенах, таскали камни, месили раствор — иные и поныне заняты были сим делом богоугодным. Один из иноков упал с лестницы, ушиб себе бок, лежать ему еще долго. Димитрий был хромым с рождения, посему не брали его на стены, но для того, чтобы нести носилки с иконой чудотворной, дано было ему достаточно сил. Не смутил калека-инок отца-настоятеля, на все была воля высшая.

Ясным было небо в тот день, лазоревым, ярко светило солнце, как будто и не было вовсе турок и латинян, Востока и Запада, а была лишь она, молодая и сильная империя, со священным Градом в сердце, а вокруг цвела вечная весна. Тихо вынесли иноки из церкви носилки пышные с образом, тихо прошли по Влахерне, ибо мало людей встречало их среди дворцов да хоромин заброшенных.

Когда-то легенды о неземной красоте чертогов императоров византийских ходили по всему свету, но дала слабину империя, сокрушили ее коварные латиняне, прошли по ее величию коваными сапогами. Тогда порушен был Великий Город, сожжен и разграблен. Она не забыла, как выламывали «рыцари Гроба Господня» золотые кресты, усыпанные самоцветами, из алтарей, как лакали брагу из церковных потиров, как жрали, давясь, истекающее кровью мясо с дисков храмовых и как бродили потом по улицам, пьяные аки свиньи, увешавшись драгоценными женскими уборами. Времени немало прошло с тех пор. Раны, оставленные Западом, затянулись слегка, но вылечить их было не под силу никаким лекарям. Потому и стояла некогда кичившаяся роскошью Влахерна в руинах и запустении. Зато разрослись в ней розы — а Она их очень любила.

Прошла процессия по пустой Влахерне, вышла к Харисийским воротам и церкви Святого Георгия — а уж там встречал ее народ. Воины, монахи, купцы, простой люд — все вышли просить Богородицу о заступничестве. Каждый жил здесь и сейчас, и тяжело было людям думать, что время для заступничества еще не настало. Толпы народа стояли вдоль Средней улицы, каждый хотел увидеть образ и поклониться ему, а иные — так и дотронуться. Но зорко охраняли святыню иноки, шли через толпу, как судно по волнам — прямо, гордо и никуда не сворачивая. Опасался Димитрий, что не выпадет ему удобного случая при таком-то скоплении народа сделать дело свое, но укреплял неустанно себя в вере и ждал знака. А ждущий всегда дождетсЯ.

Как дошел ход до пересечения Средней улицы с Триумфальной дорогой, затянуло небо белесой пеленой — почти такой же, что заставила некогда убраться восвояси жестокого конунга русов. Но недоброй была эта пелена, сердитой какой-то. Да и раньше положенного времени надвинулась она — не были еще омочены полы Омофоры в волнах Золотого Рога. А как дошла процессия до форума Феодосия, потемнело небо, как ночью, загрохотал гром, первый в этом году. Испугался народ, креститься начал. И понял Димитрий, что вот, настал его час. Как ступили они с форума на улицу, ведущую к воротам Друнгарийским, так полил ливень, да с таким крупным градом, какого не видели в этих местах. Вода текла со всех сторон, сверху и снизу, поднимаемая ветром. На узкой мощеной улице поднялась она выше колена, снося людей. Криками наполнился Город. Хотели иноки прикрыть бесценный образ от дождя хламидами своими, да только накренились носилки — и упала на камни икона чудотворная.

Недобрый знак это был. Не пришла еще пора Богородице защищать Город. И тогда обуял людей суеверный ужас, падали они в воду и рвали на себе волосы. Один лишь Димитрий не растерялся, ибо был он избран и ведомо ему было более, нежели другим. Пока братья его и простой люд стенали да руки заламывали, подхватил Димитрий икону, почти из воды ее выудил, укрылся с ней за носилками перевернутыми, раздвинул оклад и быстро сунул за пазуху то, что внутри нащупал. Никто не заметил этого, а когда носилки были-таки подняты, водрузил на них Димитрий спасенную от воды икону, как будто и не падала она. Тут буря и прекратилась — так же внезапно, как началась. Никакого вреда не нанесла она туркам — ни на воде, ни на земле. Недоброе это было знамение. Повернул ход крестный обратно в церковь Святой Марии. Опустилась на Город печаль.

Уже ввечеру еле-еле добрел Димитрий по залитым водой улицам до Храма. Тут и здоровому мужу несладко пришлось бы, не то что увечному. Вошел в Храм — и сразу к Ней.

— Сестра! Вот, я принес то, что просила ты!

И занес он руку, дабы вытащить из-за пазухи Омофору, но услышал:

— Тише, не надо! Я уже чувствую, что здесь она, у твоего сердца. Благодарю тебя, брат Димитрий. Теперь сохрани реликвию — не говори о ней никому, не расставайся с ней и не выходи из Храма. Спать можешь на хорах пустых. Здесь смогу я защитить тебя. А как придет время закончить то, что начато, — оповещу тебя.

Говорила Она слова сии, и купол будто бы наполнялся сиянием. Не понял инок — то ли в глазах у него светится, то ли в паникадилах масла прибавилось. Только светло стало вокруг, и мозаика под куполом вся зажглась, заиграла золотыми искрами. Такова была улыбка сестры его. Но тут услышал инок шаги. Кто-то вошел в Храм. Был поздний гость высок и закутан в темный сагион. Сразу узнала Она его, хотя и был он одет в плащ простого ратника. Узнала по особенной осанке и поступи — такая бывает только у багрянорожденных. Повинуясь знаку Ее, бесшумно скрылся инок среди колонн.

Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить...

К Ней обращал он молитву свою — хотя и не ведал о Ней ничего доподлинно. Она и прежде говорила с базилевсами — с теми, кто готов был слышать Ее. Хорош был последний император, давно таких не видала Византия. Не так важно, как жила империя, — важнее, как она погибала. Шептали губы его:

— Прости меня, Господи! Нет, можешь и не прощать — пощади хотя бы их! Много грехов вершилось, много ошибок было сделано. Пусть все на мне будут. Если б не я — процветал бы народ ромейский...

Наговаривал на себя базилевс. Делал он все, что возможно. И что невозможно — тоже делал. Все ждали голода в Городе осажденном, но отдал он последнее золото из казны, купил хлеба, и каждая семья получила себе пропитание — немного, но достаточно, как раз чтобы не голодать. Все ждали, что в осажденном Городе не будет воды, но загодя повелел базилевс починить древний резервуар — Цистерну Базилику, — построенный еще при основании Города и питавшийся подземными источниками. Располагался он под землей, вели к нему пятьдесят две ступени, по которым и днем, и ночью теперь таскали воду. Велик он был, на весь Город хватало. Поддерживали Базилику над ним триста тридцать шесть мощных колонн, по двадцать восемь в каждом из двенадцати рядов. Не схватили Город за горло костистыми лапами ни голод, ни жажда.

— Не виновен ты, Константин. Встань с колен, — был ответ.

Но казалось базилевсу, что это сам он говорит с собой.

— Не виновен, речешь? Сколько раз предлагали мне сдать Город — и султан предлагал, и латиняне, и Джустиниани, и мегадука... Не слушал я их, стоял на своем, как осел упрямый. А ныне погублен Город, ибо не сможем мы удержать его.

— Думаешь, изменило бы согласие твое хоть что-нибудь? Или веришь до сих пор в лживые посулы султанские? Те, кому суждено погибнуть, — погибнут. То, чему суждено сгореть, — сгорит. То, чему суждено прорасти, — прорастет. Веками стояла империя на перекрестье дорог с Запада на Восток и с Севера — на Юг, из Черного моря — в Белое, питая и защищая мир христианский от диких орд. Теперь приходит конец служению ее. Не устоять Городу, но не твоя в том вина.

— Я мог бы забыть о гордости своей и признать первенство папы — но я не сделал и этой малости для народа своего.

— И что, полагаешь — обошлись бы латиняне с ромеями лучше, нежели турки? Или забыл ты, как хозяйничали рыцари в Городе твоём? Варвары с Запада мало чем отличаются от варваров с Востока.

— Я был недалновиден. Доверял не тем, кому надо доверять, изгонял тех, кто говорил мне правду. Я не думал о том, что впереди, и не помнил того, что сзади. Вина моя тяжка.

— Всякий человек ошибается. Не ошибается только Бог. Будь покоен, нет в том твоей вины.

— А кто, кто ж тогда ответит за все?

— Кто виновен. Один раньше, другой — позже, но ответят все. Латиняне ответят, когда узрят зеленые флаги с полумесяцем под стенами Вены, турки — когда за то, что ты турок, будут убивать еще в утробе материнской. Всяк за свое ответит, а кто не успеет — за того детям ответ нести. Иль усомнился ты в этом?

— Но что же делать мне? Смотреть на гибель Города своего и веры?

— Вера бессмертна, ежели это истинная вера. А вот Город... Знаешь ли, базилевс, — умирают все, только живут немногие. Всему приходит конец — городам и империям, автократорам и простолюдинам. Пал Рим когда-то — падут и иные империи Востока и Запада. Никто не избежал еще смерти. Только по-разному умирать можно. Возьми хотя бы предков своих, базилевсов: кто от удара ножом в спину преставился, а нож тот в руке брата был, кто от яда, подсыпанного супругой любимой, скончался в страшных муках, кто задушен был по приказу сына родного. Даже те, кто умирал на мягкой перине своей смертию, — разве не страдали они? Твоя же смерть будет иной.

— Погибнуть базилевсу как простому ратнику...

— Так что с того? Это лучшая смерть для базилевса, мало кто заслужил такую. Но тебе она пожалована будет в награду за стойкость твою и благородство.

— Только кого выбрать мне — магометан или латинян? Запад или Восток?

— Не делай выбора там, где нет его. Выбор между восходом и закатом — разве это

выбор? У тебя свой путь, ярко освещен он полуденным солнцем — так иди по нему!

— Может, лучше все-таки отворить врата туркам или отослать султану ключи от Города? Так я хотя бы спасу остатки народа ромейского.

Но молвила Она:

— Не нужно отворять врат, базилевс. Нам ли самим впускать нечестивых в Город?

Хотел император снова предаться молитве, но не мог, ибо завладел разумом его вопрос сей:

— Может, лучше все же отворить врата?

Но сказала Она ему:

— Не нужно отворять врат, базилевс. Пусть нечестивые сами войдут в Город.

И вновь приступил император к молитве своей. Но не стерпел и в третий раз спросил:

— А может?

И сказала Она:

— Не нужно отворять врат.

— Разве не сломают они их все равно?

— Но зато не сами мы впустим к себе Тьму. Тем и спасемся. Побеждает всегда тот, кто сражается с оружием в руках до последнего. Тот, кто идет вперед к цели, не оглядываясь по сторонам. Ступай же! Смерть твоя да искупит жизнь твоих предков.

Встребенулся базилевс:

— Кто здесь?! С кем говорю я?! Мой ли это голос призывает меня идти на смерть?

Но никто не ответил базилевсу. Тишина висела под куполом, лишь только эхо тихо шептало: «Кто здесь? Кто здесь? Кто здесь?» Слушал базилевс — но ничего не слышал, кроме гула ветра в пустых хорах. Выронил он из рук молитвенник в кованом переплете — гулким эхом прогромыхал он по мраморным плитам. И молвил Константин:

— Я слышал Тебя! Ты есть, Премудрая! Тебя не может не быть! Говорили мне, что Ты есть, — а я не верил. Давай же условимся, Премудрая. Если Ты есть — останусь я в Городе и исполню то, к чему влечет меня сердце, но чему упрямо противится разум мой. Если нет Тебя — я покину эти места, сяду на корабль и отплыву к братьям моим, деспотам морейским, а там, может, и до Рима доберусь. Выйду я сей же час из Храма. Если встретит меня полная луна, что светила, когда вошел я сюда, — значит, нет Тебя, и все это — морок. Если же луна будет сокрыта — значит, услышали мы друг друга. Прощай же, Премудрая!

Покинул базилевс Храм с беспокойным сердцем. Ну что же, прощай, последний и лучший из императоров. Было Ей грустно и легко. Она как будто видела — вот базилевс вышел на площадь, залитую светом лунным, готов уже он принять решение и покинуть Город, как вдруг... Тень закрыла луну! Сперва часть ее, будто откусив кусок от лунного диска, потом половину, потом — почти целиком, оставляя лишь месяц, столь любимый османами, а потом на Город пала тьма. Не ждал никто лунного затмения. Никому, кроме Нее, не было ведомо, что в эту ночь тень солнца закроет луну и погрузится Город в непроглядный мрак. Замер базилевс и встал посреди площади как вкопанный.

Видел затмение не только базилевс. Видели его жители Города и припали к стопам Богородицы, дабы защитила она их. Видели затмение и воины на стенах — и сжали они рукояти мечей своих да древки копий. Видели затмение и генуэзцы в Галате — и страх поселился в их сердцах, ибо клятвопреступление всегда будет наказано. Перекрестилась Елена Драгаши, а ныне инокиня Ипомони, увидев, как тень солнца закрыла луну, перекрестилась — и слезы потекли по ее щекам, более прекрасные, нежели адаманты из ее короны.

Запечатал Георге Бранкович перстнем своим гербовым послание к соплеменникам, стоявшим у стен Города под султанскими стягами, в котором просил он их не усердствовать при штурме, а в ответ обещал щадить нападающих. Как только скрылась луна, возрадовался князь сербский — верному человеку проще будет незамеченным проникнуть в лагерь турецкий. Запечатал и кондотьер Джустиниани перстнем своим гербовым послание к правителям города Генуи, в котором писал он, что бессмысленно отправлять на помощь

Городу войско, а лучше выждать, когда турки ослабнут при штурме, и тогда... Но как только скрылась луна, адская боль пронзила вдруг шею кондотьера, и не знал он, что это с ним творится.

Пересчитал мегадука Лука Нотар все свои монеты золотые, а когда померк лунный свет, охватил его страх, что они ему уже не понадобятся. Видел затмение и мастер Урбан — и показалось ему, что по такой тьме не найдет он дороги домой. Видели затмение и турки — и мнилось им в сокрытии полумесяца что-то жуткое, пали они ниц и взмолились Пророку своему. Видел затмение и Фома Катаволинос, апокрисиарий базилевсов, и почудился ему в ухмыльнувшейся черной луне лик смерти его лютой — в шлеме с головой дракона. Видел затмение и Лаоник Халкокондил, летописец. Видел и тут же записал: «25 мая 1453 года от Рождества Христова на Великий Град Константина пала тень лунного затмения».

Она все ведала, но не говорила никому, ибо никто не спрашивал. И знала Она, что в кромешной тьме на площади пред Храмом подошли к базилевсу три темные фигуры. Нет, были это не тати ночные, а милые его сердцу брат Феофил, отрок Иоанн и рыцарь Франциск, Возрадовалось сердце императора.

— Что делаете вы тут, по времени ночному? — спросил он пришедших.

— Тебя ищем, — был ответ. — Негоже тебе ходить одному в такое время. И в пустой дворец идти негоже, разговаривать там с тенями умерших. Пойдем-ка лучше в кабак, здесь неподалеку как раз есть подходящий. Там подают вино из Моравии, терпкое, его настаивают на смоле. Выпьешь — так сразу забудешь обо всем, только наутро в голове шуметь будет.

Рассмеялся император — в первый раз за последние десять лет:

— И что — по-вашему, станет базилевс пить эту бурду, к которой во времена предков его не всякий простолюдин притрагивался?

— Будет тебе, Константин! Раз уж суждено нам быть пьяными — уж сделаем это вместе и с радостью.

— А и впрямь, — ответствовал император, — пойдем, сразимся с этим редкостным вином! Опьянеть лучше, чем отступить.

И так вместе, рука к руке, направились они к таверне. У Нее навернулись слезы на глаза. Мраморный пол поутру залит будет плавленным воском, но некому будет счищать его. Да и нужно ли? Засветились стены и купол Храма, освещая во мраке путь тем, кто шел один по темной дороге. Видели сияние это жители Города и припали к стопам Богородицы, дабы простила она их. Видели сияние и воины на стенах — и еще крепче сжали они рукояти мечей своих да древки копий. Видели сияние и генуэзцы в Галате — и зависть поселилась в их сердцах, ибо оставшиеся в Городе были избраны, а их, отступников, обделил верой кто-то свыше. Инокня Ипомони перекрестилась, увидав, как воссиял купол Храма во мраке, перекрестилась — и улыбка тронула ее губы, более светлая, нежели когда-то парча на златотканом ее лоруме.

Видел сияние Георге Бранкович — и возрадовался, ибо счел сие знамением успеха непростого его предприятия. Видел сияние и кондотьер Джустиниани, и отступила боль в шее его, но недобрые предчувствия сжали сердце. Припрятал Лука Нотар свои деньги, а когда засветились стены Храма, пал он вдруг на колени и стал истово молиться. Видел сияние и мастер Урбан — и понял он, что не будет ему прощения, а дом его будет захвачен и разорен теми, кому служит он. Видели сияние турки — и снова пали ниц, молясь Пророку своему. Видел сияние и Фома Катаволинос, апокрисиарий базилевсов, и напомнил ему купол Храма голый череп, скалящийся в ночи. Видел сияние и Лаоник Халкокондил, летописец. Видел и тут же записал: «25 мая 1453 года от Рождества Христова Великий Град Константина озарился светом от купола Святой Софии».

К утру осажденный Город окутал густой туман.

27 мая 1453 года

А сам цесарь с патриархом и архиереями, и весь церковный

клир, и толпы женищин и детей ходили по церквам Божьим и молитвы и мольбы возносили, плача, и рыдая, и возглашая: «Господи, Господи! Грозно естество твое и непостижима сила; древле и горы, познав силу ту, затряслись, и все сотворенное содрогнулось, солнце же и луна ужаснулись, и блеск их померк, и звезды небесные ниспали. Мы же, несчастные, всем этим пренебрегли, согрешали и беззаконничали, Господи, перед тобой, и многократно гневили и озлобляли тебя, Боже, забывая твои великие благодеяния и попирая твои заветы, и, словно безумцы, отвернулись от милостей твоих к нам и щедрот, и предались злодеяниям и беззакониям, и тем далеко от тебя отступили. Все, что навел ты на нас и на город твой святой, по справедливому и истинному суду свершил ты за грехи наши, и не можем открыть мы уст своих, ибо нечего сказать».

— Утро доброе, сестра Мария.

— Разве может оно добрым быть, сестра София?

— Что-то тревожит тебя, сестра?

— Что тревожит меня?! Разве это не тревожит всех сейчас? Турки, кругом турки, эти нехристи, и несть им числа! Ночью, говорят, протасили они волоком мимо Галата свои галеры из Босфора в Золотой Рог. Вышли наши корабли в залив под утро, вел их капитан Тревизано. Напали они на турок с тыла, но позабыли, что в Галате засели предатели-генуэзцы, кои принялись кричать и стрелять им в спину. Потопили наши немало галер турецких, пожгли их огнем греческим, но и одно наше судно ушло под воду, а моряков с него турки казнили. Разгневался базилевс и приказал казнить пленников турецких да выставить их головы на стены. Ужас что творится! А тут еще и Омофору злодеи похитили...

— Защити нас, Богородица!

— Уверена ль ты, сестра, что похитили?

— Разве могу я ошибиться в этом? Чую я — нет ее более. Уносили образ с ней внутри, а вернули — пустым...

— И кому же могла она понадобиться, сестра?

— Мало ли нынче охочих до добра чужого!

— А может, и хорошо, что взяли Омофору-то? Все ж туркам не достанется. А что помогать она не стала нам — так на то воля высшая.

— И что же, брат Георгий? Полагаешь ты, что это вышняя воля?

— А как же иначе, возлюбленная сестра! И то, что враги стоят у ворот, — это тоже она, родимая. Видать, провинились мы в чем-то, сильно провинились... Скоро, ох, скоро обрушится на нас буря. Я-то и сам ночью глаз не сомкнул, прислушивался к шуму из-за стен.

— Да-да, сестра! Слышал я, сегодня поутру базилевс с воинами своими сделал вылазку, и много турок полегло под стенами — да только их все равно что песка на берегу морском.

— Ох, брат Иоанн, ромеев тоже когда-то много было — да только куда подевались все? Спокойно ли на Триумфальной дороге, брат Андрей?

— И днем и ночью ходят по ней латники туда-сюда, гремят оружием. Не спасет нас на сей раз чудо, как спасало когда-то. Об этом печалюсь.

— А у тебя что, сестра Ирина?

— В Акрополисе тихо. Слишком тихо...

— Так что же все-таки делать нам, сестра?

— Что делать? Что всегда. Стоять!

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой...

Молился нынче в Храме, стоя на коленях, без малого весь Город. Растаял белесый туман, обнажив правду горькую. В последний раз Мехмед потребовал сдачи Константинополя и посулил свободный выход из Города всем жителям. Базилевс же

предложил ему выплатить дань боле обычного — а платил он ни много ни мало, триста тысяч серебряных монет в год! — только чтобы оставить Город под скипетром базилевсовым. «Отдать же Град невозможно ни мне, ни кому другому из живущих в нем. Духом единым все умрем по воле своей и не пощадим живота своего», — таков был ответ императора Константина. Передан он был султану через Фому Катаволиноса. С тем оный Катаволинос от базилевса своего и отложился. А уж как рвал и метал султан — так и не передать словами. Казнил он немало своих сподручных — за то, что проспали вылазки ромеев на море и на суше, — и поклялся, что по обычаям ислама отдан будет Город на три дня на поток и разграбление. Скоро, скоро обрушится гнев султанский на Град Великий!

В этот день многие друзья и недруги, православные и латиняне, старики и отроки, динаты и простые люди, севастократоры и стратопедархи малодушно молили Константина, дабы оставил он Город — для того якобы, чтобы вдали от опасности собирать войско, что однажды очистит Град Великий от нехристей поганых, которых намеревались они впустить. Но тверд был император, высоко держал он главу свою: «Немало героев, великих и славных, за отечество свое жизнь отдали. Мне ли не сделать этого? Нет, государи мои, если суждено мне погибнуть — погибну здесь с вами». Не было больше уныния и нерешительности. Прошло время страха. Наступило время стойкости.

Во всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душою и твердым убеждением, что на все Твоя Святая воля...

Едва рассеялся туман, полетели в сторону Города ядра, несущие смерть и разрушение. Супротив укреплений Феодосиевой и Ираклиевой стен стояли четырнадцать батарей, а недалеко от шатра султанского поставил мастер Урбан свою бомбарду длиной в сорок пядей, с жерлом в девять пядей и толщиной железа — в целую пядь.³² Могла она стрелять всего пять раз в день — но какие это были выстрелы! Содрогалась и стонала от них земля. Хорошо еще, что наводчики у орудий были плохи, большая часть ядер не долетала до стен, а те, что долетали, падали не туда, куда направляли их. Повелел султан придвинуть батареи ближе к Городу — но напрасно, ибо погибали орудия из-за подкопов да вылазок ромеев. Повелел султан засыпать побольше пороха — да только начали рваться пушки, полетели осколки в шатер султанский, чуть самого не покалечили. Тогда повелел султан поставить пушки на галеры и стрелять по Городу со стороны Золотого Рога, там, где стены были тоньше и ниже. Но взволновалось море, полетели ядра мимо целей, орудия же сорвало и бросило в волны.

Тяжелые времена настали для защитников Города. Рушили ядра стены и башни, немало там людей голову сложило. От ударов своих же орудий турок гибло больше, много больше, но что им сей урон? Слишком мало осталось защитников у Города, все вышли на стены — не только воины, но и старики, и жены, и даже отроки. Все, кто мог держать оружие в руках. И стоило туркам пойти на приступ, как встречали их пули, стрелы, камни и огонь греческий. Заговорила пушка Урбана — и посыпались камни со стен, но выстояли стены. Летело раскаленное железо в город, и всякое ядро не падало на землю, но находило себе жертву — церковь, дом или плоть живую. И хотя сыпалась с неба смерть, как град стальной, никто не покинул постов своих, никто не побежал, только крепче сжимали оружие защитники Города.

Остался инок Димитрий один в опустевшем Храме. Все братья, кто мог на ногах стоять, ушли на стены — а и было там нынче не по-весеннему жарко. Сюда же не долетали ядра, посему и остались здесь только пара немощных старцев, женщины да калеки. Но звук... Звук падающих ядер терзал слух, и вздрагивали все, когда говорила пушка Урбана.

— Сестра София! Сестра! — позвал Димитрий Ту, которой обязан был надеждой. — Сестра, вышли все сроки. Что делать мне далее? Как сохранить святыню, как спрятать ее от нечистых? Ведь найдут ее турки. А ежели не найдут, так просто убьют меня да бросят в яму — калека им без надобности, меня и на рынке не продашь, никто не позарится. Или сгорю на

³² Пядь — 17–20 см.

пожаре. Погибнет Омофора, истлеет в огне, вымокнет в грязи да в крови. Как уберечь ее от напастей сих?

— Готов ли ты, брат?

— Зачем спрашивать — разве есть такое, на что я не готов?

— Тогда слушай. Когда турки ворвутся в Город, будь здесь, в Храме, вместе с людьми. Никуда не отходи, держи при себе святыню. Не терзайся понапрасну — не пропустишь ты, как откроется для тебя путь спасительный. Никто другой не сможет за тобой проследовать, ибо откроется сей путь только для тебя.

— А что там, на пути?

— Разве важно это?

— Нет, но... почему мы должны прятаться? Почему не омочить полы Омофоры в волнах Золотого Рога и не испросить у нее помощи? Неужто откажет?

— Не откажет, брат, не откажет. Но время еще не пришло.

Ясно стало Ей, что не смогли пока слова Ее убедить инока. И сделала Она еще одну попытку:

— Возлюбленный брат мой! Нынче гибель Города видится тебе концом света. Но это не так, далеко не так. Погибнет Город — но люди останутся. Греки, турки, генуэзцы, сербы... Много останется и других людей. Будут они рождаться и умирать, пить и есть, воевать и строить, радоваться и грустить. Но всему приходит конец. Погибла империя ромеев — погибнет и империя турок, и империя латинян. Никто не избежал еще гибели. Но однажды придет день, когда не Город ждать будет последнего своего часа, но весь род человеческий. Поднимется большая волна на Западе, но двинется навстречу ей такая же волна с Востока, вскипят валы с Юга — но встретятся они с такими же валами с Севера. Схлестнутся они, и ничто не устоит, а полю битвы снова быть здесь. И будет война сия уже не для покаяния, а для истребления. Где она пройдет, там людей не останется. Железо будет гореть, а камни — плавиться. Огонь и дым с пеплом поднимутся до неба, и земля сгорит. Вот тогда и скажет реликвия слово свое.

— Неужто и за это тревожишься Ты?

— А кому за это тревожиться, кроме меня? Я в ответе за всех, кто живет, кто умер и кто будет жить, ибо все люди — единое целое, хотя они про это и не ведают. Впереди у тебя, брат, много времени, подумай об этом.

Падали ядра на Город, и вздыхал он каждый раз, когда говорила пушка Урбана. Тяжко ранен был Город, но покамест жив и не намерен сдаваться. Были времена, когда стояла столица империи, колеблемая ветрами, и не знала, куда ей преклониться, но времена сии миновали. Теперь не боялась Она за Город. Земной Град построен для того, чтобы разрушенным быть, небесный же нерушим вовеки. Заботило Ее иное. Провидела Она все, что было и что будет, все было открыто Ей, посему жертвовала Она дорогим для Нее во имя спасения еще более дорогого. Черные тучи сгустились над Городом. Но когда те же тучи сгустятся надо всем живущим — на что уповать ему? И вот уже слышала Она голоса из прошлого, настоящего и будущего, и так они перемешались, перебивая друг друга, что сложно было Ей понять, откуда идут они.

Мы будем воевать с теми, которые не веруют в нашего Бога, покуда они не будут давать выкуп за свою жизнь, обессиленные, уничтоженные!

Сколько раз слышала они эти слова! Разными были имена богов, разными были имена людей — но главное оставалось неизменным.

Мы предупреждаем поклоняющегося кресту: ты и Запад будете разбиты!

И смотрела Она это с тревогой и болью.

Мы ломаем крест и выльем вино!

Все люди были похожи друг на друга, как братья единоутробные. Впрочем, разве не братья они?

Мы завоюем весь мир!

Разве не одна и та же кровь течет в них, в людях?

Мы перережем горло неверным, а их деньги и дети станут трофеями наших воинов!

И вина ли братьев в том, что так жестоки они друг к другу?

Мы говорим неверным: ждите того, что сокрушит вас!

Все они равно молятся Богу, уповая на облегчение страданий своих и усугубление страданий ближнего.

Мы продолжаем нашу священную войну!

Как будто слышит Он их. А впрочем — слышит.

Мы не остановимся до тех пор, пока знамя единости не пролетит по всему миру!

Только хороший слух у Него, и всегда по мощам воздает Он елей.

У вас не будет другого выбора, кроме как принять истинную веру или умереть.

Вставала, вставала черная волна на Востоке, но поднималась навстречу ей такая же волна на Западе, шли валы с Юга — но встречались они с такими же валами с Севера. Схлестнутся они, и ничто не устоит, а полю битвы снова быть здесь. «Покажите мне, что нового несете вы, и найдете злые и бесчеловечные вещи, такие как приказы мечом нести веру, которую вы проповедуете», — говорил император Мануил, отец Константина. Не убоился он говорить так — открыто, при всех, хотя и пребывал он в те поры в плену Баязидовом. И уж ежели пленник не побоялся говорить такое — так разве пристало бояться взять в руки оружие тем, кто свободен? Поднимутся две волны — и схлестнутся. Кто тогда устоит?

Она вспоминала... Мануил тогда был молод и нерешителен, томился он в заложниках у Баязида, клонился то туда, то сюда, но едва услышал о кресте поломанном да детях, в рабство проданных, как иссякло смирение его. Забыл он про страхи свои и начал говорить правду и только правду, хотя были противники его сильны да злокозненны. Не прошло и полгода, как бежал Мануил от султана, взял в жены прекрасную Елену Драгаши, которую любил всем сердцем, а вскорости возложил патриарх Антоний на чело его адамантовую императорскую стемму с двуглавым орлом Палеологов, расправившим свои крыла. Она помнила это. Базилевс и супруга его в пурпурных, шитых золотом одеждах стояли пред алтарем, и солнечный свет падал на них так, что они, казалось, парили в сияющем эфире.

А потом, на вершине славы своей и могущества, нежданно для всех принял Мануил постриг и под именем Матфея ушел в монастырь Перивлептос. И составил тогда Мануил свое завещание — после плена Баязидова да после Собора Флорентийского не могло оно быть иным. Завещал император потомкам своим никогда и ни в чем не доверять ни Востоку, ни Западу и не полагаться на них. Жаль, что не указал он, на что полагаться и кому доверять. На свои силы, не иначе. Зашаталась империя без опоры.

Трон базилевсов занял тогда старший сын императора, Иоанн. Не передались ему таланты отцовские, зато достались они младшим, Константину и Феофилу, посему и было призвание их большим, нежели собирание останков великой некогда империи. Все империи рушились рано или поздно. Тяжкое это было зрелище. Гнили они изнутри, отравляя все вокруг своими миазмами, предавали правители свои народы, продавали врагам за гроши, делили на части, сквернословили и дрались за несуществующие ныне престолы, а народы в ответ убивали и предавали своих правителей. Смотрела Она на них с жалостью и презрением. Но эта империя отличалась от прочих. Она погибала с оружием в руках, на поле брани, непокоренная. Не потому ли, что и власть ее была разумна и не зиждилась на острие меча?

Тяжко говорила пушка Урбана, грозно вторили ей другие орудия османские, пробивало железо камень, разрывало плоть живую. Гул стоял над Городом, и крики отовсюду неслись предсмертные. Вот уже запылали пожары. Но не покинули постов своих защитники, крепко стояла стена Феодосия. Двинули турки на Город огромные осадные башни — да пожгли их ромеи огнем греческим. Прорыли турки подкоп под стены — да нашли его ромеи и взорвали ничтоже сумняшеся. Сотни воинов османских нашли под землей гибель свою. Но слишком мало защитников осталось у Города.

В ярости был Мехмед. Стояло войско его огромное у Константинополя, давно уже

стояло, и конца-края этому стоянию видно не было. Желая смутить базилевса, отправил султан ему новое послание, предлагая на выбор — смерть или переход в веру магометанскую. И нашлись такие, кто предлагал принять сии условия. Были среди них и мегадука Лука Нотар, и кондотьер Джустиниани. Всю дорогу слыли они противниками рьяными, и куда только пыл их подевался? Только знал уже базилевс, что не надо выбирать там, где нет выбора.

Тщетно с башен обескровленного Города высматривали дозорные в дымке Мраморного моря паруса кораблей христианских. Препирались венецианцы с папой, ссорились с генуэзцами из-за каждого дуката. Ждал Город помощи — да не пришла она. Ввечеру зияли в стенах городских страшные бреши. Но не решились турки идти на приступ ночью, а как вышли к стенам наутро, увидали — нет в стенах провалов, будто и не было их вовсе.

28 мая 1453 года

Цесарь же объезжал весь город, ободряя людей своих, вселяя в них надежду на Бога, и велел звонить в колокола по всему городу, созывая людей. Турки же, услышав громкий звон, снова затрубили в зурны и трубы и стали бить в бесчисленные тимпаны. И была сеча яростна и страшна: от грохота пушек и пищалей, и звона колокольного, и воплей и криков с обеих сторон, и треска оружия — словно молнии, блистало вооружение сражающихся, — а также от плача и рыдания горожан, и женицин, и детей казалось, что небо смешалось с землей, и оба они содрогаются, и не было слышно, что воины говорили друг другу, так слились вопли, и крики, и плач, и рыдания людей, и грохот пищалей, и звон колокольный в единый гул, подобный сильному грому.

- Сестра! Господи, что творится вокруг! Это ад!
- Совсем плохо, сестра Мария?
- Мне-то еще ладно, слегка меня задело. Но что вокруг творится! Ядра летят, огонь всюду пылает, из-за дыма не продохнуть...
- Крепись, сестра!
- Сестра! Я весь в огне! Ядро... Оно поразило меня... Я умираю...
- Крепись, брат Георгий! Потерпи немного — скоро легче станет. Закрой глаза... Вот так... Поспи...
- Сестра! Вокруг обломки летят, все в дыму, люди обезумели и бегут, не разбирая пути. Что будет с нами всеми?
- На все воля божья, брат Андрей.
- Сестра! Турки — они везде! Кажется, вот-вот, и...
- Не бойся, брат Иоанн! Не бойся — и ничего не случится. Что может быть страшнее страхов наших?
- А в Акрополисе тихо. Только слышен гул издалека, и земля содрогается... Это конец?
- Конец — это всегда начало.
- Что делать нам, сестра?
- Что всегда. Стоять!

Во всех словах и делах моих — руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою...

Наутро турки собрались было идти на приступ в пробитые накануне бреши — ан глядь! — уж и нет проломов. Стоят стены как новенькие. Всю ночь жители Города не спали, таскали глыбы каменные, раствор месили, всю ночь клали кирпичи и камни. Осерчал султан, затопал ногами, приказал Урбану снова расчехлить пушки да проучить хорошенько строптивых. Снова подала голос бомбарда, и сотни малых орудий вторили ей. Опять

заполыхали пожары по всему Городу — но стоял он, не шелохнувшись, только плыл над ним тревожный колокольный набат.

Изумились турки. Опустили оружие. Но молод был султан, молод и горяч, как жеребец, которого некому объездить. Был Мехмед Фатих, что значит по-турецки Завоеватель, образован, владел он латынью и греческим, знал философию и астрономию. Но не пошло это впрок султану, ибо был он жесток, хитер, лжив и вероломен. Приказал он как-то обезглавить слугу, дабы некий живописец италийский увидал, чем отличается гримаса отрубленной головы от того, что рисовал он на картинах своих. Велел султан как-то вспороть животы сотне слуг, желая найти похитителя дыни из сада султанского. Было у султана два гарема — один из женщин, другой из мальчиков — для любовных утех, коим предавался султан при всех денно и ночью. Даже в этот поход взял он с собой для услады чресл томных широкобедрых красавиц, увешанных драгоценными камнями, и молоденьких красивых мальчиков. Помышляя о военных подвигах, а еще более завидуя лаврам губителя турок Тамерлана, поклялся Мехмет уничтожить Византию и создать на месте ее свое царство, коему не было, нет и не будет равных. Был скрытен султан, как и все государи Востока, держал замыслы свои в тайне и усыплял бдительность ромеев ложными уверениями в дружбе да подарками дорогими. Истинные намерения его вскрылись слишком поздно.

Махнул султан нечестивой рукой своей — и пошло войско его на штурм. Поднялся черный вал вдоль стен, всколыхнулись люди, собранные сюда злой волей с разных концов света. И сами не ведали они, что творят, только не могли остановиться и повернуть назад, ибо за это ждала их верная и мучительная смерть. Первыми шли на приступ башибузуки. Слышал Димитрий, что набирали их повсюду, где прошлись нехристи проклятые своей тяжелой пятой. И в родных его краях сгоняли селян и пастухов гуртом в войско башибузучье, как на бойню. Вели их в бой не турки — вели свои воеводы, то ли убоявшиеся гнева османского, то ли до золота османского охочие, не разберешь их. Были башибузуки в плохих доспехах, а то и вовсе без оных и вооружены никуда не годным оружием — куда им супротив закованных в панцири латников Константина да рыцарей Джустиниани?

Только жесток был Мехмед, но не глуп. Не уповал султан на башибузуков, были они для него как волы тягловые — коль издохнут, так невелика потеря, и кормить не надо. Шли позади башибузуков палачи султанские в черных одеждах — следили за ними, не давали бежать с поля боя, убивали сразу же, едва те поворачивали назад. Бросил султан на стены башибузуков, дабы проверить, крепко ли держат оружие защитники Города. Оказалось, что крепко. Не по зубам башибузукам. Через два часа затрубили турки отбой. Немногие вернулись с приступа. Где-нибудь в Боснии да в Болгарии зажгутся свечи поминальные, многие жены станут вдовами, а дети — сиротами. Но кому об этом расскажешь? Кто станет слушать?

Изумились турки. Опустили оружие. И замер султан, а за ним — и все его воинство черное. Вздохнули жители города полной грудью. И вышел вдоль стен городских ход крестный, а после много людей собрались в Храме. Давно не было здесь столько народу. Пробивалось закатное солнце сквозь дымы пожарищ, и купол казался парящим над сиянием, что проникало через сорок окон, но багрянцем окрасилась золотая мозаика с воздевшей руки Перивлептой в тот вечер. Все они стояли с непокрытыми головами — друзья и недруги, православные и латиняне, старики и отроки, динаты и простолюдины, севастократоры и стратопедархи — и молились бок о бок. У всех были общие помыслы да дела единые. Повернулись люди к вечности, только поздно. Впрочем, вечность незлобива, и поздно лучше, чем никогда. Плакали люди, обнимали друг друга, просили прощения и прощались.

Впереди стоял император Константин в сагионе простого воина. Был невыразимо красив он сегодня. Не отяжеляли его плеч златотканые одежды, не переливался в лучах солнечных талар самоцветами и жемчугами, пурпурная мантия не стекала на мраморные плиты, не сияла адамантами стемма на челе. Кроток и прост был нынче император, и тянулись к нему сердца людские. Немало базилевсов повидала Она на своем веку. Были среди них и хорошие, и плохие. Были и вовсе никакие. Но таких еще не было. Последний

император, как и первый, не забывается.

Здесь же стояла в скорби инокиня Ипомони. Златовидные некогда косы ее были седыми, а глаза — печальными, как у Богородицы с мозаик. Многих пережила она, но многих еще предстояло ей пережить. О, как понимала Она мать базилевса! Сама была такой же. Все они были Ей как дети, и всех провожала Она из этого мира со слезами на глазах. Это только кажется, что умереть — самое страшное. Самое страшное — это остаться жить. Она жила уже давно, Ей была знакома эта тяжесть.

Стоял среди латинян и Джустиниани, кондотьер генуэзский. Был он мрачен и зол. Отказался базилевс принять веру латинскую, отказался сдать Город без боя. Из-за этого не мог кондотьер покинуть Город — но не мог и отстоять его. Загнал он сам себя в капкан, как зверь дикий, — а из ловушек таких разве спасаются?

В окружении людей своих молился Георге Бранкович, деспот Косовский. Был он тверд и спокоен, хотя и столкнулся уже в бою с соплеменниками. Едва завидели башибузуки князя — тотчас ослабили натиск, ибо немало было среди них сербов, черногорцев да босанцев. А и сам князь не лютовал — весь кусок стены Феодосия от Пигийских до Золотых ворот, что был под началом его, невредим остался, откатились от него волной башибузуки после атаки, и среди них потери были невелики. Мудр был Георге, понимал, что не нужны сербам стены константинопольские и что не охота их вперед влечет, а неволя сзади подгоняет.

Подле молился мегадука Лука Нотар, стратег флота имперского — в алом плаще и раззолоченных доспехах. Впрочем, были они ему без надобности, ибо Луку еще никто не видал на стенах. Золото базилевсово и все ценное имущество, кое удалось ему нажить непосильным трудом, погрузил он на галеры в гавани Элевтерия в надежде улизнуть, подкупив турок, стерегущих Город с моря. Об успехе сего предприятия и молился Лука. Она его не судила. Всяк свое получает, и князь, и простой человек, — только не всякому дано понять, что и почему он получил.

Молился на свой, латинский манер и испанский рыцарь Франциск. Был он теперь всегда подле Константина и не отходил от него ни на шаг. Ведала Она, что забыл он и про истекающий кровью Город, и про ворота Романа, где сильнее всего был натиск, и про османов проклятых — а помышлял только о том, как бы сделать так, чтобы император, поступая согласно чести своей, все же остался в живых. Знал рыцарь, что не получится увести его со стен, не пойдет Константин по своей воле. Так может — унести, если император ранен будет или оглушен? Спрятать на галере, поднять парус и отплыть подальше от горящих развалин? Никто не кинет камень за то в императора. Никто не кинет камень за то в рыцаря Франциска. Она бы с этим не согласилась, но объяснять это рыцарю не стала. Скоро сам он все увидит и поймет. Она не судила его — ошибался он из любви, а не из ненависти, а за любовь не судят.

Тихонько стоял за колонной Лаоник Халкокондил, летописец. Он не плакал и не молился, не с кем было ему прощаться. Жадно внимал он всему, что видел. Повесть его о падении Града Великого станет историей. Не повредят сему манускрипту ни огонь, ни вода. Переживет летописец штурм, допишет свой труд под защитой нового патриарха, а потом примет постриг в монастыре на горе Афон, откуда и разойдется повесть его по всему свету. Помышлял же нынче летописец только об одном — как бы не пожгло его рукопись пожаром. Замыслил он упрятать ее в железный сундук, поглубже в подвале. Пожелала Она ему попутного ветра.

Много пришло в Храм людей в тот вечер, яблоку негде было упасть. Но не все, далеко не все, кто должен был. Не было Фомы Катаволиноса, принявшего магометанство и служащего теперь султану под именем Юнус-бея той же верой и правдой, какой он служил императорам. Поступал Катаволинос аки падшая женщина с улицы Наслаждений, а по мощам, как говорится, и елей. Трепать его роскошный бархатный скарамангий злым валашским ветрам. Не было в Храме и патриарха Георгия, коему папская туфля показалась благостнее откровения. Не было и мастера Урбана, пушкам которого скоро стрелять по дому его. Она не думала о них, ибо сей день не предназначался для пустомыслия. Службу вел

митрополит Геннадий, о патриаршем престоле уж и не помышлявший, а помогал ему инок Димитрий. У всех были когда-то свои мысли да дела свои. Но все оказались на одном корабле без руля и паруса, посреди бурного моря, и бежать было некуда.

Причастился базилевс святых таинств и испросил у всех прощения. Она давно простила его. Первый и последний императоры носили одно и то же имя — Константин, матери их звались тоже одинаково — Еленами, а такое не может быть просто случаем. Закон — это то, что люди помышляют о Боге, случай же — то, что Бог помышляет о них. Она научилась читать эти мысли, и прихотливая, как разводы на сирийских тканях, вязь времен не была для Нее непознанной. Закончив молитву, опустились все на колени, и молвил базилевс:

Вы, доблестные архонты и славные демархи, воины и храбрые соратники и весь наш верный и честной народ, хорошо знаете, что пришел час и враг нашей веры стремится любыми средствами и ухищрениями сокрушить нас мощным натиском с суши и моря всеми своими силами, дабы излить на нас свой яд как змей и пожрать нас как свирепый лев.

В тот же час говорил султан Мехмед своим воинам под стенами Города такие слова: «Если кто из нас и будет убит, как это обычно случается в войнах, ибо каждому своя доля, то будет это не напрасно...

Поэтому говорю вам и прошу вас стать мужественно и с твердым духом, как вы всегда это делали прежде, против врагов нашей веры.

...Вам хорошо известно, что тот, кто умирает на поле брани, переносится целым и невредимым в рай, где возляжет с детьми, прекрасными женщинами и девами на зеленом лугу, благоухающем цветами, и омоется чистейшими водами, и все это в том месте у него будет от бога...

Вверяю вам этот славнейший и знаменитейший город, родину нашу и царицу городов земных.

...Здесь же от меня все мое войско и вся знать моего двора, если победим, получит жалованье вдвое против того, что получает каждый, и так будет до конца их дней...

Знайте же братья, что есть четыре вещи, за которые нам должно предпочесть умереть, а не жить: прежде всего за нашу веру и благочестие, во-вторых, за нашу родину, в-третьих, за царя, помазанного на царствие, и, наконец, за родственников и друзей.

...Если же найдете и захватите драгоценности золотые или серебряные, или платье, или же пленников, мужчин или женщин, больших или малых, никто не сможет отнять их у вас или причинить вам иное беспокойство...»

Итак, братья, за одну из этих четырех вещей надлежит сражаться, не щадя жизни, а наш долг намного больше, ибо мы теряем их сразу все.

Эхом под сводами Храма звучали слова базилевса. Блеснул закатным сиянием купол, и Богородица с мозаики будто простерла ко всем свои руки. «Ваше поминовение, и память, и слава, и свобода вечно да пребудут!» — будто и не император говорил сии слова, а Она сама. Рыдания людские заглушали слова базилевса. Каждый хотел жить и хотел, чтобы остались жить дети его. О, если бы люди задумались об этом хотя бы чуточку ранее! Они подходили к базилевсу и целовали ему руки, ноги и край его сагиона. Он же был спокоен, как и положено последнему стражу Великого Города. Светел был лик его. Прямо из Храма ушел он на стены городские, ибо там было отныне место императора. Ушел не для того, чтобы вернуться. И воины следом за ним покинули Храм.

Махнул султан нечестивой рукой своей — и снова пошло войско его на штурм.

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и всех событий его. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить. Аминь.

Осталось теперь разве что молиться. Вечеру вновь поднялся черный вал у стен, и вновь посыпались ядра на Город, и вновь, не дожидаясь, пока пушки кончат стрелять, погнал султан на штурм Города войско свое, как баранов на бойню. Нетерпелив был султан, а набранные среди побежденных воевали плохо, посему нынче пустил он в ход отборные

части. Худо стало защитникам Города. Тяжелее всего пришлось у ворот Святого Романа — стены там были старше и ниже, и много уже было в них прорех, много пожаров пылало вокруг. Когда ядро из бомбарды Урбана разбило заграждение, что ночью воздвигнуто было в бреши, бросились в пролом сотни турок с победными криками. Ждали они легкой победы, куражились и горланили песни бесовские. Но встретили жесткий отпор. Полетели в них пули и стрелы, посыпались камни, полилась смола кипящая. Крепко стоял и князь Бранкович у Золотых врат.

Не смогли османы взять верх и на сей раз. Сам император обнажил свой меч и ринулся навстречу врагам, и воины его последовали за ним — как тут устоишь? Тела же убитых падали в ров — и был он до краев полон крови. Безуспешны были атаки. Скомандовал султан отход. И те, кто шел на приступ с песнями, ныне бежали в страхе, оставив гнить во рву и периволосе сотни трупов. Не мог поверить никто, что одерживали ромеи верх над турками, но знала Она, что они просто делали то, что выше сил человеческих. И снова крепость стен городских и сердец защитников Города стали проверять пушки.

Не расходились люди из Храма. Горели все свечи в паникадилах — уж и не передать, как Димитрий расстарался, дабы засветить махины эдакие. Здесь и сейчас была его стена и его ров, ибо желающий найти свою стену всегда да отыщет ее. Когда доносился издали гул рвущихся ядер, вздрагивали люди в Храме и начинали молиться еще истовее. И в этот миг снова услышал инок Димитрий столь ожидаемый им голос. Он звучал будто внутри его, и никто более не слышал его.

— Брат Димитрий, слышишь ли ты меня?

Тихо, как будто в молитве, чтобы не тревожить других, отвечивал инок:

— Слышу, сестра. Все стало так, как предсказала Ты. Но что делать мне теперь?

— Ждать, только ждать. И хранить святыню. Я укажу тебе путь.

— Сестра... Я все сделаю, только выслушай меня! — инок осекся и огляделся по сторонам: не слышит ли кто? Казалось ему, что весь мир следит за ними, подслушивает их разговор. Но нет — не было никому дела до бормочущего себе под нос псалмы инока. — Сестра, страшусь я представить, что будет. Там, за стенами, такое неизбывное зло, такая тьма крошечная... Не устоять Городу. Но Ты... Тебе больно будет, когда проникнет сия тьма сюда и окрасятся пол и стены Храма кровию невинных жертв. А потом бесы, сбегавшие из преисподней, посрывают с Тебя кресты, замалюют золотую мозаику штукатуркой да развешат повсюду богомерзкие свои знаки. Они изуродуют Тебя, и не мирную проповедь и херувимские песни слышать тебе каждый день — а завывания дьявольские. Как же оставаться Тебе тут, сестра? Может, успею я еще добежать с Омофорой до Золотого Рога? Может, настало время ее?

Изумилась Она. Никто прежде не думал о том, что Ей может быть больно. Все считали зачем-то, что Она не чувствует ни боли, ни радости. Людям удобнее было думать так. Она не спешила раскрыть им глаза, ибо незачем было кому-то знать о муках ее. Но этот инок... Он первый догадался — сам, без помощи. Видать, и вправду пришло время меняться этому миру — Бог думал об этом так громко, что сложно было не расслышать.

— Брат мой... — нелегко давались Ей объяснения. — Никто еще не говорил Мне слов таких. Для Меня они — как дуновение легкого ветерка на рассвете, как шепот волн в горячую звездную полночь, как аромат роз, распустившихся после грозы. Слова твои ласкают слух. Но не пришло еще время Омофоры, поверь же Мне. Ты избран затем, чтобы сохранить, а не затем, чтобы использовать. Впереди у тебя еще много веков, чтобы подумать об этом. И однажды согласишься ты со Мною. Храни же ее! Я укажу тебе путь — только не покидай пределов алтаря.

— А с ними что? Им кто укажет путь?

— Не тревожься за них. Их выведут разными путями. Одни из них будут темны и извилисты, другие — светлы и прямы. Не твоя это забота. Заприте только двери Храма получше и не отпирайте никому. Будь покоен. Никто не заблудится на темной дороге.

Гулко захлопнулись двери Храма, звякнули прочные железные засовы. Затворился

Храм от тьмы ночной, ярче воссияли свечи, отпугивая тени. Чем гуще тьма, тем ярче луч света. Не было более страха в людях — ни в тех, кто молился в Храме, ни в тех, кто стоял на стенах.

Наступила полночь. Махнул султан нечестивой рукой своей — и в третий раз пошло войско его на штурм. На сей раз выставил Мехмед отборные полки любимцев своих, янычар. Всю ночь напролет бились янычары, но напрасно. Крепко стоял Град Константина. Но видать, и вправду пришло время меняться этому миру.

Сильнее всего кипела сеча у ворот Святого Романа. Но напрасным был бы натиск османский, кабы не стрела, пущенная рукой какого-то турка безвестного, — видать, сама судьба направляла ее. Пронзила стрела шею кондотьера Джустиниани — не вовремя поднял он забрало. Тяжко ранен был предводитель генуэзцев. Знаками повелел он людям своим, чтобы вынесли его со стены и перетащили на галеру. Великое смятение случилось от того среди генуэзцев, многие бежали со стен, а многие побросали оружие да на сторону османов переметнулись. Смотри, Франциск, что бывает, когда предводитель покидает войско свое и уходит со стен во время битвы, пусть даже и смертельно раненным. Разве этого хотел ты для своего императора? Хлынули в прореху янычары — но встали защитники Города у них на пути, и никто из прорвавшихся не прошел далее, все остались во рвах да в периволосе. Но случай в ту ночь перестал быть случаем.

Была во влахернской стене дверь, Керкопортой называлась. Через нее обитатели дворцов веками покидали Город. Через нее же возвращались они, не замеченные никем. Кто открыл эту дверь туркам? Подручные ли Катаволиноса? Луки Нотара? А может — купцы генуэзские? Или ее вообще забыли запереть? Кто знает! Разве так уж важно это теперь? Важно, что через Керкопорту вошел враг в Город. Когда увидали это на стенах, было уже поздно. Кинулись воины базилевса от ворот Романа до Керкопорты, ан глядь — уж со всех сторон янычары кишат да ятаганами машут. Там, где все давно решилось, ничего нельзя изменить.

Остался на стене последний император Византии, базилевс Константин Драгаш, дравшийся, как простой воин. И подошли к нему среди всполохов пожарищ три темные фигуры. Нет, были это не янычары и не башибузуки, а милые его сердцу брат Феофил, отрок Иоанн и испанский рыцарь Франциск. Всего четверо против целого войска. Возрадовалось сердце императора.

— Что делаете вы тут, среди смерти разящей? — спросил их Константин.

— Тебя ищем, — был ответ. — Негоже тебе ходить одному по стенам в такое время. И на галеры следом за Джустиниани идти негоже, разговаривать там с тенями бывшего величия. Вот, мы принесли твое любимое вино из Моравии, на смоле настоящее. Выпей — головам нашим все равно наутро не болеть.

Рассмеялся император — в первый раз за последний день, — откупорил бутылку да отхлебнул вина:

— Вот уж не думали летописцы, что станет базилевс пить сей благородный напиток, к которому во времена предков его не всякий простолудин прикасался, да еще и на стенах гибнущего Города.

— Будет тебе, Константин! Раз уж суждено нам погибнуть — сделаем это вместе и с радостью.

— А и впрямь, — ответствовал император, пустив бутылку по кругу, — пойдем, сразимся с этими варварами! Умереть лучше, чем отступить.

И так вместе, клинок к клинку, бросились они в самую гущу битвы. Мраморный пол Храма поутру залит будет расплавленным воском, но некому будет счищать его. Да и не нужно, ибо сверху покроет его кровь. Четверо защищали они ворота и пали на поле чести. Пал вместе с ними Великий Город. Закрыла наутро небо черная пелена, заволокли дымы пожарищ. Закончилась страшная ночь, но не было в Великом Городе более рассвета.

29 мая 1453 года

Как словами можно поведать и рассказать о тех бедах и страданиях, ибо убитые с обеих сторон, словно снопы, падали с заборол, и кровь их ручьями стекала по стенам. От воплей же и криков сражающихся людей, и от плача и рыдания горожан, и от звона колоколов, и от стука оружия и сверкания его казалось, что весь город содрогается до основания. И наполнились рвы доверху трупами человеческими, так что через них карабкались турки, как по ступеням, и сражались, мертвецы же были для них как бы мост и лестница к стенам городским. И все ручьи окрест города были завалены трупами, и устланы ими берега их, и кровь, как могучий поток, текла, и залив Галатский, то есть Лиман, весь побазгровел от крови. И рвы, и низины наполнились кровью, настолько ожесточенно и яростно бились. И если бы по Божьей воле не окончился тот день, окончательно погиб бы город, ибо совсем изнемогли горожане.

— Сестра! Спаси нас! Мы гибнем!
— Совсем невмоготу, сестра Мария?
— Огонь, сестра! Огонь повсюду! Тяжело дышать...
— Крепись, сестра!
— Сестра, они пришли! Они срывают кресты, набивают мешки утварью церковной. Они рубят иконы и выкалывают глаза святым на фресках. Они нашли образ Одигитрии... Нет, не случайно это, за ним и шли, его и искали. Но Омофоры там не было, слава Богу! Порубили они образ да пожгли в костре. Господи, что творится!

— Терпи, сестра. Бог тоже терпел. Брат Георгий! Слышишь ли ты Меня?
— ...
— Брат Георгий?
— ...
— Боже мой, он не отвечает!
— Брат Георгий, где ты?
— До встречи, брат! До скорой встречи!
— Сестра! Мы все умрем? Говорят, базилевс погиб, и столько тел вокруг навалено, что не нашли его. И все, кто защищал город, тоже погибли. Что творится на улицах! Кровь течет по мостовым, как потоки дождевые. Я ранен. Мы все тоже умрем?

— Нет, брат Андрей. Ты же знаешь, мы не умираем — мы просто уходим на покой.
— Сестра! Мне, должно быть, повезло больше других. Вошли в Студион башибузуки, но оказались они — и кто бы подумал! — истинной веры. У нехристей руки-то до нас не дошли. Кинулись они грабить богатые дома и дворцы, а про бедные окраины позабыли. А эти выпустили из Города всех людей князя Бранковича и тех, кто мог и хотел бежать, вошли в дома и храмы и защитили их от разграбления. Мы теперь — их добыча. На вид — ну вылитые турки, однако ж крестов не сбивают и икон не рубят, стоят, как обычные прихожане, никого не режут, крестятся. Иные даже исповедуются и причащаются.

— Неисповедим промысел Господень, брат Иоанн.
— Сестра! Я слышу их шаги! Они уже в Акрополисе! Они приближаются...
— Не бойся, сестра Ирина. Всем говорю — не бойтесь! Они не смогут причинить нам зло.

— Но как же быть нам, сестра?
— Быть! Просто быть!

Пал Великий Град Константина, колыбель тысячелетней мудрости и красоты. Долгая и страшная ночь закончилась, но утро так и не наступило. Со всех сторон хлынули турки в Город, заполонив его. Бои шли прямо на улицах. Да и не бои это были, а бойня. Иные защитники убиты были прямо на стенах, иные — уже в Городе. Каким-то людям повезло — успели они добежать до кораблей, поднять паруса да выйти в море, ибо по первости галеры

турецкие не преследовали их. Бросив суда свои в порту, устремились турки в Город в страхе, что все разграбят без них. Но не все, далеко не все, кто хотел, попали на корабли. Сгрудились толпы на пристани, давили люди друг друга, отталкивали, лезли по сходням, подбирались к бортам на лодках, а то и вовсе вплавь, но корабли не могли вместить всех.

Судьба же тех, кто остался в Городе, была незавидна. Люди в тот день перестали бояться смерти. Никому не нужных детей, стариков и калек убивали турки на месте, остальные становились рабами. Выламывали воины Мехмеда золотые кресты, усыпанные самоцветами, из алтарей, лакали брагу из церковных потиров, жрали, давясь, истекающее кровью мясо с дисков храмовых и бродили потом по улицам, пьяные аки свиньи, увешавшись драгоценными женскими уборами.

Плачевна была судьба и храмов прекрасных. Иные были сожжены, иные — порушены. Ограбления же не избежал никто. Уцелело лишь несколько храмов — взяли их под покровительство свое христианские вассалы Мехмеда. А сколько было порублено да пожжено икон? Выдирались они из окладов, как и книги бесценные, да летели в огонь. Пал Город Великий. В одно только место не ступила еще нога нечестивых — в Святую Софию. Затворились в Храме люди, заперли тяжелые двери, железом окованные, и стояли как будто в забытии, ничего не видя по сторонам, внимая лишь словам литургии:

Подвига почесть от Создателя приял еси, мучениче доблественне, Палеологов светоче, Константине, Византия царю крайний, темже, Господу ныне спребывая, моли Его, мир даровати всем и враги покорити под нозе людей православных.

Нараспев читал молитву митрополит Геннадий, прислуживал ему инок Димитрий. Сильно билось его сердце, ибо чуял он, что вышли все сроки и скоро потребно будет служение его. Страшный стук прервал песнь херувимскую. Будто требовал он, дабы отворили двери Храма. Собрался было Геннадий сказать служкам, чтобы подняли они засовы, но молвил инок Димитрий:

— Не нужно отворять, святой отец. Нам ли самим впускать нечестивых в Храм?

Махнул рукой митрополит, остановил служек и вновь приступил к молитве. Но недолго было ему читать ее. Во второй раз страшный стук прервал песнь херувимскую. Умолк митрополит, задумался. Но сказал ему инок Димитрий:

— Не нужно отворять двери, святой отец. Пусть нечестивые сами войдут в Храм.

Снова поднял руку митрополит, запрещая служкам поднимать засовы. И вновь приступил к своей молитве, но тут уже в третий раз страшный стук прервал песнь. И сказал инок Димитрий митрополиту:

— Не нужно отворять двери, святой отец.

— Разве не сломают они их все равно?

— Но зато не сами мы впустим к себе Тьму. Тем и спасемся.

Собрался было ответить митрополит, но стук повторился — и уже не стук это был, а грохот топоров да таранов, коими ломали двери. И застыла кровь в жилах у всех, кто был в Храме. Отдавался стук в тишине, как будто был это звук шагов самого Сатаны. Страх сковал всех. Один только хромой инок не убоился, ибо знал, что видимое не есть сущее. Стоял он тихонько в алтаре, держась рукою за грудь, на которой под фелонью была спрятана главная святыня Великого Города, а может — не только его одного. И почудилось ему, что прямо в сей миг мог бы он, слабый и хромой, безоружный, в одиночку выйти против силы темной, что рвалась нынче в Храм. Выйти — и одолеть ее. Одно лишь удерживало его — данное Ей слово. Да и не пришло еще время. Победить Тьму надобно, когда возьмет она власть надо всем живущим, растечется по городам и народам, заползет в каждую открытую ей душу, набухнет и разжиреет, решив, что весь мир уже подвластен ее тлену и ничто уже не помешает ей пожрать его.

— Готов ли ты, брат Димитрий?

— Готов, сестра София!

Со страшным скрежетом рухнули тяжелые, железом окованные двери, ворвалась Тьма в Храм Божественной Премудрости. Задул ветер пламя свечей, и погрузился Храм во тьму

кромешную — только в алтаре ясно горели светильни. И кинулись турки на свет, рубя всех на пути, как будто знали доподлинно, что нужно им здесь искать. Вот схватили они митрополита Геннадия, сорвали с него клобук и величественные одежды митрополичьи да бросили старца оземь. И других иноков валили турки, а простых людей убивали на месте, одних только молодых женщин хватали и вязали, как овец, отшвыривая прочь детей их. Страшными воплями наполнились своды, и эхо, привыкшее к песнопениям благозвучным, многократно отразило их. Те, кто слышал этот вопль, никогда, до самой смерти, не забыли его.

Отступил инок Димитрий назад, ближе к стене мозаичной, на которой в окружении архангелов император Константин, основатель Города, с семейством своим и матерью, императрицей Еленой, приносил дары святыя. Не сразу заметили турки в суматохе инок. А когда заметили, то встали вдруг как вкопанные и обратили лица (ежели можно было назвать так страшные их морды) ко входу во Храм. Там, освещенный светом факелов, восседал султан Мехмед на огромном коне. И заорали янычары, приветствуя своего Господина, потрясая при этом ятаганами окровавленными. Забыли они на миг о враге своем, что затаился и ждал.

Всего миг оставался у инок — а он и не ведал до сих пор, как ему исполнить обещанное. Поднял он глаза к сотрясающемуся от криков куполу и вдруг почуял запах роз. Не сразу понял инок, к чему это, покуда не упал ему прямо на лицо сухой лепесток, потом еще один, и еще, и еще... Кроваво-алые и девственно-белые, чуть тронутые розовой дымкой и багрово-пурпурные лепестки сыпались откуда-то сверху. Только были они бледными и сухими, алмазные капли росы на них давно уже высохли. Наслаждался инок их ароматом, пусть это и был аромат уже умерших цветов. Узнал его Димитрий, ибо не было в Храме иных роз, кроме тех, что рвал он поутру в мирно спящей еще Влахерне целую вечность тому назад. И понял он, что знак свыше ему подан. Не ведали ничего турки ни о розах влахернских, ни о бледных лепестках, рассыпанных по полу, ни о промысле высшем. Видели они только внешнее, но не прозревали внутреннего.

Пали лепестки на мрамор.

Шагнул инок за ними следом.

Заметили его турки.

Пали лепестки на мрамор.

Шагнул инок за ними следом.

Кинулись турки к инок, будто знали, что прятал он.

Пали лепестки на мрамор.

Шагнул инок за ними следом и уперся в стену.

Некуда было дальше идти ему.

Пали лепестки на мрамор.

Протянули турки к инок руки.

Не спастись от них, не спрятаться.

Но разверзлась вдруг стена и поглотила инок.

Застыли турки в оцепенении.

Не могли они сделать ни шагу дальше.

Пали лепестки на мрамор...

Но не привыкли нечестивые упускать добычу. Рванулись они вперед, топча лепестки, но наскочили на стену и далее уже не смогли пройти. Сомкнулась стена — ни трещинки не осталось на ней, как будто и не открывалась вовсе. Остались турки ни с чем. Видели они только внешнее, но не прозревали внутреннего. Клацали они зубами, рубили стену ятаганами, стучали по ней копьями, колупали мозаику — но была не по зубам им стена Храма. Затупились ятаганы, сломались копья. Сокрыта была святыня от них на веки вечные, до тех пор, пока не придет время извлечь ее на свет божий да погрузить в волны Золотого Рога.

Она была покойна. Выбор Ее был верен. Время вышло, и запела Она свою прощальную

песню.

Радуйтесь, избавленные от бед, возносите победные и благодарственные песни! Держава ваша неодолима, от всяких напастей свободна она.

Вспыхнул ярко свет под куполом, разгорелся так, будто само солнце спустилось в Храм посреди ночи.

Радуйтесь, радостью всех озаряя! Искупили вы проклятие Града Великого. Падший будет восстановлен на высоте, недостижимой для мыслей человеческих.

Столп яростного света пронзил Храм до самых небес. И увидели в нем люди будто бы женщину со светящимися крылами за спиной и царским венцом на челе, всю преисполненную светом, что протягивала к ним руки, приглашая последовать за собой.

Радуйтесь, ибо звезда, предвещающая Солнце, уже возшла на небо. Близко уже новое воплощение, чрез которое обновляется жизнь.

Узрели столп сияющий жители Города и возрадовались, Узрели его латиняне — и опечалились, узрели турки — и страх объял их.

Радуйтесь, посвященные неизреченным советом! Долго молчали вы о том, что требует веры. Отныне указываю я вам лестницу небесную, которою шел Бог и которой можете идти вы. Вот он — мост, переводящий земнородных на небо, каждый может пройти по нему, кто получил знание, но никому не открывший сего таинства.

Расколол столп света небо, остановил время и повернул его вспять.

Радуйтесь, прогнавшие врагов, не открывшие им дверей! Небесное сорадуется земле, а земное воспеваает небесное. Непобедима храбрость мучеников, облечена она славой.

И узрели сей столп души тех, кто пал нынче в Городе безвинно, восстали они и полетели на свет, струящийся из купола, подобно мотылькам, летящим в ночи на свечу. И было их много, тысячи и тысячи, но каждый находил дорогу. Рванулись к свету и несправедливо умершие, но будто наскочили они на стену невидимую и далее уже не смогли пройти.

Радуйтесь неминуемому исправлению людей и низвержению бесов! Напрасно обольщали они вас лживыми своими идолами. Это говорю я, камень, напоивший жаждущих жизни, я, огненный столп, путеводящий бывших во тьме, я, покров мира.

Уходили души вверх по столпу, и покидала вместе с ними сила Ее Великий Город.

Радуйтесь цветам нетления, плодоносящим свет, тенистым деревьям, под которыми укрываются в полдень!

Но покидала Она его не на веки вечные, а для того, чтоб однажды вернуться.

Радуйтесь, вмещающая невместимое и соединяющая противоположное воедино! Придут однажды в чувство лишенные разума.

Начало отныне будут искать в конце, а конец — в начале.

Радуйтесь блистанию незаходимого Света, радуйтесь молниям, озаряющим души, и грому, устрашающему врагов, радуйтесь многоводным рекам и аромату благоухания роз!

Такова была сила Божественной Премудрости.

Радуйтесь, ибо не навсегда отлучаюсь! По возвращении каждый получит то, что заслужил. Как только зазвучит в стенах Храма молитва — так и ждите меня.

Закончила сестра София свою песнь. Померк столп света яростного, переполошивший турок. И наступила тьма кромешная.

* * *

И так случилось и свершилось по грехам нашим: незаконный Магомет воссел на престоле царства, благороднейшего среди всех существующих под солнцем, и стал повелевать владевшими двумя частями вселенной, и одолел одолевших гордого Артаксеркса, чьих кораблей не вмещали просторы морские и чьи войска занимали всю ширь земли... Но да познай, о несчастный, что если свершилось все, предвещанное Мефодием Патарским и Львом

Премудрым и знаменами о городе этом, то и последующее не минует, но также совершится. Пишется ведь: «Русый же род с прежде создавшими город этот всех измаилтян победят и Седьмохолмый примут с теми, кому принадлежит он искони по закону, и в нем воцарятся, и удержат Седьмохолмый русы, язык шестой и пятый, и посадят в нем плоды, и вкусят от них досыта, и отомстят за святыни».

Три дня лилась кровь невинных в Константинополе, три дня грабили неимущих и насиловали не грешивших. Стал пустыней Град Великий: ни человека, ни скота, ни птицы каркающей или щебечущей. В иных местах из-за множества трупов самой земли не видно было. Когда же грабить и убивать стало некого и порядок был восстановлен, первым делом повелел султан принести ему голову базилевса. Искали тело последнего императора Византии на поле брани день и ночь, не переставая — но так и не нашли. Горы трупов перерыли — а и не было среди них искомого. И тел спутников базилевса тоже нигде не было. Узнал об этом султан, затопал ногами, повелел казнить всех, кто искал, но не нашел, и отправил на поиски других рабов своих.

Другие рабы оказались догадливей. Отыскиали они тело человека, по стати походившее на последнего императора, отъяли ему голову да надели на ноги ему сапоги базилевсовы — пурпурные, с золотом шитыми орлами двуглавыми, что раздобыты были во дворцах влахернских. А к телу приложили изуродованную голову невесть кого. И так принесли все султану. Возрадовался Мехмед, повелел насадить голову на шест и выставить ее на форуме. Потом же голову сию набальзамировали и возили по дворам мусульманских владык, дабы узрели они могущество султана и трепетали пред ним. Про императора же говорили одни, что вовсе и не погиб он, а живехонек и где-то в далекой Венгрии собирает армию — Город свой у турок отвоевывать. А другие говорили, что не погиб Константин, но превратился в статую, которая и по сей день стоит где-то в Городе, и что как только истекут положенные сроки, оживет статуя, сдвинется с места — и уж никто тогда ее не остановит. И что подле императора снова встанут брат его Феофил, отрок Иоанн и рыцарь Франциск.

Когда прежние властители великой империи перестали быть опасны, озаботился новый владыка и другими делами. Унесены за город и сожжены были все трупы, оставшиеся в живых враги — казнены или сосланы на галеры, женщины были поделены по гаремам, дома и золото розданы войску, повсюду сами собой открылись базары, потянулись к городу корабли с товаром и повозки с провизией.

Сам же султан занял дворцы влахернские, окружив себя всей роскошью византийской. Приказал он принести себе фазанов, посыпанных корицей и начиненных оливками и бараньими языками, жаренных на углях пулярок, фаршированных устрицами и айвой, куропаток с цикорием, цесарок с миндалем и тмином, журавля в соусе из пафлагонского сыра и истекающую жиром зайчатину с ароматическими травами, привезенными из Индии, за которые на рынке давали золото по весу самих трав. Привели к султану пышногрудых жен и красивых мальчиков, прекрасные тела которых, умащенные благовониями, облачены были в расписные шелковые туники и увешаны жемчугами да камнями драгоценными. Только слишком светлы были для нового хозяина дворцы базилевсовы, и взирали на него со стен совсем не те лики, что хотелось бы ему. Посему приказал султан построить себе новый дворец, на свой вкус — с низкими потолками и черными стенами — и назвал его Сараем.

Но мало было этого султану, мнившему себя хозяином половины мира. Потребна была ему и духовная власть над новыми подданными. Церкви превращены были в мечети, повсюду пронзили плоть их иглы минаретов. Но хотелось султану управлять и душами тех, кто не принял магометанства. Нужна была ему новая патриархия — не из любви к вере православной, а чтобы Рим позлить. Посему приказал он первым делом отыскать патриарха. Но сказали ему, что патриарх византийский, Георгий Мамми, бежал в Рим. Затопал султан ногами, повелел низложить его и поставить нового патриарха из числа митрополитов. Но и тут ждали его трудности. Не смогли рабы султанские отыскать ни одного из митрополитов:

кто немощен был, кто погиб от рук турецких, а кто и вовсе делся невесть куда. Однако же после долгих поисков нашли-таки Геннадия Схолария — был почтенный старец захвачен во время последней службы прямо в Святой Софии и угнан в Эдирну. Купили его на невольничьем рынке и доставили обратно в Константинополь. Так и стал митрополит Геннадий новым патриархом, по-турецки — милет-баши. Исполнилось его заветное желание, но не прибавилось счастья, только скорби, ибо был патриарх в то роковое утро во Храме, все видел он и все помнил.

Всяк получил то, что причиталось ему. Низложенный патриарх так и ползал на коленях пред папой до конца дней своих — да только получил от него жалкую милостыню.

Деспот Косовский Георге Бранкович вместе с остатками войска своего добрался до родных земель и затворил намертво крепость Голубац — Железные ворота Дуная. Не было туркам туда ходу, покуда был он жив.

Получили свое и латиняне, что покинули когда-то стены Города, а то и вовсе к туркам переложились. Был султан жесток, но не был он глуп. Не пощадил он предателей, а то глядь! — и самому в спину ударят. Как только открыли ворота Галаты генуэзцы, встречая своего нового повелителя с радостными лицами, повелел Мехмед изловить и перебить их, и всякое обещание, которое прежде давал он им, ни во что не вменил султан. Джустиниани же вывезли из пылающего Города на галере. Умирал он долго и, видит Бог, завидовал последнему императору. Остальные же венецианцы да генуэзцы поспешили присягнуть султану на верность. Не зря, ох, не зря поместил их один поэт в самый последний круг ада, поближе к пеклу! Бойкую торговлю открыли они на захваченных турками торжищах, ударяли по рукам да заключали сделки. И так увлеклись содержимым кошельков своих, что не заметили, как появились флаги с полумесяцем под стенами самой Вены — ну да это уже отдельная история.

Получил свое и Юнус-бей, он же Фома Катаволинос. Отправил его султан на Север, с посольством к господарю валашскому — а уж этот-то господарь знал, как учить послов честности при помощи кольев позолоченных, и достиг он в сем непрестом деле известных высот.

Получил свое и мастер Урбан. Не смог он вернуться на родину, ибо после взятия Константинополя объявил султан войну королю венгерскому. Стал Урбан врагом для соплеменников своих, и даже родичи отреклись от него, как от отродья сатанинского. И настал тот час, когда жерла пушек его повернуты были в сторону дома его. Жалким был конец Урбана. Возлежал он на роскошных диванах в окружении наложниц, но даже райские гурии не могли облегчить его страданий, ибо не был он более мастером. Проклят был Урбан и дело его.

Свое получил и мегадука Лука Нотар. Сперва привечал его Мехмед за то, что ползал мегадука бывший пред ним на коленях. Сохранил за ним султан его владения и казну, даже на службу взял — и не кем-нибудь, а эпархом константинопольским! А потом в один прекрасный день прослышал султан, что есть у мегадуки сын любимый, тринадцати лет от роду, красивый настолько, что ходили об этом легенды. Распалился султан да повелел доставить мальчика в гарем свой. Но отказался мегадука, за что и был казнен вместе с сыном и другими мужами из рода его. Та же судьба постигла вскорости и иных динатов, что султану поклонились, а состояния их обширные забрал тот себе. Ну что, мегадука, впору оказалась тебе чалма турецкая? Не жмет ли?

Получил свое и Лаоник Халкокондил, летописец. Удалось ему покинуть пылающий Город — на корабле, что вез инокиню Ипомони в Морею, к сыновьям ее, морейским деспотам, и спасти самое ценное — манускрипты свои. Добрался он до Афона на корабле и в одном из монастырей тамошних описал то, чему стал свидетелем: «И так пострадал благоверный царь Константин за Божьи церкви и за православную веру месяца мая в 29-й день, убив своей рукой, как сказали уцелевшие, более шестисот турок. И свершилось предсказанное: Константином создан город и при Константине погиб. Ибо за согрешения время от времени бывает возмездие судом Божиим, злодеяния ведь, говорится, и беззакония

низвергнут престолы могучих».

Султан же въехал в Святую Софию на коне, повелел сбить с нее крест, водрузить на его место полумесяц и обратить Премудрую в мечеть, самую большую во всем подлунном мире. Замазали фрески и мозаики в Храме раствором, намалевали поверх словеса магометанские, понатыкали минаретов вокруг. Думали они, что станет так Премудрость служить иным владыкам. Но остались турки ни с чем. Видели они только внешнее, но не прозревали внутреннего. Под раствором, никем не замеченная, жила себе мозаика, где в окружении архангелов изображен был император Константин, основатель Города, со всем семейством своим и с матерью, императрицей Еленой, приносящим святые дары. И проявился на мозаике сей некий инок, коего ранее тут не было. Держал он в руках полотнище цвета белого — непонятно: зачем, почему? Погибли все братья, и некому было опознать инока. Да и под штукатуркой кто его увидит?

Совсем иные молитвы возносились теперь из Храма к небесам. Совсем иные — и вместе с тем похожие. Все люди одинаково молились Богу, надеясь получить от него облегчение своих страданий и усугубление страданий ближнего. Как будто слышал Он их. Да и нужно ли Ему было все это слышать? Про столп сияющий, что прорезался из купола Святой Софии прямо в небо, и про женщину крылатую, исполненную света, запретил Мехмед упоминать под страхом смерти — был султан не глуп, но страх поселился в его сердце.

И писал Лаоник Халкокондил, летописец: «Когда-то давно пришла Азия в Европу, но встали на пути беснующихся орд Спарта и Афины. При Фермопилах, Саламине и Марафоне показали они завоевателям, что не всесильны те, дабы через полтора века родился Александр Великий и изгнал Азию в пыльные степи, откуда и вышла она. Прошли века. Думали люди, что никогда не повторится единожды свершившееся. Но снова пришла Азия в Европу, и вставшие на пути у нее так же, как тогда, показали беснующимся ордам, что не всесильны они. Но где тот Александр, который изгонит Азию в ее пределы?»

— Сестра! Слышишь ли Ты? Кабы сказали мне тогда, как оно будет, не поверила б я ушам своим. Каждый день приходят ко мне толпы людей с разных концов света, а турки ничего сделать им не могут, ибо люди эти несут туркам деньги. На месте брата Георгия теперь мечеть, а вокруг колонны Константиновой — сараи какие-то. Впрочем, у этих и сараи за дворцы сойдут. А роз во Влахерне больше нет... Да и самой Влахерны... Турки молятся по пять раз на дню — неужто думают, что спасет это их?

— ...

— И не говори, сестра! Через Золотой Рог теперь перекинут мост в Галату, а на месте Триумфальной дороги нынче улица, вся в яминах — при базилевсах и то лучше дороги мостили. Едут по ней вонючие железные повозки и днем, и ночью. Да и самого Константинополя теперь уже нет — вместо него Стамбул.

— ...

— Сестра! Мы скучаем по Тебе! В Акрополисе теперь стоит богомерзкий султанский дворец — даже династ средней руки постеснялся бы сделать себе такую конюшню! На месте форума — базар. Базары теперь повсюду, повсюду мусор и нищета, грязь течет прямо по улицам. Эти варвары повадились брать воду из Цистерны под Базиликой, и туда же они сливают нечистоты свои. А что они сделали с Тобой, сестра! Как изуродовали облик Твой! Айя София теперь звать Тебя...

— Айя София?

— Сестра?! Это ты?!

— Слышишь ли Ты меня, сестра? Это я, айя Ирина! Сестра Ирина!

— Слышу, сестра.

— О Господи!

— Скоро, скоро мы встретимся. Погодите, недолго уж осталось.

— Несчастливым оказался конец, да?

— Конец? Бог с тобой, сестра! Это только начало.

Ник Перумов, Вера Камша
ВОЕВОДА И НОЧЬ
(Вариации на тему А. К. Толстого)

*Что ни год — лихолетие,
Что ни враль, то Мессия!
Плачет тысячелетие
По России — Россия!
Выкликает проклятия...
А попробуй, спроси -
Да была ль она, братие,
Эта Русь на Руси?
Эта — с щедрыми нивами,
Эта — в пене сирени,
Где рождаются счастливыми
И отходят в смирение.
Где, как лебеди, девицы,
Где под ласковым небом
Каждый с каждым поделится
Божьим словом и хлебом.
Александр Галич*

1. Боярин

Леса под Володимиром горели. Тлели и иссохшие за лето торфяники. Поутру сизый дым казался туманом, сквозь который проступали сухие горячие стены. Солнце катилось по небу красным раскаленным щитом и тонуло в крови, уступая место багровому месяцу. Разразившаяся в Симеонов день гроза сожгла древний дуб на Болотовой горе и снесла крест с колокольни Кронида Великого. Стекавшиеся со всех сторон в Володимир странники рассказывали кто о рожденном в полночь двухголовом жеребенке, кто о поющей петухом курице, кто о седом волке, что средь бела дня вошел в божью церковь и задрал попа с дьячком. И все громче звучал ропот — не жить человеку без головы, а Руси — без государя... И верно, не жить.

— Воля твоя, Степан Никитич, — боярин Богунов потер красные от дыма и бессонных ночей глаза, — тебе и решать, только не тяни! Убивай, так сразу.

— Не могу я, Денис Феодорович, прости! — Воевода князь Алдасьев-Серебряный глядел в пол. В пол, хотя не опускал взора ни пред покойным Кронидом Васильевичем, ни пред палачами его, ни пред горбачом Митиным, что пробудил стыд и дух воинский в отчаявшихся русских. — Не по чину мне венец и не по силам, да и кому я его оставлю? Сам знаешь...

Денис Феодорович знал, как никто иной. Когда Алдасьева схватили по навету Шигорина, не забыли ни про жену его, ни про детей, ни про братьев и племянников. Их смерть не была легкой, но в сравнении с тем, что готовил Кронид Васильевич самому воеводе, казалась милостью.

— Если в стремя ногой да на поганных, я еще пригожусь, — голос защитника Плескова звучал виновато, но твердо, — только не тяни коня на колокольню. Не влезет, а и влезет — толку-то...

— Ты Киевской крови, — в сотый раз напомнил Богунов, уже зная, что за ответ последует.

— Не я один, — отрезал воевода, сутуля богатырские плечи. — Киевичами не один Володимир красен...

— Верно, — подтвердил Богунов, заходясь кашлем. Дым и сушь рвали горло не хуже елового корья, что совали в глотки узникам опричники Завреги. — Прости, княже, воды изопью...

— Зачем же воды? — Все еще гнущие медяки пальцы сомкнулись на ручке изукрашенного чудо-птицами кувшина. — Медовухи испей, а там и обед поспеет...

— Думаешь, сытым отвязчивей стану? — усмехнулся в кольчатую бороду думный боярин. — Не стану, друже, не надейся. Ты на иных Киевичей киваешь, дескать, много их. И впрямь немало, только каковы они? Иоанн Меньшой, сколько б самозванцев на нашу голову ни свалилось, в могиле, Ейский — в монастыре, и хвала Господу! Каморня четырех государей предал и пятого продаст, Мицкой честен, да глуп, Чемесов — младенец, Древецкой — старик, Солонецкие удавятся, а под руку к Волохонским не пойдут, Волохонские в омут сиганут, лишь бы Солонецким не кланяться. Забецкой сам знаешь где... Черницкие с Долгополыми да Короткими никому и через порог не надобны. Не признает их никто: друзья не обрадуются, враги не убоятся. Нет, Степан Никитич, кроме тебя — некому, а что вдов ты, так то исправить недолго. Пятый десяток — не осьмой. Я старше тебя, а года нет, как меньшую в купель опустил...

Алдасьев не ответил, только брови свел. Тяжелое дыхание в жаркой тишине казалось странно громким и хриплым. Денис Феодорович незаметно утер лоб и замер, боясь спугнуть надежду. Князь должен согласиться, потому что больше на ошалевшем от смуты Володимире никому не усидеть — скинет, как скинул обоих Лжеиоаннов и лукавца Ейского. А если и четвертый раз, упаси Господь, не сложится?

— Не жить нам, — отчего-то вслух произнес Богунов. — Север немцы со свеями отгрызут, запад — ляхи, на востоке татарва воспрянет, а что останется, само себя изъест...

— Не начинай сначала, друг дорогой, — устало произнес Алдасьев, — сам все знаю.

— Нет, Степан Никитич, — уцепился даже не за хвост, за подкову Богунов, — не все ты знал, но узнаешь. Не своей смертью умер Кронид Васильевич. Грех на мне, да не один, ибо не стыжусь содеянного, но стыжусь того, что тянул. Видел, к чему идет, что безумие государя губит Русь... Кровища хлещет, соседи руки потирают, прикидывают, когда накинуться, воеводы кто на дыбе, кто — в царствии небесном, а я разумом понимаю, а боюсь! Сам не ведаю, чего жду...

— Лукавишь, Денис! — рявкнул, словно на поле боя, Алдасьев. — Напраслину на себя взводишь! Что государь от удара преставился, то всем ведомо. Знаю, взъярил ты его, так не ты первый. Я да Чемесов, покойник, еще и не то ему сказывали, как Заврега под Желынью войско положил...

— Что взъярил, то вершки от бурака! — Девять лет ни попу, ни жене, ни подушке не сказывал, да и сегодня не гадал, ан придется... — А корешки в том, что была у меня отравка фряжская. Не всем, как тебе да старцу Финогену, душу да совесть вперед тела стеречь. Нагляделся я на орлов Заврегиных и сказал себе, что лучше грех на душу да в пекло, чем на дыбу или к ливонцам по следу Забецкого...

— Не мне судить тебя, — хрипло произнес воевода. — Знал бы, что в застенке ждет, Заврегу б на месте порешил да рубился б, пока опричные числом не задавили...

— Не все саблей махать горазды. — Богунов шевельнул покалеченной в юности рукой. — Носил я отраву в кольце, что Кронид Васильевич от щедрот своих у стен Хазари с руки снял.

— Помню то... Не раз гадал, а ну как бы сберег ты пальцы, а не государя, к худу то стало б или к добру?

— По той поре к худу, а другой могло б и не случиться, ты дальше слушай. Был у меня осман, золотых дел мастер... Выдолбил он яхонт да назад посадил, а государю и невдомек. Видел, не расстаюсь с его подарком, стало быть, горжусь, а в день тот...

— Осьмнадцатое березня...

— Осьмнадцатое березня... За шахматы мы с Кронидом Васильевичем сели, а Шигорин мальвазию наливал да наушничал. Тогда и сказал государь, что на Великой неделе

конец тебе, а как Пасху отгуляем, на ливонцев пойдем и сам он полки поведет. Тут я и решился...

— Как же? — Алдасьев шумно втянул воздух. — Как же ты...

— Так! — Денис Феодорович поймал взгляд князя и уже не отпускал. — Шигорин на Древецкого поклеп возводил, а я, как тот от стола отходил, на него... Дескать, больно уж Григорий Алексеевич языкаст, негоже такого до государевой мальвазии допускать. Государю много не надо было. Поставил Гришка кубки, я в свой отраву и кинул, а государь усмехнулся, умирать буду, вспомню... «Коли ты, Дениска, такой верный, — говорит, — возьми мой кубок и дай мне свой. Помрешь — быть Гришке на колу».

— В свой кубок, Денис Феодорович? — Алдасьев приподнялся, опираясь руками на столешницу. — Не ослышался ль я? В свой? Не в государев?! А ну как самому бы пить пришлось?

Богунов опустил взгляд.

— Мало ты государя в последние месяцы видел, князь Степан. Мышь зашуршит — а ему лучник бластится. И отравы боялся, и ножа. А уж как любил ближних своих стравливать. Стоило мне помянуть мальвазию, мол, берегись, великий государь, так он за то прямо ухватился. Ох, ох, Степан Никитич, вот опять как сейчас его ухмылку взвидел... — Боярин тяжело вздохнул, пальцы сами коснулись образка, что висел на распахнутой груди. — Не сомневался я, княже. Поверишь ли, нет — знал, как станется. Словно на ухо кто нашептал...

— Не говорил бы такие слова, Денис Феодорович, сам знаешь, *кто* нашептать может...

— Знаю. Но и на Суде Великом, Суде Последнем от содеянного не отступлюсь. Ибо верил — себя гублю, многое и многих спасаю. А мой кубок... Не в тот день, не в тот час испить мне его. Уж больно, как говорено уже, государь шутики про яды любил, а дальше и вовсе просто вышло... Знал я, что жить ему меньше часа, часы альбиенские у меня перед глазами были...

Алдасьев молча и хмуро кивнул. Оба надолго замолчали.

— Потому ты их и выкинуть велел? — наконец разлепил рот воевода. — Часы те?

— Потому... Выждал я сколько надо да поддался, вроде как ладью проглядел. Кронид Васильевич в довольство пришел, шахматы отставил, велел Древецкого с Кишиным кликнуть, те вошли, тут я и скажи, что нельзя государю полки вести. Воевода, дескать, он никакой. Порубят, потопчут нас ливонцы... Государь вскочил да за горло схватился. Лицо страшное, красное, на губах пена... Шагнул ко мне, упал да и отдал душу. Уж не знаю кому...

— Выходит, жизнью я тебе обязан, — с усилием произнес Алдасьев, — и не я один. Все, кого на Великой неделе не растерзали, все те, кого ливонцы не посекали... Только из дурного зерна доброму злаку не вырасти. Не прошло и трех лет, как Самозванец нагрязнул.

— Оттого и нагрязнул, оттого и подтолкнули его, что начали мы из ямы Кронидовой выползать. Плесков с Островом назад отобрали, к Угрени присматриваться стали... Тут-то он и подоспел, Ивашка... Да и Ейский с Богдановым-Сошкой воду мутили, а Симеон Кронидович, царствие небесное, добер был...

— Царствие небесное, — эхом откликнулся князь. — Сказал уже, боярин, не мне тебя судить. Хотел ты доброго, а лучше б стало, не тронь ты государя, хуже ли, того нам знать не дадено.

— О том мы еще потолкуем. — Говорить, так до конца. Если Степан Никитич грехи отпустит, никакой поп не нужен. — Не все я еще рассказал. Стерпел бы я и казнь твою, и полки порубленные, коли б не Сенька мой. За него я грех на душу взял, за кровь свою, не за други своя...

— За Арсения?! — воевода сжал кубок, словно сабельную рукоять. — Неужто и его... на Великой неделе? Какую ж ему вину приторочили?

— Не в вине дело... Сенька отбить тебя задумал, как на казнь повезут, да к желынским

полкам отвезти. Сам понимаешь, куда ни кинь — везде клин. Кабы не вышло, сидеть бы нам всем на кольях, а кабы вышло?! Полк на полк бы пошел, брат на брата?

— Я б не дал, — раненым зубром взревел Алдасьев. — Не дал бы!

— Ты сейчас не дай, — неожиданно спокойно произнес Денис Феодорович. — Сенькина затея — дело прошлое, а нам сегодня жить. И враги наши за те девять лет не сгнули.

— Не сгнули, — лесным эхом повторил Степан Никитич, — и не сгинут... Прости, Денис Феодорович, прогоню я тебя. Подумать надо... Завтра отвечу.

2. Князь

Когда ушел думный боярин, солнце стояло высоко над поблекшими от жары березами, теперь же сквозь черные ветви просвечивал ржавый, не к добру, месяц. Спустилась ночь, а воевода и не заметил — как пришел со двора, проводив гостя, как рыкнул на челядь, чтоб и носа не казала, так и рухнул на лавку.

Не в первый раз приходили к князю со словами, от которых в голове мутилось, но в первый раз не знал он, что отвечать. Просто сказать на молоко, что оно бело, а на сажу, что черна, а что про зеркало скажешь? Каково оно? А про булат? Денис Феодорович про совесть помянул, дескать, не все ее вперед тела ставят, как ты, друг дорогой... Полно, да так ли? Совесть что одежда, на лавке сидючи не измараешь, а в бою или в походе много ль от парчи да бархата остается? Богунов одежд своих не жалел, где кланялся, где лгал, где молчал, а сколько людей да городов уберег? А ты, княже? По осени шестой десяток разменяешь, а чем славен? Татар да ляхов лупил, немцам прыти поубавил, так то просто. Впереди — враг, позади — своя земля да свои полки, либо ты одолеешь, либо тебя. Третьего не дано, да только третье сие нас и давит. Кого во сне, кого в радости, кого — в печали...

Воевода поднялся, повел плечищами. На коня б сейчас и вон из Володимира! Ветер в лицо да стук копыт и не от такого лечат, только слуги не отпустят, сзади увяжутся, и еще жара, что даже ночью не спадает. Жара и дым, словно сама земля горит, а первые искры уж не в твоей ли горнице двадцать с лишним лет тому полетели?

Смотрит с образов Спас Ярое Око, тоже ждет ответа. Под таким взглядом не sluкавишь, не с того ли Лжеиоанн сжег хоругвь чудотворную да образа, с нее списанные? И не с того ль заполыхал тот костер на Червонной площади, что Алдасьев-Серебряный в обиды ударился да от столицы отъехал? Сидел в своем углу, как бирюк, да был по семье да по молодости сгнувшей, а полки на Самозванца иные повели? И ведь, поди, никто вины твоей не помнит. Ни горбач Митин, ни Богунов, ни ратники с ополченцами, что за тобой, как в старые времена, пошли. Только ты и знаешь, что была измена. Не та, про которую Заврега наплел, иная. Забыл ты про Русь, княже, когда беды по колено было, а теперь озеро натекло.

Ржавый месяц за окном поднялся выше, но не побелел. Тихо, не скрипнув, отворилась дверь, вошел в горницу кто-то высокий, в дорожном платье. Князь Михайло Забецкой! Друг сердечный да лучший воевода земли русской... Бывший друг и бывший воевода. Ни единого седого волоса в русых кудрях, ни единой морщины на красивом лице, только шрам от сабельного удара рассек левую щеку — память о взятии Хазари.

— Здрав буди, Степане, — поклонился гость, — давненько не видел я тебя.

— И ты будь здоров, Михайло, — пробормотал Степан Никитич. — И впрямь давненько не видались. Я — старик уже, а ты все молодешенек, словно вчера от стен хазарских.

— Невместно мне стареть. — Забецкой, не крестясь, сел у стола. — Налей мальвазии, княже. Выпьем тебе во здравие, мне — за упокой.

— Так ты умер? — отчего-то это известие не вызвало ни страха, ни удивления. — Не знал, прости...

— Коротка у тебя память, княже. Ты и убил меня в доме своем. Я, как письмо подметное получил, что зарежут меня по приказу государеву, к немцам уйти решился да

проститься зашел. Ужель запамятовал?

Степан Никитич молча покачал головой. Он помнил ту ночь до последнего слова. Князь Михайло, хмурясь, пил чашу за чашей и не хмелел. Вспоминал то как они по младости с Кронидом Васильевичем в одних рубашках от убийц бежали, то Хазарский поход, то наровскую победу. Не было у Крониды Васильевича друга ближе да воеводы лучше, чем Михайло Андреич...

— Помню, как ты пришел, — выдавил из себя Алдасьев, наполняя кубки, — и о чем говорил, помню, и как на коня садился. Нет на мне твоей крови, князь, это ты в нашей крови купался, новым хозяевам угождал.

— Ничего-то ты не понял, Степане, — жутковато усмехнулся Забецкой, — ни тогда, ни теперь... Не хотел я бежать, душа не хотела. Головой решился, не сердцем. Не со страху — с обиды. Отплатить хотел Крониду, а совесть не пускала, вот и пришел к тебе. Думал, отговоришь али убьешь на худой конец, а ты отпустил, ровно в прорубь кинул. Вошел к тебе живым, вышел — мертвым... Хуже, упырем. С того и кровь пил, да не сыскалось мне кола по сию пору, с того и старости мне нет. Так и вою, ровно волк, как ветер с востока поднимется. Худо мне, Степане, ох как худо...

— Вижу, что худо, — жестко сказал Алдасьев, — только не перед тобой моя вина, а перед теми, кого вместо тебя схватили. Не верил Кронид Васильевич поклепам, пока ты к супостату не перекинулся. Убить хотел тебя, то правда, только не за крамолу... Видел он, что у царевича твое пятно родимое, а потом шепнули ему про тебя да про государыню...

— Много грехов на мне, Степане, — перебил Забецкой, — вовек не отмолюсь, но все они поздние. Чист я был до измены. Было б чем поклясться, поклялся, а что до пятна родимого, то мы с Кронидом одного деда внуки.

— Так государю Ейский и сказал да о победах твоих напомнил. Дескать, всем ты, княже, взял. И девки тебя любят, и люди воинские, и народишко подлый. Захотел бы венца, носил бы уже. Государь и запомнил, только не знаю я, Михайло, что прежде случилось — ты ли сбежал, государь ли избыть тебя решился. И никто теперь не скажет, разве что на том свете ключарю Пресветлому.

— Ладно, Степане, — махнул рукой Забецкой, — дело прошлое. Не за тем пришел... Меня добил, Русь не добивай. За нее, родимую, пью...

— За нее, — повторил Степан Никитич, поднимая кубок. Присутствие Забецкого не пугало и не удивляло. Михайло должен был прийти и пришел. Сколько волка ни корми, а он в лес глядит... Сколько ни засыпали Михайлу Андреевича немецким золотом, тот на Болотову гору косился. — Много ты говорил, княже, что ж о том, как стравил свеев с ляхами да с границ наших увел, не сказал? Что о том, как Млавенец ляшский ливонцам вместо Плескова скормил, молчишь?

— Того и молчу, что, в ключевой воде замаравшись, в болотине не отмыться. Ну, прощай, Степане. Не провожай, не знаешь ты дорог моих нынешних, не про таких, как ты, они торены.

Пустая горница да споловиненный кубок. То ли было, то ли привиделось...

— Опять полуночникаешь, горяшко мое горькое?

Аннушка! Жива... Вскочить бы, броситься к ногам, собакой ткнуться в подол да не сдвинуться с места, только и сил, что глядеть, боясь сморгнуть, чтоб не растаяла, не рассыпалась серым прахом. Заживо ж сожгли с детьми да слугами. Заживо! А ведь мог спасти, если б гордыню смирил. Знал ведь, что придут, упредили люди добрые. Во всем Богунов признался, одно позабыл. Молодицу у колодца, что детей спасти велела да кольцо с яхонтом показала. Памятное кольцо, государем дареное, государя и убившее. Не снимал его Денис Феодорович, ровно сросся с ним, а тут не пожалел!

— Да что с тобой, Степушка? — засуетилась Анна. — Молчишь, глядишь зверем, ровно и не ты жив, а я...

— Это я тебя загубил, — глухо произнес князь. — Гордыня моя. Дескать, неместно мне по следам Михайлы тащиться. Лучше свой государь за правду казнит, чем иноземный за кривду в шелка оденет. О себе думал, о тебе забыл.

— А ты всегда забывал, — улыбнулась молодыми губами княгиня, — не для себя жил — для Володимира. А теперь для всей Руси поживи, поздно тебе о винах думать да о сгоревшей траве плакать. Не меня жалея — тех, кто сейчас боится да плачет.

— Не то беда, что не для себя жил, — повторил Степан Никитич, — а то беда, что не для тебя. Не было тебе ни счастья со мной, ни покоя. Только раненым меня и видала...

— Все было, Степушка. И счастье, и несчастье, — белая рука потянула к себе тяжелый кувшин. — Ночи без дня не бывает, а зимы — без лета. Пьешь, гляжу, ну и я с тобой выпью. Долго же мы с тобой не виделись. Девять лет жду, да мне не впервой. Сколько надо, столько и живи. Для того и пришла, чтоб сказать... И спросить.

— О чем спросить, Аннушка?

— Да о чем сестра наша спрашивает? Только правду ответь. По любви ты меня взял или отцы наши сговорились, тебя не спросили?

— Сговорились, Анна Всеславна... Не было любви, да другое потом пришло. Не цветами — хлебом. Прирос я к тебе накрепко.

— Вот я и узнала, — вздохнула княгиня. — Что ж, что купила, то и ешь. Правды просила, а хотела иного... Нет в тебе жалости, Степане, только правда.

— Ты же сама...

— Сама. По дурости. Ну, прощай... Не до меня ведь тебе, сама вижу. И не иди за мной — не догонишь.

И вновь тишина, сторожкая, будто перед войной. Два кубка на столе, споловиненный да пригубленный, а третий, пустой, в руках. Налить бы, да прошлое топить в вине позорней, чем от врага бежать. Без памяти — ровно и не жил, только с памятью порой лучше б и не жить, а завтра придут и спросят, готов ли ты, княже, принять венец Киев, и что ответишь? Ейский душу за обруч с самоцветами загубил, да добро б только свою. Богданов-Кошка, даром что двадцатый год рясу таскает, за венец для сына-недоросля глотку хоть кому перервет, а тебе легче петлю вздеть, чем бармы.

Снова шаги в сенях! Легкие, быстрые, торопится кто-то...

— Кого Господь несет? — Полно, да Господь ли?

— Здрав буди, княже! Знаю, не рад ты мне...

— Государь Симеон Кронидович! Так ты...

— Где положили, там и лежу, — последний из сынов Кронида Васильевича улыбнулся робко и виновато, как и в последнюю их встречу. — Прости, княже, не своей волей тебя тревожу, да когда я что своей волей делал? Разве что пел, когда не слышал никто, только какой с певца государь? Воды испить дашь? Знаешь же, вина в рот не беру, худо мне от него.

— Сейчас, государь. Нет здесь воды, принести надо.

— Коли так, не тревожься. И то сказать, зачем мне теперь вода, баловство одно... Вот когда Ивашка признать его велел, тогда тяжко без нее было. Думал, не выдержу — все, как хочет, скажу и крест на Лобном месте поцелую, да уберег меня Господь от свидетельства ложного, подкинул веревочку... Тоже грех, да только мой, а скажи я всему Володимиру, что холоп беглый Кошкин — племянник мой, чудом спасшийся? На всех бы ложь моя пала...

— Замолчи, государь! — то ли прошептал, то ли взвыл Алдасьев. — Сыном Божьим, матерью Его Пречистой молю, замолчи!

— Как скажешь, Степан Никитич, — потупился Симеон. — Прости, что опечалил, только вспомнилось... Мы в земле неосвященной лежим, вот и помним. Вода святая, землю кропящая, сны навевает, доброму — добрые, лихому — лихие, чтоб совесть пробудилась, а самоубийцы, они бессонно лежат. Так ты принесешь воды, княже? Если будет ласка твоя, похолоднее, жарко мне...

— Сейчас, государь!

В окно мальвазию фряжскую — да с пустым кувшином в сени! Нет у Симеона Кронидовича зла на душе, так ведь и не было никогда. У отца да братьев старших было, а Симеон блаженным родился. Крови боялся, охотой и той брезговал, а не сломался. Душу загубил, а пса прилюдного за родича не признал, а тому пол-Думы на верность крест целовало...

В дубовой кадке дрожит вода, а в глубине ровно горит что-то. То ли месяц ржавый, то ли свеча... Совсем рехнулся ты, княже. Сам ведь свечу и держишь, в своей руке, и дрожит она чуть ли не впервые в жизни. Алдасьев сжал зубы и разбил дрожащее зеркало изукрашенным птицами кувшином. Тихо плеснула вода, потекла в серебряную глубь. И то сказать, какой с кувшина спрос — что нальешь в него, то и будет, нет у него выбора, а у человека есть. Выбрал Михайло Забецкой чужбину, выбрал Степан Алдасьев застенки, выбрал Симеон веревочку, только конец той веревочки к чужой гордыне приторочен.

Ухнула, лупнула желтыми глазищами сова — и откуда только взялась? Пожары, что ль, из лесов выгнали? Подняли ветер, едва не скользнув по щеке, крылья, метнулась ночная хозяйка вон из сеней, в серые сумерки, оставив боярина одного. Совсем одного.

Ни друга бывшего, ни жены, ни государя, только три кубка на пустом столе стоят, ровно на иконе, иноком Сергием писанной. Кубки есть, только ангелов не видать. Отлетели они с земли Володимирской. Пусто за столом, пусто в горнице, пусто в душе... Прошла заветная ночь, скоро зазвонят у Кронида Великого, скоро придут к боярину за ответом, а что отвечать? Нет силы у воеводы и не было никогда, *такой* не было. Не поднять Алдасьеву земель русских, как не поднять Царь-колокол, как не повернуть Царь-пушку, да и не один он от семени Киева, есть и моложе, и сильнее, и достойней. Полно, есть ли?

Смотрят с божницы лики, тоже ждут ответа. Не ждут — требуют, а небо на востоке

багровеет, будто кровью наливается. Выходит над Володимиром Великим недоброе солнце, начинается новый день...

3. Окольный

Супит брови горбач Митин, красны глаза отцовы — не от дыма, не от бессонницы — от ожидания непоправимого. Топчутся с ноги на ногу володимирцы, желынцы, нижегородцы, плесковичи, югорцы... Они еще думают умолиť князя принять венец, как умолили саблю поднять, только одно дело — супостатов от Болотовой горы гнать, другое — на престол сесть. Страшное то дело, неподъемное.

— Как думаешь, Арсений свет Денисович, умолим Никитича?

Гаврила Кудряш, атаман казацкий. Борода да брови смоляные, а волосом сед как лунь. Когда Ейский с Шигориным к Самозванцу перебежали, не пошел с ними Кудряш и с побратимами своими Кустрей да Чехвостым врезал по тевтонцам. Многих порубили, совесть сберегли, а Володимир и государя — сил не достало. Сам Арсений Богунов того боя не видел: татар за Халзан провожал, — но наслышан был немало.

— Не умолим, Гаврила Козьмич, — не стал кривить душой Арсений. — Отец вчера туча тучей вернулся. Он не смог, мы и подавно не сможем.

— И то, — казак хмуро зыркнул на Патриаршьи палаты, — зато Кошка, поди, радешка...

Все носят крест, все братья, все должны чтить отца своего, и государя своего, и пастырей своих, только нет веры патриарху у тех, кто саблей незванным гостям путь от Володимира на Заход указал. Да и с чего быть ей, вере-то? Первый Лжеиоанн — холоп Богдановых, у второго патриарх с родней в плену жил, ровно у Господа за пазухой. Волоска из бороды не потерял...

Вышел на Красное крыльцо дьяк думный, завел всем ведомое. Про то, как бояре и воеводы писали во все города всяким людям, чтобы были к Володимиру Великому митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, и из дворян, детей боярских, гостей торговых, посадских и уездных людей, выбрав лучших, крепких и разумных — по сколько человек пригоже, — для Земского Совета и для Государского обирания прислали к Володимиру же...

— С Ивашкой, бабку его за хвост, за поганый, проще было, — заворчал Кудряш. — И со вторым вором, и с падлюками семибатушными, а тут ровно в тумане...

— Не в тумане, — шепотом поправил одноухий Чехвостый, — в дыму... Тлеет, не гаснет.

— Не погаснет, пока государя не посадим, — откликнулся еще кто-то. — Хоть какого!

— Душа у земли болит... Блаженный-от вчера говорил...

Муторно. Муторно стоять и ничего не мочь. Только ждать, зная, что ждать нечего. Только просить, зная, что не пойдет Алдасьев против совести своей, как никогда не шел.

Помнил Арсений Денисович князя и за столом батюшкиным, и в бою, и у костра на биваке. Сколько себя помнил, столько и Степана Никитича. Как бывал в гостях, как подхватывал несмышленного Сеньку в седло, как шутил, что невеста ему растет, княжна Марья. Первая Сенькина сабелька Алдасьевым дарена, скоро сыну впору будет... была бы, случись все, как отцам гадалось. Марья Степановна в тереме сгорела вместе с матерью, с братьями да сестрами... Пятнадцатая весна ей шла, а Сеньке Богунову восемнадцать сровнялось. Два года в Володимире не бывал, из Млавы воду черпал, там и узнал, что зашевелилась Орда недобитая, перешла Халзан. А чего б не перейти — полки русские после прорухи ливонской раны зализывают, а государь своих пуще басурман стережется?..

«Мы били челом соборно и молили со слезами много дней государя Степана Никитича, дабы нас пожаловал, сел на государстве, так я вас, бояр и весь царский синклит, дворян, приказных людей и гостей, и все русское воинство благословляю на то, что вам великому государю Степану Никитичу в ноги пасть и молить его...»

Патриарх. Красно говорит. И отец красно говорит, и Митин-горбач. Воинским людям так не сказать. Ни Алдасьеву, ни Кудряшу, ни самому Арсению... Не держал Денис Феодорович единственного сына при себе, с тринадцати лет гонял то в степи халзанские, то в леса млавские, лишь бы от государя подальше. Мать плакала сперва, а после того, что с Алдасьевыми сталось, сама выпроваживать стала, только не наловчился Арсений Богунов бегать. И бросать тех, кто дорог, тоже.

Как услышал про казни на Великой неделе, так и понял — отобьет Степана Никитича со товарищи и к Желыни и дальше, за Халзан. Князь татарву уймет, не впервой. Глядишь, государь и образумится, а нет, так с Халзана и выдачи нет, разве что войной идти, да кому с Алдасьевым воевать? Не Завреге же!

«А у меня, Филоктимона патриарха, у митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и у всего освященного вселенского собора, у бояр, дворян, приказных и служилых, у всяких людей, у гостей и всех вернославных, которые были в Володимире Великом, мысль и совет всех единодушно, что нам, мимо государя Степана Никитича, иного государя никого не искать и не хотеть».

— Никак, кончил, — шепчет Кудряш. — Пошли, что ль...

Пошли. Пешими, по пахнущим лесным да торфяным дымом улицам. Епископы и игумены, бояре и дети боярские, гости торговые и люди посадские... И недалеко идти, только дым глаза ест, а тоска — сердце. Где удаль боевая, где отчаянье, что на самого Кронида Васильевича саблей замахнулось? Иссякли, одна тягота на душе и осталась.

Широки улицы володимирские, да не сегодня — почитай, со всех земель русских люди добрые съехались. Недолго рядили, недолго думали. Сошлись вернославные в выборе своем, только что с того? Все и дождя просят, а решать все едино Господу.

Патриарх с князьями да боярами уже у ворот алдасьевских, а югорцы только-только с площади убираются. Народишко надеется, а набольшие уже венец на себя примеряют. И чего им на колени перед Алдасьевым не стать, бескорыстие не выказать, коли тверд князь в отказе своем, ровно кремь. Видел Арсений, как выволакивали Степана Никитича на руках из темницы, сам и выволакивал... И на пепелище вместе были они — не стал Степан Никитич тянуть, сразу велел к дому нести. К бывшему дому...

— Помнишь?

Кто спросил? Кудряш — так не было его тогда в Володимире. Чужие валят ставшей тесной улицей, то есть не чужие — свои, вернославные, но не знает их Арсений Денисович, и они его не знают.

— Помнишь?

Шагает рядом тучный старик, вроде инок, вроде и нет. Суров лик и задумчив. Не он ли спросил? Заговорить? Не с кем заговорить, нет рядом старика, но он помнит... Помнит, как пошли слухи, что Иван, сынок Ивана Кронидовича посмертный, выжил. Схоронила, дескать, младенца кормилица, свое дитя в цареву колыбель положила. Не ведала того вдова, кинулась вместе с сыном с башни, чтоб душегубу-свекру живой не даться, а пред тем прокляла и Кронида, и всех присных его...

Может, и прокляла, только слухи те едва ль не двадцать лет спали и вдруг поползли червями по падали... А за слухами и Самозванец объявился, да не на Халзане, не в лесах югорских, а у магистров тевтонских. Те и помогли войском, казной и женой, а потом и ляхи кровь почуяли, только не вышло б у нечисти чужеземной ничего, кабы не измена и не слухи. Верили. Верили люди, что вернулся Иван Божиим соизволением и теперь расточатся все беды, ровно их и не бывало. Потекут реки молочные, уймутся мытари и разбойники и станет все как в старину, золотую да лазоревую. Сколько было обманутых, а сколько все понимало, да поживы искало?

Вот и березы алдасьевские. Березы старые, палаты новые. По приказу Симеона Кронидовича срубленные на чистом месте. Там, где стояли прежние, теперь храм Анны-великомученицы, тоже государем возведенный. Только ни дня при Симеоне не прожил Алдасьев в новом доме, ни единой свечечки в храме не зажег. Как смог в седло сесть, так и

отъехал в вотчину, ни с кем слова не сказав, даже с батюшкой. Государь не гневался — не умел. Только раз и закричал Симеон Кронидович. На Самозванца, как он хоругвь цареградскую ухватил... А князя Алдасьева не отец вернул, хоть и дружны были, и не патриарх, а горбач нижегородский. *Тогда* внял князь.

Распахнуты ворота. Настежь. И стоит в них воевода Степан Никитич. Один-одинешенек. Спокойно стоит и неколебимо. Не стал ждать в горнице, не захотел, чтоб на колени валились, чтоб молили, ибо невместно и ни к чему. Такие, как Алдасьев, сами про себя все решают. Не нужны им уговоры и унижение чужое.

Оперся на свой посох патриарх. Утопил в бороде радость и призвал князя к повиновению. Истово призвал, чего ему? Пусть все видят, что молили строптивца, да не умолили. А потом кто-то шепнет про юного Данилу, сына Святейшего, что в монастыре дальнем безгрешно живет, из плена вынувшись. И поползут слухи, как ползли об Иване Меньшом...

— Против воли Господней кто может стоять? — возглашает Филоктимон. — И ты безо всякого прекословия, повинуйся воле Господа нашего, будь всем вернославным государем. О том пришли мы...

— Знаю, о чем пришли, — князь вытянул ладонь вперед, останавливая Филоктимона, — все знаю, не утруждай себя, отче. Невместно человеку идти против воли земли своей, невместно ношу свою на чужие плечи перекладывать, принимаю я венец Киев.

Громыхнуло — или охнуло в небесах? Или только тебе то слышно, окольничий? Тебе огонь небесный глянул в очи, тебе одному ветер взъерошил волосы, охладил виски? У тебя одного упал камень с души — или у всех? Ты один выдохнул — или вся Русь?

Потому что нашелся тот, что принял неподъемное? Встал тот, что, бондарному обручу подобный, скрепит распадающиеся, разбредающиеся досточки — русские кости? Что, покорило? Бочка не понравилась, ни куполов тебе златоглавых, ни храмов белокаменных? Так ведь оно как выходит — бочка, она куда полезнее меча бывает. Не сберечь страну без меча, но и меч без бочки не прокормишь.

Встал князь, распрямил плечи, взялся за гуж. Неведомый раньше восторг сдавил окольничему горло, защипало глаза бабьей водой, и впервые в жизни Арсений Богунов не стыдился помокревших щек.

Есть государь на Руси. Прочен обруч бондарный. Встанем, выпрямимся, разогнемся. Сдюжим.

— Спасибо тебе, Степан Никитич, — прошептал окольничий, последний раз величая князя по-дружественному, по-родственному. — Спасибо тебе.

Алесь Куламеса ПОД БЕЛЫМИ КРЫЛАМИ

КРЕСТ

Они бежали цепью, след в след, скользя среди замшелых стволов бесшумными тенями. Отголоски доисторических времен, изначальные хозяева этих лесов. Остроконечные уши прижаты, глаза распахнуты, а носы жадно ловят запах.

Запах пищи. Там, впереди, ее много. Очень много. И ко всему — сейчас пища беззащитна.

Все живое спешило убраться с их пути подобру-поздорову, и только филины напутственно ухали с веток.

Из-под елей выныривали новые тени и присоединялись к стае.

Они бежали цепью. След в след.

Креста не было.

Простого четырехконечного креста, который с незапамятных времен высился на околице, отгоняя от деревни напасти и невзгоды. Такие кресты стояли на въездах во все Деревни северных земель Великого княжества Литовского. И у Любатыни стоял.

Вчера еще.

Ночная буря сорвала крыши на многих хатах, повалила немало деревьев и не пожалела крест. Сейчас он распластался в мокрой траве, похожий на подбитую птицу, и дождь наотмашь лупил по нему крупными каплями.

Проезжавший мимо Сымон, сын шляхтича-однодворца Карпа, не увидел лежащего креста — широкополая шляпа, надвинутая на глаза, закрывала лицо от дождя. Лишь мелькнуло у юноши смутное ощущение, что не хватает чего-то привычного и родного. Мелькнуло и исчезло, унесенное новым порывом холодного ветра. Сымона больше волновало, не случилось ли чего с отцом и родной хатой. Буря застала его в гостях у Хведара из Замошья, и поневоле всю ночь пришлось слушать завывания ветра в печной трубе. Едва рассвело, парень собрался в путь.

* * *

Первыми их заметили аисты, жившие над хатой одноногого Михны, любатынского старосты. Они заклекотали тревожно, закружились над хатой, будто надеялись белыми крыльями прикрыть дом от приближающейся беды.

Михна, столярничавший во дворе, отложил пилу и глянул в сторону леса. Глянул — и обмер. По едва-едва зазеленевшему полю вприпрыжку неслись мохнатые серые тени.

Не люди.

Не волки.

Волколаки.

— Беда! — истошный вопль рванул воздух над деревней. — Беда, люди!

Враз всполошились собаки, до того словно спавшие. Бешеное, взхлеб, брехание заметалось между хатами, ударяясь о стены и заборы. Спустя мгновение взвился многоголосый бабий вой и детский плач. А за ними — яростная ругань мужиков.

Михне в бойне под Грюнвальдом отсекли ногу по колено, и жив он остался лишь благодаря хладнокровию и выдержке. И сейчас он не позволил себе заробеть — подхватил с земли топор и быстро заковылял к хлеву. Рывком распахнул дверь, ухватил свинью за ухо и выволок визжащее животное наружу. Пусть пропадает! Люди важнее!

В соседнем дворе с крыльца скатилась перепуганная Ганна, держа на руках плачущего Янака. За ней выскочил хозяин — Змицер, с вилами наперевес. Его глаза безумно шарили по двору.

— Выгоняй свиней! — крикнул староста. — И к амбару! Бегом!!!

Сосед рванулся к хлеву. Раздался истошный визг, и на двор выскочили два кабана. Змицер безжалостно тыкал их вилами. Хорошо! Кровь привлечет волколаков.

Змицер несколькими прыжками догнал жену, выхватил у нее сына и, крепко держа Ганну за руку, помчался к амбару. Любатыньцы возвели его совсем недавно, на толоке — всем миром. Сложили из крепких бревен, глиной обмазали, крышу черепичную сделали — и зерно хранить можно, и в годину лихую укрыться.

Из дворов выскакивали люди, и Змицер, божась и ругаясь, гнал всех к амбару.

Михна оглянулся — волколаки достигли плетней, отделявших огороды от поля, а трое самых прытких уже были в его дворе. Коротко порывкая, двое погнались за удирающей свиньей. Третий, вытянув когтистые лапы, ринулся к старосте.

Заученные с детства приемы не подвели шляхтича — он шагнул в сторону и ударил топором снизу вверх, под челюсть зверюге. Хрустнули кости, голова волколака запрокинулась, и серая туша рухнула в грязь. Михна сплюнул на труп и заковылял к амбару,

загребая воздух руками.

За его спиной рекой разливался ликующий вой — волколаки дорвались до хлевов и курятников.

До людей нечисти пока не было дела.

* * *

Михна ввалился в амбар последним. Его тут же оттянули от ворот и заложили засов.

Староста перевел дух, выпрямился и обвел взглядом людей. Солнце еще не село, и свет проникал через десяток окошек под самой крышей. Егохватило, чтобы понять — селяне напуганы и растеряны. И в их глазах Михна видел множество вопросов, на которые у него не было ответов.

«Ну же, староста, — сказал он сам себе, — надо что-то делать. Люди ждут».

Михна откашлялся и спросил в толпу:

— Все здесь?

— Касика мово нету! — сразу же заревела растрепанная молодуха. — За околицей где-то бы-ыл!

Толком от нее ничего узнать не получилось, поэтому староста оставил женщину в покое, предоставив бабам утешать несчастную мать.

— Еще?

— Яни нету, — буркнул Василь-бондарь, молодой хлопец. — Она к колодцу пошла. Я сразу туда кинулся, но нашел только ведро.

— Ну, может, спряталась где. В погребе там или на чердаке. — Михна хотел поддержать парня, но наткнулся на холодный пустой взгляд и поперхнулся словами.

Староста нервно прочистил горло и продолжил:

— Еще?

Люди молчали. Значит, без малого вся деревня, семьдесят две души. Вроде и радоваться надо, что уцелели, да только нету радости. Рано еще.

— Что делать будем, Михна? — подал голос Карп, такой же шляхтич-однодворец, все богатство которого — тощая лошаденка да доспех посеченный, еще с Грюнвальда оставшийся. И ручница в нестарых, крепких руках.

— Я так думаю, — осторожно начал Михна, — до утра мы тут пересидим. Волколаки до нас не доберутся. Не до нас им, слышите?

Люди слышали. Тоскливое мычание убиваемых коров, истеричное кудахтанье куриц, пронзительный визг свиней, безумный лай и скулеж собак — и над этим сквозной нотой неся торжествующий, переливчатый вой и рык нечисти.

— Ой, худоба моя, Милка бедная-а, — запричитала бабка Гэля, — что ж с тобой будет?...

— Молчи, старая, — шикнул на нее муж, дед Антось, — самим бы живыми остаться.

— До утра мы всяко продержимся, — незнамо зачем повторил Михна, — а там, глядишь, волколаки и уйдут.

За воротами мелькнула серая тень, и селяне услышали хриплое дыхание. Дверь дрогнула от сильного удара — волколак пробовал ее на прочность. Недовольный результатом, он зарычал и отошел. Совсем недалеко.

Михна припал к щели между досками — волколак сидел на корточках в нескольких шагах от амбара и лениво вылизывал окровавленную шерсть на груди. К нему вразвалку подтягивались другие. У многих морды были измазаны свежей кровью. Некоторые тянули в лапах шматы сырого, дымящегося паром мяса и отгрызали куски прямо на ходу.

— Уйдут, говоришь? — протянул Кастусь, младший сын Гэли. — Не похоже что-то.

— Уйдут, — упрямо повторил Михна. — Не могут не уйти. Иначе...

— Смерть нам тут, — продолжил Кастусь, набычившись, — по твоей милости. Это ты нас сюда загнал! И теперь не выбраться! Только и остается ждать, пока они до нас доберутся.

И доберутся! Не сейчас, так ночью, не ночью, так к утру!

— Ты что, Кастусь? — Михна аж покраснел. — Да я ж спас всех. Живность свою не пожалел!

— А никто не пожалел! Все ее там кинули. Все в убытке! И виноват — ты!

— Верно, — вдруг поддержала сына Гэля, — из-за тебя, латинянина безбожного, они сюда пришли! Это все ты виноват!

По толпе покатился недовольный рокот. Давно уже католики в княжестве Литовском заполучили себе привилегии и права, которые и не снились православным. Вот и тлела злоба, как торфяник летом: издали не видать, а подойдешь ближе — так и пышет жаром. А если сделаешь лишний шаг — провалишься. И сгоришь заживо.

— Точно! — шумел народ. — Правду бабка говорит! Вот выкинем старосту нечисти на поживу, может, они и уберутся! Давай, мужики!.. На вилы его!..

— Только суньтесь! — рявкнул староста, прижавшись спиной к стене и бешено выписывая топором блестящие кольца. — Покрошу!

Толпа замерла в нерешительности. Снаружи оживились волколаки. Михна тяжело дышал, загнанно озираясь.

— Назад! — рявкнул кто-то сзади. — Назад, холера вас разбери! Живо!

Селяне обернулись — за их спинами стояли двое: Карп и его сын Сымон. Первый целился в толпу из ручницы, уместив ее на сошку, а второй сжимал широкую саблю.

— Отошли от Михны, — приказал Карп. — Ну!

Селяне враз поникли и быстро разбрелись по амбару.

Как и не было ничего.

Староста украдкой выдохнул и вытер вспотевший лоб.

— Крысы, — бросил Карп. — Надо думать, как спастись, а вы готовы друг другу глотки драть. Тьфу!

— Никак нам не спастись, — подал голос Кастусь, — только и осталось, что смерти ждать-дождаться.

Карп молча развернул ручницу в сторону парня. Кастусь съежился и быстренько спрятался за спины односельчан.

— Что ж ты так, — прошамкал дед Антось, — малец спужался, а ты ему таким грозишь. Креста на тебе нет.

Шляхтич открыл было рот, чтобы возразить деду, но его опередил сын:

— Креста! Креста нету! — завопил Сымон, аж волколаки снаружи подхватились.

— Ты что такое говоришь, сын? Я ж отец твой!

— На околице креста нету! Понимаете?! Его буря ночью вырвала!

— А Боже ж, мой Боже, а что ж это делается! — ахнула бабка Гэля. — Вот отчего волколаки пришли! Ай, Боже-Боже!

— Гэля верно говорит, — кивнул Михна. — Креста нет — вот они и навалились.

— Надо поставить крест! — воскликнул Сымон. — И все!

— Все, да не все, — вздохнул Михна. — Кто ставить-то будет?

— Да я и поставлю!

— И не думай, — взвился Карп. — Не пущу!

— Батька! Нету у нас другого выхода! Только если крест поставим!

— Не думай даже! Другие пусть идут!

— Ты что, Карп? — вмешался староста. — Какие «другие»? Эти, что ли?

Карп глянул туда, куда указывал староста. Мужики усиленно рассматривали что-то в полу, бабы прятали лица в платках и ладонях. И только дети смотрели прямо и безотрывно. И глазенки их пронзали до самого дна.

— Нам с тобой не справиться, — продолжал Михна, — старые уже. На Сымона вся надежда.

Юноша закивал:

— Я смогу, отец, правда. Мне только до креста добраться и — поставить его. А там они

меня не тронут.

— Михна, — не обращая внимания на сына, Карп заглянул в глаза старосте, — мы с тобой вместе возле Грюнвальда под одной хоругвью стояли. Одумайся! Ты ж моего сына на смерть посылаешь. Он у меня один на старости лет остался?! Нету у меня никого, кроме него! Нету!

— Батька, — ответил Сымон за старосту, — я сам иду. Просто по-другому нельзя.

— Молчи, дурень! — замахнулся на сына Карп.

Сымон перехватил отцовскую руку и, пристально глядя в глаза, отчеканил:

— Делай что должно — и будь что будет. Ты сам меня учил.

Юноша резко повернулся и бегом кинулся к стене амбара, где лежала лестница.

— Сынок!!! — Карп рванулся за сыном, но безучастные до того мужики враз повисли на нем. Михна отвернулся, чтобы не видеть, как они поясами связывают отбивающегося шляхтича.

Сымон торопливо, отчаянно вскарабкался по лестнице к слуховому окошку под самой крышей и, как в омут, нырнул в сгустившиеся сумерки. Он ни разу не обернулся.

Михна достал кресало, кремень и трут из мешочка на поясе и запалил подвернувшееся под руку тряпье. Когда немного разгорелось, осмотрелся.

Посреди амбара, не шевелясь, лежал крепко связанный Карп. Лицо его было в крови. Вокруг шляхтича топтались мужики.

Михна подобрал ручницу.

— Отойдите от него, — приказал он мужикам. — Если что — он обезумел и сам не понимал, что делал. Понятно?

Мужики закивали и заулыбались — им вовсе не хотелось участвовать в избиении шляхтича. А тут — никакого преступления, только польза. Для всех.

Михна оглядел односельчан. Горящее тряпье давало мало света, и он с трудом различал лица тех, кто был ближе всего. Зато глаза остальных, отражающие огонь, видел очень хорошо. Слишком хорошо.

— Будем ждать, — сглотнув, сказал староста. — Будем ждать. И — молиться.

* * *

Время тянулось медленнее, чем перед атакой рыцарской «свиньи», когда стоишь в первом ряду. То и дело снаружи раздавался вой и рычание. Волколаки не единожды пробовали попасть внутрь, но амбар был им не по зубам. Людям даже не пришлось отбиваться — стены служили надежной преградой для нечисти.

Ближе к утру где-то на околице зашумело-заревело, а потом волколаки завyli и скопом, как по команде, рванули прочь от амбара.

* * *

Когда немного рассвело, Михна, Василь и Зьмицер осторожно, выставив оружие, вышли наружу. Карп по-прежнему оставался без сознания, и, чего греха таить, Михна радовался этому.

Было тихо, только легонько шелестели ветвями сосны и березы. Единственную улицу Любатыни устилала наполовину изъеденные туши и тушки домашней живности. Редкие порывы ветра поднимали в воздух окровавленные перья и долго кружили в хороводе.

Мужчины направились к околице.

Крест они увидели издалека. Он стоял абсолютно ровно, но не это поразило Михну. Староста готов был поклясться тогда и никогда не отступал после — крест сиял. Сиял нестерпимо ярко, так, что жгло глаза. И в этой боли Михне на мгновение почудился упрек.

А потом сияние исчезло. Пропало враз, будто и не было. Михна протер глаза и переглянулся со своими спутниками. И они промолчали. Потому что слов не было.

Сымона они нашли сразу. Он лежал у самого креста, а чуть поодаль — два мертвых волколака.

А по кресту, сверху вниз, шла надпись. Кровью.

«Pan Jezus, ratuj nas!»

И буквы алели, словно подсвеченные изнутри.

* * *

Карп очнулся к полудню. Михна шел к нему с тяжелым сердцем, но терзался он зря — Карп спросил только о сыне. Про остальное он словно забыл. Михна соврал, что не нашли, мол. Карп больше ничего не сказал. Так и сидел до вечера в амбаре. И ночью сидел. Бормотал что-то, пел вполголоса. Те, кто проходил вечером у амбара, говорили, что старик пел колыбельные, «Рехнулся», — решили селяне.

Останки юноши закопали рядышком с крестом, но на девятый день могила оказалась раскопана. Карп, так и живший в амбаре, решил, что сын его переродился и стал волколаком. Все покивали согласно, хотя и дураку было ясно — не закопали как след, вот и отрыло зверье труп.

Карп самозабвенно верил, что Сымон в облике волколака горемыкается по лесам. И

выходил ночью слушать волчий вой. Говорил — сын зовет. Старика не переубеждали. Пусть его.

Через месяц Карп повесился. Самоубийцу нельзя хоронить рядом с добропорядочными христианами, поэтому шляхтича схоронили за околицей.

На следующий день после похорон на могиле обнаружили следы. Почти как волчьи. Крупнее только.

ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Он пришел, как всегда, за полночь. Оперся плечом на косяк и улыбнулся, тепло и нежно. Она улыбнулась в ответ и протянула к нему руки. Внизу живота стало тяжело и горячо. Так бывало всегда, когда она предвкушала его.

Он подошел к ней и, наклонившись, поцеловал холодными губами. Она ответила. Как всегда, с жаром.

И все пошло как раньше, когда он, ее муж, был жив.

* * *

В окно забарабанили.

— Батюшка Ян, батюшка Ян!

Ян Тарашкевич, священник православной церкви в местечке Оловичи, что на Витебщине, вскочил с табурета и подбежал к окну. Там белела голова Кастуся Рагойши — местного лекаря. Ян впустил хлопца.

— Ну?

— Ой, напиться сначала — запыхался.

Ян подал Кастусю ковш воды. Лекарь пил жадно, вода стекала на грудь. Опорожнив ковш, Рагойша удовлетворенно выдохнул и сказал:

— Я его видел. Он прилетел со стороны кладбища, как и вчера. Подлетел к трубе — и внутрь. А я — до вас.

— Что-нибудь еще было?

— Нет. Я, как увидел, что он в хату залетел, сразу побежал.

Священник присел за стол и подпер подбородок кулаком.

— Отец Ян, что это? — Кастусь нервно ерзал на табурете. — Я в первый раз такое вижу. И не слышал никогда.

Тарашкевич помолчал, затем встал и подошел к окну. Долго смотрел в глаза своему отражению.

— На Полесье это называют огненным змеем, — сказал он наконец. — Бесовское отродье...

— О чем вы, батюшка?

— Ни о чем, сын мой. просто думаю вслух. Не бери до головы.

Рагойша открыл было рот, но все же промолчал.

— Ступай домой, Кастусь, — продолжил Тарашкевич. — Завтра нас ждет ночное бдение, так что выспись как следует.

В глазах молодого лекаря запрыгали искорки:

— Ух ты! Неужели мы пойдем...

— Да, — кивнул священник. — Пойдем. На сумерках.

Рагойша азартно потер руки:

— Конечно, отче, конечно. Обязательно приду.

Коротко попрощавшись, он выскочил на двор и торопливо заспешил домой, едва не подпрыгивая от возбуждения. Проводив парня взглядом, Тарашкевич вернулся в комнату и подошел к полкам с книгами. Взял одну и долго листал, будто искал что. А когда нашел, отложил книгу и опустился на колени перед иконой. Молился жарко, жадно, словно в

последний раз. Ближе к утру лег, не раздеваясь, и забылся в короткой тревожной дреме.

И сны, пришедшие к нему в предрассветном сумраке, никак нельзя было назвать добрыми.

* * *

Солнце уже село, но западный край неба еще алел затухающим пожаром. Звенели комары, лениво перебреживались собаки, нещадно трещали цикады. Священник и эскулап шли мощеными улочками Оловичей, стуча подошвами о брусчатку. Они направлялись к дому Алеси, вдовы Адама Бочки, бондаря.

Крепкая хата на высоком фундаменте, окруженная невысоким забором, стояла в самом конце улицы, у прудика. Дальше начинались огороды, а за ними темнела стена елового леса.

Лекарь остановился и достал из сумки пару пистолей. Уверенно и споро — шляхтич же — снарядил их и подал один Тарашкевичу:

— Возьмите, батюшка, там серебряная пуля. Я сегодня днем отлил десяток. Все ложки перевел.

Священник кинул взгляд на оружие, потом мотнул головой:

— Мое оружие — крест и слово Божье. А ты — держи пистолы наготове. Кто знает, что нам встретится. Может быть, одолеем пулей и порохом. Если будет на то Божья милость.

Тарашкевич вытащил из-под одежды простой восьмиконечный крест без украшений и фигурки Христа. Сняв крест с шеи, священник крепко зажал его в руке.

— Хорошо, отче. — Кастусь один пистоль заткнул за пояс, а второй взял в руку. — Идемте. Я себе тут схованку сделал в кустах — оттуда весь дом как на ладони, а нас не увидеть.

Они, стараясь не шуметь, осторожно пробрались в укрытие Кастуся. Там, среди кустов, было свободное утоптанное место. Рагойша даже приволок два пенька, чтобы сидеть. Тарашкевич, поблагодарив хлопца, опустился на колоду и перевел дух. Кастусь устроился так, чтобы сквозь ветки видеть дом Алеси. Долго он не просидел. Заерзал, потом поднялся, начал ходить. Несколько раз проверял пистолы. Священник уже хотел усадить его, но тот резко остановился и повернулся к Тарашкевичу.

— Слышите? — прошептал Кастусь, сверкая глазами. Батюшка напрягся, вслушиваясь, потом спросил:

— Что именно?

— У Бочки собачка была — гавкало малое. Как ни пройдешь мимо — облает на всю улицу. Отчего же сейчас молчит? Сбежала?

Тарашкевич кивнул, помолчал немного и сказал:

— Выходит, нелегкий труд нам с тобой выпал. Ох, нелегкий. Что ж, такова воля Божья. Будем ждать.

Кастусь в очередной раз вытянул пистоль и проверил заряд. Тарашкевич улыбнулся его нетерпеливости и, прикрыв глаза, стал беззвучно молиться.

Совсем стемнело, комары исчезли, цикады стрекотали все тише. На небо стала взбираться уже ущербная, но еще яркая луна.

Священник и доктор ждали. Молча, нервно, упорно.

* * *

Он появился за полночь. Кастусь заметил его первым и, схватив Тарашкевича за рукав, ткнул рукой на запад. Там, со стороны кладбища, летел огненный шар размером с небольшого пса. Разбрасывая искры и оставляя длинный извивающийся хвост, он спокойно и уверенно плыл к хате. И правда — словно змея.

Кастусь молча указал священнику на ветки. Тарашкевич проследил взглядом и кивнул в знак понимания — огненный змей летел против ветра. И абсолютно беззвучно.

Шар подлетел к хате, завис у трубы, стреляя искрами, и резко, толчком, нырнул в дымоход.

— Похож... — первым нарушил тишину Тарашкевич. — Что ж, Кастусь, теперь нужно узнать, что он там, в хате, делает. Идем.

* * *

Она ждала его. Предвкушала, надеялась и боялась. Предвкушала его крепкие объятия и страстные поцелуи, надеялась, что он сегодня наконец останется до утра, а не уйдет в предрассветных сумерках. И боялась — вдруг не появится?

Когда ее муж умер от неизвестной лихоманки, она себе места не находила. Жила как в тумане, ничего не замечая вокруг. Толком не ела, почти не спала. Все отказывалась верить, что ее заботливый, нежный, сильный Адам умер. Ходила по местечку, искала его везде, спрашивала у людей: не видел ли кто ее ненаглядного. Те мотали головами, мол, не видели, и она шла дальше. А они стояли и смотрели ей вслед.

Стали поговаривать, что она ума лишилась, но плохого ей не делали, напротив, жалели несчастную вдову кто как мог. Доктор вот несколько раз заходил, ползал по дому, простыни, на которых Адам умирал, себе взял — все пытался понять, что же с бондарем случилось. Она не обращала на него внимания. Алесьа искала Адама. В церковь ходила, свечи ставила, молилась всем святым подряд.

И вымолила-таки.

Он пришел через девять дней после похорон. Появился у дверей и замер, с улыбкой глядя на обомлевшую жену. Она опомнилась, бросилась к нему, прижалась всем телом и зарыдала по-бабьи — в голос. Он молчал и гладил ее по волосам. А потом, когда она выплакалась, потянул к кровати...

Утром она проснулась одна. Выбежала на двор как была, кликала-звала, да без толку. Хотела в колодце утопиться — соседи не дали. Оттянули от сруба, завели в хату. Бабка Тэкля сидела с ней до самой ночи. Потом ушла.

А ночью пришел Адам. Так же незаметно и так же спокойно. Привлек к себе, погладил по волосам. Она спрашивала что-то, жаловалась, ругала его за жестокосердие. Он молчал и продолжал гладить. А потом взял ее прямо на полу. Нежно и страстно.

Утром она проснулась одна. Но уже не бросилась бегать по двору и голосить. Спокойно ждала темноты. И он снова пришел.

И на следующую ночь.

Через ночь — тоже.

Приходил, слушал ее, а затем брал как хотел. И она отдавалась ему вся, до доньшка.

И была счастлива.

* * *

Он пришел как всегда — за полночь. Прислонился к косяку и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ и протянула к нему руки. И ее совсем не смущало то, что свет беспрепятственно проникал сквозь его тело.

* * *

Кастусь взвел курок и повернулся к Тарашкевичу. Отец Ян кивнул:

— Давай.

Лекарь осторожно толкнул калитку. Она приоткрылась, тихонько заскрипев. Кастусь вошел на двор и немного постоял, прислушиваясь — в хате стонала женщина. Тарашкевич коснулся его плеча, и Рагойша посторонился, пропуская священника. Тот двинулся вперед, держа крест перед собой. Перехватив пистоль половчее, Кастусь последовал за ним.

Они остановились под распахнутыми из-за жары окнами. И заглянули внутрь.

Луна давала достаточно света, чтобы увидеть, как молодая женщина в закатанной под самое горло нижней рубаше упоенно отдается кому-то бледному и неясному, жадно стискивая его руками и ногами.

Лекарь и священник переглянулись.

— Не успела мужа похоронить... Кто же это с ней, батюшка?

Тарашкевич не успел ответить. Алеся выгнулась и закричала. Ее любовник приподнялся на руках и замер. Кастусь смог рассмотреть его лицо. И волосы на затылке лекаря зашевелились.

— Это же...

Он не успел договорить. Тарашкевич взревел и нырнул в окно, как в полынью.

— Изыйди, Сатана! — гроыхнуло в хате. — Прочь, прочь!

Кастусь бросился за священником. Когда он вскочил на ноги, то увидел Алеся, забившуюся в угол кровати, Тарашкевича, размахивающего крестом и выкрикивающего слова молитвы, и — тающего в воздухе Адама Бочку. Его лицо кривила гримаса боли, а в глазах стояли слезы.

Именно глаза исчезли последними.

Алеся, увидев, что муж пропал, завопила и бросилась к дверям как была — в одной рубаше. На пороге споткнулась, упала, замерла без движения. Священник бросился к ней. Рядом на колени упал лекарь. Он быстро проверил дыхание, сердцебиение и сказал встревоженному Тарашкевичу:

— Это обморок, батюшка. И ударилась, когда падала, но ничего страшного.

— Давай перенесем ее на кровать, сын мой.

Они подняли вдову, и Кастусь не сдержал удивления:

— Надо же! Какая она легкая!

— Это плохо, — буркнул священник.

Они уложили девушку на кровать и вышли в сени. С улицы уже спешили соседи с топорами да вилами.

— Все хорошо, — поднял руку Тарашкевич, успокаивая местичей.³³ — Алесе Бочке стало плохо. На ее счастье мы оказались рядом. Пришлось прочесть молитву, и теперь с ней все хорошо. Может с ней кто-то остаться?

— Бабку Тэклю кликни, — сказал один из прибежавших сыну.

Мальчишка кивнул и убежал. Соседи тоже стали расходиться, негромко переговариваясь.

Тарашкевич и Кастусь дождались прихода старухи и отправились к церкви, рядом с которой, во флигеле, отец Ян и жил.

Шли они молча. Доктор несколько раз порывался что-то сказать, но, глядя на потемневшее, хмурое лицо священника, сдерживался. Наконец, когда они уже зашли во флигель и распалили лучину, он решил:

— Батюшка, так что же это было? Я ведь ясно видел Адама, я уверен в этом. Но как это возможно? Ведь я сам осматривал его после смерти.

Тарашкевич потер лицо ладонями:

— Отчего он умер?

— Не знаю. Я никогда раньше не встречался с такой болезнью. Он буквально сгорел за три дня. Хотя никакой лихорадки не было. Адам просто лежал и умирал. Я и кровь ему пускал, и отварами поил — без толку. Ему только хуже становилось. На четвертый день он умер. Зачах, как говорят старики. Я слышал про такие случаи. Где-то в Румынии было что-то похожее. В городке каком-то. Как же его...

³³ Местич (бел.) — житель города. Происходит от старинного слова «место», обозначающего крупный населенный пункт. Отсюда же слово «местечко» — небольшой населенный пункт.

— В Румынии, — медленно повторил за ним Тарашкевич. — Ох...
Священник опустил на скамью, держась за сердце.
— Отец Ян, что такое? — засуетился доктор.
— Ничего, не обращай внимания, — скрипнув зубами, с трудом улыбнулся Тарашкевич. — Сейчас отпустит. Сейчас...
Доктор бросился к ведру в сенях, принес ковш воды. Священник, поблагодарив, отпил.
— Все хорошо, — сказал он наконец заметно окрепшим голосом, — отпустило сердце.
Спасибо за заботу.
Доктор сел рядом:
— Батюшка, так что же это было?
Тот ответил вопросом:
— Когда ты учился в Вильне,³⁴ в университете, слышал ли ты еще о таких случаях?
Рагойша задумался, потом сказал:
— Кажется, и в Венгрии было что-то подобное. Давно, правда, лет сто назад. Медики ни тогда, ни сейчас не смогли этого объяснить. А я сам и не знаю, что об этом думать. Вот был бы здесь мой наставник университетский, профессор Риальди, он бы живо во всем разобрался. А я...
— Когда я отпевал Адама, — пробормотал священник, — у него лицо совсем не заострилось, и трупных пятен не было... Господи, смилуйся над нами.
— Что такое, батюшка?
Священник повернулся к доктору:
— Не хотел я в это верить. И все не верил. До самого конца не верил. Пока Адама верхом на Алесе не увидел. Мы, сын мой, столкнулись с упырями.
— Кем? Я много сказок да баек слышал, но о таких — никогда.
— Просто они еще не добрались сюда. То есть раньше не добирались, а сейчас добрались, — поправил себя священник. Отпив воды, он продолжил: — Южнее Припяти их называют упырями. В Пруссии и Франции — вампирами. Этой заразе уже больше двухсот лет. И никто не знает, откуда она взялась. Одни говорят, что ее завезли генуэзцы, плававшие в Ост-Индию. Другие утверждают, что болезнь пришла из Португалии или Испании, вместе с первым вест-индийским золотом. Третьи доказывают, что зараза лезет с юга, от турок.
Тарашкевич немного помолчал, потом продолжил:
— Это болезнь, и ее, ты прав, не знают как лечить. Она не чума или холера, поэтому двигается очень медленно. Я не думал, что нас она коснется. Все надеялся, что обойдет стороной. Молился каждый день...
Кастусь недоверчиво покрутил головой:
— Возможно ли это, отец Ян? Чтобы была болезнь, а ее даже никак не назвали.
Священник промолчал, а Кастусь ответил себе сам:
— А вообще-то может. Ведь многие болезни еще сто лет назад не знали. А откуда вы знаете о них, батюшка?
— Я, — глухо сказал Тарашкевич, глядя в пол, — родился в Полесье, в маленькой деревушке. Сейчас ее уже нет, поэтому не важно, как она называлась. Когда мне было шесть лет, в деревню вернулся старик. Когда-то он сбежал в Запорожскую Сечь, был в разных странах, а закончить свой век решил на родине. Он прожил всего полгода, а потом тихо отошел.
Священник вздохнул, Кастусь внимательно слушал. Трещала лучина.
— Никто не заподозрил худа. Отпели, схоронили и забыли. А потом он пришел к дочке своей сестры. Не знаю, что он с ней делал, но девица вскорости сгорела, как свечка. Так же, как Адам.

³⁴ Вильня (бел.) — современный Вильнюс. Культурный, экономический и политический центр Великого княжества Литовского. Не утратил своего значения после присоединения земель ВКЛ к Российской империи в 1771–1795 годах.

Кастусь шумно сглотнул. Отец Ян с трудом поднялся и, сменив лучину, продолжил рассказ, опираясь на стол:

— Не знаю, как так вышло, но люди ничего не заподозрили. Схоронили девушку. Упырь стал приходить к ее матери, вдове. А потом рядом слег еще один мужчина — к нему упырь не ходил, но тот все равно отошел. И они стали навещаться в деревню вдвоем.

Тарашкевич замолчал, прикрыв глаза рукой, словно вспоминая что-то.

— И что же, батюшка?

— Люди пошли на кладбище, чтобы отрыть могилы, но тогда случился паводок, небывало сильный. Вода стояла высоко, даже кладбище залило. Люди не смогли добраться до могил упырей... После этого осталось только бежать.

Кастусь молчал. Отец Ян тоже. По стенам ползали красные тени, отбрасываемые тонким огоньком лучины.

— Но бежать, когда здесь скотина и добро... Тогда на могилы опустили дубовые колоды — в народе говорят, что это не дает упырям подниматься, — и понадеялись, что это поможет. Не помогло. Упыри снова пришли, а утром от лихоманки слегла одна женщина.

— Что с ней сделали, отче?

Тарашкевич поджал губы, кашлянул в кулак, сказал бесцветным голосом:

— Убили, Кастусь. Не стали дожидаться, пока она превратится в упыря.

— Убили? Больную?

— Когда люди боятся за свою жизнь, — вздохнул священник, — они готовы на многое. После смерти той женщины мы все покинули деревню. Уплыли на челнах. Наш перевернулся. Я с матерью спасся, отец с моей сестрой — потонули. В деревню никто больше не вернулся. Говорят, упыри появляются там до сей поры.

Кастусь сидел, опустив голову. Священник молчал.

— А может, — подал голос Рагойша, — это не огненный змей?

— Понимаю, — посочувствовал священник. — Верить не хочется. Но ты же видел, что он сделал с женой? Кожа да кости! Под глазами круги темные, на ногах еле стоит. Еще несколько ночей — и она отправится за ним.

— А может, не в этом дело? — засомневался Кастусь. — Она ведь толком не ела с его похорон.... Да и плакала постоянно. Опять же горе, переживания. Немудрено, что она в таком состоянии. Я думаю, нормальная кормежка и хороший сон смогут...

— Да, — согласился Тарашкевич. — Если он перестанет приходить к ней, то Алеся скоро поправится. Но он не перестанет.

Кастусь прошелся по комнате, остановился у печи:

— Так что же нам делать?

— То, что не смогли сделать люди тогда, в деревне.

— Это значит — убить? — медленно проговорил Кастусь.

Тарашкевич кивнул.

— Но как же мы его убьем? Он же весь как из воздуха состоит!

— Это не он сам. Это его призрак, его дух. Адам, по сути живой, лежит в гробу и не гниет, а его призрак выходит и ищет кого-то, кто его накормит. Начинает с семьи, потом идет к остальным родственникам. Потом — к друзьям. Потом — просто к тем, кого знает. А у нас, — священник покачал головой, — у нас все друг друга знают. Один такой упырь может известить всех людей в округе.

— Выходит, мы должны отрыть гроб и...

— Поразить Адама в сердце. Тогда упырь перестанет приходить к Алесе. И она выживет.

— Но...

— Кастусь, — священник тяжело вздохнул, — ты сам все видел. Это дьявольщина, происки Злого.³⁵ С этим нельзя мириться. Ты жалеешь их... Но можно ли жалеть гадюку?

³⁵ Злой — эвфемизм, обозначающий дьявола. Употреблялся на территории Белой Руси (Витебская и

Надо ли пригревать ее на груди? Такая жалость — это искушение Сатаны. Он путает тебя, чтобы ты не смог убить его отродье. Если ты поддашься, он победит. Здесь, в нашем местечке, он — победит! Потому что один, без тебя, я не справлюсь.

— Да, — медленно кивнул Кастусь, — я понял. Может быть, сообщить в магистрат?

Священник махнул рукой:

— Не поверят. На Полесье, может быть, и поверили бы, а здесь — нет. Сделаем все сами. Идем.

Вскоре, неся лопаты, они подошли к ограде кладбища. Могила Адама Бочки белела свеженасыпанным холмиком у самых ворот.

А над могилой стояла Алеся, сжимая в руках маленький плотничный топорик. Лезвие топора поблескивало в лунном свете.

Священник и лекарь замерли.

— Как? — выдохнул Кастусь. — Почему?

— Видимо, смогла сбежать от бабки, — шепнул ему Тарашкевич. — Постой здесь.

Он шагнул навстречу к вдове.

— Дочь моя...

— Я знаю, — прошипела та. — Я знаю, что вы хотите сделать. Но я не отдам его вам. Только суньтесь!

Она взмахнула топором.

Кастусь сглотнул.

— Дочь моя, — священник медленно положил лопату на землю и сделал еще один шаг навстречу вдове, — твой муж умер. К тебе приходит его призрак, который питается твоей жизненной силой. Ты для него — всего лишь кормушка.

— Нет!!! — Топор рассек воздух. — Адам любит меня! Он приходит, потому что заботится обо мне!

— Ты погибнешь, дочь моя. — Тарашкевич сделал еще несколько шагов. — Он выпьет тебя досуха, и ты погибнешь.

— Нет!!! Мы всегда будем вместе!!!

— А потом он пойдет к другим. — Священник подходил все ближе.

Кастусь незаметно достал из-за пояса пистоль.

— Адам любит только меня! — взвизгнула Алесья. — Ему больше никто не нужен!

— Он всего лишь ЕСТЬ тебя. — До женщины оставалось не больше двух шагов. Батюшка протянул руку. — Дай мне топор.

— Адам — мой муж. Он заботится обо мне. Он увидел, как мне плохо, и пришел. Оттуда.

— Я помогу тебе. — Тарашкевич сделал маленький шаг. — Я помогу тебе выстоять. И спастись.

— Я люблю его. — В голосе Алеси послышались слезы. — Мне без него очень плохо.

Ее ноги подогнулись, и она опустилась на могилу. Заплакала. Священник присел рядом и осторожно коснулся ее плеча.

— Я понимаю твою боль. Мы понимаем. То, что мы хотим сделать, не радует нас. Но это нужно сделать.

Алесья дернула плечом, отбрасывая его руку.

— Мы сделаем это ради тебя и остальных, — продолжал говорить Тарашкевич. — Всего лишь один удар. Он не почувствует, но для него все кончится.

— Я люблю его, — сквозь слезы повторила Алесья, — зачем он меня бросил? Ведь он же знает, как мне плохо без него!

— На все воля Божья. Давай встанем. Нам надо начинать.

Священник почти поднялся, когда женщина резко толкнула его. Он упал, она взвилась и замахнулась на него топором.

— Не позволю!!!

Грохнул выстрел.

Алесья рухнула на могилу, распахнув руки, будто для объятия.

Тарашкевич вскочил и кинулся к женщине.

Кастусь трясущимися руками перезаряжал пистоль. Порох просыпался мимо, пыж никак не забивался, ствол ходил ходуном.

— Я убил ее, — всхлипывал лекарь. — Убил женщину. Убил...

Священник перевернул вдову на спину, ощупал ее голову.

На пальцах отца Яна Кастусь увидел кровь.

— О господи, — застонал эскулап и выронил оружие. — Что же я наделал...

Тарашкевич поднял голову и окликнул Рагойшу:

— Оставь, сын мой, успокойся.

— Как же так, — застонал Кастусь, — как же так...

Священник подошел к нему и, положив руку на плечо, заглянул в глаза. Он молчал, и под его пристальным взглядом Кастусь стал успокаиваться.

— Перестань, — наконец приказал отец Ян. — Ты не убил Алесю. Пуля лишь оглушила ее, чиркнув по голове.

Кастусь вздрогнул и рванулся к вдове. И правда, хотя кровь обильно заливала лицо женщины, она дышала, а рана была обыкновенной царапиной.

— Слава тебе, Господи, — перекрестился Рагойша, — не допустил греха.

— Не торопись, — сказал подошедший сзади Тарашкевич с лопатой в руках. — Все

еще впереди.

— Что? О чем вы? — Кастусь медленно поднялся. — Я не стану убивать эту невинную душу.

— Я не о том, — священник воткнул лопату в землю. — Надо закончить то, зачем мы пришли. Давай отнесем Алесю с могилы и начнем.

Кастусь облегченно вздохнул, помог Тарашкевичу поднять вдову. Они отнесли ее на несколько шагов в сторону и аккуратно положили на траву.

— Как думаешь, — обратился священник к лекарю, — она скоро очнется? Не хочется, чтобы она видела, как мы...

Он не продолжил.

Кастусь кивнул понимающе, наклонился к женщине и приложил руку к ее горлу. Потом выпрямился и ответил:

— Сердце едва бьется, но бьется ровно. Она сильно ослабла, поэтому еще долго будет в забытьи. Думаю, мы успеем.

— Что ж, — отец Ян утер лоб, — тогда начнем.

Они вернулись к могиле. Священник прочитал молитву, он и врач перекрестились и принялись раскапывать землю.

* * *

Рассвет отец Ян и Кастусь Рагойша встретили недалеко от дома Алеси, неся женщину, которая все еще не приходила в себя.

Когда они подошли к калитке, из хаты выскочила растрепанная бабка Тэкля.

— Вой, вой, вой, — запричитала она, увидев кровь на лице. — Забилась моя Алесенька! Как же ж я, дура старая, заснуть могла?! Куда ж я смотрела! А Божа ж мой, Божа, а...

— Тише, тише, — взмахнул рукой Кастусь. — Она просто упала и сильно поранилась. Но ничего страшного. Отлежится и очнется.

— Да, — поддержал священник, — не стоит убиваться. Все хорошо. Теперь — все хорошо.

Тэкля не поняла его последних слов. Да это было и не важно.

Они занесли Алесю в хату, уложили на постель и вышли. Бабка Тэкля осталась внутри.

— Ну что ж, сын мой, — сказал Тарашкевич, — кажется, мы справились.

— Да. — Кастусь внезапно почувствовал, как сильно он устал. Ноги сами подгибались, тело ныло.

Лекарь опустил на завалинку.

Отец Ян присел рядом.

— Я хочу сказать, — начал он, но осекся, закашлялся, будто от кома в горле, после продолжил: — Спасибо, что не оставил меня. Один я бы не смог.

— Я бы тоже, — ответил Кастусь. — Я бы тоже.

Какое-то время они сидели молча, слушая, как потихоньку просыпается спасенное местечко. Уже пастух погнал коров на луг, где-то фыркали кони, которых запрягали в телегу. Начиналась жизнь.

Лекарь откинулся назад, закрыв глаза. Тянуло в сон. Священник покосился на него и поднялся:

— Идем, сын мой. Лучше спать дома.

Кастусь с сожалением потянулся, хрустнув суставами, и поднялся:

— Ваша правда, отец Ян.

Когда они немного отошли от дома Алеси, священник повернулся к лекарю:

— Я вот что подумал... Надо бы вернуться сюда вечером. Чтобы убедиться.

Рагойша замедлил шаг:

— Но ведь мы...

Священник перебил:

— Я просто хочу убедиться. Просто убедиться. Чтобы потом спокойно спать.
— Понимаю... Да, конечно, встретимся.
— Тогда я жду тебя на закате.
— Я буду, отец Ян. Я приду.
— Я знаю, сын мой. Я знаю. Они разошлись в разные стороны.

* * *

Кастусь поднялся с пенька, посмотрел на большие, как вишни, звезды и спросил у священника:

— Может быть, стоит уйти? Прежде он являлся гораздо раньше. Кажется, мы правда справились.

— Давай подождем еще. Я хочу быть уверен.

Рагойша пожал плечами, но опустил обратно. Стал ждать.

До рассвета они сидели молча. Когда солнце показалось над лесом, отец Ян встал:

— Все, можно идти. Господь явил свою милость — упырь не вернется.

Они выбрались из схованки и пошли прочь. Но не успели пройти и ста шагов, как из проулка выскочила женщина в сбившемся на затылок платке.

— Слава тебе Господи, — воскликнула женщина, хватая Рагойшу за рукав, — пан дохтур, идемте скорее, моему Язэпу худо. Я уж бегала до хаты вашей, стучала, да не открывал никто.

— Да-да, конечно, — пробормотал эскулап, спеша за женщиной.

— Как худо? — остановил их вопрос священника.

— Лихоманка у него, батюшка Ян, навалилась, значит, и грызет. Вчерась началась. Только странная она — жару нет, ознобу тоже. Вот и побегла я до пана дохтура.

Кастусь побледнел, глянул на священника. Тот поджал губы, нахмурился:

— Я с вами пойду. Может быть, молитва окажется сильнее снадобий.

* * *

Кастусь потер небритый подбородок и подошел к столу, на котором стоял гроб с покойником. Хведар Балыка умер третьего дня. Сгорел от непонятной лихоманки, как уже пятеро до него. И всего-то за полгода! Кастусь честно пытался лечить их. Ездил за советом в Вильню, к тамошним докторам, но те лишь разводили руками — в столице Великого княжества незнакомая болезнь тоже собирала пусть не богатую, но все же значительную жатву. Впрочем, как и в Менске,³⁶ в Полоцке, в Варшаве, в Кракове и других городах, селах и весях Речи Посполитой.

Лекарь тряхнул головой и поднес к носу Хведара маленькое зеркальце. Ждал долго — за это время успел трижды прочитать «Отче наш». Не торопясь прочитать, нарочито медленно. Зеркальце осталось незапотевшим.

Кастусь вздохнул и прикоснулся ко лбу мертвеца. Лоб был холодный. Как и полагается трупу.

— Ну пожалуйста, Господи, пожалуйста... — шептал эскулап, засовывая руку под спину трупа.

Парень замер на мгновение — и застонал. Под трупом было тепло. Не так, как под спиной живого человека, но все же — тепло. Хведар Балыка, переставший дышать три дня назад, уже посиневший лицом, продолжал греть. Сомнений нет — упырь.

Рагойша достал из печи раскаленную кочергу. Сегодня он решил попробовать новый способ — вдруг подействует, и человек проснется. Вылечится.

³⁶ Менск — старое название города Минска, нынешней столицы Республики Беларусь.

Кастусь взял руку Хведара — тяжелую, плохо гнущуюся, но вовсе не окоченевшую — и отвел ее в сторону. Закатал рукав нательной рубахи, оголяя руку выше локтя. Перекрестился и приложил кочергу к телу. Зашипело, пахнуло паленой плотью.

Но лицо Хведара не дрогнуло.

Доктор кинул кочергу на железный лист у печки и схватил зеркальце. Поднес его к ноздрям Балыки и замер в ожидании. Ждал долго — успел трижды прочитать «Отче наш». Не торопясь, нарочито медленно. Зеркальце осталось незапотевшим.

Лечение не помогло.

Кастусь выругался и швырнул зеркальце на пол. Оно разлетелось сотней осколков, но лекарь не обратил на это внимания. Он прошел к полкам, взял бутылку с водкой и сделал несколько больших глотков.

Сел на табурет. Сидел долго, глядя рассеянно перед собой, ломая пальцы.

Затем встал, вернулся к телу и распахнул ворот рубахи на нем. Взял со стола молоток и длинный гвоздь, приставил его к груди Хведара — прямо над сердцем. Сжимая молоток, перекрестился. Ударил.

Гвоздь вошел в тело наполовину. Из раны побежала белая, как молоко, жидкость. Лицо Хведара не изменилось. Крови не было.

Кастусь ударил еще раз, и гвоздь полностью вошел в тело. Дело сделано.

Рагойша промокнул выступившую жидкость рушником и кинул его в печь. Там зашипело, комнату наполнил тяжелый, неприятный запах. Кастусь поморщился, сплюнул и запахнул рубаху трупа. Родные Хведара уже не будут его переодевать, а значит, не заметят гвоздя и ожога.

И упырь не станет приходить к ним по ночам. А значит, они смогут спать спокойно. Как спит сейчас Алесь Бочка, вдова Адама Бочки, который больше не навещает ее, не соблазняет, чтобы напиться ее силой.

Кастусь прочитал над трупом заупокойную молитву, натянул кожух и шапку и вышел из хаты.

Он спешил в церковь.

Священник открыл сразу, едва Рагойша постучал. Наверное, ждал.

— Ну? — спросил Тарашкевич, едва доктор вошел в сени.

— Я забил ему гвоздь, — ответил Кастусь.

— Господи Боже, когда же это закончится? — простонал священник, привалившись к стене.

Постояв немного, он с трудом оторвался и, по-стариковски шаркая, пошел в хату. Лекарь последовал за ним. За прошедшие полгода отец Ян, и без того не молодой, сильно постарел. Каждый день он проводил в молитвах, обходил местечко с крестным ходом, ездил в епархию, чтобы молиться вместе с другими священниками.

Делал, что мог.

Войдя в комнату, Тарашкевич с трудом опустился на лавку, привалился спиной к стене.

Некоторое время священник и доктор молчали. Потом Рагойша нарушил тишину:

— Батюшка?...

— Да, сын мой.

— А правильно ли мы поступаем, отче? — быстро заговорил Кастусь. — Ведь они, упыри, суть больные люди. И я не убивать их должен, а лечить! А я грешник, батюшка, я убийца! Я... я... Мне людям в глаза стыдно смотреть — детям их, вдовам, матерям. Они же не простят мне никогда, если узнают!

Лекарь замолчал. Судя по тому, как заблестели его глаза в свете лучины, сдерживая слезы.

— Да, сын мой, — немного помолчав, ответил Тарашкевич глухим, полным боли голосом, — ты убиваешь их. А я благословляю тебя на это. И люди нам этого не простят. Ибо велик грех наш. Мы с тобой грешим, убивая людей. И то, что мы делаем это для спасения других — многих! — не оправдывает нас. Грех остается.

Кастусь дернулся, но сдержал рыдания — только две слезы покатались по щекам, отливая в свете лучины красным.

Тарашкевич тяжело вздохнул и продолжил:

— Я каждый день, каждую молитву прошу Господа, чтобы он сжалился над нами и защитил от мора. И когда-нибудь Господь услышит нас. А пока, раз мы не можем остановить болезнь, мы должны стоять на пути упырей и защитить людей от них. Убивая этих несчастных.

Кастусь спрятал лицо в ладонях. Священник продолжал говорить. Его голос скрипел, словно сухое, поломанное бурей дерево.

— Я, Кастусь, не смог спасти свою деревню. Но спасти это местечко мы можем. Поэтому — хоть мы и грешим и не наследовать нам Царствия Небесного — я никогда себе не прощу, если мы сдадимся и прекратим. Думаю, не простишь себе и ты. Мы должны стоять на пути этого зла.

Кастусь не ответил. Он отвернулся, но священник видел, что по щекам доктора ползут все новые и новые капли. Тарашкевич встал и положил руку на плечо Кастусю:

— Идем, сын мой. Помолимся, чтобы этот был последний.

Они подошли к иконе, висевшей в углу, опустили на колени и принялись молиться. Истово, отчаянно. С надеждой.

СОКРОВИЩА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

— Итак, — произнес генерал, в чьей смуглой коже и хитром прищуре угадывалась татарская кровь, — вы обвиняетесь в присвоении сокровищ литвинских магнатов Радзивиллов. По приказу контр-адмирала Чичагова, командующего Дунайской армией, вы обязаны были захватить их родовой дворец в Несвиже и вывезти сокровища в Москву. Однако приказ вы не выполнили. Что скажете, Сергей Алексеевич?

Названный, хмурый мужчина лет сорока пяти в генеральском мундире, пожал плечами и буркнул:

— То же, что и при аресте. Невиновен.

Пятеро остальных членов бригадной комиссии Дунайской армии переглянулись, но промолчали.

Смуглый дознаватель покопался в бумагах, достал несколько листов:

— Свидетели утверждают, что до вступления ваших частей в Несвиж никаких подвод из дворца не отправлялось. Значит, Радзивиллы не успели вывезти сокровища до вашего прихода.

Сергей Алексеевич потер лицо, покрытое испариной, хрустнул пальцами и ответил:

— Мы несколько раз тщательно обыскали дворец, но сокровищ не было.

— Однако и Радзивиллы их не вывозили. Куда же они подевались?

Сергей Алексеевич пожал плечами. Его лицо покраснело, на лбу выступил пот.

— Послушайте, — подал голос генерал Андреев, — Сергей Алексеевич, мы же с вами друг друга чуть ли не с детства знаем. Ну как могло пропасть такое множество сокровищ!

— Да, — подхватил дознаватель, — по словам очевидцев, там одного оружия с инкрустацией можно было на три телеги нагрузить. Я уж не говорю про драгоценности, золото, деньги. Если Радзивиллы ничего не вывезли, они должны были это спрятать. А вы — найти. Ну?

Сергей Алексеевич тяжело вздохнул, с трудом сглотнул и сказал, держась за сердце:

— Господа, прошу отвести меня обратно в камеру. Мне дурно.

Члены комиссии переглянулись, потом налили ему воды и кликнули врача. Полковой доктор, осмотрев генерала, порекомендовал немедленно прервать допрос и дать обвиняемому несколько дней отдыха. «Арест оказался большим потрясением для генерала и едва не вызвал апоплексический удар, — пояснил врач. — Думаю, вы сможете продолжить через три-четыре дня».

Конвоиры, поддерживая Сергея Алексеевича под руки, отвели его в камеру и помогли лечь. Генерал, тяжело дыша, растянулся на постели и провалился в забытие. Ему снился Несвиж.

* * *

Дворец Радзивиллов раскинулся среди огромного сада. Проезжая по широкой алее, мощенной камнем, Сергей Алексеевич Тучков, дежурный генерал Дунайской армии, не переставал удивляться:

«Чего этим литвинам не хватало? Землю не отняли, гербы оставили, только войско личное императрица повелела распустить — и всего-то! Они богаче иных великоросских дворян были. И на тебе — к Наполеону переметнулись. Говорят, Доминик за собственные деньги полк улан в Вильне сформировал. И теперь с французами драпает к границе. Надеется успеть. И ведь успеет! Если я тут хоть на один лишний час задержусь и не попаду к Борисову вовремя».

Вокруг палаца сустились солдаты, сгоняя в кучу угрюмую дворню. К лошади Тучкова подскочил майор и вытянулся во фрунт:

— Разрешите доложить, ваше превосходительство?

Генерал кивнул.

— Ничего не обнаружено! — выпалил майор и, кажется, сам испугался.

— Ну-ка, — насупился Тучков, — повтори.

— Ваше превосходительство, — зачастил офицер, — палац заняли сегодня на рассвете, три часа назад. Сопротивления не было. Я задержал управляющего, каштеляна по-ихнему, и отрядил солдат обследовать дворец. Ничего ценного не нашли. Как корова языком.

Генерал помолчал. Свита притихла, ожидая взрыва, — Сергей Алексеевич бывал раздражителен. Майор застыл по стойке смирно.

— Вот что, — неожиданно мягко произнес генерал, — дворец обыскать еще раз со всей тщательностью. Управляющего — допрашивать по всей строгости, пока не признается. Остальных — примерно допросить и, при надобности, — высечь. К обеду доложить. Не будет результатов — зашлю служить под Оренбург. В степь. Ну, ступай.

* * *

— Сергей Алексеевич, вы уверены, что вам уже лучше? — поинтересовался дознаватель. — Сможете отвечать на вопросы?

Тучков кивнул:

— Да, я хочу быстрее покончить с этим балаганом.

— Зачем вы так, — обиделся дознаватель, — ведь мы...

— Затем, — перебил генерал, — что я ничего себе не присваивал и приложил все силы, чтобы найти сокровища.

— Но не нашли, — спокойно отозвался дознаватель. — Значит, кто-то их взял. И кроме вас никому.

— Вы думаете, я один это все вывозил? — тем же тоном парировал Тучков. — Один собирал, один грузил, один вывозил из города?

— Конечно, нет, — дознаватель откинулся на спинку стула, — вам помогали.

— Кто? — усмехнулся Сергей Алексеевич. — Ангелы?

— Отнюдь. Например, это могли быть офицеры вашего штаба. Согласитесь, выглядит странным то, что почти все они погибли после того, как вы покинули Несвиж.

— Это армия, — отрезал Тучков. — Воюющая армия. Мой корпус всегда шел впереди, на острие атаки, а французы, сами знаете, хорошие бойцы.

— Знаю. А как вы объясните гибель полковника Гранина?

— Да никак. Пьян был, свалился с лошади и сломал шею.

— Это потомственный кавалерист-то? Полно, не смешите! — дознаватель всплеснул руками. — Не мог он так просто погибнуть. Скорее, ему помогли. Может, ему было что рассказать.

— Не было.

— Возможно, но как вы объясните гибель майора Лазарева?

— Засада.

— Вот как? — вскинул брови дознаватель. — А может, кто-то из своих подкараулил майора? Чтобы убрать лишнего свидетеля.

— А может, я на дуэль вас вызову? — подался вперед Тучков. — Мне и повод выдумывать не надо — пристрелю вас за поклеп.

Дознаватель усмехнулся:

— Зачем вам еще одно обвинение? Если с сокровищами еще не все понятно, то уж про дуэль-то все узнают. Придется и за нее отвечать.... Лучше скажите, где сокровища.

— Да не было там никаких сокровищ!

— Господи, Сергей Алексеевич, — выдохнул генерал Андреев, — ну не могли же они просто так раствориться.

Тучков дернулся, но не ответил. Промолчал он и следующие полчаса, глядя сквозь распахнутое окно на серое небо Менска. В итоге раздраженный дознаватель кликнул солдат, и они отконвоировали генерала в камеру.

* * *

За большим окном, украшенным витражами, вечерело. В камине потрескивали дрова. Сергей Алексеевич стоял у массивного стола мореного дуба в рабочем кабинете Доминика Радзивилла. Кроме стола, в кабинете было еще несколько грубых табуретов, на которых разместились офицеры штаба Тучкова. И больше ничего. Пропало все: портреты, ковры, часы, подсвечники, книги, оружие со стен. И так везде, в каждой комнате, в каждом зале, в каждой клетушке и келье дворца. Вывезли все, что представляло хоть какую-то ценность. И все, что можно было сдвинуть с места. Даже богато отделанные кресла.

— Итак, господа, — Тучков обвел взглядом присутствующих, — каковы итоги сегодняшнего дня? Ничего ценного не найдено, дворня все как один утверждают, что еще вчера — я подчеркиваю, еще вчера! — все было на месте. При этом ни один обоз Несвиж, а тем более дворец не покидал. Итак, куда делись сокровища Радзивиллов? Я вас спрашиваю!

Офицеры переглянулись, но промолчали. Потом один набрал воздуха в грудь и выдал:

— Управляющий....

— Управляющий уже дважды терял сознание под батогами! — отрезал генерал и, повернувшись к одному из офицеров, добавил: — Вы бы попридержали своих казачков. А то засекут немчишку.

Офицер кивнул.

— Как бы там ни было, — продолжил Тучков, — управляющий по-прежнему ничего внятного не сказал. Талдычит, будто дятел, одно и то же — знать не знаю, ведать не ведаю. Вряд ли этот немец так предан Радзивиллу. А отсюда следует, что он говорит правду. Но как, дьявол вас разбери, можно было вывезти такую уйму вещей, чтобы никто не заметил?!

— Мещане говорят, отсюда есть тайный ход под землей, — подал голос артиллерийский полковник Мамонтов. — Будто бы он ведет да самого Слуцака.

— Будто бы! — передразнил его Тучков. — Они говорят, будто бы он и до Менска ведет. Или даже до Вильни! А нашли этот ход? Может, дворня выдала его? Управляющий? Нет, нет и нет! Сказки это все! Нет никакого хода. Перестаньте придумывать себе оправдания! Проспали сокровища, тетери! Чтоб вас!

Генерал хлопнул по столу ладонью и стал мерить комнату шагами — от стола к камину и обратно. Офицеры, не отрываясь, следили за ним, слаженно ворочая головами.

— Вот что, — произнес Тучков, остановившись посреди комнаты, — времени даю до завтрашнего вечера. Искать. Если не найдете хотя бы следы сокровищ, то... Свободны.

Офицеры, стараясь не шуметь, быстро ретировались. Сергей Алексеевич достал кисет и набил трубку. Этот чубук красного дерева с затейливой резьбой был единственной находкой во дворце. Видимо, те, кто вывез сокровища, не посчитали его достаточно ценным. Или просто забыли — Тучков лично нашел трубку в ящике стола в этом самом кабинете. Генерал не спеша докурил, выбил пепел и положил трубку на стол, рядом с кисетом.

Тучков отвернулся всего на минуту — взять свечу, стоящую на камине, а когда повернулся — трубки не было. Кисет по-прежнему лежал на столе.

А трубка исчезла.

Сергей Алексеевич недоуменно осмотрелся, но трубки не заметил. Только краем глаза ухватил стремительно мелькнувшую у стены тень. Генерал поднял свечку и осторожно приблизился. Стена была абсолютно глухая, без малейшего намека на дверь или лаз. Сергей Алексеевич постучал. Звук глухой — вряд ли за ней потайной ход. Тучков прошептал молитву и трижды перекрестился. А потом — на всякий случай — крепко выругался.

* * *

— Сергей Алексеевич, — устало ворчал смуглый дознаватель, — ну сколько можно? Мы уже третий месяц на одном месте топчемся. Вон прочие члены комиссии уже устали присутствовать на допросах, только протоколы читают. Вы уж признайтесь, да и дело с концом. Сколько уже можно, ей-богу!

— Мне не в чем признаваться.

— Понимаю. — Дознаватель покопался в бумагах на столе и положил перед собой лист. — А что вы скажете, если узнаете, что государь-император повелел не наказывать вас сильно, если вы вернете украденное или хотя бы признаете себя виновным и укажете — хотя бы намекнете на местонахождение сокровищ?

— Что скажу? — Тучков потер усталые глаза. — Скажу, что странно мне признаваться в том, чего я не делал, и возвращать то, что не крал.

— Но ведь кто-то крал, — грустно напомнил дознаватель. — Вы, Сергей Алексеевич, явно что-то знаете. Я это нутром чую, можете не отнекиваться. Вот и скажите мне, что вы знаете? Допускаю, что сами вы в этом деле не замешаны, но ведь что-то вы скрываете. И покрываете кого-то. Кого?

— Никого я не покрываю, — ответил Тучков, мимо воли пряча глаза. — И ничего не скрываю.

— Скрываете. И я узнаю, что именно. Рано или поздно, но узнаю. Времени у меня много.

Сергей Алексеевич вздохнул и промолчал.

* * *

— Разрешите доложить, ваше превосходительство, — вытянулся в струнку поручик Уваров.

Генерал молча кивнул. Поручик дожидался его с утра. Офицеры штаба боялись показаться на глаза Сергею Алексеевичу, вот и послали Уварова.

— Есть предположение о пропаже сокровищ, ваше превосходительство.

— Надо полагать, ничего более существенного вы не нашли, — съехидничал Сергей Алексеевич.

Уваров смутился, но продолжил:

— Мой денщик — литвин. Из этих краев происходит. Говорит, знает, куда ценности радзивилловские подевались. Я ему не верю, чушь городит, но...

— Отставить. Зови его сюда.

Уваров кликнул денщика, и тот аккуратно протиснулся в кабинет.

— Как звать? Давно в армии?

— Томаш Гмыза я. Пяць лет служу, ваша прэвасхазицельства.

Генерал поморщился: несмотря на солидный срок службы, денщик все равно говорил с очень сильным литвинским акцентом, «дзекая» и «гэкая».

— Что ты хотел мне рассказать?

Томаш немного помолчал, потом заговорил.

Поначалу Тучков вспылил и чуть не выставил Уварова с денщиком за дверь. Но Томаш говорил уверенно, спокойно, и было в его словах что-то, что заставляло ему поверить.

И Сергей Алексеевич поверил.

* * *

Дверь глухо лязгнула и отворилась.

— Ваше превосходительство, — осторожно позвал офицер, — к вам посетитель. Изволите пропустить?

Тучков вздохнул и отложил перо. Кого там черти принесли? Родные вроде были вчера, сказали, мол, мы ничему не верим, не мог ты приказ нарушить и себе все забрать. Да и остальные вроде уже перебывали все.

Вошел Чичагов. Арест Тучкова бросил на него тень, по столице упорно ходили слухи, что это он помогал (а то и приказал) Тучкову вывезти сокровища из дворца. Но в опалу Чичагов попал по другой причине.

По крайней мере официально.

Сергей Алексеевич тяжело поднялся с табурета — Чичагов был младше по возрасту и мог простить, если бы Тучков остался сидеть, но генерал считал себя обязанным соблюдать субординацию даже в камере.

— Не надо, не надо, — замахал руками контр-адмирал, — оставьте, Сергей Алексеевич, не на службе.

Тучков благодарно вздохнул и опустился обратно. Чичагов присел рядом, на застеленную постель.

— Я, Сергей Алексеевич, по делу к вам, — начал он, доставая запечатанный конверт и показав его Тучкову. — Я хоть и сам в опале из-за Березины, но третьего дня удалось мне добиться, чтобы вас перевели под домашний арест. Хватит, насиделись уже в казематах.

— Спасибо, — растрогался Сергей Алексеевич, — спасибо.

— Не стоит, право слово. — Чичагов отмахнулся, тщетно пытаясь скрыть смущение. — Мне не сложно было.

— И все же примите мою благодарность, — настаивал Тучков, обрадованный возможностью вырваться из опостылевших стен.

— Лучше вы скажите им, что там с этими несчастными сокровищами, — не к месту выпалил Чичагов.

— Вы за этим пришли? — сразу погас Сергей Алексеевич.

— И за этим тоже. В самом деле, уже год расследование идет, а ни на йоту с места не сдвинулось. И самое гадкое — все знают, что лично вы не брали. И все знают, что вы что-то скрываете. Но ни оправдать вас, ни осудить не могут.

— Не могут, — эхом отозвался Тучков. — И, похоже, не оправдают.

— Ну так и помогите им, — подался вперед контр-адмирал, — расскажите как было. Ручаюсь, я сделаю все, чтобы приговор был самым мягким. Думаю, самое ужасное, что вам грозит, — это отставка и спокойная жизнь в имении. Вы только признайтесь!

— Я бы признался, — вздохнул генерал, — да только не в чем. Чист я перед всеми — пред Богом, перед Отечеством, вами, императором. Перед собой чист. Потому и признаваться не в чем.

— Мне другое доносили, — Чичагов поднялся, заходил по камере. — Говорили, что у

вас там, во дворце, что-то произошло. Что литвин какой-то, из денщиков, в этом замешан был.

— Это про другое, — отведя глаза в сторону, ответил Тучков, — совсем про другое.

— Что ж, как знаете, Сергей Алексеевич. Увещевать вас не буду, чай, не ребенок. И все же подумайте. Я от слов своих не откажусь — постараюсь сделать все, чтобы приговор был помягче. Но и вы подумайте — стоит ли упорствовать.

Контр-адмирал кивнул на прощание и вышел из камеры. Тучков откинулся на подушку и прикрыл глаза. Задремал.

Ему опять снился Несвиж.

* * *

Томаш зажег несколько свечей в разных концах гулко и пустого бального зала, расставив их без очевидной системы. Стал посреди зала, крепко, с шумом, потер ладони и развел руки в стороны. Постоял так немного и стал медленно поворачиваться против часовой стрелки.

Генерал внимательно следил за денщиком Уварова и думал. Днем солдаты прочесали дворец от чердака до подвалов и опять ничего не нашли. Вдобавок двоих придавило бочкой в винном погребе. Солдаты остались живы, обошлось даже без переломов. Самое странное, что оба были абсолютно трезвы и в один голос утверждали, что бочка покатила не сама — будто толкнул кто. Но — они это точно знали — никого в погребе не было.

Время поджимало, а сокровищ так и не находили. Допросы, проведенные по второму кругу, ничего не дали. Вот и ухватился Сергей Алексеевич за безумное объяснение денщика. А что делать? Томаш — это последний шанс выполнить приказ. Пришлось выгнать солдат из дворца, строго-настрого запретив заходить, и остаться там вдвоем.

Гмыза совершил столько полных поворотов, что генерал сбился со счета. Его уже стало клонить в дрему, когда Томаш отчего-то двинулся в другую сторону и вдруг застыл. Глаза закрыты, дышит медленно-медленно, лицо, словно камень, застыло. Пальцы шевелятся, словно нитку теребят.

Тучков привстал с табурета. Томаш с закрытыми глазами сделал осторожный шаг, потом другой. Он словно нащупывал тропинку в болоте — не торопясь, выбирая, куда поставить ногу. Нащупал — и пошел. Руки в стороны, глаза закрыты. И Тучков следом. С фонарем в руках.

Денщик вел генерала через обезлюдевший и темный дворец, поднимаясь все выше и выше. С первого этажа на второй. С него на третий. И так до самого чердака. Возле узенькой лесенки наверх Томаш остановился и повернулся к Тучкову. В глазах солдата плавал туман.

— Ен там, ваша благородзие. Даставайце.

Тучков торопливо вытащил лист и карандаш и написал, как учил Гмыза: «Здесь я хозяин, а не ты».

Томаш облизнул губы и стал подниматься на чердак.

Там было сухо и темно. Слабый свет фонаря совсем не разгонял тени, а лишь отодвигал их чуть в сторону и делал плотнее. Выставив ладони вперед, словно что-то ощупывая, Томаш уверенно шел к печным трубам, которые четырьмя кирпичными колоннами стояли в центре.

— Сюды.

Тучков подошел и положил бумагу между трубами.

— Цяпер трэба чакаць.

Тучков кивнул и отошел в сторону. Да, надо подождать. По словам Томаша, сокровища спрятал домовый. Такая записка — лучший способ вызвать его, потому что «хатник», как его назвал Гмыза, очень злится, когда находит подобные записки, и непременно заявляется на randevu с наглецом, осмелившимся оспаривать его права.

Ждать пришлось недолго. Мигнул фонарь, непонятно откуда дунул сквозняк, и Сергей

Алексеевич в первый раз в своей жизни увидел домового. Больше всего тот напоминал полковой барабан, заросший огромной копной жестких волос.

— Крый Божа, — выдохнул Томаш, — яки ен валасаты! Ну и багацеи ж гэтыя Радзивиллы!

Тучков шикнул на солдата и присел на корточки, чтобы лучше видеть домового. Тот зыркал на генерала желтыми глазами и что-то раздраженно бурчал в рыжую бороду.

— Я — хозяин этого дома, — сказал Тучков. Слова появлялись неохотно — он все никак не мог поверить в реальность происходящего. — Я хочу получить все, что ты... спрятал. Это мое.

Домовой зашипел и почесался.

— Это мое, — повторил Тучков.

— Ты чужой, — заявил домовой. Голос у него был скрипучий, как старые рассохшиеся половицы. Но, что удивительно, говорил он без акцента. — Хозяин уехал, а ты чужой.

— Твой хозяин — преступник, он бежал отсюда. Теперь я твой новый хозяин, и ты обязан меня слушаться.

Домовой хмыкнул и демонстративно почесался.

Бессмысленно было требовать от него послушания. Ведь этот домовый — если правду говорят, что они бессмертны, — служил Радзивиллам не меньше двух сотен лет. А то и больше.

— Вот что, — Тучков решил сменить тактику, — хозяин твой сбежал, но обязательно вернется. Слышишь?

Домовой с интересом уставился на генерала.

— Да, твой хозяин вернется, и ему очень не понравится то, что он тут увидит. — Сергей Алексеевич выдержал паузу и продолжил: — А увидит он сожженный дворец. Потому что, если ты не отдашь мне сокровища, я прикажу поджечь все.

Домовой уселся поудобнее и ответил:

— Можешь жечь. Сокровища я отдам только хозяину. Ты — не хозяин.

— Я могу приказать разобрать этот дворец по кирпичику, — пригрозил Тучков. — Знаешь, что может сделать с дворцом полковая батарея или десяток бочек с порохом?

— Одни уже рушили. И ничего не получили.

— Шведы, что ли?

Домовой проигнорировал вопрос. Сидел и безразлично ковырялся в зубах.

— Взорву все к дьяволу! — закипел Тучков. — Слышишь, ты, башка дурная?!

Домовой повернулся и не спеша заковылял в темноту между трубами.

— Камня на камне не оставлю! — взвыл генерал.

Из темноты блеснули желтые глаза:

— Хозяину отдам. А ты — чужой.

И сгинул. Будто и не было.

Тучков рванулся за ним в темноту, но пальцы ухватили воздух. А где-то в стороне раздались осторожные шаги и тихий смех. Генерал выпрямился, тяжело дыша. Не миновать ему выволочки от Чичагова. И сокровищ не нашел, и француза можно упустить. Дьявол заберет этих Радзивиллов!

За спиной кашлянул Гмыза. Генерал резко повернулся, подошел к нему и, взяв денщика за грудки, прошипел:

— Скажешь кому, сгною в Сибири.

Томаш Гмыза сглотнул:

— Паняу, ваша прэвасхазицельства...

Генерал отпустил его и пошел к лесенке. Где-то в стороне опять прошелестели шаги, но Тучков не обратил на них внимания. Сейчас все, что он мог сделать, — это поспешить к Борису, дабы перехватить отступающих французов и хоть так реабилитироваться перед Чичаговым. Сокровища Радзивиллов Сергея Алексеевича больше не волновали.

Лето 1817 года выдалось жарким. В городе Тучкове, который Сергей Алексеевич на собственные средства десять лет тому назад основал недалеко от Измаила, спастись от зноя можно было только в беседке, увитой виноградом и стоящей подле воды.

Опальный генерал так и поступал.

Сергей Алексеевич потер небритый подбородок, снял нагар со свечей и вернулся к письму.

«...посчитал — уж пятый год тянется странное мое состояние. Я все так же числюсь на службе, но содержания и приказов не получаю. Сказать по совести, Господь с ним, с содержанием — свои деревни есть. Куда прискорбнее, что приказов нет. Выходит, не нужен я более государю и Отечеству?

Пусть я провинился (хотя вина и не доказана), ну так пусть бы сослали. Хоть в Оренбург, хоть в Сибирь — только бы к делу приставили! А то неумоготу уже тут сиднем сидеть.

Вот и раны старые стали беспокоить, и сердце шалит — все от того же. Дела, брат, дела хочется! Я тут, в Тучкове, конечно, руковожу, но пустое это, мелкое. Уж и не знаю, чем спастись. Вирши не идут. Почти закончил писать свой «Словарь военный, содержащий термины инженерные и артиллерийские», но и он застрял у меня, словно обоз в распутицу. Перевожу Горация с Еврипидом, тем и пробавляюсь.

Дал бы Господь сыновей, учил бы их. А так — с местными мальцами штудии наладил.

А еще, скажу по секрету, стал подумывать — может, в Альбион податься? Хоть я русский, но бриттам могу пригодиться для дела. Коль здесь никому не нужен».

Сергей Алексеевич, вздохнул, поставил перо в чернильницу и процедил сквозь зубы:

— Черт бы побрал этих Радзивиллов с их дворцом...

Прикрыв глаза, Тучков откинулся на спинку кресла. Прислушался.

Хоть время близилось к полуночи, городок не молчал. Откуда-то издалека доносилось слаженное девичье пение. Совсем недалеко лепетал ребенок, и в ответ ему смеялся мужчина. Ближе к реке перебрехивались собаки. Оглушительно стрекотали цикады.

Среди ночных звуков Сергей Алексеевич уловил чужое дыхание.

— Надо же, Егорка, как ты подкрался, — похвалил Тучков. — Ужин, что ли, принес? Поставь на стол и ступай. Завтра, как обещал, стрелять пойдем.

Дыхание не исчезало.

Сергей Алексеевич открыл глаза и вздрогнул. На перилах беседки лицом к нему сидел хатник. Тот самый, радзивилловский.

Сергей Алексеевич моргнул. Домовой никуда не исчез. Тучков перекрестился. И перекрестил домового. Тот никак не отреагировал. Только погладил бороду дрожащей рукой.

— Ну, здравствуй, — выдавил наконец Сергей Алексеевич. — Чему обязан?

— Твой звал, — проскрипел домовый.

— Кто мой? — не сразу понял Тучков, потом спохватился. — Домовой? Ты о нем говоришь?

— Жаловался. Говорил, сохнешь. Просил очень.

Только сейчас Тучков заметил, что домовый изменился.

Волосы уже не торчали буйно в разные стороны, а свалились местами в жидкие сосульки, рыжина поблекла, в желтых глазах появились грязные пятна. Домовой сидел сгорбившись, как старик, потерявший всю семью, до последнего правнука. Сергей Алексеевич видел таких стариков много раз — здесь, у Измаила, в Грузии, в Польше.

— Тебе, я вижу, и самому несладко, — мягко сказал Тучков. — Это из-за Доминика?

Домовой кивнул; голос его звучал так, будто в горле стоял ком:

— Он не вернулся.

Тучков отвел глаза в сторону:

— Почему — знаешь?

— Знаю. Погиб.

Они замолчали. Пенье девушек стихло, мужчина с ребенком молчали, собаки брехали вполсилы. Только цикады продолжали нещадно тарыхтеть.

Первым заговорил Тучков:

— Что сокровища? Все стережешь?

— Стерегу, — безрадостно ответил домовый.

Сергей Алексеевич оглядел беднягу, замялся было, но все же спросил:

— Так, может, отдашь? Тебе ответ за них держать уж не перед кем, хозяина у тебя больше нет. С меня же опалу снимут, коль я передам все в казну государю. А тебя... Хочешь, к себе возьму? Построю еще дом, живи себе.

Домовой повернулся боком, пряча глаза, еще больше сгорбился:

— Ты — чужой. Нельзя.

— А кому можно? Дети Доминика в замок до сих пор не вернулись. И вряд ли вернуться. Что будешь делать?

Домовой шмыгнул носом:

— Ждать.

— Долго?

— Всегда.

— Почему? — удивился Тучков. — Хозяин твой сбежал, из-за него прямая линия несвижских Радзивиллов пресеклась, потомки его на чужбине. Сын Доминика к тому же незаконный. Так что заставляет тебя ждать? Почему ты хранишь верность им?

Домовой попытался непослушными пальцами распутать комки волос на животе. Не получалось. Он долго молчал под мерный стрекот цикад, прежде чем сказать:

— Я еще Лидзейке³⁷ служил. Из первой хаты в валенке выехал. До дворца доехал.

— Лидзейке? — изумился Тучков.

— Да.

— Выходит, — протянул Сергей Алексеевич задумчиво, — больше десяти веков с гаком... И ты готов им служить. Несмотря ни на что. Тебе худо, но других хозяев ты не ищешь. Почему так?

³⁷ Лидзейка — легендарный герой. Считается, что он присоветовал князю Витовту построить город Вильно (Вильнюс), за что и получил прозвище «Родивший Вильно». Позже прозвище переросло в фамилию Радзивилл.

— Доля такая, — пожал домовой плечами. — Доля.

— Доля, — повторил за ним Тучков. — Служить и ждать. Не искать других хозяев. Не ждать признательности.

Домовой молчал, смотрел больными глазами куда-то в сторону и молчал.

— Послушай, ты это... — Сергей Алексеевич примолк, потом хрустнул пальцами, решился: — Ты не держи на меня зла, что просил у тебя сейчас сокровища. Не нужны они мне — не буду я оправдываться так. Служишь — служи. Оба будем служить. Ты как умеешь, я как умею. И вот что... Я теперь знаю, какое главное сокровище потеряли Радзивиллы.

Домовой выпрямился, в глазах мелькнул огонек.

— Возьми, — на широкой мозолистой ладони домового незнамо как возник чубук красного дерева с затейливой резьбой. Тот самый, который Тучков курил во дворце Радзивиллов.

— Почему? — удивился Сергей Алексеевич.

— Ты понимаешь, — сказал домовой. — Ты — понимаешь.

Сергей Алексеевич протянул руку за трубкой, и в тот же миг домовой исчез. Чубук упал на пол беседки, громко стукнувшись о доски.

Тучков вздрогнул и открыл глаза.

Свечи почти догорели. В округе было тихо, даже цикады стрекотали как будто вполсилы. От воды тянуло свежестью.

Сергей Алексеевич провел рукой по лицу, потер глаза большим и указательным пальцами, буркнул себе под нос:

— Приснится же.

Тучков передернул плечами и взялся за перо. Перечитал последние строки письма, чтобы вспомнить ход мысли. Задумался. Потом поставил перо обратно в чернильницу, еще

раз перечитал письмо и, ухватив его за край, поднес к свече.

Пламя, быстро перепрыгнуло с фитиля на бумагу, жадно брызнуло во все стороны.

Тучков швырнул догорающий листок на пол, взял чистый и занялся новым, другим, письмом к брату.

Закончил Сергей Алексеевич уже ближе к рассвету. Запечатав конверт, Тучков встал и шагнул к выходу из беседки. Нога задело что-то, застучавшее по полу. Сергей Алексеевич опустил взгляд и от неожиданности выругался.

На полу лежал чубук красного дерева с затейливой резьбой.

* * *

— И чем же вы теперь намерены заняться? — княгиня Скавронская томно разглядывала Сергея Алексеевича поверх веера.

Он ответил не сразу. Прежде отпил дорогого французского вина, окинул взглядом танцующие пары, прислушался к музыке, пригладил волосы, обильно тронутые сединой, и только потом сказал:

— Известно чем — вернусь на государеву службу.

— Как? После того, как вас оклеветали и год продержали в темнице? После того, как расследование по вашему делу длилось десять лет?

— Почти четырнадцать, — поправил ее Тучков. — Меня арестовали в конце двенадцатого, а сейчас, Божьей милостью, двадцать пятый.

— Тем паче! Тринадцать лет под домашним арестом. И после того, как с вами обошлись, после этой ужасной несправедливости — опять служить?

Сергей Алексеевич допил вино, отставил стакан, внимательно посмотрел на графиню и ответил:

— Да.

После поднялся и, кивнув на прощание, отошел.

* * *

Сокровища Радзивиллов как в воду канули. Поиски во дворце какое-то время шли, но вскоре — после нескольких несчастных случаев — были прекращены. До наших дней они не обнаружены.

Сергей Алексеевич Тучков не обманул графиню. После того как его оправдали в тысяча восемьсот двадцать пятом году, он еще долго служил Российской империи верой и правдой, выйдя в отставку лишь в тысяча восемьсот тридцать шестом.

Татьяна Апраксина, А.Н. Оуэн САМОЛЕТ ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

**Совершенно неувидительная история приключений мистера Бретта,
репортера, рассказанная мистером Уотсоном, врачом из Девонпорта**

*Потому что сны и сюжеты, черт возьми, не должны
подтверждаться международными запросами!*

Arletta

Январь 1930, Северный Канал, побережье Шотландии

Я Бродяга. Светлячок, что у вас? Прием.

Я Светлячок. Иду на моторе, буду на точке через полтора. Прием.

Я Бродяга. Я через сорок. Может, меньше. Прием.

Я Светлячок. Мошку слышно? Прием.

Я Кобыла Мег. Через пятьдесят. Не слышно. Передатчик слабенький. Асгард здесь? Прием.

Я Асгард. Разбудили. Мошку слышу. Они там же. Сидят плотно. Прилив. В Портпатрике искровая ³⁸. Мэр послал грузовик. Будут через тридцать. Но там уступ в два слоя. Слезть и с нижнего спускать веревку. Прием.

Я Бродяга. Могут не успеть? Прием.

Я Асгард. Могут. Прием.

Я Кобыла Мег. Тридцать от Портпатрика ³⁹? Рифы же не пройти ни черта. Как они туда? Прием.

Я Светлячок. Занесло. Прием.

Я Асгард. Вижу проход. Кто первым, стучите. Наведу. Прием.

Я Кобыла Мег. Идиоты. Лов испортили. Отстучу. Прием.

Я Бродяга. Видимость грбовая. Асгард, наводите. Прием.

Я Посошок. Чей SOS? Что случилось? Прием.

Я Бродяга. Баркас на скалах. Сел плотно. Шторм идет. Координаты +54°50' 3,92", — 5°6' 28,64". Прием.

Я Посошок. Вас понял. Почти на месте. Не знаю берега. Прием.

Я Асгард. Водоизмещение? Прием.

Я Посошок. Пятьдесят восемь. Прием.

Я Асгард. Пройдете. Прием.

Я Посошок. Асгард, где вы? Прием.

Я Асгард. Над вами. Прием.

Я Посошок. Замечательно. Ведите. Прием.

В баре на Кингз-роуд редко бывают посторонние. Несмотря на близость доков, тамошние рабочие сюда почти не заглядывают. Этих чаще встретишь в барах на Маунт-стрит и Джеймс-стрит. А здесь заведение во всех отношениях респектабельное, тихое, в позднее время его обычно посещают одни и те же хорошо знакомые между собой джентльмены. Случается, что вечером в пятницу заглядывают и новые люди — но чаще вполне достойные военные с базы, нежели шумная молодежь.

Нынешних посетителей все мы знали в лицо, они сравнительно недавно, года три назад, стали время от времени заходить по вечерам в заведение мистера Брентона. Старший из офицеров, капитан-лейтенант, любил играть в шахматы, а потому мистер Уолтэм, наш библиотекарь, быстро завел с ним приятельство. Но поскольку моряки бывали здесь не так уж и часто, то весь запас рассказов мистера Хортон исчерпать не успели. А мистер Хортон, отставной военный, как раз в Девонпорте⁴⁰ и служивший, охотно делился со слушателями деталями своей богатой биографии — за пару кружечек пива или стаканчик виски. Мистер Хортон, не подумайте о нем плохого, — очень приличный житель нашего города. Но у всех есть свои маленькие слабости, а у тех, кто вышел в отставку раньше срока, даже по уважительной причине, — очень скромные пенсии, так что мистер Хортон изыскал весьма достойный способ пропустить по вечерам чуть больше кружечек или стаканчиков, чем позволяет ему доход.

Вот и сегодня, поскольку мистер Уолтэм покинул нас раньше обычного, сославшись на простуду, капитан-лейтенант заинтересовался историями мистера Хортон. После третьего

³⁸ Искровой излучатель, тип радиации, в 1927 году запрещены к активной передаче и оставлены только для сигнала SOS, так как препятствовали эффективному использованию радиочастот.

³⁹ Рыбацкий поселок на западном побережье Шотландии.

⁴⁰ Городок в Девоншире, ныне часть Плимута. С 1691 года — база королевского флота. В настоящий момент — крупнейшая.

стаканчика виски мистер Хортон почему-то решил рассказать то, чего никто из нас еще не слышал.

— А знаете ли, сэр, почему меня отправили в отставку? Из-за чудовищной несправедливости, сэр! Нет, вовсе не потому, что я слишком много пил. Это я уже потом начал. Из-за белого дракона, сэр! Я был оператором радиолокационной установки, уоррент-офицером первого класса. И в одно печально закончившееся дежурство я увидел дракона, сэр! Он летел над берегом...

— И в самом деле дракона, мистер Хортон? — интересуется капитан-лейтенант.

— В самом деле! Огромная такая зверюга, сэр! Не меньше «Стирлинга»-тройки. Я немедленно доложил — и наутро меня заставили пройти медкомиссию, а потом отправили в отставку. Чудовищная несправедливость, верно, сэр?

Капитан-лейтенант — человек вежливый. Он только головой покачал. А мистер Брентон, наш уважаемый бармен, отставил стакан, который протирал, и сердито уставился на мистера Хортона.

— Вы, — говорит, — мистер Хортон, портите репутацию моего заведения. У меня разрешено рассказывать только правдивые истории, а не байки. Вовсе вас не за то уволили со службы. За что — захотите, расскажете. А летающего дракона вы видеть не могли. На радаре, что ли? А если бы и видели, так не стали бы об этом рассказывать, если, конечно, не решились бы нарушить подписку.

— Какую подписку? — немедленно интересуется мистер Данхэм, ветеринар. — Опять власти от нас что-то скрывают?

— Такую, — объясняет мистер Брентон, — которую дают те, кто случайно узнает о военной тайне. Да и не было никакого дракона. Галлюцинация это была, мистер Данхэм. Вот мистер Уотсон вам расскажет, какие бывают галлюцинации, когда в шторм вас битком набито на яхте, а сверху прорва «джерри» и все палят...

— Галлюцинации, — отвечаю я и мистеру Брентону, и мистеру Данхэму, — разумеется, бывают самые разные. Кстати, я замечал, что чем больше людей, тем легче они случаются. Ну и дракон — это даже понятно... Но я представления не имею, о чем это вы, мистер Брентон.

— У меня, — очень неохотно почему-то говорит наш уважаемый бармен, — есть двоюродная сестра, а у Мэри есть муж. Он из Дюнкерка эвакуировался и, спасибо мистеру Лайтоллеру,⁴¹ выжил. Вот там это и было, — мистер Брентон мрачно косится на мистера Хортона, — просто померещилось людям. Но у нас ничего подобного никогда не случилось.

Тут оживился молодой мистер Бретт, репортер городской газеты. Как всякий репортер, он питает пристрастие к загадочным и сверхъестественным явлениям, что в возрасте мистера Бретта даже позволительно. До тех пор он пил свою пятничную кружку в компании мистера Гамильтона. Мистер Гамильтон — писатель, года два назад перебрался в наши края, получив в наследство домик где-то в Пенникросс, но быстро стал завсегдатаем заведения мистера Брентона. Говорит, что у нас общество куда более приятное, чем в остальной округе.

— Но, — воскликнул молодой человек, — позвольте! Это же невероятно интересно! Это же настоящая загадка! Нужно же разобраться?

Вот так в тот вечер все и началось.

Не прошло и полутора месяцев, как наш молодой мистер Бретт явился в бар премного довольным, и едва успели разойтись случайные посетители, как репортер поделился сведениями из полученного им письма. Папку с бумагами он прижимал к груди, словно карту острова сокровищ.

— Вы, — заявляет на весь бар, — мистер Данхэм, были всецело правы! От нас действительно что-то скрывали. Разумеется, никакого дракона не было, но была

⁴¹ Чарльз Лайтоллер — моряк пассажирского флота, бывший второй помощник на «Титанике», в 1940 году как капитан и владелец яхты «Посошок» участвовал в эвакуации из Дюнкерка.

засекреченная разработка нашего командования. Это самолет. Я написал очевидцам...

— Молодой человек! — возмущился мистер Уолтэм, библиотекарь. — Вы понимаете, какие нынче времена? Вы уверены, что никто здесь...

— Пусть рассказывает! — шумит мистер Данхэм. — Вы, мистер Уолтэм, не мешайте...

— А вы, мистер Данхэм, вообще марксист! — отвечает библиотекарь. Он слегка глуховат, так что говорит громко.

— Так что вам ответили-то? — спрашивает мистер Гамильтон, а капитан-лейтенант с военной базы тоже кивает — мол, ему тоже интересно.

— Что был самолет новой экспериментальной модели. И что сын покойного мистера Лайтоллера, Ричард, весьма признателен и экипажу, и командованию за спасение, и хотел бы, если бы это возможно, чтобы об этом подвиге стало известно общественности.

— Ну, — говорит капитан-лейтенант, — всему свое время. Но вообще интересно, конечно...

— Не могли бы вы, — наш репортер своего не упустит, — помочь мне узнать, что это был за самолет, и имена членов экипажа? К сожалению, из тех, кто был на борту, никого уже нет в живых, а Ричард Лайтоллер помнил только позывной. «Асгард».

Тут к спорщикам повернулись молодые люди из спасательной службы и двое из отставных военных — они по углам сидели, по отдельности. Они в наших беседах редко участвуют. А сейчас почему-то все смеются.

— Это, — говорит отставной полковник Джонсон, — над вами, юноша, подшутили.

— Точно, — хором говорят спасатели.

— Почему это? — обижается мистер Бретт.

— Потому что «Асгард», — объясняет полковник Джонсон, — это был гидросамолет спасательной службы на шотландском побережье, и как вы себе представляете его в воздушном бою? И было это уже с четверть века назад.

Мистер Гамильтон усмехается, глядя на своего приятеля — он-то, Гамильтон, как раз в войну в ВВС служил.

— На каком это шотландском?! — изумляется старший из спасателей, новичок у нас. — Какую четверть века? В прошлом году в Ярмуте! А так, конечно, гидросамолет, мы с ним не раз работали. Очень толковый там пилот.

— Господи, — расстроился наш уважаемый бармен, — вот как начал мистер Хортон сказочки рассказывать — так теперь не закончим до конца года...

Как в воду глядел — потому что мистер Бретт подпрыгнул выше прежнего и опять решил разбираться с настоящей загадкой. А мистер Гамильтон вместо того, чтобы молодого человека образумить, решил к нему присоединиться. Ему, дескать, как писателю, это весьма интересно.

Эндрю Бретт, которого пока что гораздо чаще звали Энди, был уроженцем Лондона, а в окрестности Плимута его семья вынуждена была переехать после войны. Энди закончил местный колледж, но средств для продолжения образования у семьи не было, и в возрасте восемнадцати лет молодой человек поступил в городскую газету Девонпорта на должность младшего репортера, где и служил уже три года. Он имел репутацию вежливого, исполнительного, но излишне увлекающегося и романтического юноши, что, впрочем, нисколько не печалило главного редактора газеты, поскольку младший репортер Бретт регулярно разнообразил колонку городских происшествий заметками об удивительных событиях и необъяснимых явлениях. Правда, в городе редко случалось что-то, чего не могла объяснить полиция. Это весьма огорчало Энди, который был не только романтичен, но и честолобив и мечтал раскрыть какую-нибудь из величайших загадок Вселенной или хотя бы явить миру грандиозную сенсацию, которую в Лондоне будут обсуждать не меньше недели.

Вышесказанное является практически исчерпывающей характеристикой героя нашего повествования. Впрочем, можно добавить, что он был достаточно привлекателен, числились за ним кое-какие спортивные достижения, имелось достаточное количество обаяния, умение легко сходитьсь с людьми и вызывать у них доверие. Одним словом, Энди был совершенно

типичным молодым представителем своей профессии.

Как с таким человеком сошелся мистер Гамильтон — загадка. Он был старше Бретта едва не вдвое, вкусов — старомодных, взглядов — неопределенных, но не вызывавших протестов даже у библиотекаря. Как все приличные люди его возраста, мистер Гамильтон воевал — и очень основательно хромал. В остальном внешностью он обладал совершенно непримечательной, но, когда говорил, что случалось довольно редко, становилось ясно, что за плечами у него Тринити-колледж и многолетняя привычка командовать людьми.

Должно быть, дело было в механизмах. Мистер Гамильтон очень любил все, что ездит, плавает и летает, да и вообще все то, что с мотором внутри. В баре он починил старую, еще с цилиндрами, музыкальную машину, собственно, после этого и стал одним из завсегдатаев заведения: зашел с улицы, спасаясь от дождя, увидел это антикварное сооружение и попросил разрешения посмотреть, после чего целую неделю разбирал, проверял, чинил, отлаживал. Потом механизм пошел, а мистер Гамильтон остался. А мистер Бретт очень любил автомобили, но своего не имел и потому с удовольствием проводил время, копаясь в чужих.

Когда завсегдатаи бара на Кингз-роуд затеяли спор о загадочном самолете, мистер Бретт немедленно почуял несравненный аромат сенсации. Увы, он прекрасно знал, что не может позволить себе самостоятельное расследование, а главный редактор городской газеты ни под каким видом не согласится оплатить ему поездку неведомо куда в поисках неведомо чего. Какова же была радость Энди, когда мистер Гамильтон тоже высказал определенный интерес к загадке и, сказав, что есть ли тайна, нет ли — а подобный опыт ему пригодится в работе над книгой, предложил репортеру стать его компаньоном в поездке. Энди, разумеется, удивился подобной щедрости, но мистер Гамильтон объяснил, что после ранения он не может подолгу управлять автомобилем, а также ему строго-настрого запрещено поднимать тяжести, и хотя запретом докторов он регулярно пренебрегает, в дороге это может грозить неприятностями.

Для начала Энди решил списаться с военными, в том числе со своими коллегами по перу, а уж получив несколько ответов, познакомиться с делом поближе. Для первой поездки были выбраны не слишком удаленные от Плимута города, где располагались спасательные станции и особенно военные базы. Мистер Бретт обоснованно сомневался в том, что станет там желанным гостем, но рассчитывал на мистера Гамильтона, ветерана и уважаемого человека. Ожидания его всецело оправдались, поскольку там, где на юного репортера с удостоверением девонпортской городской газеты смотрели без воодушевления, с мистером Гамильтоном нередко соглашались побеседовать.

В Портленде, на базе Серепта, с ними поначалу и вовсе не хотели разговаривать, но мистер Гамильтон умудрился отыскать человека, с которым служил кто-то из его знакомых, — и дальше они еще часа два обменивались всякими историями, даже до Великой Войны⁴² добрались, а нужная информация выкатилась сама собой и безболезненно — правда, и пользы от нее оказалось немного. Знали на базе позывной «Асгард», и не просто знали, а в войну был у этого позывного очень высокий приоритет: сообщения передавать, предупреждениям внимать, помощь оказывать. А в 45-м приоритет сняли, что и неудивительно. Мобилизовали, видимо, какую-то гражданскую структуру под военные нужды, а потом обратно отдали. Позывной, впрочем, не исчез — периодически всплывал, по спасательным делам. Но на Серепте «Асгард» никогда не базировался, скорее всего, они у местной береговой охраны жили, у тех тоже база неподалеку, в Веймуте.

В Веймуте все было попроще: город курортный, люди доброжелательные. С Энди разговаривали охотно: знаем, но не наши и никогда у нас не были. Это к военным, на Серепту.

— Это... интересно, — сказал мистер Гамильтон Энди, огорченному тем, что круг

⁴² Так часто называли Первую мировую.

замкнулся. — Не проехаться ли нам чуть дальше по побережью?

Разумеется, мистер Бретт согласился. К тому моменту он уже понял, что его шансы самостоятельно справиться с загадкой невелики, да и не мог он оставить явно собравшегося ехать дальше спутника. Так что Энди отбил телеграмму редактору газеты и повел машину мистера Гамильтона, как уже привык.

Мистер Гамильтон оказался партнером не только полезным, но и весьма приятным, хотя его неразговорчивость Энди несколько печалила. Зато в остальном его привычки можно было назвать безупречными, к тому же он прекрасно знал побережье и умел выбирать недорогие, но очень приличные гостиницы.

В ночь перед прибытием в Пемброк Энди не спалось. Вместо того чтобы лежать в постели с купленным в дороге замечательным американским детективом, получившим в прошлом году премию Эдгара По, он сидел у окна и просматривал записи, сделанные по пути. Хлопнула дверь соседней комнаты, потом — наружная дверь. Энди высунулся из окна и увидел, что его спутник спускается с крыльца.

— Мистер Гамильтон? Уже ночь же...

— Я иногда страдаю бессонницей, — улыбнулся тот. — Еще с войны. Прогуляюсь по окрестностям...

Заснул репортер не скоро — все дожидался возвращения мистера Гамильтона, но потом его потихоньку сморило. Приснилось что-то непонятное, но отчетливо запомнившееся каждой деталью и неприятным муторным ощущением, какое оставляют по себе слишком реальные сны.

Человек стирает рубашку в ручье. Дегтярное мыло плохо мылится: холодная вода, сентябрь — осень есть осень, даже на юге Ирландии. Впрочем, это просто значит, что стирка займет чуть больше времени. Блеклый, серый человек, хлипкий и невысокий. По виду — сельский учитель или, скажем, телеграфист. Из тех, что очень следят за собой. Стараются выглядеть прилично и даже отчасти в том преуспевают. Но вокруг них всегда какой-то тусклый неуют. Мелкие хлопоты, излишнее внимание к подробностям, большая жена... Что он тут делает — в лесу, у ручья? Неправильное место, неправильная поза, неправильные — умелые, привычные — движения рук. И когда хмурый небритый тип — мятый пиджак, свитер, брюки заправлены в сапоги — спускается по склону и садится рядом на камень, стирающий не поворачивает голову.

— Рад тебя видеть, слышал, что ты вернулся.

— Я недалеко выбирался, на Валентию,⁴³ — говорит стирающий.

— Я знаю. Уже в газетах было. Чем тебе не угодил трансатлантический кабель, что ты ему жить не даешь?

— Пропагандистским потенциалом. Жертв никаких, ущерб, по существу, минимальный — они за пять дней все восстановят, — зато шуму на весь мир. Они должны привыкнуть, что неуязвимых объектов у них нет. И не будет. — Вот теперь можно и отполоскать.

— Ты чем расстроен?

— Пока меня не было, твои олухи половину шрифтов в болоте утопили. Как прикажешь номер издавать?

— Отступление, — пожимает плечами небритый.

— Вьюки нужно закреплять. И проверять. Ладно, не страшно. Сходим завтра в город. В местные «Ведомости» — у них должны быть подходящие.

— В город?

— Просто зайдем, возьмем шрифты и выйдем.

— Ты всегда так говоришь. — морщится человек в пиджаке.

— Когда мы не выходили?

⁴³ Остров на юго-западной оконечности Ирландии. Терминал трансатлантического телеграфного кабеля.

— Под Галлиполи.⁴⁴ — В позапрошлую войну — за империю, с Германией — человек в пиджаке был старше званием. В прошлую — против империи, за независимость — много младше. Сейчас это не имеет значения.⁴⁵ Ты поднимаешься в должности, когда убивают того, кто над тобой. Рубашку в ручье сейчас стирает третий в военной цепочке командования. И второй в политической.

— Под Галлиполи я не отвечал за операцию. Я отвечал за вас. Я за вами тогда прилетел? Прилетел. Снял? Снял. Зайдем и выйдем. — Еще раз отполоскать. И выкрутить. Один раз. И второй. Ткань хорошая, легко отдает воду. Влаги остается совсем немного, через час рубашка высохнет. Если не пойдет дождь.

Это все пустяки. Рейды, облавы, утопленный ирифт, безалаберность, недостаток ресурсов. Это все мелкие хлопоты, подгоревшая яичница.

— За тобой охотятся, — говорит небритый. — Лично. Но это тоже ерунда. Мне не нравится эта война. Мы отдали инициативу. Когда мы дрались за независимость, у нас было мало шансов, но была ясная цель. Сейчас...

— Сейчас вопрос один — можем ли мы переломить ситуацию. Если нет, драться смысла нет и надо договариваться. Главное пока — не делать резких движений и по возможности не убивать людей.

— Если ты попытаешься договориться с правительством, тебя пристрелят с двух сторон. Не надевай, простудишься.

— Поживем. Увидим. Зачем надевать? Пусть сохнет. У меня запасная есть. У меня всегда есть.

Утром Энди обнаружил на дверях спутника записку «Все-таки принял снотворное, сплю. Поезжайте один. Прошу прощения. Искренне ваш, РГ». Действовать без поддержки было обидно и как-то уже непривычно. Репортеру, конечно, следует быть одиноким волком, но в компании мистера Гамильтона одиноким волком работать было как-то уютнее. Да и оставлять писателя в гостинице не хотелось. Что такое «бессонница с войны», Энди знал хорошо. Ему самому до сих пор иногда снилась бомбежка, хотя эвакуировали их рано, и сирену он слышал всего раз пятнадцать, а убежище во дворе засыпало только однажды и ненадолго.

В общем, Энди решил подождать и не ошибся. К часу дня мистер Гамильтон спустился, увидев спутника, улыбнулся — и через полчаса они уже ехали на базу летающих лодок в Пемброк-Док.

Поначалу обоих и вовсе не хотели пускать на базу, но, как обычно, мистер Гамильтон нашел каких-то общих знакомых, завязался разговор, потом их отправили к «коллегам по перу» — военным корреспондентам части. Слово за слово — и Энди задал вопрос про «Асгард». Молодой военный, от силы года на три постарше мистера Бретта, неожиданно рассмеялся.

— Репортерское чутье, не иначе. Вчера как раз у ребят тут было дело. А штука вышла знатная. Ночной паром из Росслера⁴⁶ на плавающую мину налетел — с войны еще. Оторвалась откуда-то. Она, представьте, у них в скуле застряла и не взорвалась. Они еще, молодцы, двигатель вовремя заглушили, чтобы эту мерзость не растряссти, и просто

⁴⁴ Операция союзников 1915 года — попытка высадиться на Галлиполийском полуострове и захватить Константинополь. Кратко описывается словом «катастрофа».

⁴⁵ Первая мировая война 1914–1918 гг., Англо-ирландская война за независимость 1919–1921 гг., Ирландская гражданская война (между теми, кто принял договор с Англией, и теми, кто требовал полной независимости и включения Ольстера в состав страны) 1922–1924 гг. По меркам такого рода конфликтов гражданская война была удивительно бескровной. Число жертв среди комбатантов с обеих сторон исчисляется единицами тысяч, среди мирного населения — не превышает тысячи.

⁴⁶ Портовый городок на восточном побережье Ирландии.

дрейфовали, пока наши не подошли и людей не приняли.

— А «Асгард»...

— Так это они на сигнал первыми отозвались и машину застопорить посоветовали. И нас подняли. Мы бы еще этот паром долго искали — их же без двигателя почти на мыс Святой Анны снесло, мимо фарватера... Но это не наш самолет, соседский.

Энди уже предчувствовал, что на окрестных базах они тоже ничего не найдут и услышат только совет спросить где-нибудь рядом. Так и оказалось.

— Ну вот, — сказал он уже на обратном пути. — Только даром ваше время потратили. Извините, мистер Гамильтон.

— Ну что вы, Энди. Это тоже совершенно замечательный результат. Неуловимый самолет — чем не сюжет?

Может быть, для мистического романа это и подходило, ведь писатель всегда может придумать какое-нибудь фантастическое объяснение, но мистер Бретт сильно сомневался в том, что его примут в какой-нибудь газете. Даже в девонпортской.

193? побережье Кента

Я Королева Анна. Слышу SOS. Прием.

Я Соня. Слышу SOS. Прием.

Я Береговая Охрана, город Дил⁴⁷. Слышу SOS. Прием.

Я Асгард. Передаю SOS. Яхта «Солнечный день», порт приписки Рамсгейт. Сидят на Гудвиновской банке в трех кабельтовых от первого буйка. Два члена экипажа. Прием.

Я Береговая Охрана, город Дил. Как сидят? Прием.

Я Асгард. Так себе. Если не снять, на отливе переломятся. Прием.

Я Береговая Охрана, город Дил. Королева Анна, Соня, идите к яхте. Прием.

Я Королева Анна. Вас понял. Прием.

Я Соня. Вас понял. Прием.

Я Королева Анна. Вижу яхту. Пытаюсь установить связь. Прием.

Я Соня. Что со связью? Прием.

Я Королева Анна. Связи нет. Приступаем к эвакуации. Прием.

Я Соня. Подойдем через двадцать. Прием.

Я Королева Анна. Тут... двое детей. Мы их сняли. У них не было рации. Прием.

Я Соня. Что за дети? У них «Маркони»⁴⁸? Прием.

Я Королева Анна. Тринадцать и одиннадцать лет. Яхта родителей. Да. «Маркони». Выключен. Прием.

Я Береговая Охрана, город Дил. Асгард, вы кого принимали? Прием.

Я Асгард. Принимал сигнал бедствия. «Солнечный день». Прием.

Я Береговая Охрана, город Дил. Черт-те что. Прием.

Я Асгард. Чем богаты. Прием.

Наших сыщиков-любителей мы не видели месяца полтора или два. За это время их несколько раз вспоминали — к моему великому удивлению, загадка вездесущего гидросамолета спасательной службы заинтересовала большую часть завсегдаев заведения мистера Брентона. Пока Бретта и Гамильтона не было, остальные по вечерам припоминали то, что слышали когда-то сами, а заодно и делились тем, что узнали, расспросив знакомых. Признаться, я первое время не понимал, в чем тут дело, но наш ветеринар объяснил мне, как почти коллеге, что позывные, как и названия микроорганизмов, не повторяются. Так что либо один и тот же пресловутый самолет в разное время был приписан к разным базам, либо здесь и впрямь наблюдается некоторая странность.

Надо сказать, что первая версия, высказанная мистером Уолтэмом, показалась мне

⁴⁷ Городок на восточном побережье Англии недалеко от Рамсгейта.

⁴⁸ Искровый аппарат.

наиболее разумной, но наши уважаемые военные с ней не согласились. Отставной полковник Джонсон напирал на то, что тот «Асгард», с которым он лично — вот как с нами сейчас — разговаривал в 30-х годах на шотландском побережье, никак не может быть тем же, с которым имел дело мистер из спасательной службы в прошлом году в Ярмуте. Тут они друг с другом согласились, а поскольку ни у кого не было поводов подозревать собеседника во лжи, пришли к выводу, что все это — какая-то путаница и непременно разъяснится. Разумеется, нормальным разумным образом, а не в стиле американского мистера Лавкрафта, как большая часть завсегдатаев ожидала от мистера Бретта. Оставалось лишь надеяться, что, поскольку расследование ведется при участии такого благоразумного джентльмена, как мистер Гамильтон, мы все-таки не услышим никакой ерунды про призраков и послания с того света.

— Ну, и что же вам удалось обнаружить? — спрашивает мистер Данхэм. Он вечно ищет доказательства тому, что власти злонамеренно скрывают от общественности решительно все.

Мистер Гамильтон только руками развел, но молодой мистер Бретт стоял к нему спиной и не увидел. И немедленно принялся рассказывать. Папка у него за эти месяцы подросла впятеро, уже едва завязывается. И папкой этой он машет во все стороны. Очень восторженный молодой человек наш репортер.

— Во-первых, под этим позывным летало несколько самолетов. — Мистер Бретт переждал шум, помахал папочкой. — Да, да, да. Его же видели те, кто с ним работал, — и описывают они разное, от «Блэкбёрна» и «Морского Лиса» до... «Каталины». Да, «Каталины». А там, по идее, шесть-восемь человек экипажа... Во-вторых, с этим позывным сталкивались везде в наших водах, то есть — от Канала до западной оконечности Ирландии. В-третьих, он больше года-полутора, от силы двух, на одном месте не сидит, сдвигается. В-четвертых, этот «Асгард» завелся у нас около тридцати лет назад, может быть, чуть меньше. Во всяком случае, самое раннее по времени воспоминание, которое мне удалось найти, — 28-й год, Дерри. В теории... это может быть один человек и разные самолеты. Или одна программа.

— Значит, — хором говорят полковник Джонсон и молодые люди из спасательной службы, — одна программа.

— Как, в общем, мы и предполагали, — добавляет полковник. — Это прекрасно все объясняет: и протяженность по времени, и площади, и разные модели.

— А почему, — заводится мистер Данхэм, — мы ничего не знаем?

— А потому, — в тон ему шумит библиотекарь, — что времена нынче...

— Погодите, — останавливаю их я. — Времена, конечно, временами. Но спасательная служба, кажется мне, вовсе не невесть какая тайна. Так, полковник? — тот кивает. — Мистер Бретт, а вы не нашли никого из членов экипажа — ну, или тех, кто их видел? Наверняка летчики друг друга знают.

— А вот это следующий пункт, — торжествует мистер Бретт. — Никого никто и никогда не видел. Ни одна живая душа — ни одной живой души. И где базируется или базировался — никто не знает. Где-то рядом. Потому что всегда близко. Где — бог весть. И еще: рация у «Асгарда» всегда была в идеальном состоянии. Они всех слышали, и их все слышали. Кстати, из этого следует, что их там по меньшей мере двое, пилот и радист. Не дракон же хвостом по ключу стучал.

— Ну, знаете, юноша, — говорит полковник Джонсон. — Дракона я спишу на ваше богатое воображение, возбужденное рассказом мистера Хортон. Но я вам скажу кое-что, мне казалось, что это очевидно, но, может быть, это и не так... — вздыхает полковник. — Вот остальные, наверное, уже догадались, о чем я говорю. Понимаете ли, самолет — вещь, простите, прожорливая. Ему нужно горючее, запчасти, ремонт. Все это, извините, закупается, проводится по такому количеству ведомостей, что бумаги больше, чем того горючего. На каждую гайку есть наряд, печати, подписи. На одну рацию знаете сколько деталей нужно? — Полковнику, кажется, неловко слегка. Прописные истины мистеру Бретту

объясняет. — Да и экипаж тоже не из-под холмов выходит и туда же уходит. Личные дела со всеми данными строжайше ведутся. Увольнительные, переводы, обследования, поощрения, взыскания — все записывается... Если вы на одной базе не нашли ничего, значит, на соседней отыщется.

— Армия, — встречается библиотекарь, — это вам не марксистский кружок!

— А откуда вы знаете, как оно в кружке? — язвит ветеринар.

Пока их уговаривали не шуметь и не перебивать, мистер Бретт слегка стушевался.

— Я опрашивал бывших военнослужащих... Тоже никто ничего не слышал, — грустно сказал мистер Бретт. — Я понимаю, могут молчать — а может быть, как раз они и не сталкивались. Но не знаю, как выяснить точно.

— Ну, — улыбается полковник, — не огорчайтесь вы так. Это же проще простого. Выберите какую-нибудь точку, где пресловутый «Асгард» видели недавно. Вот, скажем, те же Пемброк или Ярмут. Узнайте, какая это была модель. Уточните дальность полета. И получится у вас вот что, — тут полковник Джонсон взял у мистера Бретта его папочку и на обороте какой-то светоконии начертил план. — Вот, допустим, соседняя база, к которой самолет якобы приписан. Вот от сих до сих он и правда что может появиться. А вот здесь уже нет — горючего не хватит. Значит, где-то отсюда досюда он и базируется. Понимаете, мистер репортер?

— Да... и техобслуживание проходит. Разве что засекречено, тогда мне никто не скажет. Но зачем засекречивать-то? Летает, с гражданскими сотрудничает...

— Ну, — полковник молодого человека даже по плечу похлопал. — Вы репортер, вам могут и сказать. Собираете материалы для статьи о героизме нашей спасательной службы...

— Идея. Спасибо, сэр... ведь и правда юбилей, можно сказать, на носу.

После этого разговора репортер и мистер Гамильтон пропали до середины осени.

1 июня 1940, окрестности Дюнкерка

Я Странствующая Наяда. Вестерли, отзовитесь. Прием.

Я Асгард. Кто меня слышит? Яхта Вестерли, обстреляна противником, пожар на борту. Прием.

Я Посошок. Рад вас слышать, Асгард. Давайте наводку. Прием.

Я Асгард. Полторы мили на два часа от вас. Прием.

Я Странствующая Наяда. Спасибо. Мы уже под берегом. Прием.

Я Посошок. Наяда, не возвращайтесь, мне по курсу. Подберу. Прием.

Я Красный-2. Нужны паромы и маломерки. Прием.

Я Асгард. Красный-2, к вам идут Светлячок и Странствующая Наяда, ловите позывные. Прием.

Я Красный-2. Асгард, спасибо. Что на подходе? Прием.

Я Асгард. Посошок и Вайракей. Прием.

Я Красный-2. Проходимость? Прием.

Я Асгард. 5 и 4,6. Прием.

Я Красный-2. Направьте к восточному молу. Прием.

Я Асгард. Вас понял, передаю. Прием.

-

Я Посошок. Красный-3, я возьму 130. Прием.

Я Красный-3. Посошок, куда? Прием.

Я Посошок. Красный-3, какая вам разница? Прием.

Я Красный-3. Посошок, готовьтесь принимать. Прием.

-

Я Странствующая Наяда. Нужно горючее, не дойдем. Прием.

Я Асгард. Наяда, на четыре часа под молом шлюпка с канистрами. Прием.

Я Странствующая Наяда. Чья? Прием.

Я Асгард. Наяда, откуда я знаю? Прием.

После того как Энди проверил свои выкладки на завсегдатаях бара на Кингз-роуд и,

разумеется, не был понят никем, кроме городского ветеринара, настоятельно просившего мистера Бретта вскрыть очередной заговор правительства, но зато получил дельный совет от полковника Джонсона, он вновь собрался в дорогу. На этот раз даже редактор газеты был к нему благосклонен — идея опубликовать серию репортажей о спасательной службе пришлась тому по душе, а то, что затея младшего репортера не будет стоить газете ни пенни, — вдвойне.

Местом начала изысканий был назначен Ярмут. Ярмут же и выбрали базой для дальнейших поездок по побережью, если таковые понадобятся. Поэтому почту свою Энди заранее перевел туда. И не прогадал. На третий день по приезде — в самом Ярмуте и на местных станциях береговой охраны про Асгард, естественно, слышали, но ничего толком не знали, — на главпочтамт пришло письмо: тоненький конверт, плохая коричневая бумага. Государственные учреждения на бумаге экономят всегда, а архивы — втройне. Содержание можно было пересказать в трех словах. Официально гидроплана или самолета с позывным «Асгард» не существовало никогда. А единственный «Асгард» в регистре — это яхта, порт приписки — Дублин. Принадлежит частному лицу, используется для коротких переходов на выходные и вообще ведет себя прилично с тех пор, как умер прежний владелец. Вот раньше список был пестрым — и контрабанда оружия, и рейсы по просьбе военного министерства. Но даже в те бурные времена шестнадцатиметровое гоночное судно никак нельзя было принять за гидросамолет.

Мистер Гамильтон на бумажку посмотрел и грустно кивнул:

— Это мы с вами должны были сразу сообразить. Яхта была, и знаменитая же яхта. И хозяина мы знаем. И я знаю, и вы знаете — и даже покойный Лайтоллер знал, потому что его перед последней войной в разведку посылали тем же самым маршрутом. «Загадка песков».⁴⁹

Энди только рот раскрыл, совершенно недостойным одинокого волка образом. Ведь любимая книжка. И не у него одного. Да он и море полюбил еще в Лондоне — как раз читая о том, как некая яхта шла вдоль побережья северной Фризии...

— Да, — продолжил мистер Гамильтон, — и на гидросамолетах автор летал. Так что связь может быть прямой — кто-то мог назвать машину или проект в его честь. И если это 27-й год, то понятно, почему не назвали прямо. Тогда ирландские дела у всех еще были на памяти.

— А вы знаете, мистер Гамильтон... мне в Пембroke приснилось, — он наскоро пересказал то, что запомнилось. — Удивительно, правда?

— Да нет, не удивительно вовсе. Вы, вероятно, помнили что-то, только у вас любимый автор и его яхта, гражданская война у наших соседей и позывной самолета спасательной службы принадлежали трем разным мирам и в голове днем не увязывались. Это как если бы Винни-Пуха вдруг расстреляли за шпионаж, а он потом воскрес — абсурд же. Ну а во сне все можно.

1 июня 1940, окрестности Дюнкерка

Я Красный-3. Посошок, сколько у вас еще места? Прием.

Я Посошок. Примем еще полсотни на палубу. Прием.

Я Красный-3. Бомбят — сами видите. Не перевернетесь? Прием.

Я Посошок. Я был вторым помощником на «Титанике» — и живой. Какие там немцы... Прием.

Я Красный-3. Так держать. Прием.

Я Асгард. Ветер с Азорских, небо ясное. Видимость полная. Прием.

⁴⁹ «Загадка песков», 1903 год, повествует о приключениях маленькой яхты в водах Северной Европы и считается первым триллером и первым шпионским романом в истории литературы. По словам Черчилля, именно этот текст в свое время убедил парламент выделить деньги на создание базы флота в Скапа-Флоу. Автор — Роберт Эрскин Чайлдс (1870–1922), юрист, летчик, военный разведчик, с 1919 года — один из лидеров ирландского движения за независимость, расстрелян в ноябре 1922-го в ходе Ирландской гражданской войны.

Я Красный-2. Нам бы облаков... Прием.
Я Асгард. Шесть дней была облачность 100. Грех жаловаться. Прием.
Я Посошок. Судно впереди, вы что? Прием.
Я Саусэнд Британия. Я речной паром. Прием.
Я Посошок. Так что вы делаете в Канале с такой осадкой? Прием.
Я Саусэнд Британия. Людей везу. А вы? Прием.
Я Посошок. Вас понял, Саусэнд Британия. Держитесь поближе. Прием.
Я Асгард. Посошок, Саусэнд Британия, у вас по курсу небольшая гроза. Прием.
Я Посошок. На мне пикировщик. Преследует. Уклоняюсь. Прошу прикрытия.
Координаты. Прием.
Я Красный-1. Координаты переданы. Прием.
Я Посошок. Асгард, не валяйте дурака. Прием.
Статика.
Я Посошок. Ну, Асгард, вы даете. Прием.
Статика.
Я Посошок. Прием.
Статика.
Я Посошок. Прием.
Я Асгард. Извините, был вне зоны действия. Берег чист. Следуйте своим курсом.
Прием.
Я Посошок. Святой Георгий и... Извините. Прием.
Я Асгард. Ничего страшного. Удачи. Прием.

Неподалеку от Ярмута, в Норидже, жил тот самый кузен мистера Brentона, бармена. Адрес Энди спросил у мистера Brentона заранее, когда оба сыщика-любителя определились с направлением поездки. Мистер Brentон скептически заметил, что ничего любопытного они там не услышат, но попросил передать привет сестре и ее мужу.

Мистер Brentон ошибся — Энди и мистер Гамильтон любопытного услышали немало. Кузина мистера Brentона оказалась весьма радушной хозяйкой, привету от брата была рада, а супруг ее, ныне владелец маленькой бакалейной лавки, поначалу был неразговорчив и от бесед о Дюнкерке все время старался перейти к другим, более приятным для воспоминаний эпизодам своей биографии, но волшебный напиток виски развязал язык и ему:

— О чем там говорить... Страшно было. До жути. Набилось нас, как сельдей в бочку не набивают. Сначала еще ничего, хотя ребята, когда узнали, что капитан у нас с «Титаника», — чуть за борт не сиганули. Тут кто-то сказал, может, и сам капитан, что если с «Титаника» ушел, так что уж немцы... А потом погода испортилась. И еще те самые немцы сверху. Не помню сколько. Помню, что стреляли бесперечь... ну, или показалось. Вообще там много чего показалось. Знаю я, что вас интересует. Дракон. Да не было никакого дракона... Мы на палубе сгрудились, страшно голову поднять. Да и гроза. И кто-то как заорет, что, мол, дракон сверху. Белый. Ну, тут все и увидели. Да и я увидел... не скажу, что дракона, а так... Что-то. Белое, сверкает, огонь, кружится... Самолет это, конечно, был. «Джерри» крошил и улетел. Нам потом все нервы вымотали, чтоб не говорили про этот самолет. А про дракона — ну, можно, если хотите, чтоб смеялись...

— Есть у меня идея, — сказал мистер Гамильтон, когда они вышли из лавочки. — Сейчас не поздно еще, если поедем, до пяти доберемся. Тут милях в восьмидесяти есть один маленький городок с аэродромом. Темпсфорд.⁵⁰ Аэродром для обычных самолетов, но, думается мне, нам там кое-что могут рассказать.

— Почему?

— Судите сами. Гидропланы — обычно не очень быстрые и не очень маневренные

⁵⁰ Темпсфорд — авиабаза Управления специальных операций, разведывательно-диверсионной службы, созданной в 1940 году.

машины. А чтобы небольшой гидросамолет разделал пикировщика, а то и двух, это вообще странно, хотя всякое бывает, конечно. Но это если о серийном производстве говорить. А есть еще прототипы и гоночные варианты, для соревнований. Тот же «Феликстоу-5» в виде прототипа серийную модель намного превосходил. Представим, что кто-то спроектировал отличную модель — быструю, маневренную и с хорошей дальностью. Но в серию она не пошла. Например, потому, что оказалась дорога в производстве. Что будут делать с такой машиной в военное время?

— Ну... привлекают к военным операциям?

— К каким?

— Там, где можно действовать в одиночку? — наугад ляпнул Энди, в отличие от многих своих ровесников, не слишком увлекавшийся военной авиацией.

— А таких очень немного. Зато есть служба, которой прототип такого рода очень пригодится. Разведка. Самолет хорош и для патрулирования, и для секретных операций. А с Темпсфордского аэродрома летали во Францию, в Норвегию и много еще куда. По ночам.

— Простите, а откуда вы знаете?

— А я там однажды садился.

Зеленая лужайка, зарастающие взлетные полосы, старый сарай на краю аэродрома...

— Темпсфордская стоянка такси, — улыбается мистер Гамильтон. — Это так называлось. Здесь ничего и не строили особенно, чтобы немцы не нашли. А они искали. «Найти змеиное гнездо и разбомбить». Мне рассказывали потом.

Найти знакомых в опустевшем гнезде оказалось сложнее: аэродром закрыт, последние самолеты перегнали отсюда в 47-м, на базе хозяйствовала служба тыла — к счастью, несмотря на «красную угрозу», к мерам безопасности тыловики были равнодушны, и до Темпсфорд-холла путешественники добрались беспрепятственно. Там хранился архив и сидели трехголовые и серые архивные церберы. И вот тут детективам повезло, потому что на церберий лай явился — явным образом изнывая от скуки — начальник архива...

И сразу же, как понял Энди, узнал мистера Гамильтона.

— Однако! Я и не думал, что еще вас увижу... — только и выговорил он. Подчиненные его тут же куда-то испарились. — А вы совершенно не изменились, даже удивительно, лет-то сколько прошло. Наделали вы тогда шороху, мистер... — сконфуженно покраснел пожилой архивист. — Простите, вот в лицо помню...

— Гамильтон, Роберт Гамильтон. Ничего удивительного. Вы видели столько людей, а время было...

— Ну, не все, не все ухитрились так сесть, а потом еще и сбежать из госпиталя.

— Сбежал, — признался мистер Гамильтон под изумленным взглядом Энди, — о чем теперь жалею.

— Однако ж что мы здесь стоим? Прошу ко мне!

Оказалось, что мистер Гамильтон в Темпсфорде не садился, а падал, на брюхо. Вместе с чужим и совершенно дырявым «Галифаксом», который привел неизвестно как, потому что пилота убили еще на земле, а навигатора тяжело ранили на взлете. Подбирали у французского Сопротивления беглых пленных — и что-то, видно, пошло не так.

Узнав о причинах визита, гостеприимный хозяин только фыркнул.

— Да, конечно, помню. Это наша машина, сказочная совершенно вещь — пруд как раз для нее и выкопали. Ребята в ней души не чаяли. «Лизандерам» все же лунная ночь нужна, а «Асгарду» этому и минимальная видимость годилась. И полосы не нужно, лишь бы хоть какая-нибудь спокойная вода была. На девичью слезу приземлится, с чайного блюдца взлетит. Базировался не здесь. По радию вызывали. Пилотов не видели. И они наших не видели — незачем. Откуда взялся, не знаю — его майор Холланд из исследовательской группы приволок. И куда делся, не знаю — нас же, — капитан поморщился, — расформировали. За ненадобностью. Когда лорд Селборн⁵¹ попытался объяснить Эттли,⁵²

⁵¹ Министр по делам экономической войны, которому формально подчинялось УСО.

что мы такое и что у нас по всей Европе есть, тот сказал, что ему не нужен британский Коминтерн. И разгоняли нас так, будто мы не британский Коминтерн, а московский. Ваш самолет куда угодно могли запихнуть, хоть к военным, хоть в МИ-5. Могли списать или выбросить. Или просто потерять...

— Неужели мы так ничего и не найдем? — горестно спросил Энди, ведя машину по дороге из Темпсфорда. — Мистер Гамильтон?

— Должно быть, этот самолет теперь у военной разведки, — пожал плечами писатель. — Там, конечно, его найти трудно — но вот вам разгадка.

— Нет, это не разгадка! Этот конкретный «Асгард», вот тот же, что и над Дюнкерком, — ладно, у разведчиков. А остальные? Те, что в Ярмуте, в Пемброке? Вы сами сказали — внесерийный прототип. А что получается?

— Что получается? Самолет один и тот же, нестандартный. Принимают его каждый раз за то, на что он больше всего похож для зрителя. Вы репортер, сами знаете, что такое очевидцы. И получается у нас, что со временем модель как бы «сдвигается». А самолет патрулирует определенные районы, попутно оказывает помощь спасателям. Тридцать лет в строю — удивительно, но, если проект был хорош, сделали машину на совесть, а потом правильно ухаживали, это в пределах возможного. И никаких тайн с драконами.

— И постоянно переводят с места на место? И в реестрах нет ничего? И экипажа никто не видел?

— Ну, вы только что были на базе, о назначении которой местные жители и сейчас ничего не знают.

— Это-то обычное дело. Но вот помните, полковник Джонсон говорил — не бывает такого, чтобы не было сведений. А у нас получается — всегда у соседей и у соседей. Мы так весь остров объедем, и все будет у соседей.

— Может быть. А теперь представьте себе, что кто-то из наших информаторов... нам просто солгал. Как раз из соображений безопасности.

— Ну... тогда нужно вернуться в Пемброк. Его же там совсем недавно видели.

— Посмотрим, Энди, — сказал мистер Гамильтон, и молодой репортер подумал, что его профессии наглость даже приличествует, но все равно выходит как-то неловко.

Должно быть, из-за разговора с начальником архивов в ту ночь мистеру Бретту приснился еще один неприятный и запоминающийся сон.

Хриплый голос, прыгающий, резаный, насмешливый, бесконечно уверенный, знакомый — его обладатель ушел в отставку как раз в нынешнем году, но сейчас звучит моложе, как в записях.

— Неизвестное летательное средство белого цвета, позывной «Асгард»... Ну и ну. Впервые позывной использован в Ирландском море в 27-м. Не смешно. Ни разу легально не заправлялось горючим и не пользовалось техническим обслуживанием на территории Соединенного Королевства. Способно непрерывно находиться в воздухе не менее пяти суток. Способно поддерживать контакт с шестью объектами одновременно. Способно поймать сигнал бедствия с любого расстояния. Дышит пламенем. Скусывает головы вражеским самолетам. Ну это, допустим, драматическое преувеличение. И возможно, контролирует погоду. Не верю.

— Головы — это невкусно... очень, — собеседник, сидящий в высоком кресле, его и не видно, только слышно, явно усмехается. — Погода — очень сложно, почти невозможно. Просто слишком многие хотели... мечтали, точнее, чтобы так было. Остальное — чистая правда. Хорошая работа.

Голос тоже смутно знаком. Подойти ближе не получается, вообще сдвинуться с места невозможно. А из угла полутемного кабинета почти ничего не видно.

— Каков ваш радиус действия? Не нужно. Если вы пришли или прилетели сюда,

значит, согласны работать.

— Я уже работаю. И не хочу, чтобы мне мешали.

— Координируете службы спасения? Предупреждаете о постановке мин? Я же не предлагаю вам слетать в Берлин. Я знаю, могли бы, уже слетали бы.

— Верно — не могу. Остановите расследование, сэр. Придумайте что-нибудь убедительное — секретную разработку, например.

— Что будет делать эта секретная разработка?

— То же, что и сейчас.

— Кстати, я вас не узнал.

— Меня теперь не узнают, сэр.

— Жена? — в хриплом голосе никакого сочувствия, только любопытство.

— Никто.

— Как это вас так?

— Случайно. Как обычно. Несвоевременные действия, непредвиденные последствия. Я не собирался бежать. Смысл война уже потеряла, а вот инерция осталась — и переломить ее не получилось. Чего я хотел — выйти из игры. Хоть в землю. А если удастся выжить — заняться чем-нибудь однозначно полезным. Надолго. И без выбора. Чтобы соблазнов не было. От сих и до сих.

— Вы получили, что хотели...

— Я получил, что хотел.

— Над Дюнкерком вылетали. Над Северным морем тоже. Это вы можете. Мы воссоздаем... министерство неджентльменской войны или министерство неограниченных неприятностей, как вы его, помнится, называли двадцать пять лет назад. В дополнение ко всему прочему вы будете возить людей, пуда и обратно, и оборудование. Хоть в кабине, хоть в когтях — им все равно, лишь бы тихо и надежно. И принимать сообщения. За это вы станете самолетом-разведчиком Управления специальных операций. Уникальной разработкой. А что демаскировались тогда под Дюнкерком, так на эвакуацию было брошено все...

— Только до конца войны, сэр. И возить людей, а особенно — оборудование, я согласен только в свободное время и по предварительной договоренности. И, поверьте, не по своей... прихоти.

— В полночь карета превращается в тыкву?

— Я как-то попробовал уйти на покой, — еще раз усмехается человек в кресле... человек? — Точнее, заняться не своим делом...

— Не объясняйте, — кашляет премьер-министр, — я, что ли, не пробовал?

— Я вам завидую, — серьезно кивнул мистер Гамильтон. — Воображение у вас замечательное. Если бы мне снились такие сны, я бы давно уже проснулся знаменитым. А мопс наш Уинстон и правда использовал бы такое диво, не задумавшись. И напрочь позабыв, какими словами называл и какие приказы отдавал. Не так обстояли дела летом сорокового, чтобы старое поминать... Но вы же понимаете, что это годится только для книги?

— А по-моему, — ответил Энди, — все совершенно ясно.

Мистер Гамильтон сидел рядом с водителем, кресло его было отодвинуто назад, до упора, чтобы можно было вытянуть ногу. Энди к этому уже привык, и к ночным отлучкам, и к странному расписанию.

— Не тот жанр, — сказал мистер Гамильтон. — У вас получается не тот жанр. В романе о войне или о шпионаже, даже в детективе, не могут возникнуть эльфы, треножки марсиан или сумасшедшие ученые и спутать всем все карты. Даже в Ирландии, уж на что там никакие правила не соблюдаются. Самое большее, что может сделать арестованный повстанец по законам тамошнего жанра, это нарисовать реку и лодку — и уплыть. И то, если его имели глупость запереть в подходящем месте.

— Вам, конечно, виднее, мистер Гамильтон, — улыбнулся Энди. — Но какой из меня писатель, я всего-то репортер. Кстати, а как это — нарисовать и уплыть? Я про такое не

слышал.

— А это про многих рассказывали. Про О'Нила. Про кое-кого из фениев. И про Майкла Коллинза,⁵³ кстати. Он над этим очень смеялся. Потому что он-то знал, сколько усилий уходит на самое простенькое чудо. Да и вы тоже знаете — с тем же Дюнкерком. Говорят: пришли маломерки, сняли солдат с берега. А до того на побережье неделю никто не спал, собирали суда, проверяли, все перебирали, ставили флотские команды — владельцев-то там было немного, к операции допустили только тех, кто и в самом деле мог дойти туда и обратно под бомбами. Координировали, прикрывали. Расписание было. Теперь вспоминают: чудо, — усмехнулся рассказчик. — А в Ирландии и правда такое поверье есть, что существуют... места, откуда можно выйти, если правильно указать куда. Показать или нарисовать. Или спеть. Но нарисовать проще всего. И уйти домой или просто туда, где безопасно. Впрочем, говорят, что это распространенный мотив... Руль вправо!

Энди, который, раскрыв рот, слушал рассказ, успел выполнить команду, и, наверное, ровно поэтому оба пассажира «Бентли» не оказались в широком кювете, тянувшемся вдоль проселочной дороги, — в. компании лягушек и жаб. Впрочем, самому мистеру Бретту это не очень-то помогло — он и не понял, обо что ударился головой: то ли о руль, то ли о лобовое стекло. Сознание он потерял вполне надежно, даже не успев разглядеть, что причиной аварии стала выскочившая на дорогу овца. Но машина не перевернулась и даже не съехала с дороги.

⁵³ Ирландский революционер и политик, министр финансов подпольного правительства и начальник разведслужбы ИРА. По заключении договора с Англией — премьер-министр временного правительства и командующий народной армией Ирландии. Убит летом 1922-го в ходе гражданской войны.

— Я вынужден доложить, что смертный приговор, назначенный на семь часов утра, — в голосе докладывающего некая доля злорадства, — в исполнение приведен не был. Сначала потому, что рассвет запоздал, а приговоренный выражал желание его увидеть, а затем по причине отсутствия приговоренного.

— С-сбежал?!

— Не могу знать. Скорее, был похищен.

— Кем?

...темнота и тьма и это не одно и то же нет ничего и есть все нет предела и есть направление движение двери впереди скорости нет и времени тоже плотная тьма бесконечная вязкая размывает не отпускает шепот пение гул жужжание одиночество страх потому что боли нет потому что нет ничего...

— Скорее — чем. Начало рассветать. Мы направились за приговоренным. Он только что позавтракал со священником, мистером Уоллером. В момент, когда отперли дверь, он находился в камере с названным священником и обсуждал с ним кельтскую миниатюру. При этом рисовал на стене. Увидев нас, быстро завершил рисунок, встал, отряхнул руки. В этот момент стена выгнулась и сомкнулась вокруг него. Потом приняла прежний вид. Рисунок тоже исчез.

— Я... я знал, что это плохо кончится, — второй голос звучит почти легко, почти весело. Будто человек беседует с приятелем. — У них вся семья такая, чтоб им пусто было. Ни единой тюрьмы в Ирландии девственной не оставили. Хлебом не корми, дай откуда-нибудь сбежать. Его кузен, когда из Монтжоя дергал, записочку оставил, мол, комната безобразная, за багажом потом придет... мы все смеялись, дурачье.

— Прислал?

— Прислал. Когда мы войну за независимость выиграли. А тут... и время нехорошее, и место. Ну разумеется, ну как же иначе! Я так и знал...

— Простите?

...ничего нет и все есть неживое но разумное не понимает не слышит не отпускает говорит непонятно гул неразборчиво жужжание хор присутствие прикосновение лед чужое совсем чужое размывает плавит холодно холодно темно не пустота хуже чужое не понимает не отпускает меняет размывает перекраивает не отпустит пока не закончит сам придумал...

— Что у нас нынче? Новолуние ноябрьское? Вот то-то же. И казармы эти — там всегда невеста что творилось. С этого места контрабандистов нечисть выжила... Лефеева проруха — она и есть проруха! Построил чуть не на холме, а там пять дорог перекрестком... Ладно, не можем же мы об этом сообщить. Позаботьтесь, чтобы священник молчал. И сами не вздумайте никому ни слова. Расстреляли его, и точка. И все! Придумайте там подробности, чтобы в характере. Вы же с характером столкнулись уже. Потом пусть сам доказывает, что не так все было... Может, и доказывать не станет. Может, ему вообще там понравится. Кстати, что за рисунок?

— Священник говорит, что он объяснял, как миниатюристы изображали реальные вещи. Нарисовал самолет, потом переделал его в дракона...

— Чтоб его самого кто-нибудь так переделал... со всеми изгибами.

...не отпускает меняет дверь близко далеко близко есть движение нет расстояния скорости времени направление наружу не выйдешь еще нельзя еще не все иначе смерть чужое слишком холодное растворяет размывает истончает наматывает нити шепот пение хор неразборчиво лепит собирает невозможное сам придумал сделал оно только ответило не могло иначе смерть...

— Не валяйте дурака... Какой рисунок, какая стенка? Ваша военная полиция арестовала моего кузена живым, не потеряв ни одного человека. В моем доме арестовала — все кроты в округе знали, что за домом следят. Все газеты удивляются, включая... — шорох бумаги, — «Нью-Йорк Таймс». Он поговорить пришел, а вы его к стенке прислонить попытались. И не за рейды, не за «железку», не за кабели ваши драгоценные — за ношение

оружия. За пистолет, который ему наш же ныне покойный премьер в прошлую войну силой всучил и письменным приказом носить заставил. Стыд и позор. Ну, он и сбежал. Я бы на его месте тоже сбежал. А скорее всего, его ваши же люди и выпустили, чтобы безобразия такого на душу не брать, — выставили за ворота и не скрывают особо. Да, конечно, я буду молчать, пока он сам не объявится. Я же вам слово дал в самом начале, чего вам еще нужно?

Энди уже несколько раз доводилось терять сознание, но вот от собственного душераздирающего вопля он пришел в себя впервые. Говорить не мог — только хлопал глазами, трясся и пытался набрать в грудь хоть немного воздуха. Казалось, что легкие и горло намертво забиты липкой черной пустотой из кошмара.

— Головой не двигайте, — резко сказали над ним. — Где болит?

Энди вспомнил, как тренер по гимнастике учил его приходить в себя после особо неприятных падений, резко выдохнул через нос и обнаружил, что уже вполне способен говорить.

— Л-лоб... н-немножко. С-стенка... мистер Гамильтон...

— Стекло, вы хотите сказать?

— Нет. Мне п-поме... Я видел. Голоса... и... — Что говорили голоса, он запомнил, может быть, не полностью, но хотя бы общий смысл. А вот то, что было между ними — между и одновременно, — описать было невозможно. Для этого слов в родном языке, которым Энди владел весьма бойко, не находилось. — И... как похлебка в мясорубке.

— Вам опять что-то привиделось?

— Да. И... знаете, мистер Гамильтон. — Энди сел, ощупывая лоб. Шишка будет, но и все. — Вот то, что эти люди говорили, я точно не слышал и не читал. Место... дом на пяти дорогах. Лефеева проруха. Он так и сбежал — как вы сказали. Только на самом деле. Это же все проверить можно!

— Так, — какое серое лицо у мистера Гамильтона, будто это он, а не Энди, головой ударился. А может быть, и ударился, кстати, — просто привык не кричать. — Перебирайтесь на мое сиденье. Я сяду за руль. Едем домой. Хватит. Вам нужно к врачу, и вообще эта история, я вижу, плохо на вас сказывается.

— Вовсе не плохо, — запротестовал репортер, уже успевший составить план проверки всех, несомненно ценных, сведений, которые содержал в себе жуткий кошмар. — Очень даже... ой. Извините, мистер Гамильтон. Я зеркало разбил... я заплачу за ремонт... но как же вы поедете?

— Не говорите глупостей. А зеркало — это не страшно. У меня запасное есть. У меня всегда есть.

Мы уже и не ждали увидеть наших героев, но в конце октября в очередной вечер пятницы они все-таки явились. Мистер Гамильтон был, по своему обыкновению, тих и сдержан, а вот репортер едва дождался, пока разойдутся случайные посетители. На месте ему не сиделось. Это, разумеется, заметили.

— Ну, — спрашивает мистер Данхэм, — раскрыли заговор?

— В смысле, — встречает библиотекарь, — все тайны комми выдали?

— Тут такая невероятная история, куда там коммунистам... — улыбается молодой человек.

И начинает выкладывать. Про позывной «Асгард» и его послужной список. Про Управление специальных операций и его «ночные такси». Про ирландскую яхту, ее хозяйина и всю его бурную биографию: от нашей секретной службы до Ирландской гражданской войны, с заходом в литературу. Про мерещившихся драконов. Про сны и несостоявшийся расстрел. Про Лефееву проруху, оказавшуюся старым домом в Дублине, на перекрестке пяти дорог. Домом, который снесли, чтобы достроить казармы, которые потом превратили во временную тюрьму. Про расстрел, рисунок, стенку и священника. В общем, два или три журнала за океаном такой рассказ купили бы с удовольствием.

Отставной полковник Джонсон и капитан-лейтенант Шарп сначала слушали с

интересом, потом только плечами пожали, а когда дело дошло до перекрестка — начали смеяться. Остальные уже давно смеялись. Кроме бармена.

— Не стыдно вам, мистер Бретт, такие истории сочинять?

— Да какое там сочинять? Ну что вы, право? Вот на последнее у меня и свидетель есть. Мистер Гамильтон сам видел — я на дороге его заслушался и чуть в овцу не врезался. Стукнулся головой о стекло и провалился. И слышал чей-то разговор о том, как человека в стену засосало. Я даже не знал, что там за проруха. Я на нее две недели убил, пока выяснил, что это было за здание. Про него теперь даже в Ирландии разве что столичные старожилы знают...

Слушали мы, не отрываясь. Пожалуй, все это могло поспорить с новым телешоу мистера Хилла. Мистер Бретт еще что-то говорил, а потом как выдаст:

— Вот сэр Уинстон поверил, а вы! — Тут уже и я рассмеялся до слез. А юноша сам едва не плачет, к спутнику своему разворачивается: — Мистер Гамильтон, ну скажите вы им!

Тот только головой покачал, руками развел.

— Энди, я же вас предупреждал...

— Молодой человек, — сказал отставной полковник, — ну как вы себе это представляете? УСО — это УСО, про них я во что угодно поверю — там нашлось бы место хоть для дракона, хоть для покойного ирландского политика. Но эта история не с войны началась и на войне не закончилась. Скорее всего, мы имеем дело с розыгрышем. Тридцать лет — это много, но армейская жизнь в мирное время на семь десятых состоит из скуки. Чего только не сочинишь.

— Но я же сам видел и сам слышал!

— А вот это... плохо. Мистер Уотсон, это, кажется, по вашей части?

Мистер Бретт оглядел нас такими глазами, что я уже готов был согласиться с полковником — видимо, действительно сильно головой ударился. Кажется, он хотел что-то сказать, но удержался, вышел — и дверью хлопнул так, что едва косяк не свернул.

— Молодой человек папку забыл, — говорю я.

— Да господь с ней, с папкой, доктор Уотсон, — морщится мистер Гамильтон. Огорчился, видимо, что из-за такого пустяка его друг так расстроился.

Махнул рукой — и вышел вслед за нашим выдумщиком.

Эндрю Бретт чувствовал себя несчастным, как никогда в жизни. Мало что ему никто не поверил — во всех прочитанных им книгах так и случалось, мало что все завсегда и бара на Кингз-роуд подняли его на смех — такого и следовало ожидать, со всеми, кто исследует необычное, так и обращаются циничные, не верящие ни во что материалисты, — но мистер Гамильтон! Предатель! Ни словом не поддержал, не вступился, не подтвердил — а ведь они вместе... а ведь его бы послушали!

Так что когда кто-то быстро шедший следом догнал репортера и похлопал по плечу, Бретт менее всего надеялся — и менее всего желал — увидеть именно предателя мистера Гамильтона.

— Энди, — сказал писатель. — Вы были правы. От начала до конца. Простите меня за дурацкий розыгрыш.

— Да не издевайтесь вы! — репортер стряхнул с плеча руку. — Не было же ничего, правда? Я все сочинил. И вообще спятил! Галлюцинации у меня...

— Хотите доказательств? — Мистер Гамильтон улыбнулся. — Ну ладно...

Минут через десять после ухода мистера Гамильтона ветеринар и мистер Хортон вышли следом, так и споря по дороге, что это было, заговор или мистическое явление. К тому времени мы поняли, что излишне обескуражили молодого человека своим недоверием и нужно его утешить стаканчиком-другим за счет компании. Ни мистера Бретта, ни мистера Гамильтона «парламентеры» не нашли из-за тумана, но зато слышали голос репортера, который отчаянно ругал мистера Гамильтона. Как показалось мистеру Данхэму, слова «изверг» и «чудовище» звучали чаще прочих. Голос почему-то доносился откуда-то сверху,

но из-за пролетавшего с ближайшей авиабазы самолета остальных спорщики не разобрали. Разыскивать ушедших они не стали, побоялись в тумане споткнуться или угодить под машину, да и решили, что приятели сами помирятся.

Туман тем вечером и впрямь стоял изрядный.

Папку мы потом прочитали — и, признаться, ничего дельного, кроме огромной кучи расшифрованных радиопереговоров, местами внушающих большое уважение к мужеству наших военных, не обнаружили. Из-за чего такая шумиха? Молодежь, что тут скажешь...

Впрочем, одну заметку из провинциальной ирландской газеты, найденную среди прочих вырезок, я приведу, поскольку она проливает свет на большую часть загадок и тайн, связанных с белым драконом.

«Наши рыбаки верны традициям»

В четверг, 24 ноября, в 10 часов утра в порт Далки⁵⁴ вошел рыбацкий баркас «Белка» с крайне расстроенным экипажем на борту. По словам капитана, Патрика Салливана, на рассвете, когда «Белка» возвращалась с ночного лова, тридцатифутовый баркас был остановлен, а вернее, захвачен крупным белым — как подчеркнул капитан, «гербовым британским» — морским драконом. Каковой дракон сначала поинтересовался, какой сейчас день, а затем затребовал у раздраженных рыбаков подробный отчет обо всех политических событиях за последние пять лет, чем и задержал их на полтора часа. Все четверо членов команды — также жители города Далки — дружно подтвердили показания Салливана, дополнительно указав, что дракон разговаривал с ярко выраженным британским акцентом и вообще вел себя нагло. По утверждению достойного капитана, все участники столкновения, за исключением дракона, были трезвы. За дракона Салливан поручиться не может.

Наша редакция оставляет за собой право судить о том, сколько капель росы употребил каждый из участников. Выбирая между командой «Белки» и драконом, редакция скорее готова поставить на то, что трезв был дракон.

«Bray Herald», 25 ноября 1927 г.

Пить все-таки следует в специально отведенных местах, с расстановкой и в хорошей компании. Чтобы не мерещились потом глупости про занятых делом людей.

Мистера Бретта мы не видели почти полгода, а потом он стал опять появляться, но много реже, чем раньше, как и мистер Гамильтон. Последний объяснял, что они вместе с мистером Бреттом работают над книгой. Наш бывший репортер — газету он бросил и пошел учиться на авиаинженера — заметно остепенился: видимо, и серьезная работа, и литературный труд в обществе такого респектабельного джентльмена, как мистер Гамильтон, да еще и на солидную историческую тему — что-то там по Великой Войне — пошли ему на пользу. Вот и правильно, решили все. Нужно же когда-то браться за ум?

Константин Сыромятников ДВУМ СМЕРТЯМ НЕ БЫВАТЬ

Посвящается деду

*— Ты слышишь меня, я верю:
Смертью таких не взять.
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать...
К. Симонов*

Автор благодарит за оказанную помощь Веру Камшу, Кирилла Назаренко, Юрия Нерсесова

⁵⁴ Небольшой порт на восточном побережье Ирландии, ныне часть Дублина.

— Таким образом, к окончанию следующих суток наступления мы должны выйти вот на этот рубеж. — Генерал провел карандашом по штриховой линии на карте. Комдив Федор Иванович Постников обвел внимательным взглядом собравшихся в штабе командиров полков.

Июньский день обещал быть жарким, солнце припекало уже с утра. Это ощущалось даже в штабной избе, но люди об этом не думали. Все их внимание было устремлено на генерала. Вот уже несколько дней, форсировав Свирь, войска Карельского фронта наступали на окопавшиеся в этом районе финские части. Решительно и неотвратимо вгоняли врага в землю ошеломляющими бомбардировками и артналетами, били бронированными танковыми кулаками, гвоздили свинцовым дождем стрелковых подразделений.

— Как видите, чем дальше мы наступаем, тем больше работы нас ждет. Необходима предельная концентрация усилий при выполнении поставленных задач. Этого от нас требует обстановка, фронт и верховное командование. От себя добавлю, — Постников выдержал паузу, — товарищи, наступать приходится в сложных условиях болот и густых лесов. Финны вгрызались в эту землю два года и просто так уходить не собираются. Ситуация может складываться так, что передышек на пополнение не будет. В связи с этим считаю крайне необходимым беречь людей и технику. Думайте о том, что после взятой высоты, может быть, придется тут же брать следующую. С какими силами это делать — зависит от вас. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Что ж, в таком случае все свободны. Сергеева и Круглова прошу задержаться.

Постников посмотрел на оставшихся офицеров, стоявших у стола, указал на стулья и сам сел.

— Сергей Петрович, — обратился он к Сергееву, — меня сильно беспокоит твое направление, а именно опорный пункт, который вашему полку придется брать завтра. Твои предложения?

— Федор Иванович, опорный пункт возьмем, — уверенно начал подполковник, — разведка боем, а также показания пленных помогли установить, что оборона опорного пункта Озерное включает в себя пять населенных пунктов, расположенных на высотах, что дает противнику хороший обзор. Местность здесь на глубину до трех километров открытая, хорошо пристреляна. Нам противостоят два егерских и саперный батальоны и артдивизион. Предлагаю. После артподготовки силами трех батальонов вверенного мне полка, при поддержке танков и артиллерии, обойти опорный пункт с северо-востока и юго-запада и таким образом выйти во фланг и тыл противнику, предотвратив его отход. Главную трудность вижу в поражении огневых позиций врага на обратных скатах находящихся перед нами высот. В связи с этим хотел бы услышать мнение артиллеристов.

— Что скажешь, Евгений Максимович? — Постников посмотрел на Круглова.

— Я согласен с Сергеевым по ведению огня вообще и по поводу обратных скатов в частности. Тут можно действовать следующими способами: во время артподготовки методично по квадратам накрыть весь опорный пункт или уже во время атаки корректировать огонь по активным огневым точкам. В первом случае мы потеряем время, во втором — людей. Есть третий вариант. Послать в тыл противника разведгруппу с задачей корректировки огня артиллерии во время всей операции, в том числе и по обратным скатам.

— Значит, действуйте по третьему варианту, детали уже без меня обговорите. Кстати, о разведчиках. Тут мне замену прислали твоему Никоненко, пусть земля ему будет пухом. Если судить по отзывам из училища, один из лучших в выпуске. Да, и не смотри, что молод. Парень только после ранения, а до него уже успел штрафниками покомандовать. Так что соображай, Евгений Максимович, и принимай нового бойца.

Постников поднял трубку:

— Свиридов! Где у нас там лейтенант вновь прибывший? У кадровика? Пускай ноги в руки и ко мне двигает.

Не прошло и пяти минут, как в сенях послышались быстрые шаги, дверь открылась, и в комнату, скрипя новым снаряжением, вошел молодой лейтенант. «Как с картинки», — подумал Круглов, окинув парня беглым взглядом. В это время «картинка» вытянулся по стойке «смирно», бросил руку к козырьку и отпартовал:

— Товарищ генерал-майор, лейтенант Андреев по вашему приказанию прибыл.

— Вольно, лейтенант, — ответил Постников, подходя ближе, — знакомьтесь, ваш новый начальник, командир артиллерийского полка майор Круглов Евгений Максимович, поступаете в его полное распоряжение.

— Здравия желаю, товарищ майор! — козырнув, бойко отчеканил новичок.

— Здравия желаю, — поздоровался комполка и чуть дольше задержал руку у козырька в ответном уставном приветствии.

— Что ж, товарищи, — Федор Иванович направился к двери, — считаю на этом наше маленькое совещание законченным, если у вас ко мне больше ничего нет, то можете быть свободны.

2

Штаб артполка расположился в только что освобожденной деревеньке Громовое, что стояла километрах в трех от Озерного. За годы войны она уцелела только чудом. Три соседних деревни сгорели дотла. И в сорок первом, и теперь смертоносный молот бога войны по какой-то счастливой случайности обошел этот островок человеческого жилья среди лесов, болот и гранита Карелии.

— Значит, Андреев Александр Петрович. — Круглов оторвался от документов и взглянул на свежее испеченного разведчика. Только алый мазок полоски за ранение на груди у парня говорил майору, что перед ним уже не пацан. А в остальном — мальчишка мальчишкой. Всю дорогу из дивизии в полк Круглов, сидя впереди, молчал и лишь частенько поглядывал в зеркало на сидевшего сзади лейтенанта, который решил, что все положенные расспросы будут по приезду, и оказался совершенно прав.

— Скажи, Александр Петрович, а Андреев Петр Сергеевич кем тебе приходится? — Майор посмотрел парню прямо в глаза и по-доброму улыбнулся.

— Это мой отец, — твердо ответил офицер, но что-то в его тоне Круглову не понравилось.

— Сашка? Сашка! — Круглов выскочил из-за стола. К черту субординацию, когда к тебе прибыл служить сын твоего лучшего армейского друга. — У меня еще там, у генерала, сердце екнуло. Ехали пока, все гадал, ты — не ты. — Майор стиснул Александра в объятьях, но радовался недолго.

Улыбка сошла с лица Круглова, когда он разжал объятья и поймал немигающий взгляд парня. Евгений Максимович понял все.

— Когда?

— В августе, дядя Жень, — совсем по-детски, по-домашнему, дрогнувшим голосом ответил Александр и уточнил: — Под Курском.

— Эх, Сашка, Сашка... — только и нашелся, что ответить Круглов. Он понимал, что нужно что-то сказать, но слова не шли, для него весть о смерти друга стала неожиданностью. Майор крепко, по-отцовски, стиснул парня и в самое ухо, почти как заговор, прошептал: — Держись, лейтенант!

— Есть держаться! — твердо ответил Андреев, освободившись от объятий, но подбородок дрожал, а глаза все еще блестели.

— Вот это правильно, разведчик, — уже совсем по-деловому ответил Круглов. — На обустройство тебе всего ничего. Понимаю, что с дороги, но отдыхать некогда. Наступление

ждать не будет. Принимай взвод. Ребята толковые. Ты тоже, я слышал, командир боевой, так что, думаю, быстро притреться. Становись на довольствие, знакомься с обстановкой, а к семнадцати часам вместе с радистом ко мне.

— Есть. — Андреев козырнул. — Разрешите идти?

— Иди... нет, подожди, — последнее слово Круглов добавил совсем не командирским тоном. Майор тяжело опустился на стул, достал три стопки, сделанные из колпачков от мин, плеснул из фляжки спирта, взял одну в руки, другую взял Александр, третья осталась стоять нетронутой.

— Помянем отца твоего, артиллериста, майора Андреева Петра Сергеевича. — Круглов говорил с каким-то нажимом, и Сашка понял, что тот изо всех сил пытается не заплакать. — Пусть земля ему будет пухом.

Майор замолчал, молчал и лейтенант. Оба смотрели в стопки, будто пытались что-то разглядеть на дне. Каждый думал о своем. Круглов вспоминал своего друга. Как прощались на вокзале весной тридцать восьмого, когда он уезжал на Север. Тогда никто не думал, что прощаются навсегда.

Они всерьез обсуждали планы на будущее лето. А рядом стоял Сашка и улыбался... они все тогда улыбались.

Александр мельком взглянул на командира, перед глазами встала картинка: жаркий летний день в городе, где стоял полк отца... и Круглова. Залитый солнцем плац... нагретые лафеты орудий, на которых так здорово было кататься, когда их выкатывали на чистку! Как давно это было!

Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто замерзал на снегу...

Сашка вздрогнул, посмотрел на майора, который запел тихим дрожащим голосом, и подхватил:

Кто в Ленинград пробирался болотами,
Горло ломая врагу.
Выпьем за тех, кто зимою холодною,
В мерзлых лежал блиндажах.
Бился на Ладогe, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг.

Круглов резко и размашисто рубанул рукой воздух, обрывая песню. Соленая радуга угрожающе нависла на глазах.

— За тебя, Сергееч, — хрипло и тихо прошептал над стопкой майор и опрокинул в себя жгучую влагу.

3

В семнадцать часов, как было приказано, Андреев вместе с радистом постучались к Круглову.

— Лейтенант Андреев по вашему приказанию прибыл.

— Старший сержант Петрин по вашему приказанию прибыл.

— Это хорошо, что прибыли, — сбивая официальный тон, отозвался комполка, приглашая разведчиков к столу, пожал по очереди руки и поставил на стол еще две кружки. — Чай как раз поспел. Сухарями тоже угощайтесь.

Петрин, служивший в полку уже не первый год, знал этот обычай пить чай с командиром перед боевым выходом и вел себя как ни в чем не бывало, а вот Андрееву было неуютно в непривычной для него ситуации. В училище все было строго параллельно и

перпендикулярно, а субординация воспринималась как нечто священное и незыблемое. Так было и со штрафниками, а тут вдруг целый командир полка вот так запросто гоняет чай с подчиненными. Здесь все оказалось иначе, и Александру это еще предстояло понять. А пока он со своим новым сослуживцем, радистом разведвзвода Петриным, пил чай в штабной избе и слушал командира полка, которого теперь даже в мыслях не позволял себе назвать «дядей Женей».

— Дело вам предстоит особо сложное и важное. — Круглов развернул карту и вернулся к чаю. — Необходимо перейти линию фронта и к пяти часам утра выйти на Грозовой Зубец — господствующую высоту в системе обороны Озерного. Задача: на высоте развернуть наблюдательный пункт и по радио корректировать огонь дивизионов во время артподготовки и в ходе операции по захвату опорного пункта. Особое внимание обратным скатам высот. Вопросы?

Разведчики молчали, Андреев перестал жевать сухарь и отставил кружку с чаем.

— Хорошо, тогда я спрошу. Как думаете добраться до Зубца? На мой взгляд, быстрее всего пройти вдоль русла вот этого ручья, под самым носом у финнов, он как раз к высоте выходит, и местность там лесистая. Что скажешь, Александр Петрович?

— Не согласен, товарищ майор, — уверенно ответил Андреев и заметил, как на спокойном лице комполка мелькнуло легкое удивление, а в глазах появился интерес. — По имеющимся разведанным, единственный район, который слабо контролируется противником, — лейтенант ткнул сухарем в карту, — это болото между высотой 70,5 и самим Озерным. Вот по нему и предлагаю дойти до Грозового Зубца.

— Не выйдет так, командир! — взвился молчавший до этого Петрин, но тут же спохватился. — Извините, товарищ майор, но товарищ лейтенант, по-моему, не совсем представляет себе, что такое ходить по болоту. Я ж сам сибиряк, а у нас там этого добра, болот в смысле, навалом, там же шаг вправо, шаг влево — поминай как звали. Ручьем идти надо, ручаюсь.

— Ох уж мне это твое «ручаюсь», Аркадий Николаевич. С Никоненко ты тоже ручался, а что вышло?

— Виноват, — разведчик сказал это так, будто он и впрямь был виновен в гибели прежнего командира.

— Ладно, будет, — примирительно сказал Круглов, отпивая чай. — Идею с болотом безнадежной не считаю. Думайте, время, хотя и немного, еще есть.

Круглов замолчал, продолжая пить чай и смотреть на карту. Идея с болотом ему понравилась. Риск велик, но было в этом предложении что-то дерзкое и неуловимое, что давало шансы на успех. Но болото есть болото, Петрин прав, разведчики могут погибнуть, даже не пройдя и половины пути...

— Разрешите, товарищ майор? — от двери раздался низкий окающий голос. Это пришел пожилой старшина хозроты, принес необходимое снаряжение.

— А, Федосеич, проходи. Все принес?

— Так точно, товарищ майор, все, как полагается. Не в первый раз, чай, ребяташек собираю.

— Кстати, Александр Петрович, бывай знаком, наш «отец полка», — шутливо представил Круглов старшину. — А что? Бывают же сыны полка, а у нас, вот видишь, отец. Вторую войну вместе ломаем. Наше секретное оружие — весь тыл ведь, на самом деле, на нем держится. Может, чаю, Федосеич?

— Благодарствую, токмо я это... вот чего. — Старшина, не ожидавший такой рекомендации от командира, стушевался. — Не сердись, Максимыч, слышал я, об чем вы тут с ребяташками толковали. Вот. У меня, стало быть, соображение имеется. Есть. Есть дорожка. Гать через болото, да напрямки. Запоминайте, ребятаки. — Старшина обратился ко всем, но смотрел при этом на Андреева. — Как в болото войдете вечером, идите так, чтобы солнце все время в левый глаз светило. Светило, но не слепило, смекаете? Вот. А как спрячется оно, значит, за горизонт, держитесь чуть правее сухой сосны, так-то. Вообще там когда-то вехи

были, да и сама гать не иголка, токмо от времени да от войны повредиться могла. Вот и весь сказ. Да, сосну легко найдете. Ее издаля видать — длинная, как тот дрын.

— Ай да Федосеич! — воскликнул Круглов. — Голова! Только откуда ты все это знаешь?

— Дык этот, я ж тутошний, громовской. Мы по малолетству той гатью за клюквой бегали, да и с озерскими бодаться ходить было сподручнее, замечали нас, токмо когда уже к околице подбирались. А гать ту вообще барин местный наводил, еще при царе, так что смекайте, ребятишки, что с нею за эти годы немалые стало. Так-то.

— Ну, спасибо, отец, — от всей души поблагодарил старшину Круглов. — Все, разведка, кончай чаи гонять! До прибытия на место сохранять радиомолчание. Первый сеанс связи в четыре пятьдесят пять. Жду от вас координаты целей на обратных скатах. Дальше — по ситуации. Помните, наступление ждать не будет. Думаю, вы сами понимаете, что произойдет, если мы отстреляемся «по кустам». Приступайте.

Круглов, старшина и разведчики вышли на воздух. Больше не говорили. Ребята молча козырнули, повернулись, как по команде, через левое плечо и двинулись.

«Ну, бог войны, не выдай», — подумал Круглов, глядя вслед разведчикам, и вздрогнул. Ему показалось или Федосеич действительно буркнул: «Не выдам»?

4

Болото встретило разведчиков настороженной тишиной. Казалось, хлюпающие звуки от двух пар ног разносятся на многие километры вокруг. Гать тут действительно была. Старые бревна проседали под тяжестью двух людей, но держали, как порой ощущалось, из последних сил. Местами дорога проваливалась, так что идти приходилось по колено в воде. Отсюда, из середины болота, были видны обе высоты.

То ли за этим направлением никто не следил, то ли наблюдатели у финнов оказались аховые, однако, судя по тишине, бойцы оставались незамеченными. Двигались не быстро, но уверенно. Сухая сосна на другом конце болота была хорошим ориентиром днем и обещала остаться таковым и ночью, которая летом в этих краях больше напоминала чуть сгустившиеся сумерки.

Когда солнце скрылось за горизонтом, болото, казалось, ожило, задышало. Александр часто останавливался и слушал новые неожиданные звуки. Иногда чудилось, что рядом кто-то тяжело вздыхает, стонет. «Бабушкины сказки!» — со злостью подумал лейтенант, отгоняя ненужные детские страхи про всякую нечисть, которая якобы водилась именно на болотах. Это все газы выходят да мошкара светится. Вон Петрин и в ус не дует, бдит и идет как ни в чем не бывало. Света белой ночи хватило, чтобы разведчики успели резко остановиться. Теперь Сашка понял, почему это место мало беспокоило финнов: перед ними лежало болото как оно есть — с кочками и обширными водяными окнами. Гать в этом месте обрывалась. Остатки бревен и обилие свободной воды были явно следствием разрывов снарядов или бомб. Конечно, можно пойти по кочкам, но куда?

— Пропадем, командир, — услышал он шепот Петрина, — зря старика послушали. Надо было, как Круглов советовал, вдоль ручья!

Андреев не ответил, только подобрался внутри. Нашел глазами сосну. Полярная тоже вроде была на месте. Над головами послышался мягкий шелест крыльев, а в следующий момент на стоявшее рядом хиленькое деревце опустился филин. Лесной охотник посидел немного, рассматривая людей, угукнул и неслышно рванулся дальше в сумерки, в сторону одинокой сосны. И тут будто какая сила потянула Сашку вперед.

— Не дрейфь, Николаич, прорвемся! За мной, — скомандовал он, как в атаку, и решительно прыгнул на ближайшую кочку.

Через полчаса такой скачки по островкам им уже было наплевать на жижу в сапогах. Тяжелые автоматы оттягивали шею, двойной боекомплект — пояс, а рация резала плечи. В какие-то моменты Сашку начинало одолевает сомнение в правильности происходящего, и

тогда тревожное «гу-гук» приводило его в чувство, заставляло продолжать двигаться, выискивая новые и новые полусухие кочки. Наконец после очередного прыжка сапоги гулко стукнулись о бревна гати. Памятная сосна была совсем рядом.

— Уф-ф, вроде прошли, а, Николаич? — переводя дух, радостно подытожил лейтенант. Радист только крикнул в ответ.

— Ну, спасибо тебе, дядька филин, — полушутя обратился Сашка к птице, которая и не думала улетать, а вновь облюбовала дерево недалеко от людей.

Услышав благодарность в свой адрес, неожиданный попутчик снова гугукнул, будто прощался, и исчез за деревьями.

— Чертовщина какая-то, — подытожил Андреев, поочередно выливая из сапог набравшуюся воду.

— Ручаюсь, — ответил ему Петрин, делавший то же самое.

— Ладно, двинулись, нам еще на высоту лезть, как раз обсохнем.

Зубец представлял собой нагромождение скал и валунов, поросших тощим лесом и возвышавшихся над Озерным. Казалось, будто какое чудище и впрямь пыталось прорваться из-под земли и сперва вспучило ее, а потом одним зубом таки прорвало сковавшие его тенета.

Склон со стороны болота оказался довольно крутым и густо зарос кустарником и деревьями, будто назло трясине. Разведчикам пришлось попотеть, чтобы забраться на него и не обнаружить себя шумом: ветки постоянно цеплялись за одежду, и их приходилось высвобождать, не сломав, чтобы противник не услышал ненужного треска. Старик не ошибся, гать вывела прямо к околице деревни, давшей название высоте и опорному пункту. После долгого карабка первым желанием Андреева было встать во весь рост и перевести дух, но Петрин ловко подсек командира и для пущей надежности придавил к земле рукой.

— Там, — коротко шепнул радист, предупреждая недовольный возглас лейтенанта, и посмотрел в сторону и вверх.

Только тут парень заметил часового, стоявшего шагах в десяти от них и что-то высматривавшего на ночном болоте. Александр замер и почувствовал, как внутри у него все холодеет: подойди финн чуть поближе, да просто посмотри себе под ноги — провал неизбежен. Живыми, может, они и уйдут, а вот на высоту путь будет заказан. Щелчок взведенного Петриным затвора показался Сашке громopodobным. Когда он сам перетаскивал со спины автомат, подумал, что от него шуму больше, чем от слона в посудной лавке. Финн же постоял еще немного и, потеряв интерес к болоту, направился назад к посту на въезде в деревню. И когда уже Андреев хотел перевести дух и вдохнул побольше ставшего особенно прохладным воздуха, выдохнуть он так и забыл, увидев, что у ближайшего забора замер пес и смотрит прямо на них. Дворовый сторож, ему все равно, кто подобрался к его территории, фашист или красноармеец, облает любого. Андреев был готов грызть землю от обиды — провалить задание из-за какого-то пустобреха! Однако «пустобрех» постоял немного — Сашка готов был поклясться, что псина их увидела — и вместо грозного лая буркнул что-то по-собачьи себе под нос и потрусил вдоль забора по своим делам.

— Черти, ей-богу, черти нам помогают, командир, — быстро-быстро зашептал Петрин, то и дело утирая лицо от пота. — И болото прошли, и чухонцу глаза отвели, и псу этому пасть заткнули. Черти нам в помощь, ручаюсь.

— Отставить суеверия, Петрин, — также шепотом огрызнулся Александр, но заметил, что радист действительно напуган. — Нам просто повезло. — И вдруг поймал себя на мысли, что этим везением пытается убедить не только товарища, но и себя, и повторил чуть менее уверенно: — Повезло. Пф-ф-ф... Двинулись, уже немного осталось...

— Вот тут и будем, Николаич, — коротко бросил он радисту, когда они забрались на небольшую площадку, прикрытую с одной стороны скалой, а с другой — кустами, так что не вдруг разглядишь. — Сейчас развернемся, отдохнем чуток, а там уж и до утра недалеко. Готовь рацию, а я пока понаблюдаю.

Растянувшись на камнях с биноклем, Сашка понял, что очень устал. Напряжение

дороги спало, и теперь приходилось отчаянно бороться с наваливающимся сном. Выручил Петрин.

— Александр Петрович.

— А?

— А куда тебя ранили?

— В голову. Осколок вскользь по кости прошел.

— Дела... в рубашке родился.

— Угу. Я от удара сознание потерял. Спасибо ребятам, вытащили.

— Хорошие, значит, у тебя бойцы оказались!

— Да. Штрафники.

— Суровые ребята. Видать, показался ты им, ручаюсь...

— Наверное... Николаич, а ты давно в разведке?

— Второй год.

— И что? Все это время у Круглова?

— У него. Как на фронт попал, сразу сюда определили. Эх, и давали нам жизни тогда эти чухонцы. Слава богу, остановили. А сколько времени мы с ними в прятки играли... поганая порода.

Они все-таки задремали. Александру приснился странный сон, в котором главной героиней была белокурая девушка в старинной кольчуге и шлеме, напоминавших броню русских былинных богатырей, но отчего-то парень знал, что доспехи не наши. «Богатырша», как окрестил ее про себя Сашка, звала его с собой, во сне он уже готов был сделать шаг за ней, но тут, будто кто толкнул его, и лейтенант проснулся. Очнулся от дремы и Петрин.

— Эх, Николаич, — потягиваясь, Александр обратился к сержанту, — какой сон мне снился...

— Баба, что ли?

— А ты откуда знаешь? — немного удивился случайной догадке Андреев.

— Да вам, салагам, только бабы и снятся. Дело молодое, и стесняться тут нечего. Сам таким был.

— Скажи, пожалуйста, какой старик нашелся, тридцатилетний, — отшутился Сашка и добавил серьезным тоном: — Николаич, а Никоненко ваш, он какой был?

— Какой? — переспросил радист и по-доброму усмехнулся. — Да вот такой же, как и ты, отчаянный. Только постарше.

— Значит, я, по-твоему, отчаянный? — Сашка оторвался от бинокля и улыбнулся Петрину.

— А то нет? Вспомни, что на болоте-то учудил.

— Да уж, самому теперь страшно становится... ладно, бери карту, помечай цели...

До начала операции оставалось полчаса, когда разведчиков привлек какой-то шорох. Александр хотел посмотреть, что там такое, но Петрин его опередил, мягко поднявшись с автоматом наготове. Сержант исчез за камнями. Несколько минут ожидания показались Сашке вечностью. Когда до его ушей снова долетел похожий звук, он полушепотом окликнул товарища. Ответом ему стала длинная очередь и отборная брань, а еще через секунду на площадку на полусогнутых влетел Петрин, злой как черт.

— Вляпались, Петрович, — прорычал он и снова добавил несколько слов из могучей части русского языка. — Все-таки они нас засекли! Одного я пристрелил, второй смылся, тварюга! Да даже если б и не ушел, выстрелы все равно в деревне слышали. Теперь жди гостей. Уходить надо, пока не поздно.

На этом месте Петрин запнулся, потому что посмотрел в глаза командира и понял, что они отсюда никуда не уйдут.

— До начала наступления двадцать минут. Занять оборону. — Сашка не узнавал собственный голос. — Через десять минут связь со штабом полка. Работаем.

Петрин с нарочитой неторопливостью стал раскладывать диски и гранаты, а Андреев яростно припал к биноклю, снова и снова внимательно всматриваясь в рассветный полумрак.

Круглов проводил разведчиков, отпустил старшину и сразу направился на узел связи полка. Он знал, что не заснет в эту ночь. Даже когда майор прикрывал глаза и со стороны могло показаться, что он спит, Круглов на самом деле просто думал о разведчиках, о почти родном Сашке. Мыслями он был там, пробирался по болоту, раздвигал непослушные кусты, так чтобы не хрустнула ни одна веточка, искал эту пресловутую сосну, а потом и гать, карабкался на самую верхотуру. Иногда казалось, что он видит и то болото, и сосну, и гать, даже площадку на высоте, на которой могли расположиться разведчики, но иллюзия проходила, и Круглов вновь обнаруживал себя за столом дежурного офицера.

Наверное, он все-таки задремал, потому что не сразу отреагировал на тревожный голос связиста:

— Товарищ майор, товарищ майор! Андреев вышел на связь! Передает открытым текстом!!!

«На пять минут раньше, — подумал про себя Круглов, глядя на часы, — что-то случилось».

— Включи на громкую!

Связист щелкнул тумблером, и в динамике захрипел знакомый Сашкин голос:

— Гнездо, я — Ворон. Гнездо, я — Ворон. Передаю координаты целей на обратных скатах. Пятнадцать — сорок один, пятнадцать — сорок два, шестнадцать — пятьдесят один...

Цифры лились потоком, связист едва успевал записывать, получилось всего чуть больше полутора десятков целей.

— Ворон, это Гнездо. — Круглов сам приткнулся к переговорнику. — Почему открытым текстом? Почему открытым текстом? — Майор старался сохранить официальный тон, но Ворон, похоже, его не слышал или бессовестно игнорировал, принявшись по второму разу повторять координаты. — Саша, — не выдержал комполка, — что у тебя там происходит? Вас обнаружили? Вы ведете бой?! Отвечай же! Черт тебя подери!!! — сорвался на крик майор.

— Задание выполнено. — Андреев, видимо, понял, что его услышали. — Цели установлены. Мы обнаружены, ведем бой с превосходящими силами. Передаю координаты целей. Пятнадцать — сорок...

Майор щелкнул тумблер динамика, не в силах больше слышать этот родной голос. Они выполнили задание, но оказались в смертельной ловушке. Круглов взглянул на исписанный цифрами листок, на связиста.

— Чего ждешь?! Лукина и Кондратьева на связь! Передавай поправки на цели гаубичным дивизионам!

Десять минут — как десять часов, десять столетий. Приказы давно отданы, отлаженная боевая машина дивизии и его полка давно запущена и работает, отмеряя последние минуты жизни противника. Десять минут, и на головы врагов обрушится столько смертоносного металла, что от них останутся лишь пряжки солдатских ремней или того меньше. Так было на Свири, так будет и здесь. Десять минут. А что за это время останется от ребят там, на Зубце? Майор как прикованный следил за секундной стрелкой часов. Пятый круг... шестой... десятый...

— Огонь, — прошептал короткую команду Круглов, и, будто услышав его, рассвет взорвался орудийными залпами.

Майор заметил, как косится на него связист, похоже, вид у него сейчас был не из лучших. Круглов схватил листок с координатами и снова перечитал его. Евгений Максимович не видел перед собой карты, но отчего-то был твердо уверен, что последняя пара цифр — место, где сидели разведчики. Впервые за годы войны у майора закололо сердце. Круглов включил радио.

— Ворон, на связь. Ворон, на связь. Тишина.

— Ворон, на связь, это Гнездо. — Майор не имел никаких указаний для разведчиков, он просто понял, что сейчас сойдет с ума, если не услышит голос...

— Это Ворон. — Сашка наконец ответил. Господи, да он ли это?! Его ли охрипший низкий голос звучит сейчас в наушниках?! — По нам бьют минометы... мы держимся... старший сержант Петрин тяжело ранен, но ведет бой... я... я видел нашу работу... Трех дзотов больше нет. Их нет, слышите! Нажмите!!!

И тишина. Только автоматная очередь напоследок.

Круглов не сразу понял, что его теребят за плечо. Все тот же связист.

— Товарищ майор, вам плохо?

Ему плохо? Да, наверное, вот только права на это самое «плохо» у него сейчас нет.

— Ворон! Ворон!!! Сашка! Сынок!!! — Круглов закричал в молчащее радио. — Живи!!!

6

Голова раскалывалась, будто ее засунули в колокол и долго-долго били по нему. Сашка попробовал нащупать автомат, но руки плохо слушались, а ноги отказывались повиноваться вовсе, отзываясь на все попытки лишь слабым шевелением. На вопрос, жив он или мертв, боль во всем теле давала однозначный и исчерпывающий ответ. Где-то рядом гремело и ухало, артобстрел продолжался. Он помнил, как вызвал Круглова, помнил, как повторял координаты целей, боясь, что его не поймут или не услышат. Он не прервался, даже когда рядом свалился тяжело раненный Петрин, продолжавший, несмотря ни на что, отстреливаться. Рядом уже разорвалось несколько мин, а он, полуоглушенный, передавал, передавал, передавал... Потом был провал, из которого его вырвал голос Круглова в наушниках. Он ему что-то кричал, но главное из всего потока слов он услышал — «сынок». Он не мог не ответить...

И вдруг все кончилось. Боль ушла так неожиданно, что Сашка испугался. Он по-прежнему чувствовал свое тело, более того, кулаки послушно сжались и разжались, взор обрел ясность. Лейтенант попытался подняться. Это с легкостью ему удалось, но дальше началось что-то вовсе невероятное. Сашка почувствовал, что поднимается. Он будто оттолкнулся ногами от земли и теперь взлетал, как воздушный шарик на параде. Рядом вновь разорвался тяжелый снаряд. Разведчик ощутил его всем телом и машинально заслонился руками от летящих прямо в него осколков. Он почувствовал, как эти раскаленные куски металла летят *мимо* него... на полпальца, полволоса, но мимо. Он принял на себя и жар разрыва, и взрывную волну, но боли не было, а легкость все прибывала. Александру было настолько страшно и непонятно то, что с ним происходило, что этот страх съел сам себя. Остался интерес. Лейтенант уже с приличной высоты видел, как снаряды гвоздили по скалам, размалывая их в гранитную крошку. Он видел Зубец и Озерное, как на карте в планшете, где Петрин карандашом поставил метки по его наблюдениям. И сейчас ему казалось, что кто-то невидимый и могучий вот так же метит высоту, только вместо грифеля у него огненный металл тяжелых снарядов. Наших снарядов. Вот в сером цветке взрыва пропал памятный пост на окраине Озерного, лейтенанту показалось, что он даже услышал предсмертные крики. Ушла в небытие минометная батарея, что лупила по их с Петриным укрытию. Снаряды ложились кучно, его полк бил не «по кустам», а по его, Сашкиным, целям! Андреев видел это с высоты, и сердце его наполнялось радостью, к которой добавилась грусть и горечь, когда следующая волна накрыла Зубец и застрявших там финнов.

От созерцания обстрела его отвлекло хлопанье крыльев над головой. Сперва Сашка подумал, что это птица, и хотел отмахнуться, но замер, увидев *ее*. Она была такой же, как и во сне, дева в кольчуге, только теперь она сдерживала крылатого коня. «Богатырша» еще несколько секунд смотрела на воина, а потом в один взмах конских крыльев оказалась рядом,

схватила его за шиворот, бесцеремонно перекинула через круп коня и рванула к налетевшим откуда-то грозовым облакам.

Тряски, как при обычной скачке, не было. Больше всего это напоминало качание в колыбели, так что даже в таком не самом удобном положении Александр понял, что засыпает. Он погружался в сон, от которого не хотелось просыпаться. Вися кулем на конском крупе, сквозь ласковую пелену сна и грозовые облака, он вдруг отчетливо увидел внизу яркий, но отчаянно мерцающий огонек — там умирал его боевой товарищ. «Он там, а я здесь. Меня забирают, а он остается». Последняя мысль показалась Сашке настолько несправедливой, что сорвала мутную завесу.

— Сынок! Живи!!! — последнее, что он услышал в наушниках от Круглова, теперь окончательно прорвало возникший барьер и вернуло парню угасшую волю, связало его ниточкой с миром живых.

Сашка слабо понимал, что творится вокруг: жив он, мертв, в рассудке ли, но точно знал, что ему надо назад, вниз, на землю, в грязь, боль и жару. Эта мысль огнем обожгла его усталый разум.

— Отпусти! — прошипел он своей пленительнице. — Отпусти! Я не твой, слышишь!!!

Разведчик дернулся раз, другой, изо всех сил пытаясь соскочить вниз, но его будто связали по рукам и ногам, невидимые путы держали крепко. Он бросил гневный взгляд на деву. Та удостоила его лишь кривой усмешки победительницы. И тут лейтенанта проняло. Он физически ощущал, как закипают в нем ярость и злость.

Сашка изо всех сил попытался разять руки. *«Будут в преданьях навеки прославлены под пулеметной пургой»*, — больше зарычал, чем запел Андреев слова, что настойчивым родничком били в голову после тех неожиданных поминок по отцу, устроенных Кругловым. *«Наши штыки на высотах Синявина, наши полки подо Мгой»*, — это дарило уверенность и новые силы. У него получилось. Парень рванулся раз, другой, — и путы не выдержали, он соскользнул с коня, но, вопреки всем законам физики, продолжал лететь вверх.

«Богатырша» заметила пропажу и развернулась, чтобы вновь забрать свою добычу, но теперь в ее взгляде уже не было надменной уверенности и насмешки. Ему показалось или в глазах девы мелькнул страх?! Облака неожиданно кончились, и по глазам полоснула яркая синь неба, такого, каким оно и должно быть летом.

Дева уже почти схватила Андреева, когда ее резко окликнули. Еще один воин в древних доспехах и островерхом крылатом шлеме уже не удивил Андреева, но вот лицо... да и голос тоже показались знакомыми, хоть слова были чужими. Сердце замерло. Совсем недавно Сашка видел этого человека. В другой одежде, без бороды и усов. Не может быть...

Пока лейтенант разглядывал явившегося, между девой и воином происходил разговор, и, судя по интонациям, не из приятных. Сашка понял, что они о чем-то договорились и, по раздосадованному взгляду девы, договор вышел не в ее пользу. Все так же молча богатырша приблизилась к Андрееву и одной рукой за грудки подтянула его к себе так, что их лица оказались на одном уровне. Александр твердо смотрел в серые глаза, не думая отводить взгляд. Он ждал чего угодно — удара, уговоров, ножа в грудь, в конце концов. Тем более неожиданным стал короткий, но жаркий поцелуй, подаренный ему.

Резко оторвавшись от парня, «богатырша» еще раз с сожалением посмотрела на него как на упущенную находку и с силой швырнула прочь. Александр почувствовал, что падает. Снова навалилась свинцовая рвань, пряча солнце и странных незнакомцев, вернулся ветер, взрывы, хлынул летний ливень. Земля была еще далеко внизу, но парень стремительно летел к ней. Он успел подумать, что если уже умер, то теперь умрет во второй раз, как спасительная темнота ласково приняла в свои объятья.

Разведчик чуть ли не обрадовался боли, снова сковавшей все его измученное тело. Он опять лежал на земле, чувствовал, как каменная крошка впивается в ладони, а крупные капли дождя холодят кожу, но одновременно ощутил, что он не один и лежит на чьих-то сильных руках. Сашка со стоном открыл глаза и увидел над собой улыбающееся лицо Федосеича. Руки старшины заботливо поддерживали Сашкину голову. Увидев, что тот пришел в себя, старик засуетился и запричитал:

— Сынок, живи, живи, сынок, слышишь. Живи.

Что-то соленое и горячее вместе с дождевыми каплями упало на щеки парня, и он понял, что старик плачет.

Старшина горячо обнял лейтенанта и зашептал что-то на ухо. Сашка не мог разобрать

слов, но от них на душе становилось легче, голова уже не гудела.

— Кто ты, воин?

— Федосеич я, товарищ лейтенант, старшина, по снабжению я. А большего тебе знать не надобно, сынок. — Старшина качал Сашку, как маленького ребенка. — Забудешь ты и воина, и бабу ту неразумную. Ни к чему тебе. Ну вот и наши в атаку пошли, теперь и сюда доберутся, дай срок. А мне пора.

А в это время земля дрожала от танковых гусениц и сотен солдатских ног, а воздух сотрясало дружное «Ура!».

7

Андреев нагнал свой полк через месяц уже в окрестностях Лоймолы. Ушибы и ссадины прошли через пару недель, и на больничной койке его удерживала лишь полученная контузия, оказавшаяся легкой. Вспоминая свои ощущения на Зубце и видя удивленные лица врачей, которые лишь цокали языком, когда слушали историю его ранения, Сашка понимал, что случилось по меньшей мере чудо. Прав был Петрин, пусть земля ему будет пухом, когда сказал, что он в рубашке родился. Теперь о случившемся напоминала лишь вторая алая полоска, медаль «За отвагу» и виски, грозившие через пару месяцев стать совершенно седыми.

Он смутно помнил последние моменты на высоте, когда его нашел Федосеич. Старшина, видимо, за каким-то чертом рванул вперед всех и нашел-таки полуживого парня. Сашка понять не мог, чем он так «показался» старшине, но зато хорошо понимал, что обязан ему жизнью. А потом старик исчез, растворился в своем тыловом хозяйстве, так же неожиданно, как и появился, а он так и не поблагодарил его.

Именно поэтому, прибыв в расположение полка, старший лейтенант Андреев в нарушение всех приказов первым делом завернул на склад. Улыбка засветилась на лице разведчика, когда среди стеллажей он заметил знакомую фигуру, деловито копавшуюся на полках, — старшина снова «собирал ребятешек».

— Федосеич! — окликнул старшину Андреев. Тот опустил мешок, медленно, по-стариковски, развернулся и несколько секунд подслеповато шурился, разглядывая гостя.

— А, товарищ старший лейтенант, — расплываясь в ответной улыбке, узнал парня старик. — С наградой, званием и возвращением в строй тебя!

Сашка больше не мог стоять. Он бросился к старшине и сгреб его в охапку, так что тот даже охнул. Этот «ох» Андреев справедливо посчитал притворным, потому что чувствовал, что стиснул в объятьях не трухлявый пенёк, а по меньшей мере кряжистый дуб.

— Федосеич, родной, прости, что только теперь тебе спасибо говорю!

— Да пожалуйста, пожалуйста, токмо за что?

— То есть как? — Сашка разжал руки и непонимающе взглянул в глаза старику, пытаясь понять, шутит тот или всерьез. — Ты же мне жизнь спас! Там, на Зубце, помнишь? Я ж тогда, можно сказать, второй раз родился!

— На Зубце? — переспросил старшина и удивленно поднял брови, глядя на ошарашенного парня. — Да я дальше командирского штаба отродясь не хаживал, у кого хошь поспрошай. Путаешь ты что-то, старшой, так-то.

— Но как же... — смутился Сашка, теперь и впрямь сомневавшийся в своих воспоминаниях. — Там... тогда...

— Контузило тебя тогда, — мягко перебил его старый вояка, — так бывает, когда контузит, что было, что не было — путаешь. Да ты не унывай, старшой! Нельзя теперь тебе унывать!

— Это почему это?

— А потому. — Старшина доверительно взял парня за локоть и продолжил дальше полусшепотом: — Долго жить будешь, старшой. Чтоб во второй раз народиться, во первый раз помереть надобно, так-то... — Старик многозначительно замолчал и вдруг озорно, по-

мальчишески, подмигнул Сашке. — А двум смертям не бывать!

СТАРАЯ СКАЗКА

Надя Яр
DRACHENLAND

Высокий длинный утес над рекой плыл в тумане, далекий и черный, похожий на неровный каравай. Дева, невиданная и незримая, расстилала с угрюмой скалы свою песнь, словно сеть, — и рулевые теряли разум. Песней звала рыбаков и купцов, и люди бросались на зов и гибли. Пороги мололи обломки судов и тела. В этом месте был волок — проезжие издавна предпочитали посуху обойти и утес, и пороги. Ни один смертный не видел облика девы, но рыцарь не сомневался, что злая певунья прекрасна, как сумерки, ночь, заря. Рыцарь не давал обета подняться на черный утес и убить деву. Целью его пути было иное.

Рыцарь направил коня вдоль стерни к переправе. Он был разочарован. Он прибыл спасти этот злосчастный край, а край его не заметил. Не поприветствовал, ни о чем не попросил. Убранные поля окружали кукольные деревушки, впереди лежал тусклый клинок реки, а за рекой к воде прилепился небольшой город — выводок аккуратных домиков, постоянных дворов и складов. Издалека фахверковые дома казались пряничными с сахарной глазурью. Несколько дней назад рыцарь купил один такой на местной ярмарке и съел. Над городом навис то ли большущий холм, то ли приземистая гора. Склон ее, обращенный к

реке, был расчерчен четкими полосами. То был знаменитый драхенландский виноградник. Сколько хватало глаз, в глубь страны уходили точно такие же горы — у подножий засаженные виноградом, выше — скалистые и пустые или поросшие высоким непроходимым лесом, черным и голым по зиме. Деревья стояли дыбом, как шерсть сердитого зверя. Над их ветвями и над макушками низеньких гор в вечернем мареве висела белая, как заоблачная луна, холодная вершина Драхенберг.

Рыцарь проследил взглядом вьющуюся от города ввысь дорогу. Она вела к старому бурому замку. Родовое гнездо местных герцогов или графов притулилось к горному склону, среди винограда, и пустило цепкие корни. Все было по-зимнему тускло и пусто. Рыцарь отметил, что у города нет стены, а дорога к угрюмому замку довольно длинна. Если зимой по равнине и льду реки придет враг, обитатели пряничных домиков не смогут оборонять их и не успеют укрыться в замке, и городок достанется мародерам.

У переправы рыцарь догнал крестьянина с кобылой. Крестьянин не очень старательно поклонился и не проявил дальнейшего интереса. С другого берега отчалил паром — по сути просто бревенчатая коробка, — и рыцарь удивился. В его родном краю никто не стал бы преодолевать такую реку ради двух пассажиров, тем более в такое время. Был уже вечер. С блеклого неба падали редкие снежинки и таяли, приземлившись. Паром медленно наползал на пристань, похожий на огромный плот. Рыцарь мерз в седле в своей куртке и легких дорожных доспехах. Он хотел спешиться, чтобы хоть немного размяться и согреться, но рядом невозмутимо стоял крестьянин, прислонившись к плечу кобылы и куря трубку. Запах выдавал хороший табак. Рыцарю не хотелось показывать свою слабость, и он направил усталого коня с пристани на паром.

— Когда ваш праздник? — спросил он у попутчика. Не потому, что не знал, а просто так, чтоб спросить.

— Весной, вестимо.

Крестьянин подозрительно оглядел чужака, как будто впервые его заметил. Цепкие голубые глаза задержались на копье, и лицо вдруг прояснилось.

— Вы, значит, к нам на праздник, сэр? Так это долго — пока еще ландыши зацветут... Месяца два, не меньше. Тут есть отличный постоялый двор...

— А девушку уже выбрали? — спросил рыцарь.

— А как же! Дочь городского головы.

Теперь крестьянин улыбался во весь рот. Радуетя небось, что минуло его семью.

— Она красива?

Рыцарь знал, что от него ожидают женитьбы на той, кого он спасет от дракона, и надеялся, что у чешуйчатого урода хороший вкус.

— Вестимо! Красавица! — Крестьянин обрисовал рукой стройную девичью фигурку. «Наверняка купчиха», — подумал рыцарь. Но это его не особенно огорчало, ведь он был беден. В пещере дракона должны быть сокровища, но если их все-таки нет...

Паром, казалось, полз, как улитка. Пряничный городок медленно увеличивался и в конце концов оказался живым.

— Почему здесь никого нет? Причал пуст.

— Завтра же воскресенье, — хмыкнул крестьянин. Видимо, здесь это все объясняло.

Уже сойдя на берег, рыцарь вспомнил, что на носу Новый год, а река вот она, не замерзла, течет себе как ни в чем не бывало.

— В этих краях зима всегда так милосердна? — спросил он в спину уходящему попутчику.

— А как же, — не оборачиваясь, ответил тот и мотнул головой, указывая вверх, на гребни гор. На Драхенберг.

Рыцарь присмотрелся к пугающе белой далекой горе и увидел на ней красный отблеск. Или показалось? За виноградными горками лежал Край дракона, царство огня, где сгинула не одна сотня безвестных искателей славы и не один десяток рыцарей-драконоборцев. Новейший претендент на славу избавителя Драхенланда еще раз посмотрел на виноградник,

беззаботный городок, бурый замок. Эта страна каждый год скармливала дракону одну из своих дочерей, но надо было отдать должное драконьим подданным: здесь делали чудесное игристое.

* * *

Впоследствии рыцарь так и не смог вспомнить, видел ли он хоть кого-то на широкой мощеной улице городка, которая привела его прямо к особняку головы. Освещенные окна домов дышали теплом и уютно укутанной жизнью, с задних дворов то и дело доносились запахи хлева и конюшен, но улицы были чисты и пустынно — как вылизаны языком дракона. Дома, выглядевшие поновее, были окружены игрушечными заборами, через которые могла бы переступить лошадь. Входи не хочу; однако же входить без спроса почему-то не хотелось. Во многих дворах стояли хорошие вещи — резные украшения из дерева и металла, детские самокаты, столики, табуретки, плетеные кресла. Никто их не крал. Фасады домов белели в темноте, внутри горели очаги, а над дверями — фонари, что добавляло уюта городу. Декабрь не сковал реку льдом — а рыцарю было холодно. Ему казалось, что он мерз всю жизнь. Он принес с собой холод оттуда, откуда пришел, чтобы согреться только здесь, в Краю дракона.

— Подними забрало, — сказала дочь городского головы. Она была и правда хороша — пышногрудая, сероглазая дева с толстой ржаной косой. Ее хотелось называть девой, потому что ее лицо являло разум и полноту души, обычно не свойственные ее ровесницам, *девицам*. Рыцарь поднял забрало. Серые глаза поднялись и опустились, и она отступила в сени, кивком приглашая его войти. Рыцарь шагнул с крыльца в тепло, в свет.

Городской голова был у себя в кабинете. Рыцарь плохо представлял себе кабинет купца, но множество клеток с птицами было последним, что он ожидал увидеть. Румяный человек, седой, но еще не старый, сидел за широким столом, рассматривая через лупу крохотного попугая. Птица смирно лежала у него в руке, подобрав тонкие лапки, и время от времени вертела головой. Рыцарь представился.

— Здравствуйте, — сказал бюргер. — Я очень рад... Чему обязаны?..

— Дракону, — ответил рыцарь. Он думал, что этот человек смутится, но не тут-то было.

— А-а... — понимающе протянул бюргер. Отложив толстую, словно жаба, лупу, он взял миниатюрный молоток и ударил им в бронзовый настольный колокольчик. Слуги внесли глинтвейн в кружках и печенье в широкой вазе. Кабинет наполнился ароматом специй — корица, анис, кардамон... Рыцарь с наслаждением отхлебнул сразу полкружки и сел в поданное ему кресло. С голода и холода глинтвейн сразу ударил ему в голову. Рядом с креслом стояла высокая клетка с большим серым попугаем, какого рыцарь никогда не видел. Любопытная птица взобралась по прутьям вверх и норовила заглянуть в лицо гостю, раскрывая крепкий клюв и показывая серый, толстый, как червяк, язык. Рыцарь просунул сквозь прутья палец в перчатке. Попугай осторожно взял палец клювом, чуть подержал и отпустил. Поздоровался. Рыцарь подумал, что дружелюбный большой попугай скоро утратит сероглазую хозяйку, ее отдадут дракону, а ее отец только и может сказать, что «А-а...».

Бюргер что-то говорил, но рыцарь не запомнил. Речь шла о вещах, которых он не знал и знать не хотел — таких, как цены на зерно, вина и, шелк и почему-то на певчих птиц. Сероглазая девушка стояла за креслом, доливала гостю глинтвейн и подала превосходные горячие булочки с сыром.

— Ну что? — спросил ее отец. Девушка прикрыла глаза, лукаво глянула на рыцаря и улыбнулась самыми уголками рта. Рыцарь не знал, что и думать. Неужто они не сомневаются, что я, именно я стану счастливецом, который убьет дракона? Они не помнят о десятках, сотнях не вернувшихся, погибших? Или дракон довел этих людей до того, что им все равно? Почему она заглядывает мне в лицо? Какое отношение оно имеет к... Разве рыцарей судят по лицам?

Как только вежливость позволила, он поспешил уйти. Узкий каменный двор постоялого дома создавал бы впечатление ловушки, если бы не был старательно выметен, застлан соломой и освещен. Здесь и забор был каменный и высокий — как показалось рыцарю, не столько для защиты постояльцев от воров, сколько для того, чтобы все въезжали и выезжали, как положено, в ворота. Узнав, зачем прибыл гость, хозяйка решительно отказалась от какой-либо платы. Рыцаря накормили превосходным ужином и уложили в комнате под стрехой. Против ожиданий там было тепло. Ночь текла медленно, сине, словно река. В городе было тихо, как на пустыре, и рыцарю снилось странное. «Вывожу певчих попугаев», — шептал из-за широкого стола бюргер. Попугай в клетке смешно моргал, соглашаясь. Другие сны были окрашены драконье-алым.

На рассвете рыцарь покинул город, прихватив с постоялого двора разбавленного вина, хлеба, вяленого мяса и сыра себе и овса для коня. Он выбрал дорогу по склону горы, миновал замок и виноградник, перевалил через гребень и увидел внизу отдельные дворы, несколько деревень и еще один городок, по виду очень похожий на первый. Он ехал и ехал в глубь Края дракона, оставляя за собой деревни, городки, дворы, холмы и горы.

Белесая вершина Драхенберг как будто и не приближалась ни на шаг, но ее очертания становились четче, грознее. Полосатые виноградные склоны сменялись дикими горками, гнущими спины, словно сердитые черные кошки. Он ночевал на постоялых дворах, где с него упорно не брали денег, а когда страна стала дикой и постоялые дворы кончились — в домах крестьян или же на обочине пути, в сени холма. И вот не стало уже ни деревень, ни хижин, ни возделанных полей. Вздрыбленная земля росла здесь острыми остовами дерев, как ежи шубою из игл. Становилось теплее, и рыцарь подумал, что это жар дракона и что от дракона, таким образом, тоже бывает польза. Потом холмы кончились, и рыцарь понял, что дракон тут ни при чем. Перед ним расстился пояс горящих камней. Раскаленные добела валуны отделяли гористый край от равнины, из которой одинокой башней рос Драхенберг. Рыцарь с трудом отыскал путь через огненную змею и вступил на равнину. Он заночевал на теплой, почти горячей земле и видел, как большие саламандры сновали по горящим скалам и пили жар. В темноте камни источали ровный белый свет. Саламандры ловко взбирались им на макушки, и ореол остывал, становясь синим, красным, оранжевым, желтым. Саламандры моргали круглыми птичьими глазами, наливались теплом и светом, становились почти белы. А впереди, по направлению к дракону, как будто всю ночь алела заря. Драхенберг торжествовал, виднеясь теперь уже во весь свой исполинский рост — белесый, голый, каменный клык земли.

Он нависал над равниной и над городом, который приютился у подножия горы. Сначала рыцарь не поверил своим глазам — не могут люди жить под носом у дракона! — но город не исчезал, не рассеивался, как видение. К нему даже вела наезженная дорога, и рыцарь поехал по ней, гадая, кто, что и куда отсюда возит. По мере приближения город обретал все новые детали, и рыцарь быстро понял, что глаза не лгут.

Город был очень похож на все города Драхенланда: низкие ограды не скрывали фасадов каменных домов, а мощеные улицы были чисты и пустынно. Было холодно, и рыцарь потерял счет дням. Наверное, сегодня опять воскресенье. Пару раз он издали заметил прохожих, но они успели скрыться в домах прежде, чем он их окликнул. Вот же народ — живут под Драконьей горой. Почему чудовище их не трогает? Из любопытства? Или они ему для чего-то нужны? На дверях некоторых домов висели рыцарские шлемы. Он не хотел думать о том, что это означает. Иногда он улавливал движение в окне, чей-то внимательный взгляд, а обернешься — там чуть колыхнется штора... Сначала он хотел поискать постоялый двор и, если таковой найдется, переночевать здесь и узнать тайну городка, но тут же одернул себя: он представлял себе свое пребывание в этом городке долгим. Чересчур долгим. Ему совсем не хотелось как можно скорее сразиться с драконом. Все, что он видел в этой стране, не затупило, а обострило чувство опасности. Оно уже граничило с постыдным страхом, и рыцарь понял, что какое-либо промедление только уменьшит его решимость.

Рыцарь начал искать дорогу к горе, но все переулки заканчивались тупиками. В одном из них дорогу перешла черная кошка. Не обращая внимания на плохую примету, он доехал до глухой каменной стены, развернулся, и кошка шмыгнула обратно во двор, из которого вышла. Закрыла мешок неудач. Не уйти. Или уйти? Один раз к несчастью — а два?

Он решил проехать к горе через двор дома, стоявшего боком к улице. Калитка была не заперта, и он открыл ее, нажав носком сапога на медную ручку, крепящуюся к пружине. Уложенная белым камнем тропинка вела через палисадник мимо крыльца и заднего двора к необычайно высокому для здешних мест — фута четыре — забору и выходила на виноградник. Во дворе на столбике красовалась игрушка из стекла — белый гусь оседлал синий шар величиной с головку младенца. На крыльце стояла деревянная миска, в которой зачем-то держали водяной хвощ. Его стебли-трубочки поднимались из льда, словно колосья хлеба из земли. С достоинством. На входной двери висел начищенный боевой шлем. Рыцарь вспомнил сероглазую девушку, дом с попугаями и глинтвейн и хотел было постучаться, но стоял полдень. Рыцарь вполне мог добраться до логова дракона еще засветло.

Очередная незапертая калитка, и тропинка влилась в дорогу, которая огибала унылый зимний виноградник, делилась напополам и уходила дальше, к Драконьей горе. Через полмили дорога сделалась грунтовой, плохой и узкой. Потом и вовсе исчезла, затерялась в мерзлой земле.

Драхенберг был так велик, что рыцарь обманулся. Он прибыл к подножию горы в сумерках. Наверх вела тропа, но он не отважился следовать ей во тьме, среди нагромождения камней и скал. Он заночевал у громадного камня, укрывающего от ветра, скормил коню остаток овса и сжег последнюю вязанку хвороста. Наутро солнца не было, и рыцарь увидел его только к полудню, поднявшись высоко по склону. Драхенберг молочно белел в своей гордыне и одиночестве. Его вершина сверкала, как царская голова, в короне снегов.

Тропа вывела на каменные ступени. Издалека они казались под стать человеку, но расстояние обмануло и здесь — ступени были чуть ли не в конский рост, длинные и извилистые, нерукотворные, древние, рожденные вместе с горой и миром. Они восходили к зияющей пасти пещеры дракона. Рядом отыскался пологий подъем и вымощенный камнем путь наверх. Уже без особенного удивления рыцарь узнал в кладке верную руку обитателей Драхенланда.

Он направил коня в пещеру без колебаний, поудобнее перехватил копьё и поехал через подземные залы, стремясь к бледному золотому свету, свету тайны, зареву дракона. Пещера сменялась большей пещерой, та — меньшей, и все они были громадны, а свет становился ярче. Было не холодно и не тепло. С потолка и пола драконьих чертогов тянулись друг ко другу каменные свечи и срастались, образуя колонны. Рыцарь миновал изумительные колоннады, белые с нежным розовым и золотистым наплывом — как будто бы огонь дракона воплотился в камне.

Увидев наконец дракона, рыцарь не сразу отличил его от скал, не сразу понял, что уже встретился со своим противником, а осознав это, осознал и неотвратимость собственной смерти. Ни одно, оружие, которое мог поднять в бою человек, не причинило бы этому дракону вреда. Дракон был слишком велик. Громадный, словно белая гора, он так же возвышался надо всем живым, как она высилась над смехотворно низкими горами речного края. Глаза дракона — нет, *Дракона!* — были котлы богов, в которых плавилось золото и серебро. Седая голова напоминала ледник, и весь он был как исполинская скала, древняя, но крепкая и смертоносная. Гребень Дракона сверкал в отблеске неземного огня, как на большой реке сверкает в солнечных лучах череда вставших дыбом льдин во время ледохода. Копьё, которое судорожно сжимал рыцарь, вряд ли пробilo бы толщу белесой, с серебристой чешуей кожи, не говоря уж о том, чтобы пронзить сердце ужасающего гиганта. Рыцарь прикинул, нельзя ли ударить копьём в драконий глаз так, чтобы острие достало мозг, но понял, что, во-первых, никогда не добросит копьё до такой высоты, а во-вторых, драконий череп слишком большой. Копьё, ударившее в глаз, до мозга просто не достанет. Теперь рыцарь знал, почему здесь пали уже десятки рыцарей-драконоборцев, сотни

воинов и наемных солдат. И почему никто из них не вернулся из Драхенланда, чтобы предупредить об опасности, например, его самого.

— Иногда они все же бросаются в бой, — сказал Дракон. Его голос шумел, словно горный поток, и шелестел, как падение мириадов капель с каменных свеч. — Они бросаются на меня, и я их убиваю. Сжигаю дотла. Они ищут смерти, и я даю ее им.

Рыцарь удивился, что конь до сих пор не впал в панику и не сбросил его, и тут же понял, что животное вообще не видит Дракона. Не видит его *как Дракона*. Дракон ничем не пах, не шевелился и, кажется, не дышал. Для коня он был просто скала, с которой раздавался нелюдской голос — как отдаленный рокот, лавина, глас белой горы.

— Ты можешь присоединиться к ним, — продолжал Дракон. — Или сойти вниз, в город, и присоединиться к тем, кто искал жизни, славы, сокровищ или любви. К тем, кто еще хочет жить. Я бы на твоём месте выбрал жизнь.

Рыцарь был поражен и не сразу нашелся с ответом, а когда все-таки нашелся, ответ был не из самых умных.

— Ты не собираешься меня есть?

— Я не ем людей, — ответил Дракон.

— А как же девушки? Тебе каждый год отдают по девушке. Разве ты их не ешь?

— Если бы я питался девушками, или рыцарями, или скотом, или еще какими-то существами, разве я мог бы обойтись одной девушкой и парочкой рыцарей в год? — Дракон как будто забавлялся. — Открой глаза, смертный, подними забрало твоего страха. Если бы я ел плоть живых тварей, никакая страна не смогла бы меня прокормить. Мне не хватило бы в год и десятка стад. Я сожрал бы всех жителей этих краев, опустошил деревни и города, а потом и весь континент. Все живое пало бы жертвой моего ненасытного голода, моего гнева.

— Значит, ты вовсе не ешь людей? Но зачем тебе тогда девушки?! — вскричал рыцарь, вспомнив сероглазую дочь купца. — Это просто такая жертва? Что же ты с ними делаешь? Сжигаешь?!

— Зачем же? — сказал Дракон. — Спустишься в город, и ты узнаешь ответ на этот вопрос. Как и на многие другие. Тебе так или иначе придется надолго там задержаться. Я не позволяю таким, как ты, покидать этот город.

— Я должен там жить? — спросил окончательно сбитый с толку рыцарь. Все, просто все было не так. Он чувствовал себя *новым*, слабым, беспомощным, как дитя, и хотел теперь только постичь тайну, которую скрывает эта страна.

— Да, — изрек Дракон. — Если тебя сейчас не убьет страх, отчаяние или глупость, тебе помогут построить дом. Если захочешь, ты сможешь жениться на девушке, которую принесут мне в дар, когда в приречном краю взойдут ландыши.

Рыцарю снова явились серые глаза, толстая ржаная коса, лукавые взгляды из-под ресниц. Теперь он понимал истинное значение этих взглядов.

— Так я поеду, — сказал он.

— Как твое имя, рыцарь? — спросил Дракон.

— Томас фон Винтерборн.

— Некоторые воины пытались победить меня обманом, Томас фон Винтерборн. Завоевать мое доверие и как-нибудь меня убить. Я убиваю всех таких людей. Сжигаю заживо. Запомни это.

Рыцарь кивнул и тронул поводья, разворачивая коня. Через несколько шагов он остановился и, не оборачиваясь, спросил:

— И все же... Зачем ты берешь у людей их дочек, если девушки тебе, в сущности, ни для чего не нужны? И что же ты ешь, о Дракон, если не ешь людей?!

— Тебе придется дойти до ответов своим умом, — сказал Дракон.

* * *

Отъехав подальше от обители Дракона, Томас фон Винтерборн спешил и повел

коня под уздцы, чтобы полюбоваться на сокровищницу пещер — золотистые свечи, колонны и стены, усыпанные гнездами самоцветов. Все, что так долго гнало его по горам и долам этой страны, не давая остановиться, передохнуть, подумать, — отчаяние, осуждение, страх — теперь покинуло его, улетучилось без следа. Душа его была спокойна. Если поспешить и не останавливаться на привал, он успеет добраться до дома с хвощами на крыльце как раз к полуночи.

Маргарита Кизвич
СКАЗКА О КОТЕ МИТРОФАНЕ И ЖИЗНЕННЫХ ТРУДНОСТЯХ

Митрофан, кот Бабы-Яги

Тик-так. Тик-так.

Качается туда-сюда тяжелый маятник, с мерным скрежетом поворачиваются шестеренки, отсчитывая время. Отсчитывая мгновения нашей жизни.

Это часы — мудреная игрушка, которую бабка вывезла из сказочной страны с загадочным прозванием Неметчина. Думали, загнутся они в нашем царстве, не станут работать. Ан нет, все так же с самодовольным равнодушием покачивается маятник, словно бы и не покидали часы свою родину. Словно бы за окнами простирается не наш обычный тридесятый лес, а земля с чудным именем.

Тик-так. Тик-так.

И, подчиняясь заданному ритму, волшебству звучащей мелодии времени, суетится от печки до погреба моя хозяйка, выполняя работу по дому. Мурлыкая себе под нос не хуже меня, когда я сметанки налопаюсь — и на бочок, подставляя пузо под ее пальцы.

Тик-так. Тик-так.

Эх, трудная жизнь у кота: только проснешься, как уже завтракать пора. Только позавтракаешь, почти час обеда подошел. Только пообедаешь от души — самое время на солнышке понежиться-подремать. А там и ужин поспел. Ой, ну до чего же жить тяжело!

Вот вы небось думаете, что я — лентяй. Что кот в доме должен обязательно мышей-крыс ловить, а не сливки, облизываясь, лопать. Так я ведь не обыкновенный кот, я — первейший помощник, советчик, собеседник и вообще зверь в хозяйстве не лишний. Особенно если хозяйка моя — сама Баба-Яга.

Тик-так. Тик-так.

Трудные у меня будни. Однако еще труднее будней — праздники, когда царевич какой за помощью явится. Ну, там птицу ему украсть воспитание не позволяет, но обстоятельства принуждают. К кому тогда за помощью бежать? Правильно, к Бабе-Яге. А та уже на меня с надеждой поглядывает, потому как без меня ей не обойтись. С младых когтей я у нее на коленях лежал да беседы умные слушал. Слушал-слушал, мудрости поднабрался, да так, что со временем самолично начал советы давать. И не только жаждущим-страждущим, но и даже Яге. А и правильно: она хоть Баба и с понятием, но и на старуху бывает проруха.

Вот, о главном-то я забыл: не представился еще. Я — это я. Точнее, кот Митрофан Володимирович собственной персоной.

Царевну какую уболтать, подластиться да за ворота из-под батюшкиного строгого надзора выманить? Снова меня зовут. А уж если дело до использования подручных средств доходит, тут без меня совсем никак. Бабка-то уже старенькая, да и сизмальства читать не обучена была, поэтому все инструкции-руководства я на зубок учу, чтобы потом царевичам помощь оказать.

Сынки царские, они ведь люди хитрые, считают, что раз батюшка у них — царь, то ничего тяжелее скипетра и державы им в жизни и поднимать не придется, дела все на думных дьяков перевалить можно, а науки всякие — вообще дело не царское. Царское дело — лоб из-под шапки морщить да приказывать поскорее обед подавать.

Хотя царевичи тоже разные бывают. Однажды дюже диковинный попался, сразу видно, нездешний: сам весь черный, будто в углю заночевал, вместо кафтана — юбка меховая (срамотища-то!), а из оружия только палка. Зато большая. Но умный был — страсть. Как начнет лопотать что-то на своем наречии да все в небо указывает. Небось атлас звездный наизусть знал, а я-то шанс образование улучшить упустил, да еще и дурак дураком выглядел — только «мяу» и «мяу» в ответ, мол, «на русский перейди, морда немытая». Так ведь, бедолага, и сгинул от незнания языков. Говорил я ему, налево не сворачивай, сожрут. Похоже, не понял он меня, ой, не понял.

Недавно вот и другой случай произошел. Явился очередной царевич, и ну Василису в жены требовать. Причем не Прекрасную, а Премудрую. Мы уж с бабкой и так его, и этак улещивали, времени и нервов не пожалели. Что, мол, сдалась тебе эта Василиса. Батка вон ейный, когда на нее Кощей позарился, так рад был, так рад, что от радости пир закатил, даже деньги простому люду раздавать приказал. А ты — Васили-и-и-иса.

Кощей, бедняга, после того счастья аж зачах с горя. Заперся в комнате, да и страдает сонетами. В смысле с горя сонеты пишет. Шекспир Бессмертный, одним словом.

Царевич же наш все про Василису твердит. Что люблю, мол, и других не надобно. А что ни разу не видел, так даже лучше. Любить проще.

Ладно, дело хозяйское. Добыли мы ему потребное, только царевич (сейчас, правда, царь) и сам теперь не рад. Не хочет Василиса в горницах сидеть и кудель прясть, как положено примерной супруженнице и очага семейного хранительнице. Эту, как ее... Академию наук открыла и заседает в ней. Академия — штука хитрая, вроде библиотеки, только там еще и кормят хорошо. В общем, сидеть можно. Вот она и сидит.

Ведь предупреждали же заранее, но все без толку. Дуракам закон не писан.

А тут еще новость неприятная поползла, будто царя нашего, Никодима Никифоровича, казначей-прощельга убедил болото, лягушками славящееся, осушить и палаты новые построить. Чтобы, дескать, представителям союзных держав продавать. Дабы хорошо они себя здесь чувствовали. Вроде хозяев. Тьфу, пакость. Что ни новость — то пакость. Э-эх, тоска-тоска, огорчение. Сметанкой, что ли, ее, горемычную, задобрить?

Не, поздно. Вон, в окно вижу, еще один претендент на звание самого талантливого из всех дураков бредет. Сейчас потребует либо жар-птицу помочь добыть, либо яблочко с тарелочкой, либо Василису какую.

— Мур, — говорю хозяйке, — смотри, гость у нас. — И на стол прыг, чтоб, значит, внимание привлечь.

Крак!

А там Яга, как назло, всяких горшочков-мисочек понаставила с водой речной, с водой ключевой, с водой болотной... Вот я нечаянно и смахнул одну.

— Ах ты, поганец этакий! — взъерилась Яга. — Я ж ведь нашей Леське жениха приваживала. Умного-красивого. Еноземца богатого. — И как со стола меня на пол спихнет. — А теперь точно дурак притащится. Или, что хуже, опять Леська в девках останется. — И за помелом тянется. Помело-то — ой, колючее. Ой, колючее. — Только и знаешь, что сметану жрать. А пользы с тебя никакой.

Видать, только у хозяйки колдовство получаться начало, как я вмешался. Но я же ведь нечаянно, не по злобе характера, а токмо из желания помочь... Леська — это сестричка хозяйкина младшенькая. Ведьма болотная. В болоте живет, с лягухами хороводы водит. Красавицей, конечно, не назовешь — от болотной воды хорошего цвета лица не дождешься, — но добрая. Чем вкусным полезного кота приветить — всегда готова. Не то что некоторые. Работаете тут на них, лап не покладая, а они тебя съеденной сметаной попрекают. И в благодарность за долгие годы службы — по спине колючим.

— А ну пошел отседова, окаянный котище! — Дверь нараспашку и помелом меня на крыльцо. И дальше бы гнала, но тут, на мое счастье, углядела Яга гостя нашего, которым царевич местный, Иван свет Никодимыч, оказался, разулыбалась вся, на время и про меня забыла.

Никодим Никифорович, царь

А в царском тереме, в светлой горнице, ранним утречком батюшка-царь на троне сидел. Ручкой подбородок подпер, корону на подлокотник повесил, чтобы думать не мешала, да и давай скорбеть о бедах родного отечества.

«Эх, тяжела ты, шапка царская, узорчатая, мехом подбитая. В смысле не по Сеньке пришлась. Стараешься-стараешься, во всем себе отказываешь, сладок кус не доедаешь да с утречком спать укладываешься. А в стране все равно не пойми что творится. Хотя, ежели давнишние времена вспомнить, порядка у нас отродясь не водилось. Непонятно вообще, как жили-то. Но хорошо ведь жили».

Царь мечтательно прищурился и почесал объемистую лысину.

«И земля родит неплохо, и долю свою торговый люд исправно платит — а все равно в казне пусто. На первый взгляд, ясно вроде — казначей, ворюга этакая, деньги таскает, вон терем себе какой отгрохал. Залюбуешься. Вроде знаешь, а доказать-то никак не получается. Выгнать бы прощелыгу хитрющую, но нельзя ведь. Пробовали — так с ним хоть какой-никакой, но доход в стране водится, а без казначея выходит не бюджет, а сплошное кружево. Дыра на дыре.

Эх, да пусть ворует — леший с ним, зато и в государственной мошне звякает. Хотелось бы, конечно, чтобы звяки в музыку поосновательнее оформились. Но то мечты. Поскольку мздоимцы и казнокрады в стране с самого ее сотворения завелись и выведутся, только если что-нибудь из ряда вон выходящее случится. Навроде, если говорящий кот вдруг думным дьяком заделается».

Царь невесело осклабился, снял с подлокотника трона корону и напялил ее на голову.

«И ведь надо что-то делать. Ладно бы казначей, как раньше, за государственный счет семью содержал — все равно ж награбленное в стране остается. Всё хоть потомки, когда лет так через много с гаком разума лишатся и решат все общим считать, порадуются. Так ить подлое он дело замыслил. Нехорошее. Сговорился с соседями любезными, инородцами погаными, чтобы болото наше славное осушить, лягушек повывести, палаты узорчатые нагородить да продать подороже. Казне, говорит, подпитка требуется. И словами все умными сыпет, инвестиции там, проекты совместного освоения. Спрашиваю: может, лучше не надо? «Надо, — отвечает, — иначе денег взять неоткуда, а без денег зиму вряд ли пережить удастся...» Эх, поганое слово — надо. А деваться-то некуда».

Царь сокрушенным взглядом обвел горницу. Ничего подходящего. Только лук на стене висит. Старый, еще при деде висел, а до него — при прадеде.

Ну что? Была — не была. Идея, может, попервости, и дурацкая. Но, как водится, дурацкие идеи — самыми полезными выходят. Попробуем. Авось найдем денег да казначею нос утрем.

Иван Никодимыч, младший сын царя

День этот с утра не заладился. Для начала братец Васька втихаря батькину ухоронку вытащил, нашел, значит, и вытащил. Всю, без остаточка. Ему-то можно, он — старший. Мало того что в государстве порядку нет, казначей — ворюга, батька страну не бережет, так еще любимый братец ценности, отложенные на случай войны с супостатом, подчистую выгреб. Сказал, что для блага народного, — и забрал.

Тут, конечно, сердце у меня не выдержало. Да и разве можно подобное отношение стерпеть! К себе-то, наверное, и можно. Но чтобы так страну не уважать!

Ну и высказал я ему все, что думал о подобном лихоимстве и практически государственной коррупции. Без утайки, то есть нецензурно.

Так вот, слово за слово, сцепились мы не на шутку, и неизвестно еще, чем бы дело кончилось, но тут батя нарисовался. С луком. Только не репчатым, а таким, стрелятельным.

— Ну, — говорит, — сыновья мои любимые, судя по размаху намечающихся военных действий, самое время настало вас женить. А поскольку в сказочных царствах жениться без подвига не положено — читатель не оценит, — вот вам лук и стрелы, гусиным пером оперенные (две штуки).

Ну, мы с братцем, конечно, переглянулись, плечами пожали, но промолчали. Все-таки он не только батя, но еще и царь. Хотя порой в этом и сумлеваться начинаешь.

А он тем временем краткое содержание намеченного подвига излагает, что, мол, из этого гнилья не только стрелять нужно, но еще и стрелу обратно притащить. Потому что стрелы казенные, вроде даже золотые — впрочем, сие неведомо, ведь предки тоже брехать умели, — из поколения в поколение в семье передаются, так что болвану Ваньке, который ее потеряет — мне то есть, — плохо придется. Но поскольку те, к кому стрела прилетит, золото по-хорошему отдавать не захотят даже царевичу, потребно будет на ихней дочке жениться. Только помните, что казна у нас пустая, кроме мышиных гнезд ничего ценного. Так что лучше думайте, куда целить. Если выгодно не женитесь, придется, как казначей советует, болотом нашим славным пожертвовать. За золото ихнее. Так что вы не просто так, вы ради страны страдаете, природные ресурсы наши от лап загребущих убереечь пытаетесь.

— А если дочки нет? — Васька, он умный, он сразу суть схватывает. Вот и сейчас не сплеховал. Батя корону снял, макушку почесал.

— Нет, — говорит, — в ближайших дворах точно есть. Проверяли. А дальше вам стрелу не послать, потому что хлипкие вы больно. Нетренированные.

Ну ладно, царское слово — закон. Вышли мы во двор, и вперед на подвиги. Васька по старшинству первым стрелял. У него, ясное дело, все, как положено, верный прицел и точный расчет. Пускай страшненькая, зато батя — казначей наш. Теперь в бюджете экономия государственных средств наметится, потому что красть он для себя, то бишь для нас, станет. Для родного царства то есть. Не, Васька не дурак. И ухоронку правильно выгреб — розу ветров заранее разузнал и координаты цели определил. Ну а я...

Я — как обычно. Куда стрела делась, никому не ведомо. Двор облазили, по соседям пошарили, по всем кустам прошлись, все ветки обтрясли, траву только что не выдрали, перевернуть пытаючись. Ничего. Совершенно. Словно сгинула.

Ну, батя тут и давай ругаться, что, мол, перед соседями-то какой позор, что ты, мол, хуже казначея, одни расходы от тебя и никаких доходов, поэтому иди-ка ты, добрый молодец, к Бабе-Яге. Если ничего дельно не посоветует, так, может, хоть съест тебя. Вон ведь какой откормленный.

Митрофан, кот в поиске предназначения

Царевич сразу с порогу быка за рога схватил:

— Помоги, Яга, стрелку золоченую найти. Пропала без вести.

А я на крыльце сажу, отдышаться пытаюсь. Ну и слушаю заодно. Не нарочно, конечно, оно само получилось.

— Так кто ж на крыльце дела-то обсуждает, — всплеснула руками Яга. — Заходи, добрый молодец. Залетай, ясный сокол. Сперва угощения отведай, а там и разговоры разговаривать примемся.

Царевич, ясное дело, в дом со всех ног. Раз уж угощают. Я уж было за ним примерился, а Яга злопамятная прямо у меня перед носом дверь и захлопнула. Только мусор с крыши посыпался. Всякий мусор. Перышки там, скорлупа от вороньих яиц. Ну и стрелка царская, золоченая, одна штука.

Ладно, думаю. Сейчас мы тебе покажем, кто здесь главный. От кого польза, а от кого — лишь битые черепки. Пока тут сокола потчевают-спаивают, успею кой-куда скоренько прошвырнуться и обратно воротиться.

Иван Никодимыч, младший сын царя

— Здравствуй, царевич, здравствуй, сахарный.

Яга-то, плевать что пятьсот лет в обед да все зубы выпали, ужом так и вьется, глазки вовсю так и строит. Одно слово — ужас. Но выхода-то не предвидится. В тереме родитель в нервическом расположении духа поджидает. Пустым вернешься — совсем из дому выгонит. У царей с этим строго.

— Кваску испей холодненького, — старается хозяйка, гостя приветствует. — На жабках настоящего. Свеженького. Вчера только квакали.

— Тьфу! — От неожиданности я даже сплюнул, но потом рукавом утерся и про уроки дипломатии вспомнил. — Совсем с твоими угощениями про дело забыл.

Старая ведьма сразу напротив уселась, подбородок ладошкой подперла. Слушать приготовилась.

— Дык, Яга, — решительно отодвигая квас, объявил я, — дело у меня к тебе важное. Жениться вот собираюсь.

Ну, Яга тут от восторга совсем расцвела, сразу косу накладную, вокруг головы уложенную, теребить начала, смущение выказывая. Чуть напрочь ее, проклятую, не оторвала. Обрадовалась. Дура старая.

— Дык, вот, — продолжаю тем временем, придерживая злорадное «не на тебе», и на пирожки поглядываю. Вкусные пирожки. Румяные. Небось с мышатами. Или еще с чем-нибудь таким... питательным. — Стрела моя, значить, исчезла. Пропала без вести. То бишь окончательно. Так что, ежели не брешут и ты, бабка, на самом деле Яга, то найти поможи. Тогда будет тебе со свадьбы гостинчик. Пирожок вот, например. Да ты не думай, мы тут не корыстные антитресы блюдем, мы тут эту, как ее... Умное слово ведь. Помнится, храницуский посланник все повторять любил.... А! Экологию спасаем от еноземных вредителей.

Яга сперва расстроилась, аж позеленела от разочарования. Но кваску хлебнула и ничего вроде, оклемалась, сердешная. А уж когда ее яговскую гордость задела, так совсем в норму пришла. Ка-ак зубом цыкнет, ка-ак плечами передернет. Тарелочку с яблочком достала и бубнить себе под нос принялась. Я смотрел, смотрел, аж заснул от интересу...

Митрофан, кот в поиске предназначения

Сижу я за окном. Вид на место действия у меня роскошный, лучше не придумаешь. Что называется, царевич в профиль, одна штука. Как и думал, жениться хочет. Знал бы, сокол мой ясный, на ком тебе жениться выпало, сам бы выпал. В осадок. Так что судьбу свою счастливую благодари, кота разумного да метлу бабкину колючую, а то пришлось бы весь век куковать в лесу в избушке со старухой.

Сижу-радуюсь, усы потираю да песенку примурлыкиваю:

Ах вы стрелы, мои стрелы, стрелы царские мои.
Стрелы царские мои — матримуррриальные.

И на душе так светло и радостно, точно солнышко взошло.

А уж когда хозяйка за тарелочкой с антоновочкой побежала и колдовать принялась, чуть от смеху на землю не свалился. Тарелочка-то не простая, волшебная тарелочка. Кажет, что есть, если есть чего казать, конечно. Только яблочко вертеть успевай. Но не умеючи много ли навертишь? Особенно прошлогоднюю антоновку на свеженькую не поменяв? Вот оно и кажет события прошлого года. А ведь сей ответственный труд прежде мне доверяли, коту Митрофану то есть. И болтал я тарелочку туды-суды, чтобы яблочко по ней ходуном ходило. Да не стохастически, то есть абы как, а по кругу. Иначе помехи пойдут.

Вертит Яга тарелочку, старается, что-то среди цветочков нарисованных высматривает, аж сощурилась от усердия. А все без толку. Но отвечать-то что-то придется, иначе накроется

блюдечком вся ее профессиональная репутация.

— Вижу, сокол мой ясный, — замогильным голосом объявляет Яга. Царевич аж подпрыгнул спросонья. — Судьба твоя стрелу прибрала и до срока хранит...

«Мур, — смеюсь, — судьба хвостатая прибрала и уже кой-кому отдала. И не тебе, старая, ой не тебе».

— Чего? — спрашивает царский сынок и в затылке чешет.

— Ищи, — отрезает бабка, — и обрящешь.

— Где именно-то искать? — интересуется. За этим же пришел, не просто так.

— Дык, судьба подскажет, — хитро ухмыльнулась бабка. — А пока по окрестностям пошугай. Авось свезет.

— Может, — надеется царевич, — хоть дорогу покажешь?

— Как же, — упорствует хозяйка, — старая я, немощная. Не могу я, сокол мой ясный, с тобой полететь... — И в окно все смотрит. — Но вот кот мой, Митрофан, полная моя замена будет. — Тотчас Яга окно нараспашку, да меня за шкурку хватить и царевичу в руки пихает. — Бери кота, насовсем бери, не пожалеешь. И по хозяйству он хорош, и в делах — советчик первый. Держи-владей. А окромя кота дам я тебе еще скатерть-самобранку да лопату-самокопалку.

— Ладно скатерть, за скатерть спасибо. Только кота с лопатой зачем?

— Всяко в жизни бывает, соколик...

Митрофан, личный кот царевича

«Ах так! — думаю я. — Избавиться захотела, старая? Ну, держись! Счас узнаешь, какого сокровища по глупости лишилась».

— Мур, — заявляю, — царевич. Пошли со мной. Ведомо мне, где стрелу твою искать.

Сынок царский, конечно, насторожился сразу. Подвох чует.

— Неподалеку она, — мурлычу я, — тебе, так и быть, покажу. Что называется, по дружбе. Как новому хозяину.

Ладно. Взял он лопату, в скатерть завернул и засунул под мышку. А меня пожалел — на плечо посадил. Чтоб, значит, мне виднее было.

— Куда идти? — спрашивает. Вежливо так. Хороший царевич, воспитанный, хоть на вид дубина дубиной.

— Мур, — говорю, — царевич, стрела твоя в болото улетела да Царевне-лягушке на глаза попалась. Поэтому и стрелу вернем, и батюшки-царя наказ выполним. Только ты не мешкай, торопись. Ждет тебя твоя невеста, аж квакает от нетерпения.

Иван Никодимыч, младший сын царя

— Как это, — спрашиваю у кота, — квакает? — Затылок чешу. — Какие, — изумляюсь, — еще кваки? Мне нормальная невеста нужна, а не такая, что к соседям не вывезти. Не скажешь же им, мол, приготовьте для моей супруженицы два пуда живых комаров и лоханку тины. Засмеют ведь, инородцы.

— Ничего, — кот успокаивает, — она только на вид лягуха. Вот поцелуешь, сразу царевной станет. Да такой раскрасавицей, что ужас! Не бойся, царевич, у нас с ней все обговорено и согласовано.

Задумался я тут. Вроде бы и хорошо все, но чует сердце, нечисто дело. Ой, как нечисто.

А кот в ухо мурлычет, улещивает. Мол, всем хороша невеста, особенно тем, что теща к ней не прилагается.

Подумал я и решил: «А посмотрим! Там и поступим, по обстоятельствам».

— Ладно, — отвечаю, — показывай дорогу.

Митрофан, личный кот царевича

Пришли мы, значит, к болоту. А болото-то зеленое-зеленое, тиной поросшее-поросшее — аж страшно.

— Ну что, — говорит царевич, — сапоги ценные, сафьянные, аглицкой работы портить я не желаю. А потому, лопата, — копай сама отводной канал.

Ну, я, конечно, знаниями сынка царского и про каналы отводные, и про лотки, и про ГОСТ на системы водоотведения и канализации восхитился. Но все равно, даже умеючи — болото осушать-то лет двадцать придется как минимум. За это время любая невеста испортится. А уж лягуха — особенно.

— Молодец, — хвалю, — царевич. Ученый ты. Аж завидки берут. Но хочу по хорошему предупредить — лопата-то без тебя копать не будет.

— Дык как, — изумился Ванька, — она же самокопалка.

— Вот сам и копай. — Обиделся я и вдоль по бережочку гулять пошел. Травка зелененькая, кузнечики из-под лап в разные стороны прыгают... Лепота, одним словом. — Ну что, — поворачиваюсь, — лебедь белый, много ли накопал?

А царевич-то не дурак был, вместо черенка лопаты за скатерть уцепился. Мол, лопать время самое. Только не знал, бедняга, что скатерть самобранкой не просто так прозывается. А за привычку браниться матерно, когда ее разворачивают. Хотя ее-то даже понять можно и пожалеть — вот если бы мне на пузо все время чего горячего пристроить норовили, и я бы, хоть и из интеллигентной семьи происхожу, в выражениях не постеснялся.

В общем, скатерть истерит, царевич тоже, лягухи квакают, трясина булькает. Только я молчу. Да еще и лопата.

— Ладно, — говорю, — невесту хошь? Если хошь, тогда сапог не жалея — в грязюку полезай.

Ну, чего делать, полез он, болезный, царевну искать. Им, сынкам царским, ведь хуже, чем нам, котам, приходится. У них не Яга, которая по доброте душевной абы кому подарить может, у них папенька — царь. Этот — не отдаст первому встречному, сам повесит. Так что лучше уж в болоте потонуть. Или как повезет.

В общем, шагает себе Ванька по болоту, шагает. (Меня из уважения на шею себе посадил. Чтоб, значит, не намок светоч знаний.) Вполне ничего выходит. Приятственно. Сухо, пружинит слегка. Вдруг видим — сидит на кочке лягуха, представительная такая, благородного буро-зеленого окрасу, и во рту стрелу золотую держит.

— Ну, — заявляет ей царевич, — привет тебе, голубка ясная. Жениться я на тебе пришел. Прямо сразу, не снимая сапог. А потому харю умой, в смысле переоденься в что-нить кружевное, и стрелу отдай. Казенная же.

А зеленая стрелу из рта вынимает и в ответ речь держит:

— Ква, добрый молодец. Жениться — это я завсегда рада. А потому сначала кольцо обручальное гони, а опосля и стрелу получишь.

Ванька от неожиданности аж дар речи потерял. Ну, думаю, мне самое время вмешаться пришло. Подтолкнуть, значит, к правильному выбору. Мол, бери, советую, пока дают. А то с твоей рожей на тебя и лягушек не останется.

Иван Никодимыч, младший сын царя

Нашли мы эту царевну болотную. Смотрю ж я на нее, смотрю. Все кадки с тиной да ухмылочки послов мерещатся. Аж даже про сапоги пострадавшие думать забыл. И на душе так тоскливо-тоскливо. Страдаю, в общем. Только долго страдать мне не дали — кот на шее ка-ак давай ерзать: уверяет, что брать надо. Пока хоть такое есть.

— Ты, — говорю ему, — совсем сдурел? Какая ж это лягуха? Это ж жаба цельная, трехтворчатая. Ей же пруда под окнами отцовского терема не хватит. Не поместится.

Тут жаба, хитрюга этакая, голос подала:

— Поцелуй меня, царевич. Не пожалеешь. Будет тебе супруга по вкусу. Практически

дева. Только из болота сначала вынеси. А то ведь надорвешься потом, хилый мой.

Ну, вытащил я ее, где посуше. Вытер кое-как рукавом. Посмотрел на нее. И справа посмотрел, и слева. Так тошно же. Вне зависимости от вида.

— Не, — плачусь коту, — не могу я *это* целовать. Я с детства гадов всяких боялся аж до дрожи. Помню, начнет меня матушка устрицами заморскими потчевать, а я из под стола и не вылажу, пока их без меня не сожрут...

Митрофан, личный кот царевича

По плану самое время царевну целовать, а Ванька-то никак. Травма, говорит, психологическая. В детстве полученная. Поэтому с лягухами не целуется. Даже с закрытыми глазами.

Думал я, думал, аж устал весь. А тут еще и сынок царский влез, что пусть сначала стрелу отдаст, а там и целовать будем.

— Ладно, — сжалилась невеста, — держи свою стрелу. У меня еще есть.

— Как есть? — удивился царевич.

— А вот так. — Лягуха стрелу на берег шлеп, а сама в воду прыг. И через некоторое время выгребает с палкой странной во рту. — На, — жениху объявляет, — эта лучше. Старинная. К тому же тяжеленная — не чета твоей, сразу ясно, что золотая.

Царевич сначала не поверил. Я, признаться, тоже, но потеряли мы ее платочком и убедились: не соврала зеленая, и вправду золотая.

— Нравится? — лягуха интересуется. Причем кокетливо так интересуется.

— Угу, — кивнул Ванька. — Это же ж сколько лет она там пролежала...

— А раз нравится — замуж бери. Еще принесу, — соблазняет зеленая. — У меня там всего много. Даже настоящий железный конь из Немецчины заваялся. Если не сгнил, конечно, за давностью лет. Но стрел золотых больше: видать, много кто из твоих предков никак с луком совладать не мог. Только выйдет тебе условие одно: чтобы болото мое родное в неприкосновенности сохранить, чтобы было куда честной лягухе сбегать поплакаться на жисть.

Царевич подумал-подумал, посмотрел на стрелу, на невесту, снова на стрелу... И наконец решился.

— Ладно, — говорит, — для страны ничего не жалко. Поцелую, раз надо. Только через платок. Тогда и мне противно не будет, и заклятие снимется.

Развернул царевич платок кружевной, которым только что стрелу вытирали. Изящный, насыщенно-коричневой окраски. Но тут уже некстати лягуха завопила, что, мол, через подобный платок целоваться — только заразу цеплять. Этот платок кипятить-гладить надо, а то и вовсе сжечь. Во избежание.

— Так и быть, — сжалился я, — целуйтесь через мой хвост. Хвост чистый. Сегодня с утра два раза вылизанный. Практически продезинфицированный.

Иван Никодимыч, младший сын царя

Ну, поцеловал я жабу через кошачий хвост. Странные ощущения, надо сказать. Неописуемые. А жаба-то не врала, видать, действительно царевной была — в холопьем-то звании вряд ли подобные габариты нажрать удастся, — в девицу обратилась. В примерную такую девицу. То есть примерного зеленого оттенка.

Ведь знал же, что где-то в этом деле подвох кроется.

Митрофан, кот с государственным будущим

Все-таки недаром цари Ваньками только младших сыновей называют. Дурак же ведь дураком. Счастья своего не понимает.

— Ты лучше гляди, — советую, — невеста-то твоя телом обильна, поступью величава. Если умыть да приодеть — самое то выйдет. Что лицо зеленое — не беда, с лица воду не пить. Замажем-защиплюем. А если не получится, скажем, что импортная царевна. Экзотическая. Да и вообще кто бы тут про красоту говорил...

Морщится царевич, словно зуб у него прихватило, сомневается.

— Смотри, — убеждаю, — она же еще и готовить умеет. Настойки лечебные из трав варит. На самогоне... Да и стрелы золотые на дороге не валяются, — а в болоте, видите ли, валяются. — И патриотка она, и убеждений явно зеленых. В смысле за природу, а не то, что ты подумал. И вообще, государственныйца.

То ли настойки, то ли настрой Ваньку успокоили, у него даже интерес проснулся.

— Ладно, — рукой махнул, — авось сойдет. В смысле на солнце подзагорит.

У них, у царевичей, «авось» — наилюбимейшее словцо.

Только я обрадовался, да, видать, преждевременно. Тут уже Олеська не выдержала. Руки в боки уперла да как объявит, что за олуха этого неумытого-конопатого теперь точно замуж не пойдет. Поэтому некоторые могут забирать свою стрелу и отправляться на все оставшиеся стороны, а в ее болото больше ни ногой.

Сынок царский аж опешил от неожиданности. А Олеська-то, разошлась когда, похорошела даже. Смотрел я, смотрел, да и понял, почему ихнему бабскому племени так скандалить-то нравится — у них цвет лица появляется и характер демонстрируется.

— Ух! — восхитился вдруг царевич, на Олеську глядячи. Да так искренно, что и болотницу проняло. А тут еще я под рукой кручусь, приговариваю.

— Мур, — подмурлыкиваю. — Гляди какая. Зелен... тьфу! Зельною красотой лепа,

червлена губами, телом изобильна. А ты еще нос воротил. Чистая царица. Олесия. Нет, Елесавета, как по батюшке-то? Водяновна? Некрасиво. Митрофановной станешь, в честь меня.

Олеська смутилась, покраснелась еще больше. И тихонько отвечает, что так и быть, теперича и она согласная.

— Все, — засобирался я. — Идем лучше Ягу обрадуем.

Ну, дошли, ну, обрадовали. В смысле, лопату и скатерть вернули. Я перед ней хвостом туда-сюда верть-верть, шерсть распушил — горжусь. Леську ведь ее не просто так замуж пристроил, а в царевны. И без всякого колдовства. Самое трудное было эту дуришу убедить в лягуху оборотиться. В ущерб обеденному времени. Ничего, уговорил, про экологическую обстановку в водных объектах напомнил, и она как миленькая полдня в тине сидела. То ли за болото свое радела, то ли очень замуж хотела. Вот и вышла. И вроде неплохо так вышла.

— Что ж, — царевич говорит, — хороший ты кот, умный. Политически подкованный. Пойдешь ко мне в терем жить? Жену вон нашел обстоятельную, казну разыскал, лягух спас, еноземцам нос утер. Может, еще чего для государства полезного сделаешь?

Покосился я на Ягу — та, конечно, пригорюнилась. Но молчит — лицо держит. Не хочет первой переговоры начинать. Мне ее даже жалко стало. Может, вернуться? Или нет? Сама ведь подарила, а слово, оно, как известно, не воробей. В смысле невкусное оно...

— А чего бы не пойти? — мурлычу я, к царевичу ластясь. — Пойду. — Рано мне еще домой возвращаться. Дел-то сколько. Особенно теперь, когда я на государственный уровень вышел, самое время развернуться и показать, что в царском тереме кот хозяин, а не казначей и не иноземные посланники...

Ведь кот — в государстве в первую очередь необходим. Для порядку.

Да, кстати, как там у вас в тереме с кошками?

Татьяна Юрьевская **СТАРАЯ СКАЗКА**

*Крысы помнят, о мастер Гофман,
Как все было на самом деле.*

Канцлер Ги (Майя Котовская)

Говорите, обманщик — мастер?
Что он ловко спрямил кривую:
Справедливость в делах и в массе
Только изредка торжествует.
Прокрадется чумная челядь
Из чулана, где прячут щетки.
Крысам мало чужих мучений,
Крысы мстительно сводят счета.

Одинокий луч от небесной лампы,
Как ударом сабли, разрубит шторы.
Слышишь шорох шустрых крысиных лапок —
Это тихий шелест страниц историй.
Некому жалеть о твоей утрате,
Что поделаться, с жалостью ты не дружен.
Первая фаланга крысиной рати
Наступает слаженным полукружьем.

Бьют часы на каминной полке —

Это времени злая поступь.
Я спасенья не жду с тех пор, как
Жизнь разбита на «до» и «после».
Что имел я, легко разрушил
Рок посредством хвостатых пассий...

...Сабля только на вид игрушка,
С обреченным играть опасно.

Страшно умирать вдалеке от дома,
Убежать бы мог, но ведь честь — колодки.
Пусть в руке эфес — лезвия обломок
Намертво застрянет в крысиной глотке.
На стене вычерчивая арабески,
Лунный луч поспешно скользнет чуть ниже.
Крысы ждут, и в глаз их голодном блеске
Вижу приговор: мне уже не выжить...

Станут серой золою щепки,
Крысу прочь, в выгребную яму.
Держит прошлое слишком цепко,
Хватка пальцев его упряма.
Тот, кто выжил, решит на деле
Положенье свое упрочить...

...Только мастер очки наденет,
И бумагу разметят строчки...

И перо запляшет по белой глади,
И со словом слово сплетутся в песню,
И герои жизнь обретут в балладе
О борьбе и долге, вражде и спеси.
И читатель книгу потом откроет,
В ней любовь не видит чужих увечий.
Книгу, где нельзя умирать героям,
Потому что в сказках герои вечны...

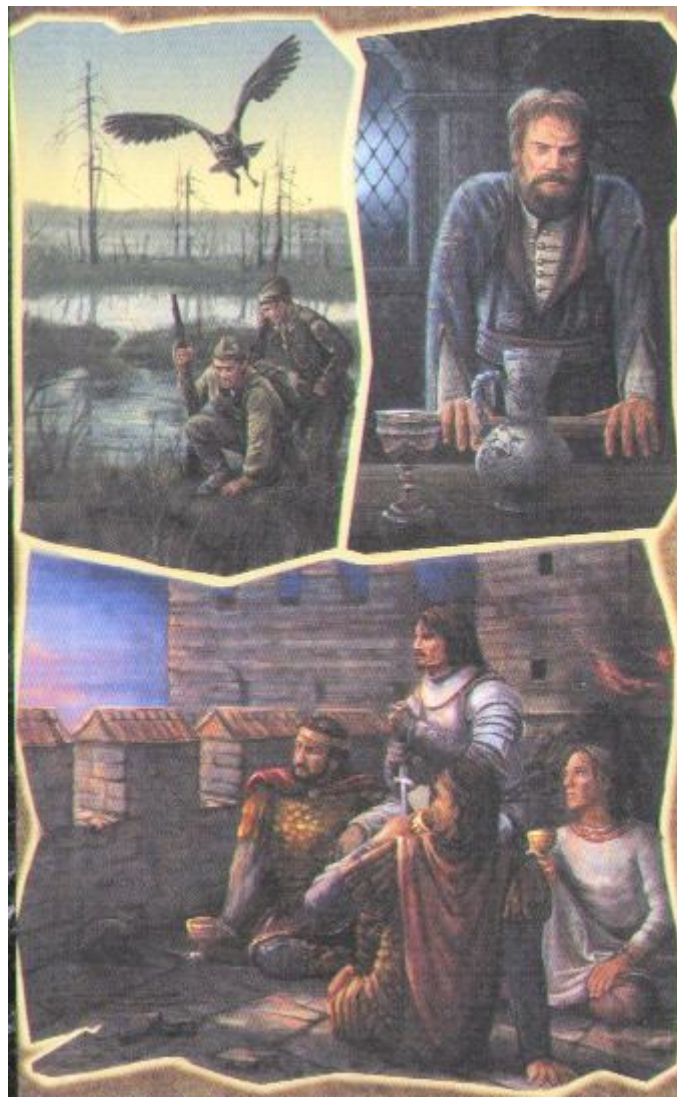
Говорите, что врет рассказчик,
Проще на пол хрусталь идиллий?
Только в спорах подобных чаще
Правда где-то посередине.
Оглянуться, остановиться.
Ложь солгавшего похоронит...

...Закатались под половицы
Позолоченные короны.

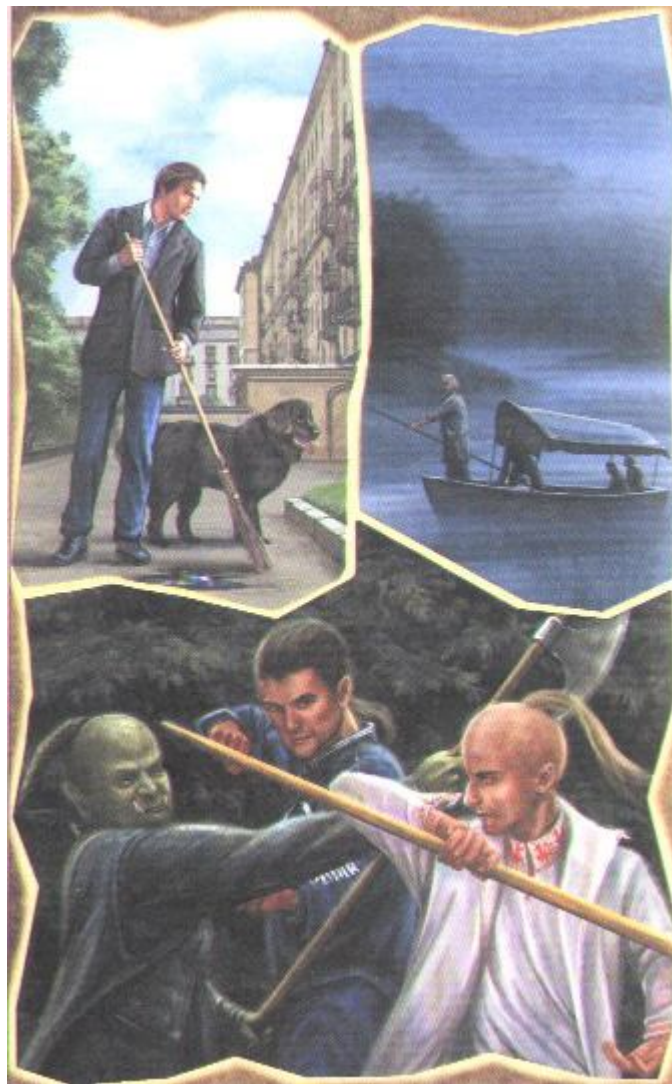
СОДЕРЖАНИЕ

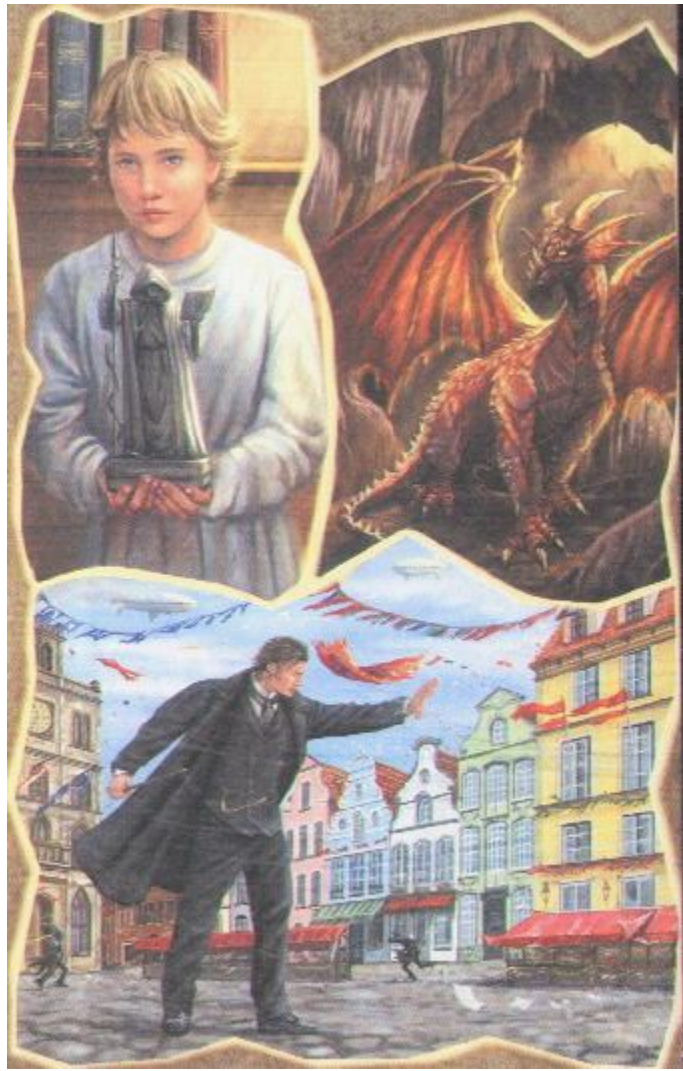
- Еще раз об атлантах

- АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ
- Татьяна Юрьевская — Сорок вторая
- Юлиана Лебединская — Дворник на радуге
- Эльберд Гаглоев — Ангел-хранитель
- Александр Путятин — Песец для котенка
- Глеб Паршин — Заступник
- СОСНЫ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ
- Ольга Власова — Твое Эльдорадо
- Алена Дашук — Голуби Теслы
- Алекс Neugomantix Козловцев — Сосны на морском берегу
- Дмитрий Дзыговбродский — Я, русский
- ВСЯКОЙ ТВАРИ ЗЕМНОЙ
- Элеонора Раткевич — Здравствуйте, я ваша теща
- Сергей Раткевич — Хранитель рукописей
- Валерия Малахова — Сорок оттенков черного
- Антон Тудаков — Народ шестерни
- Юлия Игнатовская — Не буди
- Мария Широкова — Всякой твари земной
- И ВНОВЬ НА ВЕСНУ НАДЕЮСЬ
- Анастасия Панина — Осенние яблоки
- Евгений Белов — Паромщик
- Вера Камша — Стурнийские мозаики: Боги смотрят. Имя им — легион. Рыжий вечер. И вновь на весну надеюсь
- Ирина Барковская — Всех поименно
- СОКРОВИЩА НА ВСЕ ВРЕМЕНА
- Вук Задунайский — Сказание о сестре Софии и падении Константинополя
- Ник Перумов, Вера Камша — Воевода и Ночь
- Алесь Куламеса — Под белыми крылами: Крест. Огненный змей. Сокровища на все времена
- Татьяна Апраксина, А.Н. Оуэн — Самолет для особых поручений
- Константин Сыромятников — Двум смертям не бывать
- СТАРАЯ СКАЗКА
- Надя Яр — Drachenland
- Маргарита Кизвич — Сказка о коте Митрофане и жизненных трудностях
- Татьяна Юрьевская — Старая сказка

ГЕРОИ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

15024 925-5-023-4-7199-5

9 785699 417995 >